

Н. А. Базили
Н. КАРЪЕВЪ.

Кареев; Н.

ВВЕДЕНИЕ

ВЪ ИЗУЧЕНИЕ СОЦІОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

—
1897

2698

Н. М. К. 1
К. 1

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	IX
Глава I. Происхожденіе соціологіи	1
Предметъ соціологіи (1).—Задача соціологіи (3).—Методъ соціологіи (4).—Философія исторіи и соціологія (6).—Ближайшія условія возникновенія соціологіи (8).—Реакція противъ политической метафизики XVIII вѣка (9).	
Глава II. Соціологія Огюста Конта	11
Законъ трехъ фазисовъ (11).—Иерархія положительныхъ знаній (13).—Раздѣленіе соціологіи на статику и динамику (16).—Главное содержаніе соціальной статистики Конта (19).—Главное содержаніе соціальной динамики Конта (20).—Односторонность соціологической теоріи Конта (23).—Раздѣленіе общественной власти на духовную и свѣтскую (24).—Отношеніе Конта въ другимъ общественнымъ наукамъ (25).—Раздѣленіе среди послѣдователей Конта (28).	
Глава III. Основныя соціологическія направленія	29
Разныя направленія въ пониманіи природы общества (29).—Гипотетичность всѣхъ указанныхъ направленій (31).—Органическая теорія (31).—Дарвинистическая соціологія (32).—Общія черты органическаго и дарвинистическаго направленій (33).—Общія черты экономическаго и психологическаго направленій (34).—Объясненіе общественныхъ явленій психическими факторами (35).—Экономическое объясненіе общества (35).—Объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи (36).—Различное пониманіе практическаго значенія соціологіи (38).—Взглядъ Конта на методъ соціологіи (40).—Методологическая литература общественныхъ наукъ (41).—Значеніе дедуктивнаго метода въ соціологіи (41).—Индуктивное изученіе общественныхъ явленій (42).—Соціологическое значеніе исторіи (43).—Внесеніе историческаго метода въ другія общественныя науки (44).—Важность этнографическаго матеріала для соціологіи	

1*

(45).—Сравнительное изучение общественных явлений (45).—Применение эволюционной точки зрения къ изучению общественных явлений (46).—Общій выводъ о разныхъ направленіяхъ социологія (47).

Глава IV. Органическое направление въ социологіи 48

Происхождение аналогій между обществомъ и организмомъ (48).—Представители органическаго направленія въ социологіи (50).—Социологическіе труды Спенсера и его отношеніе къ Конту (51).—Эволюционизмъ Спенсера (53).—Аналогія между обществомъ и организмомъ у Спенсера (55).—Дѣйствительное содержаніе социологіи Спенсера (57).—Идея саморазвитія общества у Спенсера (58).—Ученіе Спенсера объ интеграціи и дифференціаціи (60).—Отклоненіе самого Спенсера отъ принятой имъ формулы (62).—Критика органической школы Михайловскимъ (63).—Критика идеи общественнаго „саморазвитія“ у Лестера Уорда (64).—Ученіе Фуллье о договорномъ организмѣ (66).—Совпаденіе критическихъ замѣчаній съ мыслями самого Спенсера (68).—Новѣйшіе представители органическаго воззрѣнія въ социологіи (69).

Глава V. Внесеніе принциповъ дарвинизма въ социологію 70

Дарвинизмъ и социологія (70).—Биологическіе законы въ социальной жизни (71).—Общественная солидарность и животная борьба за существованіе (72).—Борьба за существованіе и альтруизмъ (74).—Разные виды борьбы за существованіе и коренныя ошибки старыхъ попытокъ основать социологію на принципахъ дарвинизма (75).—Позитивные социологи въ роли критиковъ ненаучныхъ примѣненій дарвинизма (77).—Социологическое значеніе изученія животныхъ общежитій (78).—Социологическая теорія Гумпловича (80).

Глава VI. Экономическій матеріализмъ, или социологическая теорія. 82

Происхождение экономическаго матеріализма (82).—Отношеніе экономическаго матеріализма къ социологіи (83).—Отношеніе экономическаго матеріализма къ матеріализму философскому (84).—Догматическій характеръ экономическаго матеріализма (85).—Недостатки экономическаго матеріализма съ социологической точки зрѣнія (85).—Теоретическая неразработанность экономическаго матеріализма (87).—Невѣрная оцѣнка экономическаго матеріализма его сторонниками (88).—Положительное значеніе экономическаго матеріализма (90).—Взглядъ Лакомба на значеніе экономическаго фактора (92).—Взглядъ Грсефа на значеніе экономическаго фактора (94).—Сравненіе взглядовъ Лакомба и Грсефа (96).—

Глава VII. Психологическое объясненіе общественныхъ явленій. 98

Важность психологіи для социологіи (98).—Какая психологія важна для социологіи? (98).—Общее понятіе о коллективной психологіи (100).—Психологическое изслѣдованіе природы человѣка

(102).—Принцип личности (103).—Психическое взаимодействие въ обществѣ (104).—Общій взглядъ на разработку вопросовъ коллективной психологiи (105).—Теорiя Михайловскаго (106).—Теорiя Тарда (107).—Общій взглядъ на теорiи Михайловскаго и Тарда (108).—Теорiя Гиддинса (109).—Явленiя духовной культуры и социальной организацiи (110).—Теоретическое изученiе духовной культуры (112).—Психическая основа социальной организацiи (113).—Отношенiе экономическихъ материалистовъ къ психологическому объясненiю (116).

Глава VIII. Гипотетическое и фактическое въ социологiи 117

Необходимость синтеза отдѣльныхъ теорiй (117).—Общее значенiе социологическихъ гипотезъ (119).—Научная разработка фактическаго материала социологiи (120).—Вопросъ о происхожденiи общества (121).—Научное изученiе явленiй духовной культуры (124).—Односторонность сведенiя всей социологiи къ сравнительному изученiю (125).—Общій взглядъ на сравнительно-историческую литературу (126).—Взглядъ Летурно на социологiю (128).—Различiе между каузальными и эволюционными законами социологiи (130).—Общій выводъ (131).

Глава IX. Влiяние социологiи на другiя общественныя науки 132

Историческая теорiя Бокля (132).—Необходимость строго отличать социологiю отъ исторiи (134).—Взглядъ Бурдо на задачу исторiи (135).—Взглядъ Лакомба на задачу исторiи (136).—Взглядъ Шопенгауэра на исторiю (138).—Общее влiяние социологiи на историческую науку (138).—Различное пониманiе сущности историческаго процесса въ социологической литературѣ (141).—Социологiя и другiя теоретическiя общественныя науки (142).—Влiяние социологiи на государствовѣдѣнiе (143).—Отношенiе къ социологiи нѣкоторыхъ представителей государствовѣдѣнiя въ Россiи (145).—Другiе примѣры влiянiя социологiи на политическiя науки (147).—Влiяние социологiи на юриспруденцiю (148).—Новыя научныя теченiя въ юриспруденцiи (149).—Юридическая теорiя Муромцева (150).—Общая теорiя права Коркунова (152).—Позитивная криминологика (153).—Влiяние социологiи на политическую экономiю (154).—Влiяние Ковта на Милля, Книса и Шеффле (155).—Социологiя и статистика (157).—Взаимное сближенiе общественныхъ наукъ на социологической почвѣ (157).—Мнѣнiе Вундта о мѣстѣ социологiи среди другихъ наукъ (159).—Гумпловичъ объ отношенiи социологiи къ другимъ общественнымъ наукамъ (161).—Взглядъ Гиддинса на отношенiе социологiи къ другимъ общественнымъ наукамъ (161).

Глава X. Социологическая методологiя 163

Необходимость методологiи отдѣльныхъ наукъ (163).—Разный смыслъ, придаваемый слову „методъ“ (165).—Пользованiе дедукцiей и индукцiей въ социологiи (166).—Методологическiе взгляды

Конта (168).—Открытие законовъ социологін (173).—Взглядъ Милля на индукцію въ общественныхъ наукахъ (174).—Недостатки теоріи Милля (176).—Ученіе Милля о дедукціи въ общественныхъ наукахъ (178).—Дедуктивный методъ въ политической экономіи (179).—Разсмотрѣніе гипотетическаго метода съ социологической точки зрѣнія (181).—Частные примѣры злоупотребленія изолирующей дедукціей (183).—Аналогическій методъ въ социологін (186).—Диалектическій методъ экономическихъ матеріалистовъ (188).—Взглядъ Милля на методъ социологін (190).—Слабыя стороны взгляда Милля на социологическій методъ (192).—Логика общественныхъ наукъ Бэна (193).—Взглядъ Вундта на методы общественныхъ наукъ (194).—Методы социологін по Вундту (197).—Необходимость спеціальной разработки социологической методологін (200).—„Изученіе социологін“ Спенсера (201).—Вопросъ о методахъ социологін въ новѣйшей литературѣ (203).—Методологические взгляды Гиддинса (204).—Вопросы социологической методологін въ русской литературѣ (207).

Глава XI. Предвидѣніе и воздѣйствіе въ общественной жизни 209

Двойное значеніе знанія социологическихъ законовъ (209).—Разные виды общественныхъ предсказаній (209).—Методологическая сторона предсказаній въ области социальныхъ явленій (212).—Контъ о предвидѣніи и воздѣйствіи въ области общественныхъ явленій (213).—Утопизмъ прежнихъ построеній будущаго общества (215).—Критика утопизма у Энгельса (217).—Научное отношеніе къ будущему (219).—Вопросъ о воздѣйствіи чловѣка на среду (222).—Общій взглядъ на исторію вопроса о роли личности (225).—Взглядъ экономическихъ матеріалистовъ на взаимныя отношенія личности и среды (227).—Идеи и поведеніе Маркса (228).—„Роль личности“ передъ судомъ Струве (229).—„Роль личности“ передъ судомъ Бельтова (232).—Взглядъ Булгакова на тотъ же предметъ (233).—Общая причина непоследовательности экономическихъ матеріалистовъ (234).—Русскіе социологи о роли личности въ исторіи (235).—Гиддинсъ о волевомъ характерѣ социального процесса (236).—Частная инициатива и государственное вмѣшательство (237).—Переходъ къ слѣдующимъ главамъ (238).

Глава XII. До-социологическая постановка вопроса о личности и обществѣ 239

Общій взглядъ на вопросъ (239).—Постановка вопроса въ разныхъ общественныхъ наукахъ (242).—Постановка вопроса въ политической литературѣ (244).—Постановка вопроса въ экономической литературѣ (247).—Общія замѣчанія о постановкѣ вопроса въ политической и экономической литературѣ (250).—Тотъ же вопросъ съ юридической точки зрѣнія (253).—Постановка вопроса въ психологін и исторіологін (256).—Реакція противъ индивидуализма въ общественныхъ теоріяхъ начала XIX вѣка (257).

Глава XIII. Личность и общество въ социологической литературѣ 259

Реакція противъ индивидуализма у Конта (259).—Социологическая постановка вопроса (260).—Сложность социологическаго

вопроса (263).—Односторонніа соціологическіа рѣшенія вопроса (265).—Необходимость правильного пониманія личности (267).—Рѣшеніе вопроса въ органической теоріи (269).—Вопросъ объ общественномъ раздѣленіи труда и личномъ развитіи (270).—Теорія Дюркгейма о значеніи раздѣленія общественнаго труда для личнаго развитія (271).—Біо-соціологическая теорія Изуле (275).—Постановка вопроса о личности и обществахъ у Вормса (275).—Общая психологическая идея въ теоріяхъ Дюркгейма, Изуле и Вормса (278).—Личность и общество съ точки зрѣнія дарвинизма (279).—Теорія Миртова о положеніи особи въ общественной жизни животныхъ (281).—Антагонизмъ между личностью и обществомъ по теоріи Кидда (282).—Постановка вопроса въ теоріи экономического матеріализма (285).—Личность и общественные классы (287).—Индивидуальная свобода и социальная необходимость (288).—Вопросъ о личности и обществахъ въ научномъ социализмѣ (291).—Вопросъ о личности и обществахъ съ психологической точки зрѣнія (293).—Заключеніе (295).

Глава XIV. Объективизмъ и субъективизмъ въ социологіи 297

Обція предварительныя соображенія (297).—Сущность разногласія между объективизмомъ и субъективизмомъ (301).—Важное различіе между естествознаніемъ и гуманитарными науками (304).—Совпаденіе требованій научнаго объективизма и этического субъективизма (309).—Научная независимость социологіи отъ общественныхъ партій (311).—Социологія и главныя общественныя направленія XIX вѣка (314).—Социологія и этика (317).—Возникновеніе спора между субъективистами и объективистами (322).—Взглядъ Конта на отношеніе субъективнаго метода къ объективному (324).—Вопросъ о социологическомъ субъективизмѣ въ русской литературѣ (325).—Разборъ Южаковымъ вопроса о субъективномъ методѣ (326).—Нѣкоторыя проявленія субъективизма въ иностранной литературѣ (330).—Различеніе Гиддинсомъ объективной и субъективной сторонъ общественнаго процесса (333).—Отношеніе экономического матеріализма къ объективизму и субъективизму (335).—Замѣчанія проф. Милюкова о субъективной социологіи (338).

Глава XV. Соціологическая проблема прогресса 343

Связь этой проблемы съ вопросомъ о субъективизмѣ въ социологіи (343).—Общій взглядъ на исторію идеи прогресса (345).—Идея прогресса у Конта (348).—Замѣна идеи процесса идеей эволюціи въ послѣдующее время (350).—Научная сторона идеи прогресса (352).—Жизненное значеніе социологической идеи прогресса (357).—Различныя формулы прогресса (361).

Глава XVI. Взглядъ на современное состояніе социологіи

Общій взглядъ на социологическую литературу (364).—Необходимость систематическаго обзора социологической литературы

(366).—Соціологіческіе журналы (369).—Международный Соціологическій Институтъ (371).—Преподаваніе соціологіи въ университетахъ (374).—Мнѣніе Гиддинса о преподаваніи соціологіи (376).—Нѣсколько мыслей о томъ же предметѣ (378).—Соціологическая кафедра въ университетѣ (380).—Необходимость систематизаціи соціологіи (381).—Невыработанность соціологической терминологіи (385).—Заключеніе (387).

Библиографическій указатель 393

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этой книгѣ суждено выйти въ свѣтъ между двумя годовщинами, связанными съ именемъ основателя соціологіи. 7 (19 по новому стилю) января 1898 г. исполняется сто лѣтъ со дня рожденія Конта, 23 августа (5 сент. по н. с.) 1897 г. исполнилось сорокъ лѣтъ со дня его кончины. Эти сорокъ лѣтъ прошли не даромъ для основанной имъ науки. Въ годъ смерти Конта по соціологіи, кромѣ трехъ послѣднихъ томовъ „Курса положительной філософіи“, содержащихъ въ себѣ его соціологію, существовала только „Система логики“ Милля, въ коей, между прочимъ, давался опытъ методологіи новой науки, да „Соціальная статива“ Спенсера, самая ранняя изъ соціологическихъ работъ этого мыслителя. За эти сорокъ лѣтъ выросла обширная соціологическая литература на разныхъ языкахъ — на французскомъ (во Франціи и Бельгіи), англійскомъ (въ Англии и Америкѣ), нѣмецкомъ (въ Германіи, Австріи и Швейцаріи), итальянскомъ, русскомъ и т. д. Соціологическая точка зрѣнія успѣла оказать вліяніе на другія, болѣе старыя общественныя науки — на государствовѣдѣніе, на юриспруденцію, на политическую экономію, на исторію. Въ самое послѣднее время возникли спеціальныя соціологическіе журналы, и начали происходить международныя съѣзды соціологовъ. Дѣлались попытки и основанія особыхъ соціологическихъ обществъ. Наконецъ, соціологія стала даже входить въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Возрастающій интересъ къ соціологіи характеризуетъ не однихъ представителей

науки, литературы и преподаванія: онъ характеризуетъ и общественное настроеніе нашего времени. Можно даже сказать, что социологія, лишь кое-гдѣ только начинающая проникать въ университеты и вовсе еще не пользующаяся признаніемъ старыхъ академій, является одною изъ наиболѣе популярныхъ наукъ въ образованномъ обществѣ. Довазательство этому у насъ на глазахъ. Во-первыхъ, на русскомъ языкѣ мы имѣемъ массу переводовъ иностранныхъ социологическихъ сочиненій; число ихъ могло бы быть даже гораздо болѣе, если бы нѣкоторыя изъ нихъ не оставались непереуведенными по причинамъ совершенно внѣшняго свойства (вспомнимъ, напр., что у насъ нѣтъ перевода „Курса“ Конта, что „Динамическая социологія“ Уорда не могла появиться въ русскомъ переводѣ). Во-вторыхъ, многія важныя произведенія русской социологической литературы печатались (особенно это относится къ семидесятымъ годамъ) въ общихъ журналахъ, распространявшихся въ такъ называемой большой публикѣ, и, сколько извѣстно, находили въ ней многочисленныхъ читателей.

Правда, у социологіи есть не только сторонники, но и противники—и среди ученыхъ, и въ обществѣ. Еще не такъ давно, напр., берлинскій профессоръ Дильтей категорически заявлялъ въ своемъ „Введеніи въ гуманитарныя науки“, что социологія не можетъ считаться настоящею наукою, что ея задача неразрѣшима, что ея методъ ложенъ и т. п.¹⁾ Кто, однако, захотѣлъ бы познакомиться съ аргументами Дильтея, тотъ увидѣлъ бы только, что авторъ самъ очень мало вникъ въ сущность предмета, о коемъ судить. Еще меньшее знаніе дѣла обнаруживаютъ многіе противники социологіи, не имѣющіе болѣе спеціальнаго соприкосновенія съ философіей и общественными науками: зная о социологіи лишь по наслышкѣ, они нерѣдко основываютъ свое отрицательное отношеніе къ этой наукѣ не столько на теоретическихъ, сколько на практическихъ соображеніяхъ. Существуетъ же анекдотъ о томъ, что кто-то въ социальной динамикѣ (или въ динамической социологіи,—навѣрное не помню)

¹⁾ W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften Berlin. 1883. I, 108—140.

заподозрѣлъ нѣчто опасное—по связи съ социализмомъ и динамитомъ... Немудрено, что еще до сихъ поръ социологамъ приходится быть апологетами своей науки, приходится доказывать, что она имѣетъ право на существованіе ¹⁾).

Авторъ настоящей книги уже ранѣе принималъ участіе въ разработкѣ вопросовъ социологіи. До извѣстной степени въ своемъ „Введеніи въ изученіе социологіи“ онъ резюмируетъ, развиваетъ далѣе и систематизируетъ взгляды, которые высказалъ ранѣе въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, въ „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи“, въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ и въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей, перепечатанныхъ отчасти въ „Историко-философскихъ и социологическихъ этюдахъ“. Пришлось, конечно, внести въ книгу и немало новаго, тѣмъ болѣе, что за послѣдніе годы социологическая литература обогатилась множествомъ новыхъ книгъ и статей, коихъ нельзя не принимать въ расчетъ, говоря объ изученіи социологіи и о современномъ ея состояніи. Отмѣчая здѣсь прежнія свои работы, авторъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, указать читателю, незнакому съ этими работами, что въ нихъ онъ можетъ найти болѣе подробное обоснованіе или развитіе пѣкоторыхъ взглядовъ, изложенныхъ въ предлагаемой его вниманію книгѣ. Въ частности это относится, напр., къ вопросамъ объ экономическомъ матеріализмѣ и о роли личности въ исторіи, затронутымъ въ главахъ VI и XI настоящей книги, но болѣе подробно разсмотрѣннымъ въ двухъ особыхъ сочиненіяхъ, которыя названы выше.

Составляя этотъ новый трудъ, авторъ ставилъ своею цѣлью дать лицамъ, интересующимся социологіей, общее руководство, которое помогло бы имъ ориентироваться въ социологической литературѣ, познакомило бы ихъ съ важнѣйшими вопросами, въ ней поставленными, позволило бы имъ критически отнестись къ рѣшеніямъ, какія получали эти вопросы у разныхъ писателей. Социологія, какъ особый предметъ, у насъ нигдѣ не преподается. Авторъ

¹⁾ См., напр., предисловіе французскаго переводчика (Combes de Lestrade) къ „Principes de Sociologie par Fr. H. Giddins“. Paris. 1897.

сдѣлалъ, однако, попытку изложенія съ университетской кафедръ наиболѣе важныхъ соціологическихъ вопросовъ съ историко-критической точки зрѣнія. Эти вопросы, сильно занимающіе учащуюся молодежь, трактуются въ многочисленныхъ соціологическихъ книгахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, и университетская кафедра не можетъ ихъ чуждаться. На юридическомъ факультетѣ есть даже особый предметъ преподаванія, — такъ называемая энциклопедія права (съ исторіей философіи права), — который при современномъ состояніи общественныхъ наукъ не можетъ излагаться сколько-нибудь научно безъ соціологическаго элемента. Современное состояніе исторической науки тоже требуетъ со стороны занимающихся исторіей усвоенія соціологическихъ идей и теорій. Исходя изъ этого соображенія, авторъ съ осени 1891 г. ежегодно читаетъ небольшой (въ одну лекцію) курсъ „исторической энциклопедіи“, въ которомъ разсматриваетъ какой-либо изъ наиболѣе общихъ вопросовъ соціологической теоріи исторіи ¹⁾. Признавая за такими вопросами общеобразовательное значеніе, авторъ придавалъ имъ и соотвѣтственный характеръ. Сдѣланный имъ опытъ въ общемъ онъ не можетъ не признать удачнымъ, ибо при необязательности такого курса всегда находилъ слушателей изъ студентовъ разныхъ факультетовъ ²⁾. Настоящая книга можетъ до нѣкоторой степени считаться воспроизведеніемъ этихъ курсовъ исторической энциклопедіи, причемъ въ ея основу даже прямо положенъ общій планъ курса 1896—97 гг. Самая мысль объ этой книгѣ явилась у автора отчасти подъ влияніемъ часто высказывавшагося нѣкоторыми его слушателями желанія видѣть читанныя имъ лекціи въ печати. Но автора навело на мысль о составленіи „Введенія въ изученіе соціологій“ и другое обстоятельство.

За послѣднее время въ русскомъ обществѣ замѣтно усили-

¹⁾ Еще 1890 г. былъ прочитанъ курсъ, въ коемъ разсматривался вопросъ о роли личности въ исторіи: одновременно писалась и книга, посвященная этому вопросу. Другой разъ предметомъ значительной части курса былъ „экономическій матеріализмъ“, коему тоже посвященъ особая книга.

²⁾ Ср. нашу статью „Энциклопедія права и общее образованіе“ (Сборникъ правовѣдннхъ и общественныхъ знаній. т. I. М. 1893 г.).

лось стремленіе къ самообразованію. На встрѣчу этому симпатичному стремленію пошли какъ отдѣльные представители науки, такъ и особые кружки специалистовъ, поставившіе себѣ задачу выработать программы самообразовательнаго чтенія съ указа-ніями на пособія по отдѣльнымъ наукамъ или научнымъ во-просамъ. Авторъ принялъ участіе въ занятіяхъ одного такого кружка („Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, въ Петер-бургѣ), уже издавшаго свои „Программы чтенія для самообра-зованія“. Здѣсь ему поручено было составить двѣ программы по соціологін: одну, какъ часть болѣе общей, энциклопедической про-граммы, другую самостоятельную и съ характеромъ болѣе спе-ціальнымъ. Исполняя эту нелегкую задачу, онъ долженъ былъ, между прочимъ, указать на какой-либо трудъ, по которому чита-тель могъ бы познакомиться съ исторіей соціологін, съ ея предме-томъ, задачей и методомъ, съ главными вопросами, какіе въ ней въ настоящее время ставятся, и съ отвѣтами, какіе на нихъ даютъ существующія въ соціологической литературѣ направленія. Со-временное состояніе нашей науки именно таково, что безъ подобной книги изучать соціологию довольно трудно, а между тѣмъ подходящаго пособія въ литературѣ ни нашей, ни загра-ничной не оказывается. Вотъ почему авторъ и задумалъ по-полнить этотъ пробѣлъ, написавъ именно такое, какое ему ка-залось нужнымъ, введеніе въ изученіе соціологін. Читанные имъ за послѣдніе годы въ петербургскомъ университетѣ курсы облег-чили ему эту задачу: курсы эти также имѣли общеобразователь-ную задачу и должны были помогать слушателямъ ориентиро-ваться въ различныхъ теоріяхъ общественныхъ явленій и исто-рическаго процесса, существующихъ въ современной соціологи-ческой и историко-философской литературѣ. По времени эта ра-бота совпала съ пересмотромъ авторомъ его „Основныхъ вопро-совъ философіи исторіи“ для третьяго ихъ изданія, которое онъ также счелъ нужнымъ, сравнительно съ первыми двумя изданіями, болѣе приспособить къ потребностямъ большого круга читателей, стремящихся къ самообразованію. Понятное дѣло, что пересмотръ для новаго изданія книги, написанной около пятнадцати лѣтъ тому назадъ и появившейся во второмъ изданіи назадъ тому

десять лѣтъ, долженъ былъ привести автора къ пересмотру собственныхъ его взглядовъ: въ настоящей книгѣ онъ и занялся этимъ дѣломъ. Авторъ не можетъ не выразить удовольствія, что ему удастся издать свой новый соціологическій трудъ къ тому времени, когда двѣ упомянутыя въ началѣ предисловія годовщины заставляютъ образованный міръ вспомнить основателя соціологіи.

Въ намѣреніяхъ автора не было изложить собственную соціологическую теорію. Его задачей было дать историко-критическій очеркъ главнѣйшихъ направленій, существующихъ въ соціологической литературѣ, особенно тѣхъ направленій, которыя нашли представителей въ Россіи. Соціологія стала разрабатываться сравнительно недавно, причѣмъ въ этой разработкѣ приняли участіе весьма рано и русскіе писатели, — раньше, напр., чѣмъ американцы. Авторъ пристально слѣдилъ за движеніемъ русской соціологической мысли съ появленія самыхъ первыхъ соціологическихъ работъ въ нашей литературѣ. Подъ ихъ вліяніемъ складывались и его собственные соціологическіе взгляды. Особенно важными принципами русской соціологіи онъ считаетъ 1) признаніе ею психической основы общественныхъ явленій, 2) ея взглядъ на значеніе личности и 3) защиту ею такъ называемаго субъективнаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ. Пріятно отмѣтить, что эти же принципы начинаетъ провозглашать въ послѣдніе полтора десятка лѣтъ и американская соціологія. Съ точки зрѣнія этихъ принциповъ ведется въ настоящей книгѣ и критика разныхъ соціологическихъ направленій. Авторъ, однако, не скрываетъ, что и то общее направленіе соціологіи, которое онъ считаетъ наиболѣе научнымъ, весьма далеко еще отъ того, чтобы рассчитывать на полное торжество въ наукѣ. Онъ даже думаетъ, что и въ этомъ направленіи есть свои недостатки, что вообще каждое изъ существующихъ направленій заключаетъ въ себѣ долю истины, и что соціологія будущаго явится синтезомъ тѣхъ частныхъ истинъ, какія содержатся въ отдѣльныхъ направленіяхъ соціологіи. Но синтезъ этотъ можетъ произойти лишь на почвѣ наименѣе исключительнаго направле-

нія, а таковымъ слѣдуетъ признать то, которое отводитъ свое мѣсто и Конту, и Спенсеру, и Дарвину, и Марксу, не предполагая, что кто-либо изъ нихъ сказалъ всю истину, наоборотъ, исходя изъ того убѣжденія, что каждый изъ нихъ пролилъ свѣтъ (да и то не весь, какой можно пролить) лишь на одну сторону предмета. Далекій отъ всякаго догматизма, авторъ и придавъ своему труду критическій характеръ, не исключивъ изъ этой критики ни одного изъ существующихъ въ соціологической литературѣ направлений.

Въ его намѣренія не входило также представить полный обзоръ всей соціологической литературы. Подробнѣе онъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ трудахъ, особенно на основныхъ, какимъ прежде всего является, конечно, „Курсъ положительной философіи“ самого Конта, а также на самыхъ новыхъ произведеніяхъ соціологической литературы, характеризующихъ современное состояніе науки. Одни изъ соціологическихъ трактатовъ онъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть подробнѣе, относительно другихъ ограничился лишь одними указаніями на ихъ значеніе въ соціологической литературѣ. Такъ поступилъ онъ между прочимъ съ русскими работами, которыя, по его мнѣнію, должны быть прочитаны всѣми русскими читателями, интересующимися общественной наукой. О многихъ лишь упоминаемыхъ сочиненіяхъ авторъ притомъ подробно говорилъ раньше или въ другихъ своихъ книгахъ, или въ отдѣльныхъ статьяхъ, и потому здѣсь не хотѣлъ повторяться. Нѣкоторая краткость замѣчаній о разныхъ работахъ, написанныхъ въ духѣ экономическаго матеріализма, даже прямо объясняется тѣмъ, что они были предметомъ болѣе подробнаго разбора въ недавно изданныхъ авторомъ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“.

Заявляя свое сочувствіе къ такъ называемой субъективной школѣ соціологовъ, авторъ просилъ бы читателей, которые пожелали бы подробнѣе познакомиться съ основаніями, заставляющими его защищать соціологическій субъективизмъ, обратиться, кромѣ сочиненій, указываемыхъ выше, къ популярнымъ его

брошюрамъ „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“, „Мысли объ основахъ нравственности“ и „Мысли о сущности общественной дѣятельности“.

NB. Просимъ сдѣлать небольшое исправленіе на стр. 56, гдѣ между строками 16 и 17 снизу слѣдуетъ вставить нѣсколько словъ, по недосмотру пропущенныхъ при печатаніи, а именно: „Въ другомъ сознаніе разлито по всему агрегату“. Все это мѣсто должно читаться такъ: „Въ одномъ сознаніе сконцентрировано въ одной небольшой части агрегата. Въ другомъ сознаніе разлито по всему агрегату: всѣ его единицы“ и т. д.

ГЛАВА I.

Происхождение социологии.

Разсматривая возникновение социологии, какъ самостоятельной науки, мы должны имѣть въ виду, во-первыхъ, ея предметъ, во-вторыхъ, ея задачу, и въ-третьихъ, ея методъ.

Предметъ социологии. Обозрѣвая болѣе раннія попытки основанія общественной науки, родоначальникъ современной социологии Огюстъ Контъ прежде всего называетъ Аристотеля, „Политика“ котораго является у него, такъ сказать, первообразомъ всѣхъ послѣдующихъ сочиненій подобнаго рода. Не касаясь вопроса о томъ, какъ самъ Контъ относится къ Аристотелю, мы должны отмѣтить, что предметомъ науки, созданной великимъ греческимъ философомъ, было не общество, а государство, т.-е. общество, взятое, какъ государство, слѣдовательно, лишь въ одной изъ сторонъ своего бытія. Только гораздо позднѣе понятію государства стали противопоставлять понятіе общества, беря, однако, послѣднее въ болѣе узкомъ смыслѣ совокупности отдѣльныхъ лицъ, находящихся между собою въ юридическихъ или экономическихъ отношеніяхъ. Понятно, что явленія государственной жизни не исчерпываютъ всего содержанія общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова, и что поэтому политическая наука, созданная Аристотелемъ, не можетъ претендовать на значеніе общаго ученія объ обществѣ. Если отъ грековъ мы унаслѣдовали политику, какъ ученіе о государствѣ, то римляне завѣщали намъ юриспруденцію, какъ ученіе о правѣ. Юриспруденція, конечно, есть также общественная наука, но она не есть наука объ обществѣ, а только объ одномъ изъ явленій общественной жизни, называемомъ правомъ. Разумѣется, и этой наукѣ приходится имѣть дѣло съ обществомъ, но только съ обществомъ, взятымъ съ особой точки зрѣнія, именно какъ съ совокупностью частныхъ лицъ, находящихся между собою

въ особыхъ отношеніяхъ, называемыхъ правовыми. Возможна и еще одна точка зрѣнія на общество, которая даетъ начало новой общественной наукѣ. По тѣсной связи, существующей между всѣми общественными явленіями, не только политики и юристы должны были въ своихъ работахъ вторгаться въ области одни другихъ, но одинаково и политики, и юристы должны были касаться такихъ сторонъ общественной жизни, которыя, имѣя отношеніе и къ государству, и къ праву, составляютъ, однако, совершенно самостоятельную категорію общественныхъ явленій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду народное хозяйство. Особая наука о явленіяхъ этого рода возникла подъ названіемъ политической экономіи лишь въ XVIII вѣкѣ, и одинъ изъ ея основателей, Адамъ Смитъ, самимъ Контомъ зачисляется въ его предшественники въ дѣлѣ созданія социологіи. Не касаясь и здѣсь личнаго отношенія Конта къ родоначальнику современной политической экономіи, мы отмѣтимъ только то, что и эта наука разсматриваетъ общество опять-таки лишь въ одной сторонѣ его бытія, имѣя своимъ предметомъ исключительно такъ называемое народное хозяйство. Однимъ словомъ, науки политическія, юридическія и экономическія, т.-е. всѣ отрасли трехъ названныхъ направленій въ изученіи общества берутъ послѣднее съ извѣстныхъ, частныхъ точекъ зрѣнія, которыя между собою не совпадаютъ и даже въ своей совокупности не исчерпываютъ всего содержанія общественной жизни. Дѣло въ томъ, что, кромѣ государства, права и народнаго хозяйства, въ жизни общества мы наблюдаемъ еще явленія, которыя не могутъ быть подведены ни подъ одну изъ этихъ трехъ категорій. Это—явленія духовной культуры общества, языкъ, нравы и обычаи, религіозныя вѣрованія общества, его міросозерцаніе, его литература и искусство. Наше общее представленіе объ обществѣ было бы весьма одностороннимъ, если бы мы ограничивали себя при его разсмотрѣніи только тремя упомянутыми точками зрѣнія: даже соединеніе политическаго, юридическаго и экономическаго отношенія къ обществу не можетъ еще дать полнаго представленія о томъ, что такое общественная жизнь.

Мы уже упомянули, что изслѣдователи той или другой стороны общественнаго бытія нерѣдко вынуждались задѣвать сосѣднія области. Прежде нежели явилось представленіе о социологіи, какъ наукѣ, дѣлающей своимъ предметомъ общество во всѣхъ сторонахъ его бытія, существовали уже научные труды, въ которыхъ общественная жизнь получала весьма разностороннее освѣщеніе. Съ наибольшимъ правомъ здѣсь долженъ быть упомя-

нугъ прежде всего „Духъ законовъ“ Монтескье, о которомъ Контъ тоже говорить, какъ объ одномъ изъ своихъ предшественниковъ. Мы и здѣсь опять не касаемся личнаго отношенія основателя социологіи къ автору „Духа законовъ“, но не можемъ не признать, что, если кто-либо имѣетъ право на имя социолога, когда не было еще социологіи, то это право принадлежитъ, конечно, Монтескье. Однако, Монтескье скорѣе только предчувствуетъ будущую науку объ обществѣ, чѣмъ сознаетъ ея необходимость. Во всякомъ случаѣ, онъ не представляетъ себѣ еще, что надъ старыми общественными науками должна воздвигнуться новая наука, которая имѣла бы своимъ предметомъ не отдѣльныя стороны общественной жизни, а сама, такъ сказать, ея общія основы. Въ послѣднемъ смыслѣ возникновеніе социологіи находить аналогію въ появленіи другой подобной науки. Мы знаемъ именно, что жизнь на землѣ изучается особыми науками, которыя носятъ названіе зоологіи и ботаники, анатоміи и физиологіи, смотря по тому, занимаются ли онѣ царствомъ животныхъ или царствомъ растений, строеніемъ животныхъ и растительныхъ организмовъ или происходящими въ нихъ процессами, отправленіями ихъ органовъ. И въ области этихъ наукъ потребовалось точно также установить общее ученіе объ органической жизни, которое развилось въ цѣлую науку—биологію. На современную биологію мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на философію всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, изучающихъ отдѣльныя стороны органической жизни на землѣ: значеніе совершенно такой же обобщающей и объединяющей философіи принадлежитъ и социологіи.

Задача социологіи. При научномъ изслѣдованіи того или другого предмета мы можемъ ставить себѣ задачи двоякаго рода, смотря по тому, будетъ ли у насъ стоять на первомъ планѣ та или другая практическая цѣль или же будетъ нами руководить чисто теоретическій интересъ къ данному предмету. На этомъ основано раздѣленіе наукъ на прикладныя и чистыя, и нужно замѣтить, что на первыхъ порахъ каждая изъ существующихъ наукъ имѣла преимущественно прикладной, практической характеръ. Первоначально политическія науки должны были служить главнымъ образомъ руководствомъ для правителей и государственныхъ людей. О чисто практическомъ характерѣ изученія права въ ранніе его періоды и говорить нечего. Самое названіе политической экономіи, т.-е. государственнаго домостроительства указываетъ на то, что первоначальной цѣлью этой науки было вовсе не простое теоретическое изслѣдованіе народнаго хозяйства. Нельзя, однако, отрицать того,

что въ дѣлѣ возникновенія и развитія наукъ играла роль и чистая любознательность, отвлеченное, такъ сказать, желаніе знать и понимать окружающую насъ дѣйствительность, которое въ послѣдствіи должно было получить лишній стимулъ, когда было сознано, что чисто теоретическое изученіе независимо отъ непосредственнаго удовлетворенія нашего ума отражается полезнымъ образомъ и на практической нашей дѣятельности, поскольку практика всегда предполагаетъ извѣстную теорію, и безъ хорошей теоріи не можетъ быть хорошей практики. Въ областяхъ знанія, ранѣе другихъ достигшихъ извѣстной степени совершенства, уже давнымъ давно признали необходимость строгаго разграниченія между теоретическими вопросами и практическими задачами, между науками чистыми и прикладными, между науками въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова и соотвѣтствующими имъ искусствами. Въ области политическихъ, юридическихъ и экономическихъ знаній смѣшеніе того и другого, конечно, не могло способствовать правильной постановкѣ научно-теоретическихъ вопросовъ. Въ высшей степени важно, что, по мысли своего основателя, социологія должна была быть именно чистою наукою объ обществѣ. Контъ въ этомъ отношеніи хотѣлъ стать на исключительно теоретическую точку зрѣнія, признавъ, что приложеніемъ социологическихъ знаній къ практической жизни должна заниматься другая научная дисциплина, которую онъ называлъ политикой. Подобно тому какъ ранѣе уже создавались общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства, социологія должна была быть общей теоріей общества, т.-е. изслѣдованіемъ тѣхъ законовъ, коими управляются явленія общественной жизни.

Методъ социологін. Съ тѣхъ поръ, какъ въ человѣческомъ умѣ возникла потребность въ объясненіи окружающей насъ дѣйствительности, умъ человѣческій сталъ создавать разныя теоріи для объясненія совершающихся вокругъ насъ явленій. Во всѣхъ областяхъ знанія самыя раннія теоріи отличаются полнымъ отсутствіемъ научности. Первою причиною этого было то, что мысль человѣка искала объясненія занимавшихъ ее явленій за предѣлами міра, доступнаго опыту и наблюденію; второю же причиною—то, что мысль находила возможнымъ отвѣчать на поставленные себѣ вопросы, совсѣмъ не прибѣгая къ опыту и наблюденію, а также и не изслѣдуя тѣхъ данныхъ, которыя могли бы ей доставить опытъ и наблюденіе. Въ первомъ отношеніи предметомъ теоріи становились не сами явленія, а наши о нихъ представленія или общія о нихъ понятія, которыя при-

нимались совершенно ошибочно за какія-то сверхчувственные сущности, а во второмъ изученіе тѣхъ отношеній, въ какихъ могутъ находиться логически между собою эти понятія, и той связи, въ какой можно ихъ себѣ представить, заступало мѣсто изслѣдованія реальныхъ отношеній, существующихъ между дѣйствительными явленіями, и той связи, въ какой намъ ихъ представляеть дѣйствительность. Уже до „Политики“ Аристотеля существовала общая теорія государства его учителя—Платона. Но теорія Платона была метафизическая, такъ какъ по его философіи объясненія дѣйствительныхъ предметовъ нужно было исвать за предѣлами чувственного міра въ особомъ мірѣ Идей. Аристотель именно потому и можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ науки объ обществѣ, что строилъ свою теорію на основаніи систематическихъ наблюденій надъ государственною жизнью современныхъ ему народовъ. И Монтескье въ этомъ отношеніи стоялъ равнымъ образомъ на чисто научной почвѣ, тогда какъ его младшій современникъ, Руссо, создалъ совершенно раціоналистическую, идеологическую теорію государства (за что, замѣтимъ кстати, и получилъ у Конта нелестное названіе софиста). Изгнанныя изъ области естествознанія метафизика и идеологія продолжали еще весьма долго царить въ наукахъ гуманитарныхъ и соціальныхъ. Зарожденіе соціологіи стойтъ въ самой тѣсной связи съ мыслью о томъ, что общество должно быть изучаемо совершенно такъ же, какъ естественныя науки изучаютъ явленія природы. Именно естествознаніе ограничило себя однимъ міромъ явленій, не задаваясь разрѣшеніемъ вопроса о лежащей въ ихъ основѣ сверхчувственной сущности. Міръ же явленій оно изучаетъ путемъ опыта и наблюденія. До появленія мысли о необходимости создать общественную науку по типу наукъ естественныхъ, между обществовѣдѣніемъ и естествознаніемъ существовала непроходимая пропасть, и напримѣръ, научное понятіе закона, какъ выраженія постоянного отношенія между двумя явленіями, получало весьма странное примѣненіе въ общественныхъ наукахъ. Говорили, что и общественная жизнь управляется законами, но подъ законами разумѣли или требованія нравственного долга, или юридическія нормы, или какіе-либо другіе принципы такого же характера. Уже въ „Духѣ законовъ“ Монтескье можно обнаружить своего рода предчувствіе закономерности общественныхъ явленій, но едва Монтескье начинаетъ разсуждать о законахъ вообще, какъ мысль его путается. Мысль о закономерности общественныхъ явленій характеризуетъ и французскую школу экономистовъ

XVIII в., такъ называемыхъ фізіократовъ, но и они, признавая существованіе нѣкотораго „естественнаго порядка“, представляли его себѣ такимъ образомъ, какъ будто его законы постоянно нарушаются людьми, т.-е. у нихъ и мысли не было о непреложности естественныхъ законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Только въ началѣ XIX в. особенно въ зарождавшейся тогда научной лингвистикѣ и въ исторической школѣ права стало признаваться въ принципѣ, что развитіе языка и права, подобно развитію растительныхъ и животныхъ организмовъ, совершается съ извѣстною закономѣрностью. Крушеніе раціоналистическихъ теорій XVIII в. поставило тогда вопросъ о необходимости общей реформы въ ученіи объ обществѣ, и въ то время, какъ одни искали основъ для этого въ богословіи, возвращаясь къ средневѣковому міросозерцанію, другіе обратились за принципами этой реформы въ естественнымъ наукамъ. Однимъ изъ первыхъ, ставшихъ на эту точку зрѣнія, былъ Сенъ-Симонъ, самъ изучавшій естественныя науки, а въ числѣ приверженцевъ С.-Симона находился Огюсть Контъ, равнымъ образомъ воспитавшій свой умъ на изученіи положительныхъ наукъ. По мысли С.-Симона и Конта необходимо было создать положительную науку объ обществѣ, которую Контъ первоначально называлъ „соціальной физикой“, — названіе, характерно передающее основную мысль Конта. То же самое названіе „соціальной физики“ далъ своему труду „О развитіи человѣческихъ способностей“ и родоначальникъ новѣйшей статистики Кетле, математикъ, физикъ и астрономъ, примѣнившій свои математическія знанія къ изученію количественныхъ отношеній общества и открывшій въ нихъ существованіе закономѣрности. Такимъ образомъ, соціологія явилась результатомъ стремленія замѣнить въ изученіи общества прежній метафизическій методъ методомъ научнымъ, образцы котораго представляли собою болѣе развитыя отрасли естествознанія.

Философія исторіи и соціологія. Къ основанію соціологіи приводило не только развитіе общественныхъ наукъ, но и внесеніе въ исторію философскаго начала. Политика, юриспруденція и политическая экономія брали общество, какъ неизмѣнное бытіе, весьма мало пользуясь или совсѣмъ не пользуясь историческимъ изученіемъ государства, права и народнаго хозяйства: историческая школа права возникла лишь въ началѣ XIX в., историческое направленіе въ политической экономіи — лишь въ серединѣ столѣтія. Если сближеніе исторіи съ названными общественными науками произошло въ такое позднее

время, то еще въ XVIII в. исторія сблизилась съ философiей. Общее направленiе мысли того времени заставляло и передовыхъ историковъ задаваться вопросомъ о законахъ въ примѣненiи къ исторической жизни человѣчества. Идея о томъ, что политическiя перемѣны происходятъ въ извѣстномъ порядкѣ, не была, впрочемъ, совсѣмъ новою, — въ древности ее высказывалъ Полибiй, въ новое время Боденъ, — но впервые представленiе о нѣкоторой идеальной исторiи, лежащей якобы въ основѣ всякой дѣйствительной исторiи, было высказано въ „Новой наукѣ“ итальянскаго мыслителя Вико въ началѣ XVIII в. Особенно же важно было стремленiе нѣсколькихъ писателей второй половины столѣтiя уловить закономерность въ общемъ ходѣ исторiи, который началъ тогда разсматриваться, какъ постепенное совершенствованiе человѣческаго рода. Эта идея могла получать различное примѣненiе, и еще въ XIX в. весьма крупныя писатели вносили въ такое философское изображенiе исторiи богословскiя или метафизическiя соображенiя. Однако уже въ XVIII в. думали построить такую философiю исторiи на чисто научной основѣ. Въ числѣ своихъ предшественниковъ Контъ называетъ и Кондорсэ, автора знаменитаго „Наброска исторической картины успѣховъ человѣческаго ума“, написаннаго въ самомъ концѣ прошлаго столѣтiя. Кондорсэ принадлежалъ къ самому младшему поколѣнiю „философовъ“ XVIII в. и воспиталъ свой умъ на изученiи положительныхъ наукъ, преимущественно математики: это обстоятельство не могло не отразиться на общемъ взглядѣ Кондорсэ; по своему желанiю научно понять исторiю человѣчества онъ былъ несомнѣннымъ предшественникомъ Конта. Впослѣдствiи Контъ раздѣлилъ свою социологию на статику и динамику. Образцемъ статики были старыя научныя дисциплины, бравшiя общество, такъ сказать, въ неподвижномъ состоянiи, такъ какъ и политика, и юриспруденцiя, и политическая экономiя имѣли своимъ предметомъ общество, какъ нѣчто разъ навсегда данное, а не постоянно развивающееся. Философiя исторiи, какъ между прочимъ понималъ ее и Кондорсэ, имѣла дѣло съ процессомъ общественнаго развитiя: изъ нея-то Контъ и заимствовалъ свою идею социальной динамики. Если мысль о закономерности общественныхъ явленiй при изученiи общества, какъ всегда самому себѣ равнаго предмета, порождаетъ представленiе объ естественномъ порядкѣ, лежащемъ въ основѣ общественнаго бытiя, то представленiе о закономерности общественныхъ измѣненiй порождено было именно философiей исторiи. Послѣдняя мало-по-малу выработала идею развитiя, которой суждено было занять

такое важное мѣсто во всемъ научно-философскомъ міросозерцаніи XIX в. Въ то самое время, какъ на точку зрѣнія развитія становятся отдѣльныя науки, изучающія разныя стороны культурной и соціальной жизни человѣчества (особенно языкъ и право), и соціологія, какъ общая теорія общества, беретъ послѣднее не въ качествѣ предмета, всегда самому себѣ равнаго, а въ качествѣ чего-то постоянно развивающагося. На первыхъ же порахъ возникающая наука ставитъ вопросъ не только о законахъ общественнаго строенія, но и о законахъ общественнаго развитія.

Влижайшія условія возникновенія соціологіи. Въ числѣ лицъ, оказавшихъ извѣстное вліяніе на соціологическія воззрѣнія Конта, слѣдуетъ назвать прежде всего С.-Симона, съ которымъ Контъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ въ теченіе шести лѣтъ (1818—1824) ранняго періода своей жизни. Въ позднѣйшихъ идеяхъ С.-Симона и въ идеяхъ Конта мы находимъ очень много общаго, и какъ бы ни велика была доля участія Конта въ выработкѣ общественныхъ взглядовъ С.-Симона въ послѣдніе годы его жизни, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весьма многое въ соціологическихъ взглядахъ основателя позитивной философіи объясняется вліяніемъ на него со стороны названнаго родоначальника соціализма XIX в. С.-Симонъ отличался крайнею подвижностью ума и постоянно былъ занятъ грандіозными проектами весьма разнообразнаго свойства. Въ первые годы XIX столѣтія онъ мечталъ о реорганизаціи всей области научнаго знанія и въ этихъ цѣляхъ самъ изучалъ разныя естественныя науки подъ руководствомъ профессоровъ политехнической и медицинскон школъ въ Парижѣ. Въ какомъ направленіи предполагалась эта реформа знанія, можно видѣть изъ двухъ мемуаровъ С.-Симона, написанныхъ въ 1810 году. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ „наукѣ о человѣкѣ“, и въ немъ проводилась мысль о постепенномъ совершенствованіи человѣчества. Другой трактатъ имѣлъ предметомъ законъ всеобщаго тяготѣнія, къ которому С.-Симонъ находилъ возможнымъ свести всѣ другіе естественные законы. Въ тѣ годы, на которые приходится сближеніе Конта съ С.-Симономъ, послѣдній занимался уже вопросомъ о реорганизаціи общества и выработывалъ для этого дѣла теоретическія основанія. Въ 1822 году подъ несомнѣннымъ вліяніемъ С.-Симона Контъ издаетъ „Планъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для преобразованія общества“. Здѣсь отмѣчалось то, что Европа переживаетъ кризисъ: происходило постепенное крушеніе старыхъ вѣрованій и учреждений, и нарождалось новое общество, которое должно было прийти на

смѣну старому,—Контъ указывалъ на то, что выясненіе формъ новаго общества прежде всего требуетъ чисто теоретической разработки общественныхъ вопросовъ.

Стремленіе создать новую общественную философію, характеризующее умственныя усилія С.-Симона и Конта, было однимъ изъ симптомовъ общаго недовольства общественною философіей XVIII в. послѣ того правтического испытанія, какому она подверглась во время революціи. Однихъ революція напугала, другихъ разочаровала. Ея ужасы и ея неупѣхъ приписывались ея принципамъ, т.-е. идеямъ раціоналистической философіи XVIII в. Но въ то время, какъ одни противоположали метафизичности этой философіи старыя религиозныя вѣрованія и богословскія воззрѣнія, другіе искали выхода въ научномъ изслѣдованіи реальныхъ явленій. И С.-Симонъ, и Контъ, занимавшіеся преимущественно точными науками, становились на точку зрѣнія научной реакціи противъ политической метафизики XVIII в., но на обоихъ сказалось и вліяніе современнаго имъ возрожденія мистическихъ идей противъ разсудочности XVIII в.: и С.-Симонъ, и Контъ создавали новыя религіи. Въ своей оппозиціи противъ политической метафизики XVIII в. Контъ пользовался отчасти и аргументами чисто реакціонной школы. И для него, какъ для реакціонеровъ, философія XVIII в. представлялась силою чисто критическою, отрицательною, разрушительною, и потому требовалось нѣчто органическое, положительное, созидательное. Одною изъ задачъ, которыя Контъ поставилъ своей положительной философіи, было вывести человечество изъ состоянія умственной анархіи, и хотя средствомъ для этого должно было служить научное знаніе, однако идеаломъ Конта было возвращеніе къ тому господству духовнаго авторитета въ обществѣ, какое наблюдается въ средневѣковомъ католицизмѣ. Въ этомъ отношеніи на Контѣ замѣтно вліяніе тѣхъ реакціонныхъ идей, которыя нашли наиболѣе рельефное выраженіе у Жозефа де Местра. Общій взглядъ Конта на средневѣковой католицизмъ былъ ему какъ бы прямо подсказанъ знаменитою книгою этого писателя „О папѣ“.

Реакція противъ политической метафизики XVIII в.
Реакція противъ политической метафизики XVIII в. отразилась на Контѣ и въ другомъ отношеніи. Раціоналистическая философія прошлаго столѣтія видѣла въ обществѣ и отдѣльныхъ сторонахъ общественнаго бытія продукты сознательнаго творчества человѣка, своего рода произведенія искусства. Самымъ яркимъ выразителемъ такого взгляда въ XVIII вѣвѣ былъ Руссо, къ ко-

тому Контъ и отнесся весьма неблагоприятно, а Руссо именно и объяснял происхождение языка изобрѣтеніемъ, происхождение государства—договоромъ. Въ религіи и правѣ въ XVIII в. видѣли также нѣчто, сознательно придуманное людьми—жрецами и законодателями. Великая французская революція 1879 г. должна была какъ-разъ перестроить общество и государство по идеямъ тогдашней философіи. Реакціонные писатели отвергли точку зрѣнія XVIII в., какъ опасную въ политическомъ отношеніи, отвергли взглядъ на искусственное происхождение государства, признавъ этотъ взглядъ революціоннымъ, и направили всѣ свои усилія на опроверженіе политической метафизики Руссо. Воспитавшись, однако, подъ влияніемъ того же рационализма, они не могли всецѣло стать на теологическую точку зрѣнія и должны были искать объясненія общественныхъ явленій не въ одной волѣ Божіей. Общій выводъ, къ которому они приходятъ, тотъ, что общественныя явленія не суть дѣла рукъ человѣческихъ, а чисто естественныя явленія, возникающія и развивающіяся подобно организмамъ. Нельзя утверждать, чтобы такой взглядъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно политической реакціи противъ французской революціи: въ эту эпоху стали, напримѣръ, смотрѣть и на языкъ, какъ на явленіе, возникающее совершенно непредназначенно и развивающееся чисто органически. Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что политическая реакція помогла перемѣнѣ взглядовъ въ области юриспруденціи и политикѣ. Какъ-разъ въ это время знаменитый прусскій юристъ и государственный дѣятель Савиньи, отличавшійся сильнымъ консерватизмомъ въ политикѣ и протестовавшій противъ стремленія нѣмцевъ создать обще-германскій кодексъ права по образцу французскаго, основалъ такъ-называемую историческую школу юриспруденціи, рассматривавшую право, какъ естественный продуктъ народнаго духа, возникающій и развивающійся, подобно языку, совершенно органически. Еще ранѣе та же самая идея была примѣнена французскими реакціонными писателями къ ученію о государствѣ. Въ данномъ случаѣ особенно любопытны заявленія Жозефа де Местра, идущія въ разрѣзъ съ политической метафизикой Руссо: государственныя тѣла рождаются, развиваются и умираютъ буквально, какъ живыя тѣла; будучи произведеніемъ природы, т.-е. Бога, общество такъ же возникаетъ и развивается, какъ и растеніе; всякая конституція есть твореніе, а твореніе вообще превышаетъ человѣческія силы. Въ социологіи Конта эти новые взгляды на общество нашли также свое отраженіе. Основатель позитивной философіи раздѣ-

ляетъ отрицательное отношеніе реакціонной школы къ политической метафизикѣ XVIII в. и видитъ въ обществѣ не произведение искусства, а естественное явленіе, склоняясь при этомъ въ той мысли, что общество слѣдуетъ понимать по аналогіи съ организмомъ. Признаніе за обществомъ органической природы естественно приводило къ идеѣ законмѣрности общественнаго развитія, а это послѣднее должно было устранить изъ новаго взгляда мысль о какомъ бы то ни было произволѣ человѣка, способномъ прерывать законмѣрную преемственность социальныхъ явленій. Объявляя себя послѣдователемъ Кондорсе, Контъ въ то же самое время выступалъ до извѣстной степени ученикомъ Жозефа де Местра.

ГЛАВА II.

Соціологія Огюста Конта.

Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь общефилософскіе взгляды Конта, такъ какъ рѣчь должна идти только объ его соціологін. Мы дѣлаемъ исключеніе лишь для его ученія о „трехъ различныхъ теоретическихъ состояніяхъ“, черезъ которыя проходитъ каждая отрасль нашихъ знаній, и о той іерархіи, какая между этими знаніями существуетъ. Первое изъ этихъ двухъ ученій опредѣляетъ общій характеръ соціологін, второе указываетъ на то мѣсто, какое, по мысли Конта, наука эта должна была занять въ общей системѣ человѣческихъ знаній.

Законъ трехъ фазисовъ. „Каждая вѣтвь нашихъ знаній, говоритъ Контъ, проходитъ послѣдовательно чрезъ три разныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или фидетивное; состояніе метафизическое или отвлеченное; состояніе научное или положительное (позитивное)... Отсюда три рода философій или общихъ системъ взглядовъ на совокупность явленій, причемъ эти системы взаимно исключаются“. На первой ступени человѣческой умъ объясняетъ совершающіяся вокругъ него явленія „прямымъ и постояннымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ агентовъ“, которые на второй ступени „замѣняются отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракціями), воплощенными въ разныхъ существахъ міра“. Что касается до позитивнаго состоянія, то Контъ характеризуетъ его тѣмъ, что „че-

ловѣческой умъ, признавъ невозможность достигнуть безусловныхъ знаній, отказывается отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи и назначеніи вселенной, равно какъ отъ познанія внутреннихъ причинъ явленій, чтобы единственно заниматься—посредствомъ надлежащаго соединенія разсужденія и наблюденія—открытіемъ дѣйствительныхъ законовъ этихъ явленій; т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства между ними“. Понятное дѣло, что соціологія Конта должна была быть именно позитивною, а не теологическою или метафизическою: этимъ Контъ, такъ сказать, вдвигалъ новую науку въ рядъ другихъ наукъ, достигшихъ равнѣ, нежели она, положительной ступени развитія. „Основной характеръ положительной философіи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы разсматривать всѣ явленія, какъ подчиненныя неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, точное опредѣленіе воихъ и сведеніе къ возможно меньшему числу суть цѣль всѣхъ нашихъ усилій, принимая въ расчетъ, что изслѣдованіе такъ называемыхъ первыхъ и конечныхъ причинъ совершенно недоступно человѣческому уму“. Указавъ на то, какъ постепенно положительная философія стала выясняться, благодаря успѣхамъ точныхъ наукъ, Контъ ставитъ вопросъ, охватываетъ ли она уже всѣ категоріи явленій. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно. Именно онъ находитъ, что совершенно научно стали изучаться только явленія астрономическія, физическія, химическія и фізіологическія, но что этого нельзя сказать о явленіяхъ общественныхъ, которыя,—прибавляетъ Контъ,— „хотя и охватываются явленіями фізіологическими, имѣютъ, однако, право—какъ по своей важности, такъ и по трудностямъ своего изученія—на то, чтобы составить особую категорію“. Отсталость научнаго пониманія общественныхъ явленій Контъ объясняетъ ихъ особою сложностью и зависимостью отъ явленій другихъ категорій. „Вотъ, говоритъ Контъ, великій, но несомнѣнно единственный пробѣлъ, который нужно уничтожить, чтобы завершить позитивную философію. Въ настоящее время, когда человѣческой умъ основалъ уже физику небесную и физику земную, какъ механическую, такъ и химическую, а также физику органическую, какъ растительную, такъ и животную, ему остается закончить систему наблюдательныхъ наукъ посредствомъ основанія *физики общественной*“. Этимъ, прибавляетъ Контъ, философская система современности достигнетъ полного единства во всѣхъ своихъ частяхъ и будетъ представлять единое цѣлое, хотя и раздѣленное на отдѣльныя части. Между прочимъ Контъ указываетъ и на то, что лишь такая, чисто научная

соціальная фізика можетъ послужить „прочнымъ основаніемъ для общественнаго переустройства, которое должно положить конецъ кризису, переживаемому столь долгое время самыми цивилизованными націями“.

Изъ своего закона о трехъ умственныхъ состояніяхъ Контъ захотѣлъ сдѣлать основной принципъ самой соціологіи въ качествѣ закона, который долженъ былъ объяснить всю исторію человѣчества. Это было одно изъ увлеченій Конта, и оно неоднократно уже подвергалось основательной критикѣ. Но спеціально для исторіи наукъ формула Конта можетъ быть признана весьма важною и плодотворною. Желаніе отрѣшиться отъ теологическихъ и метафизическихъ соображеній и основать общественную науку исключительно на данныхъ опыта и наблюденія, пользуясь лишь научными способами ихъ истолкованія, само по себѣ въ высшей степени знаменательно.

Иерархія положительныхъ знаній. Контъ не только опредѣлилъ тотъ характеръ, какой должна была имѣть новая наука, но и сдѣлалъ попытку указать на ея мѣсто среди другихъ наукъ. Раздѣливъ всю область нашихъ знаній на науки теоретическія и практическія (или на науки въ собственномъ смыслѣ и искусства), онъ помѣстилъ соціологію между первыми, чѣмъ и отмѣтилъ ея чистый, а не прикладной характеръ. Но и науки въ собственномъ смыслѣ Контъ раздѣлилъ на два разряда, назвавъ однѣ абстрактными, другія — конкретными. „Однѣ науки, говоритъ онъ, абстрактныя, общія, имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ разными классами явленій, рассматривая всѣ случаи, какіе только можно опредѣлить; другія науки, конкретныя, частныя, описательныя, состоятъ въ приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ“. Это различіе между науками о законахъ явленій и науками о самихъ явленіяхъ въ высшей степени важно, и его слѣдовало бы почаще и въ настоящее время напоминать тѣмъ, которые понимаютъ подъ соціологіей нѣчто описательное только и конкретное. По мысли Конта, соціологія должна была быть именно наукою абстрактною, общою, подобною, на примѣръ, физикѣ. Самъ Контъ поясняетъ, что общая физиологія (біологія), на примѣръ, есть наука абстрактная, а зоологія и ботаника — науки конкретныя. Абстрактныя науки онъ считаетъ основными, конкретныя — второстепенными. Вотъ, на примѣръ, какъ съ этой точки зрѣнія онъ опредѣляетъ взаимныя отношенія такой абстрактной науки, какъ химія, къ такой конкретной наукѣ, какъ минералогія. „Въ химіи, гово-

рять онъ, разсматриваютъ всѣ возможныя комбинаціи молекулъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, какія можно вообразить, а въ минералогіи изучаютъ лишь тѣ комбинаціи, какія мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности въ окружающей насъ природѣ и которыя образовались подѣ вліяніемъ условій именно этой природы. Особенно ясно можно видѣть различіе между химической и минералогической точкой зрѣнія, хотя объ науки и занимаются одними и тѣми же предметами, изъ того, что большая часть фактовъ, коими занимается первая наука, имѣетъ только искусственное существованіе, такъ что тѣло, подобное хлору или поташу, можетъ имѣть большую важность въ химіи, благодаря распространенности и энергіи своихъ соединеній, тогда какъ въ минералогіи такое тѣло не будетъ имѣть никакой важности, и наоборотъ — составное тѣло вродѣ гранита или кварца, съ которыми имѣетъ дѣло большая часть минералогическихъ соображеній, въ химическомъ отношеніи представитъ весьма незначительный интересъ“.

Знаменитая классификація наукъ Конта касается именно наукъ абстрактныхъ, общихъ, основныхъ. Контъ замѣтилъ, что не всѣ отрасли знанія съ одинаковой быстротою достигаютъ положительной ступени: здѣсь наблюдается извѣстный порядокъ, опредѣляемый степенью общности, простоты и взаимной независимости изучаемыхъ явленій. Тотъ порядокъ, въ какомъ отдѣльныя науки достигаютъ положительной ступени въ общей исторіи наукъ, Контъ и кладетъ въ основу своей классификаціи или, какъ самъ онъ выражается, іерархіи: тѣ науки, которыя поставлены имъ впереди, старше и развитѣе тѣхъ, которыя поставлены послѣ. Этому историческому принципу классификаціи соотвѣтствуетъ другой принципъ — догматическій, какъ его называетъ Контъ: послѣдній заключается въ логическомъ и естественномъ сцѣпленіи разныхъ наукъ, вытекающемъ изъ сравненія различныхъ разрядовъ явленій, открытіемъ законовъ которыхъ эти науки занимаются. Всѣ эти явленія распредѣляются по немногимъ естественнымъ категоріямъ, находящимся въ томъ отношеніи одна къ другой, что раціональное изученіе каждой категоріи основано на знаніи главныхъ законовъ предыдущей и дѣлается основаніемъ для изученія послѣдующей. Чѣмъ явленія общѣе, тѣмъ они проще и, слѣдовательно, тѣмъ легче они для изученія, а потому и занимающіяся ими науки тѣмъ скорѣе достигаютъ положительной ступени, и, наоборотъ, явленія болѣе частныя оказываются и болѣе сложными, а тѣмъ самымъ и ихъ изученіе — болѣе труд-

нымъ. При этомъ Контъ устанавливаетъ тотъ принципъ, въ силу котораго болѣе частныя и сложныя явленія зависятъ отъ болѣе общихъ и простыхъ, такъ что и въ логическомъ порядкѣ науки, занимающіяся болѣе частными и сложными явленіями, зависятъ отъ наукъ, изучающихъ явленія болѣе общія и простыя. Всѣ абстрактныя науки Контъ дѣлитъ на два большихъ отдѣла, смотря по тому, занимаются ли онѣ „феноменами мертвыхъ тѣлъ“ или „феноменами тѣлъ организованныхъ“, которыя сложнѣе первыхъ и отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависятъ. Такимъ образомъ получаются двѣ „физики“—неорганическая и органическая, и вотъ что говоритъ самъ Контъ о второй изъ нихъ: „всѣ живыя существа представляютъ два разряда явленій существенно различныхъ, изъ коихъ одни имѣютъ отношеніе къ индивидууму, другія—къ виду, особенно если онъ общителенъ. Это различеніе имѣетъ основное значеніе главнымъ образомъ по отношенію къ человѣку. Послѣдній разрядъ феноменовъ, очевидно, сложнѣе и частнѣе перваго; онъ отъ него зависитъ, но на него не вліяетъ. Отсюда два большихъ отдѣла въ органической физикѣ: физиологія въ собственномъ смыслѣ и основанная на ней социальная физика“. Въ концѣ-концовъ, у Конта получается рядъ наукъ, расположенныхъ по убывающей общности и возрастающей сложности: математика, астрономія, физика, химія, физиологія (біологія) и социальная физика (соціологія). Не рассматривая этой іерархіи наукъ въ ея цѣломъ, остановимся лишь на томъ, что касается соціологіи. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мѣсто, отведенное соціологіи въ концѣ этого ряда наукъ, что вполне совпадаетъ съ замѣчательнымъ принципомъ, положеннымъ въ основу іерархіи. Во-вторыхъ, соціологія Конта получаетъ свое непосредственное обоснованіе въ біологіи. Извѣстно, что Контъ отрицалъ самостоятельность психологіи, полагая, что для изученія психическихъ явленій достаточно одной физиологіи мозга. Здѣсь не мѣсто указывать на то, въ чемъ заключается ошибочность подобнаго взгляда, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время никто его и не раздѣляетъ. Но разъ мы признаемъ существованіе самостоятельной абстрактной науки о душевныхъ явленіяхъ, мы должны, слѣдуя принципу самого Конта, помѣстить ее между біологіей и соціологіей. На необходимость такого включенія психологіи въ контовскій рядъ наукъ указывалъ еще Милль. Въ синтетической философіи Спенсера психологіи также принадлежитъ мѣсто между біологіей и соціологіей. — Далѣе, Контъ рассматриваетъ социальную физику, какъ простой подъ-отдѣлъ

физики органической, занимающейся „феноменами организованных тѣлъ“, чѣмъ общество подводится подъ одну категорію съ организмомъ, если только не разсматривается прямо, какъ организмъ. Это — пунктъ особенно важный, такъ какъ такимъ пониманіемъ социологіи Контъ уже предвосхищаль основную идею будущей органической школы въ социологіи. Интересно также отмѣтить, что біологію Контъ ограничивалъ изученіемъ явленій органической жизни индивидуума, не подозревая того, что эта наука направитъ свои усилія и на изученіе видовой жизни организмовъ, и что это изученіе не будетъ тождественно изученію общественныхъ явленій. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тотъ переворотъ въ біологическихъ наукахъ, который созданъ дарвинизмомъ. Въ настоящее время уже не приходится проводить ту черту различія между біологіей и социологіей, которую провелъ Контъ: явленія борьбы за существованіе, естественнаго подбора, наследственности и т. п. касаются не особи, но вида, а между тѣмъ это — явленія несомнѣнно біологическаго, отнюдь не социологическаго характера. Однимъ словомъ, классификація наукъ Конта требуетъ по отношенію къ социологіи значительныхъ исправленій, и эти исправленія могутъ быть произведены на основаніи собственнаго же принципа Конта.

Въ „Курсѣ Положительной философіи“ Конта на социологію отведено три тома, изъ которыхъ для насъ наиболее важнымъ является первый (по общему счету четвертый), хотя при изложеніи социологическихъ идей Конта обыкновенно выдвигаютъ на первый планъ какъ-разъ два другіе тома (5-ый и 6-ой по общему счету). Позднѣе мы укажемъ, почему мы не приписываемъ здѣсь большого значенія этимъ двумъ томамъ. Мы не станемъ останавливаться на первыхъ двухъ главахъ четвертаго тома, въ которыхъ Контъ доказываетъ важность и необходимость социальной физики для нашего времени и дѣлаетъ бѣглый обзоръ главныхъ философскихъ попытокъ, дѣлавшихся въ прежнія времена для основанія общественной науки: и то, и другое весьма интересно для исторіи новой науки, но не имѣетъ ближайшаго отношенія къ самому ея предмету.

Раздѣленіе социологіи на статику и динамику. Первая важная мысль, съ которою мы встрѣчаемся въ социологіи Конта, заключается въ дѣленіи имъ всей области этой науки на двѣ части, которымъ онъ даетъ названіе *соціальной статики* и *соціальной динамики*. Понятія статическаго и динамическаго состоянія употребляются Контомъ и въ другихъ частяхъ „Курса“ въ примѣненіи къ различнымъ категоріямъ явленій, но въ сущ-

ности,—какъ и самъ онъ въ этомъ признается,— въ примѣненіи къ явленіямъ социальнымъ оба эти понятія заимствуются имъ, собственно говоря, изъ одной біологіи. „Въ простой біологіи, говоритъ онъ, мы дѣлаемъ рациональное различіе между точкою зрѣнія чисто анатомическою, относящеюся къ идеѣ организаціи, и точкою зрѣнія фізіологическою, въ собственномъ смыслѣ, непосредственно присущею идеѣ жизни... Въ социологіи расчлененіе должно происходить совершенно аналогичнымъ способомъ и быть столь же рѣзкимъ, такъ какъ нужно радикально различать въ отношеніи каждаго политическаго предмета между основнымъ изученіемъ существованія общества и изученіемъ законовъ его непрерывнаго движенія. Это различіе,—продолжаетъ Контъ,—важется мнѣ достаточно характернымъ для того, чтобы мнѣ позволить... расчленить социальную фізику на двѣ главныя науки подъ названіями, напримѣръ, социальной статистики и социальной динамики, столь же отличныя одна отъ другой, какъ отличны въ настоящее время индивидуальная анатомія и фізіологія“. Правда, Контъ оговаривается, что такое дѣленіе въ настоящее время, пожалуй, было бы и преждевременно, но это не мѣшаетъ ему раздѣлить и свой собственный трудъ на двѣ совершенно независимыя одна отъ другой части, при чемъ социальной статистикѣ посвящена у него лишь вторая половина четвертаго тома „Курса“, а изложеніемъ социальной динамики заняты почти цѣликомъ два послѣдніе тома.

Статическому и динамическому состояніямъ общества у Конта соотвѣтствуютъ „съ совершенною точностью“ понятія порядка и прогресса. „Ибо, поясняетъ онъ, очевидно, что статическое изученіе общественнаго организма должно въ сущности совпадать съ положительною теоріей порядка, который на самомъ дѣлѣ существеннымъ образомъ можетъ заключаться только въ вѣрной постоянной гармоніи между различными условіями существованія человѣческихъ обществъ; съ другой стороны, еще болѣе ясно, что динамическое изученіе коллективной жизни человечества необходимо устанавливаетъ положительную теорію социального прогресса“. Итакъ, Контъ даетъ, самъ того не замѣчая, два совершенно различныхъ толкованія для социальной статистики и динамики. Съ одной стороны, это какъ-бы анатомія и фізіологія общественнаго организма, изъ коихъ первая изучаетъ явленія общественнаго строенія, вторая—совершающіяся въ общественномъ организмѣ отправления, такъ сказать, процессы общественной жизни; а съ другой стороны, статика играетъ роль теоріи общественнаго равновѣсія, динамика—роль

болѣе и болѣе между собою несходными и тѣмъ не менѣе всегда между собою совершенно солидарными“, причемъ единство цѣли все болѣе и болѣе сочетается съ разнообразіемъ средствъ. Контъ не только находитъ, что въ этомъ отношеніи человѣческой организмъ совершеннѣе всѣхъ другихъ животныхъ организмовъ, но и утверждаетъ даже, что социальный организмъ въ томъ же смыслѣ совершеннѣе всякаго организма индивидуальнаго. Это единство цѣли при разнообразіи средствъ или, — какъ говоритъ Контъ въ другомъ мѣстѣ, — это раздѣленіе работъ при соединеніи усилий напоминаетъ намъ болѣе ученую формулу Спенсера, соединяющаго дифференціацію частей съ интеграціей цѣлаго. При такомъ взглядѣ на общество мнѣнія составляющихъ его единицъ утрачиваютъ свой рѣшающій характеръ, и послѣдовательное проведеніе органическаго взгляда должно естественно и необходимо завершиться признаніемъ за мнѣніями весьма и весьма второстепеннаго значенія. У Конта оба взгляда на общество связываются рядомъ одинъ съ другимъ, и происходитъ это благодаря тому, что Контъ не становится рѣшительно ни на ту, ни на другую точку зрѣнія, какъ бы не подозрѣвая даже, что послѣдовательное проведеніе одной необходимо должно исключать другую. Въ дальнѣйшемъ развитіи социологическихъ воззрѣній органической взглядъ сдѣлался основой теоріи Спенсера, какъ другой взглядъ, приписывающій важное значеніе умственному состоянію, сдѣлался исходнымъ пунктомъ историко-философской теоріи Бюлля. „Прогрессъ человечества, писалъ этотъ историкъ, зависитъ отъ успѣха, съ которымъ разрабатываются законы явленій, и отъ мѣры распространенія этихъ знаній“.

Главное содержаніе социальной динамики Конта. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего „Курса“ Контъ замѣчаетъ, что изъ двухъ частей социологіи главное значеніе принадлежитъ той, которая занимается изученіемъ послѣдовательности общественныхъ явленій. Въ постоянномъ прогрессѣ или, вѣрнѣе, постепенномъ развитіи человечества онъ видитъ основную идею социальной динамики, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно эта идея владеть грань между „социологіей въ собственномъ смыслѣ“, съ одной стороны, и „простой биологіей“, съ другой. Чтобы понять послѣднее замѣчаніе, нужно вспомнить, что биологическія воззрѣнія Конта отражали на себѣ еще то состояніе биологіи, когда въ изученіе органической природы не была еще окончательно внесена точка зрѣнія эволюціи: въ настоящее время такого различія между биологіей и социологіей никто и не вздумалъ бы устанавливать. Для изслѣдованія законовъ развитія

человѣчества Контъ считаетъ весьма полезною нѣкоторую научную абстракцію, заимствованную имъ у Кондорсэ: это — „гипотетическое представленіе единого народа, въ которому были бы идеально отнесены всѣ послѣдовательныя общественныя измѣненія, наблюдаемыя у различныхъ племенъ“. Дальнѣйшія поясненія Конта указываютъ на то, что эту гипотетическую исторію онъ понималъ не въ смыслѣ идеальной и вѣчной исторіи, повторяемой, по представленію Вико, отдѣльными народами, а въ смыслѣ всемірно-историческаго процесса съ тѣмъ преемствомъ отдѣльныхъ народовъ, которое наблюдается въ исторіи челоуѣчества, — точка зрѣнія, напоминающая основной взглядъ Гегеля. Такъ какъ соціальная динамика Конта написана именно съ такой точки зрѣнія, то она и получаетъ характеръ не изслѣдованія законовъ, коими управляется послѣдовательность общественныхъ явленій вездѣ и всегда, а характеръ философскаго изображенія дѣйствительныхъ судебъ челоуѣчества, т.-е. можетъ быть скорѣе названа философскою исторіей, а не соціологіей. Высказывая свои общія соображенія относительно соціальной динамики, Контъ между прочимъ находитъ возможнымъ вовсе не употреблять слова „совершенствованіе“, замѣняя его всегда просто научнымъ выраженіемъ *развитіе* (*développement*), которое обозначаетъ безъ всякой моральной оцѣнки общій непрекаемый фактъ“. Эти слова Конта представляютъ собою одно изъ первыхъ заявленій о необходимости замѣнить выработанное въ XVIII в. субъективное понятіе *прогресса* новымъ чисто объективнымъ понятіемъ *эволюціи*, о чемъ у насъ рѣчь будетъ итти еще впереди. Съ другой стороны, въ XVIII в. въ прогрессивномъ движеніи челоуѣчества большое значеніе приписывалось людскимъ усиліямъ, направленнымъ къ достиженію заранѣе поставленныхъ цѣлей. Контъ разсматриваетъ это движеніе, „какъ подчиненное неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, вмѣсто того, чтобы быть управляемымъ какими бы то ни было волями“. — „Геніальные люди, говоритъ онъ, которымъ обыкновенно слишкомъ исключительно приписывались сдѣланные успѣхи, были только какъ бы собственными органами предопредѣленнаго движенія“. Въ этихъ словахъ мы равнымъ образомъ встрѣчаемся съ возраженіемъ противъ взгляда на роль личности въ исторіи, который господствовалъ въ XVIII в. Въ данномъ случаѣ Контъ повторялъ лишь то, что говорилось до него и вокругъ него, и это вполнѣ соотвѣтствовало замѣнѣ стараго взгляда на разныя общественныя явленія, какъ на произведенія челоуѣческаго искусства, новымъ взглядомъ, пріучавшимъ видѣть въ этихъ

явленіяхъ продукты чисто естественнаго развитія. Нельзя сказать, чтобы Контъ всегда послѣдовательно выдерживалъ объективную и органическую точку зрѣнія, но онъ все-таки придалъ ей ясную формулировку, и то, что другіе называли органическимъ развитіемъ, онъ обозначалъ непереводимымъ съ точностью на русскій языкъ выраженіемъ *évolution spontanée*, т.-е. естественнымъ развитіемъ или саморазвитіемъ.

Общія свои соображенія относительно основныхъ законовъ соціальной динамики Контъ излагаетъ въ послѣдней главѣ четвертаго тома. Для соціологіи въ строгомъ смыслѣ она имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели два послѣдніе тома, посвященные спеціально изложенію самой соціальной динамики, превращающейся у Конта въ философскую исторію. Самое любопытное въ общей теоріи Конта,—это то, что, по его словамъ, „умственное развитіе является необходимо преобладающимъ принципомъ совокупности развитія человѣчества“. — „Если статическій анализъ нашего общественнаго организма, спрашиваетъ Контъ, показываетъ, что въ концѣ концовъ по всей необходимости онъ повойтся на нѣкоторой системѣ основныхъ мнѣній, то какимъ образомъ постепенныя измѣненія такой системы могли бы не оказывать преобладающаго вліянія на послѣдовательныя измѣненія, какія представляетъ собою непрерывная жизнь человѣчества?“ Въ другомъ мѣстѣ Контъ пазываетъ „общую исторію человѣческаго ума естественною и постоянною руководительницею всего историческаго изученія человѣчества“. Соотвѣтственно съ этимъ „естественные законы, присущіе неотвратимому шествію человѣческаго ума“, становятся у него главными законами соціальной динамики, и благодаря этому, всей исторіи дается не только вообще чисто психологическое объясненіе, но въ добавокъ еще объясненіе исключительно идейное. Законъ трехъ фазисовъ міросозерцанія становится главнымъ, самымъ общимъ и основнымъ закономъ всей эволюціи человѣчества. Здѣсь не мѣсто разсматривать, какъ въ пятомъ и шестомъ томахъ „Курса“ Контъ прилагаетъ его къ построенію своей философіи исторіи. Отмѣтимъ только, что, по его представленію, тремъ категоріямъ духовныхъ вождей общества, соотвѣтствующихъ тремъ стадіямъ развитія, т.-е. жрецамъ, философамъ и ученымъ въ свою очередь соотвѣтствуютъ три категоріи свѣтскихъ вождей общества, а именно, военные, юристы и промышленники. Конту никогда не удавалось — да и въ голову, повидимому, не приходило — обосновать сколько-нибудь серьезно необходимость соединенія военныхъ съ жрецами, юристовъ съ философами и

промышленниковъ съ учеными, но любопытно, что, ставя смѣну духовныхъ вождей общества однихъ другими въ зависимость отъ смѣны міросозерцаній, онъ какъ бы подчинялъ тому же самому процессу смѣну общественныхъ классовъ, коимъ принадлежало матеріальное господство въ обществѣ. Это только указываетъ на то, что въ своемъ объясненіи исторіи Контъ становился на чисто идеалистическую точку зрѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне наслѣдникомъ воззрѣній XVIII в. и, въ частности, историко-философской идеи Кондорса, и этотъ же самый взглядъ роднитъ его съ современными ему нѣмецкими метафизиками вроде Гегеля, для которыхъ исторія человѣчества была процессомъ исключительно духовнымъ. Пусть Гегель и Контъ совершенно различнымъ образомъ—даже діаметрально противоположнымъ образомъ—понимали значеніе и содержаніе идей, но и для того, и для другого историческій процессъ былъ прежде всего процессъ идейный. Сколько бы ни стремился Контъ къ самому строгому реализму, его соціальная динамика одинаково далека и отъ органическаго направленія Спенсера, и отъ экономическаго матеріализма Маркса.

Односторонность соціологической теоріи Конта. Понятно, что Контъ, сводя весь историческій процессъ къ одному принципу, даетъ теорію весьма одностороннюю. Какъ ни велико общественное значеніе человѣческихъ міросозерцаній, изъ нихъ однихъ не можетъ объясняться вся полнота явленій соціальной жизни. Самую исторію міросозерцаній Контъ представляетъ такъ, какъ будто бы въ нихъ все дѣло сводилось исключительно къ одному объясненію явленій природы, т.-е. къ пониманію вещей, подлежащихъ въ настоящее время вѣдѣнію положительныхъ наукъ. Это лишь одна изъ сторонъ умственной исторіи человѣчества, а сама эта исторія, въ свою очередь, есть лишь одна изъ сторонъ общаго культурнаго и соціальнаго развитія человѣчества. Самый фактъ умственнаго развитія вообще—съ болѣе частнымъ фактомъ прогресса нашихъ знаній—суть факты психологическіе, а не соціологическіе. Въ этомъ отношеніи теорія органической эволюціи Спенсера и экономической матеріализмъ Маркса имѣютъ болѣе соціологическій характеръ, чѣмъ соціальная динамика Конта, ибо въ нихъ на первомъ планѣ все-таки вопросы общественной организаціи, тогда какъ у Конта на первомъ планѣ—пониманіе человекомъ явленій природы. Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны отрицать вліяніе общихъ міросозерцаній на общественныя отношенія, но выводимъ, на примѣръ, господство того или другого класса въ обществѣ изъ состоянія его тео-

ретическихъ представлений, это—уже совсѣмъ другое дѣло. Если бы даже и можно было фактически доказать, что свѣтская власть въ обществахъ, находящихся на теологической ступени развитія, всегда принадлежитъ представителямъ военной силы, то едва-ли оказалось бы возможнымъ объяснить, почему теологическое состояніе ума порождаетъ такую форму политическаго быта: совпаденіе обоихъ фактовъ нужно разсматривать не какъ соединеніе причины съ своимъ слѣдствіемъ, а какъ проявленіе въ двухъ разныхъ результатахъ дѣйствія однихъ и тѣхъ же общихъ условій соціальнаго существованія на извѣстной ступени развитія. Знаменитая формула Конта находитъ свое законное и естественное примѣненіе въ исторіи философіи и наукъ, гдѣ можетъ почерпать свои аргументы (но можетъ, конечно, и оспариваться); въ области вопросовъ соціальной организаціи этой формулѣ нѣтъ надлежащаго мѣста, какъ нѣтъ, напримѣръ, мѣста измѣренію аршиномъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь можетъ итти только объ измѣреніи единицами вѣса. Между тѣмъ Контъ утверждаетъ, что „совокупность матеріальнаго развитія должно неизбѣжно итти по пути не только аналогичному, но и совершенно соответствующему тому пути, по которому идетъ умственное развитіе“. Именно, процессу перехода отъ теологическихъ воззрѣній къ воззрѣніямъ позитивнымъ соответствуетъ столь же неизбѣжный переходъ общества отъ военнаго быта къ быту промышленному, причемъ процессомъ основнымъ по представленію Конта, является первый процессъ. Замѣтимъ, что противоположеніе военнаго общества обществу промышленному мы находимъ у С.-Симона, и что въ возникновеніи этого противоположенія играла свою роль происходившая во Франціи борьба между феодальной аристократіей, представительницей традицій военнаго общества, и буржуазіей, стоявшей во главѣ общества съ чисто промышленнымъ характеромъ. Отмѣчаемъ здѣсь это противоположеніе потому, что оно встрѣтится намъ въ соціологіи Спенсера, въ которой оно занимаетъ даже далеко не послѣднее мѣсто.

Раздѣленіе общественной власти на духовную и свѣтскую. По теоріи общественной гармоніи (*consensus*), изложенной въ соціальной статикѣ Конта, должно было бы выходить, что между носителями духовной и свѣтской власти въ обществѣ существуетъ всегда солидарность. Но Контъ находитъ, что „вслѣдствіе слабости нашей природы между умозрительной и дѣятельной властями возникаетъ постоянно глубокое соперничество“, и что „обѣ власти весьма часто игнорируютъ свою необходимую координацію и не обращаютъ вниманія на общія границы своихъ

взаимныхъ отношеній“. Это раздѣленіе общественной власти на духовную и свѣтскую, играющее большую роль не только въ соціологіи и философіи исторіи Конта, но и въ практическомъ построеніи его „Политики“, заимствовано имъ изъ теоріи средневѣкового католицизма, подновленной реакціонными писателями эпохи реставраціи. Ученые, по представленію Конта, должны сдѣлаться на позитивной ступени общественнаго развитія настоящими наслѣдниками жреческаго и церковнаго сословія, представителями духовной *власти* въ обществѣ. Въ этомъ заключается и одна изъ чертъ сходства между ученіемъ Конта и сенъ-симонизмомъ, который, подобно позднѣйшему контизму, былъ своего рода „католицизмомъ безъ христіанства“. Конта особенно печалила умственная анархія, которая, въ сущности, является однимъ изъ проявленій индивидуализма, и философъ, смотря на все съ точки зрѣнія точныхъ наукъ, гдѣ для всѣхъ — дважды два четыре, считалъ чѣмъ-то неразумнымъ свободу личнаго мнѣнія и чѣмъ-то бессмысленнымъ — свободу совѣсти, которой, конечно, и въ самомъ дѣлѣ быть не можетъ въ вопросахъ физики или химіи. Правда, въ данномъ случаѣ Контъ противопоставляетъ нерѣдко субъективному произволу метафизическихъ идей объективную обязательность научныхъ истинъ, но изъ-за этого сквозитъ и болѣе общая мысль — мысль, находившая весьма разнообразныя выраженія въ общей реакціи противъ индивидуалистическаго направленія философіи XVIII в.

Отношеніе Конта къ другимъ общественнымъ наукамъ. Выше было сказано, что до возникновенія новаго соціологическаго изученія общественныхъ явленій послѣднія разсматривались съ точекъ зрѣнія политической, юридической, экономической и исторической. Соціологія Конта, въ которой на первый планъ выдвинута соціальная динамика, глубоко проникнута историческимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи Контъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка, именно и характеризующагося внесеніемъ исторической точки зрѣнія въ изученіе предметовъ, бравшихся прежде, такъ сказать, внѣ пространства и времени. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже съ особенною силою указываетъ на важное значеніе „историческаго метода“. Къ сожалѣнію, Контъ сильно ограничивалъ свое историческое чтеніе, особенно въ періодъ, когда онъ предавался имъ самымъ изобрѣтенной „мозговой гигиенѣ“. Но это могло отразиться только на количествѣ знаній Конта и на степени пониманія имъ прошлаго но никакъ не на общемъ характерѣ его общественной философіи, которая, повторяемъ, вся проникнута историческимъ

духомъ. Интересъ къ политическимъ явленіямъ также весьма силенъ у Конта, хотя его отношеніе къ политическимъ вопросамъ современности было очень далекимъ отъ политическихъ теорій тогдашняго либерализма, исходившихъ изъ индивидуалистическихъ принциповъ. Въ этомъ отношеніи Контъ сходилса съ С.-Симономъ, который былъ довольно равнодушенъ къ конституціоннымъ вопросамъ эпохи. Съ гораздо большимъ вниманіемъ оба они относились къ вопросамъ экономическимъ, но въ то время, когда Контъ создавалъ свою соціологію, еще не существовало ни исторической школы въ политической экономіи, ни экономического направленія въ исторіи; да и самый исходный пунктъ Конта—чисто психологическаго характера—былъ не таковъ, чтобы экономизмъ могъ играть надлежащую роль въ его соціологическихъ построеніяхъ. Какъ ни высоко ставилъ Контъ Адама Смита, созданная послѣднимъ политическая экономія казалась ему все-таки слишкомъ метафизическою, и онъ готовъ былъ приписать этой „яко бы наукѣ“ (*prétendue science*) чисто временное значеніе. Индивидуалистическій характеръ теорій экономистовъ, вышедшихъ изъ школы Адама Смита, менѣе всего, кромѣ того, соответствовалъ и всему міросозерцанію Конта. Отсюда—его неблагопріятные отзывы о современной ему экономической наукѣ, которыхъ можно было бы привести не малое количество. Развитіе политической экономіи въ XIX в., однако, есть лучшее доказательство того, что Контъ былъ неправъ въ своей общей критикѣ политической экономіи. Впрочемъ, неблагопріятное отношеніе къ экономическимъ теоріямъ эпохи все-таки не мѣшало Конту обращать вниманіе на экономическія явленія, которыя, какъ извѣстно, играли такую видную роль и въ соціальныхъ возрѣніяхъ С.-Симона. И отношенія окружающей дѣйствительности, и чисто реалистическій принципъ, внесенный въ пониманіе этой дѣйствительности, одинаково выдвигали важность экономическихъ факторовъ соціальной жизни, бывшіе раньше въ такомъ пренебреженіи у политическихъ писателей. Въ соціологіи Конта основанная имъ наука, такъ сказать, безъ его вѣдома заключала тѣсный союзъ съ политической экономіей: современный намъ экономическій матеріализмъ есть не что иное, какъ поглощеніе всей соціологіи одною экономикою, но это вообще—лишь крайнее выраженіе реалистической мысли о важности экономическихъ факторовъ соціальной жизни. Политическая метафизика XVIII в., яркимъ образчикомъ которой былъ „Общественный договоръ“ Руссо, или идеалистическое міросозерцаніе современниковъ Конта въ родѣ Гегеля, были

очень далеки от всякаго даже намека на какой бы то ни было „экономическій матеріализм“.

Менѣ всего имѣетъ какого-либо отношенія социологія Конта къ юриспруденціи. Чисто практическія дисциплины, входяція въ составъ этой отрасли знанія, конечно, по самому характеру своему и дать ничего не могли для зарождавшейся теоретической науки объ обществѣ. Съ другой стороны, изъ всѣхъ общественныхъ наукъ болѣе всего общая теорія права всегда грѣшила метафизичностью своихъ построеній. Не даромъ Контъ ставилъ рядомъ юристовъ, какъ свѣтскихъ вождей общества, съ метафизиками, его духовными вождями на второй ступени развитія. Самое понятіе права кажется Конту такимъ, которое слѣдовало бы изгнать совершенно изъ положительной общественной науки. Быть можетъ, — позволяемъ себѣ здѣсь нѣкоторую догадку, — отрицательное отношеніе Конта къ этой области объясняется не только тѣмъ, что отвергаемая имъ политическая метафизика XVIII в. исходила изъ идеи „естественнаго права“, понятія совершенно „метафизическаго“, но и тѣмъ, что право возникаетъ на почвѣ потребностей отдѣльной личности, а не общества. Какъ бы тамъ ни было, социологія въ самомъ началѣ словно сторонится отъ изученія чисто правовыхъ явленій, да и юристы, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ долго игнорировали вновь народившуюся науку. И то, и другое было не къ выгодѣ какъ социологіи, такъ и теоретической юриспруденціи. Право до такой степени проникаетъ собою разныя факты экономической и политической жизни, что правильное пониманіе этой жизни немыслимо безъ научной теоріи права, самое понятіе котораго Контъ прямо подвергалъ остракизму. Съ другой стороны, изученіе права виѣ всякаго отношенія къ другимъ сторонамъ социальной жизни — къ государству и народному хозяйству, къ нравственности и общему міросозерцанію народа — не можетъ итти далѣе чисто схоластическаго и казуистическаго отношенія къ своему предмету. Необходимо были расширеніе социологическаго горизонта и внесеніе социологической точки зрѣнія въ юриспруденцію для того, чтобы могло окончиться это взаимное отчужденіе обѣихъ общественныхъ наукъ.

Право находится въ тѣсной связи съ моралью. Нравственность представляетъ изъ себя не только чисто психическое явленіе индивидуальной жизни, какъ смотрѣли на нее старыя моралисты, но и явленіе социальное. У Конта есть также своя теорія нравственности, и онъ даже былъ изобрѣтателемъ слова

альтруизмъ, обозначающаго собою основное понятіе въ его теоріи нравственности. Альтруизмъ есть любовь къ другимъ въ противоположность эгоизму, т.-е себялюбію, на которомъ многіе „философы“ XVIII в. думали основать всю этику. И на этомъ сказался общій анти-индивидуалистическій духъ общественной теоріи Конта. Притомъ Контъ признаётъ въ человѣчествѣ не одинъ умственный, но и нравственный прогрессъ, отрицавшійся впоследствии Бюклемъ. Наконецъ, отмѣтимъ, что полагая главный источникъ нравственности въ альтруизмѣ, Контъ тѣмъ самымъ выводилъ ее изъ человѣческой природы, — точка зрѣнія, которая впоследствии подверглась весьма острой, хотя и строго не обоснованной критикѣ со стороны экономическаго материализма.

Раздѣленіе среди послѣдователей Конта. Послѣдователи Конта раздѣлились на два лагеря, смотря по тому, въ какое отношеніе становился тотъ или другой изъ этихъ послѣдователей къ „Системѣ положительной политики“, изданной Контомъ въ послѣдній періодъ своей жизни. Этотъ новый трудъ основателя позитивной философіи отличался отъ главнаго его произведенія не только своимъ болѣе прикладнымъ характеромъ, но и внесеніемъ въ соціологическую теорію Конта религиозно-мистическихъ соображеній. Одни изъ послѣдователей философа, которыхъ можно назвать контистами, „приняли“ и „Курсъ“, и „Систему“; позитивисты отвергли послѣднее сочиненіе, признавъ, что учитель измѣнилъ въ немъ здравымъ началамъ, положеннымъ въ основу его „Курса“. Изъ лагеря правовѣрныхъ контистовъ вышло нѣсколько сочиненій, въ которыхъ не сдѣлано ни одного шага впередъ въ дѣлѣ разработкы соціологіи. Все дальнѣйшее развитіе соціологіи могло совершаться лишь среди тѣхъ людей, которые посмотрѣли на „Систему положительной политики“, какъ на произведеніе совершенно ненаучнаго характера. Но и среди позитивистовъ научнаго направленія образовалось также своего рода правовѣріе, главнымъ органомъ котораго долго былъ журналъ *La philosophie positive*, издававшійся Литтре и Вырубовымъ. Этотъ журналъ уже давно прекратилъ свое существованіе, и можно сказать, что особаго вліянія на дальнѣйшее развитіе соціологіи онъ не оказалъ. Правовѣрные позитивисты слишкомъ догматически отнеслись къ теоріи своего учителя, а всякій догматизмъ носить въ себѣ зародышъ естественной смерти научнаго движенія, принимающаго такой характеръ. Продолжателями научной традиціи Конта явились не контисты и не правовѣрные позитивисты, а писатели, такъ или

иначе применувшіе къ Конту, но въ то же время подвергшіе критикѣ самыя основы его соціологической теоріи и внесшіе въ новую науку точки зрѣнія, приемы мысли и общія идеи изъ другихъ направлений знанія, имѣющаго своимъ предметомъ общественныя явленія.

ГЛАВА III.

Основныя соціологическія направленія.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ отдѣльными направленіями, возникшими въ соціологической литературѣ послѣ Конта. Главныя причины различій, какія нами въ данномъ отношеніи наблюдаются, сводятся, во-первыхъ, къ различію въ основныхъ взглядахъ на то, что нужно прежде всего видѣть въ обществѣ и какъ понимать его природу, во-вторыхъ, къ различію методовъ, могущихъ быть примѣненными къ изученію общественныхъ явленій.

Разныя направленія въ пониманіи природы общества. Въ какихъ бы отношеніяхъ къ Конту ни стояли отдѣльные соціологи XIX в., всѣ они въ большей или меньшей степени зависятъ отъ воззрѣній Конта. Даже противоположности, существующія между соціологическими направленіями нашего времени, могутъ быть сведены къ тѣмъ различнымъ мнѣніямъ, какія относительно одного и того же предмета мы находимъ у самого Конта. Нашей задачей не можетъ быть разсмотрѣніе всѣхъ попытокъ дать болѣе или менѣе полную научную теорію общественныхъ явленій. Мы выдѣлимъ только нѣкоторыя наиболѣе важныя направленія, обнаружившіяся въ соціологической литературѣ во второй половинѣ XIX в.

Одно изъ нихъ можно назвать органическою школою соціологии. Оно, такъ сказать, раздѣляетъ основной взглядъ Конта, по которому соціологія, непосредственно примыкая къ біологіи, составляетъ съ этою послѣднею „физику организованныхъ тѣлъ“, — и разсматриваетъ общество, какъ своего рода организмъ, хотя и высшаго порядка. Главнымъ представителемъ этого направленія въ соціологіи является Гербертъ Спенсеръ. Хотя онъ между біологіей и соціологіей помѣщаетъ психологію, но это не оказываетъ замѣтнаго вліянія на его общее представленіе

объ обществѣ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ біологической аналогіи.

Выше было сказано, что Контъ видѣлъ въ соціологіи науку, занимающуюся видовой жизнью особей: къ этому взгляду применило то соціологическое направленіе, которое думало объяснить явленія, происходящія въ общественной жизни, по аналогіи съ явленіями, совершающимися въ видовой жизни. Появившаяся въ серединѣ нынѣшняго столѣтія біологическая теорія Дарвина должна была оказать весьма сильное вліяніе на соціологію. По ученію Конта, общественныя явленія находятся въ зависимости отъ явленій біологическихъ, и новая теорія этихъ послѣднихъ, конечно, не могла не отразиться на изученіи соціальной жизни, причѣмъ образовалось цѣлое направленіе, представители котораго думали объяснить всѣ общественныя явленія безъ всякаго остатка дѣйствіемъ лишь однихъ тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ. Это направленіе можно назвать дарвинистическимъ.

Органическая школа и дарвинистическое направленіе дѣлаютъ непосредственною основою соціологіи индивидуальную или коллективную біологію. Мы видѣли, что Контъ, самъ того не подозрѣвая, въ дѣйствительности объяснялъ общественныя явленія дѣйствіемъ чисто психическихъ факторовъ, и по этому пути пошли нѣкоторые соціологи, которые поэтому отнеслись къ обществу, какъ къ явленію, не находящему себѣ аналогіи ни въ жизни отдѣльнаго организма, ни въ жизни цѣлаго вида. Это направленіе, признавая важность психическаго момента, не составляетъ какой-либо одной школы, но изъ него нельзя не выдѣлать особаго направленія, которое интересуется не столько явленіями общественной организаціи, сколько процессами и продуктами психическаго взаимодействія, совершающагося въ общественной жизни. Этому послѣднему направленію можно дать названіе соціально-психологическаго

Совершенно особую соціологическую школу составляютъ въ настоящее время экономическіе матеріалисты, которые имѣютъ своимъ родоначальникомъ не Конта, а Карла Маркса. Экономическій матеріализмъ до сихъ поръ не имѣетъ ни своей классификаціи наукъ, ни опредѣленнаго взгляда на взаимныя отношенія біологіи, психологіи и соціологіи. Съ другой стороны, общая философская теорія экономическаго матеріализма съ его діалектической теоріей историческаго процесса коренится въ метафизической системѣ Гегеля, а потому и занимаетъ совершенно изолированное положеніе въ современной

соціологической литературѣ. Можно даже сказать, что все развитіе соціологическихъ воззрѣній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ Конту, для экономическаго матеріализма прошло безслѣдно. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, и общій взглядъ на общество, положенный въ основу экономическаго матеріализма, не стоитъ совершенно особнякомъ, такъ какъ Карлъ Марксъ воспринялъ его у французскихъ соціалистовъ и въ ихъ числѣ отъ С.-Симона, идеи котораго нашли, какъ было сказано, выраженіе и во всей системѣ Конта.

Гипотетичность всѣхъ указанныхъ направленій. Каждое изъ этихъ направленій, собственно говоря, имѣетъ исходнымъ пунктомъ извѣстную гипотезу, т.-е. извѣстное предположеніе, предвзятую точку зрѣнія. Безъ гипотезъ не обходится ни одна наука, но отъ каждой гипотезы, дабы она могла получить научное значеніе, требуется два условія. Во-первыхъ, каждая гипотеза должна быть согласована съ другими общими положеніями, принимаемыми нами за истинныя, а во-вторыхъ, гипотеза должна выдержать провѣрку на фактахъ, которые берется объяснить и, чѣмъ вѣрнѣе гипотеза, тѣмъ большее количество фактовъ она объясняетъ и тѣмъ меньшее количество фактовъ ей противорѣчитъ. Отождествленіе общества съ организмомъ, сведеніе всей общественной жизни къ явленіямъ видовой жизни организмовъ, объясненіе всѣхъ соціальныхъ явленій одними психическими или одними экономическими факторами, все это—простыя соціологическія гипотезы, или предвзятыя точки зрѣнія, заранѣе опредѣляющія тотъ или другой общій взглядъ на общество. Иногда бываетъ такъ, что гипотеза заключаетъ въ себѣ лишь долю истины и при всемъ томъ дѣлается совершенно невѣрною, если только стремится подогнать подъ одну точку зрѣнія *всѣ* явленія данной категоріи, когда на самомъ дѣлѣ съ успѣхомъ объясняетъ лишь *нѣкоторыя* явленія. Настоящее развитіе науки требуетъ строго критическаго отношенія къ каждой гипотезѣ и сравненія отдѣльныхъ гипотезъ между собою, причемъ все, хорошо теоретически обоснованное и какъ слѣдуетъ фактически провѣренное, должно занимать надлежащее мѣсто въ общемъ содержаніи науки.

Разсмотримъ, что можетъ быть сказано по поводу каждой изъ этихъ гипотезъ на основаніи самыхъ общихъ соображеній.

Органическая теорія. Органическая теорія основывается на отождествленіи общества съ организмомъ. Главную силу она полагаетъ въ своихъ аналогіяхъ, но разъ дѣло идетъ о сравненіи между собою двухъ предметовъ, нужно обращать одинаковое

вниманіе не только на черты сходства, но и на черты различія. Органическая теорія старается игнорировать послѣднія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти черты различія такъ глубоки, что органическая и социальная жизнь становится предметами двухъ совершенно различныхъ наукъ. Контъ, который видѣлъ въ обѣихъ этихъ наукахъ, такъ сказать, подъ-отдѣлы одной „органической физики“, на самомъ дѣлѣ рѣзко отдѣлилъ одну отъ другой. Спенсеръ нашелъ нужнымъ между біологіей и социологіей помѣстить психологію и даже назвалъ общественное развитіе развитіемъ высшаго порядка, чѣмъ органическая эволюція, именно развитіемъ надъ-органическимъ. Это послѣднее опредѣленіе находится въ прямомъ противорѣчій съ отождествленіемъ общества и организма: если общество есть надъ-организмъ, то оно, понятное дѣло, не можетъ быть въ то же время простымъ организмомъ. Органическая теорія приравниваетъ вполнѣ развитой индивидуумъ, живущій притомъ своею собственною психическою жизнью, къ простой клѣточкѣ, такъ сказать, поглощенной въ организмъ, и не придаетъ особаго значенія тому обстоятельству, что соединеніе индивидуумовъ въ общество вовсе не требуетъ того чисто физическаго между ними сдѣвленія, безъ котораго отдѣльныя клѣточки не могли бы составлять организма. Эта теорія кое въ чемъ помогаетъ намъ понять природу общества, но въ большинствѣ случаевъ не по вопросу о томъ, что есть общество, а по вопросу о томъ, чѣмъ общество не есть и быть не можетъ.

Дарвинистическая социологія. Контъ подвелъ понятія организма и общества подъ одно общее понятіе организованнаго тѣла. Всякое живое существо и всякое общество имѣютъ извѣстную организацію, предполагающую существованіе нѣкоторой солидарности между отдѣльными частями одного и того же цѣлаго. Объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ только тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ, не приходится уже потому, что основной принципъ видовой жизни заключается въ борьбѣ за существованіе, основной принципъ жизни общественной—въ солидарности. Конечно, живя въ обществѣ, люди не перестаютъ быть животными организмами, находящимися между собою въ борьбѣ за существованіе, но именно не эта борьба, а нѣчто ей противоположное ложится въ основу общественной жизни. Если уже искать аналогій для человѣческаго общества въ животномъ мірѣ, то уже никакъ не въ явленіяхъ видовой жизни, а въ тѣхъ общежитіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ видахъ

животныхъ. Изученіе послѣднихъ важно, однако, не только для пониманія того, чѣмъ могли быть первыя соединенія людей, но и для обнаруженія тѣхъ глубокихъ различій, какія существуютъ между общежитіями животныхъ и человѣческимъ обществомъ. Соціологи, думавшіе объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ біологическихъ законовъ, конечно, вскрывали въ обществѣ многое такое, что только съ этой точки зрѣнія и объясняется. Но уже сама общественная жизнь животныхъ, немислимая безъ психическаго взаимодѣйствія находящихся въ общеніи особей, заставляетъ насъ обратиться къ помощи психологіи. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ говорить это относительно человѣческаго общества, въ которомъ „психологія“ играетъ еще большую роль и въ которомъ принципъ соціальной солидарности способенъ распространять свое дѣйствіе на гораздо большее количество отношеній и на неизмѣримо большее число индивидуумовъ.

Общія черты органическаго и дарвинистическаго направленій. Органическое направленіе и дарвинистическая соціологія имѣютъ между собою много общаго. Каждая изъ обѣихъ этихъ гипотезъ стремится свести, такъ сказать, безъ остатка соціальныя явленія на явленія чисто біологическаго характера, устраняя всѣ психическіе моменты и, въ сущности, прибѣгая къ простой аналогіи. Первое изъ нихъ превращаетъ общество въ организмъ, т.-е. въ явленіе низшаго порядка, какимъ организмъ долженъ быть по сравненію съ обществомъ и съ точки зрѣнія Кювта, и съ точки зрѣнія Спенсера. Точно также другая изъ названныхъ гипотезъ, если можно такъ выразиться, распускаетъ общество въ простую совокупность отдѣльныхъ индивидуумовъ, взаимныя отношенія между которыми сводятся лишь къ добыванію каждымъ пищи и къ временнымъ соединеніямъ существъ разнаго пола, служащимъ для продолженія вида. Это заставляетъ насъ отнестись отрицательно къ обѣимъ гипотезамъ, но у каждой изъ нихъ есть и своя положительная сторона, поскольку явленія высшей категоріи зависятъ всегда отъ явленій категорій низшихъ. Поскольку общественныя организаціи могутъ разсматриваться, какъ естественное продолженіе и дальнѣйшее развитіе біологическихъ организмовъ, можетъ итти рѣчь и о существованіи нѣкоторыхъ общихъ законовъ строенія и отправленій, равно какъ возникновенія и развитія всякихъ организацій вообще. Съ другой стороны, явленія видовой жизни продолжаютъ происходить въ нѣдрахъ жизни общественной, и существуютъ нѣкоторые общіе законы этой жизни, которые

имѣютъ одинаковую силу и для животныхъ, ведущихъ изолированную жизнь, и для тѣхъ, у которыхъ мы обнаруживаемъ общественныя связи. Однако, ни предполагаемыми общими законами явленій организаціи, ни общими законами видовой жизни мы не можемъ объяснить *всѣ* явленія, совершающіяся въ обществѣ, и въ особенности тѣ изъ этихъ явленій, коихъ мы не находимъ нигдѣ, кромѣ человѣческаго общества. Во всякомъ случаѣ органическая теорія болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ общества, нежели перенесеніе въ социологію принциповъ видовой жизни.

Общія черты психологическаго и экономическаго направленій. Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ двѣ другія гипотезы, которыя были названы выше. Одна изъ нихъ ищетъ объясненія социальнымъ явленіямъ въ фактахъ умственной жизни, именно въ идеяхъ, мнѣніяхъ; другая—въ экономическихъ отношеніяхъ. Оставимъ пока въ сторонѣ противоположность этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Въ нихъ есть и нѣчто общее. Идеи и экономическія отношенія суть явленія, наблюдаемыя только въ мірѣ человѣка, и основать социологію на изученіи такихъ проявленій духовнаго и общественнаго развитія, каковыхъ мы не наблюдаемъ въ животномъ мірѣ, значитъ дѣйствительно поднять социологію надъ биологіей. Въ обоихъ случаяхъ главное вниманіе обращено на такія отношенія, каковыхъ нѣтъ ни между влѣточками одного и того же организма, ни между особями одного и того же вида, хотя бы послѣдній и былъ общителемъ. Какъ ни одностороння каждая изъ этихъ теорій въ отдѣльности, обѣ онѣ имѣютъ антропологическій, а не зоологическій характеръ. Обѣ онѣ притомъ строятся при помощи фактовъ, представляемыхъ дѣйствительною жизнью обществъ, а не при помощи простыхъ аналогій. Обратимся теперь къ каждой изъ этихъ гипотезъ по одиночѣ. По принципу классификаціи наукъ Конта, какъ мы видѣли, непосредственною основою социологіи должна быть психологія. Тамъ, гдѣ нѣтъ психической жизни, не можетъ быть и жизни общественной. Сами экономическія отношенія, которыя другою гипотезою владутся въ основу всѣхъ общественныхъ явленій, т.-е. всѣ случаи взаимнаго обмѣна услугъ или продуктовъ труда, на каковыхъ бы условіяхъ этотъ обмѣнъ ни происходилъ, дѣлаются возможными лишь на почвѣ психическаго взаимодействія. Экономическій матеріализмъ выводитъ всю общественную психику изъ экономическаго строя общества, игнорируя то важное обстоятельство, что лежащія въ основѣ этого строя экономическія отношенія сами являются лишь

извѣстнаго рода результатами психическаго взаимодействія между отдѣльными индивидуумами. Но и вѣрная мысль можетъ получать невѣрное примѣненіе.

Объясненіе общественныхъ явленій психическими факторами. Выводить всѣ общественныя явленія изъ дѣйствія однихъ духовныхъ факторовъ возможно было бы лишь тогда, когда бы люди были существами исключительно духовными. Кромѣ того, психическіе факторы общественной жизни нельзя понимать только въ смыслѣ идей или мнѣній, т.-е. тѣхъ или другихъ представленій, какія существуютъ въ умахъ отдѣльныхъ членовъ общества. Что тому или другому міросозерпанію слѣдуетъ всегда приписывать важное общественное значеніе, объ этомъ не можетъ быть и спора, но чтобы можно было однимъ міросозерпаніемъ объяснять всѣ общественныя явленія, — это уже совсѣмъ другой вопросъ. Соціологія должна разъ навсегда отрѣшиться отъ чистаго интеллектуализма психологіи. Въ созданіи общественныхъ явленій едва ли не болѣе важную роль играютъ эмоціональная и волевая стороны психической природы человѣка. Господствующія въ обществѣ настроенія и стремленія являются такими же продуктами психическаго взаимодействія, какъ и господствующія представленія. Человѣкъ можетъ передать человѣку не только свою мысль, но и свое настроеніе, даже внушить ему — иногда простою подачею примѣра — извѣстное стремленіе или дѣйствіе. Пока не будетъ изслѣдована вся эта область психическихъ явленій, происходящихъ въ коллективной жизни людей, до тѣхъ поръ не будетъ прочныхъ основаній для рѣшенія многихъ соціологическихъ вопросовъ. Но и коллективная психологія не будетъ въ состояніи объяснить всѣхъ явленій общественной организаціи, если будутъ игнорироваться матеріальныя условія человѣческой жизни, какъ тѣ условія, которыя созданы непосредственно природою, такъ и тѣ, которыя создаются потребностями людскаго обществія.

Экономическое объясненіе общества. Эти послѣднія условія изучаются между прочимъ политической экономіей, а экономическій матеріализмъ превращаетъ ихъ въ основу всѣхъ общественныхъ явленій. Минуя психическіе факторы, онъ, собственно говоря, былъ бы прямымъ возвращеніемъ къ дарвинистической соціологіи, если бы не придавалъ особеннаго значенія тому, что въ обществѣ борьба за существованіе происходитъ иначе и ведется иными средствами, нежели въ животномъ быту. И дарвинистическая соціологія, и экономическій мате-

риализмъ видятъ въ человѣкѣ лишь животную особь, добывающую себѣ средства къ существованію и вступающую поэтому въ весьма различныя отношенія къ другимъ такимъ же животнымъ особямъ. Въ животномъ быту эти отношенія одни, въ обществѣ—другія. Экономическій матеріализмъ хорошо понимаетъ послѣднее. Его представители не дѣлаютъ изъ социологіи, такъ сказать, спеціальной части біологіи. Но все-таки въ основѣ ихъ теоріи скрытымъ образомъ лежитъ нѣкоторая гипотеза, именно мысль о томъ, что общественность лишена всякаго духовнаго характера и потому можетъ быть дѣлкомъ объяснена изъ дѣйствія однихъ матеріальныхъ факторовъ. Это—такая же предвзятая мысль, какъ и противоположная ей мысль о томъ, что общественныя явленія въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ нѣкоторымъ чисто умственнымъ состояніямъ людей. Теорія, противоположная экономическому матеріализму, часто грѣшила, приписывая слишкомъ большую роль сознанію. Экономическій матеріализмъ, напротивъ, за сознаніемъ не признаетъ значенія, и въ этомъ отношеніи онъ сходится съ органической теоріей—особенно въ пониманіи общественнаго развитія, какъ чисто стихійнаго процесса. Дарвинистическая социологія и интеллектуалистическая гипотеза общества, какъ ни различны онѣ между собою, все-таки одинаково признаютъ самостоятельное значеніе каждой индивидуальности: въ органической теоріи личность превращается въ простую клеточку высшаго индивидуума, называемаго общественнымъ организмомъ, и въ аналогичное отношеніе къ личности, какъ *quantité négligeable*, становится и экономическій матеріализмъ.

Различное отношеніе къ личности, какое мы находимъ въ разныхъ социологическихъ направленіяхъ, приводитъ насъ къ еще одному, весьма важному, вопросу.

Объективизмъ и субъективизмъ въ социологіи. Старая метафизическія теоріи общества грѣшили тѣмъ, что не изучали общества такимъ, каково оно есть, и выдавали нерѣдко за изображеніе дѣйствительности то, что, въ сущности, было лишь продуктомъ творческой мысли, направленной на рѣшеніе вопроса, какимъ должно было бы быть общество. Называя социологію первоначально общественной физикой, Контъ тѣмъ самымъ указывалъ на характеръ новой науки: она должна была заниматься только тѣмъ, что есть, а не тѣмъ, что должно быть. Впослѣдствіи въ своей „Положительной политикѣ“ Контъ занялся построеніемъ общественнаго идеала, замѣнивъ „объективный методъ“ своей социологіи „методомъ субъективнымъ“ (mé-

thode subjective). Собственно говоря, слово „методъ“ употреблено было здѣсь совершенно неумѣстно, но вопросъ былъ затронутъ важный. Дѣло въ томъ, что къ разнаго рода явленіямъ, кромѣ чисто теоретическаго отношенія, создающаго науку, съ нашей стороны могутъ существовать и другія отношенія. Изъ нихъ одно есть отношеніе чисто утилитарное, которое и становится основою всѣхъ прикладныхъ наукъ (или искусствъ). Мы можемъ, далѣе, находиться въ разнаго рода эмоціональныхъ отношеніяхъ къ разсматриваемымъ предметамъ: это — отношенія поэзіи, эстетики, публицистики, патриотизма, національнаго чувства и т. п., — отношенія, которыя весьма часто мѣшаютъ научному объективизму и потому, конечно, должны совершенно отсутствовать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исканіи научной истины. Въ своей книжкѣ „Изученіе соціологіи“ Спенсеръ даетъ хорошую общую характеристику и детальное разсмотрѣніе подобнаго рода „субъективныхъ затрудненій“. Теоретическое, утилитарное и эмоціональное отношенія къ окружающей дѣйствительности возможны съ нашей стороны одинаково и къ явленіямъ природы, и къ явленіямъ человѣческой жизни. Но моральная и социальная сторона человѣческой жизни вызываетъ къ себѣ еще и то этическое отношеніе, которое занимало столь видное мѣсто всегда въ метафизическихъ теоріяхъ общества. „Субъективный методъ“ позднѣйшихъ лѣтъ Конта былъ, въ сущности, субъективнымъ отношеніемъ къ обществу, вытекавшимъ изъ этического отношенія къ личности, какъ ни должно было въ данномъ случаѣ направлено это этическое отношеніе. Отвергнувъ вторую половину дѣятельности Конта, значительная часть позитивистовъ стала проповѣдовать, что въ социальной наукѣ общество можетъ быть предметомъ одного лишь теоретическаго отношенія, и что, слѣдовательно, человѣческая личность есть такой же объектъ науки, какъ и всѣ другіе предметы окружающаго насъ міра. Это направленіе стало называть себя объективнымъ. Органическая школа превратила личность въ простую клѣточку социального организма. Соціологи-дарвинисты видѣли въ человѣческой личности только животную особь. Точно также и въ экономическомъ матеріализмѣ мы имѣемъ дѣло съ представленіемъ о личности, какъ объ одномъ изъ факторовъ общественнаго производства, взятаго въ хозяйственномъ смыслѣ. Иногда даже представители трехъ названныхъ соціологическихъ направленій принципиально заявляютъ, что къ личности иного отношенія въ наукѣ быть не можетъ и не должно быть. Противъ таковаго воззрѣнія въ самой позитивной соціологіи чисто научнаго харак-

тера возникла, однако, оппозиція, которая считаетъ невозможнымъ теоретически понять общество безъ самаго внимательнаго отношенія къ внутреннему міру личности, а это внутреннее отношеніе признаётъ неполнымъ безъ этическаго элемента. По этому поводу въ соціологической литературѣ (главнымъ образомъ, русской) возникъ споръ, въ которомъ, къ сожалѣнію, вопросъ былъ затемненъ выраженіями „объективный методъ“ и „субъективный методъ“, когда рѣчь должна была бы идти не о вытѣсненіи одного другимъ, а о дополненіи *теоретическаго отношенія* къ человѣку *отношеніемъ этическимъ*. Въ какомъ бы смыслѣ мы ни рѣшали этотъ послѣдній вопросъ, только его и можно поставить въ соціологіи: споръ объ объективномъ и субъективномъ методахъ порожденъ недоразумѣніемъ, потому что дѣло идетъ здѣсь не о методѣ, а кромѣ того, объективнымъ и субъективнымъ методъ и быть не можетъ. Понятно, что объ этическомъ отношеніи къ личности можетъ идти рѣчь лишь при такомъ общемъ на нее взглядѣ, который исключается какъ органическою теоріей, такъ и дарвинистами въ соціологіи, а равно и экономическими матеріалистами: для представителей этихъ направлений внутренній міръ личности и ея нравственное достоинство кажутся иногда какой-то метафизикой.

Различное пониманіе практическаго значенія соціологіи. Практическое значеніе соціологіи также различно понимается различными писателями. Несмотря на чисто теоретическій характеръ, съ какимъ является соціологія Конта, на мысль объ этой наукѣ натолкнули его чисто практическія соображенія. Контъ мечталъ о реорганизаціи общества, которую считалъ возможною лишь подъ условіемъ хорошаго знанія законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Лишь такую науку онъ считалъ вполне достиженіемъ положительной ступени, которая позволяетъ предвидѣть будущее. Самое предвидѣніе это онъ признавалъ драгоценнымъ, главнымъ образомъ, не потому, что оно расширяетъ область нашего знанія, а потому, что позволяетъ намъ вѣрнѣе и успѣшнѣе поступать въ нашей практической дѣятельности. Основатель позитивной философіи вѣрилъ въ произвольное измѣненіе явленій путемъ человѣческой дѣятельности, опирающейся на знаніе законовъ этихъ явленій, и въ этомъ онъ видѣлъ основаніе для искусства, какъ пользованія научной теоріей для практическихъ цѣлей. Къ этому нужно прибавить, что всякое искусство есть не что иное, какъ совокупность средствъ, къ коимъ мы прибѣгаемъ для достиженія тѣхъ

или других цѣлей. Ни одно искусство, однако, само не ставитъ цѣлей для нашей дѣятельности: эти цѣли ставятся нашею волею, и опредѣленіе ихъ есть уже задача не искусства, даже не науки, а того, что въ данномъ случаѣ носитъ названіе этики, или моральной философіи. Въ этомъ смыслѣ свою социологію, какъ науку о *законахъ* общественной жизни, Контъ во второй періодъ своей дѣятельности хотѣлъ дополнить политивой въ смыслѣ ученія о *правильныхъ принципахъ* общественной жизни. Къ сожалѣнію, онъ сталъ рѣшать эту задачу такъ, что вызвалъ противъ себя совершенно справедливую критику и со стороны положительной науки, и со стороны здравой этики. Не касаясь послѣдняго пункта, замѣтимъ только, что „субъективный методъ“, къ которому сталъ прибѣгать Контъ, первоначально имѣлъ значеніе лишь творчества общественнаго идеала и только мало-по-малу сталъ обозначать добываніе самой истины изъ источниковъ собственнаго разума. Конечно, послѣднее было абсурдомъ, но относительно *всей* мысли Конта можно еще спорить. Признавая за социологіей значеніе теоретической основы для практическаго воздѣйствія на общество, Контъ тѣмъ самымъ допускалъ возможность этого воздѣйствія со стороны человѣка и считалъ нужнымъ указать на ту цѣль, какою долженъ человѣкъ при этомъ себѣ ставить. Такое пониманіе социологіи и было усвоено такъ называемою „субъективною школою“, которая такимъ образомъ придаетъ значеніе постановкѣ человѣкомъ своихъ цѣлей и усиліямъ, какія онъ употребляетъ для ихъ достиженія. Совсѣмъ иначе взглянули на дѣло представители объективной школы, которые доходятъ иногда до отрицанія самой мысли о какомъ бы то ни было искусствѣ въ общественныхъ дѣлахъ, хотя очень часто такая теорія совершенно не соотвѣтствуетъ собственнымъ социальнымъ стремленіямъ объективистовъ. Ихъ положенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Процессъ общественныхъ измѣненій совершается по естественнымъ законамъ независимо отъ людскаго желанія или нежеланія. 2) Постановка какихъ-либо цѣлей этому процессу со стороны человѣка и усилія, направленныя къ достиженію этихъ цѣлей, не имѣютъ поэтому смысла. 3) Общественная эволюція совершается сама собою, и для того, чтобы она приводила къ своимъ естественнымъ результатамъ, со стороны человѣка не требуется никакого вмѣшательства. 4) Разъ это такъ, то не можетъ быть и не должно быть никакого искусственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, и лучшее социальное искусство заключается въ невмѣшательствѣ. Къ такому именно взгляду

ственнымъ расчетомъ, причемъ политическая экономія, изолирующая эту сторону человѣческой жизни, изучаетъ только дѣйствіе въ этой жизни извѣстной тенденціи, нарочно игнорируя существованіе другихъ тенденцій. Совершенно такимъ же образомъ, на примѣръ, физика изучаетъ законы паденія тѣлъ, исходя изъ идеи о притяженіи ихъ землею и устраняя изъ своего разсмотрѣнія всѣ другія условія, при которыхъ можетъ совершаться паденіе тѣлъ въ дѣйствительности. Если подобнаго рода приемы непримѣнимы въ социологіи, которая имѣетъ своимъ предметомъ всю совокупность общественныхъ явленій, а не ту или другую категорию, изолированно взятую, то указанная нами четыре направленія социологіи также пользуются дедукціей, прилагая къ изученію общественныхъ явленій приципы, заимствованные изъ другихъ наукъ, каковы индивидуальная и коллективная біологія, психологія и политическая экономія. Въ извѣстныхъ границахъ такого рода дедукціи (и между прочимъ сужденія по аналогіи) вполне законны, но полагаются только на нихъ не приходится.

Индуктивное изученіе общественныхъ явленій. Одно изъ требованій научности заключается въ томъ, чтобы дедуктивные выводы выдерживали провѣрку со стороны данныхъ опыта и при помощи обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи однородныхъ наблюденій. Въ социологіи дедукція должна итти рука объ руку съ индукціей, но какъ ни важна роль послѣдней, нельзя утверждать, чтобы одинъ индуктивный методъ былъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ потребностямъ социологическихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, социологія, какъ абстрактная теорія общества, не можетъ быть основана на однихъ эмпирическихъ обобщеніяхъ конкретныхъ фактовъ, что превосходно было выяснено Миллемъ. Понятное дѣло, впрочемъ, что безъ изученія самихъ общественныхъ явленій тѣми методами, какими для этого располагаетъ наука, социологія никогда не будетъ въ состояніи выработать сколько-нибудь вѣрное и прочное ученіе объ обществѣ. Какъ и въ другихъ областяхъ знанія, и здѣсь абстрактная теорія должна находиться въ постоянномъ взаимодействіи съ научными дисциплинами совершенно конкретнаго характера. Конкретныя общественныя науки должны доставлять научно обработанный и обобщенный матеріалъ для отвлеченныхъ построений и дедукцій въ социологіи. Это-то особенно и имѣлъ въ виду Коэнтъ, когда ставилъ социологіи въ образецъ другія науки. Между тѣмъ нерѣдко въ научной литературѣ встрѣчаются взгляды, принявъ которые пришлось бы отождествить социологію съ той или другой конкретною наукой.

Соціологічне значеніє історіи. Изъ конкретныхъ наукъ самое важное значеніє для соціологіи имѣетъ, несомнѣнно, історія. Конечно, соціологія можетъ весьма многое извлекать изъ непосредственныхъ наблюденій надъ современностью, особенно если эти наблюденія ведутся по извѣстному плану, въ извѣстной системѣ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ статистикѣ. Но главный фактичскій матеріалъ соціологъ будетъ всегда получать изъ изученія прошлаго. Само излѣдованіе современныхъ соціальныхъ явленій можетъ дать настоящіе плоды подѣ условіемъ изученія не только взаимной связи между этими явленіями, но и породившихъ ихъ причинъ въ прошломъ, равно какъ и тѣхъ слѣдствій, которыя должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явленія сдѣлаются фактами прошлаго. Съ другой стороны, многіе факты современности получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь тогда, когда къ объясненію ихъ мы привлекаемъ аналогичные факты, наблюдавшіеся въ прошломъ, или когда знаемъ генезисъ объясняемыхъ нами фактовъ. Наконецъ, то, что мы называемъ современностью, такъ сказать, съ каждою новою минутою само дѣлается прошлымъ, т.-е. становится достояніемъ історіи. Но самое важное, это—то, что въ лѣтописяхъ исторической науки мы имѣемъ такое громадное количество соціологическаго матеріала, какого намъ не даетъ и дать не можетъ непосредственное наблюденіе надъ окружающею насъ дѣйствительностью. Если мы примемъ еще въ расчетъ, что современная соціологія рассматриваетъ общество не какъ неизмѣнное бытіе, а какъ развивающееся явленіе, то мы поймемъ, почему историческая наука имѣетъ особое право на вниманіе со стороны соціологовъ.

Для того, однако, чтобы соціологія могла пользоваться історіей, какъ вспомогательной наукой, необходимо, чтобы сама історія стояла на извѣстной высотѣ научнаго развитія. Въ XIX в. історія сдѣлала весьма крупныя успѣхи въ разработкѣ своего предмета, благодаря, главнымъ образомъ, научному методу и научному духу, которые были внесены въ самую работу надъ историческимъ матеріаломъ. Но мы здѣсь не касаемся этого предмета. Кромѣ того, історія стала сближаться съ естествознаніемъ, и на мысли о такомъ сближеніи была даже основана попытка цѣлой реформы исторической науки, сдѣланная Боклемъ въ его „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ и стоящая въ прямомъ родствѣ съ основными взглядами Конта. вмѣстѣ съ этимъ произошло сближеніе между історіей и другими общественными науками: параллельно съ „историческими школами“ въ юриспруденціи и политической экономіи возникаютъ въ самой історіи совер-

пенно новыя юридическое и экономическое направлєнія. Новая постановка социальныхъ вопросовъ въ жизни и зарожденіе новой общественной науки отражаются на исторіи тѣмъ, что она все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ свое вниманіе на тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, которыя болѣе всего занимаютъ и социологовъ. Однимъ словомъ, въ процессѣ своего развитія историческая наука все болѣе и болѣе подчиняется социологической точкѣ зрѣнія, дѣлая главнымъ своимъ предметомъ общество въ его строѣ и бытѣ. При такомъ пониманіи исторіи наука эта и социологія—одна конкретная, другая абстрактная—должны взаимно дополняться. Къ сожалѣнію, нужно только прибавить, что далеко еще не всѣ писатели, касавшіеся предмета, понимаютъ надлежащимъ образомъ различіе между социологіей и исторіей и ихъ взаимныя отношенія. Иногда во имя одной науки за другую даже не признается права на существованіе, а иногда различныя задачи обѣихъ наукъ страннымъ образомъ смѣшиваются. Это—одно изъ печальныхъ явленій современной социологической и историко-философской литературы. Особенно много путаницы вносится авторами, не понимающими чисто абстрактнаго характера социологіи и думающими, что социологія есть лишь извѣстнымъ образомъ преобразованная исторія ¹⁾.

Внесеніе историческаго метода въ другія общественныя науки. Мы здѣсь совсѣмъ ничего не говоримъ о методахъ исторической науки, какъ таковой, отъ которыхъ нужно отличать историческій методъ въ другихъ наукахъ. Выше было уже сказано, что въ XIX столѣтіи историческій методъ былъ примѣненъ къ изученію юридическихъ и экономическихъ явленій. Дѣло дошло даже до того, что крайніе представители исторической школы въ политической экономіи стали прямо отрицать научное значеніе за примѣненіемъ къ изученію экономическихъ явленій какаго бы то ни было другого метода за исключеніемъ историческаго. Представители этого направленія способны были договариваться до отрицанія какихъ бы то ни было общихъ абстрактныхъ законовъ политической экономіи. Стать на точку зрѣнія такого односторонняго историзма значитъ совсѣмъ не признавать возможности абстрактнаго изученія экономическихъ явленій. Примѣненіе такой точки зрѣнія къ социологіи было бы равносильно уничтоженію этой науки, какъ науки абстрактной. Вотъ почему литература по методологіи политической экономіи,

¹⁾ Нечего говорить, что столь же неосновательно видѣть истинную социологию въ статистикѣ, къ чему были склонны нѣкоторые писатели, увлеченные примѣромъ Кетле. О послѣднемъ см. выше, стр. 6.

въ которой разсматриваются взаимныя отношенія абстрактной дедукціи и историческаго изученія конкретных явленій, имѣетъ не только спеціальный, политико-экономическій, но и общій, соціологическій, интересъ.

Важность этнографическаго матеріала для соціологіи. Фактическій матеріалъ соціологіи заключается не только въ данныхъ исторіи и статистики, но и въ данныхъ другихъ наукъ, изучающихъ жизнь народовъ. Сюда прежде всего нужно отнести этнографію съ изученіемъ такъ называемыхъ переживаній въ народномъ быту цивилизованныхъ странъ и съ изученіемъ быта дикарей, который не можетъ быть предметомъ исторіи. Съ другой стороны, изслѣдованіе въ области первобытной культуры, пользующееся между прочимъ данными этнографіи, расширяетъ область соціологическаго матеріала, захватывая такъ называемыя доисторическія времена, откуда уже прямой переходъ къ чисто животному, такъ сказать, досоціологическому состоянію человѣчества. Въ сущности, это—все одинъ и тотъ же матеріалъ, т.-е. конкретныя явленія культурнаго быта и соціальнаго строя, и все различіе заключается въ томъ, что одни явленія относятся къ болѣе позднимъ эпохамъ и болѣе высокимъ ступенямъ развитія, другія—къ эпохамъ болѣе раннимъ и къ болѣе примитивнымъ ступенямъ развитія. Для соціологіи изученіе жизни дикарей и первобытнаго человѣка получало столь важное значеніе, что многіе (конечно, по явному недоразумѣнію) въ этомъ и полагаютъ настоящую задачу соціологіи, какъ будто бы это была тоже своего рода преобразованная этнографія.

Сравнительное изученіе общественныхъ явленій. Историческій и этнографическій матеріалъ можетъ быть предметомъ весьма различной обработки, и не всякая обработка этого матеріала имѣетъ соціологическое значеніе. Задача соціологіи заключается въ открытіи общихъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями. Въ числѣ способовъ, коими пользуется наука для достиженія этой цѣли, важное мѣсто принадлежитъ обобщенію однородныхъ фактовъ. Этимъ открывається широкое поле для примѣненія къ историческому и этнографическому матеріалу такъ называемаго сравнительнаго метода. Въ жизни народовъ мы встрѣчаемся съ однородными явленіями, которыя часто могутъ быть объяснены или происхожденіемъ изъ общаго источника, или заимствованіями однимъ народомъ у другого. Но есть и еще одинъ способъ для объясненія подобнаго рода сходствъ: вотъ этотъ-то способъ въ чисто соціологическихъ изслѣдованіяхъ и имѣетъ особенно важное значеніе. Сходныя явленія могутъ возни-

вать и при отсутствіи общаго источника или безъ помощи заимствованія. Разъ общественныя явленія совершаются закономѣрно, одинаковыя причины должны порождать и одинаковыя слѣдствія, а потому обнаруженіе сходствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и рѣчи быть не можетъ объ общемъ источникѣ или заимствованіи, всегда является первымъ шагомъ къ установленію какого-либо соціологическаго закона. Правда, такимъ путемъ можно отрывать лишь такъ называемые эмпирическіе законы, требующіе еще дедуктивнаго обоснованія для того, чтобы стать законами научными, но и это въ высшей степени важно. Таково значеніе сравнительнаго метода для соціологіи, и мы не касаемся значенія этого метода для чисто конкретныхъ статистическихъ, историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій: тамъ этотъ методъ оказываетъ свои особыя услуги, не подлежащія нашей оцѣнкѣ въ настоящемъ обзорѣ.

Литература, обязанная своимъ происхожденіемъ примѣненію сравнительнаго метода, весьма обширна. Ранѣе всего этотъ методъ былъ примѣненъ (еще въ началѣ XIX в.) къ языковеденію, откуда онъ постепенно распространился и на другія науки, изучающія культурную сторону исторической жизни народовъ: за сравнительнымъ языковеденіемъ послѣдовали сравнительная миеологія и сравнительно-историческое изученіе религіозныхъ вѣрованій, сравнительная исторія литературы и т. п. Сравнительное изученіе явленій политическихъ, юридическихъ и экономическихъ возникло нѣсколько позже, и уже теперь имѣетъ громадную литературу, которая, несомнѣнно, обладаетъ весьма значительнымъ соціологическимъ интересомъ.

Примѣненіе эволюціонной точки зрѣнія къ изученію общественныхъ явленій. Еще одна особенность сравнительно-историческихъ и сравнительно-этнографическихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что всѣ они ведутся съ эволюціонной точки зрѣнія, т. е. въ томъ, что каждое явленіе изучается въ его развитіи, причемъ дѣлаются попытки, — не всегда, впрочемъ, удачныя, — формулировать общіе для всѣхъ народовъ законы развитія такихъ общественныхъ формъ и учреждений, каковы семья и родъ, собственность и государство. Переворотъ, совершенный въ біологіи эволюціонной теоріей Дарвина, значительно оживилъ однородное направленіе въ изученіи культурныхъ и соціальныхъ формъ. Но не нужно забывать, что біологическому эволюціонизму уже предшествовало примѣненіе эволюціонной точки зрѣнія къ такимъ явленіямъ, какъ языкъ и право: само историческое къ нимъ отношеніе уже заключало въ себѣ эволю-

ціонную точку зрѣнія. Наибольше грандіозною попыткою, кака была сдѣлана въ философіи второй половины XIX в., для того, чтобы представить все мірозданіе, какъ эволюцію, является, конечно, синтетическая философія Спенсера; но не нужно забывать, что этой реалистической и позитивной попыткѣ предшествовала въ первой половинѣ XIX в. идеалистическая и метафизическая попытка Гегеля понять міръ, какъ развитіе. Въ этомъ отношеніи философія XIX в. отличается отъ философіи, такъ сказать, неподвижнаго бытія, господствовавшей въ болѣе раннія эпохи.

Особая важность эволюціонной точки зрѣнія при соціологической обработкѣ конкретнаго матеріала заключается въ томъ, что на почвѣ, ею созданной, совершается сближеніе между двумя нерѣдко другъ другу враждебными направленіями, т.-е. направленіемъ абстрактнымъ и теоретическимъ, склоннымъ въ повторенію раціоналистическихъ ошибокъ XVIII в., и направленіемъ историческимъ и конкретнымъ, которое въ своей односторонности могло бы иной разъ довольствоваться, пожалуй, однимъ грубымъ эмпиризмомъ.

Общій выводъ о разныхъ направленіяхъ соціологіи. Соціологія представляетъ изъ себя науку въ высшей степени сложную. Будучи наукою абстрактною, она должна питаться данными наукъ конкретныхъ и въ свою очередь направлять работу этихъ послѣднихъ. Мы видѣли, какія направленія существуютъ въ соціологіи, благодаря четыремъ основнымъ взглядамъ на природу человѣческаго общества. Еще большее разнообразіе мы наблюдаемъ въ работахъ соціологическаго характера, исходящихъ не изъ той или другой гипотезы объ обществѣ, а изъ изученія того или другого фактическаго матеріала. Каждое направленіе имѣетъ свой *raison d'être*, и въ каждомъ есть своя доля истины; но каждое дѣлается неправымъ, когда одному себѣ приписываетъ всю истину. Это можно сказать не только относительно четырехъ основныхъ гипотезъ, но и относительно другихъ сторонъ вопроса: соціологія нуждается и въ дедукціи, и въ индукціи, и въ абстрактно-теоретическихъ построеніяхъ, и въ конкретно-историческихъ изслѣдованіяхъ, равно какъ и въ эмпирическихъ обобщеніяхъ, требующихъ раціональнаго обоснованія, чтобы стать вполне научными законами, и въ формулахъ дедуктивнаго происхожденія, требующихъ фактической провѣрки для того, чтобы имѣть право также называться научными законами.

Къ счастью для соціологіи, отдѣльныя ея направленія и

школы не до такой степени между собою разобщены, чтобы не испытывали влияния одна со стороны другой. Можно даже сказать, что в действительности различныя школы и направленія не только раздѣляютъ многіе общіе взгляды, но и одна въ другую переходятъ, различнымъ образомъ комбинируя однѣ и тѣ же или родственныя идеи. Исключение изъ этого общаго правила представляетъ пока одинъ экономическій матеріализмъ, который, будучи впервые формулированъ въ срединѣ XIX в., получилъ сколько-нибудь замѣтное литературное развитіе только въ послѣднее десятилѣтіе, совершенно почти не отразивъ на себѣ общаго движенія социологіи за эти сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Органическое направленіе въ социологіи.

Происхожденіе аналогій между обществомъ и организмомъ. Исходнымъ пунктомъ органическаго направленія социологіи является гипотетическое отождествленіе общества съ организмомъ. Наука вообще идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и въ данномъ случаѣ неизвѣстное есть общество, для объясненія котораго прибѣгаютъ къ организму, какъ въ чему-то, наоборотъ, уже вполне извѣстному. Разъ общество есть организмъ, все то, что можно сказать объ организмѣ, можно будетъ сказать и объ обществѣ. Такой методъ изученія общества можетъ быть названъ аналогическимъ. Въ основѣ органической гипотезы, дѣйствительно, лежитъ аналогія.

Эта аналогія имѣетъ очень древнее происхожденіе. Въ Индіи четыре касты выводились изъ разныхъ частей тѣла Брами. Во время извѣстнаго отшествія римскихъ плебеевъ на Священную гору Мененій Агриппа рассказалъ басню о томъ, какъ стали спорить между собою члены человѣческаго тѣла. Выраженія — „тѣло“ (corpus), „глава“ (caput), „члены“ (membra) — стали употребляться примѣнительно къ государству или обществу въ политической литературѣ также весьма рано. Къ этой же категоріи выраженій относятся и такія, какъ: органы власти, организація государства и т. п. Правда, все это болѣе относится къ терминологіи, нежели къ пониманію, но и само органическое пониманіе существовало уже гораздо ранѣе возникно-

венія мысли о позитивной соціологіи. Въ нѣмецкой государственной наукѣ, въ основѣ которой лежали метафизическія идеи, уже существовало цѣлое органическое направленіе (*die organische Staatslehre*). Органическій взглядъ на общество сдѣлался, какъ мы видѣли, даже весьма популярнымъ въ реакціонной политической литературѣ начала XIX в., и съ чисто научной точки зрѣнія это былъ шагъ впередъ сравнительно съ механическимъ взглядомъ, господствовавшимъ въ XVIII столѣтіи.

На органическую школу въ соціологіи (особенно у нѣмцевъ) можно смотрѣть поэтому, какъ на продолженіе болѣе старой научной традиціи; но здѣсь, кромѣ того, мы имѣемъ и нѣчто новое.

Въ то самое время, какъ рассматриваемое направленіе въ соціологіи отождествило общество съ организмомъ, біологія, съ своей стороны, стала видѣть въ организмѣ своего рода общество, состоящее изъ недѣлимыхъ низшаго порядка — клѣточекъ или біоновъ. Это было уже пониманіемъ организма по аналогіи съ обществомъ, какъ бы перенесеніемъ соціологическихъ понятій въ область явленій индивидуальной біологіи. Найдены были даже переходныя ступени между обществомъ и организмомъ, т.-е. такія формы жизни, которыя не могутъ быть подведены ни подъ одно изъ двухъ названныхъ понятій. Наконецъ, самое происхожденіе индивидуальныхъ организмовъ стало объясняться путемъ, такъ сказать, срастанія живыхъ существъ низшаго порядка. Это новое пониманіе организма было какъ нельзя болѣе на руку отождествленію общества съ организмомъ. Оставалось только развивать далѣе основную аналогію, и за этимъ дѣло не стало. Уже прежде существовали грубыя уподобленія мозгу правительству, артерій путямъ сообщеній, кровяныхъ шариковъ деньгамъ; теперь такія поверхностныя сравненія были оставлены для сближеній болѣе абстрактнаго характера (что не мѣшало, впрочемъ, по аналогіи съ біологическими науками создавать разныя анатоміи, фізіологіи, эмбриологіи общества и т. п.). Развивая въ подробностяхъ основную аналогію, каждый представитель органическаго направленія дѣлалъ это, однако, по-своему, благодаря чему явилось нѣсколько органическихъ теорій общества, между собою несходныхъ и даже прямо одна съ другою непримиримыхъ. Оно и понятно, такъ какъ каждый могъ понять самую задачу такъ или иначе, могъ посмотрѣть на общество съ той или иной точки зрѣнія, воспользоваться для своего соціологическаго построенія весьма различными данными и соединить съ своею основною концепціей результаты, добытые не однѣми и тѣми же общественными науками.

Представители органическаго направленія въ социологиі. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ органическаго направленія въ социологиі нужно, конечно, признать Герберта Спенсера, о которомъ у насъ, главнымъ образомъ, далѣе и будетъ идти рѣчь. Но кромѣ Спенсера, можно указать и на другихъ писателей, исходнымъ пунктомъ которыхъ также является отождествленіе общества съ организмомъ. Таковы преимущественно Шеффле и Лилиенфельдъ.

Сочиненіе Шеффле „Строеніе и жизнь общественнаго тѣла“ вышло въ свѣтъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. Авторъ этого труда разсматриваетъ общество преимущественно съ экономической точки зрѣнія (тогда какъ у Спенсера преобладаетъ точка зрѣнія политическая), причемъ кѣлочкою общественнаго тѣла является у него не индивидуумъ, а семья, матеріальныя же, экономическія блага играютъ роль междукѣлочныхъ веществъ. Съ другой стороны, однако, Шеффле самъ отмѣчаетъ глубокую разницу между способомъ органическаго и социальнаго развитія, придавая важное значеніе духовному фактору и стремленію къ реформѣ (Reformtrieb), наблюдаемымъ въ общественной жизни. Не входя въ разборъ этой теоріи, укажемъ только на то, что самъ Шеффле такимъ образомъ не берется объяснить общественное развитіе безъ чисто психическаго фактора.

Еще болѣе психологическій характеръ имѣетъ социологическая теорія Лилиенфельда, изложенная въ шеститомномъ трудѣ Лилиенфельда „Мысли о социальной наукѣ будущаго“, — сочиненіи, которое, строго говоря, подчасъ представляется чисто метафизическимъ трактатомъ, хотя, съ другой стороны, на немъ сильно сказалось вліяніе позитивной и эволюціонной мысли второй половины XIX в. Замѣтимъ еще, что, говоря о духовной сторонѣ общественной жизни, Лилиенфельдъ выдвигаетъ на первый планъ умственный элементъ. Что касается до біологическихъ аналогій, то въ социологиі Лилиенфельда онѣ играютъ весьма видную роль. Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ своемъ взглядѣ на общество авторъ стремится поддерживать равновѣсіе между политической, экономической и юридической точками зрѣнія на общество, такъ что въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ его нельзя упрекнуть въ одностороннемъ пониманіи общественныхъ явленій. Ниже, въ другой связи намъ придется упомянуть еще оставшуюся малоизвѣстную попытку Линднера примѣнить къ пониманію общества органическую аналогію.

Представителемъ той же идеи является и Эспинасъ, сочи-

неніє котораго „Общественная жизнь животных“ относится, впрочемъ, къ другой области.

Соціологическіе труды Спенсера и его отношеніе къ Конту. Переходимъ теперь къ Герберту Спенсеру. Первый соціологическій трактатъ этого философа подъ заглавіемъ „Соціальной статьи“ вышелъ въ свѣтъ въ 1850 г., а черезъ десять лѣтъ послѣ того Спенсеръ предпринялъ работу надъ обширною „Системою синтетической философіи“, въ составъ коей вошли слѣдующіе отдѣльные труды: „Основныя начала“, „Основанія біологіи“, „Основанія психологіи“, „Основанія соціологіи“ и „Основанія этики“. Кроме того, Спенсеръ написалъ нѣсколько статей, имѣющихъ отношеніе къ общественной наукѣ; первому же тому его соціологическаго трактата („Основанія соціологіи“), вышедшему въ свѣтъ въ 1876 году, предшествовала особая книга подъ заглавіемъ „Изученіе соціологіи“. Когда появились „Основныя начала“ Спенсера, въ одномъ французскомъ журналѣ была напечатана статья, авторъ которой высказалъ мнѣніе, что Спенсеръ является ученикомъ Конта. Спенсеръ протестовалъ противъ этого книжкой подъ заглавіемъ „Классификація наукъ“ съ приращеніемъ статьи „О причинахъ разногласія съ Контомъ“ (1864). Цѣлю написанія этой книжки Спенсеромъ было доказать независимость его философіи отъ Конта. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ называетъ философское предпріятіе Конта „замысломъ, полнымъ величія“, а попытку осуществить его — „заслуживающею удивленія и одобренія“. Признавая себя „солидарнымъ съ Контомъ относительно тѣхъ основныхъ доктринъ, которыя являются ихъ общимъ наслѣдіемъ“, и заявляя о своемъ несогласіи съ Контомъ „относительно принциповъ, которые составляютъ личную философію послѣдняго“, т.-е. отвергая свою зависимость отъ основателя позитивной философіи, Спенсеръ, однако, перечисляетъ пункты прямого заимствованія у Конта. Къ числу такихъ заимствованій онъ относитъ понятіе соціального consensus'a, а также изобрѣтенное Контомъ слово соціологія. Отмѣтивъ далѣе, что между ихъ политическими убѣжденіями существовала самая крайняя противоположность, и что его собственные взгляды въ этой области должны были бы вызвать со стороны Конта „самое полное отвращеніе“, Спенсеръ указываетъ на то, что оба они сходятся тѣмъ не менѣе на „аналогіи между индивидуальнымъ организмомъ и организмомъ соціальнымъ, предвидѣнной Платономъ и Гоббсомъ“. Но и тутъ онъ заявляетъ, что его взглядъ на этотъ предметъ внушенъ ему, собственно говоря, натуралистомъ Бэромъ, а не Контомъ. Совпаденіе названія перваго сво-

его труда „Соціальная статика“ съ совершенно такимъ же выраженіемъ у Конта Спенсеръ называетъ совершенно случайнымъ и доказываетъ, что здѣсь было сходство только въ словахъ, а не въ самомъ понятіи. Специально въ работѣ о „Классификаціи наукъ“ онъ критикуетъ классификацію Конта, замѣняя ее своею собственною. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, насколько основательны всѣ эти заявленія Спенсера. Замѣтимъ только, что нѣкоторые писатели высказываютъ мнѣніе, по которому Спенсеръ былъ не всегда правъ, хотя отсюда, конечно, еще далеко до утвержденія, будто Спенсеръ былъ только ученикомъ Конта. Между обоими существуетъ дѣйствительно громадная разница, и вліяніе, оказанное Контомъ на Спенсера, отнюдь не уничтожаетъ его самостоятельности.

Мы только что сказали, что Спенсеръ замѣняетъ классификацію наукъ Конта своею. Въ послѣдней онъ также употребляетъ выраженія „абстрактная наука“ и „конкретная наука“ и создаетъ даже классъ наукъ абстрактно-конкретныхъ. Но уже Миль замѣтилъ, что Спенсеръ употребляетъ термины совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Контъ. Прибавимъ, впрочемъ, что терминологія Конта сама порождаетъ большія недоразумѣнія: мы бы предложили называть однѣ науки номологическими, другія—феноменологическими, т.-е. науками о законахъ и науками объ явленіяхъ. Для насъ важно только, что Спенсеръ помѣстилъ между біологіей и соціологіей психологію и этимъ дѣйствительно исправилъ недостатокъ классификаціи Конта. Спенсеръ, далѣе, не раздѣляетъ и ученія о трехъ фазисахъ міросозерцанія, но, въ сущности, и онъ стоитъ на позитивной точкѣ зрѣнія, такъ какъ строго отличаетъ непознаваемое отъ познаваемого и лишь послѣднее дѣлаетъ предметомъ науки. Какъ и Контъ, въ тому же онъ видитъ въ философіи высшее единство научнаго знанія и устраняетъ изъ своей философіи всякія гаданія о сущности непознаваемого. Изъ другихъ пунктовъ различія между обоими мыслителями отмѣтимъ еще два. Во-первыхъ, Спенсеръ несогласенъ съ тѣмъ, что весь соціальный механизмъ покоится въ концѣ концовъ на мнѣніяхъ и что идеи управляютъ міромъ, вносятъ въ міръ перевероты: „міръ, говоритъ Спенсеръ, управляется и измѣняется черезъ чувства, для которыхъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный организмъ покоится въ концѣ концовъ не на мнѣніяхъ, но почти всецѣло на характерахъ“ и т. д. Такимъ образомъ (считаемъ нужнымъ это здѣсь отмѣтить) Спенсеръ все-таки, какъ и Контъ, стоитъ за психологическое объясненіе „соціальнаго механизма“, хотя это

и не особенно вяжется съ превращеніемъ общества въ организмъ. Во-вторыхъ, Спенсеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что его политическія убѣжденія относятся къ числу тѣхъ, „къ коимъ Контъ питалъ самое полное отвращеніе“. „По мнѣнію Конта, поясняетъ Спенсеръ, самое совершенное общество есть такое, въ которомъ управленіе достигло своего высшаго развитія... и въ которомъ индивидуальная жизнь должна быть подчинена по большей части жизни соціальной. По моему мнѣнію, напротивъ,—продолжаетъ онъ,—идеаломъ, къ которому мы идемъ, является общество, въ коемъ управленіе будетъ доведено до возможно меньшихъ предѣловъ, а свобода достигнетъ по возможности наибольшей широты“. Это весьма важный пунктъ различія. Мы уже ранѣе указали на то, что Контъ былъ отъявленнымъ врагомъ индивидуализма и стоялъ за самую неограниченную правительственную регламентацію. Спенсеръ, наоборотъ, является представителемъ индивидуализма и стоитъ за самое широкое правительственное невмѣшательство, вида въ усиленіи государственной регламентаціи „грядущее рабство“. И съ точки зрѣнія оцѣнки органической гипотезы этотъ пунктъ заслуживаетъ большого вниманія. Нѣкоторые критики органической теоріи Спенсера возражали противъ нея именно съ той точки зрѣнія, что отождествленіе общества съ организмомъ противорѣчить стремленію къ индивидуальной свободѣ, не позволяющему человѣческой личности играть роль простой кѣлочкы общественнаго организма. Дѣйствительно, отождествленіе общества съ организмомъ благопріятствуетъ въ гораздо большей степени идеѣ Конта, нежели идеѣ Спенсера. Англійскаго соціолога, по справедливости, обвиняютъ въ томъ, что его политическія убѣжденія весьма близки къ буржуазному либерализму съ его безусловнымъ требованіемъ *laissez faire, laissez passer*, тогда какъ Контъ заслуживаетъ, наоборотъ, упрека въ авторитарномъ соціализмѣ въ родѣ соціализма сенъ-симонистовъ, безусловно подчинявшихъ человѣческую личность распоряженіямъ духовной и свѣтской власти общества.

Эволюціонизмъ Спенсера. Въ основу всей философіи Спенсера положена идея эволюціи, чѣмъ его система напоминаетъ систему Гегеля. Только философія Спенсера—реалистическая, философія Гегеля—идеалистическая. Эту же идею эволюціи положилъ въ основу своей біологической теоріи и Дарвинъ. Но біологическая эволюція составляетъ только часть міровой эволюціи, о которой говоритъ Спенсеръ. Соціальную эволюцію англійскій философъ не только понимаетъ по аналогіи съ орга-

съ другомъ, тогда какъ живыя единицы, составляющія собою общество, свободны, не находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи, но разсѣяны болѣе или менѣе далеко другъ отъ друга“. Это, дѣйствительно, важное различіе, ибо чисто физическая связь, какая существуетъ между клѣточками въ организмѣ, замѣняется въ обществѣ психическою связью между отдѣльными его членами, а это влечетъ за собою цѣлый рядъ важныхъ теоретическихъ послѣдствій. Спенсеръ, однако, такъ сказать, отворачивается отъ этого соображенія и, самъ же признавая, что указанное имъ различіе имѣетъ основной характеръ, старается доказать, что оно только *повидимому* устраняетъ всякую возможность сравненія, но на самомъ дѣлѣ менѣе важно, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Во-вторыхъ, между обществомъ и организмомъ Спенсеръ обнаруживаетъ другой контрастъ, — „контрастъ, какъ онъ самъ выражается, имѣющій очень знаменательный смыслъ и вліяющій основнымъ образомъ на нашу идею относительно той цѣли, къ осуществленію которой должна стремиться общественная жизнь“. Дѣло въ томъ, что „хотя раздѣльность социальнаго организма не препятствуетъ раздѣленію отправления и взаимной зависимости частей, однако, не позволяетъ такой дифференціаціи зайти такъ далеко, чтобы одна часть сдѣлалась органомъ чувства и мысли, а остальные части взаимно утратили совершенно всякую чувствительность... Вотъ въ чемъ, — поясняетъ Спенсеръ свою мысль, — состоитъ основное различіе между этими двумя родами организмовъ. Въ одномъ сознаніе сконцентрировано въ одной небольшой части агрегата: всѣ его единицы способны чувствовать наслажденіе и страданіе, если и не въ равной степени, то приблизительно одинаково. Слѣдовательно, тутъ не существуетъ ничего похожаго на какое-либо „общественное чувствилище“ (*social sensorium*); а потому благосостояніе агрегата, рассматриваемое независимо отъ благосостоянія составляющихъ его единицъ, нивогда не можетъ считаться цѣлью общественныхъ стремленій. Общество существуетъ для блага своихъ членовъ, а не члены его существуютъ для блага общества. Слѣдуетъ всегда помнить, что, какъ бы ни были велики усилія, направленные къ благосостоянію агрегата, всѣ притязанія этого политическаго агрегата сами по себѣ суть ничто, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ агрегатъ единицъ“. Правда, это послѣднее соображеніе должно было бы считать, какъ замѣчаетъ самъ Спенсеръ, „скорѣе отвлоченіемъ отъ предыдущей аргументаціи (т.-е. отъ аргу-

ментации въ пользу сходства между обществомъ и организмомъ), чѣмъ ея продолженіемъ"; однако и тутъ онъ не даетъ высказанной мысли того развитія, на которое она имѣетъ право. Благодаря дискретности общества, каждый членъ послѣдняго остается вполнѣ самостоятельнымъ существомъ, способнымъ самъ за себя наслаждаться и страдать, и предъявлять отъ себя обществу извѣстные требованія. Стоитъ только хорошенько подумать надъ этимъ для того, чтобы отказаться отъ пониманія общества исключительно на почвѣ біологической аналогіи и обратиться за объясненіемъ общественныхъ явленій къ психическимъ факторамъ человѣческой жизни. Говоря о притязаніяхъ индивидуума, Спенсеръ, въ сущности, выражается въ гораздо большемъ соотвѣтствіи съ своимъ политическимъ индивидуализмомъ, чѣмъ съ своимъ органическимъ пониманіемъ общества. Съ другой стороны, отождествляя общество съ организмомъ, онъ строитъ свою соціологію непосредственно на біологической основѣ, хотя самъ же не только теоретически помѣщаетъ между біологіей и соціологіей психологію, но и практически вводитъ въ соціологію изученіе чисто психологическихъ явленій.

Дѣйствительное содержаніе соціологіи Спенсера. Тѣ главы, въ которыхъ Спенсеръ проводитъ аналогію между обществомъ и организмомъ, составляютъ не самое начало его соціологическаго трактата. Вся первая часть его „Основаній соціологіи“ представляетъ изъ себя главнымъ образомъ изслѣдованіе первобытнаго человѣка, притомъ преимущественно въ его идеяхъ, въ его міросозерцаніи. Все это относится болѣе къ духовной, чѣмъ къ общественной жизни народовъ, составляетъ предметъ изслѣдованія чувствъ и вѣрованій первобытнаго человѣка, коимъ Спенсеръ приписываетъ соціологическое значеніе величайшей важности. Психическимъ моментамъ страха предъ живыми и передъ мертвыми (вѣра въ переживаніе души) Спенсеръ придаетъ значеніе факторовъ, опредѣляющихъ собою общественную жизнь, а разъ рѣчь идетъ здѣсь не только о чувствахъ, но и о вѣрованіяхъ, то въ объясненіи общественныхъ явленій признается роль не одного эмоціональнаго, но и интеллектуальнаго элемента. Почти вся первая часть „Основаній соціологіи“ посвящена изображенію первобытной умственной культуры человѣчества; извѣстно даже, что на этой почвѣ Спенсеръ столкнулся съ Тэйлоромъ, которому такъ много обязана наука разъясненіемъ вопроса о первобытномъ міросозерцаніи. Все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о томъ, есть ли общество организмъ или же нѣчто отличное отъ организма. Въ этой части

своего труда Спенсеръ пользуется исключительно данными и выводами сравнительнаго изученія культурнаго (этнографическаго и историческаго) матеріала. Эти же данныя и выводы доминируютъ и въ остальныхъ (начиная съ третьей) частяхъ „Основаній соціологіи“, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ домашнихъ, обрядовыхъ, политическихъ, церковныхъ, профессиональныхъ и промышленныхъ. Если гдѣ органическая аналогія и получаетъ настоящее примѣненіе, такъ это въ той части, въ которой Спенсеръ разсматриваетъ политическія учрежденія, т.-е. государство, которое, собственно говоря, и является у Спенсера настоящимъ соціальнымъ организмомъ. Впрочемъ, и тутъ многое не нуждается въ органическихъ объясненіяхъ и не даетъ повода къ біологическимъ аналогіямъ. [Отмѣтимъ, напримѣръ, установленіе воинственнаго и промышленнаго типовъ общества съ превращеніемъ одного въ другой, какъ у С.-Симона и Конта]. Въ этихъ частяхъ своего трактата Спенсеръ даетъ не мало матеріала, который для того, чтобы быть понятнымъ, не только не нуждается въ отождествленіи общества съ организмомъ, но даже требуетъ признанія за обществомъ природы, отличной отъ природы организма. Можно даже сказать, что въ „Основаніяхъ соціологіи“ Спенсера иногда чисто внѣшнимъ образомъ соединяются взгляды, подсказанные органической аналогіей, съ результатами сравнительнаго изученія этнографическихъ и историческихъ данныхъ, поставленнаго на эволюціонную точку зрѣнія, такъ что вся соціологія Спенсера въ дѣйствительномъ своемъ содержаніи характеризуется не столько органической аналогіей, сколько примѣненіемъ къ изученію общественныхъ явленій сравнительнаго метода для достиженія общихъ соціологическихъ истинъ.

Идея саморазвитія общества у Спенсера. Понятіе эволюціи гораздо шире понятія органическаго развитія. Можно быть эволюціонистомъ въ соціологіи, не признавая, что общественное развитіе должно быть всецѣло формулировано въ терминахъ органическаго развитія. Мы не разсматриваемъ здѣсь того общаго взгляда на эволюцію, который проникаетъ собою всѣ части синтетической философіи Спенсера, и отмѣчаемъ только одну сторону въ приложеніи этого взгляда къ соціологіи. „Общественный организмъ“ Спенсера развивается, такъ сказать, самъ собою, какъ развивается всякій растительный или животный организмъ, какъ развивается языкъ или развивается право по ученію исторической школы въ юриспруденціи. Это — *évolution spontanée* Конта, т.-е. идея о томъ, что въ развитіи

общества все совершается, такъ сказать, непреднамеренно. безъ усилій со стороны членовъ общества, безъ борьбы между ними, отъ исхода которой зависятъ побѣды и пораженія разныхъ общественныхъ возможностей. Допустимъ даже, что общественная эволюція вполне подобна эволюціи органической и что сознательныя стремленія и преднамеренныя усилія членовъ общества отнюдь не вліяютъ на закономерный ходъ этой эволюціи. Но если бы даже это было и вполне справедливо, отсюда отнюдь не вытекало бы еще необходимости отождествлять общество съ организмомъ. Нѣкоторые послѣдователи экономического матеріализма даже ставятъ въ особую себѣ заслугу, что исповѣдуемая ими доктрина стоитъ на точкѣ зрѣнія саморазвитія общества (*évolution spontanée*) и отрицаетъ всякую „роль личности“. Но такое пониманіе социальной эволюціи соединяется у экономическихъ матеріалистовъ съ общей концепціей общества, которая далека отъ органическаго взгляда. Съ другой стороны, дарвинизмъ также представляетъ эволюцію, какъ саморазвитіе видовъ: перенесеніе этого взгляда на общество, приводя къ чисто механическимъ объясненіямъ социальныхъ перемѣнъ, и тутъ не требуетъ отождествленія общества съ организмомъ. Но это еще вопросъ, дѣйствительно ли общественная эволюція можетъ быть объяснена безъ всякаго участія элементовъ сознанія, преднамеренности и цѣлесообразной дѣятельности. Если въ современной биологіи мы наблюдаемъ возрожденіе ученій, не удовлетворяющихся чисто механическимъ объясненіемъ онтогенетическаго и филогенетическаго развитія (т.-е. развитія отдѣльныхъ организмовъ и развитія цѣлыхъ видовъ), то разныя „жизненные силы“ и телеологическія начала, къ которымъ при этомъ прибѣгаютъ, суть въ концѣ концовъ однѣ гипотезы, тогда какъ психическіе факторы общественнаго развитія, т.-е. мысли, чувства и акты воли членовъ общества являются, наоборотъ, уже настоящими реальностями. И если даже чисто механическое объясненіе биологической эволюціи совершенно вѣрно, отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы должны были закрывать глаза на существованіе въ социальной эволюціи такихъ реальныхъ явленій, каковы сознательность, преднамеренность, цѣлесообразность въ человѣческой жизни. Однимъ словомъ, есть основаніе не отождествлять социальной эволюціи съ органическою, а если бы даже такое отождествленіе было вполне законно, оно не давало бы намъ никакого права на то, чтобы отождествлять строеніе и отправленія общества съ строеніемъ и отправленіями организма. Самъ Спен-

серъ указалъ, въ чемъ заключается существенная разница между обществомъ и организмомъ, и его мысли объ этомъ предметѣ могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для критики всякихъ органическихъ аналогій.

Ученіе Спенсера объ интеграціи и дифференціаціи.
Извѣстно, въ чемъ, по теоріи Спенсера, заключается общій законъ эволюціи, который прилагается имъ къ разсмотрѣнію всѣхъ категорій явленій, начиная съ солнечной системы и кончая человѣческимъ обществомъ. Говоря коротко, эволюція, по его теоріи, состоитъ въ интеграціи; сопровождаемой дифференціаціей. Интеграція есть не что иное, какъ сплоченіе въ одно цѣлое того, что существовало ранѣе въ разсѣянномъ состояніи, причемъ происходитъ постепенное увеличеніе различія между первоначально однородными частями, составляющее именно процессъ дифференціаціи. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь аргументацію Спенсера въ пользу такого пониманія эволюціи и распространенія этой формулы на весь міръ явленій. И для того, и для другого у Спенсера мы находимъ весьма важныя основанія. Общественное развитіе одною своею стороною, дѣйствительно, вполне подходитъ подъ такое опредѣленіе эволюціи. Во-первыхъ, мы наблюдаемъ здѣсь процессъ интеграціи, т.-е. сплоченія болѣе мелкихъ общественныхъ группъ въ болѣе крупныя, а во-вторыхъ, однородность этихъ группъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто тому разнообразію отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ, изъ коихъ складывается всякое развитое общество. Чѣмъ болѣе скрѣпляется связь между частями соціального цѣлаго, тѣмъ разнороднѣе дѣлаются части этого цѣлаго. Если мы, напримѣръ, сравнимъ такъ называемую сифонофору съ какимъ-либо индивидуальнымъ организмомъ, то увидимъ, что первая состоитъ изъ сросшихся медузъ, но такъ, что каждая изъ нихъ можетъ и вести самостоятельное существованіе, и исполнять такія же функціи, какъ и всякая другая медуза. Другое дѣло — развитой организмъ: сердце или печень, глазъ или ухо не могутъ имѣть существованія, независимаго отъ всего тѣла, а въ составѣ этого тѣла сердце не можетъ исполнять функцію печени, печень — функцію сердца, какъ не можетъ глазъ слышать, а ухо — видѣть. Высота органическаго развитія измѣряется степенью интеграціи цѣлаго и дифференціаціи частей: чѣмъ совершеннѣе организмъ, тѣмъ болѣе его части поглощены цѣлымъ и тѣмъ большее различіе существуетъ между частями. Если бы мы эту формулу приложили къ „соціальному организму“, то должны были бы признать за самое совершенное — такое общество, въ которомъ каждая отдѣльная личность была бы, во-пер-

выхъ, совершенно поглощена цѣлымъ, а во-вторыхъ, способна исполнять только одну функцію. Что для социальной эволюціи возможно пойти по такому пути, это доказывается весьма многими фактами: поглощеніе государствомъ личности гражданина въ античномъ мірѣ и существованіе кастъ въ древней Индіи являются наиболѣе извѣстными примѣрами подобнаго рода эволюціи. Но противъ такой органической тенденціи общественнаго цѣлаго въ немъ дѣйствуютъ и другія силы. Общественная интеграція находитъ свой естественный предѣлъ въ невозможности для отдѣльной личности вполне утратить свою индивидуальную самостоятельность, дабы превратиться въ простую клѣточку общественнаго организма. Самъ Спенсеръ указываетъ на дискретность общества—въ отличіе отъ конкретности индивидуальнаго организма, ссылаясь при этомъ и на невозможность такой дифференціаціи между отдѣльными членами общества, какая встрѣчается между отдѣльными частями индивидуальнаго организма. Съ другой стороны, опять-таки самъ же Спенсеръ не соглашается приравнивать человеческую личность къ служебной клѣточкѣ организма, заявляя, что въ данномъ случаѣ не части существуютъ для своего цѣлаго, а цѣлое — для своихъ частей. Социальная эволюція можетъ совершаться по формулѣ эволюціи органической лишь подъ условіемъ незначительности личнаго развитія. Именно въ томъ и состоитъ это личное развитіе, что индивидуумъ борется за свое я, отстаивая свое право на самостоятельность и на полноту жизни. Съ человеческой точки зрѣнія не то общество болѣе совершенно, которое болѣе уподобляется организму, а то, которое вѣрнѣе обеспечиваетъ за личностью наибольшую свободу и наибольшее разнообразіе жизни, какія только совмѣстимы съ существованіемъ человѣка въ организованномъ сообществѣ съ себѣ подобными. Если бы даже развитіе всякой социальной организаціи и совершалось въ смыслѣ интегрированія и дифференцированія, во всякомъ случаѣ это было бы только одною стороною общественнаго развитія, взятаго въ его цѣломъ. Кромѣ организаціи, уподобляющей общество организму, въ немъ существуютъ вѣдь и организуемые элементы, съ которыми эволюція не можетъ совершить того же, что дѣлается ею въ мірѣ неорганическомъ и органическомъ. Замѣтимъ, что тамъ, гдѣ Спенсеръ формулируетъ свой законъ эволюціи, онъ говоритъ постоянно о веществѣ, тогда какъ человеческое общество не можетъ быть называемо вещественнымъ предметомъ, такъ какъ не есть же оно только простая совокупность человеческихъ тѣлъ со всѣми тѣми матеріальными предметами, которые

служать для жилья, одежды, питанія и другихъ потребностей этихъ тѣлъ.

Отклоненія самого Спенсера отъ принятой имъ формулы. Законъ интеграціи и дифференціаціи имѣетъ непосредственное отношеніе къ обществу, какъ агрегату, но социологія не можетъ не обращать вниманія на то, какое значеніе тѣ или другія общественныя формы имѣютъ для отдѣльныхъ членовъ общества. Спенсеръ самъ говоритъ о разныхъ степеняхъ соціальной эволюціи и о разныхъ типахъ общественнаго устройства, но вѣдь и то и другое можетъ имѣть весьма различное значеніе въ жизни человѣческаго индивидуума. Въ своемъ сочиненіи „Справедливости“ онъ даже проводитъ ту мысль, что государство не всегда обладаетъ одною и тою же природою, а это значитъ, что *принципы* политическихъ системъ могутъ быть различны. Спенсеръ сопоставляетъ, какъ противоположности, „системы неизмѣнныхъ и іерархическихъ отношеній и системы договоровъ“. И каковы бы ни были цѣли отдѣльныхъ обществъ, въ сущности, всякое общество имѣетъ одну цѣль—благоденствіе его членовъ. Становясь на такую точку зрѣнія, мы должны внести уже нѣкоторый другой принципъ въ пониманіе соціальной эволюціи. Известно, что Спенсеръ различаетъ военный и промышленный типы общества, отдавая предпочтеніе послѣднему, такъ какъ онъ болѣе соотвѣтствуетъ цѣли общежитія (хотя, прибавляетъ Спенсеръ, промышленный типъ пока не достигъ еще полнаго развитія). Переходъ отъ военнаго типа къ промышленному между тѣмъ не имѣетъ ничего общаго съ процессомъ эволюціи, взятомъ въ смыслѣ интеграціи и дифференціаціи. Мало того: въ своихъ „Основаніяхъ науки о нравственности“ Спенсеръ прямо говоритъ объ эволюціи поведенія въ терминахъ, также не имѣющихъ ничего общаго съ интеграціей и дифференціаціей общественнаго агрегата. Самое главное здѣсь, это—все болѣе и болѣе совершенное приспособленіе дѣйствій къ цѣлямъ. Такая формула эволюціи опять-таки имѣетъ особое значеніе. Наконецъ, и вообще Спенсеръ признаетъ, что каждая эволюція имѣетъ предѣлъ и что эволюція каждаго агрегата заключается въ установленіи въ немъ внутренняго равновѣсія, а послѣднее, конечно, мыслимо по отношенію къ обществу лишь въ томъ случаѣ, если его устройство будетъ вполне соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ, какія чловѣкъ ставитъ общественной жизни: изобразить общество, въ устройствѣ котораго эволюція достигла своего предѣла, значитъ построить общественный идеаль. У Спенсера есть свой идеаль таковаго рода, и какъ бы мы къ нему ни относились, это совер-

шенное общество Спенсера может рассматриваться скорее, как противоположность совершенному организму, именно по тому положению, которое Спенсеръ отводитъ въ немъ челоѣческой личности. Мы уже говорили выше, что Спенсеръ является въ своей политической теоріи представителемъ принципа индивидуализма, а послѣдовательное проведеніе органической аналогіи, собственно говоря, отнимаетъ у индивидуализма всякія теоретическія основанія.

Критика органической школы Михайловскимъ. Органическая теорія общества и въ частности теорія Спенсера была предметомъ немалого количества возраженій. Одни возраженія были направлены противъ уподобленія общества организму, другія—противъ уподобленія социальной эволюціи органическому развитію. Критики какъ всего этого направленія, такъ и въ частности взглядовъ Спенсера весьма часто, однако, должны были признавать, что нѣкоторыя стороны общественнаго бытія могутъ подлежать истолкованію въ смыслѣ органической аналогіи, и что съ послѣднею необходимо считаться даже такимъ взглядамъ на природу общества, которые могутъ быть названы діаметрально противоположными исходной точкѣ зрѣнія всей органической школы.

Среди социологовъ, критически рассматривавшихъ отождествленіе Спенсеромъ общества и организма, весьма видное мѣсто занимаетъ Н. К. Михайловскій. Его работы, прямо касающіяся вопроса объ обществѣ и организмѣ, относятся къ самому концу шестидесятыхъ годовъ и къ первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія. Мы имѣемъ въ виду именно слѣдующіе его труды: „Что такое прогрессъ?“, „Органъ, недѣлимое, общество“, „Что такое счастье?“ и „Борьба за индивидуальность“. Въ другихъ своихъ статьяхъ Михайловскій касался также дарвинизма въ социологіи, равно какъ экономическаго матеріализма, и работалъ, наконецъ, въ области коллективной психологіи. Къ сожалѣнію, онъ не далъ систематическаго изложенія своихъ социологическихъ взглядовъ, которые могли бы занять весьма важное мѣсто не въ одной только русской социологической литературѣ. Михайловскій, какъ социологъ, примыкаетъ къ Конту, принимая его классификацію наукъ и раздѣляя (съ извѣстными поправками) его ученіе о трехъ степеняхъ развитія міросозерцанія. Онъ признаетъ компетентность біологическихъ законовъ въ социологіи, но обнаруживаетъ въ социальныхъ явленіяхъ и такія стороны, которыя не поддаются біологическому истолкованію. Но главное, это—то, что онъ убѣжденный защитникъ

день ключъ къ пониманію способа человѣческой работы, ибо такіе мыслители совершенно не обращаютъ вниманія на то, что и составляетъ какъ-разъ отличительную черту духовнаго труда. Идею разсматриваемой школы Уордъ называетъ не только теоретически ложною, но и практически вредною. По его мнѣнію, общественный прогрессъ — полная противоположность естественнымъ процессамъ. Будемъ ли мы бездѣйствовать, исходя изъ вѣры въ сверхъестественныхъ дѣятелей, которые за насъ все сдѣлаютъ, или исходя изъ идеи, будто въ обществѣ, какъ и въ природѣ, все дѣлается само собою, мы одинаково будемъ противорѣчить истинному пониманію науки. Вѣдь наука говоритъ намъ лишь о томъ, что всѣ явленія находятся въ зависимости отъ предыдущихъ явленій, а это общее положеніе само становится основаніемъ для цѣлесообразнаго воздѣйствія со стороны человѣка на природу и для умѣнія пользоваться ея силами на благо человѣка. Совершенно основательно замѣчаетъ еще Уордъ, что взглядъ Спенсера вовсе не зависитъ отъ его неспособности понять противоположную идею, что эта идея даже безпрестанно вторгается въ цѣпь его разсужденій, и что только путемъ разныхъ хитростей устраняетъ онъ эту идею изъ своей теоріи. Какъ сторонникъ телеологіи, предполагающей въ свою очередь творческую роль человѣческаго ума, Уордъ признаетъ важное значеніе психическихъ факторовъ въ общественной жизни. Этимъ факторамъ, какъ мы увидимъ, онъ посвятилъ и отдѣльное сочиненіе.

Ученіе Фуллье о договорномъ организмѣ. На органическую школу позитивной социологіи мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на дальнѣйшее развитіе того органическаго отношенія къ государству, которое замѣнило собою при переходѣ отъ XVIII в. къ XIX в. знаменитую теорію общественнаго договора. У этой послѣдней теоріи въ настоящее время нѣтъ и быть не можетъ защитниковъ: никто болѣе не допускаетъ искусственнаго происхожденія государства, какъ никто не признаетъ, чтобы, напримеръ, языкъ былъ изобрѣтенъ совершенно сознательно и преднамѣренно. Но ошибка Руссо заключалась именно въ объясненіи *происхожденія* государства путемъ общественнаго договора, тогда какъ у него рѣчь должна была бы итти лишь о постановкѣ идеальной *цѣли* для государства, которая могла бы быть только результатомъ подобнаго договора. Разъ мы признаемъ значеніе за индивидуумами, входящими въ составъ общества, но сохраняющими свою самостоятельность, и разъ мы признаемъ значеніе за цѣлями, какія люди ставятъ обществу, и за усиліями,

которые они употребляют для достижения этих целей, мы не можем отказаться от взгляда, по которому совершеннейшее общество, как произведение политического искусства, могло бы быть результатом одного сознательного и свободного соглашения между отдельными личностями, т.-е. результатом общественного договора. Органическая теория совершенно устраняет всякую мысль о сознательности, предвзятости, телеологическом происхождении и искусственности социальных форм. Показать односторонность органического воззрения и вместе с этим выяснить, какая доля истины заключается в теории общественного договора,—эту задачу взял на себя французский философ Фуллье в своей книге „Современная наука об обществе“. В этом сочинении он устанавливает понятие „договорного организма“, в котором, по его теории, должны примириться противоположные доктрины „общественного договора“ и „общественного организма“. Фуллье также настаивает на психическом элементе общественной жизни. В своем большом труде „Психология идей-сил“ он развивает ту мысль, что каждая идея есть уже начало действия и что потому интеллектуальному фактору принадлежит в жизни активная роль. И в новейшем своем труде „Позитивистическое движение и социологическое воззрение на мир“ Фуллье говорит, что с возникновением социологии начинается новая эра в самой философии, что основанием социологии, как науки, мы обязаны Конту и что этого одного достаточно для бессмертия имени Конта в потомстве. Таким образом Фуллье, не будучи сам позитивистом, в социологии тоже примыкает к научному движению, возбужденному Контом. В только-что названном сочинении Фуллье перечисляет те воззрения Конта, которые он считает особенно важными, и между ними особое значение придает тому, что Конт положил начало самостоятельности социологии по отношению к биологии. Заметим кстати, что тот идеализм, который он желает удержать в философии, в одном, по крайней мере, отношении (именно в отношении к общественным вопросам) напоминает нам то, что другими социологами (особенно русскими) называется субъективизмом.

Подобно тому как Эспинас в своей „Общественной жизни животных“ для доказательства вѣрности органического взгляда на общество ссылается на древность этой традиции, Фуллье приводит, наоборот, идеалистическую традицию и защищает теорию общественного договора—не в смысле исторической реальности, конечно, а в смысле идеала общезжития. Он совершенно спра-

ведливо замѣчаетъ, что на вопросъ, есть ли общество организмъ или нѣтъ, даются положительные или отрицательные отвѣты, смотря по тому, съ какой стороны подходятъ къ предмету. Въ то же время Фуллье принимаетъ и органическую теорію. „Общество, говоритъ онъ, не есть простое номинальное собраніе индивидуумовъ. Напротивъ, оно есть организмъ, а договоръ своею цѣлью именно и ставитъ сдѣлать этотъ организмъ болѣе совершеннымъ и болѣе прочнымъ“. По мнѣнію, выраженному Фуллье въ другомъ мѣстѣ, самую характерною чертою „общественнаго тѣла“ нужно считать то, что „главнымъ двигателемъ въ немъ является идея, которая осуществляется въ силу уже одного того, что сознается“. Фуллье называетъ человѣческое общество договорнымъ организмомъ, прибавляя, что это организмъ, „который себя реализуетъ, сознавая и желая самого себя“.

Совпаденіе критическихъ замѣчаній съ мыслями самого Спенсера. Если мы обратимся теперь опять къ Спенсеру и спросимъ себя, какъ отнесся бы онъ къ тремъ рассмотрѣннымъ критикамъ органической теоріи, то едва ли ошибемся, когда скажемъ, что нѣкоторые изъ указанныхъ взглядовъ могли бы и даже должны были найти у него прямое сочувствіе. Спенсера многіе упрекаютъ въ чрезмѣрности индивидуализма, и потому точка зрѣнія Михайловскаго, благопріятная индивидуализму, должна была бы быть вполне понятна Спенсеру, особенно въ виду того, что самъ же онъ говоритъ о притязаніяхъ личности, когда отмѣчаетъ разницу между обществомъ и организмомъ. Для точки зрѣнія Урда въ философіи Спенсера точно также можно было бы найти теоретическое оправданіе. Въ „Развитіи политическихъ учрежденій“ Спенсеръ говоритъ, на примѣръ, что кооперации бываютъ двоякаго рода: однѣ — „безсознательныя (spontaneous), развивающіяся безъ участія мысли во время преслѣдованія частныхъ цѣлей“; другія — „придуманныя сознательно, предполагающія ясное признаніе общественныхъ цѣлей“. Правда, Спенсеръ думаетъ, что кооперации первой категоріи создаются для удовлетворенія личныхъ нуждъ, а кооперации второй категоріи имѣютъ непосредственно въ виду задачи, предполагающія цѣлое общество, но это уже другой вопросъ, насколько правильно только что указанное различеніе между индивидуальными и социальными цѣлями въ примѣненіи къ вопросу объ естественномъ и искусственномъ возникновеніи коопераций¹⁾. Важно то, что, значить, и Спенсеръ допускаетъ существованіе про-

¹⁾ Мы думаемъ, что предполагаемаго совпаденія нѣтъ, и что въ кооперацияхъ обоого рода бываетъ и то, и другое.

цесса, который Уордъ называетъ антропо-телеологическимъ. Наконецъ, и по вопросу объ общественномъ организмѣ Спенсеръ довольно недвусмысленно высказывается въ своемъ этическомъ трактатѣ. Говоря о нравственности „съ соціологической точки зрѣнія“, онъ замѣчаетъ, что, „кооперація можетъ продолжать свое существованіе только подъ условіемъ выполненія безмолвныхъ договоровъ“. „Съ установленіемъ въ обществѣ раздѣленія труда, говоритъ еще Спенсеръ, кооперація можетъ выполняться гармонически только при существованіи добровольнаго соглашенія или договора, и притомъ явно выраженнаго и опредѣленнаго, а не безмолвнаго и неопредѣленнаго, какъ прежде“ (т.-е. при коопераціяхъ безъ раздѣленія труда ¹⁾).

Новѣйшіе представители органическаго воззрѣнія въ соціологіи. Въ духѣ органической школы до сихъ поръ продолжаютъ появляться цѣлыя соціологическіе трактаты. Такова, напр., „біо-соціологическая“ теорія Изуле, изложенная въ большомъ томѣ, носящемъ названіе: „La cité moderne“ съ подзаголовкомъ: „Метафизика соціологіи“ (второе изданіе 1895 г.). Другимъ трудомъ, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, является небольшая книжка Піоже „Общественная жизнь, нравственность и прогрессъ“ (1894), въ коей проводится та мысль, что общество можно сравнивать лишь съ низшими организмами, ибо между его членами еще не существуетъ полной солидарности, и что соціальныи прогрессъ заключается въ совершенствованіи этой низшей органической формы. Но особенно характерна книга Ренэ Вормса „Общественный организмъ“ (1896), вся написанная съ точки зрѣнія аналогіи между обществомъ и организмомъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же, въ сущности, идей исходитъ и Дюргеймъ, авторъ книги „О раздѣленіи общественнаго труда“ (1893).

¹⁾ Прибавимъ, что въ самое послѣднее время Спенсеръ по поводу сочиненій Ward'a и Giddins'a заявилъ, что онъ самъ всегда понималъ значеніе психологіи для соціологіи, но что прежде ему было не вполне ясно, въ чемъ заключается различіе въ значеніи, какое для соціологіи имѣютъ біологія и психологія. Теперь онъ пришелъ къ тому выводу, что біологія важна для изслѣдованія матеріала, изъ коего складывается общество (агрегатъ живыхъ единицъ), а психологія — для изслѣдованія строенія общества (взаимныхъ отношеній между этими единицами). Этимъ Спенсеръ призналъ зависимость устройства общества отъ психической дѣятельности человѣка.

ограничиваетъ борьбу между ними. Пусть сама эта солидарность возникаетъ и развивается, какъ важное орудіе борьбы за существованіе, но сама по себѣ она есть отрицаніе борьбы внутри самого общества. Вотъ на этомъ-то предметѣ намъ и нужно подробно остановиться.

Общественная солидарность и животная борьба за существованіе. Органическая школа въ социологіи исходитъ изъ представленія не индивидуумовъ, вступающихъ между собою въ борьбу при преслѣдованіи своихъ частныхъ цѣлей, а изъ представленія общества, въ которомъ индивидуумы, солидарно подчиненные нѣкоторому высшему цѣлому, утрачиваютъ свою самостоятельность. Такъ смотрѣлъ на государство въ XVII вѣкѣ Гоббсъ. Хотя онъ и объяснялъ происхожденіе государства путемъ общественнаго договора, но самое государство онъ представлялъ себѣ, какъ организмъ, какъ единое существо (*civitas est persona una*), какъ громадное животное (Левіаѳанъ). Извѣстно, что, по теоріи Гоббса, люди, вступая въ общественный договоръ, безраздѣльно отдаютъ себя во власть этого единого цѣлаго. Совершенно иначе представлялъ себѣ Гоббсъ естественное, внѣ-государственное существованіе: по его воззрѣнію, „человѣкъ для человѣка волкъ“, и само естественное состояніе есть не что иное, какъ „война всѣхъ противъ всѣхъ“; для прекращенія этой войны и былъ заключенъ общественный договоръ. Въ этой теоріи обращаетъ на себя вниманіе—противоположеніе естественнаго состоянія, какъ состоянія борьбы, и существованія въ государствѣ, какъ прекращенія этой борьбы. Уже раньше отмѣчали сходство между представленіемъ естественнаго состоянія у Гоббса и понятіемъ борьбы за существованіе, играющимъ такую видную роль въ біологической теоріи Дарвина. Индивидуалистическіе писатели XVIII в., въ особенности экономисты, признавали существованіе въ обществѣ борьбы частныхъ интересовъ, а именно въ формѣ хозяйственной конкуренціи. Адамъ Смитъ, который въ своемъ этическомъ трактатѣ („Теорія нравственныхъ чувствъ“) придаетъ главное значеніе симпатіи къ другимъ, основалъ всю свою систему политической экономіи на принципѣ прямо противоположномъ. Изучая явленія промышленной жизни, онъ исходитъ изъ того представленія, что въ этой области человѣкъ руководствуется своимъ личнымъ интересомъ, который приводитъ его къ соперничеству съ другими людьми, руководящимися также своими частными выгодами. Всякій видитъ, что въ такомъ пониманіи экономическая конкуренція въ обществѣ есть та же борьба всѣхъ про-

тивъ всѣхъ, но только видоизмѣненная подъ вліяніемъ условій общественности. И тотъ же самый Адамъ Смитъ разъясняетъ важное значеніе общественной солидарности въ видѣ экономической коопераціи (сотрудничество). Подобно другимъ мыслителямъ своей эпохи, онъ вѣрилъ, что свободная конкуренція одна можетъ осуществить гармонію интересовъ, но дальнѣйшее развитіе политической экономіи подорвало это понятіе гармоніи, которую сама природа будто бы устанавливаетъ въ обществѣ между борющимися частными интересами. Первая брешь въ эту теорію была пробита Мальтусомъ: этотъ писатель сталъ доказывать, что размноженіе людей идетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія возрастаютъ только въ прогрессіи арифметической, отсюда неизбежность гибели всѣхъ, кому природа не приготовила прибора на своемъ пиру. Другая брешь въ ту же теорію естественной гармоніи была въ началѣ XIX в. пробита Рикардо, который обнаружилъ непримиримую противоположность интересовъ класса предпринимателей и класса рабочихъ. Развитіе этихъ соціологическихъ идей оказало несомнѣнное вліяніе на біологическую теорію Дарвина. Великій натуралистъ, какъ извѣстно, даже очень внимательно изучалъ Мальтуса. Онъ посмотрѣлъ на видовую жизнь организмовъ съ точки зрѣнія тѣхъ законовъ, дѣйствіе которыхъ среди людей ранѣе его уже признавали Гоббсъ и Мальтусъ. Такимъ образомъ, одна часть теоріи Дарвина была скорѣе перенесена изъ соціологіи въ біологію, нежели наоборотъ, и въ данномъ случаѣ ученіе Дарвина не давало соціологіи ничего новаго. Изображая гипотетическое до-общественное состояніе человѣка, Гоббсъ въ сущности высказывалъ свой взглядъ на то, въ какихъ отношеніяхъ находились бы между собою люди, если бы между ними не было никакихъ общественныхъ связей, но такое же точно состояніе отдѣльныхъ особей имѣетъ въ виду и Дарвинъ, когда формулируетъ законъ борьбы за существованіе. Точно также и Мальтусъ въ своемъ знаменитомъ законѣ народонаселенія формулировалъ общее положеніе о размноженіи людей независимо отъ того, живутъ ли они въ обществѣ или совершенно особнякомъ: размноженіе есть фактъ біологическій, а не соціологическій. Но уже Адамъ Смитъ и Рикардо создаютъ представленіе о такихъ явленіяхъ, которыя могутъ наблюдаться только въ общественной жизни, и именно въ общественной жизни человѣка. Если конкуренція должна разсматриваться, какъ видъ борьбы за существованіе, то все-таки отличительныя черты этого вида могутъ быть объяснены

лишь при помощи таких факторовъ, которые предполагаютъ извѣстную социальную организацію: иначе борьба не была бы экономической. Съ другой стороны, обнаруживъ противоположность между интересами предпринимателей и рабочихъ, Рикардо приводитъ насъ къ идеѣ классовой борьбы, — къ идеѣ, которую экономическіе матеріалисты владутъ въ основу своего пониманія исторіи, — но самое понятіе классовой борьбы указываетъ на существованіе классовъ, т.-е. опять-таки извѣстной организаціи общества. Однимъ словомъ, если въ общественной жизни и продолжаетъ дѣйствовать законъ борьбы за существованіе, то дѣйствіе его въ извѣстной мѣрѣ является уже видоизмѣненнымъ подъ вліяніемъ чисто социальныхъ факторовъ.

Борьба за существованіе и альтруизмъ. Но это еще не все. Психическая и социальная жизнь заключаетъ въ себѣ такого рода явленія, которыя, такъ сказать, стремятся прекратить борьбу за существованіе, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ той или другой группы индивидуумовъ. Современная эволюціонистическая этика (напр., Спенсеръ) доказываетъ, что альтруизмъ имѣетъ такіе же глубокіе корни въ природѣ, какъ и эгоизмъ (отоплю еще къ Друммонду). Независимо отъ этого, самый принципъ всякаго общежитія заключается въ установленіи нѣкоторой солидарности между индивидуумами, ведущими совмѣстную жизнь. Перенесеніе въ социологію цѣликомъ понятій дарвинизма для объясненія основныхъ общественныхъ явленій уже по одному тому не можетъ быть признано научнымъ, что въ своемъ принципѣ общество есть какъ-разъ отрицаніе борьбы за существованіе между составляющими его единицами. Конечно, эта борьба продолжается и въ обществѣ, но ея источникъ — не въ природѣ самого общества, а въ животной сторонѣ человѣческаго существа. Недаромъ мы всѣ проявленія борьбы за существованіе въ обществѣ, — будетъ ли то борьба между отдѣльными лицами или борьба между цѣлыми классами, — относимъ на счетъ дурного устройства общества. Недаромъ также идеаломъ общественнаго устройства мы признаемъ полную солидарность между входящими въ составъ общества единицами и въ этомъ смыслѣ принимаемъ за образецъ солидарность, существующую между отдѣльными частями организма, хотя бы и не раздѣляли при этомъ остальныхъ взглядовъ органической теоріи общества. Эта нравственная солидарность, полное осуществленіе которой составляетъ основной идеаль всѣхъ теоретиковъ и практиковъ общественной реформы, проявляется уже на низшихъ ступеняхъ животнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія для социологіи гораздо поучительнѣе

обратиться къ животнымъ общежитіямъ, тѣмъ болѣе, что, становясь на дарвинистическую же точку зрѣнія, въ человѣческомъ обществѣ мы должны видѣть дальнѣйшее развитіе тѣхъ зародышей соціальной жизни, которые мы находимъ у высшихъ и даже низшихъ животныхъ. Возникновеніе соціальной солидарности въ какой-либо животной группѣ, какъ бы мала ни была эта группа, представляетъ изъ себя ограниченіе, если не прекращеніе, борьбы за существованіе между членами этой группы. Въ настоящее время социологи, ищущіе біологическихъ основаній для изучаемыхъ ими явленій, преимущественно и обращаютъ свои взоры въ эту сторону. Среди самихъ біологовъ за послѣдніе годы замѣчается стремленіе объяснять явленія коллективной жизни особей одного и того же вида не одною борьбою за существованіе. Но на первыхъ порахъ, когда мысль была поражена гениальнымъ открытіемъ Дарвина и обнаруживала вслѣдствіе этого склонность видѣть все въ свѣтѣ этого открытія, многіе думали, что стоить только разсматривать общественныя явленія съ точки зрѣнія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, и ничего важнаго въ соціальной жизни не останется необъясненнымъ.

Разные виды борьбы за существованіе и коренныя ошибки старыхъ попытокъ основать социологию на принципахъ дарвинизма. Говоря о борьбѣ за существованіе, необходимо различать отдѣльныя ея виды. Первый видъ представляетъ изъ себя борьба съ окружающею природою. Эта борьба никогда не прекратится и чѣмъ успѣшнѣе она ведется, тѣмъ болѣе благоприятными дѣлаются шансы прекращенія другихъ видовъ борьбы. Сюда же можно отнести борьбу, въ которой люди находятся съ другими видами животнаго царства. Второй видъ борьбы, это — тотъ, который ведется между отдѣльными индивидуумами одного и того же вида. Когда нѣсколько такихъ индивидуумовъ соединяются для совмѣстной борьбы съ природою, то первымъ условіемъ подобнаго соединенія является прекращеніе борьбы или, по крайней мѣрѣ, ея ограниченіе между членами одного и того же общественного союза. Но это не исключаетъ третьяго вида борьбы, именно той, которая можетъ происходить не между отдѣльными индивидуумами, а между отдѣльными общественными группами индивидуумовъ одного и того же вида. Первые социологи-дарвинисты, главнымъ образомъ, этотъ послѣдній видъ борьбы и имѣли въ виду, сравнивая въ данномъ случаѣ отдѣльныя націи или государства съ находящимися между собою въ борьбѣ видами. Къ сожалѣнію, они забывали при этомъ нѣкото-

рия весьма существенныя обстоятельства. Во-первыхъ, если до извѣстной степени съ борьбою между отдѣльными видами (или скорѣе между разновидностями) можно еще сравнивать борьбу между отдѣльными расами человѣчества, отличными одна отъ другой въ биологическомъ отношеніи, то уже нѣтъ никакихъ основанийъ распространять это сравненіе на борьбу между національностями одной и той же расы или государствами, принадлежащими иногда къ одной и той же національности (примѣръ — война между отдѣльными греческими государствами). Во-вторыхъ, кромѣ чисто биологической борьбы мы имѣемъ здѣсь дѣло съ борьбою не между простыми собирательными единицами, каковы виды, разновидности, расы и племена, а съ борьбою между извѣстнаго рода организованными цѣлыми, каковы, напримѣръ, роды, государства, сословія, классы, партіи и т. п. Въ-третьихъ, борьба въ мірѣ человѣческомъ, будетъ ли она вестись людьми противъ природы, или однимъ человѣкомъ противъ другого человѣка, совершается при помощи средствъ, не только даваемыхъ каждому борцу природою, т.-е. средствъ, прирожденныхъ цѣлой расѣ или отдѣльному индивидууму, но и при помощи средствъ культурныхъ и социальныхъ, органически не наследуемыхъ, но получаемыхъ извнѣ. Это обстоятельство имѣетъ важное и существенное значеніе, потому что въ данномъ случаѣ обладаніе извѣстными культурными и социальными средствами оказывается рѣшающимъ моментомъ въ побѣдѣ или пораженіи цѣлаго народа либо отдѣльнаго лица, весьма часто вопреки шансамъ чисто физическаго характера. Въ-четвертыхъ, въ животномъ мірѣ пораженіе индивидуумовъ одного вида въ прямой борьбѣ съ другими индивидуумами того же вида равносильно истребленію побѣжденныхъ. Другое дѣло — въ человѣческомъ обществѣ, гдѣ возникаютъ самыя разнообразныя формы эксплуатаціи людей людьми, причѣмъ все держится не столько на физической силѣ или численномъ превосходствѣ, сколько на организаціи однихъ и на дезорганизованности другихъ или на преимуществахъ и недостаткахъ чисто культурнаго характера. Наконецъ, уже совершенно неизвѣстною для животнаго міра является столь обычная въ мірѣ человѣческомъ борьба не за существованіе, а за преобладаніе тѣхъ или другихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова, напримѣръ, борьба между отдѣльными религіями или отстаиванье отдѣльною личностью своихъ чисто духовныхъ интересовъ. Уже этотъ краткій анализъ показываетъ, что борьбу, происходящую въ человѣческомъ обществѣ, нельзя понимать и истолковывать исключительно съ точки зрѣнія прин-

циповъ, установленныхъ путемъ наблюденія надъ тѣмъ, что совершается въ животномъ мірѣ. Только при очень поверхностномъ отношеніи къ предмету могли появиться скороспѣлыя и въ настоящее время большею частью позабытыя примѣненія дарвинизма въ социологіи, въ конхъ не было недостатка на первыхъ порахъ.

Позитивные социологи въ роли критиковъ ненаучныхъ примѣненій дарвинизма. Слѣдуетъ отмѣтить, что если подобныя примѣненія и встрѣтили отпоръ со стороны *позитивныхъ* социологовъ, присоединившихся, однако, къ дарвинизму, какъ къ біологической теоріи, то это случилось главнымъ образомъ въ русской социологической литературѣ, именно въ трудахъ Миртова, Михайловскаго и Южакова. Между прочимъ, названные писатели критиковали подобнаго рода примѣненіе не только съ точки зрѣнія новыхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ общественной жизни, но и съ точки зрѣнія, которая получила названіе социологическаго субъективизма: человѣческій прогрессъ нельзя разсматривать, только какъ выживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе. Если даже устранить это соображеніе, то все-таки останется не мало и чисто объективныхъ истинъ, которыя были установлены названными критиками ненаучныхъ примѣненій дарвинизма въ социологіи.

Раздѣляя классификацію наукъ Конта, названные писатели исходятъ изъ той идеи, что законы біологіи не могутъ служить объясненіемъ для общественныхъ явленій. Это ихъ общая мысль. Кромѣ того, каждый изъ нихъ обратилъ вниманіе на одну ка-кую-либо сторону вопроса. Первый изъ названныхъ писателей въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Знаніи“, особенно подчеркивалъ ту мысль, что основнымъ фактомъ общественной жизни является солидарность, а не борьба за существованіе, и что самая борьба, производящаяся въ обществѣ, не можетъ быть объясняема исключительно дѣйствіемъ силъ, которыя обнаруживаются въ чисто животной борьбѣ. Михайловскій, посвятившій дарвинизму сравнительно менѣе вниманія, чѣмъ органической школѣ, особенно остановился на выясненіи того, что человѣческій прогрессъ не можетъ быть результатомъ дѣйствія факторовъ біологической эволюціи. Южаковъ въ своихъ „Социологическихъ этюдахъ“ поставилъ себѣ задачу — указать на то, что въ человѣческомъ обществѣ дѣйствуютъ силы, ограничивающія борьбу за существованіе, какъ въ ея проявленіяхъ, такъ и въ ея причинахъ, и что въ обществѣ естественный подборъ (и подборъ половой)

парализуется существованіемъ органически не наследуемыхъ орудій въ борьбѣ за существованіе, каковы всѣ культурныя и социальныя средства (образование, матеріальная обеспеченность, извѣстное положеніе въ обществѣ, власть и т. п.). Эти соображенія представляютъ изъ себя важный вкладъ въ социологію и въ то же время служатъ выясненію тѣхъ отношеній, которыя должны существовать между социологіей и біологіей. Тѣмъ важнѣе эти соображенія, что дѣлаются они людьми, которые не только стоятъ на дарвинистической точкѣ зрѣнія въ біологіи, но даже признають ея законность при объясненіи нѣкоторыхъ сторонъ социальной жизни. Но они не упускають изъ виду и другія стороны, т.-е. дѣйствіе историческихъ и социальныхъ факторовъ, объясняя и ихъ, впрочемъ, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны тавія работы Миртова, какъ „Цивилизація и дикія племена“ и „До человѣка“, гдѣ дается вполне правильное освѣщеніе вопросу объ общественной жизни животныхъ и о тѣхъ различіяхъ, которыя существуютъ между общественностью въ зоологическомъ мірѣ и въ человѣчествѣ. Въ концѣ-концовъ, авторъ связываетъ всѣ эти отличія съ высшимъ психическимъ развитіемъ человѣка и такимъ образомъ приводитъ социологію въ связь съ широко понимаемой психологіей. Стоя на дарвинистической точкѣ зрѣнія, онъ отъ цивилизованныхъ обществъ спускается къ дикарямъ, къ первобытнымъ людямъ, къ человѣкообразнымъ обезьянамъ и другимъ общежительнымъ позвоночнымъ животнымъ. То новое, что вносится человѣкомъ въ общественную жизнь и что не можетъ быть объяснено чисто біологическимъ путемъ, разъясняется тутъ съ достаточною полнотою и убѣдительностью.

Социологическое значеніе изученія животныхъ общежитій. Изученіе общественной жизни животныхъ интересовало раньше исключительно однихъ зоологовъ, какъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго вопроса объ образѣ жизни животныхъ. Только позднѣе этотъ предметъ получилъ болѣе широкое значеніе. Во-первыхъ, имъ должна была заинтересоваться сама біологія вообще, въ частности въ связи съ возникшимъ къ ней ученіемъ о происхожденіи сложныхъ организмовъ путемъ сожительства организмовъ элементарныхъ. Во-вторыхъ, психологія, которая раньше ограничивалась изученіемъ одного человѣка, обратившись къ животнымъ, нашла и въ нихъ общественныя инстинкты. Ислѣдованія послѣднихъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ извѣстномъ сочиненіи Вундта „Душа человѣка и животныхъ“. Наконецъ, было обращено вни-

маніе на общественную жизнь животных и социологами, увидѣвшими здѣсь одно изъ средствъ въ рѣшенію вопроса о происхожденіи общества. На такую точку зрѣнія становился, напримѣръ, упомянутый русскій социологъ. Позднѣе его ту же тему, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ въ философскомъ отношеніи, разрабатывалъ сторонникъ органической теоріи Эспинасъ въ своемъ трудѣ „Соціальная жизнь животных“. И въ этомъ вопросѣ сравненіе обнаруживаетъ черты сродства и черты различія, какъ и въ случаѣ органической теоріи. Едва ли, однако, полезно для социологіи, какъ науки о *человѣческомъ* обществѣ, настаивать преимущественно на чертахъ сходства, притомъ иногда поверхностнаго и даже призрачнаго (напримѣръ, сравненіе пчелинаго роя съ монархическимъ государствомъ). Для того, чтобы съ особою ясностью видѣть всю разницу, какая существуетъ между человѣческимъ обществомъ и общежитіями даже самыхъ высшихъ животныхъ, стоить только обратиться къ частнымъ сравненіямъ, исходя изъ понятій, установленныхъ отдѣльными общественными науками, т.-е. рассматривая, напримѣръ, общества животныхъ съ экономической, юридической или политической точки зрѣнія (или съ точки зрѣнія культурно-исторической). Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ изслѣдователь найдетъ, что говорить, разъ передъ нимъ будетъ хотя бы самое отсталое общество дикарей, но съ животными экономисту, юристу или политику дѣлать совершенно нечего (конечно, если только животное не рассматривается, какъ предметъ пользованія или собственности человѣка). Самое большее, что можно тутъ найти, это—нѣкоторыя отношенія между индивидуумами, на почвѣ которыхъ въ человѣческомъ обществѣ вырастаютъ учрежденія, этотъ настоящій продуктъ, выражаясь терминомъ Спенсера, надъ-органическаго развитія. Конечно, человѣческое общество чрезъ самыя элементарныя свои формы у дикарей можетъ быть поставлено въ эволюціонную связь съ общежитіями высшихъ животныхъ, но эволюція состоитъ именно въ появленіи новыхъ чертъ: эти новыя черты человѣческаго общества и составляютъ истинное содержаніе социологіи. На всѣхъ ступеняхъ своего развитія, однако, общество имѣетъ своимъ принципомъ солидарность, отличающуюся отъ солидарности между частями организма тѣмъ, что индивидуумы сплавиваются здѣсь въ одно цѣлое безъ непосредственной физической связи; послѣднюю замѣняетъ психическое взаимодействіе.

Это взаимодействіе существуетъ уже въ животномъ мірѣ, да и самая общественность животныхъ была бы безъ такого

взаимодѣйствія немислима. Для соціолога гораздо важнѣе психологическая, а не біологическая часть зоологіи. Дарвинъ и его послѣдователи своими изслѣдованіями въ области инстинкта животныхъ вообще и у стадныхъ животныхъ въ частности сдѣлали очень много для пониманія психической жизни въ зоологическомъ мірѣ. Кстати, теперь уже никто не станетъ утверждать вмѣстѣ съ Контомъ, будто человѣческая природа лишена инстинкта общественности. Но психическая жизнь животныхъ не можетъ быть сведена всецѣло къ инстинктамъ, передаваемымъ путемъ органической наслѣдственности, т.-е. къ однимъ природеннымъ качествамъ, ибо уже въ зоологическомъ мірѣ наблюдаются явленія подражанія и обученія, т.-е. явленія чисто психической передачи, достигающей въ человѣческомъ обществѣ наивысшей ступени своего развитія. Одна органическая наслѣдственность, къ которой иногда готовы исключительно прибѣгать соціологи-дарвинисты, не можетъ объяснить общественныхъ явленій, предполагающихъ существованіе культурной традиціи, какъ чисто психическаго фактора.

Соціологическая теорія Гумпловича. Но возвратимся къ понятію борьбы за существованіе. Не отрицая дѣйствія этого фактора въ общественной жизни, критики одностороннихъ примѣненій дарвинизма въ соціологіи не считали возможнымъ строить на немъ теорію общественныхъ явленій. Хотя для поверхностныхъ дарвинистическихъ построеній въ соціологіи и миновало время, однако, попытки сдѣлать изъ борьбы за существованіе основной принципъ соціологіи не превращаются и до сихъ поръ. Самое любопытное явленіе этой категоріи представляетъ изъ себя теорія австрійскаго ученаго Людвигъ Гумпловича. По своей научной спеціальности Гумпловичъ — государствовѣдъ: это сказывается на его ученіи тѣмъ, что общество разсматривается имъ почти исключительно съ политической точки зрѣнія. Онъ совершенно правильно опредѣляетъ соціологію, какъ чисто абстрактную и теоретическую науку, но онъ думаетъ, что наиболѣе плодотворное развитіе этой науки возможно путемъ примѣненія къ ней дарвиновской борьбы за существованіе. Первые труды Гумпловича были посвящены вопросу о расахъ и національностяхъ и о борьбѣ между ними. Ставши на точку зрѣнія полигенизма, т.-е. различнаго происхожденія отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, онъ объясняетъ самое возникновеніе общества тѣмъ, что первобытная орда одной расы подчиняла себѣ индивидуумовъ другой расы и организовала свое господство надъ ними. Съ точки зрѣнія Гумпловича, государство есть не что

иное, какъ организація господства меньшинства надъ большинствомъ, причемъ первобытныя этническія группы съ теченіемъ времени замѣняются социальными классами. Это ученіе онъ развиваетъ въ „Очеркъ социологии“ (1885), въ „Социологии и политикъ“ (1892) и въ „Социологической идеѣ государства“ (1892). Кое-что въ немъ напоминаетъ идеи экономическаго матеріализма. Основнымъ элементомъ общества Гумпловичъ признаетъ не личность, а социальную группу. Борьба социальныхъ группъ является у него основнымъ двигателемъ исторіи. Право толкуется въ смыслѣ системы, закрѣпляющей власть господствующей группы. Но есть и существенная разница въ воззрѣніяхъ Гумпловича и экономическихъ матеріалистовъ. Послѣдніе исходятъ изъ чисто экономическаго пониманія общества, тогда какъ у Гумпловича преобладаетъ точка зрѣнія политическая. Далѣе, экономическій матеріализмъ представляетъ изъ себя историческую теорію одной изъ фракцій современнаго социализма, а Гумпловичъ — противникъ не только социализма, но и правового государства, полагая, что государство не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ организаціи господства меньшинства надъ большинствомъ, и что само право имѣетъ значеніе лишь упорядоченія неравенства. Гумпловичъ не допускаетъ, чтобы когда-либо прекратилась классовая борьба. Борьба группъ съ организованной эксплуатаціей большинства меньшинствомъ для него есть основной законъ. Это свое міросозерцаніе Гумпловичъ называетъ реалистическимъ, находя, что всякое иное воззрѣніе есть ненаучный и вредный оптимизмъ. Конечно, Гумпловича нельзя ставить на одну доску съ прежними авторами болѣе грубыхъ примѣненій дарвинизма къ социологии. Это — болѣе тонкое примѣненіе, и со многими частными взглядами Гумпловича наука, конечно, нужно считаться. Прибавимъ, что Гумпловичъ хорошо знакомъ съ социологической литературой и даетъ въ своихъ сочиненіяхъ краткіе ея очерки, иногда дѣлая весьма остроумныя замѣчанія объ отдѣльныхъ теоріяхъ.

Къ этой же литературѣ слѣдуетъ причислить книгу Кидда, о которой будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА VI.

Экономическій матеріализмъ, какъ соціологическая теорія.

Происхожденіе экономическаго матеріализма. Родоначальникомъ экономическаго матеріализма былъ Карлъ Марксъ. Но онъ высказалъ только основную мысль этой теоріи, не давъ ей нигдѣ дальнѣйшаго развитія. Марксъ создалъ цѣлое экономическое ученіе, но если бы даже оно и было совершенно вѣрно, изъ него никоимъ образомъ нельзя было бы извлечь подтвержденіе вѣрности экономическаго матеріализма. Экономическая теорія Маркса есть именно теорія *экономическая*, отъ вѣрности или невѣрности которой отнюдь не зависитъ вѣрность или невѣрность самого экономическаго матеріализма, какъ своего рода теоріи соціологической. Между ученіемъ о томъ, откуда получается прибыль и какъ возникаетъ капиталъ, и ученіемъ о зависимости всей культурной и соціальной жизни отъ одной экономики нѣтъ никакой внутренней логической связи: одно ученіе можетъ держаться или падать совершенно независимо отъ того, какова будетъ судьба другого ученія. Можно, на примѣръ, соглашаться съ основною мыслью экономическаго матеріализма, не раздѣляя экономической доктрины Маркса, и можно быть „марксистомъ“ въ политической экономіи, не будучи экономическимъ матеріалистомъ въ соціологіи. Благодаря тому, что Марксъ соединилъ съ своими теоретическими выводами опредѣленные практическія требованія и потому сдѣлался родоначальникомъ одной изъ фракцій современнаго соціализма, — фракціи, замѣтимъ притомъ, получившей весьма видное значеніе въ жизни, — экономическій матеріализмъ приобрѣлъ значеніе какъ бы оффиціального ученія нѣмецкой соціальной демократіи и принялъ такимъ образомъ соціалистическую окраску. Но и тутъ нѣтъ необходимой связи между экономическимъ матеріализмомъ, какъ чисто теоретическимъ міросозерцаніемъ, съ одной стороны, и соціализмомъ, какъ практическимъ міросозерцаніемъ, съ другой. Даже признавъ, что всѣ общественныя явленія имѣютъ чисто экономическую основу, мы ничѣмъ еще не вынуждаемся дѣлать отсюда соціалистическіе выводы, которые, съ другой стороны, могутъ быть приняты и при иномъ взглядѣ на происхожденіе всей совокупности культурныхъ и соціальныхъ явленій. Кто думаетъ, что экономическій матеріализмъ является основой или слѣд-

ствіємъ экономической теоріи Маркса или принциповъ социализма, тотъ смотритъ на экономической матеріализмъ въ качествѣ социологической теоріи съ совершенно невѣрной точки зрѣнія, будетъ ли при этомъ экономической матеріализмъ защищаться или оспариваться. Социологическая критика этой теоріи совсѣмъ не должна касаться вопроса о томъ, какъ нужно смотрѣть на экономическую теорію Маркса и на практическія требованія социализма, потому что всякая научная идея должна отвѣчать сама за себя. Современное развитіе социологіи даетъ притомъ и критеріи, при помощи которыхъ можно разсматривать экономической матеріализмъ, совершенно не касаясь спеціально экономического ученія Маркса и стремлей современнаго социализма.

Отношеніе экономического матеріализма къ социологіи. Основная идея экономического матеріализма высказана была еще въ срединѣ текущаго столѣтія, но сколько-нибудь замѣтное вліяніе на научную литературу оказала лишь въ послѣднее десятилѣтіе. Въ тотъ промежутокъ времени, когда эта идея находилась, если такъ можно выразиться, подъ спудомъ, совершилось почти все развитіе современной социологіи. Для теоріи экономического матеріализма оно прошло совсѣмъ безслѣдно: въ своемъ ученіи экономическіе матеріалисты исходятъ изъ мысли, высказанной Марксомъ около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, игнорируя все то, что было сдѣлано за это время въ другихъ направленіяхъ социологической литературы. Строго говоря, экономическому матеріализму можно даже отказать въ правѣ называться социологической теоріей. Это скорѣе теорія историко-философская, зародившаяся притомъ въ нѣдрахъ гегельянства. Въ то самое время, какъ другія социологическія теоріи настоящаго времени пользуются научнымъ понятіемъ эволюціи, созданнымъ современнымъ положительнымъ знаніемъ, экономической матеріализмъ все еще держится того пониманія развитія, которое выработано было идеалистической метафизикой Гегеля. Этотъ нѣмецкій философъ представлялъ себѣ исторію, какъ процессъ, посредствомъ котораго всемірный духъ достигаетъ познанія своей сущности. Таково по Гегелю содержаніе исторіи. Что касается до формы историческаго процесса, т.-е. не того, въ чемъ онъ заключается, а какъ онъ происходитъ, то Гегель понялъ этотъ процессъ, какъ чисто діалектическій, признавъ въ немъ существованіе трехъ моментовъ—утвержденія, отрицанія и примиренія противоположностей (тезиса, антитезиса и синтезиса). Эту діалектическую форму, имѣвшую у Гегеля

идеалистическое содержаніе, Марксъ думалъ наполнить содержаніемъ, какъ онъ думалъ, матеріалистическимъ, а таковымъ ему представлялось то чисто экономическое пониманіе общества, которое онъ заимствовалъ у французскихъ социалистовъ первой половины XIX в. Заслуга основателя социологии заключалась въ томъ, что онъ создалъ болѣе широкое понятіе объ обществѣ, нежели то, какое было въ ходу у представителей государство-вѣдѣнія, юриспруденціи и политической экономіи. Въ этомъ смыслѣ экономическій матеріализмъ отражаетъ на себѣ состояніе социологической мысли, предшествовавшее Конту. Особенно хорошо это видно изъ того, что, когда экономическіе матеріалисты говорятъ о социальной средѣ, они всегда подъ нею разумѣютъ исключительно совокупность экономическихъ явленій общества, т.-е. его экономическихъ отношеній и формъ. Съ другой стороны, въ пониманіи того, какъ происходитъ общественное развитіе, они упорно держатся гегелевой идеи діалектическаго процесса. Въ самое послѣднее время они даже стали предпочитать термину „экономическій матеріализмъ“ выраженіе „діалектическій матеріализмъ“. Это также придаетъ всему ученію характеръ научной отсталости. Понимать развитіе общественныхъ формъ діалектически въ то самое время, какъ биологія, психологія и разныя направленія социологическаго изслѣдованія создаютъ новыя формулы эволюціи, имѣющія свою основу въ положительномъ знаніи, значитъ закрывать глаза на то, что наиболѣе интереснаго сдѣлано было въ пониманіи эволюціи соединенными усиліями мыслителей, работавшихъ надъ изученіемъ реального міра, а не надъ произвольнымъ построеніемъ вселенной, которымъ занимался Гегель.

Отношеніе экономическаго матеріализма къ матеріализму философскому. Одна изъ особенностей социологии, основанной Контомъ, заключается въ ея совершенной независимости отъ какой бы то ни было метафизики. Тѣ или другія положенія науки бывають вѣрны или невѣрны, смотря по тому, насколько они оправдываются фактами, а не потому, въ какомъ отношеніи эти положенія стоятъ къ такому или иному изъ возможныхъ способовъ пониманія міровой сущности. Между тѣмъ представители экономическаго матеріализма часто ставятъ свое социологическое представленіе въ зависимость отъ метафизическаго матеріализма, который въ вопросахъ науки ничего не доказываетъ. Въ то время, какъ позитивная социологія стремится изгнать изъ научной области всякую метафизику, экономическій матеріализмъ такимъ образомъ становится рѣзко на защиту одной

метафизики противъ другой. Въ этомъ заключается и его философская отсталость. Собственно говоря, однако, если бы даже материализмъ философскій и былъ совершенною истиной, изъ него экономическій материализмъ съ необходимостью еще вовсе не вытекалъ бы. Пусть даже духъ будетъ только продуктомъ или функцией организованной матеріи, это еще вовсе не значитъ, что вся общественная жизнь должна непременно покоиться на экономическихъ отношеніяхъ. Реальныя психическія явленія и ихъ роль въ общественной жизни для науки будутъ имѣть совершенно одинаковое значеніе, будемъ ли мы духъ выводить изъ матеріи, или признавать его самостоятельнымъ началомъ, или же понимать его въ смыслѣ равносильнаго съ матеріей проявленія недоступной познанію сущности. Внося въ социологію метафизическія соображенія, экономическій материализмъ дѣлаетъ шагъ назадъ.

Догматическій характеръ экономическаго материализма. Другая сторона дѣла заключается въ томъ, что основной тезисъ этого ученія—о зависимости всѣхъ общественныхъ явленій отъ одной экономики—является чисто догматическимъ утвержденіемъ, доказать которое представители этой теоріи даже не считаютъ нужнымъ. Вся аргументація ихъ въ пользу этого тезиса сводится къ критикѣ идеализма (спиритуализма) въ философскомъ пониманіи исторіи, какъ будто этотъ идеализмъ до сихъ поръ безраздѣльно царитъ въ социологіи, какъ будто идеологія Гегеля не отжила еще своего вѣка. Критика, какою занимаются экономическіе материалисты, опять-таки отстала на полвѣка. Для нея какъ бы совершенно не существуетъ социологическихъ теорій, развившихся во второй половинѣ нашего столѣтія. Обосновать себя на развалинахъ всѣхъ другихъ социологическихъ теорій экономическій материализмъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы своей критикою разрушилъ всѣ эти теоріи, но его представители, повидимому, даже и не подозреваютъ о существованіи подобной задачи.

Недостатки экономическаго материализма съ социологической точки зрѣнія. Контъ создалъ замѣчательную классификацію наукъ, которая съ указанною въ своемъ мѣстѣ поправкою опредѣляетъ мѣсто социологіи въ іерархіи человѣческихъ знаній. У экономическаго материализма нѣтъ своей классификаціи наукъ, и его представители не подозреваютъ ея важности. Они хотятъ построить всю социологію на одной политической экономіи, но не задаются вопросомъ, какое на это они имѣютъ право. Явленія духовнаго характера, происходящія

въ обществѣ, т.-е. всю культурную жизнь общества, его религію, мораль, философію, литературу, искусство, равно какъ политическія и юридическія воззрѣнія они хотятъ вывести изъ экономики общества, иначе говоря, хотятъ объяснить факты коллективной психологіи принципами политической экономіи, какъ будто не существуетъ индивидуальной психологіи, которая въ эволюціонномъ и логическомъ порядкѣ предшествуетъ и коллективной психологіи, и самой политической экономіи. Въдъ экономическія отношенія (обмѣнъ услугъ и обмѣнъ продуктовъ) уже предполагаютъ существованіе психическаго взаимодѣйствія, а въ такомъ случаѣ отношенія между психологіей и экономіей будутъ совершенно иныя, нежели тѣ, какія существуютъ въ представленіи экономическихъ матеріалистовъ. Чтобы доказать правильность своего пониманія въ этомъ вопросѣ, экономическіе матеріалисты должны были бы дать свою классификацію наукъ, а для этого имъ нужно было бы разрушить существующую. Ни того, ни другого послѣдователи этого направленія и не думали дѣлать.

Одною изъ важныхъ заботъ позитивной соціологіи была выработка научнаго метода для изученія общественныхъ явленій. Экономическій матеріализмъ не имѣетъ и собственной методологіи, если не считать взятаго напрокатъ у гегельянцевъ діалектическаго метода. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ методахъ, коими пользовался Марксъ въ теоретическихъ и историческихъ частяхъ своего „Капитала“, такъ какъ это важное произведеніе научной литературы не находится ни въ какой внутренней связи съ экономическимъ матеріализмомъ. Равнымъ образомъ этому ученію остались чужды весьма многіе научные понятія и термины, созданные новѣйшей соціологіей. Если чѣмъ изъ современной соціологической литературы и старается экономическій матеріализмъ воспользоваться для своихъ теоретическихъ цѣлей, то это относится лишь въ изученію первобытныхъ общественныхъ отношеній, въ которомъ такъ еще много гипотетическаго и, слѣдовательно, наиболѣе поддающагося проведенію предвзятыхъ взглядовъ.

Наконецъ, и еще въ одномъ отношеніи экономическій матеріализмъ можетъ считаться явленіемъ отсталымъ сравнительно съ позитивною соціологіей. Нѣкоторые его послѣдователи думаютъ основать его истинность на томъ соображеніи, что онъ составляетъ философію рабочаго класса, какъ будто при опредѣленіи вѣрности или невѣрности того или другого воззрѣнія рѣшающимъ моментомъ является не то, какія есть у воззрѣнія

логическія и фактическія основанія, а то, вѣтъ это воззрѣніе раздѣляется. Можно признавать правоту практическихъ требованій рабочаго класса, но это отнюдь не влечетъ за собою обязанности признавать, что рабочій классъ—лучшій судья въ теоретическихъ вопросахъ философіи, психологіи, социологіи, политической экономіи и исторіи. Контъ различилъ чистыя и прикладныя науки, а экономическій матеріализмъ смѣшиваетъ воедино отвлеченную теорію и житейскую практику. Если нѣмецкій пролетаріатъ, организованный въ социальную демократію,—а о немъ только и должна здѣсь итти рѣчь,—и думаетъ, что лишь въ экономическомъ матеріализмѣ и можетъ заключаться теоретическое оправданіе его практическихъ требованій, то причиною этого факта является только крупное недоразумѣніе: экономическій матеріализмъ ничего не прибавляетъ къ справедливости этихъ требованій, имѣющей совершенно другія основанія, и популярность теоріи у людей, которые цѣнятъ ее по чисто практическимъ соображеніямъ, не изслѣдуя ея логическихъ и фактическихъ основаній, равнымъ образомъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу этой теоріи. То же самое можно сказать и о проповѣди экономическаго матеріализма въ русской литературѣ. У насъ защита этой теоріи соединена съ отрицательнымъ отношеніемъ къ общинному землевладѣнію, къ артелямъ и къ кустарнымъ промысламъ, за которые, наоборотъ, другіе ратуютъ. Это относится къ спору такъ называемыхъ марксистовъ и народниковъ, хотя рѣшеніе вопроса объ общинѣ, артели и кустаряхъ въ какую бы то ни было сторону отнюдь ничего не говоритъ ни противъ экономическаго матеріализма, ни за него, и хотя, съ другой стороны, многіе народники сами являются послѣдователями односторонне-экономическаго пониманія общества. Конечно, это только ненужнымъ образомъ осложняетъ и запутываетъ вопросъ, и многіе, вѣроятно, лишь потому готовы стать на сторону этой теоріи, что приписываютъ ей практическое значеніе, котораго по существу своему она вовсе не имѣетъ.

Теоретическая неразработанность экономическаго матеріализма. Какъ чисто теоретическое ученіе, экономическій матеріализмъ отличается крайнею неразработанностью. Въ этомъ отношеніи онъ остается далеко позади и органическаго направленія, и дарвинистической социологіи. Въ послѣднихъ двухъ концепціяхъ общества есть, что критиковать, такъ какъ существуютъ болѣе или менѣе разработанныя теоріи общества, написанныя съ каждой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Критикъ экономическаго матеріализма находится въ болѣе затруднитель-

номъ положеніи: ему нечего критиковать, ибо основной тезисъ разсматриваемаго ученія принимается его послѣдователями чисто догматически, т.-е. вовсе не доказывается и, считаясь какъ бы уже доказаннымъ, прилагается непосредственно къ объясненію реальныхъ историческихъ фактовъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, вообще съ разными натяжками легко подгоняются къ какому угодно теоріямъ, но именно только съ натяжками, т.-е. съ отступленіемъ отъ элементарныхъ требованій научности или съ недостаточнымъ знаніемъ и невѣрнымъ пониманіемъ пускаемыхъ въ дѣло фактовъ. Родоначальники экономическаго матеріализма, Карлъ Маркъс и его другъ Фридрихъ Энгельсъ, гораздо болѣе Маркса писавшій въ защиту этого ученія, сами представляютъ свою теорію, какъ замѣну гегельянскаго идеализма чисто матеріалистическимъ выводомъ, думая вмѣстѣ съ тѣмъ, что искать объясненія каждой эпохи нужно не въ ея философіи, а въ ея экономіи, т.-е. вообще не въ головахъ людей, а во ви́шней средѣ, понимаемой притомъ исключительно въ экономическомъ смыслѣ. Это было своего рода изгнаніемъ психологіи изъ соціологіи, отрицаніемъ самостоятельнаго значенія психическихъ факторовъ общественной жизни. Замѣчательно, однако, что всѣ, какія только дѣлались, попытки развить въ подробностяхъ основную идею экономическаго матеріализма, всегда приводили къ внесенію въ общественную теорію того самаго психическаго элемента, въ устраненіи котораго родоначальники экономическаго матеріализма именно и полагали всю свою заслугу. Въ данномъ случаѣ сторонниковъ экономическаго матеріализма можно раздѣлить на двѣ категоріи. Правовѣрные послѣдователи доктрины, отступая отъ безусловной строгости первоначальной концепціи, сами этого не замѣчаютъ или стараются представить дѣло такъ, будто здѣсь и противорѣчія никакого нѣтъ. И они смотрятъ, какъ на ересь, на заявленія тѣхъ сторонниковъ теоріи, которые находятъ нужнымъ дополнить теорію включеніемъ въ нее и чисто психологическихъ объясненій, хотя, конечно, такое включеніе разрушаетъ цѣльность чисто экономической концепціи. Наиболѣе яркими представителями правовѣрнаго экономическаго матеріализма являются Мерингъ и Бельтовъ, и съ ихъ точки зрѣнія, конечно, настоящими еретиками должны показаться Вейсенгрюнъ и Николаевъ, которые открыто взываютъ къ психологіи. Замѣтимъ, однако, что ни ортодоксія, ни гетеродоксія экономическаго матеріализма не представлены въ литературѣ ничѣмъ, кромѣ брошюръ и журнальныхъ статей, иногда даже чисто публицистическаго характера.

Невѣрная оцѣнка экономическаго матеріализма его

сторонниками. Иногда сторонники экономического материализма приписывают исключительно своей теории право собственности на такія идеи, съ которыми мы встрѣчаемся и въ другихъ ученіяхъ. Выше мы уже говорили о пониманіи, напримѣръ, Спенсеромъ историческаго процесса, какъ безличной эволюціи, не оставляющей мѣста для „роли личности“ въ исторіи. Что экономическій материализмъ смотритъ на дѣло такимъ же образомъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ онъ самъ выросъ изъ аналогичнаго же пониманія исторіи у Гегеля. Было бы только ошибочно думать, что подобнымъ представленіемъ наука обязана лишь экономическому материализму. Оно старше этого послѣдняго и можетъ соединяться съ весьма разнообразными способами пониманія общества: кромѣ органической теории, склонность къ идеѣ безличной эволюціи, или саморазвитія общества мы встрѣчаемъ и въ дарвинистическихъ попыткахъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясненія исторіи на психологической почвѣ. Невѣрно также утвержденіе одного изъ русскихъ защитниковъ экономическаго материализма (Струве), будто только эта теорія отличается глубоко объективнымъ характеромъ: такой объективизмъ, каковой имѣется въ виду въ данномъ случаѣ, возможенъ и въ другихъ направленіяхъ, но еще вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли экономическій материализмъ такъ-таки и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго субъективизма. Во-первыхъ, наиболѣе правовѣрные позитивисты являются проповѣдниками строгаго объективизма; то же самое можно сказать и о Спенсерѣ, да и социологи, думающіе искать объясненія социальныхъ явленій въ принципахъ біологической теории Дарвина, полагаютъ, что это единственно объективный путь: въ виду всего этого почему экономическій материализмъ одинъ имѣетъ привилегію называться ученіемъ глубоко объективнымъ? Во-вторыхъ, въ виду фактически установившейся связи между экономическимъ материализмомъ и извѣстнымъ общественнымъ идеаломъ, въ осуществленію котораго ведетъ по этой теоріи діалектической процессъ исторіи, можно ли говорить объ отсутствіи здѣсь субъективнаго элемента? Наоборотъ, экономическій материализмъ, взятый со всѣмъ тѣмъ, что съ нимъ срослось, отличается сильнѣйшимъ субъективизмомъ.

Какъ всякое явленіе умственной жизни, заставляющее о себѣ говорить, экономическій материализмъ долженъ былъ вызвать противъ себя критику, которая въ свою очередь должна была исходить изъ различныхъ принциповъ. Между прочимъ эта теорія подвергалась критическому разсмотрѣнію и съ социоло-

рико-философская теорія, прямо ставятъ задачу опредѣлить роль экономическаго фактора въ жизни и развитіи общества. Экономическій матеріализмъ видитъ исключительно въ одной хозяйственной структурѣ общества фундаментъ, по отношенію къ которому всѣ остальные стороны духовной и общественной жизни во всей своей совокупности являются простою надстройкою. На самомъ дѣлѣ, эти отношенія гораздо сложнѣе. Нельзя даже юридическія и политическія формы считать порожденіями однихъ только экономическихъ отношеній, которыя вѣдь и въ свою очередь испытываютъ разнообразныя вліянія, идущія со стороны права и государства. Еще менѣе позволительно разсматривать всю духовную культуру общества, т.-е. религію и философію, мораль и искусство, литературу и науку, какъ нѣчто производное отъ данныхъ экономическихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что сами эти отношенія дѣлаются возможными, благодаря лишь тому самому психическому взаимодействію, результаты котораго и представляетъ собою вся духовная культура. Если экономическій матеріализмъ началъ свое развитіе съ изгнанія изъ соціологіи психическаго элемента, и если тѣмъ не менѣе послѣдователи этого ученія или безсознательно удерживаютъ этотъ психическій элементъ, хотя и въ замаскированномъ видѣ, или сознательно его вводятъ, какъ нѣчто необходимое для дальнѣйшаго развитія теоріи, то главною задачею соціологіи въ этомъ вопросѣ становится опредѣлить взаимныя отношенія между экономическимъ и культурнымъ моментами общественной жизни, между физическою и психическою сторонами человѣческаго существованія въ обществѣ. Это дѣйствительно важная научная проблема, въ разрѣшеніи коей, вромѣ соціологовъ, должны принять участіе и психологи, и историки, и экономисты. Чтобы рѣшить такой вопросъ научнымъ образомъ, они не должны предрѣшать его въ томъ или другомъ смыслѣ, т.-е. не должны сводить все къ одной экономикѣ или къ одной психикѣ. Они должны помнить, что экономическія явленія составляютъ лишь одну изъ многихъ категорій, подъ каковыя можно подвести все разнообразіе и богатство культурной и соціальной жизни: государство и право и разныя стороны умственной и нравственной культуры представляютъ изъ себя такія же частныя категоріи, какъ и народное хозяйство, да и все разнообразіе и богатство жизни возникаетъ, конечно, не изъ одной потребности человѣческаго тѣла въ пищу, одежду и жильѣ, слѣдовательно, не изъ одной той стороны человѣческаго существа, которая порождаетъ экономическія явленія общества.

Взглядъ Лакомба на значеніе экономическаго фактора.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ научныхъ трудахъ дѣлались попытки опредѣлить общее значеніе экономическаго фактора въ общественной жизни. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, на примѣръ, книга Лакомба „Объ исторіи, какъ наукѣ“. Этотъ трудъ имѣетъ главнымъ образомъ содержаніе исторіологическое, но можетъ представить интересъ и для социолога. Лакомбъ самымъ рѣшительнымъ образомъ признаетъ, что непосредственная основа социологіи должна заключаться въ психологіи: даже физическія нужды дѣйствуютъ въ исторіи въ качествѣ почувствованныхъ потребностей, т.-е. извѣстныхъ психическихъ состояній человѣка, ибо, говоритъ онъ, для человѣческаго поведенія всякая нужда, которая не ощущается, все равно, что не существуетъ. Лакомбъ классифицируетъ всѣ потребности человѣка и на первомъ мѣстѣ ставитъ потребность въ поддержаніи человѣкомъ своего существованія, порождающую всю его промышленную дѣятельность: это — самая настоятельная необходимость, и ей принадлежитъ первенство, но не исключительное господство, такъ какъ рядомъ съ нею дѣйствуютъ еще половая потребность, симпатія, стремленіе къ почету и власти, а также эстетическое чувство и любознательность. Исходя изъ этого, Лакомбъ объясняетъ общественныя явленія не изъ одного, а разныхъ источниковъ, имѣющихся въ психической жизни человѣка. Его попытка опредѣлить сравнительную силу этихъ стремленій заслуживаетъ вниманія. Экономическіе матеріалисты могутъ быть довольны тою преобладающею ролью, которую Лакомбъ приписываетъ экономикѣ, но примѣръ того же Лакомба, весьма близко стоящаго къ экономическому матеріализму и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма скептически относящагося къ социализму, служить только доказательствомъ тому, что склонность къ экономическимъ объясненіямъ и склонность къ социализму не одно и то же. Но съ другой стороны, Лакомбъ старается сводить отдѣльныя учрежденія не къ одной экономической основѣ: вездѣ, по его мнѣнію, рядомъ съ экономическимъ интересомъ дѣйствуютъ и другіе мотивы. Притомъ онъ строго различаетъ между экономическими условіями всякаго даннаго явленія и причинами, или источниками этого явленія, каковыя могутъ быть и не экономическими. Онъ даже прямо говоритъ, что нельзя сводить къ экономикѣ всѣ элементы культуры. Прибавимъ еще, что Лакомбъ не скрываетъ отъ читателя гипотетичности нѣкоторыхъ своихъ тезисовъ. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является предположеніе о томъ, что не-экономическія измѣненія зависятъ отъ экономическихъ условій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели эконо-

номическія измѣненія—отъ условій иныхъ категорій. Къ сожалѣнію, Лавомбъ не даетъ для этого утвержденія достаточныхъ теоретическихъ и фактическихъ основаній. Вообще въ своей соціологической теоріи этотъ французскій писатель стремится сочетать экономизмъ и психологизмъ, принимая въ расчетъ одинаково и матеріальную сторону человѣческой природы, на основѣ которой возникаетъ вся экономика, и сторону духовную, являющуюся главнымъ источникомъ не-экономическихъ формъ общественнаго бытія. Авторъ „Исторіи, какъ науки“ дѣлаетъ какъ-разъ то, необходимость чего ясно сознаютъ неправовѣрные послѣдователи экономического матеріализма, вродѣ Вейзенгруна и Николаева. Это сочетаніе экономизма съ психологизмомъ было бы болѣе удачнымъ, если бы Лавомбъ нѣсколько иначе отнесся къ психологіи, какъ къ непосредственной основѣ соціологіи. Къ сожалѣнію, его психологія занимается только индивидуальнымъ человѣкомъ, будетъ ли это человѣкъ вообще, человѣкъ извѣстной національности либо эпохи или какая-либо отдѣльная определенная личность. Анализируя индивидуальную душу, Лавомбъ оставляетъ въ сторонѣ явленія психическаго взаимодѣйствія, съ которыми только и можно сопоставлять явленія взаимодѣйствія экономического. Во всякомъ случаѣ въ чисто теоретическомъ отношеніи Лавомбъ гораздо ближе къ соціологической истинѣ, нежели экономическіе матеріалисты, какіе бы другіе недостатки и не представляло собою міросозерцаніе Лавомба.

Взглядъ Греефа на значеніе экономического фактора. Другой писатель, стремящійся выяснитъ роль экономического фактора,—профессоръ соціологіи въ свободномъ брюссельскомъ университетѣ, Греефъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, особеннаго значенія въ наукѣ не имѣющихъ. Главный недостатокъ его трудовъ, это—нѣкоторая невыдержанность основной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе мы отмѣтимъ здѣсь его взгляды по интересующему насъ вопросу. Въ своемъ „Введеніи въ соціологію“ (1886 и 1889), сводя сложныя общественныя явленія къ самымъ простымъ явленіямъ, которыя сами далѣе ни къ чему сведены быть не могутъ, онъ находитъ, что такими элементами слѣдуетъ признать, съ одной стороны, территорію, съ другой, населеніе. Все остальное является производнымъ, причѣмъ можетъ быть извѣстнымъ образомъ классифицировано по той роли, какую играетъ въ жизни общество. Но и между разнаго рода категоріями, на какія могутъ быть раздѣлены общественныя явленія, онъ устанавливаетъ своего рода градацію, или іерархію. Самыми общими и самыми простыми явленіями коллективной жизни Греефъ при-

знаеть явленія економіческія (ставя ихъ, однакъ, послѣ явленій психическихъ). Это не мѣшаетъ, впрочемъ, Греефу признавать извѣстную независимость болѣе частныхъ и сложныхъ явленій, каковы явленія эстетическія, философскія (и религіозныя), этическія, юридическія и политическія. Онъ настаиваетъ даже на томъ, „что органы высшихъ общественныхъ явленій служатъ регуляторами для органовъ низшихъ соціальныхъ явленій“. Выводъ отсюда дѣлается тотъ, что разныя категоріи общественныхъ явленій находятся между собою въ постоянномъ взаимодействіи. Если наиболѣе сложныя общественныя явленія зависятъ отъ самыхъ простыхъ явленій, то, въ свою очередь, регулирующіе органы первыхъ оказываютъ вліяніе на организацію и функционированіе вторыхъ. Таковы, напримѣръ, зависимость политическихъ отношеній отъ экономическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическое воздѣйствіе, какому подвергается экономическая жизнь. Эти мысли Греефъ повторилъ въ своей небольшой книжкѣ „Соціологическіе законы“ (1893), а въ самое послѣднее время—въ книгѣ „Общественный прогрессъ и регрессъ“ (1896). И здѣсь, т.-е. въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій, онъ старается формулировать нѣсколько общихъ положеній объ отношеніи экономики къ другимъ сторонамъ культурной и соціальной жизни, пользуясь между прочимъ трудомъ Лорія „Объ экономической основѣ общественнаго устройства“ (1893). Это совсѣмъ уже плохое сочиненіе онъ называетъ, въ сожалѣнію, превосходнымъ. Дѣло въ томъ, что Лорія, который далеко не можетъ называться марксистомъ, доводитъ основную идею экономическаго материализма до абсурда. Къ чести Греефа нужно сказать, что у него все-таки есть желаніе выяснитъ взаимныя отношенія между разными сторонами общественной жизни,—отношенія, которыя кажутся экономическимъ материалистамъ (и Лорія въ ихъ числѣ) не требующими никакого выясненія. Его исходный пунктъ напоминаетъ принципъ, положенный въ основу классификаціи наукъ Ог. Конта: дѣйствія и противодѣйствія экономическаго характера отличаются, по мнѣнію Греефа, большею простотою и общностью сравнительно съ дѣйствіями и противодѣйствіями нравственнаго, юридическаго и политическаго характера; болѣе простыя и болѣе общія явленія оказываютъ и болѣе простое и болѣе общее вліяніе на явленія болѣе сложныя и болѣе частныя; явленія непосредственно предшествующія оказываютъ наиболѣе непосредственное и прямое воздѣйствіе на явленія, непосредственно за ними слѣдующія; дѣйствія и противодѣйствія между явленіями различныхъ классовъ, не слѣдующихъ другъ за дру-

гомъ непосредственно, отличаются и характеромъ менѣе прямымъ и непосредственнымъ; при возможности воздѣйствія со стороны явленій болѣе сложныхъ и частныхъ на явленія болѣе простыя и общія, послѣднія будутъ измѣняться подъ вліяніемъ первыхъ, но въ общемъ, чѣмъ болѣе явленія отличаются простотою и общностью, тѣмъ они древнѣе и устойчивѣе, а потому труднѣе поддаются измѣненію, хотя, съ другой стороны, измѣненія, происходящія въ этихъ явленіяхъ и оказываютъ наибольшее вліяніе на всѣ остальные стороны жизни. „Общественныя функціи, говоритъ еще Греефъ, прямо и косвенно вліяютъ другъ на друга согласно естественному и іерархическому порядку возрастающихъ сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся“. Точно также, по словамъ Греефа, „общественныя функціи прямо и косвенно реагируютъ другъ на друга въ естественномъ и іерархическомъ порядкѣ убывающихъ сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся“. Бельгійскій соціологъ поэтому признаетъ возможность сознательнаго реагирования на экономическую жизнь и даже прямо основнымъ правиломъ сознательной научной политики считаетъ непосредственное или косвенное воздѣйствіе на организацію экономическихъ явленій въ смыслѣ видоизмѣненія ихъ въ согласіи съ потребностями и желаніями членовъ общества. Прибавимъ къ этому еще, что спеціально по отношенію къ экономической теоріи Маркса Греефъ высказалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній.

Сравненіе взглядовъ Лакомба и Греефа. Между соціологическими попытками Лакомба и Греефа существуетъ нѣкоторое сходство. Оба эти писателя признаютъ первенство (но не исключительное господство) экономического элемента и рядомъ съ этимъ существованіе самостоятельныхъ источниковъ для другихъ сторонъ общественной жизни. Оба они, далѣе, отмѣчаютъ то громадное вліяніе, которое оказывается экономическимъ факторомъ на всѣ остальные категоріи культурныхъ и соціальныхъ явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ оба же признаютъ возможность воздѣйствія со стороны этихъ другихъ элементовъ (науки, морали, государства, права и т. п.) на экономику общества. Наконецъ, у обоихъ названныхъ писателей мы замѣчаемъ стремленіе классифицировать общественныя явленія, руководствуясь нѣкоторымъ общимъ принципомъ и опредѣляя степень близости или отдаленности одной категоріи отъ другой. Именно и Лакомбъ, и Греефъ, считая экономическія явленія самыми общими и основными, совершенно справедливо отмѣчаютъ, что

всѣ остальные явленія, наблюдаемыя въ общественной жизни, находятся не въ одинаковой степени зависимости отъ экономики и способны оказывать точно также и не одинаковое на нее дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, напримѣръ, область искусства стоитъ дальше отъ экономики, чѣмъ область права, или что политическія учрежденія имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ явленіями хозяйственнаго быта, чѣмъ, положимъ, религіозныя вѣрованія. Мы не станемъ утверждать, чтобы Лакомбъ или Греефъ вполне вѣрно разрѣшили ту задачу, которую они себѣ поставили, но не подлежитъ сомнѣнію, что путь, на который они вступили, есть болѣе вѣрный путь, нежели тотъ, по коему идутъ экономическіе матеріалисты. Во всякомъ случаѣ, для соціологій здѣсь ставится новая задача — опредѣлить взаимныя отношенія между разными категоріями общественныхъ явленій. Среди частныхъ задачъ, входящихъ въ составъ этой общей задачи, свое мѣсто должно принадлежать и вопросамъ о значеніи экономическихъ явленій для общественныхъ явленій другихъ категорій и о вліяніи, какое та или другая категорія можетъ оказывать на экономическую сторону общественнаго бытія. Кромѣ общихъ соображеній, какія могутъ быть высказаны по этому вопросу, необходимо производить частныя изслѣдованія объ отношеніи экономики къ отдѣльнымъ категоріямъ въ родѣ нравственности, права, государства и т. п. Нельзя сказать, чтобы экономисты или моралисты, юристы и государствовѣды не занимались подобнаго рода вопросами, но этого еще мало: нужно именно, чтобы вопросъ ставился на соціологическую почву и чтобы при его рѣшеніи имѣлись постоянно въ виду основныя положенія экономическаго матеріализма. Въ послѣднемъ отношеніи, напримѣръ, заслуживаетъ въ настоящее время большаго вниманія книга Рудольфа Штаммлера „Хозяйство и право въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи“ (1896). Независимо отъ выясненія указанныхъ отношеній, необходимо изслѣдовать вопросъ о значеніи психическаго фактора въ экономической жизни, тѣмъ болѣе, что сама экономическая жизнь общества дѣлается возможною, лишь благодаря существованію въ обществѣ психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными лицами. Съ этой точки зрѣнія, если бы даже и было позволительно считать политическую экономію единственною основою всей соціологій вообще и въ частности такихъ общественныхъ наукъ, какъ юриспруденція и политика, то и въ такомъ даже случаѣ сама политическая экономія все-таки нуждалась бы еще

въ психологическомъ обоснованіи. Еще болѣе въ этомъ обоснованіи нуждается изученіе чисто культурныхъ явленій, происходящихъ въ обществѣ, каковы языкъ, мифологія, религія, философія, мораль, наука, поэзія и литература вообще, а также и другія искусства. Превосходство воззрѣній Лавомба и Греефа надъ теоріей экономическаго матеріализма именно въ томъ и заключается, что при всей склонности обоихъ писателей выдвигать на первый планъ экономической факторъ они не рѣшаются свести въ послѣднюю духовную культуру общества, какъ къ ея источнику.

ГЛАВА VII.

Психологическое объясненіе общественныхъ явленій.

Важность психологіи для соціологіи. Все предыдущее изложеніе свидѣтельствуетъ о томъ важномъ значеніи, какое должно принадлежать психологіи при объясненіи общественныхъ явленій. Къ этому результату приводитъ насъ прежде всего критика контовской классификаціи наукъ, исходящая изъ самого же основного принципа этой классификаціи. Затѣмъ и три разсмотрѣнныя нами концепціи общества, изъ коихъ двѣ мы можемъ назвать натуралистическими, а третью ея собственные представители обозначаютъ, какъ матеріалистическую, именно въ томъ отношеніи совершенно одинаково и погрѣшаютъ, что стремятся объяснить общественную жизнь, игнорируя или, по крайней мѣрѣ, невѣрно понимая ея психическіе факторы и элементы. Наконецъ, существуетъ множество писателей, которые прямо доказываютъ важность психологіи для разныхъ общественныхъ наукъ и въ ихъ числѣ для исторіи и соціологіи. Не разсматривая здѣсь вопроса во всемъ его объемѣ, мы ограничимся въ дальнѣйшемъ лишь обзоромъ наиболѣе важныхъ трудовъ по соціологіи, въ которыхъ признается такъ или иначе значеніе психической основы общественныхъ явленій.

Какая психологія важна для соціологіи? Намъ нужно, однако, сначала установить нѣкоторые общіе принципы, съ точки зрѣнія коихъ слѣдуетъ разсматривать отдѣльныя проявленія психологическаго направленія въ соціологіи. Во-первыхъ, нужно различать въ психологіи изученіе трехъ разныхъ сторонъ ду-

ховнаго бытія чловѣка: ума, чувства и воли. Старая психологія можетъ быть названа по преимуществу интеллектуалистической, и совершенно въ духѣ этой психологіи прежнія историческія и соціологическія теоріи стремились объяснить все главное и существенное въ жизни чловѣчества одними умственными вліяніями. Не только идеалисты (напримѣръ, Гегель) понимали дѣло такимъ образомъ, но на ту же точку зрѣнія становились и такіе реалисты, какъ Контъ или Бокль. Выше уже было отмѣчено, что въ противоположность Конту Спенсеръ приписываетъ основное значеніе не идеямъ (представленіямъ или мнѣніямъ), а эмоціямъ (чувствованіямъ и настроеніямъ). Но вѣдь, кромѣ того, еще можетъ быть поставленъ вопросъ и о волевой сторонѣ общественной жизни. Всѣ общественныя явленія (и въ ихъ числѣ учрежденія) въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ взаимнымъ отношеніямъ между членами общества, а эти отношенія суть не что иное, какъ разныя дѣйствія, воздѣйствія, противодѣйствія и взаимодѣйствія людей, въ основѣ коихъ лежатъ внутренніе акты воли. Отдѣльный чловѣкъ участвуетъ въ общественной жизни всѣми сторонами своего духовнаго бытія, а потому нельзя искать объясненія общественныхъ явленій исключительно въ области ума, чувства или воли. Этимъ, конечно, осуждаются, какъ одностороннія, всѣ попытки чисто интеллектуалистическаго объясненія общественныхъ явленій: общество не можетъ покоиться исключительно на мнѣніяхъ, какъ это думаетъ Контъ. Во-вторыхъ, та психологія, къ которой должна обращаться соціологія, не можетъ быть наукой объ индивидуальномъ чловѣкѣ. Кромѣ психическихъ процессовъ, совершающихся внутри отдѣльныхъ людей, существуютъ еще процессы, тоже психологическаго характера, которые обуславливаются духовнымъ взаимодѣйствіемъ между людьми, находящимися въ общеніи другъ съ другомъ. Однимъ словомъ, обычная индивидуальная психологія должна быть дополнена психологіей коллективной, и необходимо, чтобы эта послѣдняя изучала процессы и результаты психическаго взаимодѣйствія между людьми по всѣмъ тремъ категоріямъ,—ума, чувства и воли. Въ данномъ случаѣ въ психологіи должно существовать то же раздѣленіе, какое мы находимъ въ біологіи, изучающей или индивидуальную жизнь организмовъ, жизнь особи или коллективную жизнь организмовъ, жизнь вида. Въ-третьихъ, въ обѣихъ своихъ частяхъ психологія должна обращать одинаковое вниманіе — какъ на вполне сознательныя явленія, такъ и на тѣ, которыя называются бессознательными, хотя нерѣдко это послѣднее выраженіе

порождаетъ разныя недоразумѣнія. Конечно, въ настоящее время уже не приходится утверждать, будто всѣ человѣческія дѣйствія, имѣющія отношеніе къ общественной жизни, отличаются совершенною сознательностью и произвольностью, преднамѣренностью и цѣлесообразностью: мы постоянно встрѣчаемся съ цѣлюю массою фактовъ, которые даже прямо наводятъ на мысль о саморазвитіи общества, столь популярную среди представителей органическаго направленія, дарвинизма въ соціологіи и экономическаго материализма. Психологическій анализъ долженъ показать, что такая эволюція происходитъ не иначе, какъ путемъ умственныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ вліяній однихъ людей на другихъ, хотя бы это совершалось безъ всякой преднамѣренности со стороны вліяющихъ и безъ вѣдома подвергающихся вліянію.

Общее понятіе о коллективной психологіи. Мысль о необходимости особой коллективной психологіи не нова. Мы встрѣчаемъ ее въ разныхъ философскихъ и научныхъ направленіяхъ, между собою часто имѣющихъ мало общаго. Послѣдователи нѣмецкаго философа Гербарта задумали даже основать подъ названіемъ „психологіи народовъ“ цѣлую науку, для разработки которой болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ стали издавать спеціальныи научныи органъ. Во главѣ этого предприятия выступили Лацарусъ и Штейнталь, и, по ихъ мысли, психологія народовъ должна была сдѣлаться своего рода абстрактною теоріей историческихъ явленій. Но это направленіе получило весьма одностороннее развитіе. Прежде всего, психологія народовъ изучаетъ не процессы, а только результаты психическаго взаимодѣйствія, каковы языкъ, міеологія, поэзія, религія и т. п. (т.-е. то, что представители этого направленія на своемъ языкѣ называютъ „объективнымъ духомъ“). Далѣе, изучая результаты психическаго взаимодѣйствія, психологія народовъ занимается почти исключительно одною духовною культурою, весьма мало интересуясь явленіями соціальной организаціи. Наконецъ, эта наука ограничиваетъ понятіе коллективной жизни, сводя послѣднюю къ народности, или національности. Такимъ образомъ постановка вопроса о коллективной психологіи у Лацаруса и Штейнталья съ соціологической точки зрѣнія не можетъ не считаться одностороннею и узкою. Изъ той же школы Гербарта вышла и попытка Линднера („Мысли о психологіи общества“, 1872), но это уже совсѣмъ ненаучная попытка. Авторъ исходитъ изъ той идеи, что индивидуумы въ обществѣ находятся между собою въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка нахо-

дятся между собою отдѣльныя представленія. Ему кажется еще, что психическія отношенія между людьми управляются тѣми же законами, коимъ подчинена связь представленій въ мозгу отдѣльнаго человѣка. Правда, онъ ближе подходитъ къ задачамъ соціологіи, разсматривая общество, не какъ культурную группу, а какъ соціальную организацію, но слѣшкомъ грубое уподобленіе государства организму. напоминая намъ ошибки органической школы, приводитъ Линднера и къ весьма рискованнымъ сопоставленіямъ отдѣльныхъ общественныхъ формъ съ разными умственными состояніями индивидуума. Напримѣръ, онъ проводитъ параллель между деспотіей и мономаніей, т.-е. подавленіемъ всѣхъ представленій въ пользу одного.

Нельзя точно также признать удачными и попытки основать коллективную психологію на почвѣ органической теоріи общества. Переносъ въ соціологію понятія анатоміи и фізіологіи и создавая анатомію и фізіологію общественнаго организма, нѣкоторые представители этого направленія думаютъ по аналогіи построить и психологію общества, какъ единаго цѣлага. Спенсеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что общественный организмъ лишень единаго соціальнаго чувствлища. Но это соображеніе не останавливаетъ, напримѣръ, Шеффле, и онъ уже прямо говоритъ о какомъ-то коллективномъ сознаніи. Нѣкоторые авторы высказывали даже мысль, что изъ множества индивидуальныхъ я членовъ общества складывается нѣкоторое высшее, общественное я, подобно тому, какъ каждое индивидуальное я обладаетъ только кажущимся единствомъ, будучи на дѣлѣ явленіемъ чисто собирательнаго характера. Это уже настоящая метафизика и притомъ метафизика не особенно высокаго сорта. Въ подобныхъ теоріяхъ, къ тому же, естественныя отношенія психологіи и соціологіи совершенно извращаются, т.-е. не общественныя явленія объясняются изъ духовныхъ, а наоборотъ, общество разсматривается, какъ бытіе, порождающее другое бытіе, которое, однако, не дается намъ ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ опытѣ, но которое тѣмъ не менѣе весьма смѣло обозначается, какъ душа общества или коллективное сознаніе. Во всякомъ случаѣ изъ такихъ произвольныхъ построений соціологія не можетъ извлечь для себя никакой пользы. Напротивъ того, на развитіи нашей науки подобныя ложныя психологическія теоріи могутъ отражаться только вреднымъ образомъ. Сторонниковъ психологическаго объясненія соціальныхъ фактовъ онѣ заставляютъ итти по совершенно невѣрнымъ путямъ, компрометируя въ то же самое время идею психологическаго обоснованія соціологіи въ

глазахъ сторонниковъ соціологическаго натурализма или матеріализма.

Психологическое изслѣдованіе природы человѣка. Для того, чтобы психологія могла оказывать дѣйствительныя услуги соціологіи, необходимо, чтобы соціологи сами ставили психологамъ вопросы, научное разрѣшеніе которыхъ было бы особенно важно для пониманія общественныхъ явленій. Съ соціологической точки зрѣнія совершенно безразлично, какъ смотрѣть на взаимныя отношенія матеріи и духа: наука объ обществѣ должна быть вполнѣ независима отъ какой бы то ни было метафизики, будетъ ли то метафизика спиритуализма или матеріализма. Другое дѣло—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ физической и психической сторонъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. Думать, что человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ другимъ людямъ руководствуется исключительно интересами своего тѣла, совершенно неправильно. Изъ окружающей природы человѣкъ извлекаетъ средства къ существованію, но та же самая природа является для него предметомъ религіознаго поклоненія, эстетическаго наслажденія и научнаго изслѣдованія. Физическая среда, окружающая человѣка, оказываетъ вліяніе не только на его тѣло, но и на его душу. То же самое—и въ гораздо большей еще степени—обнаруживаемъ мы во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Это не есть одна борьба за существованіе съ эксплуатаціей однихъ другими, но это не есть даже только одна кооперація, въ которой члены общества приносятъ другъ другу матеріальную пользу путемъ взаимной помощи въ борьбѣ за существованіе: кромѣ такихъ отношеній, между людьми существуютъ еще и иныя, именно разнаго рода отношенія эмоціональнаго и моральнаго характера, имѣющія свой источникъ не въ матеріальной, а въ психической жизни человѣка. Сама эта жизнь не есть простой придатокъ къ чисто органическому существованію. Конечно, тѣ или другія психическія качества каждаго отдѣльнаго человѣка служатъ его физическому организму въ борьбѣ за существованіе, но это не мѣшаетъ психической жизни имѣть для человѣка и совершенно самостоятельное значеніе. Чѣмъ высшую степень развитія занимаетъ отдѣльная личность или цѣлый народъ, тѣмъ болѣе самостоятельное мѣсто въ ихъ жизни принадлежитъ духовнымъ интересамъ и проявленію этихъ интересовъ въ религіи, поэзи, искусствѣ, наукѣ и философіи. Соціологическая теорія, которая игнорируетъ духовную жизнь личности и общественныя проявленія этой жизни, не можетъ считаться результатомъ дѣй-

ствительнаго пониманія человѣческой природы. Въ человѣкѣ заключены задатки не только эгоизма, но и альтруизма, объясняющагося изъ его психической природы; да и самый эгоизмъ не можетъ быть объясненъ изъ одной матеріальной стороны человѣческаго бытія: именно, эгоизмъ не можетъ быть сведенъ къ одному своекорыстію, ибо не меньшую роль въ возникновеніи эгоистическаго настроенія и поведенія играютъ, на примѣръ, властолюбіе, честолюбіе, тщеславіе и т. п. Замѣтимъ встать, что, говоря о духовной жизни, мы вовсе не имѣемъ въ виду непремѣнно возвышенныя и благородныя ея проявленія: психологическаго объясненія требуютъ не только полезныя или справедливыя, но и вредныя или несправедливыя общественныя явленія. Равнымъ образомъ нельзя рекомендовать такое объясненіе соціальныхъ фактовъ на почвѣ психологіи, которое исходило бы изъ представленія о человѣкѣ, какъ о какомъ-то безтѣлесномъ существѣ: такое объясненіе было бы негоднымъ даже въ томъ случаѣ, если бы это существо бралось со всѣми недостатками и пороками, свойственными человѣческой природѣ и имѣющими свои корни не въ матеріальной сторонѣ жизни. Настоящее психологическое объясненіе общественныхъ явленій отнюдь не должно исключать тѣ соображенія, на которыхъ строится доктрина экономическаго матеріализма: напротивъ, оно обязано включать эти соображенія въ число другихъ, необходимо возникающихъ при всестороннемъ изученіи человѣческаго существа.

Принципъ личности. Личность есть единственное реальное существо, съ которымъ имѣетъ дѣло соціологія. Народы или отдѣльныя классы одного и того же народа суть собирательныя единицы, состоящія изъ отдѣльныхъ личностей. Лишь послѣднія мыслятъ, чувствуютъ, желаютъ, стремятся и дѣйствуютъ. Національное и классовое самосознаніе есть не что иное, какъ самосознаніе отдѣльныхъ представителей націи или класса. Этого не могъ даже не отмѣтить Спенсеръ, смотрящій на общество, какъ на особое существо. Все, что мы относимъ къ понятіямъ духовной культуры или соціальной организаціи, существуетъ только въ личностяхъ и чрезъ личности, т.-е. или во внутреннемъ мірѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ или въ формѣ взаимныхъ отношеній, въ какихъ они между собою находятся. Явленія, которыя, слѣдуя терминологіи Спенсера, мы можемъ назвать надъ-органическими, внѣ людей и помимо людей не существуютъ и не могутъ существовать. Отсюда важное значеніе индивидуальной психологіи для пониманія всего надъ-органическаго. Соціологія, игнорирующая человѣческую индивидуаль-

ность, заранѣе обрекается на бесплодность. Въ этомъ отноше-
ніи особенно важны работы Миртова, который постоянно имѣетъ
въ виду только-что указанное значеніе индивидуальности при
изученіи культурныхъ и соціальныхъ формъ.

Психическое взаимодействіе въ обществѣ. Но социологія не можетъ довольствоваться человѣкомъ, взятымъ особнякомъ. Между людьми происходитъ постоянное взаимодействіе, и процессы этого взаимодействія, раздѣляющіеся на разныя категоріи, совершаются, какъ и все въ мірѣ, по извѣстнымъ законамъ. Человѣческіе индивидуумы, разсматриваемые, какъ животные организмы, находятся между собою въ такомъ же взаимодействіи, какъ и другіе животные организмы. Существованіе между людьми общественной связи порождаетъ взаимодействіе экономическое, предполагающее уже существованіе взаимодействія психическаго. Последнее въ свою очередь представляетъ собою совокупность великаго множества явленій, происходящихъ въ коллективной жизни. Все это создаетъ зависимость одной личности отъ другихъ, зависимость отъ окружающей ее культурной и соціальной среды. Въ последнее время у многихъ писателей съ особенною силою стали обнаруживаться склонность разсматривать личность, какъ совершенно пассивный продуктъ извѣстной культурно-соціальной среды, а съ этимъ вмѣстѣ и наклонность видѣть первичные элементы общества не въ индивидуумахъ, а въ болѣе или менѣе обособленныхъ группахъ. Мало того: эти группы прямо разсматриваются, какъ нѣчто первичное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ являются результатомъ взаимодействія между отдѣльными личностями, поставленными въ одинаковыя или приблизительно одинаковыя условія. Если и правильно, что личность формируется обществомъ, то вѣдь само общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, и на дѣлѣ выходитъ такъ, что каждая личность формируется другими личностями, не играя при этомъ исключительно пассивной роли, ибо и сама она участвуетъ въ формированіи другихъ личностей. Какіе бы то ни было классы или группы суть чисто собирательныя единицы, реальны же только отдѣльныя личности, и все, что происходитъ въ такихъ классахъ и группахъ, равно какъ въ цѣлыхъ государствахъ и народахъ, въ послѣднемъ анализѣ сводится къ разнымъ видамъ взаимодействія между отдѣльными людьми. Изученіе подобнаго рода процессовъ и составляетъ главнѣйшую задачу коллективной психологіи, науки, которая, какъ было сказано выше, должна быть непосредственною основою социологіи.

Общій взглядъ на разработку вопросовъ коллектив-

ной психологiи. Къ сожалѣнiю, коллективная психологiя едва только зарождается. Даже тѣ писатели, которые указывали на ея необходимость, большею частью не углублялись въ разрѣшенiе вопросовъ объ ея задачѣ, предметѣ и методѣ. Между тѣмъ нѣкоторые спеціальныя научныя дисциплины приводили къ постановкѣ разныхъ частныхъ вопросовъ коллективно-психологического характера, хотя при этомъ вовсе не имѣлось въ виду создавать новую науку. Дѣло въ томъ, что самымъ основнымъ явленiемъ, изъ котораго развивается все разнообразiе явленiй коллективной психологiи, намъ должно представляться психическое дѣйствiе человѣка на человѣка, будетъ ли то дѣйствiемъ единицы на единицу, или единицы на массу, или, наконецъ, массы на единицу. Всѣ случаи такого дѣйствiя могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько категорiй. Нѣкоторые изъ этихъ категорiй по тѣмъ или другимъ причинамъ должны были ранѣе другихъ обратить на себя особое вниманiе по своему практическому значенiю въ жизни. Одну категорiю случаевъ дѣйствiя человѣка на другихъ людей мы имѣемъ предъ собой въ дѣлѣ воспитанiя. Педагогика, какъ искусство, не можетъ не опираться на психологическую теорiю, предполагающую обладанiе знанiемъ того, въ чемъ заключается и какими законами управляется психическое дѣйствiе воспитателя на воспитанника. Другiя категорiи случаевъ такого дѣйствiя издавна занимали криминалистовъ, сначала въ ученiи о соучастiи и особенно о подстрекательствѣ, затѣмъ по вопросу о такъ называемой преступной толпѣ. Съ своей точки зрѣнiя и психiатры находили немало такихъ случаевъ дѣйствiя однихъ людей на другихъ, которые точно также заслуживаютъ быть выдѣленными въ особую категорiю. Самый вопросъ о преступной толпѣ подлежитъ вѣдѣнiю на половину науки уголовного права, на половину—психiатрiи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ дѣло не только съ индивидуальными, но и съ коллективными помѣшательствами, переходящими иногда въ настоящiя психическiя эпидемiи. Исслѣдованiя въ области перечисленныхъ явленiй, конечно, создаютъ весьма важный материалъ для коллективной психологiи; но все это—явленiя, обращающiя на себя вниманiе или по своему практическому значенiю, или по своей исключительности. Коллективная психологiя, какъ наука теоретическая и общая, должна отрѣшиться отъ чисто практической точки зрѣнiя и отъ предпочтенiя къ явленiямъ исключительнымъ передъ явленiями нормальными. Дѣйствiе человѣка на человѣка проявляется въ столь разнообразныхъ формахъ и играетъ столь постоянную роль въ созиданiи общественныхъ явленiй, что лишь

очень немногое изъ этого дѣйствія можетъ быть разработано въ такихъ спеціальныхъ дисциплинахъ съ прикладнымъ характеромъ, каковы педагогика, криминалистика и психіатрія. Тѣ случаи, которые интересуютъ криминалиста и психіатра, суть случаи исключительные, ненормальные, поскольку преступныя дѣянія и болѣзненные припадки суть отклоненія отъ обычнаго теченія жизни. Въ этомъ обычномъ теченіи жизни педагогическое воздѣйствіе занимаетъ также исключительное мѣсто, такъ какъ касается лишь специфическихъ отношеній и принадлежитъ къ числу воздѣйствій искусственныхъ, характеризующихся преднамѣренностью. Таковы еще, на примѣръ, случаи воздѣйствія путемъ проповѣди и пропаганды въ самомъ широкомъ смыслѣ. За всѣмъ тѣмъ остается вѣдь вся жизнь общества со всѣми психическими дѣйствіями однихъ людей на другихъ,—дѣйствіями, по своей обыденности не обращающими на себя особаго вниманія, дѣйствіями, весьма часто лишенными всякой преднамѣренности и сознательности. Однимъ словомъ, педагогъ, криминалистъ и психіатръ могутъ воздѣлывать лишь маленькіе клочки громаднаго поля коллективной психологіи. Поэтому нельзя не привѣтствовать всякую теоретическую попытку выйти изъ тѣсныхъ рамокъ той или другой спеціальной дисциплины на широкой просторъ болѣе обобщеннаго разумнія явленій, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы укажемъ на двѣ такія попытки, возникшія одна независимо отъ другой, но одинаково имѣющія своимъ предметомъ элементарный психическій фактъ — подражаніе. Замѣтимъ при этомъ, что въ дѣйствіи человѣка на человѣка нужно различать двѣ стороны—активную и пассивную, изъ коихъ первая можетъ быть названа внушеніемъ, другая—подражаніемъ. Обѣ попытки, на которыхъ мы остановимся, исходятъ именно изъ такого представленія дѣла.

Теорія Михайловскаго. Первую попытку представляютъ изъ себя работы Михайловскаго, печатавшіяся въ періодъ времени отъ 1882 до 1893 года: „Герои и толпа“, „Научныя письма“, „Патологическая магія“ и др. Въ этихъ работахъ авторъ рассматриваетъ, какъ самъ онъ выражается, „непечатый вопросъ“, поставить и разрѣшить который во всемъ его объемѣ наука никогда еще не пыталась. Въ этомъ смыслѣ Михайловскому принадлежитъ важная инициатива. Вопросъ онъ ставитъ очень широко: у него рѣчь идетъ и о тѣхъ называемомъ миметизмѣ въ біологическомъ мірѣ, и о гипнотизмѣ, и о стадномъ чувствѣ у животныхъ, и о заразительности примѣра, и о психическихъ эпидеміяхъ и т. д. и т. д. Его работы при этомъ

опираются на большую литературу, которую онъ сводитъ воедино, называя рядомъ сочиненія, повидимому, между собою ничего общаго не имѣющія, но на дѣлѣ выясняющія разныя стороны одного и того же явленія. Прибавимъ, что эту свою тему Михайловскій ставитъ въ самую тѣсную связь съ вопросомъ объ индивидуальности, который онъ разрѣшалъ въ работахъ, посвященныхъ органической теоріи общества. Его интересуютъ преимущественно явленія безсознательнаго или мимовольнаго подражанія, наблюдаемаго въ тѣхъ случаяхъ, когда къ подражанію влечетъ человекъ какая-то непреодолимая сила, превращающая его какъ бы въ автомата: это суть именно случаи ослабленія или уничтоженія индивидуальности. Какъ ни широко, однако, авторъ ставитъ свой вопросъ, въ сущности онъ имѣетъ дѣло главнымъ образомъ лишь съ однимъ изъ многообразныхъ психическихъ отношеній, существующихъ между членами общества. Именно все его вниманіе направлено на то вліяніе, какое отдѣльная личность („герой“) оказываетъ на нѣкоторую совокупность другихъ личностей („толпа“). Онъ изучаетъ „механику отношеній“ между героемъ и толпою, но такъ, что его интересуетъ при этомъ въ неизмѣримо большей степени психическое настроеніе толпы, чѣмъ личныя свойства героя. Задача Михайловскаго въ названныхъ работахъ можетъ быть опредѣлена, какъ психологія толпы. И это не есть только подражаніе толпы герою: въ самой толпѣ происходитъ взаимное подражаніе. Къ сожалѣнію, изложенію своихъ выводовъ Михайловскій не придалъ законченности и систематичности, при которыхъ его попытка могла бы получить гораздо большее значеніе.

Теорія Тарда. Другую попытку представляютъ собою „Законы подражанія“ Тарда (1890), въ коихъ заключается цѣлая теорія общества на психологической основѣ. Авторъ этого сочиненія, по специальности криминалистъ, уже ранѣе въ нѣсколькихъ статьяхъ высказывалъ тотъ взглядъ, что общественность тѣсно связана съ подражательностью. Для него основнымъ закономъ всего сущаго является всемірное повтореніе, которое въ органической природѣ представляется намъ, какъ волнообразное движеніе, въ мірѣ органическомъ — какъ воспроизведеніе себѣ подобныхъ, а въ жизни общества — какъ подражаніе. Свою цѣлью Тардъ ставитъ выясненіе общественной роли подражанія и онъ даже приходитъ въ такому общему заключенію: „общество, это — подражаніе“. Въ такомъ взглядѣ Тарда заключается несомнѣнное преувеличеніе. Его книга вовсе не можетъ быть названа, какъ думаетъ авторъ, „чистой соціологіей“ или „общей

соціологіей“. Это— работа по коллективной психологіи, притомъ не исчерпывающая вполнѣ своего предмета, такъ какъ Тардъ не касается нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, которые, напримѣръ, были рассмотрѣны въ работѣ Михайловскаго. Но мы можемъ примѣнить идеи Тарда и къ основному предмету соціологіи, такъ какъ всякая соціальная организація въ послѣднемъ анализѣ сводится къ повторенію однихъ и тѣхъ же отношеній и въ пространствѣ, и во времени, а въ повтореніи этомъ важную роль играетъ взаимное подражаніе.

Общій взглядъ на теоріи Михайловскаго и Тарда. Выдвигая на первый планъ силу подражанія, и Михайловскій, и Тардъ отнюдь не думаютъ отрицать какъ возможность существованія, такъ и важное значеніе личной оригинальности. У Михайловскаго подражательность разсматривается, какъ одно изъ проявленій слабого развитія индивидуальности. Тардъ рядомъ съ подражаніемъ, какъ силу консервативную, ставитъ прогрессивную силу изобрѣтенія, инновации, личной инициативы. Оба они поэтому далеки отъ того представленія, будто каждый индивидуумъ является простымъ продуктомъ той соціальной группы, въ которой онъ живетъ и которой подражаетъ. Въ этомъ отношеніи обѣ теоріи весьма выгодно отличаются отъ нѣкоторыхъ другихъ ученій, выдающихъ въ каждомъ индивидуумѣ лишь простое произведеніе или отраженіе окружающей общественной среды, будетъ ли эта среда пониматься, какъ извѣстная экономическая организація (точка зрѣнія экономическаго матеріализма), или какъ извѣстная духовная атмосфера, со всѣхъ сторонъ охватывающая каждаго члена общества. Послѣднее пониманіе, выдающее себя иногда за самое современное, отнюдь не можетъ быть названо новымъ, ибо въ немъ мы имѣемъ дѣло лишь съ такими или иными видоизмѣненіями понятія „народнаго духа“, о которомъ съ самаго начала XIX вѣка говорилось въ нѣмецкой метафизикѣ, исторической школѣ права и націоналистической романтикѣ (включающей въ себя и наше славянофильство). Коллективная психологія должна показать, что и народный духъ, и всякая культурная среда, и какое бы то ни было групповое и классовое самосознаніе суть не что иное, какъ результаты психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами, держащееся въ пространствѣ и времени силами внушенія и подражанія. Дѣло индивидуальной психологіи—объяснить возможность и необходимость личной оригинальности и инициативы, изучить тѣ органическія, культурныя и соціальныя условія, при которыхъ личность можетъ проявлять

свою самобытность и вносить въ общественную жизнь нѣчто новое, распространяющееся и упрочивающееся потомъ путемъ подражанія.

Теорія Гиддинса. Весьма важный вкладъ въ ту часть соціологической литературы, въ которой выдвигается психическій элементъ, представляетъ изъ себя въ самое послѣднее время книга американскаго соціолога Гиддинса „Принципы соціологіи“ (1896). Гиддинсъ примыкаетъ къ Конту, котораго признаетъ истиннымъ родоначальникомъ соціологіи, хотя и расходится съ нимъ по весьма важнымъ пунктамъ. У него своя собственная, весьма отличная отъ контовской, классификація наукъ, но, какъ и у многихъ, въ его классификаціи соціологіи непосредственно предшествуетъ психологія. Признавая, что соціальная жизнь состоитъ изъ матеріальныхъ и психическихъ явленій, существующихъ нераздѣльно и одни отъ другихъ зависимыхъ, онъ въ психической сторонѣ общественныхъ явленій выдвигаетъ на первый планъ волевые процессы коллективнаго характера. Одну сторону соціальной жизни онъ называетъ объективною, другую — субъективною, доказывая притомъ, что первичнымъ и основнымъ субъективнымъ фактомъ общества является „сознаніе рода“ (the consciousness of kind), т.-е. „состояніе сознанія, при которомъ каждое существо, на какой бы ступени жизненнаго развитія оно ни находилось, признаетъ другое такое же существо за принадлежащее въ тому же роду“. Это — фактъ коллективной психологіи, изъ коего Гиддинсъ выводитъ „полное субъективное объясненіе общества“, съ особенною настойчивостью напирая на то, что въ общественной жизни дѣйствуетъ процессъ волевой (хотя и оспаривая мысль Тарда о замѣнѣ естественнаго процесса искусственнымъ). Онъ равнымъ образомъ считаетъ въ высшей степени важными вопросы о психическомъ взаимодействіи, о роли подражанія (между прочимъ и въ экономической жизни ¹⁾), о духовной средѣ и ея значенія сравнительно съ средою физическою и т. п. „Общество, говоритъ Гиддинсъ, не есть, конечно, физическій организмъ. Его части, если только у него таковыя есть, суть психическія отношенія. Онѣ не связываются между собою матеріальными узами, но пониманіемъ, симпатіей и интересомъ. Если общество — организмъ, то на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на организмъ фізіо-психическій, какъ на существенно психическій, но съ физической основой“.

¹⁾ Гиддинсъ приписываетъ важное значеніе теоріи Тарда, хотя и признаетъ, что онъ преувеличиваетъ значеніе подражанія.

Явленія духовной культуры и соціальной организаціи. Отъ процессовъ психическаго взаимодѣйствія между членами общества мы должны отличать продукты этого взаимодѣйствія, т.-е. нѣкоторыя постоянныя явленія, характеризующія жизнь того или другого общества. Эти постоянныя явленія могутъ быть раздѣлены на явленія духовной культуры и явленія соціальной организаціи. Первые изъ нихъ должны быть также предметомъ вѣдѣнія психологіи, такъ какъ вся духовная культура того или другого общества сводится къ представленіямъ, настроеніямъ и стремленіямъ, раздѣляемымъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣми членами общества или громаднымъ ихъ большинствомъ, равно какъ отдѣльными группами и классами, на которые можетъ быть раздѣлено общество. Согласно принятому нами опредѣленію соціологіи, явленія общественной организаціи подлежатъ уже вѣдѣнію этой послѣдней науки. Наконецъ, обѣ категории явленій, какъ мы увидимъ далѣе, совершенно одинаково подвергаются сравнительному изученію. Для той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду, намъ важно остановиться на разсмотрѣніи двухъ частныхъ вопросовъ—о вліяніи духовной культуры на соціальную организацію и о психической основѣ соціальной организаціи. Оба эти вопроса тѣсно связаны съ общимъ вопросомъ о значеніи коллективной психологіи для соціологіи.

Духовная культура каждаго общества есть не что иное, какъ совокупность идей, господствующихъ въ этомъ обществѣ или даже просто въ немъ встрѣчающихся. Эти идеи могутъ быть раздѣлены на разныя категоріи—по своему содержанію или по своей силѣ надъ умами, но во всѣхъ случаяхъ мы должны принимать въ расчетъ, что подъ идеями отнюдь не слѣдуетъ разумѣть однихъ отвлеченныхъ понятій, не имѣющихъ никакого отношенія къ настроенію и поведенію отдѣльныхъ членовъ общества. Идеи религіозныя и философскія, въ особенности же идеи нравственныя и общественныя, вовсе не могутъ считаться простыми фактами сознанія, такъ какъ всегда затрогиваютъ, кромѣ ума, еще и чувство, и волю человѣка, а черезъ это опредѣляютъ и то отношеніе, въ какое онъ становится къ существующему строю общества, къ его экономическимъ, юридическимъ и политическимъ формамъ. Когда Контъ утверждалъ, что всякій общественный порядокъ покоится на извѣстныхъ мнѣніяхъ, онъ имѣлъ въ виду, конечно, именно то, о чемъ мы здѣсь говоримъ. Мы уже знаемъ, что Спенсеръ поправляетъ Конта, замѣняя мнѣнія настроеніемъ, но въ сущности и онъ имѣетъ въ виду то же

самое. Вся разница лишь въ томъ, что они оба выдвигаютъ на первый планъ двѣ разныя стороны одного и того же явленія, Контъ—сторону интеллектуальную, Спенсеръ—сторону эмоціональную. Міросозерпаніе отдѣльнаго лица или какой-либо общественной группы вовсе не слѣдуетъ понимать въ исключительномъ умственномъ смыслѣ, такъ какъ оно складывается не только изъ теоретическихъ идей, нисколько не затрогивающихъ чувства и воли, но и изъ идей практическихъ, вызывающихъ въ насъ извѣстныя настроенія и стремленія. Духовная культура общества сказывается поэтому на поведеніи отдѣльныхъ его членовъ, а отъ этого поведенія зависятъ и ихъ практическія отношенія, лежація въ основѣ общественныхъ формъ. Понятно, на примѣръ, что отношеніе къ одному и тому же политическому строю будетъ различное у двухъ людей, изъ коихъ одинъ вѣритъ, а другой не вѣритъ въ религиозную санкцію этого строя. Такихъ примѣровъ можно было бы привести великое множество, и въ этомъ смыслѣ всякій непредубѣжденный человѣкъ признаетъ важное общественное значеніе многихъ такихъ идей, которыя, повидимому, болѣе удовлетворяютъ духовныя потребности личности, нежели потребности общественной жизни. Таково именно значеніе всякаго міросозерпанія, вытекающаго изъ стремленія людей къ самопознанію и къ пониманію окружающаго міра. будетъ ли то міросозерпаніе религиозное, метафизическое или научное. Человѣкъ стремился бы къ такому міросозерпанію и выработывалъ бы его себѣ даже въ томъ случаѣ, если бы на землѣ и было только одно человѣческое существо. Жизнь человѣка среди другихъ людей и при извѣстныхъ общественныхъ порядкахъ вноситъ въ его міросозерпаніе и соотвѣтственныя идеи—моральныя и соціальныя, въ коихъ мыслится не только то, что есть, но и то, что должно быть. Въ какихъ бы отношеніяхъ идеи о должномъ ни находились къ инстинктамъ и интересамъ, онѣ несомнѣнно вліяютъ на поведеніе; притомъ сами инстинкты и интересы стараются оправдать себя идеями. Въ послѣднихъ такимъ образомъ мы можемъ находить объясненіе того или другого отношенія къ существующей соціальной организаціи со всѣми ея политическими, юридическими и экономическими формами, будетъ ли то отношеніе строго консервативнымъ или равносильнымъ желанію измѣненій въ прогрессивномъ или ретроградномъ направленіи. Вотъ почему тѣ или другія состоянія духовной культуры, а также и разныя движенія, въ ней происходящія, имѣя самостоятельное значеніе въ психической жизни людей, способны сверхъ того оказывать вліяніе на статистику и

динамичу соціальних організацій. Не нужно только преувеличивать этого влияния, особенно же не нужно дѣлать его единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ собою все содержание соціальной жизни. Крайности всегда вызываютъ противъ себя реакцію.

Несомнѣнно, что въ объясненіи соціальныхъ фактовъ культурными идеями были свои крайности. Во-первыхъ, метафизики-идеалисты весьма часто рассматривали идеи, какъ нѣкоторыя сущности, имѣющія самостоятельное бытіе внѣ челоувѣческаго сознанія, и съ этой точки зрѣнія учрежденія являлись воплощеніями какихъ-то трансцендентныхъ идей. Во-вторыхъ, и на реальной почвѣ многіе приписывали слишкомъ большое значеніе духовности, сознательности и идейности, забывая матеріальную сторону, бессознательные процессы и разнаго рода случайныя влияния въ челоувѣческой жизни. Но съ необходимыми оговорками роль идей въ соціальной жизни не можетъ подлежать сомнѣнію, и на выясненіе этой роли направлены усилія многихъ мыслителей нашего времени. Въ русской литературѣ въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе работы Миртова, появившіяся въ семидесятыхъ гг.: въ нихъ общій вопросъ ставился на надлежащую почву, и были рассмотрѣны многія частныя стороны этого вопроса. Въ самое послѣднее время многое было сдѣлано для освѣщенія этого вопроса Фуллѣ въ упоминавшейся выше „Психологіи идей-силъ“ и отчасти Лестеромъ Уордомъ въ „Психическихъ факторахъ цивилизаціи“.

Теоретическое изученіе духовной культуры. Уважемъ еще на то, что теоретическое изученіе духовной культуры должно входить въ область коллективной психологіи. Мы только-что сказали, что духовная культура можетъ быть опредѣлена, какъ совокупность существующихъ въ обществѣ представленій, настроеній и стремленій, но это все явленія, подлежащія вѣдѣнію психологіи. Въ частности, они должны изучаться коллективной психологіей потому, что суть результаты коллективнаго творчества и психическаго взаимодѣйствія. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ религіозными, моральными, философскими, научными и т. д. идеями отдѣльнаго лица, мы не должны забывать, что это лицо всегда въ большей или меньшей степени зависитъ отъ воззрѣній окружающаго общества, и что на процессы, совершающіеся во внутреннемъ мірѣ отдѣльнаго лица, всегда оказываютъ большее или меньшее влияние готовые идеи, существующія въ общественной средѣ, равно какъ психическіе процессы, совершающіеся въ другихъ членахъ обще-

ства. При этомъ нужно еще помнить, что общія представленія, настроенія и стремленія могли бы существовать у отдѣльныхъ лицъ даже въ томъ случаѣ, если бы между ними не существовало никакихъ практическихъ отношеній и сами они не были другъ съ другомъ связаны складывающеюся изъ этихъ отношеній соціальною организаціей. Психическая жизнь каждаго отдѣльнаго лица способна породить все то, въ чемъ заключается содержаніе духовной культуры. Въ обществѣ, какъ соединеніи множества отдѣльныхъ психическихъ жизней, взятыхъ въ пространство и времени, дѣйствуютъ силы внушенія и подражанія, примѣра и преданія и т. п., причемъ люди вступаютъ въ извѣстный психическій обмѣнъ и накопляютъ результаты воллентивной психической работы. Для того, чтобы объяснить себѣ существованіе общаго языка или общихъ религіозныхъ представленій, одинаковыхъ обычаевъ или однѣхъ и тѣхъ же, напримѣръ, пѣсенъ у какаго-либо народа, мы логически не нуждаемся въ предположеніи о томъ, что члены этого народа связаны между собою какими-либо практическими отношеніями и соціальными формами: для насъ достаточно одного того соображенія, что эти психическія единицы способны оказывать вліяніе другъ на друга и, слѣдовательно, находиться между собою въ духовномъ взаимодействіи. Конечно, въ этому общему факту соціальная организація прибавляетъ много новаго и весьма важнаго, но это уже другой вопросъ, не касающійся генезиса духовной культуры. Одна изъ ошибокъ экономическаго матеріализма заключается въ томъ, что въ немъ духовная культура непостижимымъ образомъ выводится (или, вѣрнѣе, объявляется выводимою) изъ соціальной организаціи, взятой притомъ лишь въ одной изъ своихъ сторонъ, т.-е., по-просту говоря, изъ практическихъ отношеній экономическаго характера.

Психическая основа соціальной организаціи. Переходимъ во второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Взаимныя отношенія, существующія между отдѣльными лицами, могутъ имѣть двоякаго рода характеръ. Пока вліяніе одного человѣка на другого или ихъ взаимодействіе ограничивается измѣненіями во внутреннемъ мірѣ каждаго изъ нихъ, т.-е. отражается на ихъ понятіяхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ, эти лица находятся между собою въ отношеніяхъ чисто психическаго характера. Другое дѣло, когда одинъ оказываетъ вліяніе на другого въ его поступкахъ, въ его поведеніи и когда между двумя лицами устанавливаются извѣстныя практическія отношенія, состоящія въ совершеніи тѣхъ или другихъ дѣйствій, требуемыхъ однимъ и

или видоизмѣнить экономическія, юридическія и политическія формы, а эта дѣятельность человѣка, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ условій, среди которыхъ важное мѣсто принадлежитъ не только самимъ этимъ формамъ, но и духовной культурѣ общества съ ея интеллектуальными и эмоціональными воздѣйствіями на человѣческую волю. Къ сожалѣнію, психологія волевыхъ процессовъ, совершающихся въ личной и общественной жизни человѣка, крайне неразработана, и это несомнѣнно отражается на социологіи, которая именно и должна была бы найти свое естественное обоснованіе въ изученіи взаимодѣйствія, происходящаго между индивидуальными волями подъ вліяніемъ физическихъ и психическихъ потребностей и въ зависимости отъ экономическихъ и культурныхъ условій людского общежитія.

Отношеніе экономическихъ матеріалистовъ къ психологическому объясненію. Психологическое объясненіе общественныхъ явленій подвергается за послѣднее время постоянной критикѣ со стороны приверженцевъ экономического матеріализма, которые въ этомъ объясненіи видятъ ненаучный идеализмъ. Собственно говоря, въ данномъ случаѣ экономическіе матеріалисты имѣютъ въ виду лишь одно изъ психологическихъ направленій, дѣйствительно, наиболѣе отсталое и наименѣ научное. Именно, они нападаютъ на попытки объясненія общественныхъ явленій изъ данныхъ индивидуальной психологіи, понимаемой притомъ преимущественно въ интеллектуалистическомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже совсѣмъ не приходится думать, будто въ основѣ общественныхъ явленій лежатъ идеи, заключающіяся въ головахъ отдѣльныхъ личностей, хотя бы и взятыхъ во всей ихъ совокупности. Такое возрѣніе, возникшее въ эпоху господства метафизическаго идеализма, теперь уже не имѣетъ видныхъ представителей, а потому критика экономическихъ матеріалистовъ оказывается запоздалою. Въ настоящее время все болѣе и болѣе выдвигается впередъ точка зрѣнія коллективной психологіи, которая должна изучать процессы и результаты психическаго взаимодѣйствія вообще и волевого взаимодѣйствія въ частности. Безъ существованія этого послѣдняго взаимодѣйствія были бы совершенно немислимы и сами экономическія явленія. Между прочимъ эту послѣднюю мысль проводитъ въ своихъ „Принципахъ социологіи“ и Гиддинсъ. Становясь рѣшительно на точку зрѣнія преимущественно психической природы общества, онъ нѣкоторыми своими заявленіями могъ бы удовлетворить самыхъ строгихъ экономическихъ мате-

ріалістовъ. Общество опредѣляется имъ, какъ нѣчто, имѣющее психическую природу, но на физической основѣ. И въ порядкѣ времени соціальныя агрегаты создаются у него чисто внѣшними условіями, къ числу каковыхъ онъ относитъ прежде всего обиліе пищи, заставляющее людей свучиваться въ извѣстныхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣ экономическія отношенія возможны лишь подъ условіемъ существованія ассоціаціи, которое само требуетъ психологическаго объясненія.

ГЛАВА VIII.

Гипотетическое и фактическое въ социологіи.

Необходимость синтеза отдѣльныхъ теорій. Мы разсмотрѣли четыре гипотетическія представленія объ обществѣ, господствующія въ социологической литературѣ второй половины XIX вѣка. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія представляетъ изъ себя своего рода исходный пунктъ для того или другого социологическаго построенія. Понятное дѣло, что ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не могла бы возникнуть, если бы не имѣла нѣкотораго оправданія въ фактахъ дѣйствительности. До извѣстной степени каждая изъ разсмотрѣнныхъ основныхъ теорій даже заключаетъ въ себѣ какую-либо вѣрную мысль, но эта же самая мысль дѣлается совершенно невѣрною, разъ получаетъ болѣе широкое примѣненіе, нежели то, какое ей должно принадлежать по существу дѣла. То, чѣмъ хорошо объясняются лишь нѣкоторыя явленія или только одна какая-либо сторона дѣла, не можетъ быть прилагаемо къ объясненію всѣхъ явленій и сторонъ дѣла. Вѣрная въ своей области, мысль дѣлается невѣрною, какъ только переступаетъ границы, полагаемыя ей дѣйствительностью. Съ точки зрѣнія этой мысли одно дѣйствительно хорошо объясняется, но все остальное можетъ быть объясняемо съ точки зрѣнія той же мысли лишь путемъ натяжекъ и подтасовокъ. Между обществомъ и организмомъ существуетъ нѣкоторое сходство, которое и оправдываетъ возникновеніе органической теоріи. Наблюдаемая въ зоологическомъ мірѣ борьба за существованіе продолжается и въ человѣческомъ обществѣ, и это даетъ свое значеніе дарвинистическому направленію въ социологіи. Эта борьба принимаетъ въ обществѣ новый характеръ,

между прочимъ превращаясь изъ борьбы между отдѣльными особями въ борьбу между цѣлыми классами, происходящую главнымъ образомъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, которые вообще играютъ важную роль въ общественной жизни, и въ этомъ смыслѣ экономической материализмъ тоже заключаетъ въ себѣ значительную долю правды. Наконецъ, даже одностороннія психологическія объясненія въ родѣ исключительнаго приписыванія идеямъ первенствующаго значенія получаютъ частичное подтвержденіе въ дѣйствительныхъ фактахъ исторической жизни. Весь вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ границахъ и въ какой мѣрѣ дѣйствительные факты подкрѣпляютъ ту или другую точку зрѣнія, и какая комбинація этихъ точекъ зрѣнія допускается проверкою каждой изъ нихъ на основаніи всего фактическаго матеріала социальнихъ наукъ. По всей вѣроятности, въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ социологи признаютъ относительную вѣрность каждой изъ рассмотрѣнныхъ точекъ зрѣнія, конечно, въ предѣлахъ, какіе будутъ установлены логикой и фактами, и тѣмъ самымъ будетъ признана невѣрность каждой точки зрѣнія, поскольку то или другое направление своей точки зрѣнія приписываетъ исключительное значеніе. Вѣдь развитіе каждой науки совершается путемъ, если можно такъ выразиться, вылуциванія зеренъ истины изъ разныхъ теорій, выставляемыхъ отдѣльными учеными и цѣлыми школами. Правда, въ настоящее время нѣкоторымъ социологическимъ писателямъ такой путь кажется заслуживающимъ порицанія эклектизмомъ, но въ основѣ такого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Эклектизмъ можетъ имѣть мѣсто только въ философіи, въ которой личному пониманію и настроенію мыслителя принадлежитъ важное значеніе и въ которой всякое стремленіе примирить между собою двѣ системы обыкновенно совершается путемъ компромисса, опять-таки зависящаго отъ личныхъ свойствъ философа. Эклектикъ изъ разныхъ системъ беретъ то, что лично болѣе ему по вкусу, что болѣе соотвѣтствуетъ его собственнымъ духовнымъ стремленіямъ, хотя бы такое соединеніе разнородныхъ идей находилось въ противорѣчій и съ логикой, и съ фактами. Иное дѣло въ наукѣ: ученый, рассматривая мнѣнія другихъ ученыхъ, принимаетъ изъ нихъ не то, что лично ему болѣе нравится, а то, что представляется ему болѣе обоснованнымъ, какъ со стороны логики, такъ и со стороны фактовъ. Будущее социологій, какъ науки, зависитъ отъ синтеза въ одну общепризнанную теорію тѣхъ частныхъ истинъ, которыя были уже добыты и впредь будутъ добываться отдѣльными социологическими

пеологами. Можно предположить еще, что этот синтез совершится на почвѣ изученія коллективной психологiи, преимущественно на почвѣ изслѣдованія явленій волевого взаимодействiя въ обществѣ. Всякій общественный организмъ есть не что иное, какъ извѣстная организація людскихъ взаимоотношенiй, въ которыхъ проявляется сознательно или бессознательно волевая сторона человѣческой жизни. Равнымъ образомъ биологическая борьба между отдѣльными личностями и экономическая борьба между отдѣльными классами являются внѣшними проявленiями волевыхъ процессовъ. Наконецъ, и сами экономическiя отношенiя были бы немыслимы безъ психическаго взаимодействiя вообще и взаимодействiя волевого въ частности. Выдвигая здѣсь на первый планъ волевою сторону психической жизни, мы должны, однако, помнить, что само волевое взаимодействiе не могло бы совершаться безъ взаимодействiя интеллектуальнаго и эмоціональнаго, т.-е. безъ извѣстнаго общенiя въ мысляхъ и чувствахъ. Во всякомъ случаѣ такая социологическая гипотеза не противорѣчитъ логикѣ, примиряя въ себѣ вѣрныя стороны другихъ гипотезъ. Но и она для того, чтобы сдѣлаться вполнѣ научной истиной, нуждается въ фактическихъ подтвержденiяхъ.

Общее значенiе социологическихъ гипотезъ. Гипотезамъ въ наукѣ можетъ принадлежать двоякое значенiе. Во-первыхъ, онѣ даютъ намъ болѣе или менѣе насъ удовлетворяющiе отвѣты по вопросамъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ въ данное время допускаютъ только предположительное рѣшенiе. Во-вторыхъ, изучая дѣйствительные факты, мы всегда руководствуемся извѣстными точками зрѣнiя, иногда имѣющими чисто гипотетическiй характеръ. Гипотезы, другими словами, иногда только руководятъ нами въ изслѣдованiи реальныхъ явленiй, относительно которыхъ мы желаемъ знать истину. Подобнаго рода изученiе фактовъ или разрушаетъ гипотезу, или подтверждаетъ ее, хотя въ послѣднемъ случаѣ чаще всего вмѣстѣ съ тѣмъ ее видоизмѣняетъ, поправляетъ или ограничиваетъ. Даже невѣрныя гипотезы дѣлаются орудiемъ отысканiя истины. Въ этомъ смыслѣ социологiя будущаго скажетъ спасибо каждому изъ разсмотрѣнныхъ гипотетическихъ отвѣтовъ на вопросъ, что такое общество: съ точки зрѣнiя каждаго изъ этихъ отвѣтовъ, конечно, собирались, систематизировались и обобщались дѣйствительные факты общественной жизни. Такимъ образомъ рядомъ съ творчествомъ социологическихъ гипотезъ шла и разработка фактическаго матеріала. Впрочемъ, эта разработка была бы крайне недостаточна, если бы происходила только въ цѣляхъ оправданiя той или другой

предвзятой идеи. Рядомъ съ теоретической, болѣе или менѣе гипотетической разработкой основныхъ вопросовъ социологіи шло и фактическое, такъ сказать, детальное изученіе отдѣльныхъ вопросовъ социологіи или родственныхъ ей наукъ. Въ дальнѣйшемъ мы остановимся на этомъ построеніи социологіи снизу, если только позволено назвать то, что мы до сихъ поръ рассматривали, построениемъ социологіи сверху. Главнымъ орудіемъ въ этой новой социологической работѣ является сравнительно-историческій методъ, получившій столь широкое и разнообразное примѣненіе въ изученіи культурной и социальной жизни чело-вѣчества. Настоящее содержаніе социологіи создается именно изслѣдованіями сравнительно-историческаго характера; въ дан-номъ случаѣ въ области социологіи повторяется то же самое, что даетъ такіе прекрасные результаты въ биологіи.

Научная разработка фактическаго матеріала социологіи Какъ наука абстрактная, социологія должна заключать въ себѣ истины общаго характера, въ отличіе отъ наукъ конкретныхъ, которыя всегда имѣютъ дѣло съ фактами даннаго мѣста и даннаго времени. Эти общія истины социологіи могутъ имѣть двойное происхожденіе, смотря по тому, что будетъ лежать въ ихъ основѣ, именно какія-либо общія же истины или какіе-либо частные факты. Рассмотрѣнныя нами направленія социологіи основываютъ свои выводы на положеніяхъ общаго характера. Сравнительно-историческій методъ и состоитъ въ изученіи частныхъ фактовъ въ цѣляхъ выведенія изъ нихъ общихъ положеній путемъ обобщенія единичныхъ случаевъ одной и той же категоріи. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается социологическая индукція. Социологія въ данномъ отношеніи исходитъ изъ того же принципа, коимъ пользуются всѣ абстрактныя науки. Принципъ этотъ — единообразіе, господствующее въ природѣ: одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія, и существа одного и того же рода развиваются одинаковымъ образомъ. Социологія и пользуется сравнительнымъ методомъ для того, чтобы, обнаруживая сходства и различія между однородными явленіями, восходитъ такимъ образомъ отъ частныхъ истинъ къ истинамъ общимъ, которыя мы и зовемъ законами. Съ этою цѣлью она подвергаетъ подобной обработкѣ фактической матеріалъ, изучаемый разнаго рода конкретными общественными науками, каковы: до-историческая археологія, исторія, этнографія и т. п. Первый вопросъ, который тутъ ставится, касается причинной связи, въ какой могутъ между собой вездѣ и всегда находиться тѣ или другія явленія. Второй вопросъ

относится къ той эволюціонной послѣдовательности, въ силу коей явленія располагаются во времени лишь въ извѣстныхъ порядкахъ. Вотъ эта-то вторая точка зрѣнія и является господствующею въ современной соціологіи, стремящейся объяснить генезисъ и трансформациі общественныхъ явленій. Благодаря послѣднему обстоятельству, сравнительный методъ есть не просто сравнительный, а сравнительно-историческій, такъ какъ общественныя явленія берутся здѣсь, выражаясь терминами Конта, не статически, а динамически, т.-е. въ своемъ развитіи, въ своей исторіи. Это вполне соотвѣтствуетъ, во-первыхъ, историческому направленію, образовавшемуся въ государствовѣдѣніи, въ юриспруденціи и въ политической экономіи, которыя сами начинаютъ пользоваться сравнительнымъ методомъ; а во-вторыхъ, соотвѣтствуетъ и общему эволюціонному принципу, господствующему въ философскомъ міросозерцаніи XIX в. Есть соціологи, равно какъ политики, юристы, экономисты и историки, которые сдѣлали изъ сравнительнаго метода, такъ сказать, свою специальность; но пользуются этимъ методомъ и получаемыми при его помощи результатами равнымъ образомъ и представители разсмотрѣнныхъ нами соціологическихъ направленій. Достаточно указать на Спенсера, на экономическихъ матеріалистовъ: Энгельса и Каутскаго, на самую психологію народовъ, которая сводится преимущественно къ сравнительному изученію явленій духовной культуры и т. д. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что важность сравнительно-историческаго метода вошла во всеобщее сознаніе ученаго міра. Къ сожалѣнію, общая неразработанность логики общественныхъ наукъ отражается и на общей постановкѣ вопроса о сравнительномъ методѣ. Въ соціологической литературѣ можно указать лишь крайне ограниченное количество сочиненій, посвященныхъ тому, что можно назвать общей теоріей сравнительно-историческаго метода (Фриманъ, М. Ковалевскій и др.). Будущему предстоитъ выяснить компетенцію этого метода и установить правила научнаго имъ пользованія: иногда отъ этого метода ожидаютъ большаго, чѣмъ онъ можетъ дать, или въ пользованіи дѣлаютъ немалыя погрѣшности. Но всѣ заблужденія и ошибки, какія могутъ быть здѣсь наблюдаемы, не умаляютъ общаго плодотворнаго значенія сравнительно-историческихъ изученій, и справедливость требуетъ напомнить, что это значеніе сравнительнаго метода было предугадано еще Контомъ.

Вопросъ о происхожденіи общества. Путемъ сравнительно-историческаго изученія культурныхъ и соціальныхъ фактовъ рѣшаются многіе важные вопросы соціологіи. Первый та-

кой вопросъ есть вопросъ о происхожденіи общества, взятаго въ смыслъ организаціи совмѣстной жизни. На этотъ счетъ въ XVIII в. господствовала теорія договорнаго происхожденія государства. Ученіе, такъ сказать, объ искусственномъ изобрѣтеніи государства въ XIX в. смѣнилось взглядомъ, по которому государство возникло совершенно естественнымъ образомъ. Новый взглядъ оставался простымъ принципомъ безъ опредѣленнаго реальнаго содержанія или получалъ дальнѣйшее развитіе на почвѣ общихъ соображеній, въ которыхъ главную роль играла дедукція, и только обращеніе науки къ изученію раннихъ формъ быта цивилизованныхъ народовъ, равно какъ быта современныхъ низшихъ расъ и такъ называемыхъ пережитковъ внесло въ эту темную дотолѣ область нѣкоторый свѣтъ. Правда, весьма многое въ этой области остается неяснымъ и спорнымъ, многое критическому взору представляется гадательнымъ, но нѣкоторые пункты могутъ считаться установленными болѣе или менѣе прочно, а неизбѣжныя гипотезы все-таки имѣютъ за себя тѣ или другіе факты, которыя могутъ быть подвергнуты переисслѣдованію и новымъ истолкованіямъ, а не общія соображенія, основанныя иногда на произвольныхъ предположеніяхъ, какія дѣлались раньше, т.-е. при полномъ господствѣ умозрѣнія въ естественныхъ теоріяхъ.

Въ прежнія времена вообще вопросъ о генезисѣ общественныхъ явленій мыслялся въ формѣ вопроса о происхожденіи государства. Исторія застаётъ народы уже политически организованными, а до-историческая жизнь понималась сначала, какъ естественное состояніе, характеризующееся отсутствіемъ какихъ бы то ни было связей между людьми. Въ XVIII в. думали, что государство возникало сразу вслѣдствіе общественнаго договора, но въ XIX в. было установлено, что и въ до-государственный періодъ существованія народовъ уже была извѣстная общественная организація. Ранѣе всего историки новыхъ европейскихъ народовъ установили понятіе такъ называемаго родового быта. Для доказательства того положенія, что возникновенію государства предшествовалъ именно родовой бытъ, и для опредѣленія его характера исторіи прибѣгали къ сравненіямъ и къ сопоставленіямъ. къ коимъ мало-по-малу былъ привлеченъ этнографическій матеріалъ, каковой заключается въ наблюденіяхъ надъ современнымъ бытомъ племенъ, находящихся и въ настоящее еще время на низшихъ ступеняхъ соціального развитія. Родовое устройство было признано ступеню, переживаемою всѣми народами, самый же родъ разсматривался, какъ распавшаяся семья.

Послѣдняя уже издавна признавалась за самое первое и самое естественное сожительство людей, причемъ первобытная семья представлялась сознанію изслѣдователей въ видѣ моногамической семьи цивилизованныхъ народовъ съ господствующимъ положеніемъ въ ней мужчины, какъ мужа и отца. Историческое и этнографическое изученіе этого предмета показало, что такая семья сама является довольно позднимъ продуктомъ соціальной эволюціи, и что въ современномъ человѣчествѣ наблюдаются весьма разнообразныя формы семейныхъ отношеній, которыя соотвѣтствуютъ не однимъ и тѣмъ же ступенямъ соціальнаго развитія. Этимъ передъ наукою поставлена была новая задача—изслѣдованіе генезиса и эволюціи брачныхъ и семейныхъ отношеній въ ту эпоху, когда не было даже правильнаго родового устройства. Моногамическая семья перестала казаться самой естественной и первобытной формой людскаго общежитія. То же самое произошло и съ понятіемъ собственности. Въ былыя времена, когда заходила рѣчь о возникновеніи общества, дѣло представлялось такъ, какъ будто сразу установилась современная форма индивидуальной собственности: этимъ между прочимъ и отмѣчался выходъ изъ естественнаго состоянія, когда все принадлежало всѣмъ или ничто—никому, т.-е. когда не было никакой собственности. Правда, спорили между собою о томъ, возникаетъ ли частная собственность путемъ первоначальнаго захвата (Руссо), или въ силу приложенія труда (Локкъ), или же вслѣдствіе установленія государствомъ (Гоббсъ), но никто не подозрѣвалъ, что индивидуальная собственность современныхъ кодексовъ не есть нѣчто изначальное. Нѣчто подобное случилось и съ изученіемъ права. Старая юриспруденція, привыкшая видѣть въ римскомъ правѣ писанный разумъ, совершенно игнорировала разнообразіе правовыхъ явленій въ пространствѣ и времени. Съ ея точки зрѣнія естественность была равносильна разумности. Впервые историческая школа права внесла въ эту область идею развитія и обратилась къ изученію зародышей этого развитія. То, что ранѣе считалось естественнымъ, было признано за результатъ длинной исторической жизни. Къ историческимъ наблюденіямъ надъ юридическимъ бытомъ раннихъ эпохъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ присоединились наблюденія надъ правовыми обычаями наиболѣе отсталыхъ частей человѣчества, каковыми являются, на примѣръ, современные дикари. Однимъ словомъ, вопросъ о происхожденіи государства, семьи, собственности, права получилъ совершенно новую постановку—на почвѣ сравнительнаго изученія данныхъ исторіи и этнографіи. Найдено

было, что на самых ранних ступенях развития общественность и отдѣльныя стороны политическаго, юридическаго и экономическаго быта представляют замѣчательныя черты сходства. и что лишь путемъ установленія сходныхъ чертъ, представляемыхъ ранними эпохами въ исторіи всѣхъ народовъ, можно приблизиться къ рѣшенію проблемы о генезисѣ общественныхъ формъ.

Научное изученіе явленій духовной культуры. Въ обширной, разнообразной и сложной научной работѣ, объединяемой примѣненіемъ сравнительнаго метода, принимаютъ участіе не одни социологи или государствовѣды, юристы и экономисты, но и представители разныхъ специальностей, изучающихъ духовную культуру общества, каковы лингвисты, миеологи, фольклористы и т. п. Образовалось цѣлое направленіе лингвистической палеонтологіи, которая при помощи данныхъ языка стремится къ установленію болѣе или менѣе точныхъ представлений о древнѣйшемъ бытѣ народовъ. Важное значеніе имѣетъ и сравнительно-историческое изученіе религіозныхъ вѣрованій и культа. Эти вѣрованія нерѣдко ложатся въ основу тѣхъ или другихъ практическихъ отношеній между людьми, изъ которыхъ складывается социальная организація, или даютъ, по крайней мѣрѣ, свою окраску политическимъ, юридическимъ и экономическимъ формамъ. Религія представляетъ собою довольно сложное культурное явленіе. Между прочимъ она имѣетъ громадное значеніе для общественной морали. Сама нравственность имѣетъ происхожденіе не только во внутренней жизни личности и въ томъ психическомъ взаимодействіи, которое происходитъ между отдѣльными членами общества, но и въ условіяхъ, создаваемыхъ социальной организаціей. Сводя послѣднюю къ явленіямъ политическимъ, юридическимъ и экономическимъ, мы должны признать, что изъ этихъ явленій наибольшее родство съ нравственностью существуетъ у права. Весьма часто то, что въ нравственности является передъ нами, такъ сказать, въ неорганизованномъ видѣ, въ правѣ получаетъ только извѣстную организацію. На религію также нельзя смотрѣть исключительно, какъ на совокупность извѣстныхъ представлений и настроеній и порождаемыхъ ими дѣйствій (культъ), ибо и религія не бываетъ чужда извѣстной организаціи. То, что въ христіанствѣ называется церковью, мы наблюдаемъ и въ другихъ религіяхъ, въ какихъ бы отношеніяхъ подобныя религіозныя организаціи ни находились къ организаціямъ политическимъ. Раздѣльное существованіе церкви и государства есть явленіе, которому предшествовала ихъ нераздѣль-

ность, характеризующая, напимѣръ, гражданскія общины античнаго міра. Онѣ, какъ извѣстно, были одновременно союзами и политическими, и религиозными, и въ нихъ одна и та же организація была одновременно и государствомъ, и церковью. Только съ теченіемъ времени произошла дифференціація, благодаря которой обѣ организаціи одна отъ другой отдѣлились, хотя и продолжали сохранять между собою извѣстную связь. Вопросъ о генезисѣ этой религиозной стороны древняго государства (и родового быта, который ему предшествовалъ) также получаетъ новое освѣщеніе при помощи сравнительнаго изученія соотвѣтственныхъ историческихъ и этнографическихъ фактовъ. Между прочимъ, въ составъ этого общаго вопроса, какъ болѣе частный, входитъ вопросъ о происхожденіи жречества, въ качествѣ особаго общественнаго класса, появленіе коего не можетъ быть объяснено изъ чисто политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній.

Односторонность сведенія всей соціологіи къ сравнительному изученію. Эта литература сравнительнаго изученія первобытныхъ соціальныхъ формъ до такой степени разрослась и получила такое важное значеніе для соціологіи, что многіе на этомъ основаніи стали думать, будто главнымъ предметомъ этой науки является первобытная культура и бытъ современныхъ дикарей. По существу дѣла соціологія вовсе не описательная наука, и сравнительное изученіе въ ней играетъ роль средства, а не цѣли. Самая цѣль такого изученія состоитъ не только въ томъ, чтобы теоретически понять происхожденіе общественныхъ формъ, но и въ томъ, чтобы установить законы ихъ развитія. Догадка, что въ послѣдовательности общественныхъ измѣненій существуетъ извѣстный порядокъ, была высказана еще въ древности. По крайней мѣрѣ, Аристотель, а за нимъ и Полибій вѣрили въ возможность создать общую формулу однообразнаго хода перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ. Въ новое время аналогичною мыслью прославились Боденъ и Вико. Но всѣ эти писатели обобщали слишкомъ недостаточный матеріалъ, и только сравнительно-историческое изученіе культурныхъ и соціальныхъ явленій поставило этотъ вопросъ на вполне научную почву. До сихъ поръ однако многое здѣсь остается спорнымъ. Если именно такимъ путемъ и устанавливаются нѣкоторыя общія правила, обобщающія весьма большое число случаевъ, то всегда находится и немалое количество случаевъ, неподходящихъ подъ эти правила. Особенно это наблюдается каждый разъ, когда рѣчь идетъ о какихъ-нибудь подробностяхъ того

или другого явления. Сравнительное изучение не только устанавливает черты сходства, но и вскрывает черты различия в явлениях, с первого взгляда сходных между собой. Во всяком случае общим законам развития культурных и социальных форм приходится действовать среди крайне несходных географических, этнографических и исторических условий. Каждая такая форма притом всегда есть нечто сложное, комбинирующее в себя одни и те же элементы различным образом и находящееся опять-таки в неодинаковых комбинациях с другими явлениями общественной жизни. Наконец, во многих отдельных случаях оказывается почти невозможным отделить то, что объясняется условиями места и времени, от того, что должно было бы рассматриваться, как закономерный момент развития. Таковы трудности дела, которые обусловлены свойствами самого изучаемого предмета. С другой стороны, невыработанность теории сравнительного метода является причиной многих заблуждений и ошибок. Ограниченность сил отдельного человека перед такою громадною задачею составляет также одно из затруднений. Исследователь очень часто обладает очень недостаточным материалом, зная, например, хорошо только известные отделы истории или этнографии хотя бы и по всем сторонам быта. Или же исследователь распоряжается только односторонним материалом, хотя бы и взятым из всех стран и эпох. Сравнительное изучение специализируется, напр., между религией, государством, правом, хозяйством, семьей, собственностью, жречеством и т. п. и очень часто исследователь одного из этих предметов склоняется извлекать из изучения этого предмета выводы более универсального характера. Прибавим к этому, что нередко обращение ко всему указанному материалу и сравнению между отдельными его фактами совершается не для того, чтобы от известных частных истин восходить к неизвестным истинам общим, а для того, чтобы подыскивать фактические аргументы в пользу того или другого предустановленного взгляда. В виду такого положения дела весьма важное значение для социологии имеют, с одной стороны, своды более или менее прочно установившихся истин, а с другой критические обзоры отдельных теорий, освещающих вопрос о генезисе и эволюции социальных форм путем сравнительно-исторического их изучения.

Общий взгляд на сравнительно-историческую литературу. Здесь не место обозрывать всю эту обширную и разно-

образную литературу, такъ какъ пришлось бы говорить о постановкѣ и рѣшеніи множества частныхъ и даже очень спеціальныхъ вопросовъ и о спорахъ, возникавшихъ по этимъ вопросамъ. Даже классифицировать эту литературу весьма трудно. Можно только въ общихъ чертахъ намѣтить слѣдующія различія. Во-первыхъ, есть большія и малыя работы, въ которыхъ сравнительный методъ или выдвигается на первый планъ, или играетъ только второстепенную роль: въ однихъ именно случаяхъ авторы имѣютъ въ виду устанавливать путемъ сравненія общія истины, въ другихъ же случаяхъ цѣлью сравненія бываетъ лучше освѣтить тѣ или другія стороны какихъ-либо опредѣленныхъ, взятыхъ для разсмотрѣнія фактовъ. Во-вторыхъ, есть изслѣдованія, занимающіяся исключительно культурно-соціальными явленіями одной такъ называемой первобытной эпохи, но оставляющія въ сторонѣ дальнѣйшую ихъ эволюцію въ историческія времена, и есть, наоборотъ, сочиненія, посвященные и этой эволюціи. Въ-третьихъ, эта литература состоитъ изъ изслѣдованій, касающихся одной какой-либо стороны общественнаго быта, и изъ трудовъ, стремящихся охватить этотъ общественный бытъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Наконецъ, на отдѣльныхъ произведеніяхъ этой литературы можно прослѣдить вліяніе тѣхъ или другихъ гипотетическихъ воззрѣній на общество, но рядомъ съ этимъ замѣчается и стремленіе тѣхъ или другихъ авторовъ устранять изъ своихъ работъ какія бы то ни было теоретическія сужденія о природѣ общества и управляющихъ имъ законахъ. Нѣкоторые представители сравнительнаго изученія возникновенія и развитія общественныхъ формъ даже далеки отъ постановки себѣ какихъ-либо общихъ теоретическихъ вопросовъ, работая исключительно надъ изслѣдованіемъ строго опредѣленнаго матеріала. Довольно часто они дѣлаютъ весьма цѣнные вклады въ науку, о которой сами вовсе не думаютъ, причисляя себя къ антропологамъ, къ этнографамъ, къ юристамъ и т. п. Что касается до соединенія сравнительнаго изученія съ общими теоретическими взглядами, то въ видѣ примѣровъ укажемъ на два-три наиболее важныхъ случая. Прежде всего большая часть „Основъ соціологіи“ Спенсера, являющагося представителемъ органической школы, построена преимущественно на выводахъ изъ сравнительнаго изученія этнографическихъ и историческихъ данныхъ, причемъ, гдѣ только возможно, Спенсеръ старается оправдать аналогію между обществомъ и организмомъ. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма равнымъ образомъ дѣлались попытки воспользоваться такого же рода данными. Сюда пужно отнести

небольшія работы Энгельса и Каутскаго, въ коихъ существующіе уже взгляды о происхожденіи семьи, собственности и государства приспособляются къ оправданію основного тезиса всей доктрины. Однимъ изъ первыхъ марксистовъ, обратившихся къ изученію первобытныхъ общественныхъ формъ, былъ, впрочемъ, русскій экономистъ Н. И. Зиберъ, авторъ книги „Очерки первобытной экономической культуры“. Болѣе или менѣе отличны отъ такихъ трудовъ тѣ, которые совсѣмъ не заняты доказываніемъ какихъ-либо общихъ положеній или въ которыхъ развиваются болѣе широкія и всестороннія возрѣнія на общество. Къ первой категоріи мы отнесемъ, напримѣръ, труды М. М. Ковалевскаго, котораго можно назвать послѣдователемъ англійскаго историка Мэна. Во второй категоріи видное мѣсто должны занять нѣкоторыя работы Миртова, въ коихъ добытый другими при помощи сравнительнаго метода матеріалъ получаетъ освѣщеніе съ точки зрѣнія весьма широкаго пониманія общественныхъ явленій.

Взглядъ Летурно на социологію. Нѣкоторые социологи думаютъ, что только путемъ сравнительнаго изученія этнографическаго и историческаго матеріала и можно построить социологію. При этомъ нерѣдко очень строго осуждается всякое отвлеченное теоретизированіе. Къ сожалѣнію, представители такого возрѣнія сами не обходятся безъ извѣстнаго рода теоретическихъ предпосылокъ. Приступая къ изученію фактовъ, они уже руководятся какими-нибудь общими соображеніями, хотя бы и недостаточно опредѣлившимися въ ихъ собственномъ сознаніи, и вотъ то, что имъ кажется выведеннымъ исключительно изъ фактовъ, очень часто на самомъ дѣлѣ бываетъ лишь фактическимъ обоснованіемъ исходной точки зрѣнія, причемъ это фактическое обоснованіе оказывается иногда довольно шаткимъ. Примѣръ такого отрицательнаго отношенія къ отвлеченному теоретизированію представляетъ изъ себя извѣстная книга Летурно „Социологія по даннымъ этнографіи“, и именно примѣръ этой книги показываетъ, что, не довѣряя абстрактному построенію социологіи, можно тѣмъ не менѣе располагать социологическій матеріалъ такимъ образомъ, чтобы изъ него получался какъ-разъ нужный теоретическій выводъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ былъ поднятъ вопросъ о сущности человѣческой цивилизаціи, и въ преніяхъ по этому вопросу принялъ участіе Летурно, тогда еще только-что начинавшій свою дѣятельность ученый. По высказанному имъ мнѣнію, въ рѣшеніи этого вопроса надлежало взять за основу порядокъ развитія отдѣль-

ной личности и уже отсюда заключать о порядкѣ развитія цѣлаго общества. Мысль о томъ, что общество въ своемъ развитіи переживаетъ такіе же фазисы, какъ и индивидуумъ, весьма стара и весьма произвольна. Въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества Летурно различилъ періоды, въ которые преобладаніе будто бы принадлежитъ послѣдовательно потребностямъ питанія, развитію вѣдшихъ чувствъ, дѣйствию аффектовъ и послѣ всего умственнымъ процессамъ. Эти фазисы Летурно считаетъ моментами закономернаго развитія всего человѣчества, и въ этой же схемѣ онъ возвращается въ концѣ своей ученой дѣятельности, какъ въ выводу изъ цѣлага ряда наблюденій надъ различными племенами человѣчества, взятаго во времени и пространствѣ. Это показываетъ, что Летурно скорѣе привнесъ свой взглядъ въ изученіе фактовъ, чѣмъ вынесъ его изъ этого изученія. Кромѣ общаго труда, названнаго выше, онъ написалъ еще цѣлый рядъ особыхъ сочиненій, въ коихъ разсматриваетъ эволюцію отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, на примѣръ, нравственности, собственности и т. п., но для насъ важно именно общее его сочиненіе. Здѣсь Летурно весьма рѣзко высказывается противъ „соціологовъ-систематиковъ“, которые „насилственно располагаютъ факты съ цѣлью во что бы то ни стало оправдать предвзятыя заключенія и ссылаются на слишкомъ ограниченное количество данныхъ“. Къ числу такихъ „соціологовъ-систематиковъ“ онъ относитъ и Конта; считая послѣдняго первокласснымъ умомъ, Летурно находитъ, что онъ не могъ основать соціологіи. Вся задача науки въ томъ, чтобы „скопить богатый матеріалъ хорошо установленныхъ и тщательно наблюденныхъ фактовъ“, послѣ чего только и можно „приступить къ подбору, распредѣленію и соподчиненію собраннаго матеріала“ для вывода надлежащихъ заключеній. Выполненіе такой громадной подготовительной работы, говоритъ самъ Летурно, требуетъ цѣлыхъ тысячелѣтій, и пока работа не будетъ совершена, надѣяться на построеніе научной соціологіи нечего. По его мнѣнію, въ настоящее время возможны лишь соціологическіе наброски объ отдѣльныхъ сторонахъ общественной жизни. Онъ порицаетъ и Спенсера за то, что тотъ увлекся умозрительными систематическими взглядами. Себѣ Летурно отмежевалъ, какъ онъ выражается самъ, этнографическую часть соціологіи; соціологія же въ цѣломъ, по его словамъ, должна основываться на данныхъ, заимствованныхъ изъ многихъ наукъ, которыя онъ и перечисляетъ: естественная исторія, антропологія, этнографія, демографія, климатологія, политическая экономія,

исторія и т. д. Намъ извѣстно, что и Спенсеръ большую часть своего соціологическаго трактата основалъ на этнографическихъ данныхъ, но Летурно ставитъ ему въ упрекъ, что онъ отводитъ видное мѣсто и умозрѣнію. Это, впрочемъ, вѣчный упрекъ эмпириковъ по адресу мыслителей съ философскимъ складомъ ума.

Различіе между каузальными и эволюціонными законами соціологіи. Одна изъ задачъ сравнительнаго изученія эволюціи разныхъ общественныхъ явленій заключается въ открытіи общихъ законовъ, коимъ подчинено развитіе отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни. Исходя изъ той мысли, что въ исторіи каждаго народа повторяется въ сущности одинъ и тотъ же процессъ, нѣкоторые писатели утверждаютъ, что прошлое однихъ народовъ можетъ служить основаніемъ для предсказаній относительно будущаго другихъ народовъ. Между прочимъ у насъ въ послѣднее время возникъ горячій споръ между „народниками“ и „марксистами“ относительно обязательности для Россіи повторить въ своемъ экономическомъ развитіи фазисы, пережитые передовыми народами западной Европы. Уже Контъ возлагалъ на соціологію задачу предвидѣть будущее. Сторонники существованія полнаго параллелизма въ развитіи отдѣльныхъ народовъ и полагаютъ, что указанная Контомъ задача лучше всего рѣшается изученіемъ непреложныхъ законовъ соціальной эволюціи. На этой точкѣ зрѣнія въ данномъ спорѣ и стоятъ русскіе марксисты, хотя имъ еще подобало бы подвергнуть критическому изслѣдованію вопросъ, можно ли принимать формулу совершенно единообразнаго развитія безъ всякихъ ограниченій. Ихъ противники строятъ свои соображенія на той мысли, что исторія каждой страны зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ мѣстныхъ условій, которыя для разныхъ странъ различны. Съ этой точки зрѣнія соціологія не допускаетъ такихъ предсказаній, которыя имѣли бы безусловный характеръ. Именно она не можетъ утверждать, что нѣчто обязательно должно случиться, а въ состояніи лишь предсказывать, что если произойдетъ то-то и то-то, то изъ этого должно выйти то-то и то-то. Нельзя думать, чтобы вся правда была или на той, или на другой сторонѣ. Къ сожалѣнію, въ соціологической литературѣ не дѣлается никакого различія между двоякаго рода законами общественныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что одни законы суть каузальные (причинные), другіе—эволюціонные. Первые касаются постоянной связи, существующей между причиной и слѣдствіемъ; напримѣръ, появленіе на рынкѣ какаго-либо товара въ большомъ количествѣ влечетъ за собою пониженіе цѣны на этотъ товаръ. Другое

дѣло—необходимая послѣдовательность, въ которой совершается переходъ общества отъ одной формы хозяйства къ другой: если только существуетъ здѣсь закономерность, отношеніе послѣдующаго къ предыдущему будетъ не отношеніемъ слѣдствія къ причинѣ, а отношеніемъ болѣе поздняго фазиса къ фазису болѣе раннему въ развитіи одного и того же явленія. Въ настоящее время мы можемъ лишь сказать, что въ общественной жизни дѣйствуютъ и каузальные, и эволюціонные законы, но взаимное отношеніе ихъ требуетъ еще выясненія. Во всякомъ случаѣ социологія не должна заниматься исключительно открытіемъ однихъ эволюціонныхъ законовъ, которые обыкновенно и имѣются въ виду при пользованіи сравнительно-историческимъ методомъ. Социологіи необходимо съ такимъ же вниманіемъ изслѣдовать и тѣ случаи необходимой связи между двумя явленіями, когда одно имѣетъ значеніе причины другого.

Общій выводъ. Эволюціонная точка зрѣнія и сравнительный методъ суть научныя приобрѣтенія XIX в. Мысль о томъ, что наука въ состояніи открывать причинную связь между общественными фактами и, обладая знаніемъ этой связи, предсказывать, что должно произойти, разъ даны извѣстныя условія,—эта мысль легла въ основу той изъ социальныхъ наукъ, которая ранѣе другихъ достигла позитивнаго фазиса. Мы говоримъ именно о политической экономіи, какъ она была создана Адамомъ Смитомъ. Между тѣмъ эта наука долгое время пользовалась исключительно тѣмъ методомъ, который называется или абстрактнымъ, или дедуктивнымъ, или гипотетическимъ, смотря по тому, какую сторону этого метода имѣютъ преимущественно въ виду. Успѣшность его примѣненія служить доказательствомъ его пригодности. Такой авторитетный въ вопросахъ логики писатель, какъ Милль, также стоитъ за пользованіе этимъ методомъ. Но извѣстно также, что исключительное употребленіе дедукціи можетъ приводить къ одностороннимъ результатамъ. Поэтому и въ тѣхъ случаяхъ, когда социологія стремится открыть каузальные законы общественныхъ явленій, она не должна полагаться на однѣ дедукціи. Съ другой стороны, сравнительно-историческое изученіе вовсе не есть единственный способъ, какимъ наука можетъ извлекать изъ сходныхъ между собою единичныхъ фактовъ истины общаго характера. Поэтому не приходится думать, будто внѣ сравнительно-историческаго метода для социологіи нѣтъ спасенія, даже въ томъ случаѣ, если бы мы стали думать, что всякія умозрѣнія должны быть исключены изъ этой области. Обработка фактическаго матеріала отдѣльными общественными

науками и въ томъ числѣ исторіей можетъ имѣть важное значеніе для соціологіи и тогда, когда она производится обыкновенными приемами индуктивнаго изслѣдованія. Въ XIX в. науки политическія, юридическія и экономическія, равно какъ исторія, сдѣлали слишкомъ большіе успѣхи, чтобы можно было не видѣть, какую массу матеріала могутъ онѣ дать для соціолога. Особенно необходимо имѣть въ виду, что независимо отъ общихъ причинъ научнаго прогресса на постановку многихъ вопросовъ въ названныхъ наукахъ громадное вліяніе оказали тѣ запросы, съ коими въ этимъ наукамъ стала обращаться соціологія.

ГЛАВА IX.

Вліяніе соціологіи на другія общественныя науки.

Научныя стремленія XIX в., создавшія соціологическую литературу, должны были оказать свое вліяніе и на старыя общественныя науки. Въ частности возникновеніе соціологіи, какъ совершенно новой науки съ новыми задачами, не могло пройти безслѣдно для исторіи, равно какъ для теоретическаго изученія государства, права и народнаго хозяйства. Новая наука предъявляла старымъ наукамъ свои требованія, а старыя науки, преобразовываясь подъ общимъ вліяніемъ идей XVIII в., не могли избѣжать и спеціальнаго вліянія со стороны соціологіи. Дѣло, однако, не обходилось безъ взаимныхъ недоразумѣній.

Историческая теорія Бокля Въ XIX столѣтіи произошло сближеніе между философіей и исторіей. Стала зарождаться мысль о философской теоріи историческаго процесса. Такъ какъ въ первой половинѣ XIX в. господство принадлежало идеалистическимъ системамъ, то философскія теоріи историческаго процесса имѣли въ это время большею частью чисто метафизическій характеръ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяніе философіи на исторію было даже вредно, хотя, конечно, историческая наука шла въ своемъ развитіи совершенно самостоятельнымъ путемъ. Первымъ историческимъ сочиненіемъ, на которомъ сказалось вліяніе позитивизма и соціологіи, была знаменитая „Исторія цивилизаціи въ Англии“ Бокля, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ въ 1858 г. Извѣстно, какое громадное впечатлѣніе произвелъ этотъ трудъ на современниковъ. Одни встрѣ-

тиги его съ восторгомъ, какъ своего рода откровеніе; другіе, наоборотъ, стали возставать противъ попытки Бокля, какъ противъ своего рода опасной ереси. Многое въ его взглядахъ, дѣйствительно, оказалось ошибочнымъ, но въ книгѣ на самомъ дѣлѣ ставился важный вопросъ о научности исторіи, хотя, правда, авторъ имѣлъ въ виду не столько требованія, коиѣ должна удовлетворять наука конкретная, каковою является исторія, сколько требованія, могуція быть предъявленными науѣ абстрактной, каковой характеръ и принадлежитъ соціологін. Бокль поставилъ въ упрекъ исторіи, что она не стремится „возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами“. Поэтому вопросъ о законмѣрности общественныхъ явленій занимаетъ довольно видное мѣсто въ его разсужденіи о сущности историческаго знанія. По его представленію, исторія должна пользоваться пріемами естествознанія, которое также занимается открытіемъ законовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ принципиально осуждаетъ методъ, употребляемый метафизиками для открытія законовъ духа. Кромѣ того, онъ хочетъ, чтобы историческая наука широко пользовалась и результатами естествознанія, особенно настаивая на томъ, что законы природы оказываютъ непосредственное вліяніе на характеръ людей и устройство обществъ. Послѣдняя тема, впрочемъ, не была новостью: Бокль въ данномъ случаѣ шелъ по стопамъ Монтеסקье. Противники Бокля упрекали его въ материализмъ, но современные экономическіе матеріалисты могли бы поставить ему въ упрекъ, наоборотъ, извѣстнаго рода идеализмъ. Бокль думаетъ именно, что главнымъ факторомъ историческаго движенія является умственное развитіе, въ частности прогрессъ нашихъ знаній о природѣ. Конечно, этотъ основной взглядъ Бокля отличается крайнею односторонностью, что съ особенною силою обнаруживается, напр., на его попыткѣ связать причинною связью успѣхи естествознанія въ XVIII в. и французскую революцію, но именно и въ самомъ увлеченіи этомъ сказалась общая реалистическая тенденція всего историческаго міросозерцанія Бокля. Въ этомъ стремленіи сблизить исторію съ естествознаніемъ, въ этой постановкѣ предъ исторіей задачи открывать законы общественныхъ явленій и, наконецъ, въ этомъ представленіи умственнаго развитія, какъ главной движущей силы исторіи, Бокль сходится съ Контомъ, испытываетъ на себѣ его вліяніе, (хотя, подобно Спенсеру, и совершенно въ разрѣзъ съ Контомъ является ярымъ проповѣдникомъ системы правительственнаго невмѣшательства). Задумывая реформировать исторію на новыхъ

началахъ, Бокль, въ сущности, если можно такъ выразиться, лишь въ теоріи упразднялъ исторію, замѣняя ее соціологіей, хотя по болѣе конкретнымъ свойствамъ своего ума самъ обнаруживалъ большую склонность къ исторіи (хотя бы и философской), чѣмъ къ соціологіи. Нападеніе Бокля на историковъ должно было встрѣтить со стороны послѣднихъ сильный отпоръ. Между прочимъ, противники Бокля инстинктивно чувствовали, что возникновеніе новой задачи—открывать законы общественныхъ явленій—отнюдь не устраняетъ со сцены старой задачи—научно изслѣдовать эти явленія во всей ихъ конкретности безъ какого бы то ни было отношенія къ установленію какихъ-либо общихъ истинъ. По другимъ пунктамъ критики Бокля сумѣли подмѣтить довольно вѣрно его частныя увлеченія, хотя нерѣдко, съ другой стороны, и обнаруживали неспособность подняться на ту высоту научнаго созерцанія, на которой стоялъ Бокль. Нѣкоторое недоразумѣніе въ спорахъ о „поднятій исторіи на степень науки“ (названіе статьи Дройзена о Боклѣ) продолжалось и дальше. Иногда оно продолжается и до сихъ поръ.

Необходимость строго отличать соціологію отъ исторіи. Это недоразумѣніе вытекаетъ изъ смѣшенія задачъ абстрактной и конкретной науки. Исторія есть наука конкретная, соціологія—наука абстрактная. Обѣ онѣ могутъ существовать рядомъ, не только не мѣшая одна другой, но даже одна другой помогая. Весьма естественно, что когда исторія въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, подвергалась нападкамъ за то, что не исполняетъ задачъ соціологіи, историки вооружались, чтобы защищать свою науку, совершенно правильно доказывая, что отъ своихъ задачъ и приемовъ историческая наука отказаться не можетъ, и въ то же время совершенно неосновательно утверждая, будто никакой новой науки объ обществѣ и не нужно. Нѣкоторые представители исторической науки обнаруживали даже замѣчательное непониманіе основной идеи соціологіи. Съ этой стороны говорилось по этому не мало несправедливаго. Въ свою очередь представители соціологической мысли очень часто относились къ историкамъ нѣсколько свысока. Между прочимъ, въ этомъ можно упрекнуть, напр., Спенсера, который вообще обнаруживаетъ замѣчательно мало способностей въ пониманію драматической стороны исторической жизни съ ея борьбою, побѣдами и пораженіями въ борьбѣ, а также со всѣми общественными настроеніями, обуславливаемыми этою борьбою. Конечно, впрочемъ, многіе писатели старались разяснить это недоразумѣніе. За послѣднее время, на примѣръ, объ этомъ весьма основательно говорили

Гумпловичъ въ „Соціологіи и политикѣ“ и Бернгеймъ въ „Руководствѣ исторической методологіи“. Первый изъ названныхъ писателей—соціологъ, второй—историкъ. По частнымъ вопросамъ здѣсь можно быть разнаго мнѣнія, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Исторія и соціологія изучаютъ одно и то же, но только различными способами и съ различными цѣлями. Первая воспроизводитъ прошлое, вторая открываетъ общіе законы. Въ этомъ пунктѣ согласны между собою оба только что названные писателя, и это вполне совпадаетъ съ основною мыслью Ог. Конта. Лучшіе представители соціологической мысли въ Россіи никогда не впадали въ указанные недоразумѣнія. Болѣе всего надъ разъясненіемъ этого вопроса работалъ Миртовъ въ „Очеркахъ систематическаго знанія“, помѣщавшихся въ журналѣ „Знаніе“ за 1872 и 1873 гг.

Взглядъ Бурдо на задачу исторіи. Въ недавнее время (1878 и 1894 гг.) вопросъ о реформѣ историческаго знанія былъ поставленъ двумя французскими учеными—Бурдо и Лаккомбомъ. Первый изъ нихъ выступилъ съ книгой подъ заглавіемъ „Исторія и историки. Критическій опытъ объ исторіи, разсматриваемой въ качествѣ положительной науки“. Этому автору, къ сожалѣнію, совершенно не дается различіе между исторіей и соціологіей. По его опредѣленію, предметъ исторіи составляетъ „совокупность всѣхъ фактовъ, которые управляются разумомъ или испытываютъ вліяніе разума“. Идеаломъ было бы знать всѣ лица и всѣ ихъ дѣла. Между тѣмъ историки вмѣсто того, чтобы наблюдать совокупность всѣхъ людей, занимаются только отдѣльными личностями и вмѣсто того, чтобы изслѣдовать „отправленія разума“, все дѣло сводятъ къ разсказу о событіяхъ. Бурдо различаетъ въ исторіи двоякаго рода факты, изъ коихъ одни называетъ событіями, другіе — отправленіями (fonctions). Подъ послѣдними онъ разумѣетъ то, что мы назвали бы формами общественнаго быта, духовною культурою и соціальною организаціей народовъ. Бурдо думаетъ, что главное въ исторіи — не событія, а общія явленія матеріальной, духовной и общественной жизни (мы сказали бы: не факты прагматическіе, былевые, а культурные въ широкомъ смыслѣ слова, или бытовые). Новаго ничего въ данномъ случаѣ Бурдо не говоритъ. Историческая наука въ XIX в. развивается именно въ этомъ направленіи. Повѣствованіе о дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ или даже группъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ передъ описаніемъ жизни цѣлаго общества въ отдѣльныхъ его классахъ. Несомнѣнно, что такое представленіе объ исторіи приближаетъ ее къ соціологіи,

которая тоже имѣетъ своимъ предметомъ общество. Но одно дѣло — рассказать исторію каждаго отдѣльнаго общества (государства, народа), другое дѣло — изложить законы, коимъ подчиняется жизнь всякаго общества. Между тѣмъ Бурдо думаетъ, что разъ историкъ перейдетъ отъ изученія единичныхъ событій къ общимъ бытовымъ фактамъ, то этимъ самымъ онъ вынужденъ будетъ измѣнить и самую задачу: вмѣсто научнаго воспроизведенія развитія духовной культуры и общественной организаціи даннаго народа или данной страны, заниматься открытіемъ законовъ культурнаго и соціальнаго развитія вообще. Бурдо даже полагаетъ, что исторія лишь тогда сдѣлается наукой, когда будетъ заниматься открытіемъ законовъ. Можно было бы совершенно обойти молчаніемъ мнѣніе Бурдо, если бы оно было только его мнѣніемъ. Напротивъ, оно очень распространено. Но въ основѣ такого мнѣнія лежитъ отождествленіе науки вообще лишь съ однимъ видомъ науки — съ наукою абстрактною. То, что Бурдо говоритъ о законахъ исторіи, когда онъ ихъ дѣлитъ на законы сходства, причинной связи и развитія, можетъ быть прямо отнесено къ соціологіи.

Взглядъ Лакомба на задачу исторіи. Во многихъ отношеніяхъ отъ книги Бурдо отличается книга Лакомба „Исторія, какъ наука“. По нѣкотрымъ весьма существеннымъ пунктамъ пониманіе исторіи у обоихъ авторовъ даже трудно было бы хоть сколько-нибудь согласить. Это, однако, не мѣшаетъ Лакомбу повторять въ другихъ только выраженіяхъ то, что говоритъ и Бурдо. Замѣчательно, что и ему совсѣмъ не ясно различіе между исторіей и соціологіей (хотя, конечно, это не давало еще права русскому переводчику книги озаглавить ее „Соціологическія основы исторіи“). Лакомбу даже кажется, будто соціологія до сихъ поръ интересовалась исключительно одними дикими и варварскими народами, — взглядъ тоже довольно распространенный и ранѣе Лакомба между прочимъ высказанный однимъ критикомъ соціологіи Михайловскаго. Подобно Бурдо, Лакомбъ думаетъ, что для возведенія исторіи на степень науки нужно только произвести выборъ матеріала, устранивъ изъ обычнаго матеріала историковъ одни факты, а на другихъ, наоборотъ, сосредоточивъ все вниманіе науки. Науку Лакомбъ понимаетъ исключительно въ абстрактномъ смыслѣ: „наукою, говорятъ онъ, называютъ совокупность истинъ, т.-е. сужденій, указывающихъ на то, что существуютъ постоянныя сходства между такими-то и такими-то явленіями“. По его мнѣнію, заниматься изученіемъ той связи, какая существуетъ между опредѣленными

фактами, есть задача исторической эрудиции, а задача истории, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы вырабатывать общія истины объ историческихъ явленіяхъ, приложимыя ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Въ сущности, Лакомбъ, самъ того не подозревая, формулируетъ здѣсь различіе, существующее между исторіей и соціологіей. Но онъ ошибается, полагая, что это различіе обусловливается не разнымъ отношеніемъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ, а различіемъ, существующимъ въ самихъ явленіяхъ. Послѣднія и онъ дѣлитъ на событія и учрежденія или установленія (institutions); прибавимъ, что послѣднему слову онъ даетъ весьма широкое значеніе, подводя подъ категорію установленій не только факты соціальной организаціи, но и факты духовной культуры. Событія, какъ факты, которые имѣли мѣсто лишь одинъ разъ, Лакомбъ исключаетъ изъ науки, признавая научное значеніе лишь за установленіями, какъ фактами, въ которыхъ много разъ повторяется извѣстное отношеніе. Это—все то же дѣленіе историческихъ фактовъ на прагматическіе (былевые) и культурные (бытовые). Лакомбъ даже очень хорошо понимаетъ, что въ дѣйствительной жизни событія и установленія, такъ сказать, переплетаются между собою и находятся въ постоянномъ взаимодействіи. Но ему представляется, будто только факты второй категоріи могутъ быть предметомъ науки, т.-е. научной исторіи, которую, однако, онъ все-таки не умѣетъ отличить отъ соціологіи. Онъ говоритъ именно: „читайте историковъ,—я имѣю въ виду обыкновенную исторію, т.-е. повѣствовательную исторію,—читайте историковъ, и вы увидите, что въ исторіи какъ-будто нѣтъ ничего, кромѣ событій; читайте соціологовъ, и вамъ покажется, что они имѣютъ дѣло только съ установленіями“. Конечно, это невѣрно. Историки одинаково имѣютъ дѣло и съ прагматическими, и съ культурными фактами, съ ихъ взаимодействіемъ, съ ихъ причинными и эволюціонными отношеніями однихъ къ другимъ. Но историки изучаютъ эти факты, какъ приуроченные къ извѣстнымъ мѣстамъ и къ извѣстнымъ временамъ. Даже въ томъ случаѣ, когда они сравниваютъ между собою сходные факты, взятые въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ временахъ, они не перестаютъ быть историками, хотя бы сравнительно-историческому изученію и ставились соціологическія цѣли. Съ другой стороны, одинаково какъ прагматическіе, такъ и культурные факты могутъ изучаться соціологически. Относительно культурныхъ фактовъ, т.-е. „отправленій“ по терминологіи Бурдо и „установленій“ по терминологіи Лакомба въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ никакого сомнѣнія, но вѣдь и прагматическіе факты,

обозначенные у обоих писателей, какъ событія, могутъ изучаться не только конкретно (исторически), но и абстрактно (соціологически). Напримѣръ, всякая революція есть событіе, т.-е. единичный фактъ, который можетъ быть изслѣдованъ и рассказанъ, но возможно и сравнительное изученіе подобнаго рода единичныхъ событій въ цѣляхъ формулированія нѣкоторыхъ общихъ истинъ, такъ сказать, для всѣхъ странъ и эпохъ. Поскольку отдѣльныя событія складываются изъ единичныхъ людскихъ поступковъ, и эти послѣдніе могутъ быть предметомъ такого же соціологическаго изученія въ качествѣ факторовъ историческихъ событій. Прибавимъ, что книги Бурдо и Лакомба разсмотрѣны здѣсь лишь съ одной стороны. По другому поводу о трудѣ Лакомба рѣчь уже шла раньше, а въ дальнѣйшемъ точно также по совсѣмъ другому вопросу придется вернуться и къ книгѣ Бурдо.

Взглядъ Шопенгауера на исторію. Бурдо и Лакомбъ далеко не единственные писатели, которые отрицаютъ за исторіей значеніе науки, исходя изъ слишкомъ тѣснаго понятія о наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не единственные писатели, сливающие въ одно понятіе понятія соціологии и культурной исторіи. Извѣстно, напримѣръ, что называть исторію наукой не хотѣлъ и Шопенгауеръ. „Науки, говоритъ онъ, будучи системами понятій, всегда говорятъ о родахъ, исторія — всегда объ индивидуумахъ; первыя говорятъ о томъ, что бываетъ всегда, вторая — о случившемся однажды и болѣе не существующемъ“. Поэтому, думаетъ философъ, матеріалъ исторіи способенъ только къ координаціи, совсѣмъ не способенъ къ субординаціи познаваемаго. Дѣло въ томъ, однако, что и въ естествознаніи однѣ науки занимаютъ болѣе координаціей, другія субординаціей изучаемаго; на этомъ и основано контовское различеніе между конкретными и абстрактными науками. Шопенгауеръ подъ наукою вообще разумѣетъ только абстрактную науку и все его разсужденіе доказываетъ лишь одно, именно то, что исторія не есть абстрактная наука. Констатированіе дѣйствительныхъ фактовъ и нахожденіе между ними дѣйствительной связи (координированіе) есть такое же научное занятіе, какъ и открытіе общихъ истинъ и подведеніе подъ нихъ частныхъ явленій (субординація) „Главы исторіи народовъ, говоритъ еще Шопенгауеръ, различны въ сущности только по именамъ и цифрамъ годовъ: настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и то же“. Вотъ это-то содержаніе и есть предметъ соціологии.

Общее вліяніе соціологии на историческую науку. Возникновеніе новой абстрактной науки, конечно, должно было

отразиться на соответственной наукѣ конкретной. Въ этомъ отношеніи нужно различить нѣсколько моментовъ. Чисто позитивная социологія, совершенно отрѣшившаяся отъ метафизики, должна была нанести сильный ударъ прежней философіи исторіи, строившейся исключительно на метафизическихъ основаніяхъ. Во-вторыхъ, новая наука, сдѣлавшая своимъ предметомъ общество, отвлеченно взятое, окончательно опредѣлила и задачу исторіи въ смыслѣ изученія жизни общества въ его отдѣльныхъ конкретныхъ экземплярахъ, взятыхъ въ разныхъ странахъ и въ разные эпохи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такое пониманіе основной задачи исторической науки возникло въ ней самой и раньше образованія самой социологіи. Наиболѣе этому содѣйствовала французская историографія начала XIX в. (въ особенности Гизо). Въ-третьихъ, хотя самъ Контъ и совершенно неправильно на практикѣ отождествилъ динамическую социологію съ философіей исторіи, однако, только благодаря его основной идеѣ, сдѣлалось возможнымъ различеніе между двумя разными способами относиться философски къ исторіи. Одинъ способъ и есть философія исторіи, соединеніе въ одно цѣлое исторіи человѣчества, т.-е. исторій отдѣльныхъ народовъ съ указаніемъ ихъ преемственности и значенія каждаго изъ нихъ и т. д. Это задача синтетическая. Другая задача — аналитическая, разложеніе каждой отдѣльной исторіи на ея составные элементы для выработки общей теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго. Это и есть теорія исторіи, какъ самая главная часть динамической социологіи.

Попытки построенія теоріи исторіи, хотя и не систематически, дѣлались еще въ нѣдрахъ прежней философіи исторіи на метафизической почвѣ. Социологія не только оторвала теорію историческаго процесса отъ метафизики, поставивъ этой теоріи реальную задачу и указавъ ей на научные методы для разрѣшенія этой задачи, но и обособила теоретическое отношеніе къ исторіи съ характеромъ чисто аналитическимъ отъ чисто синтетической задачи разсмотрѣнія всемірной исторіи съ философской точки зрѣнія. Философія исторіи возможна и на позитивной почвѣ, но и тутъ ея задача заключается въ координированіи фактовъ. Одно дѣло, напримѣръ, понять, какое мѣсто принадлежитъ Греціи во всемірной исторіи, или какія причины создали морское могущество Англіи; другое дѣло — выяснить значеніе экономическаго или идейнаго фактора въ исторіи вообще. Между тѣмъ это различіе далось не сразу. „Несчастливая особенность исторіи человѣка, говоритъ Бюль, состоитъ въ томъ, что, хотя искусно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же

почти никто не пробовал слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ великихъ сферахъ знанія, продолжаетъ онъ, необходимость обобщенія признава всѣми, и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами“. Въ этихъ словахъ говорится о двухъ совершенно несходныхъ задачахъ, но онѣ не различены одна отъ другой. Только подобнымъ неразличеніемъ, встрѣчающимся и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, и можно объяснить, что иные изъ нихъ считаютъ возможнымъ писать философскіе обзоры всемірной исторіи не только безъ предварительной разработки теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго, но и въ томъ предположеніи, будто ихъ способъ относиться къ исторіи исчерпываетъ всякую иную возможность философскаго отношенія. Такова, напримѣръ, одно время пользовавшаяся успѣхомъ „Культурная исторія въ ея естественномъ развитіи“ Гелльвальда и другія подобныя сочиненія. Возрастающее вліяніе соціологіи на философское отношеніе къ исторіи сказывается, однако, въ томъ, что въ научной литературѣ, посвященной этого рода вопросамъ, теорія исторіи, или исторіологія начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль сравнительно съ философіей исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. И еще въ одномъ отношеніи соціологія оказала вліяніе на исторію. Сравнительно-историческое изученіе можетъ ставить себѣ цѣли троякаго рода: сравнивая два сходныя явленія, указывать на ихъ происхожденіе изъ общаго источника или открывать, что однимъ народомъ сдѣлано у другого заимствованіе, или же устанавливать истины болѣе общаго характера. Историческая наука уже раньше въ своихъ собственныхъ интересахъ пользовалась сравненіемъ сходныхъ фактовъ, рѣшая вопросы объ общемъ происхожденіи или заимствованіяхъ. Это чисто историческія задачи. Соціологія поставила передъ историками и третью задачу. — Во многихъ случаяхъ вліяніе соціологіи на исторію было менѣе уловимо. Несомнѣнно только, что историческая методологія выработалась совершенно самостоятельно; да соціологія и не могла оказать здѣсь своего вліянія, ибо по существу дѣла методы наукъ конкретныхъ и абстрактныхъ не совпадаютъ ¹⁾.

¹⁾ Въ печати приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, по которому гораздо проще признавать одну исторію (она же и соціологія) и что нѣтъ никакихъ основаній различать исторію, соціологію, историка (т.-е. историческую методологію), исторіологію (т.-е. теорію историческаго процесса), философію исторіи, такъ какъ достаточно одной, всѣмъ понятной исторіи. Такое разсужденіе равно-

Различное пониманіе сущности историческаго процесса въ соціологической литературѣ. Отдѣльныя соціологическія направленія тоже оставили свои слѣды на способахъ понимать сущность историческаго процесса. Прежде, нежели органическая школа начала проводить свои естественно-историческія аналогіи, идея органичности историческаго процесса уже высказывалась самими историками, нерѣдко, впрочемъ, съ явно затаенными консервативными намѣреніями; послѣднее особенно относится къ исторической школѣ права. Понятіе исторію исключительно съ точки зрѣнія принциповъ дарвинизма дѣлалось тоже немало попытокъ, и онѣ даже имѣютъ большее значеніе въ качествѣ гипотезъ о движущихъ силахъ исторіи, чѣмъ гипотезъ объ элементахъ, лежащихъ въ основѣ общественнаго устройства. Оно и понятно: борьба за существованіе и естественный подборъ еще могутъ разсматриваться, какъ движущіе факторы, но совершенно не годятся для непосредственнаго обоснованія на нихъ общественной солидарности. Несмотря на всѣ недостатки экономическаго матеріализма, какъ теоріи историческаго процесса, это направленіе оказываетъ на историческую науку вліяніе, которое не можетъ не считаться благопріятнымъ. Хотя развитіе экономическаго направленія въ исторіи отнюдь нельзя приписать исключительно вліянію экономическаго матеріализма, тѣмъ не менѣе это направленіе несомнѣнно связывается на современной исторіографіи, ставя передъ нею новыя задачи. Основательное изученіе экономической исторіи, которая прежде была въ большомъ пренебреженіи, само по себѣ весьма важная задача. Другая задача—изслѣдованіе роли экономическаго фактора въ соціальныхъ и культурныхъ движеніяхъ разныхъ категорій. Только такимъ путемъ и можетъ быть теоретически выяснено значеніе экономическихъ явленій въ соціальной жизни, степень и характеръ ихъ вліянія на другія культурныя и соціальныя явленія. Наконецъ, сами психологическія объясненія историческихъ фактовъ подъ вліяніемъ позитивной соціологіи стали получать болѣе научный характеръ. Позитивизмъ изгналъ изъ этой области представленія идеалистическаго спиритуализма: идеи были поняты, не какъ метафизическія сущности, а какъ реальныя явленія человѣческаго сознанія, оказывающія вліяніе на человѣческую волю и,

сильно тому, какъ если бы кто-либо, учившійся въ средней школѣ естественной исторіи, т.-е. минералогіи, ботаникѣ и зоологіи, сталъ бы высказывать недоумѣніе, зачѣмъ еще выдумывать разныя біологіи, анатоміи (да еще сравнительныя), гистологіи, эмбриологіи, физиологіи, зоотоміи и т. п.

слідовательно, пояснюючія людвческіе поступки, изъ конхъ складывается вся прагматическая сторона исторіи. Съ другой стороны, изъ общаго понятія законовъ, управляющихъ общественными явленіями, легко извлекается понятіе о законахъ, конмъ подчиняются психическія явленія, происходяція въ цѣломъ обществѣ, благодаря взаимодѣйствию между его отдѣльными членами.

Теоретическое изученіе государства, права и народнаго хозяйства, существовавшее уже до возникновенія соціологіи, также испытало на себѣ вліяніе послѣдней.

Соціологія и другія теоретическія общественныя науки. Политическая экономія съ самаго начала получила характеръ положительной науки. Если еще у физиократовъ и даже у Адама Смита мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми метафизическими представленіями, то они все-таки не оказываютъ существеннаго вліянія на изображенія дѣйствительныхъ явленій экономической жизни. Не то представляютъ намъ собою науки политическія и юридическія, въ которыхъ всегда былъ весьма силенъ метафизическій элементъ. Особенно это слѣдуетъ отмѣтить по отношенію къ юриспруденціи, ибо союзъ этой науки съ метафизической философіей длился цѣлые вѣка. Основаніе положили ему еще римскіе юристы, впервые создавшіе теоретическое изученіе права съ помощью греческой философій, особливо стоицизма, у коего они заимствовали идею естественнаго права. Послѣднимъ фазисомъ этого вѣкового союза юриспруденціи и метафизики было то вліяніе, которое философія Гегеля оказала на юридическія теоріи середины XIX в. И вообще по самой природѣ своей право наиболее способно поддаваться метафизическому истолкованію. Первоначально оно изучалось исключительно съ практическими цѣлями. Это была наука прикладная, но уже въ древности возникла философія или теорія права, долгое время сохранившая главнымъ образомъ нормативный характеръ. Каждая нормативная наука имѣетъ свою цѣль не изясненіе дѣйствительности, а установленіе принциповъ должнаго. Такова логика для нашего мышленія, такова этика для нашего поведенія. Обѣ эти науки касаются тѣхъ же предметовъ, конми занимается и психологія, но только не съ той точки зрѣнія, съ какой психологія изучаетъ умъ, чувство и волю человека. Вотъ и юриспруденція на первыхъ порахъ развитія относилась къ праву совершенно такъ же, какъ логика и этика относятся къ духовной жизни человека, т.-е. ставя передъ нею извѣстныя нормы, а не изслѣдуя законы дѣйствительно совершающихся явленій. Начать изученіе права, какъ реальнаго явленія, значило для юрис-

пруденціи сдѣлать шагъ впередъ, и этотъ шагъ впервые былъ рѣзко отмѣченъ „Духомъ законовъ“ Монтескье и исторической школой права Савиньи, хотя послѣдняя и создавалась подъ вліяніемъ современной ей метафизики. Какъ теорія нормативная, юриспруденція по своему предмету ближе всего стоитъ къ этикѣ: нормы поведенія и нормы отношеній между людьми тѣсно между собою переплетаются. Долгое время казалось, что обосновать нравственныя и юридическія нормы можно лишь на чисто метафизическомъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, что такое нравственность, что такое право. Это, такъ сказать, устанавливало задачу, опредѣляло методъ философіи права, т.-е. теоретической юриспруденціи. Съ такой нормативно-юридической, чисто идеологической точки зрѣнія изучалось и государство, хотя уже Аристотель въ своей „Политикѣ“ становился на болѣе позитивную почву. Соціологія, создавая науку объ обществѣ по образцу физики въ широкомъ смыслѣ этого слова, окончательно установила тотъ принципъ, въ силу котораго наука прежде всего должна изучать явленія и открывать управляющіе ими законы. Вліяніе соціологіи должно было сказаться одинаково и на государствовѣдѣніи, и на правовѣдѣніи, причемъ, конечно, въ обѣихъ этихъ областяхъ многія измѣненія совершались въ зависимости отъ общихъ условій научнаго движенія XIX в. Разсмотримъ въ отдѣльности вліяніе соціологіи на теоретическую политику и на теоретическую юриспруденцію.

Вліяніе соціологіи на государствовѣдѣніе. Теоріей государства можно заниматься двоякимъ образомъ—юридически и соціологически, хотя обѣ точки зрѣнія на практикѣ и могутъ одна съ другою смѣшиваться. Такъ называемое государственное право въ своихъ чисто теоретическихъ частяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ понятіяхъ, а не о конкретныхъ фактахъ исторіи и современности, имѣетъ характеръ или нормативный, или чисто научный въ самомъ тѣсномъ значеніи послѣдняго слова. Старое государственное право изучало свой предметъ преимущественно съ точки зрѣнія юридическихъ нормъ, обязательныхъ въ политической жизни. Такое отношеніе къ государству никогда не теряетъ своего значенія, какъ никогда своего значенія не теряютъ логика и этика—рядомъ съ психологіей. Но не съ такой точки зрѣнія соціологія интересуется государствомъ: для нея государство есть прежде всего реальное явленіе, которое должно изучаться совершенно такъ же, какъ изучаются всякія реальныя явленія—безотносительно въ какомъ бы то ни было нормамъ.

Государство не есть единственная форма общежитія. Рационалистическая философія XVIII в. представляла себѣ до-государственное существованіе, какъ пресловутое естественное состояніе. Выше было сказано, какъ наука XIX в. разрушила это ложное представленіе. Человѣкъ съ самаго начала своего обособленія отъ остального зоологическаго міра является, выражаясь словами Аристотеля, животнымъ общественнымъ, но, конечно, самыя раннія соединенія людей не могутъ называться государствами. Между первобытною ордою и первымъ соединеніемъ людей, заслуживающимъ названія государства, располагается цѣлый рядъ формъ совмѣстнаго существованія. Сравнительно-историческое изученіе, какъ было показано выше, сдѣлало очень много для уясненія того быта, который предшествовалъ государству, и для рѣшенія вопроса о происхожденіи и развитіи чисто государственныхъ отношеній. То же сравнительное изученіе разнаго рода видовъ государственнаго устройства, какія только знаютъ исторія и современность, открыло новыя точки зрѣнія въ старомъ вопросѣ о классификаціи формъ правленія. Прежнія рубрики, установленныя чисто логическимъ путемъ, оказались слишкомъ узкими для живого разнообразія фактовъ дѣйствительности. На почвѣ новаго, сравнительно-историческаго изученія получилъ новую постановку и вопросъ о предѣлахъ власти государства. Ранѣе этотъ предметъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія извѣстнаго пониманія цѣли государства, и не изслѣдовались условія, вызывавшія государственное вмѣшательство въ разныя сферы общественной жизни на отдѣльных ступеняхъ политическаго развитія. Сравнительно-историческое изученіе между прочимъ обнаружило, что въ разсматриваемомъ отношеніи государство явилось только наслѣдникомъ болѣе раннихъ или элементарныхъ соединеній политическаго характера, каковы учрежденія родовыя, общинныя и артельныя (гильдіи и цехи на Западѣ). Тѣмъ же путемъ было найдено, что форма правленія зависитъ и отъ соотношенія соціальныхъ силъ. Наконецъ, знаменитый со времени Монтескье вопросъ о раздѣленіи властей получаетъ на почвѣ сравнительно-историческаго изученія новое освѣщеніе, равно какъ и болѣе частные вопросы объ организаціи и дѣятельности властей законодательной, исполнительной и судебной. Старое государственное право или возводило въ принципъ дѣйствующее законодательство, или искало нормъ, по которымъ можно было бы перестроить дѣйствительность, и пользовалось фактами дѣйствительности для иллюстраціи или доказательства своихъ положеній, а не для установленія общихъ

законовъ, коимъ подчиняются явленія государственной жизни во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи. Для него юридическія нормы значили все, фактическія же отношенія имѣли мало значенія. Оно смѣшивало задачи чистой и прикладной науки, плохо иногда отличая послѣднюю отъ политическаго искусства, т.-е. непосредственнаго примѣненія на практикѣ правилъ прикладной политики. Особенно подъ вліяніемъ соціологіи въ области государствовѣдѣнія стало обнаруживаться стремленіе сдѣлать политическую жизнь предметомъ чистой науки въ смыслѣ такой же общей теоріи государства, какою по отношенію къ народному хозяйству является теоретическая политическая экономія.

Отношеніе къ соціологіи нѣкоторыхъ представителей государствовѣдѣнія въ Россіи. Какъ наука, имѣющая свою исторію и свои практическія задачи, государственное право, конечно, должно существовать независимо отъ соціологіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что представители этой науки, которые не желаютъ и не могутъ порвать связь съ ея традиціями и отказаться отъ ея прикладнаго значенія, или совершенно игнорируютъ точку зрѣнія позитивной соціологіи, или придаютъ ей второстепенное значеніе. Тѣмъ не менѣе свое вліяніе соціологія оказала на нѣкоторыхъ представителей государственныхъ наукъ и на университетскихъ кафедрахъ, между прочимъ и въ Россіи. Однимъ изъ первыхъ выразилъ свое сочувствіе новому направленію В. И. Сергѣевичъ въ своей докторской диссертациі „Задача и метода государственныхъ наукъ“ (1871). Излагая нѣмецкія, французскія и англійскія воззрѣнія на науку о государствѣ, онъ называетъ взглядъ французскихъ и англійскихъ ученыхъ „несравненно болѣе вѣрнымъ“ и прибавляетъ, что этому взгляду „внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ будущее“. Онъ прямо прибавляетъ, что въ этомъ дѣлѣ инициатива принадлежитъ Франціи въ лицѣ Ог. Конта. Правда, онъ отождествляетъ соціологію съ наукой о государствѣ, или политикой въ аристотелевскомъ смыслѣ, но задачу этой науки понимаетъ вполне правильно. „Чистая наука, говоритъ онъ, ничего не предписываетъ; она изучаетъ только связь фактовъ. Она не говоритъ, что должно быть, а только—что есть и какъ есть“. Отъ этой чистой науки онъ отличаетъ науку прикладную, которая выработанныя чистою наукою начала должна предлагать въ формѣ, удобной для практическихъ цѣлей. Далѣе, онъ придаетъ важное значеніе тому обстоятельству, что во Франціи и Англии гораздо болѣе, нежели въ Германіи, разрабатывался вопросъ о „правильныхъ приѣмахъ изслѣдованія въ области политики“. Въ

этомъ, по его мнѣнію, заключается главная заслуга Конта: „путь, который имъ указанъ, говоритъ онъ, мы считаемъ совершенно вѣрнымъ, этимъ путемъ надо итти“. Характеристическую черту положительнаго метода, по его словамъ, „составляетъ то, что онъ прямо и рѣшительно отказывается отъ всѣхъ попытокъ въ духѣ метафизической школы и изученіе самыхъ явленій считаетъ единственно правильнымъ научнымъ приѣмомъ“. Докторской диссертациі Сергѣевича предшествовала магистерская на историческую тему („Вѣче и князь“). Ихъ авторъ вообще не теоретикъ, а историкъ государственнаго права, ограничившій притомъ свои занятія прошлымъ одной Россіи. На этихъ его занятіяхъ вліяніе соціологіи спеціально отразится поэтому и не могло.

Въ гораздо большей степени соціологическая точка зрѣнія сказалась на общемъ направленіи другого университетскаго представителя государствовѣдѣнія въ Россіи, М. М. Ковалевскаго, занимавшаго катедру въ Москвѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ восьмидесятыхъ годахъ. Онъ также не теоретикъ, а историкъ, весьма интересующійся между прочимъ ранними формами общественнаго быта и изучающій ихъ съ сравнительной точки зрѣнія. Въ своихъ работахъ и въ своихъ курсахъ онъ особенно настойчиво проводитъ ту мысль, что какъ біологія не могла обойтись безъ помощи естественной исторіи, такъ и соціологія не получитъ научной постановки раньше систематическаго описанія существующихъ и существовавшихъ обществъ. Соціологіи, какъ абстрактной наукѣ, недостаетъ, по его мнѣнію, прочнаго фундамента конкретныхъ фактовъ, установленныхъ этнографіей и исторіей. Признавая самостоятельность соціологіи и считая ея задачу чисто теоретическою (хотя чреватою послѣдствіями и для практики), онъ отдаетъ въ ней предпочтеніе историческому направленію передъ философскимъ. Въ этомъ смыслѣ между прочимъ онъ высказался въ брошюрѣ „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія исторіи права“ (1880). Его руководителями въ данномъ отношеніи явились, кромѣ Мэна, Тейлоръ, Леббокъ, Морганъ, Спенсеръ и др. Въ такомъ пониманіи дѣла государственное право превращается у Ковалевскаго въ сравнительную исторію учреждений, причемъ основнымъ предметомъ изученія является не столько государство, сколько „общественный строй“, который представляется, какъ основа, опредѣляющая собою въ большой мѣрѣ и политическій строй. Последнее воззрѣніе сложилось у Ковалевскаго до извѣстной степени подъ вліяніемъ Маркса, хотя недовѣріе, высказы-

заемое Ковалевскимъ по отношенію ко всякимъ общимъ теоріямъ ¹⁾, и его не исключительно экономическое пониманіе исторіи не позволяютъ причислять его къ экономическимъ материалистамъ. Во всякомъ случаѣ, въ его работахъ и курсахъ государственное право отрѣшается отъ узкой юридической точки зрѣнія и ставитъ себѣ соціологическія задачи. Въ этомъ отношеніи особенно характерна небольшая программа занятій государственнымъ правомъ, составленная Ковалевскимъ для одного общеобразовательнаго изданія. Наконецъ, назовемъ еще магистерскую диссертацию проф. Н. А. Звѣрева „Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи“ (1883). Правда, на этой книгѣ совсѣмъ не связалось спеціальное вліяніе Конта, котораго авторъ, повидимому, и не изучалъ ²⁾, но, несомнѣнно, книга написана въ духѣ положительной науки объ обществѣ и представляетъ немаловажный вкладъ въ соціологическую методологію.

Другіе примѣры вліянія соціологіи на политическія науки. Можно было бы привести и другіе примѣры вліянія соціологической мысли на изученіе политическихъ учреждений и отношений. Вспомнимъ, напр., что Гумпловичъ тоже занимаетъ кафедру государственнаго права (въ Грацѣ) и что, кромѣ названныхъ въ своемъ мѣстѣ сочиненій по соціологіи, онъ написалъ еще цѣлый рядъ трудовъ по государственному праву. Даже тѣ писатели, которые протестуютъ противъ термина „соціологія“, признаютъ основную идею этой науки. Напримѣръ, англійскій историкъ Фриманъ создаетъ по образцу сравнительной филологіи и сравнительной міеологіи сравнительную политику, принимая послѣднее слово въ аристотелевскомъ смыслѣ и ставя задачей этой науки выясненіе законовъ, коимъ подчинены аналогичныя политическія учрежденія. При этомъ онъ рекомендуетъ „настроить свой умъ такъ, чтобы политическія формы представлялись столь же безразличными, какъ и формы грамматическія. Для цѣли сравнительнаго государствовѣдѣнія, говорить онъ еще, политическія формы являются предметомъ, который долженъ былъ быть изученъ,

¹⁾ Недавно онъ повторилъ то же самое въ бѣглой замѣткѣ „Соціологи и соціологія“ (Сборникъ въ пользу студентовъ Моск. ун-в., 1897).

²⁾ Проф. Звѣревъ дѣлитъ науки на абстрактныя и конкретныя, но понимаетъ эти термины не такъ, какъ Контъ. Перечисляя абстрактныя науки, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о соціологіи, а общественныя науки заноситъ у него всѣ въ разрядъ наукъ конкретныхъ, кромѣ „ямбюющей смѣшанной характеръ“ этологіи, которая „служитъ соединительнымъ звеномъ между психологіей и общественными науками“.

классифицированъ и опредѣленъ точно такъ же, какъ изучаютъ, классифицируютъ и опредѣляютъ животных“. Съ другой стороны, терминъ „соціологія“ принимаютъ и представители старыхъ направлениій государственной науки, давая, впрочемъ, этому термину свое особое значеніе. Напримѣръ, „Соціологіей“ называетъ вторую часть своего „Курса государственной науки“ Б. Н. Чичеринъ, котораго можно причислить къ метафизической школѣ Гегеля. Онъ даже принципиально высказывается противъ „безгѣрнаго расширенія понятія объ обществѣ“, т.-е. превращенія его „въ совокупный организмъ, обнимающій самое государство, которое является только однимъ изъ органовъ или функцій этого цѣльнаго тѣла“. Именно, по его опредѣленію, государство и гражданское общество суть „два разные союза, изъ которыхъ одинъ представляетъ общество, какъ единое цѣлое, а другой заключаетъ въ себѣ совокупность частныхъ отношеній между членами“. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ обществомъ „совокупность частныхъ отношеній между людьми, подчиняющимися общей политической власти“, прибавляя, что названіе „гражданскаго“ общество получаетъ въ юридическомъ смыслѣ, насколько оно управляется нормами частнаго права. Чичеринъ и полагаетъ, что предметомъ соціологіи должно быть изслѣдованіе такимъ только образомъ понимаемаго общества въ его составныхъ элементахъ и его вліянія на государство. Съ этой точки зрѣнія соціологія составляетъ лишь одну изъ частей государственной науки, — новый примѣръ того, насколько разнообразно понимается слово „соціологія“.

Вліяніе соціологіи на юриспруденцію. Переходимъ къ вліянію соціологіи на юриспруденцію. Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что изъ всѣхъ общественныхъ наукъ юриспруденція менѣе другихъ подготовляла собою соціологію и что, съ другой стороны, Контъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи изъ всѣхъ общественныхъ явленій наименьшее вниманіе обращали на право. Въ свою очередь юристы не могли равнодушно относиться къ тому отрицанію юриспруденціи, которое характеризуетъ соціологовъ-позитивистовъ. Въ данномъ случаѣ послѣдніе заходили часто слишкомъ далеко, выбрасывая за бортъ безъ всякаго разбора всю юриспруденцію, какъ отжившую свой вѣкъ метафизику, даже не стараясь выдѣлять изъ ея ученій то, что могло бы быть цѣннымъ и съ позитивной точки зрѣнія. Уже историческая школа права представляла изъ себя переходъ юриспруденціи изъ области метафизическихъ абстракцій на почву положительнаго знанія. Сравнительно-историческое изученіе права

(особенно общаго права и наиболѣе раннихъ ступеней юридическаго развитія) было дальнѣйшимъ шагомъ впередъ на этомъ пути, такъ какъ включило въ кругъ соціологическихъ обобщеній вопросы, касающіеся не только общественныхъ учрежденій, но и частныхъ отношеній между людьми, способныхъ быть предметомъ юридическаго регулированія. Мало того: и вообще позитивизмъ нашелъ послѣдователей среди юристовъ, которые стали дѣлать попытки перестройки науки права на новыхъ началахъ, естественно стремясь при этомъ поставить преобразованную юриспруденцію въ извѣстныя отношенія къ соціологіи. Такимъ образомъ возникли новыя юридическія ученія, которымъ даютъ названіе реалистическихъ. Нѣсколько относящихся сюда фактовъ могутъ служить примѣрами отдѣльныхъ перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ исторіи юриспруденціи второй половины XIX в.

Новыя научныя теченія въ юриспруденціи. Историческая школа права въ основу своей теоріи положила весьма неясную идею народнаго сознанія, какъ источнива, изъ котораго вытекаетъ право въ его историческомъ развитіи. Болѣе реальное направленіе, поставившее историческое изученіе права въ связь съ другими явленіями общественной жизни, стало мало-по-малу замѣнять романтическое представленіе народнаго сознанія болѣе реальными явленіями общественной жизни. Съ другой стороны, эта школа понимала право слишкомъ отвлеченно, разсматривая его, какъ продуктъ чисто органическаго развитія, какъ будто тутъ были ни при чемъ жизненные интересы и борьба этихъ интересовъ. Ударъ такой идеѣ былъ нанесенъ преимущественно замѣнитимъ юристомъ Іерингомъ въ его чисто теоретическихъ трудахъ „Борьба за право“ (1872) и „Цѣль въ правѣ“ (1877 и 1883). Выдающійся знатокъ римскаго права и его исторіи, Іерингъ внесъ въ эту область болѣе трезвое пониманіе, хотя самъ и стоялъ на метафизической точкѣ зрѣнія. Самое главное— то, что, признавъ относительность юридическихъ нормъ, онъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на явленія, подлежащія такому же изученію, какому подлежатъ и всякія другія историческія явленія. Но и представители старой исторической школы, и новые историки права въ концѣ-концовъ занимались и занимаются своимъ предметомъ для разъясненія лишь даннаго права. Для того, чтобы изъ историческаго изученія извлекать общіе выводы, необходимо это изученіе сдѣлать сравнительнымъ. Сравнительный методъ и былъ на самомъ дѣлѣ примѣненъ въ юриспруденціи, какъ былъ примѣненъ и въ государствовѣдѣніи. Особенно въ этомъ отно-

шені замѣчательнѣ нѣмецкій юристъ Постъ, авторъ цѣлаго ряда сочиненій, одни названія которыхъ весьма характеристичны: „Естественный законъ права“ (1867), „Введеніе въ естественную науку права“ (1872) и т. п. Главное его сочиненіе называется „Основами общей науки права на сравнительно-этнологическомъ базисѣ“ (1880). Постъ — принципиальный противникъ схоластически-догматическаго направленія, сохраняющагося еще въ обществовѣдѣніи. По его мнѣнію, въ юриспруденціи необходима реформа, которая должна состоять въ примѣненіи къ изученію общественной жизни „опытно-естественно-историческаго метода“, который одинъ только и въ состояніи создать юриспруденцію будущаго. Этотъ методъ, по его мысли, долженъ быть именно сравнительно-этнологическимъ, такъ какъ Постъ рекомендуетъ приходить къ общимъ истинамъ будущей научной юриспруденціи путемъ сравненія юридическихъ явленій, взятыхъ изъ жизни разныхъ народовъ. Въ сущности, основная мысль Поста та же самая, что и у другихъ представителей сравнительнаго изученія, но Постъ особенно настаиваетъ на мысли о возможности объяснить юридическія явленія изъ природы человѣка и о необходимости создать, такъ сказать, общій типъ развитія юридическихъ отношеній общества. Подобно другимъ представителямъ реалистическаго направленія въ юриспруденціи онъ желалъ сблизить свою науку съ естествознаніемъ, но онъ еще не сумѣлъ вполне отдѣлаться отъ смѣшенія юридическихъ законовъ съ законами въ научномъ смыслѣ. Это было наслѣдіе старой метафизики, создавшей идею неизмѣннаго естественнаго права, которое въ ея пониманіи было равносильно законамъ природы, представляя изъ себя на самомъ дѣлѣ только наши идеальныя представленія о правѣ. Въ томъ и заключается заслуга Іеринга, что, признавъ относительность всякаго права, онъ тѣмъ самымъ отказался видѣть въ правѣ неизмѣнный законъ общественныхъ отношеній. Въ томъ пониманіи права, какое мы находимъ у Іеринга, оно и оказывается наиболѣе способнымъ сдѣлаться предметомъ изученія въ духѣ требованій позитивной социологіи Конта. Сближеніе между іеринговскимъ пониманіемъ права и контовскимъ пониманіемъ задачи научнаго изученія мы наблюдаемъ въ трудахъ одного русскаго цивилиста, занимавшаго въ московскомъ университетѣ кафедру исторіи римскаго права въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, С. А. Муромцева.

Юридическая теорія Муромцева. Въ теоретическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія двѣ книги Муромцева: „Очерки общей теоріи гражданскаго права“ (1877) и „Опредѣленіе и

основное раздѣленіе права“ (1879). Позднѣе онъ началъ „Соціологическіе Очерки“, оставшіеся, къ сожалѣнію, неоконченными. Спеціальныя работы Муромцева посвящены исторіи римскаго права, въ которую авторъ старался внести идеи и приемы позитивнаго пониманія общественныхъ явленій. Во всѣхъ своихъ трудахъ Муромцевъ выступаетъ послѣдователемъ Іеринга, но на немъ сказывается съ большою силою и вліяніе Конта. Его также не удовлетворяетъ современное состояніе науки гражданскаго права, и онъ думаетъ, что необходимая реформа должна быть произведена путемъ примѣненія къ теоретическому изученію гражданскаго права основныхъ требованій позитивной соціологіи. Онъ считаетъ вреднымъ, что наука, о которой идетъ рѣчь, слишкомъ изолировалась среди другихъ общественныхъ наукъ, и признаетъ въ высшей степени важнымъ, чтобы право дѣйствительно изучалось въ связи съ прочими элементами народной жизни и чтобы юриспруденція пользовалась идеями и приемами болѣе развитыхъ общественныхъ наукъ. При этомъ ему приходится высказывать сожалѣніе по поводу того, что новая идея „встрѣчаетъ со стороны юристовъ приемъ, далеко не соответствующій ни ея значенію, ни современному состоянію самой юридической науки“. „Собственные интересы исторіи права, говоритъ онъ, вынуждаютъ ее приступить къ историческимъ обобщеніямъ, неосуществимымъ безъ соучастія сравнительнаго и философскаго изученія фактовъ какъ прошедшей, такъ и современной исторіи права“. Муромцевъ строго различаетъ задачи чистой и прикладной науки: „задача науки заключается въ опредѣленіи законовъ, по которымъ происходятъ явленія. Задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы указывать цѣли практикѣ и, слѣдуя научнымъ выводамъ, комбинировать средства для достиженія избранныхъ цѣлей“. Путь, по которому должна идти наука гражданскаго права, намѣченъ „объективно“ научнымъ изученіемъ соціальныхъ явленій“, которое начато въ сочиненіяхъ Конта, Милля, Спенсера, Тэйлора, Леббова и др. Муромцевъ указываетъ и особую отсталость юриспруденціи. „Во многихъ отношеніяхъ научныя воззрѣнія являются только теоретизированіемъ обыденнаго явленія. Недостатки, которые характеризуютъ это послѣднее, повторяются въ сферѣ науки. Научное воззрѣніе, подобно обыденному, страдаетъ шаткостью сознанія о законѣрности соціальныхъ явленій и неясностью понятія о самомъ законѣ“. Муромцевъ, кромѣ того, ставя задачей общаго гражданскаго правовѣдѣнія изученіе законовъ развитія гражданскаго права, прибавляетъ, что эта наука „предполагаетъ,

какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданского права“. Особенно важно различіе Муромцевымъ между законами въ юридическомъ и научномъ смыслахъ. Идеѣ законности историческихъ явленій въ юриспруденціи дано было неправильное толкованіе. Смотри на развитіе права, какъ на постепенное осуществленіе высшихъ принциповъ справедливости, законность историческихъ явленій юристы видѣли въ необходимости ихъ, какъ результата логически-историческаго развитія принциповъ, таящихся въ высшемъ разумѣ, въ высшей справедливости. „При такомъ взглядѣ, прибавляетъ Муромцевъ, законъ сливался съ принципомъ, и это смѣшеніе царитъ въ юриспруденціи по сію пору. Когда говорятъ о законахъ развитія права, тогда понимаютъ подъ ними обыкновенно нѣкоторые общіе юридическіе принципы. Но такое отождествленіе двухъ названныхъ предметовъ содержитъ глубокую ошибку. На самомъ дѣлѣ, принципъ относится къ совершенно иной категоріи предметовъ, нежели законъ. Принципъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ и какого бы происхожденія онъ ни былъ, есть не болѣе, какъ явленіе“. Въ этомъ смыслѣ и разныя государственныя постановленія суть только явленія, которыя, подобно всѣмъ явленіямъ въ мірѣ, подчиняются законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ моральными и юридическими принципами. Возставая противъ изолированности гражданского правовѣдѣнія, Муромцевъ прямо ставитъ ему широкую соціологическую задачу. Къ сожалѣнію, онъ не продолжалъ теоретической разработки этого предмета, столь удачно имъ начатой.

Общая теорія права Коркунова. Извѣстное вліяніе оказала позитивная соціологія на теорію права и въ лицѣ петербургскаго профессора энциклопедіи и исторіи философіи права Н. М. Коркунова. Первую изъ названныхъ наукъ онъ прямо понимаетъ въ смыслѣ общей теоріи права, на которую онъ смотритъ, какъ на чисто научную дисциплину. Въ его „Лекціяхъ по общей теоріи права“ видное мѣсто отводится изслѣдованію общества, какъ среды, въ которой образуется и дѣйствуетъ право. На право и онъ смотритъ, какъ на явленіе, а „всякое явленіе, замѣчаетъ онъ, опредѣляется той средой, гдѣ оно совершается“. Коркуновъ даетъ критику нѣкоторыхъ соціологическихъ воззрѣній, самъ исходя вездѣ изъ идеи законности общественныхъ явленій: и ему приходится доказывать относительность права и разъяснять, что между законами въ юридическомъ смыслѣ и законами въ научномъ смыслѣ не существуетъ ничего общаго,

кромѣ названія. Въ данномъ случаѣ онъ пользуется не только общими соображеніями на этотъ счетъ, но и спеціальнымъ разъясненіемъ вопроса у Муромцева. Такимъ образомъ, и эти примѣры, взятые изъ области юридической литературы и юридического преподаванія въ Россіи, указываютъ на то, что соціологическая мысль не осталась безслѣдною для юриспруденціи, которая была и во многихъ случаяхъ до сихъ поръ остается главнымъ оплотомъ метафизическаго отношенія къ явленіямъ общественной жизни человѣка. Примѣры вліянія соціологической мысли на юристовъ наблюдаются и въ другихъ странахъ.

Позитивная криминалистика. Особенно сильное вліяніе позитивизма испытала на себѣ наука уголовного права. Подобно другимъ юридическимъ наукамъ, и она имѣетъ дѣло съ законодательствомъ, которое вообще можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ явленій общественной жизни. Но у науки уголовного права есть и другой объектъ — преступленіе, за которымъ стоитъ преступный человѣкъ. Позитивная школа криминалистовъ поставила своею задачею примѣнить къ изученію этого явленія естественно-историческій методъ. Это произошло въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, по вопросу о преступномъ человѣкѣ криминалисты стали искать основаній для своихъ соображеній въ данныхъ естествознанія. Уже раньше изученіе этого предмета приводило ихъ къ необходимости обращаться въ психіатрію. Позднѣе произошло сближеніе между криминалистикою и антропологіей. Въ Италіи возникла такъ называемая антропологическая школа уголовного права (Ломброзо), которая начала ставить преступныя дѣйствія въ зависимость отъ прирожденныхъ органическихъ свойствъ преступника. Исходя изъ этой идеи, криминалисты антропологической школы высказывали весьма несходные между собою взгляды, соглашаясь другъ съ другомъ лишь въ томъ, чтобы приписывать какъ можно менѣе вліянія чисто соціальнымъ условіямъ. Но въ самомъ позитивномъ направленіи науки уголовного права возникла и другая школа, которую можно назвать соціологическою. Ея представители указываютъ, что преступность зависитъ не отъ однѣхъ естественно-историческихъ причинъ, но и отъ причинъ соціальныхъ, хотя послѣдними представители соціологической школы пользуются различно, такъ какъ при этомъ выдвигаются на первый планъ то экономическія причины, то причины культурныя, въ частности бѣдность, невѣжество, соціально-политическая неприспособленность и т. п. И антропологическая, и соціологическая школа криминалистовъ отрѣшаютъ свой предметъ отъ исключительно юридической точки зрѣнія. Одно-

сторонность криминалистов-антропологов не подлежит сомнѣнію. Болѣе важное значеніе имѣютъ криминалисты-соціологи, которые ближе подходят и къ основной идеѣ Конта. Возникла даже мысль объ уголовной соціологіи (Ферри), своего рода патологіи общества. Эту послѣднюю идею мы находимъ между прочимъ у Тарда, который является одновременно и криминалистомъ, и соціологомъ. Въ своемъ мѣстѣ были указаны его труды и болѣе общаго характера, и характера болѣе частнаго (изслѣдованіе о преступной толпѣ). Но это еще не все. Уголовное право изучаетъ не только преступления, но и направленную противъ нихъ общественную репрессію. Исторія уголовныхъ законовъ и наказаній можетъ быть тоже предметомъ сравнительнаго изученія съ цѣлью выведенія научныхъ законовъ, коимъ подчиняются общественныя явленія этой категоріи.

Вліяніе соціологіи на политическую экономію. Политическая экономія также не могла не испытать на себѣ вліянія позитивной соціологіи. Государствовѣдѣнію и юриспруденціи предстояло еще освободиться отъ метафизическихъ традицій, чтобы сдѣлаться совершенно положительными науками объ извѣстныхъ категоріяхъ общественныхъ явленій и объ управляющихъ ими законахъ. Въ частности, юриспруденціи нужно было еще научиться правильному пониманію того, что такое законъ въ научномъ, а не юридическомъ смыслѣ. Политическая экономія, можно сказать, сразу стала на чисто позитивную почву, съ самаго же начала почти совсѣмъ устранивъ всякую метафизику и усвоивъ болѣе или менѣе вѣрное пониманіе законмѣрности тѣхъ общественныхъ явленій, которыя она сдѣлала предметомъ своего изученія. Такъ называемая классическая школа экономистовъ подверглась только одной серьезной опасности — принимать многія изъ своихъ формулъ, выведенныя изъ наблюденій надъ явленіями мѣстнаго или временнаго характера, за безотносительныя и вѣчныя истины въ родѣ „естественнаго права“ старыхъ юристовъ. Эта опасность была устранена съ возникновеніемъ въ политической экономіи историческаго направленія, основателемъ котораго былъ, какъ извѣстно, нѣмецкій историкъ и экономистъ Рощеръ (1843). На образованіе этого направленія несомнѣнное вліяніе оказала историческая школа права. И въ свою очередь это направленіе очень много содѣйствовало возникновенію экономическаго направленія въ исторической наукѣ. У нѣкоторыхъ представителей историко-экономической школы реакція противъ абстрактной политической экономіи стала даже заходить такъ далеко, что самая возможность и необходимость

общей теоріи економічних явленій подверглась сомнію и даже прямому отрицанію. Историки и теоретики въ экономической области нерѣдко обнаруживали настоящую неспособность понимать другъ друга. Но и тутъ открылся новый путь, который былъ указанъ сравнительно-историческимъ изученіемъ экономическихъ явленій. Это—путь, отъ исторіи черезъ сравненіе ведущій къ теоріи. Соединеніе историческаго и теоретическаго элементовъ мы находимъ также въ ученіи Карла Маркса, который создалъ цѣлую теорію эволюціи экономическихъ формъ, принятой его послѣдователями за основной законъ соціальной динамики. Въ ученіи Маркса о чисто экономической основѣ общественныхъ явленій часть его послѣдователей усмотрѣла даже отвѣтъ на общій вопросъ о соціологіи, который былъ поставленъ Контомъ.

Вліяніе Конта на Милля, Криса, Шеффле и др. Все это показываетъ, что во второй половинѣ XIX в. и политическая экономія развивалась въ направленіи, которое сближало ее съ позитивной соціологіей. Несочувственное отношеніе Конта къ современной ему политической экономіи, конечно, не могло содѣйствовать тому, чтобы экономисты сами могли сначала сочувственно относиться къ идеямъ Конта, тѣмъ болѣе, что послѣдній шелъ въ разрѣзъ съ доктриной промышленной свободы, господствовавшей у экономистовъ. Весьма долгое время идеи Конта не только не оказывали никакого вліянія на экономистовъ, но и совершенно игнорировались ими. Первый политико-экономъ, который понялъ и оцѣнилъ основателя соціологіи, былъ Дж. Ст. Милль. Начавъ изучать политическую экономію еще около 1830 г., онъ въ 1841 г. вступилъ въ переписку съ Контомъ, произведшимъ на него весьма сильное впечатлѣніе. Милль принялъ общія положенія позитивной философіи и соціологіи, но не могъ согласиться съ взглядомъ Конта на политическую экономію. „Всякому знакомому съ сочиненіями по политической экономіи, говоритъ Милль, стоитъ только прочесть немногія страницы его нападокъ, чтобы понять, какъ поверхностенъ могъ быть иногда Контъ“. Милль оспариваетъ его мнѣніе, будто „изученіе условій народнаго богатства, какъ изолированный предметъ, не имѣетъ философскаго характера въ виду того, что соціальныя явленія при ихъ дѣйствіи и реакціи другъ на друга не могутъ быть правильно поняты порознь“. Но Милль соглашается, что при построеніи теоріи общества всѣ различныя стороны соціальной организаціи должны быть взяты во вниманіе одновременно. Взгляды Конта на методы изученія общественныхъ явленій онъ призналъ зато

собою. Установленіємъ понятія о consensus'ѣ всѣхъ общественныхъ явленій Контъ особенно сильно содѣйствовалъ тому, чтобы признаны были тѣсная связь и постоянное взаимодействіе между общественными явленіями разныхъ категорій. Но Контъ заходилъ слишкомъ далеко, стремясь замѣнить всѣ чисто теоретическія абстрактныя науки объ обществѣ одною наукою. Въ интересахъ раздѣленія труда и по существу дѣла нельзя отрицать необходимости и возможности отдѣльнаго изученія различныхъ вѣтвей обществовѣдѣнія. Въ своей „Системѣ логики“ Милль доказалъ, что, несмотря на общій consensus социальныхъ явленій, различные ихъ виды „въ главныхъ чертахъ зависятъ непосредственно или въ первомъ источникѣ отъ различныхъ родовъ причинъ и, слѣдовательно, не только могутъ быть съ пользою изучаемы отдѣльно, но и должны быть такъ изучаемы: такъ напримѣръ, выдѣляется политическая экономія, которая рассматриваетъ общество, какъ будто-бы оно занято только производствомъ, распределеніемъ, обменомъ и потребленіемъ матеріальныхъ вещей“. На почвѣ уже сложившагося различія между фактами политическими, юридическими и экономическими скорѣе можно основать и внутреннее раздѣленіе самой социологіи. Во всякомъ случаѣ, такое раздѣленіе будетъ болѣе соответствовать предмету, чѣмъ перенесеніе въ социологію заимствованныхъ изъ биологіи понятій анатоміи, физиологіи, эмбриологіи и патологіи въ примѣненіи къ обществу. На такую точку зрѣнія становятся уже нѣкоторые социологи, различающіе въ общественной жизни стороны экономическую, юридическую и политическую. Такъ, напримѣръ, смотритъ на дѣло даже одинъ изъ представителей органической социологіи Лилиенфельдъ въ своихъ „Мысляхъ о социальной наукѣ будущаго“ (хотя онъ и приурочиваетъ указанное дѣленіе къ своей биологической аналогіи различая именно въ развитіи организма стороны физиологическую, морфологическую и индивидуальную и приравнивая къ нимъ въ обществѣ стороны экономическую, юридическую и политическую: вопросъ касается или питанія, или внутреннихъ и внѣшнихъ формъ, или единства органическаго и социального цѣлаго).

Но если въ социологіи возможно такое расчлененіе, то нельзя ли въ самой социологіи видѣть лишь простое соединеніе въ одно цѣлое общихъ теорій, вырабатываемыхъ отдѣльно государствовѣдѣніемъ, наукою права и наукою о народномъ хозяйствѣ? Если принять такой взглядъ, пришлось бы отказаться отъ мысли о социологіи, какъ единой и общей наукѣ. Социологія сдѣлалась бы въ такомъ случаѣ только названіемъ для извѣстнаго ком-

плекса совершенно самостоятельных наукъ, однимъ словомъ, чѣмъ-то собирательнымъ. Но дѣло въ томъ, что социологія изучаетъ не три различные предмета—государство, право и народное хозяйство, а одинъ предметъ—общество. Поэтому социологія не можетъ быть простымъ механическимъ соединеніемъ общихъ теорій политики, юриспруденціи и экономии. Каждая изъ этихъ теорій имѣетъ дѣло только съ извѣстною категоріей общественныхъ явленій, но ни одна изъ нихъ не можетъ считаться такимъ же отдѣломъ социологіи, какими въ такъ называемой естественной исторіи являются минералогія, ботаника и зоологія. Названныя выше общественныя науки изучаютъ не существа трехъ разныхъ категорій, а отношенія трехъ разныхъ категорій, наблюдаемыя въ одномъ и томъ же предметѣ изучения — обществѣ. Поэтому можно сказать, что государствовѣдѣніе, правовѣдѣніе и наука о народномъ хозяйствѣ, поставленныя на позитивную почву, лишь вырабатываютъ матеріалъ для социологіи, причемъ, однако, не все, ими вырабатываемое, бываетъ цѣнно для социологіи, да и сама социологія многіе вопросы должна ставить шире и полнѣе, чѣмъ они ставятся въ названныхъ частныхъ наукахъ. Нѣкоторые вопросы не могли бы даже быть поставленными ни въ одной изъ этихъ частныхъ наукъ: напримѣръ, вопросъ о взаимоотношеніи разныхъ сторонъ общественной жизни, объ общемъ consensus'ѣ социальныхъ явленій выходитъ за предѣлы предметовъ, изучаемыхъ частными науками. Наконецъ, и въ методологическомъ отношеніи социологія не вполне совпадаетъ съ науками, изучающими или одно государство, или одно право, или одно народное хозяйство, что и будетъ нами показано въ слѣдующей главѣ.

Мнѣніе Вундта о мѣстѣ социологіи среди общественныхъ наукъ. Вообще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между социологіей и другими общественными науками за послѣднее время сталъ все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе лицъ, интересующихся социологіей. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ даютъ этому вопросу надлежащее рѣшеніе. Въ слѣдующей главѣ мы подробно еще остановимся на „Логикѣ“ Вундта, цѣлый томъ которой посвященъ методологіи гуманитарныхъ наукъ, среди коихъ отведено мѣсто и для социологіи. Вундтъ совершенно вѣрно опредѣляетъ задачу социологіи рядомъ съ тремя „самостоятельными общественными науками — этнологіей, политической экономіей и юриспруденціей“: социологія изслѣдуетъ „явленія общественной жизни въ ихъ взаимоотношеніяхъ“ (in ihren wechselseitigen Beziehungen). Онъ думаетъ только, что эта наука, на-

ходясь еще подь сильнымъ вліяніемъ философскихъ направленій, вмѣстѣ съ тѣмъ и недостаточно отграничена отъ другихъ наукъ, каковы культурная исторія и политическая экономія. Что на соціологію оказываютъ сильное вліяніе философскія направленія, это вѣрно, но невѣрно, будто соціологія не сумѣла до сихъ поръ еще провести границы между собою и, напр., двумя названными науками. Какъ бы то ни было, Вундтъ считаетъ важнымъ рѣшить вопросъ объ отношеніи соціологіи къ наиболѣе близкимъ наукамъ, каковы, по его мнѣнію, исторія, этнологія, политика, юриспруденція, политическая экономія. Его отвѣтъ заключается, однако, въ томъ, что „этнологія, демологія (ученіе о народонаселеніи) и политика (государствовѣдѣніе) составляютъ три области, которыя въ соединеніи своемъ рѣшаютъ самую главную часть задачъ, какія только можно поставить общей соціологіи“. Онъ не думаетъ, впрочемъ, чтобы общая соціологія была по указанной причинѣ совсемъ ненужна: соціологія, по его представленію, должна заниматся „общими понятіями и принципами“ всѣхъ общественныхъ наукъ. Такъ какъ въ этомъ только и можетъ заключаться ея задача, то соціологія, выходя за границы общихъ понятій и принциповъ и прямо вступаая въ область явленій, изучаемыхъ отдѣльными науками, беретъ на себя уже то, что ея вовсе не касается. По мнѣнію Вундта, такія поползновенія соціологіи заключаютъ въ себѣ большую опасность, ибо съ этимъ соединяется „тенденція произвольно соединять факты въ угоду умозрительнымъ точкамъ зрѣнія, причемъ такія точки зрѣнія извлекаются не изъ самихъ фактовъ, но изъ чуждыхъ областей или берутъ свое начало въ какихъ-либо предвзятыхъ мысляхъ философскаго характера“ (philosophischen Vorurtheilen). Онъ ставитъ нашей наукѣ въ вину и то, что она слишкомъ скоро вообще справляется съ своею философскою задачею, именно съ изслѣдованіемъ и критическимъ обоснованіемъ исходныхъ пунктовъ, молчаливо принимаемыхъ отдѣльными науками. Эта задача соціологіи имѣетъ чисто логическій характеръ. Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ Вундта вѣрны мысли о томъ, что соціологія не должна брать своихъ точекъ зрѣнія изъ чуждыхъ областей (напр., скажемъ, изъ біологіи, какъ это дѣлаетъ органическая школа) или выводить ихъ изъ общихъ соображеній философскаго характера (какъ это случилось съ экономическимъ матеріализмомъ), и что соціологія должна быть наукой общихъ понятій и принциповъ, которые въ ней же должны получить свое критическое обоснованіе. Но Вундтъ совершенно не принялъ въ расчетъ одного: если соціологіи не слѣдуетъ вторгаться въ чужія области, то

изъ этого еще не слѣдуетъ, будто она не должна и по существу разсматривать факты, изучаемые отдѣльными общественными науками. Вѣдь каждая частная общественная наука (а таковы этнологія, демологія и политика у самого же Вундта) разсматриваетъ лишь одну сторону общественной жизни, соціологіи же, и по опредѣленію Вундта, надлежитъ изучать общественную жизнь въ ея цѣломъ, т.-е. всѣ общественныя явленія въ ихъ взаимодействіи. Каждый разъ, когда та или другая изъ частныхъ общественныхъ наукъ ставитъ вопросъ, для рѣшенія коего необходимо содѣйствіе какой-либо другой частной общественной науки, тѣмъ самымъ она выходитъ изъ сферы своей компетенціи и вступаетъ въ область соціологическаго изученія. Таковы всѣ случаи, когда, напр., экономическое явленіе изучается съ политической или юридической точки зрѣнія, а явленіе политическое или юридическое съ экономической.

Гумпловичъ объ отношеніи соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Гораздо лучше рѣшается тотъ же вопросъ въ „Соціологіи и политикѣ“ Гумпловича. Параграфы, посвященные этому предмету въ названномъ трудѣ, имѣютъ апологетическій характеръ: Гумпловичъ приводитъ возраженія, которыя противъ соціологіи, какъ самостоятельной науки, дѣлаются историками, статистиками, этнологами, а также экономистами и юристами. Онъ останавливается и на мнѣніяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей, а мнѣнія эти нерѣдко свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ еще много есть ученыхъ, которые совсѣмъ не освоились ни съ понятіемъ соціологіи, ни съ понятіемъ общества въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ его беретъ новая наука. Указываемые параграфы книги Гумпловича можно прямо рекомендовать для прочтенія всякому, кто по незнанію дѣла или недоразумѣнію отрицаетъ соціологію во имя той или другой общественной науки или, признавая соціологію, отождествляетъ ее съ тою или другою частной общественной наукой. Но проводя ту мысль, что соціологія занимается обществомъ вообще, тогда какъ, напр., политическая экономія или юриспруденція изучаютъ лишь извѣстныя стороны общественной жизни, Гумпловичъ не входитъ въ подробное разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній, какія должны существовать между общей теоріей общества и частными общественными науками.

Взглядъ Гиддинса на отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Вопросъ былъ поднятъ также и новѣйшимъ соціологомъ Гиддинсомъ. Онъ говоритъ, что если

легко отграничить социологию от психологии, то уже гораздо труднее решить вопрос об отношении такой общей науки, как социология к частным наукам, изучающим явления, которые суть лишь разные стороны одного общего процесса: тут тотчас же является вопрос, остается ли что-либо для изучения общей наукою, если разные стороны процесса уже изучены частными науками, и не есть ли социология простое имя для совокупности таких наук, как политическая экономия, философия права и теория государства. Гиддинс высказывается против подобнаго толкованія. „Социология, говорит онъ, есть общая социальная наука, но общая наука не есть непременно группа наукъ... Когда, продолжаетъ онъ, явления, принадлежащія къ одному и тому же классу и подвѣдомственныя повтому одной и той же наукѣ, столь многочисленны и сложны, что никакой изслѣдователь не въ состояніи изучить ихъ всѣ, то они распредѣляются между нѣсколькими частными науками, но это не мѣшаетъ представить себѣ общую науку объ этихъ явленияхъ въ ихъ цѣлостности, какъ извѣстнаго класса, подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы общая наука сохраняла атрибуты, общіе всѣмъ ея подклассамъ, и не брала ни одинъ изъ тѣхъ атрибутовъ, которые принадлежатъ только этимъ подклассамъ“. Такіе общіе атрибуты онъ называетъ элементарными, а общіе принципы — основными. „Общая наука есть такимъ образомъ наука объ элементахъ и первыхъ началахъ“. Попятно, что такая общая наука должна быть основою частныхъ. По мнѣнію Гиддинса, обучать частнымъ наукамъ въ родѣ политической экономіи или теоріи государства „людей, которые не усвоили первыхъ началъ социологии, все равно, что обучать астрономіи и термодинамикѣ людей, незнакомыхъ съ ньютоновымъ закономъ движенія“. Поэтому, говоритъ онъ, „анализъ общихъ свойствъ общественныхъ явленій и разсмотрѣніе общихъ законовъ социальной эволюціи должны составлять основу специальныхъ занятій во всѣхъ отрасляхъ общественной науки“. Социология логически предшествуетъ другимъ общественнымъ наукамъ, ибо послѣднія основываются на теоремахъ, являющихся выводами изъ болѣе элементарныхъ социальныхъ истинъ. „Ни экономика, ни политика не могутъ восходить къ первичнымъ фактамъ общественнаго міра. Обѣ науки принимаютъ безъ объясненія явленіе людскаго общежитія... Естественное общество и для политики, и для экономики является даннымъ. Изслѣдованіе его происхожденія и развитія входитъ въ область социологии“. Такъ дѣло представляется съ объективной стороны. Это соображеніе должны были бы принять въ

расчетъ экономическіе матеріалисты, у коихъ экономика логически предшествуетъ соціологіи. Но становясь и на точку зрѣнія субъективнаго объясненія, т-е. обращаясь къ движущей силѣ общественныхъ явленій, Гиддинсъ находитъ, что и здѣсь спеціальныя общественныя науки принимаютъ „извѣстныя послышки, которыя послѣ болѣе глубокаго анализа оказываются ни простыми, ни первичными соціологическими истинами“. Основныя понятія частныхъ наукъ нуждаются въ соціологическомъ объясненіи. Эту мысль Гиддинсъ развиваетъ съ особою послѣдовательностью, сравнивая указанное отношеніе съ тѣмъ, въ какомъ біологія находится къ другимъ органическимъ наукамъ. Можно только прибавить, что въ настоящее время всѣ эти науки находятся подъ общимъ вліяніемъ біологіи: то же самое должно быть и въ области изученія общественныхъ явленій такою общео наукою, какъ соціологія, и такими частными науками, какъ экономика, юриспруденція и политика. Вліяніе первой на послѣднія уже начинаетъ сказываться, но оно будетъ еще болѣшимъ по мѣрѣ того, какъ соціологія будетъ сама развиваться въ смыслѣ науки объ общихъ законахъ соціальной жизни.

ГЛАВА X.

Соціологическая методологія.

Необходимость методологіи отдѣльныхъ наукъ. Разработка соціологической методологіи тоже имѣетъ свою исторію, которую нельзя разсматривать отдѣльно отъ разработки вообще логики общественныхъ наукъ. Хотя въ основѣ своей научныя методы, употребляемые отдѣльными науками, для всѣхъ наукъ одни и тѣ же, тѣмъ не менѣе каждая наука особеннымъ образомъ примѣняетъ общіе логическіе приемы къ своему предмету, именно въ зависимости отъ свойствъ этого предмета, равно какъ отъ характера задачъ, какія ставятся при его изученіи. Недостаточно говорить вообще о логикѣ общественныхъ наукъ: и здѣсь возможно нѣкоторое разнообразіе. Поэтому и соціологія должна имѣть свою собственную методологію. Между тѣмъ, если вообще разработка логики общественныхъ наукъ оставляетъ желать еще весьма многого, то въ частности это съ особеннымъ правомъ можно сказать о логикѣ соціологіи. Не забудемъ, что обществен-

ныя науки могутъ быть чистыми и прикладными, и что чистыя науки въ свою очередь раздѣляются на абстрактныя и конкретныя. Соціологія есть наука чистая и абстрактная, и этимъ должна опредѣляться вся ея методологія. Пояснимъ, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство. Прикладныя науки ставятъ себѣ тѣ или другія практическія цѣли. Весь вопросъ здѣсь — въ средствахъ или путяхъ для достиженія этихъ цѣлей; о методахъ здѣсь рѣчь можетъ идти, только какъ о приемахъ человѣческаго дѣйствованія: на примѣръ, можно говорить о методахъ преподаванія наукъ, о методахъ лѣченія болѣзней и т. п., когда рѣчь заходитъ о такихъ прикладныхъ наукахъ, какъ педагогія или медицина. Въ чистыхъ наукахъ методомъ называется спеціальныи путь для изслѣдованія предмета, для открытія истины. Съ методами практическаго дѣйствія чистая наука можетъ имѣть дѣло, лишь какъ съ явленіями, подлежащими ея изученію. Далѣе, изслѣдовать предметъ, найти какую-либо новую истину въ наукахъ конкретныхъ и абстрактныхъ опять-таки не одно и то же. Конкретныя науки занимаются изученіемъ данныхъ фактовъ и данной между ними связи, абстрактныя — постоянными и неизмѣнными отношеніями между однородными явленіями. На примѣръ, исторія есть наука конкретная, и особенности исторической методологіи вытекаютъ изъ тѣхъ научныхъ задачъ, которыя приходится рѣшать этой наукѣ. Она должна устанавливать факты, т.-е. опредѣлять достовѣрность тѣхъ свидѣтельствъ, которыя мы о нихъ имѣемъ, и этимъ обусловливается необходимость особыхъ методовъ такъ называемой исторической критики, т.-е. критики свидѣтельствъ, въ коихъ заключены извѣстія о фактахъ. О другихъ фактахъ, о которыхъ до насъ не дошло прямыхъ свидѣтельствъ, историческая наука вынуждена бываетъ говорить, пользуясь въ данномъ случаѣ умозаключеніями отъ слѣдствій въ ихъ причинамъ или аналогіями, дающими право судить о неизвѣстномъ по извѣстному. Тутъ необходимы свои особые приемы, совокупность коихъ можетъ составить цѣлую дисциплину исторической эвристики (изслѣдованія „скрытыхъ фактовъ“). Затѣмъ историческая наука связываетъ отдѣльные факты, какъ причины и слѣдствія или какъ отдѣльные моменты эволюціоннаго процесса, либо обобщаетъ отдѣльные частные случаи для характеристики того или другого общественнаго состоянія, и въ этомъ должна также руководствоваться особыми правилами исторической конструкторіи, дабы подобнаго рода работа могла имѣть научное значеніе. Но для соціологіи историческая методологія не можетъ быть пригодною, ибо здѣсь задача заключается въ открытіи общихъ

истинъ, которое требуетъ употребленія и соответственныхъ приемовъ мысли. Мало того: какъ наука абстрактная, социологія не можетъ даже пользоваться однимъ и тѣмъ же методомъ, напри- мѣръ, съ такою абстрактною же наукою, какую представляетъ изъ себя политическая экономія. И это понятно: политическая эконо- мія изучаетъ только одну сторону общественнаго бытія, и это ей позволяетъ пользоваться для установленія своихъ общихъ истинъ такимъ методомъ, который оказывается совершенно не- приложимымъ къ изслѣдовапію общественной жизни, взятой во всей цѣлостности своихъ явленій. Къ сожалѣнію, въ литературѣ спеціальннй вопросъ о методахъ социологіи большею частью не выдѣляется изъ болѣе общаго вопроса о методахъ общественныхъ наукъ вообще.

Разный смыслъ, придаваемый слову „методъ“. Не въ этомъ одномъ заключается слабая сторона постановки вопроса. Кромѣ того, и самому слову „методъ“ въ примѣненіи къ со- ціологіи дается весьма часто несоответственное значеніе. Строго говоря, научная логика знаетъ только два метода—дедуктивннй и индуктивннй, которые въ свою очередь суть не что иное, какъ видоизмѣненія сннтетическаго и аналитическаго мышленія, спе- ціально приуроченныя къ достиженію научныхъ цѣлей. Эти два метода могутъ имѣть разные второстепенныя формы, сохраняя основныя особенности дедукціи и индукціи. Таковы методы ги- потетическнй, аналогическнй, діалектическнй и сравнительннй, съ воими мы встрѣчаемся въ разныхъ общественныхъ наукахъ и социологическихъ теоріяхъ. Съ меньшимъ правомъ названіе ме- тодовъ дается совокупности научныхъ приемовъ, характеризуе- мыхъ не особенностями того или другаго мыслительнаго про- цесса, а особенностями изучаемыхъ предметовъ или изучающихъ ихъ наукъ. Напримѣръ, говорятъ объ историческомъ методѣ въ политической экономіи: въ данномъ случаѣ имѣется въ виду не употребленіе какого-то особеннаго метода, а то, что политиче- ская экономія оперируетъ въ такихъ случаяхъ надъ историче- скимъ матеріаломъ; историческнй методъ противоплагается здѣсь абстрактному, который называется такъ, однако, въ зависимости не отъ особыхъ приемовъ мысли, а отъ особаго матеріала, ка- ковымъ здѣсь являются абстрактныя понятія. То же самое от- носится и къ различію, существующему между историческимъ и догматическимъ изученіемъ права. Говорятъ еще о біологи- ческомъ или психологическомъ методѣ въ социологіи. Но и тутъ рѣчь идетъ лишь объ основаніи социологіи непосредственно на біологіи или на психологіи. Хотя во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

слову „методъ“ придается значеніе не вполне соответствующее основному понятію, такое словоупотребленіе не порождаетъ еще никакихъ недоразумѣній, а потому и можетъ быть допущено. Но бывають случаи, когда научная терминологія, дѣйствительно, порождаетъ весьма важное недоразумѣніе. Противопологаютъ, напримѣръ, научный методъ методу метафизическому, когда, собственно говоря, слѣдовало бы противопоставлять одинъ другому не методы, а задачи, которыя могутъ быть или метафизическими или научными, хотя къ рѣшенію тѣхъ и другихъ могутъ примѣняться совершенно одинаковые приемы мысли. Предполагая, что все различіе между метафизикой и наукой въ методѣ, легко прійти къ заключенію, будто методъ, къ коему особенно охотно прибѣгали метафизики, совершенно неприложимъ въ наукѣ и будто настоящій научный методъ долженъ быть полною противоположностью того, какой господствуетъ въ метафизикѣ. Изъ того, что послѣдняя очень охотно пользовалась и весьма часто злоупотребляла дедуктивнымъ методомъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдній былъ совершенно ложенъ, и чтобы наука могла прибѣгать только къ индуктивному методу въ качествѣ единственно вѣрнаго. Но особенную путаницу въ соціологическую литературу внесли понятія методовъ объективнаго и субъективнаго. Если только подъ этою противоположностью не разумѣть разницы, существующей между наблюденіемъ и самонаблюденіемъ, то понятіе субъективнаго метода, какъ метода, теряетъ всякій смыслъ, разъ рѣчь идетъ объ изслѣдованіи явленій и объ открытіи законовъ, ими управляющихъ: тутъ никакого субъективнаго метода и существовать не можетъ, и единственный законный методъ въ соціологіи есть методъ научно-объективный, какой употребляется во всѣхъ наукахъ. При изученіи дѣйствительности можно, правда, и даже слѣдуетъ говорить объ объективномъ или субъективномъ къ ней отношеніи, но отношеніе и методъ не одно и то же. Наконецъ, отъ научнаго изученія дѣйствительности можно отличать еще творчество идеаловъ, и если подъ субъективнымъ методомъ разумѣется это послѣднее, то ставить его рядомъ съ научными методами, какъ одинъ изъ путей, ведущихъ насъ къ знанію дѣйствительности, конечно, не приходится. Впрочемъ, обо всемъ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ вопросъ объ объективизмѣ и субъективизмѣ въ соціологіи имѣетъ важное принципиальное значеніе и занимаетъ довольно важное мѣсто въ соціологической литературѣ.

Пользованіе дедукціей и индукціей въ соціологіи.

Основной вопросъ социологической методологіи касается пользованія дедукціей и индукціей въ цѣляхъ открытія законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Вообще во второй половинѣ XIX в. мы замѣчаемъ у многихъ наклонность ставить дедукцію и индукцію въ такую рѣзкую противоположность, что нѣкоторымъ оба метода кажутся между собою совершенно непримиримыми въ принципѣ и несомвѣстными на практикѣ. Такъ какъ метафизическая философія пользовалась всегда преимущественно дедуктивнымъ методомъ, то въ глазахъ многихъ представителей научнаго мышленія тѣмъ самымъ дедуктивный методъ былъ дискредитированъ, хотя пользованіе имъ продолжало быть совершенно неизбѣжнымъ. На томъ же самомъ основаніи индуктивный методъ получалъ значеніе метода научнаго по преимуществу, хотя несомнѣнно, что изгнаніе изъ науки всякаго умозрѣнія должно было бы повлечь за собою самый грубый эмпиризмъ. Примѣръ огульнаго осужденія „метафизическаго метода“ въ пользу „метода историческаго“ мы находимъ, напримѣръ, у Бокля; но если бы разобрать всѣ его соображенія, то оказалось бы, что въ основѣ этихъ соображеній заключается большое недоразумѣніе. Достаточно отмѣтить, что Бокль въ данномъ случаѣ, выдѣляя изъ метафизиковъ вообще небольшую группу такихъ, которые высказываютъ болѣе широкіе взгляды, причисляетъ къ этой группѣ метафизиковъ и самого Конта, старающагося, по его словамъ, „соединить метафизическія изслѣдованія съ историческими“: въ данномъ случаѣ Бокль имѣетъ въ виду то, что Контъ не пренебрегалъ гипотезами и дѣлалъ изъ нихъ выводы, которые подвергалъ фактической провѣркѣ. Но „единственно вѣрнымъ“ Бокль считалъ только историческій путь въ изслѣдованіи законовъ человѣческаго духа, разумѣя подъ этимъ путемъ индуктивный методъ. Впрочемъ, у автора „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ методологическіе вопросы рассмотрѣны весьма поверхностно, а потому подобнаго рода утвержденія могли только внушить и нѣкоторымъ сторонникамъ, и нѣкоторымъ противникамъ позитивизма совершенно невѣрное представленіе о томъ, будто это философское направленіе отрицаетъ употребленіе дедуктивнаго метода въ наукѣ. Вообще слишкомъ широкія и слишкомъ смѣлыя построенія метафизики въ видѣ естественной противъ себя реакціи вызвали въ нѣкоторыхъ умахъ сильное недовѣріе къ чистому умозрѣнію, ко всему, что имѣетъ болѣе или менѣе гипотетическій характеръ. Напримѣръ, крайніе представители исторической школы въ политической экономіи иногда готовы были отрицать всякое значеніе за абстрактнымъ

разсужденіемъ въ этой наукѣ. Точно такъ же нѣкоторые представители сравнительно-историческаго изученія общественныхъ явленій склоняются къ той мысли, что лишь въ этомъ методѣ заключается все спасеніе соціологіи, и что всякія широкія построенія въ этой области излишни или, по крайней мѣрѣ, преждевременны. Болѣе всестороннее изслѣдованіе вопроса не оправдываетъ подобныхъ предположеній.

Методологическіе взгляды Конта. Самъ Контъ широко пользовался дедукціей. Въ основу своей соціологіи онъ положилъ главныя идеи собственнаго философскаго міросозерцанія, такъ что вся его соціологія построена на идеяхъ, выведенныхъ дедуктивно изъ нѣкоторыхъ философскихъ обобщеній. Въ частности, ставя соціологію въ зависимость отъ біологіи, онъ до известной степени пользуется и біологическими законами для дедуктивнаго обоснованія чисто соціологическихъ положеній. Насколько философскія и біологическія послылки Конта выдерживаютъ критику и насколько правильно пользуется здѣсь онъ дедукціей, это — другой вопросъ: важно то, что Контъ совсѣмъ не былъ завзятымъ индуктивистомъ. Но, къ сожалѣнію, основатель позитивной философіи самъ держался въ теоріи не совсѣмъ правильнаго взгляда на общее значеніе методологіи. Въ началѣ своего „Курса“ онъ признаетъ еще возможность теоріи метода, такъ сказать, отрѣшеннаго отъ частныхъ его примѣненій; только такая теорія, хотя и возможная, кажется ему ненужною. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта мысль въ томъ же самомъ „Курсѣ“ получаетъ характеръ уже прямого отрицанія самой возможности теоретически изучать методъ науки отдѣльно отъ ея доктрины. Эта, если можно такъ выразиться, нелюбовь къ чистой методологіи заставила Конта въ позднѣйшихъ трудахъ стать ко всякой теоріи метода прямо во враждебныя отношенія: въ концѣ своей жизни онъ находилъ такую теорію даже вредною. Тѣмъ не менѣе въ IV томѣ его „Курса“ мы имѣемъ двѣ лекціи („Основныя черты позитивнаго метода въ рациональномъ изученіи общественныхъ явленій“ и „Необходимыя отношенія соціальной физики къ другимъ основнымъ вѣтвямъ позитивной философіи“), изъ коихъ первая имѣетъ прямое, а вторая — косвенное отношеніе къ нашему вопросу. Правда, даже въ первой изъ этихъ лекцій вопросы метода перемѣшаны съ вопросами доктрины, но это не мѣшаетъ разсматривать ихъ отдѣльно. И то вѣрно, что Контъ ограничивается здѣсь главнымъ образомъ методологіей изслѣдованія или открытій, совершенно устраняя вопросъ о доказательности или способахъ, коими устанавливается оче-

видность нашихъ заключеній, но зато въ этой области онъ, — говоря словами Милля, — „разрабатываетъ предметъ съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ“. (Милль находитъ еще, что Контъ „разработалъ вопросъ о значеніи научныхъ гипотезъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, которое оставляетъ желать весьма немногаго“).

Мысль о невозможности отдѣлить изученіе метода отъ изученія доктрины Контъ основываетъ на крайней сложности общественныхъ явленій, которая, по его мнѣнію, не позволяетъ отдѣлять одно отъ другого. Серьезныхъ аргументовъ въ пользу такого утвержденія онъ, однако, не приводитъ. Если онъ самъ и отступаетъ отъ своей мысли, то лишь имѣя въ виду дать характеристику общаго духа соціологіи и совокупности средствъ, коими она пользуется. Такимъ образомъ, примѣръ самого же Конта, рассматривающаго вопросы метода, противорѣчитъ его взгляду, будто этого нельзя дѣлать, но именно какъ-разъ этотъ взглядъ помѣшалъ ему вполне систематически сдѣлать то же самое, что онъ все-таки дѣлаетъ, только не систематически. Видя въ метафизикѣ „основное преобладаніе воображенія надъ наблюденіемъ“, Контъ характеризуетъ положительную философію словами: „необходимое и непрерывное подчиненіе воображенія наблюденію“. Онъ допускаетъ гипотезы, но лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ подлежали фактической провѣркѣ. Это касается общаго духа положительной философіи. Кромѣ того, Контъ, какъ уже ранѣе упоминалось, вооружается противъ изолированнаго изученія отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта, ссылаясь въ данномъ случаѣ на consensus, существующій между всѣми общественными явленіями. Въ обоихъ случаяхъ такимъ образомъ Контъ ставитъ извѣстныя границы дѣятельности „воображенія“: можно, пожалуй, находить эти границы слишкомъ тѣсными, но важно то, что роль воображенія вообще не отрицается. Равнымъ образомъ, съ другой стороны, Контъ вооружается противъ „афоризма, существеннымъ образомъ эмпирическаго, некстати возведеннаго на степень абсолютнаго и неограниченнаго логическаго догмата“, который требуетъ „во всякомъ возможномъ вопросѣ итти постоянно отъ простаго къ сложному“: единственное основаніе для этого Контъ видитъ въ томъ, что таковъ путь изслѣдованія въ неорганическихъ наукахъ, такъ сказать, властно диктовавшихъ свои правила всеобщей логикѣ. Но логическихъ основаній для этого нѣтъ. Очевидна только одна обязанность: итти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а это правило не устанавливаетъ никакого предпочтенія. Контъ даже ду-

помнить, на примѣръ, какую существенную услугу изслѣдованіе болѣзней памяти, воли или личности оказало современной психологii. Въ социологii, благодаря ея большей сложности, этотъ способъ съ такимъ же успѣхомъ еще не примѣнялся. Важность сравнительнаго метода Контъ совершенно ясно сознавалъ, какъ въ изученіи біологii, такъ и въ изученіи социологii. Въ частности, онъ настаивалъ на необходимости сравнивать наиболѣе раннія формы человѣческаго общества съ общежитіями животныхъ, хотя и не предвидѣлъ еще позднѣйшей эволюціонной теорii, которая дала подобнымъ сравненіямъ совершенно новую постановку. Контъ совѣтуетъ также сравнивать „разныя существующія состоянія человѣческаго общества на различныхъ частяхъ земной поверхности, особенно у народовъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ“. Но и сравнительный методъ Контъ считаетъ полезнымъ лишь подъ условіемъ, чтобы онъ былъ постоянно направляемъ нѣкоторою раціональною концепціей, весьма общою, но вполне положительною—о совокупности человѣческаго развитія. И здѣсь онъ высказывается противъ „пустыхъ софистическихъ декламацийъ сторонниковъ систематическаго эмпиризма или слѣпыхъ безусловныхъ порицателей всякаго общественнаго умозрѣнія“. Частнымъ видомъ сравнительнаго метода Контъ считаетъ методъ историческій, „единственную главную основу, на которой можетъ дѣйствительно покоиться система политической логики“. Въ сущности, однако, то, что философъ называетъ историческимъ методомъ, есть не что иное, какъ сравненіе послѣдовательныхъ состояній общества съ цѣлью изображенія совершенствующагося въ немъ развитія. У Конта мы не находимъ еще ясной идеи о томъ сравнительно-историческомъ изученіи, которое играетъ такую роль въ современной социологii. Но и оно является лишь однимъ изъ частныхъ примѣненій общаго принципа, высказаннаго Контомъ. Не нужно, конечно, забывать того, на что самъ же онъ указываетъ въ началѣ разсужденія о трехъ разсмотрѣнныхъ способахъ: это—„чрезвычайная новизна предмета“. Въ послѣднемъ Контъ, дѣйствительно, прокладываетъ совершенно новые пути, и онъ самъ ждалъ дальнѣйшаго усовершенствованія взглядовъ на этотъ вопросъ отъ успѣха самой науки. Уже здѣсь, какъ мы видѣли, за умозрѣніемъ Контъ признаетъ извѣстное значеніе. Еще рѣшительнѣе въ этомъ смыслѣ высказывается онъ въ слѣдующей главѣ, гдѣ касается вопроса о пользованіи выводами другихъ наукъ для социологическихъ построеній. Главное значеніе онъ приписываетъ тутъ біологii въ ея выводахъ и методахъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы социологii,

по его мысли, должна была отказаться от методологической самостоятельности. Напротив того, онъ высказываетъ мысль, что „каждая изъ основныхъ наукъ по природѣ своей обладаетъ важнымъ свойствомъ проявлять особеннымъ образомъ какой-либо изъ главныхъ атрибутовъ всеобщаго позитивнаго метода, хотя всѣ эти атрибуты необходимо должны заключаться въ известной степени и во всѣхъ другихъ наукахъ“. Главнымъ и наиболее характернымъ способомъ соціологическаго умозрѣнія онъ считаетъ историческій методъ въ томъ своеобразномъ пониманіи, какое мы видѣли выше. Быть можетъ, правильнѣе было бы назвать это эволюціонною точкою зрѣнія, но во всякомъ случаѣ пользование этимъ „методомъ“ предполагало у самого Конта необходимость дедукціи изъ того, что онъ считалъ основнымъ закономъ общественнаго развитія. Во всякомъ случаѣ одинаково неправы и противники позитивизма, обвиняющіе его въ грубомъ эмпиризмѣ, и тѣ его сторонники, которые представляютъ себѣ, будто это ученіе запрещаетъ пользоваться дедуктивнымъ методомъ.

Открытіе законовъ соціологій. Главный вопросъ соціологической методологій касается способовъ открытія законовъ, коими управляются общественныя явленія. Въ качествѣ науки абстрактной, —употребляя терминологию Конта,—соціологія есть наука о законахъ явленій, и для нея самое важное дѣло — найти пути, идя по которымъ, она могла бы разрѣшить свою главную задачу. Стремясь создать соціологию, Контъ исходилъ изъ той мысли, что общественныя явленія не составляютъ исключенія и, какъ всѣ явленія міра, управляются нѣкоторыми общими законами. Основаніе этой мысли относится къ области общей философіи, которой и принадлежитъ право рѣшать вопросъ, —могутъ ли вообще происходить какія-либо явленія такъ, чтобы, на примѣръ, сегодня дважды два было четыре, а завтра—пять или сто. Тѣ, которые признають въ дѣлахъ человѣческихъ дѣйствіе свободной воли въ смыслѣ возможности безпричинныхъ людскихъ поступковъ, тѣмъ самымъ отрицають законмѣрность общественныхъ явленій, а потому и отрицають возможность соціологій, какъ положительной науки. Самой соціологіи и доказывать нечего законмѣрности изучаемыхъ ею явленій. Подобно другимъ наукамъ, она можетъ только примѣрами, заимствованными изъ изучаемой ею области, иллюстрировать общее положеніе о томъ, что въ мірѣ ничто не происходитъ безпричинно и произвольно. Было, однако, время, когда такая мысль имѣла всѣ признаки новизны, и ее приходилось проводить во всеобщее сознаніе съ особою настойчивостью. На примѣръ, она занимаетъ довольно видное мѣсто въ

разсужденіяхъ англійскихъ представителей позитивизма—Милля и Бокля. Но и принявъ мысль о законмѣрности общественныхъ явленій, можно дать ей совершенно невѣрное примѣненіе. Самъ Контъ, думая, что вся исторія человечества заключена въ законѣ трехъ фазисовъ міросозерцанія, придавалъ слову „законъ“ значеніе общаго плана, по которому будто-бы совершается вся исторія, — взглядъ чисто метафизическій! Другіе готовы были видѣть соціологическіе законы въ чисто эмпирическихъ обобщеніяхъ, какими являются статистическія цифры. Такова точка зрѣнія Кетле, и на ту же точку зрѣнія становится Бокль, принимающій статистическую иллюстрацію законмѣрности дѣйствія общихъ причинъ за самую эту законмѣрность. Первый шагъ къ совершенно правильному пониманію того, что такое законы явленій и какими путями они могутъ быть открываемы, сдѣланъ былъ Миллемъ въ его „Системѣ логики“.

Взглядъ Милля на индукцію въ общественныхъ наукахъ. Послѣдній отдѣлъ этого своего труда Милль посвятилъ „логікѣ нравственныхъ наукъ“. Значительная часть названнаго отдѣла разсматриваетъ вопросъ о „соціальной наукѣ“ и о возможныхъ въ ней методахъ. Здѣсь Милль отдастъ должное Конту и даже защищаетъ его отъ невѣрнаго пониманія его взглядовъ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ о вопросѣ. Заслуга Милля заключается въ томъ, что онъ ребромъ поставилъ вопросъ, насколько примѣнимы къ соціологіи приемы, употребляемые въ другихъ наукахъ, и постарался выяснитъ, какими путями могутъ быть открываемы законы общественныхъ явленій.

Лучшимъ способомъ открытія законовъ въ какой бы то ни было области, повидимому, должна была бы быть индукція, которая есть не что иное, какъ умозаключеніе отъ частнаго къ общему. Найти законъ какихъ-либо явленій именно и значитъ установить нѣкоторую общую формулу, подъ которую подводилось бы множество частныхъ случаевъ одной и той же категоріи. Три мыслителя называются обыкновенно, когда рѣчь заходитъ объ исторіи индукціи, какъ главные дѣятели этой исторіи: первымъ былъ Аристотель, вторымъ—Бэконъ, третьимъ является Милль. Весьма естественно, что его взглядъ на этотъ предметъ имѣетъ особенно важное значеніе. По его ученію, индукція состоитъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, въ которыхъ наблюдается какое-либо явленіе, мы выводимъ, что явленіе это совершается во всѣхъ случаяхъ, сходныхъ съ первыми въ обстоятельствахъ, признаваемыхъ суще-

ственными. Напримѣръ, въ химіи точно сдѣланный единичный опытъ можетъ дать знаніе о свойствахъ какого-либо вещества, и ученый на основаніи одного или нѣсколькихъ примѣровъ убѣдится, что заключенія, къ коимъ онъ пришелъ, будутъ подтверждаться во всемъ мірѣ. Наведеніе бываетъ полнымъ и неполнымъ, каковое и состоитъ въ умозаключеніи отъ нѣсколькихъ случаевъ ко всѣмъ случаямъ: право наше дѣлать такого рода выводы основывается на идеѣ однообразнаго порядка природы (хотя нѣкоторые и возражаютъ, что сама эта идея есть только результатъ неполной же индукціи). Въ сущности, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи частныхъ примѣровъ, мы дѣлаемъ общіе выводы, мы беремъ эти частные примѣры, какъ типическіе представители той или другой группы явленій. Задача логики въ данномъ вопросѣ и состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить границы, за которыми индуктивный методъ утрачиваетъ свою правомѣрность въ качествѣ пути, ведущаго къ открытію законовъ. Прежде всего отъ индукціи мы должны отличать то, что Милль называетъ „суммированіемъ фактовъ, описаніемъ сложнаго факта, къ которому простѣйшіе относятся, какъ часть къ цѣлому“: такое описаніе фактовъ не объясняетъ ихъ и не предсказываетъ, иначе говоря, не опредѣляетъ условій, при которыхъ можно ожидать, что подобные факты повторятся. Съ другой стороны, уже Бэконъ указывалъ на недостаточность „наведенія чрезъ простое перечисленіе, въ которомъ не встрѣчается противорѣчивыхъ примѣровъ“ (*inductio per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria*). Милль основательно говоритъ, что отсутствіе отрицательной инстанціи еще не доказываетъ правильности заключенія. Особенно важно такое его замѣчаніе: лица, заявляющія, что они занимаются нравственными и политическими науками индуктивно, почти исключительно употребляютъ все то же наведеніе чрезъ простое перечисленіе и такимъ образомъ далеко остаются позади бэконовскаго пониманія индукціи. Между тѣмъ весьма многіе, касавшіеся вопросовъ соціологіи, готовы были принимать за настоящіе законы—простыя эмпирическія обобщенія, являющіяся иногда только особымъ способомъ выраженія совокупности частныхъ истинъ: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать о каждой планетѣ въ отдѣльности, что она освѣщается солнцемъ, мы говоримъ, что всѣ планеты освѣщаются солнцемъ. Послѣдняя формула не выражаетъ никакаго закона, и ей никакой особенной силы не придаетъ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ общее правило устанавливается безъ единой отрицательной ин-

станціи, такъ какъ, дѣйствительно, каждая планета освѣщается солнцемъ. Но при изученіи соціальныхъ явленій мы почти никогда не можемъ рассчитывать на то, чтобы, установляя какое-нибудь общее правило, тотчасъ же не встрѣтиться и съ массою исключеній изъ этого правила. Соціальныя явленія слишкомъ сложны, ибо зависятъ всегда отъ множества различныхъ условій, которыя встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Эти сочетанія могутъ быть иногда довольно постоянными для извѣстнаго мѣста и времени: въ такихъ случаяхъ наблюдается извѣстная правильность въ повтореніи сходныхъ между собою явленій, но эта правильность, лучше всего обнаруживаемая статистикой, указывая вообще на существованіе законмѣрности общественныхъ явленій, характеризуетъ только данное общественное состояніе, но отнюдь не можетъ быть названа сама законмѣрностью, потому что настоящіе законы должны имѣть силу внѣ особенныхъ условій мѣста и времени. Такова судьба всѣхъ эмпирическихъ обобщеній: будучи сдѣланы на основаніи ограниченнаго количества фактовъ, они не могутъ распространяться на всѣ однородные факты вообще, такъ какъ суммируютъ слѣдствія цѣлой массы причинъ, дѣйствовавшихъ въ извѣстной комбинаціи, а не опредѣляютъ отношеніе каждой причины къ ея слѣдствію.

Недостатки теоріи Милля. Эта сложность общественныхъ явленій, зависящихъ всегда отъ множества причинъ, съ одной стороны, а съ другой—невозможность научныхъ экспериментовъ въ области этихъ явленій и заставляютъ Милля думать, что къ соціологіи совершенно непримѣнимы тѣ индуктивные приемы изслѣдованія, которые извѣстны подъ названіями методовъ согласія, различія и сопутствующихъ измѣненій. Правда, съ этимъ выводомъ не согласился Льюисъ, авторъ „Трактата о методахъ наблюденія и разсужденія въ политикѣ“ (1852), но возраженія этого писателя не поколебали правильности взгляда Милля. Если что и можно поставить въ упрекъ Миллю, такъ это то, что вопроса о роли индукціи въ общественныхъ наукахъ онъ не разработалъ вполне исчерпывающимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, основныя начала этого метода Милль вывелъ изъ анализа тѣхъ приемовъ, коими пользуются одни естествоиспытатели. Указавъ на неприложимость именно *этихъ* приемовъ къ изслѣдованію общественныхъ явленій, онъ не поставилъ вопроса о томъ, какіе индуктивные приемы были бы возможны въ соціологіи по свойству матеріала, изучаемаго именно этою наукою. Уже послѣ того, какъ была написана „Система логики“, въ соціологической литера-

имѣють для насъ большую достовѣрность или являются болѣе общими законами: безъ такого разложенія мы лишены всякихъ основаній думать, что данные законы выражаютъ отношенія, внутренне необходимыя, и что потому мы можемъ ихъ прилагать къ случаямъ, весьма отличнымъ отъ дѣйствительно наблюдавшихся. Другими словами, Милль требуетъ дедуктивнаго обоснованія эмпирическихъ обобщеній, дабы послѣднія могли быть принимаемы за дѣйствительные законы. Онъ не отрицаетъ значенія эмпирическихъ обобщеній и въ качествѣ данныхъ, поступающихъ затѣмъ въ вѣдѣніе дедуктивнаго метода, и если считаетъ социологію за науку дедуктивную, то не по образцу геометріи, а по образцу болѣе сложныхъ физическихъ наукъ. Въ видѣ примѣра можно привести то, что онъ самъ говоритъ о полученіи законовъ образованія характера путемъ вывода изъ общихъ законовъ души: по его словамъ, для этого нужно сначала предположить нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ, а потомъ соображать, каково должно быть по законамъ души вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера. Въ изученіи человѣческихъ поступковъ простой эмпиризмъ или невозможень, или ни къ чему не ведетъ.

Дедуктивный методъ въ политической экономіи.

Милль хорошо былъ знакомъ съ одною наукою, которая была обязана своими успѣхами именно дедуктивному методу. Эта наука — политическая экономія, въ коей дедуктивный методъ принялъ форму такъ называемаго гипотетическаго метода. „Какъ бы ни были сложны явленія, говоритъ Милль, всѣ ихъ послѣдовательности и сосуществованія происходятъ отъ законовъ отдѣльныхъ элементовъ. Дѣйствіе, производимое въ общественныхъ явленіяхъ какимъ-нибудь сложнымъ рядомъ обстоятельствъ, строго равняется суммѣ дѣйствій обстоятельствъ, взятыхъ по одиночѣ“. Милль совѣтуетъ выводить законъ каждаго явленія изъ законовъ причинности, отъ которыхъ зависитъ это явленіе. Но при этомъ онъ думаетъ, что, употребляя дедуктивный методъ, социологія не можетъ быть наукою положительныхъ предсказаній, а только наукою о стремленіяхъ. Признавая возможность разсматривать отдѣльно разныя стороны общественнаго бытія, обусловливаемыя дѣйствіемъ разныхъ причинъ (стремленій), Милль останавливается, въ видѣ примѣра, на политической экономіи, изслѣдующей явленія народнаго богатства и исходящей при этомъ изъ предположенія, что явленія эти сводятся къ одной основной причинѣ. „Есть, говоритъ онъ, обширный классъ социальныхъ явленій, въ которомъ непосредственно опредѣляющими причи-

нами оказываются главнымъ образомъ тѣ, которыя дѣйствуютъ посредствомъ желанія богатства и въ которыхъ главное значеніе принадлежитъ тому общеизвѣстному психологическому закону, что бѣльшая выгода предпочитается меньшей... Выходя изъ одного этого закона человѣческой природы и изъ главнѣйшихъ внѣшнихъ обстоятельствъ (или общихъ, или ограниченныхъ частными состояніями общества), дѣйствующихъ на человѣческую душу въ силу этого закона, мы можемъ быть въ состояніи объяснить или предсказать именно эту часть явленій общества, насколько они зависятъ отъ одного лишь класса обстоятельствъ; причемъ мы упускаемъ изъ виду всѣ другія обстоятельства общества и, слѣдовательно, не выслѣживаемъ обстоятельствъ, принимаемыхъ нами въ расчетъ до ихъ возможнаго происхожденія отъ какихъ-нибудь фактовъ общественнаго состоянія и не беремъ во вниманіе того, какъ эти другія обстоятельства могутъ разрушать или видоизмѣнять результаты первыхъ". Милль и указываетъ на то, что политическая экономія „разсуждаетъ вполне отвлеченно (о явленіяхъ общественнаго состоянія, которыя порождаются стремленіемъ въ богатству) отъ всякой другой человѣческой страсти, отъ всякаго побужденія, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ начало, постоянно противодѣйствующее желанію богатства: кромѣ отвращенія къ труду и желанія насладиться дорогими удовольствіями въ настоящемъ... Политическая экономія, продолжаетъ Милль, разсматриваетъ человѣчество, какъ будто оно занято только приобрѣтеніемъ и потребленіемъ богатства, и цѣль ея показать, каковъ будетъ образъ дѣйствій, къ которому пришли бы люди, живя въ обществѣ, если бы этотъ мотивъ, за исключеніемъ той степени, въ которой онъ задерживается двумя вышеупомянутыми противоположными мотивами, былъ абсолютнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій". Къ этому Милль прибавляетъ, что было бы нелѣпо только такъ понимать человѣческую природу, но таковъ именно путь, которымъ необходимо должна идти наука: „если какое-нибудь дѣйствіе зависитъ отъ степенія причинъ, то эти причины должны быть изучаемы одна за другою, и ихъ законы должны быть изслѣдуемы отдѣльно, если мы желаемъ посредствомъ причинъ получить возможность предсказывать или контролировать дѣйствіе". Человѣкъ дѣйствуетъ подъ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ желаній и отвращеній, но чтобы судить объ его поведеніи вообще, намъ нужно знать, какъ дѣйствовалъ бы онъ исключительно подъ влияніемъ каждаго изъ нихъ въ частности. „Политическая экономія, по словамъ Милля,

изслѣдуетъ, каковы были бы дѣйствія, производимыя только однимъ желаніемъ, если бы въ области, о которой идетъ рѣчь, ему не препятствовало никакое другое желаніе“. Понятно, что Милль хорошо понимаетъ всю условность основной гипотезы, которая объясняетъ только одну категорію явленій и не можетъ служить для объясненія всѣхъ явленій. Даже имѣя дѣло съ чисто экономическими явленіями, приходится нерѣдко принимать въ расчетъ дѣйствія другихъ причинъ.

Таковъ методъ, который многіе называютъ гипотетическимъ. Милль не пытается рѣшить, какія еще категоріи общественныхъ явленій подлежатъ изученію этимъ методомъ, и дѣлаетъ исключеніе только для одной политической этологіи, какъ онъ называетъ теорію причинъ, опредѣляющихъ характеръ, свойственный какому-либо народу или какому-нибудь вѣку,—тема, относящаяся къ области коллективной психологіи. Раздробляя такимъ образомъ соціологію на разные отдѣлы, въ коихъ изолированно изучаются только опредѣленные категоріи явленій, Милль отличаетъ этимъ отъ частныхъ наукъ, дѣлающихъ свои выводы только условно, общую науку объ обществѣ, такъ сказать, контролирующую выводы такихъ наукъ, какъ политическая экономія или политическая этологія.

Разсмотрѣніе гипотетическаго метода съ соціологической точки зрѣнія. Остановимся нѣсколько на болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого гипотетическаго метода. У экономистовъ онъ получаетъ нерѣдко названіе метода абстрактнаго, которому историческая школа противопоставила свой методъ, получившій названіе историческаго. Абстрактнымъ методомъ работали творцы политической науки и этимъ же методомъ въ теоретической части своего ученія пользовался также Марксъ (который, кромѣ того, занимался экономическими вопросами и исторически). Стремленіе нѣкоторыхъ представителей исторической школы совершенно вытѣснить абстрактное направленіе, замѣнивъ послѣднее однимъ историзмомъ, должно признать большою научною односторонностью, подобною той, въ какую впадаютъ защитники исключительно сравнительнаго изученія, изгоняя изъ соціологіи всякія умозрѣнія. Пользуясь гипотетическимъ методомъ, мы, такъ сказать, изолируемъ извѣстную категорію явленій, принимая, что послѣднія имѣютъ въ своей основѣ одну и ту же причину или вызываются дѣйствіемъ одной и той же силы. Сама эта причина или сила вовсе не является какой-то гипотезой. Напротивъ, такія науки, какъ, напримѣръ, политическая экономія, опираются не на предположенія, а на дѣйствитель-

торый удобенъ лишь при изолированномъ изученіи извѣстной категоріи явленій, какъ это и дѣлается въ политической экономіи. Итальянскій ученый Лоріа въ своей книгѣ „Экономическія основы общественнаго строя“ (1893) даже прямо утверждаетъ, будто вся духовная культура и весь строй общества могутъ быть объяснены изъ одного своеобразія, т.-е. изъ того самаго принципа, который является точкой отправленія экономистовъ въ построеніи теоріи явленій народнаго хозяйства. Настоящіе экономическіе матеріалисты школы Маркса понимаютъ дѣло не такъ грубо, но, въ сущности, и они употребляютъ тотъ же самый методъ. Обнаруживъ индуктивнымъ путемъ, что экономическія отношенія оказываютъ то или другое влияніе на разныя стороны культурной и социальной жизни, они дѣлаютъ это обобщеніе исходнымъ пунктомъ своей социологической дедукціи, обращая все свое вниманіе лишь на присущее экономическимъ отношеніямъ стремленіе порождать слѣдствія и въ другихъ областяхъ общественной жизни, но совершенно забывая, что въ дѣйствительной жизни существуютъ и другія причины или силы, коимъ тоже можно приписывать стремленіе производить извѣстные результаты. Гипотетически, хотя и на основаніи индуктивныхъ данныхъ, мы можемъ установить въ окружающемъ насъ мірѣ, множество всякаго рода стремленій: каждое тѣло на землѣ стремится къ центру земли; каждый растительный или животный видъ стремится въ размноженію въ геометрической прогрессіи; наслѣдственность стремится въ увѣковѣченію въ неизмѣнномъ состояніи существующихъ растительныхъ и животныхъ видовъ и т. п. Каждое такое стремленіе можетъ быть изучаемо въ результатахъ, которые имъ порождаются, и служитъ для объясненія тѣхъ или другихъ явленій, и въ такомъ случаѣ методъ изолирующей дедукціи слѣдуетъ признавать вполне законнымъ. Но совершенно непозволительно злоупотреблять этимъ методомъ, сводя все лишь въ одному изъ такихъ стремленій, къ одной силѣ или одной причинѣ. И это можетъ быть сказано не только о дарвинистической социологіи и экономическомъ матеріализмѣ, которые соотвѣтствуютъ дѣйствительности лишь односторонне. Органическая школа, особенно въ лицѣ Спенсера, равнымъ образомъ пользуется дедукціей, исходя изъ идеи, въ которой вѣрно, но односторонне формулируется нѣчто, дѣйствительно наблюдаемое въ общественной жизни. Въ каждомъ социальномъ агрегатѣ, пользуясь выраженіемъ Спенсера, можно обнаружить взаимно другъ друга обуславливающіе процессы интеграціи и дифференціаціи, стремящіеся, такъ сказать, превратить общественный агрегатъ

въ организмъ. Но это только одно изъ стремленій, существующихъ въ общественной жизни, и имъ, конечно, можно пользоваться для объясненія однѣхъ сторонъ этой жизни, прибѣгая къ помощи изолирующей дедукціи. Но рядомъ съ органическою тенденціей общественности существуютъ другія тенденціи, изъ коихъ, напримѣръ, одна даже прямо противоборствуетъ стремленію общества превратиться въ подобіе организма. Такимъ образомъ одностороннія соціологическія теоріи не выдерживаютъ строгой критики и съ методологической точки зрѣнія. Подобнаго рода ошибки могутъ, конечно, дѣлаться и на почвѣ психологическаго объясненія соціальныхъ фактовъ. И здѣсь возможны, да и на самомъ дѣлѣ встрѣчаются случаи примѣненія изолирующей дедукціи къ объясненію не только извѣстныхъ разрядовъ явленій, это допускающихъ, но и къ объясненію явленій, которыя требуютъ, если не другихъ приемовъ изученія, то другихъ основныхъ предположеній. Наиболѣе замѣчательный примѣръ таковой дедукціи даетъ намъ самъ Контъ, полагая, что основнымъ закономъ, объясняющимъ всю эволюцію человѣчества, является законъ трехъ фазисовъ міросозерцанія. Это обобщеніе, полученное, конечно, индуктивнымъ путемъ, можетъ быть исходнымъ пунктомъ для цѣлаго дедуктивнаго построенія, но послѣднее будетъ имѣть научное значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ примѣняться къ фактамъ изъ умственной жизни человѣчества, а не во всѣмъ сторонамъ историческаго его существованія. Въ сущности, и Контъ, формулируя свой знаменитый законъ, имѣлъ дѣло лишь съ однимъ изъ стремленій, наблюдаемыхъ въ человѣческой жизни, именно съ стремленіемъ человѣческаго ума понять окружающій міръ. Отдѣльныя соціальныя науки могутъ изолированно изучать разныя категоріи подобныхъ стремленій и изслѣдовать ихъ законы дедуктивно-гипотетическимъ методомъ. Задача соціологіи — понять общественную жизнь въ ея цѣломъ, въ нераздѣльной совокупности ея явленій, изъ которыхъ каждое можетъ разсматриваться, какъ осуществленіе нѣсколькихъ стремленій, одно другому содѣйствующихъ или противодѣйствующихъ. Съ точки зрѣнія метода соціологія не можетъ идти ни по стопамъ абстрактной политической экономіи, ни по тому пути, на который вступаютъ отдѣльныя теоріи, которыя пытаются видѣть во всей сложности и разнообразіи явленій соціальной жизни осуществленіе только одного принципа.

Но кромѣ гипотетическаго метода, изслѣдователи общественныхъ явленій, стремящіеся къ созданію общихъ теорій, пользуются еще двумя разновидностями дедуктивнаго метода. Одинъ

изъ нихъ въ ходу у представителей органическаго направленія: это — методъ аналогическій. Другому методу — діалектическому — приписываютъ важное значеніе сторонники экономическаго матеріализма. Вкратцѣ мы рассмотримъ и тотъ и другой.

Аналогическій методъ въ соціологіи. Логическое значеніе аналогіи довольно разнообразно. Между прочимъ заключеніе по аналогіи можетъ разсматриваться, какъ одинъ изъ способовъ доказательства, хотя и тутъ возможны разныя степени вѣроятности — отъ полной достовѣрности до нуля. Иногда аналогія только наводитъ изслѣдователя на надлежащій путь или является своего рода подготовленіемъ для наведенія или вывода: въ такомъ случаѣ роль аналогіи бываетъ только временной, и чѣмъ скорѣе мы переходимъ отъ аналогіи въ чему-нибудь болѣе положительному, тѣмъ болѣе плодотворною должны считать данную аналогію. Но во многихъ случаяхъ аналогія наводитъ на невѣрный путь и становится источникомъ не истины, а заблужденія. То, что можно назвать аналогическимъ методомъ въ соціологіи, имѣетъ цѣлью не столько доказательство какой-либо мысли, сколько открытіе законовъ, управляющихъ общественными явленіями, и за аналогіей въ такомъ случаѣ признается роль не временнаго предположенія, а, такъ сказать, постояннаго приѣма мысли. На такой точкѣ зрѣнія именно и стоитъ органическая школа, исходящая изъ уподобленія общества организму и дѣлающая отсюда цѣлый рядъ соціологическихъ выводовъ. Одинъ изъ новѣйшихъ представителей этого направленія, Вормсъ, въ своемъ сочиненіи „Общественный организмъ“ говоритъ, что біологія должна служить „аналогичнымъ путеводителемъ для опредѣленія предмета изученія въ общественной наукѣ и для установленія метода, котораго надо держаться“, прибавляя, что и заключенія въ біологіи должны быть полезны для истолкованія фактовъ, засвидѣтельствованныхъ соціологомъ. Правда, на словахъ Вормсъ протестуетъ противъ утвержденія, будто „науку объ обществахъ можно построить дедуктивнымъ путемъ, ставя въ основу ея разсужденій законы, добытыя біологіей“; но на самомъ дѣлѣ онъ строитъ соціологію совершенно по аналогіи съ біологіей. „Подраздѣленіе соціологіи, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ точка-въ-точку подраздѣленіямъ біологіи: примѣръ послѣдней позволяетъ намъ установить содержаніе первой“. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что знаніе результатовъ, полученныхъ біологіей, весьма важно для соціологіи, такъ какъ аналогія оказываетъ помощь въ изученіи общественныхъ явленій, позволяя въ нихъ надлежащимъ образомъ раз-

бираться. Такимъ образомъ, аналогія является здѣсь не особымъ приѣмомъ для доказательства какого-либо частнаго положенія, а основнымъ методомъ для объясненія общественныхъ явленій и открытія законовъ, которые ими управляютъ. Правильность такой точки зрѣнія въ методологическомъ отношеніи подлежитъ еще доказательству. Однако, представители органической социологіи не брали на себя такой задачи, и логически ихъ дедуктивно-аналогическій методъ не былъ надлежащимъ образомъ обоснованъ. Наоборотъ, то, что обыкновенно говорятъ авторы логическихъ трактатовъ о научномъ значеніи аналогіи, не особенно располагаетъ къ признанію за аналогическимъ методомъ органической школы высокаго научнаго значенія. Критическую и въ общемъ отрицательную разработку этого вопроса представляетъ изъ себя статья Михайловскаго „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ“ (1869). Эта работа имѣетъ характеръ критическаго разбора книги Стронина „Исторія и методъ“ (1869) въ связи съ нѣкоторыми другими литературными явленіями той эпохи, но въ статьѣ есть нѣсколько страницъ, имѣющихъ значеніе и независимо отъ обстоятельствъ, заставившихъ автора писать объ аналогическомъ методѣ. Исходя изъ классификаціи наукъ Конта, Михайловскій признаетъ явленія математическія, механическія, физическія, химическія, біологическія и социологическія различными, т.-е. имѣющими свои особыя законы. „Аналогія, говоритъ онъ еще, сама не можетъ доказать, что въ двухъ сравниваемыхъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ“, и въ этому онъ прибавляетъ, что „аналогія тѣмъ лучше, чѣмъ она быстрѣе смѣняется полнымъ наведеніемъ или выводомъ“. Если, по его мнѣнію, за аналогіей и признавать цѣнность, то это относится лишь въ тѣмъ случаямъ, когда аналогіи проводятся между явленіями одного и того же порядка, т.-е. между явленіями социологическими и социологическими, біологическими и біологическими. „Совершенно никакой цѣны, говоритъ онъ, не имѣютъ аналогіи между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ (какой, пояснимъ мы, наблюдается въ каждой послѣдующей абстрактной наукѣ въ сравненіи съ наукой предыдущей) и явленіями низшаго порядка, или между двумя спеціальными остатками. Подобныя аналогіи, продолжаетъ онъ, (если только онѣ не аналогіи въ смыслѣ равенства отношеній), не имѣютъ никакой будущности, или, вѣрнѣе, имъ предстоитъ слишкомъ долгая будущность: такъ какъ явленія двухъ спеціальныхъ остатковъ наличныя силы науки должны признать не подлежащими какому-либо общимъ законамъ, то аналогія не имѣетъ никакой

надежды смѣниться полнымъ наведеніемъ, а сама открытъ общій двумъ явленіямъ законъ она не въ силахъ. Такова аналогія между организмомъ — остаткомъ біологіи, и обществомъ — спеціальнымъ остаткомъ соціологіи. Здѣсь-то, заєлючаетъ онъ, аналогія и разростаєтся въ аналогическій методъ“. Замѣчаніе Михайловскаго весьма важно для критики положеній органической школы и въ методологическомъ отношеніи. Названное направление необходимо предполагаетъ употребленіе аналогического метода, въ данномъ случаѣ заєлючающагося въ выведеніи положеній соціологіи изъ положеній біологіи. Къ той же категоріи нужно отнести и дарвинистическую соціологію, которая, исходя изъ аналогіи между борьбою за существованіе въ природѣ и конкуренціей въ обществѣ, дѣлаєтъ изъ этой аналогіи общіе выводы соціологического характера, т.-е. пытается построить теорію общества дедуктивно-аналогическимъ методомъ, ставя въ основу ея разсужденій законы, добытые въ біологіи. Такое разсмотрѣніе общественныхъ фактовъ съ чисто біологической точки зрѣнія, сопровождаемое игнорированіемъ того, что не подлежитъ подобному толкованію, тоже представляетъ изъ себя примѣръ незаконнаго употребленія аналогического метода. Самымъ любопытнымъ образчикомъ такого ненаучнаго аналогизированія въ русской литературѣ и является книга Стронина, давшая Михайловскому поводъ подвергнуть критику этотъ сомнительный методъ.

Діалектический методъ экономическихъ матеріалистовъ. Доктрина органической школы и аналогического метода находятся въ самой тѣсной связи между собою. Совсѣмъ не то наблюдаемъ мы, когда обращаемся къ тому соединенію односторонняго экономизма съ діалектическимъ методомъ, которое характеризуетъ теорію экономическаго матеріализма. Внутренней связи между выведеніемъ всѣхъ культурныхъ и социальныхъ явленій изъ экономической основы и употребленіемъ діалектического метода рѣшительно нѣтъ никакой. Другими словами, діалектический методъ пристегнуть къ экономическому матеріализму чисто внѣшнимъ образомъ. Такое отношеніе объясняется лишь тѣмъ, что родоначальникъ экономическаго матеріализма, заимствовавъ у французскихъ социалистовъ исключительно экономическое пониманіе общества, въ философскомъ отношеніи остался вѣренъ своему учителю Гегелю, система котораго, какъ извѣстно, отличалась чисто діалектическимъ характеромъ. Оставляя здѣсь поэтому въ сторонѣ вопросъ о вѣрности или невѣрности основной точки зрѣнія экономическаго матеріализма, мы

скажемъ только нѣсколько словъ о діалектическомъ методѣ самомъ въ себѣ. Представители экономическаго матеріализма приписываютъ ему важное научное достоинство, не обосновывая, однако, своего утверждения и какъ бы забывая, что этотъ методъ былъ созданъ философійю, которая считала возможнымъ построить міръ изъ идей и пользовалась данными опыта и наблюденія лишь для подтвержденія или иллюстраціи, весьма произвольныхъ положеній. Мало того, высказывалось мнѣніе, что экономическій матеріализмъ было бы лучше называть „діалектическимъ матеріализмомъ“, какъ будто самое главное въ этомъ ученіи не экономизмъ, а діалектика.

Діалектическій методъ былъ созданъ метафизической философійю, которая также имѣетъ свою логику открытія. Исходя изъ идеи тождества бытія и мышленія, Гегель видѣлъ въ логикѣ науку о чистыхъ понятіяхъ, которыя, по его представленію, а ргіогі присущи человѣческому уму и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ имѣть примѣненіе въ объективному бытію: діалектическій методъ и есть тотъ способъ, посредствомъ коего находятъ чистыя понятія. Но такъ какъ, по представленію Гегеля, логика совпала съ онтологіей, то субъективнымъ логическимъ категоріямъ должны были соответствовать и объективныя стадіи развитія бытія. Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ именно принципъ тождества бытія и мышленія,—принципъ, котораго не можетъ принять положительная наука и котораго, конечно, не должны раздѣлять представители экономическаго матеріализма. Трудно представить себѣ болшую противоположность, нежели та, которая существуетъ между строго научнымъ методомъ и произвольными построеніями гегельянской діалектики. Гегель думалъ, что настоящее научное умозрѣніе должно заключаться въ томъ, чтобы само содержаніе знанія діалектически развивалось изъ себя въ формѣ логическихъ понятій и такимъ образомъ переходило въ полную и внутренне связанную систему. Если даже устранить отсюда соображеніе объ единствѣ бытія и мышленія, научная дѣятельность, руководимая исключительно діалектическимъ методомъ, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ самотворчествомъ разума, извлекающаго изъ своихъ идей все содержаніе знанія. Понятное дѣло, что такая логика открытія новыхъ истинъ непригодна для объясненія явленій, изъ коихъ складывается окружающая насъ дѣйствительность. Діалектическимъ методомъ позволительно пользоваться для цѣлей критики отвлеченныхъ понятій или принциповъ нашего ума, отнюдь не для изслѣдованія реальныхъ явленій, наблюдаемыхъ нами въ дѣйствительности.

Между тѣмъ задача соціологіи заключается какъ-разъ во второмъ, а не въ первомъ. Діалектика можетъ научить насъ выводить одни понятія изъ другихъ и примирять въ высшемъ синтезѣ положенія съ ихъ противоположеніями, какъ то дѣлалъ Гегель, но этотъ путь совершенно непригоденъ для нахождения причинъ, воими позволительно было бы объяснять наблюдаемыя нами явленія дѣйствительности и для открытія законовъ, управляющихъ этими явленіями. Экономическіе матеріалисты, говоря о важности діалектическаго метода, не произвели даже ни малѣйшей попытки, чтобы, пользуясь доставляемыми имъ средствами, сдѣлать для насъ понятною основную идею всего своего ученія. Если даже діалектическій методъ имѣетъ важныя преимущества въ дѣлѣ выработки нашихъ понятій и приведенія ихъ въ систему, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и развитіе объективныхъ формъ жизни представляло собою діалектическій процессъ, какъ то весьма послѣдовательно думалъ Гегель, стоявшій на точкѣ зрѣнія тождества мышленія и бытія, и какъ непослѣдовательно думаютъ экономическіе матеріалисты, ставящіе мышленіе (субъективный процессъ) въ зависимость отъ бытія (объективнаго процесса). Все это не значитъ еще, чтобы за діалектическимъ методомъ мы имѣли право отрицать всякое значеніе; но ни въ коемъ случаѣ этотъ методъ не можетъ имѣть значенія, какъ путь для открытія научныхъ законовъ. Это методъ скорѣе философскаго синтеза, чѣмъ научнаго анализа.

Взглядъ Милля на методъ соціологіи. Вернемся, однако, къ Миллю. Тотъ методъ, который онъ считаетъ пригоднымъ для политической экономіи, онъ признаетъ совершенно неподходящимъ для соціологіи. Общая наука объ обществѣ, говоритъ онъ, отлична отъ отдѣльныхъ областей науки, изъ коихъ каждая дѣлаетъ свои выводы только условно, подвергая ихъ верховному контролю законовъ общей науки. Въ другомъ мѣстѣ онъ также замѣчаетъ, что общею наукою объ обществѣ должны быть ограничиваемы и повѣряемы заключенія болѣе спеціальныхъ наукъ: здѣсь вопросъ не въ томъ, каково будетъ дѣйствіе данной причины въ извѣстномъ состояніи общества, а въ томъ, какія причины производятъ и какія явленія характеризуютъ состоянія общества вообще. Если такая наука, какъ политическая экономія, изолируетъ извѣстный классъ явленій, то соціологія, наоборотъ, должна разсматривать общее состояніе общества, т.-е. естественное соотношеніе между отдѣльными соціальными явленіями, иначе говоря, ихъ общій consensus. „Существуетъ, говоритъ Милль, однообразіе сосуществованія между

состояніями различныхъ социальныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, таково необходимое слѣдствіе вліянія, производимаго каждымъ изъ этихъ явленій на всякое другое“. Сводя законы сосуществованія къ законамъ причиненія, Милль полагаетъ, что основная задача социологіи заключается въ нахожденіи „законовъ, по которымъ каждое состояніе общества производитъ состояніе, слѣдующее за нимъ и занимающее его мѣсто“. Въ сущности, эту задачу Милль сводитъ къ формулированію законовъ социальной эволюціи. Наиболѣе пригоднымъ для этого онъ признаетъ способъ, употребленный Контомъ. Милль даетъ ему названіе историческаго метода, хотя далеко и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется. „Этотъ методъ, говоритъ онъ самъ, состоитъ въ попыткѣ посредствомъ изученія и анализа главныхъ фактовъ въ исторіи открыть законъ, который далъ бы намъ возможность предсказывать будущія событія подобно тому, какъ по немногимъ членамъ безконечнаго ряда въ алгебрѣ мы можемъ опредѣлить принципъ правильности ихъ составленія и предсказать остальной рядъ до таковаго числа членовъ, до каковаго угодно“. Правда, Милль оговаривается, что этотъ методъ легко поддается извращенію, но, въ сущности, онъ стоитъ за этотъ методъ, желая только, чтобы положенія, найденныя эмпирическимъ путемъ, получали и дедуктивное обоснованіе. Въ данномъ случаѣ Милль разсуждаетъ подъ сильнымъ вліяніемъ Конта. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, говоритъ онъ, „мы получили бы большую помощь, если бы оказалось фактомъ, что который-либо изъ элементовъ сложнаго существованія общественнаго человѣка господствуетъ надъ всѣми другими, какъ *primus agens* социального движенія. Въ такомъ случаѣ мы могли бы взять прогрессъ одного этого элемента за центральную цѣпь, съ каждымъ послѣдовательнымъ звеномъ которой соединяются соотвѣтствующія звенья всѣхъ другихъ прогрессій“. Совсѣмъ такъ же, какъ Контъ, Милль думаетъ, что дѣйствительно есть „социальный элементъ, имѣющій перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса: этотъ элементъ—состояніе умозрительныхъ способностей людей со включеніемъ свойства вѣрованій, которыхъ они какимъ бы то ни было способомъ достигли относительно самихъ себя и окружающаго міра“. Это уже совершенно контовская точка зрѣнія, ставящая всю общественную эволюцію, такъ сказать, въ зависимость отъ процесса, совершающагося въ мірѣ человѣческой мысли. Самъ Милль находитъ, что сочиненіе Конта есть „доселѣ единственный примѣръ изученія социаль-

ныхъ явленій, согласнаго съ такимъ пониманіемъ историческаго метода“.

Слабыя стороны взгляда Милля на соціологическій методъ. Едва ли, однако, эту часть методологическихъ соображеній Милля можно назвать лучшею въ его трактатѣ. Разъ мы признаемъ крайнюю сложность общественныхъ явленій, мы не имѣемъ права выдѣлять одно изъ нихъ въ качествѣ основного или, какъ выражается Милль, *primi agentis*. Выборъ такого принципа будетъ необходимо нѣсколько произвольнымъ. Контъ, а за нимъ Милль могли думать, что „перевѣсъ и почти господство между силами общественнаго прогресса“ принадлежитъ состоянію умозрительныхъ способностей людей, тогда какъ Марксъ и его послѣдователи полагаютъ, что такое значеніе принадлежитъ состоянію производительныхъ силъ. Ошибочно сводить всю соціальную эволюцію къ одной причинѣ, къ одному фактору, къ одному закону. То, что въ данномъ случаѣ рекомендуетъ Милль, находится въ противорѣчій съ его собственными взглядами на значеніе изолирующей дедукціи, съ какою мы имѣемъ дѣло въ политической экономіи. Притомъ соціальная динамика Конта,—въ ней, собственно говоря, и былъ призмѣненъ „историческій методъ“,—давала не общую теорію историческаго процесса, а своего рода философію дѣйствительно совершившейся исторіи. Милль недостаточно различаетъ задачи абстрактной и конкретной науки. Его увлеченіе соціальной динамикой Конта весьма естественно, но если бы онъ строже отнесся къ только-что упомянутому различенію, онъ долженъ былъ бы признать, что законы общественной эволюціи должны быть находимы не такимъ путемъ. Въ данномъ случаѣ лучший методъ есть методъ индуктивно-сравнительный. Въ настоящее время соціологическая литература пользуется вотъ какимъ приемомъ: берется какая-либо частная эволюція (эволюція брака и семьи, эволюція общественной власти и государства, эволюція собственности и раздѣленія труда и т. д.), и изучается на фактахъ, взятыхъ изъ исторіи разныхъ странъ и народовъ, жившихъ въ разные эпохи, причемъ отмѣчаются пункты сходства и различія и опредѣляются причины какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Исходя изъ идеи однообразія процессовъ, изъ коихъ складывается общественная эволюція, мы должны объяснять всѣ наблюдаемыя различія особыми условіями мѣста и времени, относя, наоборотъ, случаи сходства на счетъ дѣйствія общихъ законовъ соціальнаго развитія. Здѣсь также приходится изолировать одинъ процессъ отъ другого, но для изученія его методомъ индуктивно-сравнитель-

нымъ, а не дедуктивно-гипотетическимъ, какою употребляется въ абстрактной политической экономіи. Послѣдній пригоденъ для открытія законовъ стремленій, законы же развитія открываются первымъ. Оба эти метода въ извѣстной комбинаціи пригодны и для изученія тѣхъ взаимоотношеній, которыя существуютъ между отдѣльными тенденціями и эволюціями общественной жизни. Самъ Милль, наконецъ, принимаетъ методъ, посредствомъ котораго Контъ строилъ свою социальную динамику, лишь съ весьма важными оговорками, изъ коихъ одна заслуживаетъ особаго вниманія. Именно онъ говоритъ о невозможности опредѣленія а priori порядка, въ которомъ должно происходить человѣческое развитіе и о невозможности сведенія порядка послѣдовательности, который мы можемъ показать между различными состояніями общества и цивилизаціи, къ какому-либо закону. Между тѣмъ Контъ мечталъ какъ-разъ о послѣднемъ и прямо конструировалъ исторію не лучше Гегеля. Сравнительное изученіе историческихъ фактовъ во всякомъ случаѣ является путемъ гораздо болѣе надежнымъ, нежели тотъ „историческій методъ“, который былъ примѣненъ Контомъ къ разсмотрѣнію всей прошлой жизни человѣчества. Однимъ словомъ, въ той части разсужденія Милля, гдѣ рѣчь идетъ о социологическомъ методѣ, многое нуждается въ пересмотрѣ и передѣлкѣ на основаніи успѣховъ новѣйшаго сравнительнаго изученія эволюціи культурныхъ и социальныхъ явленій.

До сихъ поръ „Система логики“ Милля остается наиболѣе авторитетнымъ общимъ трудомъ по вопросу о методахъ положительныхъ наукъ вообще и въ частности наукъ общественныхъ. Нельзя, однако, не замѣтить все-таки, что современному состоянію социологіи многое въ этомъ трактатѣ уже болѣе не соответствуетъ. Во всякомъ случаѣ Миллю принадлежитъ заслуга внесенія въ логику наукъ—вопросовъ социологической методологіи. Болѣе поздніе писатели, разрабатывавшіе эти вопросы, шли уже по стопамъ Милля и находились прямо подъ его вліяніемъ, хотя и не во всемъ съ нимъ соглашались. Иногда сравнительно съ Миллемъ они дѣлали даже шаги назадъ.

Логика общественныхъ наукъ Бэна. Послѣднее приходится связать, на примѣръ, объ „Индуктивной и дедуктивной логики“ Бэна (1871). Въ общемъ этотъ авторъ слѣдуетъ за Миллемъ, мѣстами отступая отъ него подъ вліяніемъ упоминавшаго выше Корнуэля Льюиса (по вопросу о приложимости методовъ индуктивнаго изслѣдованія къ общественнымъ явленіямъ). Одно изъ достоинствъ Милля заключается въ томъ, что онъ

строго отдѣляетъ „науки, въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. изслѣдованія хода природы“ отъ прикладныхъ наукъ или искусствъ, заключающихъ въ себѣ практическія правила или предписанія. Между тѣмъ Бэнъ трагуетъ о методахъ общественныхъ наукъ въ отдѣлѣ, посвященномъ „логикѣ практическихъ наукъ“. Такимъ образомъ у него общественныя науки берутся преимущественно, какъ чисто прикладныя дисциплины. Мало того: сами теоретическія изслѣдованія въ этой области, повидимому, кажутся ему заслуживающими вниманія лишь въ качествѣ основъ, на которыхъ слѣдуетъ строить системы практическихъ правилъ. Наконецъ, Бэнъ прямо даже обнаруживаетъ очень неясное пониманіе того, что такое „теоретическая наука объ обществѣ, иногда называемая философій исторіи“. Онъ не показываетъ, напримѣръ, въ какомъ отношеніи должна она находиться къ политикѣ, которая, по его опредѣленію, „касается дѣйствій человѣческихъ существъ въ обществѣ“, причемъ „въ предметамъ собственно политикѣ“ онъ относитъ „форму правленія и законодательство во всѣхъ пунктахъ, незатронутыхъ въ отдѣлахъ“, которые для упрощенія политическаго изслѣдованія „полезно и удобно изъять изъ обширной области общественной науки“. Такими отдѣлами онъ считаетъ юриспруденцію, международное право, политическую экономію и статистику. Характеризуя каждую изъ этихъ наукъ въ отдѣльности, онъ имѣетъ въ виду всегда тѣ или другія практическія потребности общественной жизни, коимъ удовлетворяетъ каждая изъ этихъ наукъ. Правда, Бэнъ касается вопроса и о томъ, какъ должна разрабатываться „теоретическая политика“, но приводимые имъ примѣры обнаруживаютъ, что онъ весьма мало знакомъ съ чисто соціологическими вопросами. Впрочемъ, онъ и прославился болѣе, какъ психологъ.

Взгляды Вундта на методы общественныхъ наукъ. Другой знаменитый психологъ нашего времени. Вильгельмъ Вундтъ, тоже разработалъ логику общественныхъ наукъ. Хотя въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Душа человѣка и животныхъ“ (1863) онъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ объ общественности человѣка сравнительно съ общественностью животныхъ,—тема, имѣющая несомнѣнно соціологическій интересъ,—но въ общемъ онъ всегда болѣе занимался человѣкомъ индивидуальнымъ (съ фیزیологической, психологической и этической точекъ зрѣнія), чѣмъ человѣкомъ общественнымъ. Притомъ, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, онъ гораздо менѣе, чѣмъ мыслители другихъ странъ, испыталъ на себѣ вліяніе позитивной соціологіи

Конта. Если, однако, онъ признаётъ необходимость социологій и даже прямо рассматриваетъ вопросъ о ея методѣ, то это указываетъ лишь на то, что и на нѣмецкой литературѣ о научной методологій сказалось вліяніе Конта, хотя бы и не въ особенно сильной степени ¹⁾).

Въ громадной „Логикѣ“ Вундта методологій общественныхъ наукъ отведено весьма важное мѣсто. Кое съ чѣмъ изъ взглядовъ Вундта мы имѣли уже случай познакомить читателя. Мы видѣли между прочимъ, что социологій онъ ставитъ хотя и очень важную, но весьма ограниченную задачу. Это не мѣшаетъ, однако, признавать за его „Логикой“ большую важность въ исторіи социологической методологій. Особенно интересны параграфы о каузальномъ и телеологическомъ разсмотрѣніи въ области наукъ гуманитарныхъ, о понятіи закона въ этихъ же наукахъ, объ историческихъ законахъ, о понятіи цѣли въ исторіи, о социальныхъ законахъ и социальныхъ нормахъ. Важны также методологическія соображенія Вундта въ такихъ областяхъ, какъ этнологія, демологія, политика, политическая экономія и юриспруденція. Мы видѣли, что, по его мнѣнію, главнѣйшія задачи, какія можно поставить социологій, разрѣшаются этнологіей, демологіей и политикой. Поэтому у него не можетъ быть и рѣчи объ особой социологической методологій. Если онъ ставитъ еще задачей социологій изслѣдованія общихъ принциповъ, принимаемыхъ всѣми общественными науками, то это, какъ самъ онъ говоритъ, есть задача логическая. Логика наукъ имѣетъ свою особую цѣль, не совпадающую съ цѣлью самихъ этихъ наукъ. Здѣсь у насъ идетъ рѣчь лишь о методахъ, коими должна пользоваться социологія. Полагая, что задачи послѣдней разрѣшаются тремя отдѣльными дисциплинами, Вундтъ могъ, рассматривая методы этнологіи, демологій и политики, тѣмъ самымъ сдѣлать свой вкладъ и въ методологію социологій.

Главнымъ методомъ въ этнологіи Вундтъ признаетъ методъ сравнительный. Этому методу вообще во всѣхъ гуманитарныхъ

¹⁾ Въ другой большой нѣмецкой логикѣ — Зигварта (1893), второй томъ коей посвященъ методологій (Methodenlehre), мы напрасно стали бы искать слово „социологія“. Между тѣмъ Зигвартъ касается методовъ отдѣльныхъ наукъ, какъ-то: этики, исторіи, политической экономіи, коллективной психологій (Volkpsychologie), статистики. Впрочемъ, вмѣстѣ съ социологіей отсутствуютъ у него еще политика и юриспруденція. Конечно, это не лишаетъ „Логіку“ Зигварта ея значенія, но отмѣченное явленіе характеризуетъ отношеніе къ социологій многихъ философовъ. Ср. то, что по этому поводу сказано въ предисловіи (о книгѣ Дильтея), а также на стр. 157 (слова Вундта).

трѣнію и методы политической экономіи (въ особомъ параграфѣ), — признаётъ, что образцомъ для попытки „представить общественныя науки, какъ дедуктивныя науки въ смыслѣ теоретической физики“ послужила теоретическая политическая экономія, но онъ думаетъ, что и тутъ была допущена нѣкоторая ошибка. Это впрочемъ, другой вопросъ, прямо социологіи не касающійся. Безусловно съ Вундтомъ можно согласиться лишь въ томъ, что, какъ методъ общей науки объ обществѣ, физическій методъ непригоденъ. Въ немъ онъ основательно усматриваетъ предостереженіе противъ перенесенія по аналогіи принципозъ однѣхъ наукъ въ другія.

То же самое можно сказать и о біологическомъ методѣ, подъ коимъ Вундтъ разумѣетъ основную точку зрѣнія органической школы — отождествленіе общества съ организмомъ. И здѣсь онъ усматриваетъ отраженіе на социологическомъ воззрѣніи извѣстной философіи природы, будетъ ли то мистическая натуръ-философія Шеллинга, родственная нѣмецкой органической школѣ государствовѣдѣнія (*organische Staatslehre*), или реалистическая философія природы Конта и Спенсера. Вундтъ по этому поводу написалъ нѣсколько страницъ, которыя кое-что прибавляютъ къ критикѣ воззрѣній органической школы (Спенсера, Лиліенфельда и Шэффле). Съ методологической точки зрѣнія, насъ здѣсь интересующей, онъ признаётъ за „реальными аналогіями“ двоякаго рода значеніе. Первое значеніе — дидактическое: „біологическій образъ“ дѣлаетъ болѣе наглядною картину общественныхъ отношеній. Важнѣе второе значеніе, эвристическое: біологическая аналогія можетъ заставить обратить вниманіе на такія стороны общественной жизни, которыя ранѣе отъ нашего вниманія ускользали. Только въ этомъ смыслѣ біологическій методъ заслуживаетъ названія особаго приѣма изслѣдованія. Въ немъ кроется, однако, большая опасность; для ея устраненія необходимо пользованіе этимъ методомъ подчинить общимъ требованіямъ метода сравнительнаго. Вундтъ вѣрно замѣчаетъ, что отыскиваніе аналогій можетъ сдѣлаться господствующею страстью, если его не сдерживать: сравнительный методъ складывается изъ метода совпаденій и метода различеній.

Переходимъ къ двумъ другимъ вспомогательнымъ методамъ политиви по Вундту. У него есть цѣлый большой параграфъ, въ коемъ разсматриваются особо методы, употребляемые юриспруденціей, но этотъ предметъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Юридическимъ же методомъ въ политикѣ онъ называетъ „отноше-

ніе къ государству, а равно и къ другимъ общественнымъ союзамъ политическаго характера, какъ къ правовымъ организаціямъ, приче́мъ напередъ принимается, что вездѣ только положительное право упорядочиваетъ отношенія этихъ формъ организаціи“. Въ частности изъ всѣхъ юридическихъ методовъ здѣсь примѣняется методъ цивилистическій (перенесеніе частно-правовыхъ понятій въ сферу политическихъ отношеній). Съ этой точки зрѣнія „единственнымъ реальнымъ объектомъ соціологіи и политики является отдѣльный человѣкъ, а общественныя организаціи, въ особенности государство, поѣтому или дѣйствительно суть произвольныя созданія индивидуумомъ, или по своему юридическому значенію должны разсматриваться, какъ таковыя“. Вундтъ указываетъ, какіе дальнѣйшіе выводы отсюда дѣлаются, и заключаетъ, что „юридическій методъ поконитъ на строго индивидуалистическомъ пониманіи общества“. Подобные взгляды можно еще найти въ литературѣ по государствовѣдѣнію, но соціологіи это не касается. Напротивъ, можно сказать, что соціологія съ самаго начала слишкомъ далеко держала себя отъ юриспруденціи, чтобы сколько-нибудь испытывать на себѣ вліаніе юридической методологіи. За юридическимъ методомъ Вундтъ все-таки признаетъ нѣкоторое значеніе въ политикѣ, хотя и весьма подчиненное. По его объясненію, этотъ методъ тоже исходитъ изъ „реальныхъ аналогій“ между формами общественнаго устройства разныхъ ступеней, т.-е. естественныхъ и искусственныхъ (договорныхъ) организацій. Дѣло въ томъ, что разныя соціальныя организаціи имѣютъ не одинаковое происхожденіе, и по однимъ нельзя судить о другихъ. Узнать способъ происхожденія той или другой категоріи можно лишь путемъ сравнительно-историческаго изученія, такъ что на долю юридическаго метода остается лишь одно—способствовать пониманію существующихъ уже организацій, сравнивая болѣе сложныя съ болѣе простыми. Разборъ юридическаго метода въ политикѣ вызванъ былъ у Вундта современнымъ состояніемъ государствовѣдѣнія. Если бы Вундтъ обратилъ больше вниманія на соціологію, то долженъ былъ бы съ такимъ же основаніемъ заговорить и объ экономическомъ методѣ въ политикѣ (мы употребляемъ слово „методъ“ въ условномъ смыслѣ, а въ виду имѣемъ экономическій матеріализмъ. Молчаніе Вундта о послѣднемъ хорошій примѣръ того, какъ мало еще обращаетъ на себя вниманія экономическій матеріализмъ въ соціологической литературѣ).

То, что Вундтъ говоритъ о соціологическомъ методѣ, крайне поверхностно. Не забудемъ, что для него это одинъ изъ вспо-

могательныхъ методовъ политики—и только. Притомъ въ теперешнемъ его примѣненіи Вундтъ находитъ его одностороннимъ и причину этой односторонности видитъ, во-первыхъ, въ недостаточномъ психологическомъ знаніи социальныхъ стремленій человека, а во-вторыхъ, въ сосредоточеніи всего вниманія на вопросѣ о происхожденіи социальныхъ и политическихъ образованій. Такимъ образомъ онъ не рассматриваетъ методовъ самой социологии, а то, что называетъ социологическимъ методомъ, самъ беретъ крайне произвольно, какъ будто социология и на самомъ дѣлѣ занимается только генезисомъ общественныхъ организацій и ищетъ ихъ объясненія исключительно въ социальныхъ инстинктахъ. Вундтъ думаетъ именно, что современная социология главнымъ образомъ создана этнологіей, занимающейся между прочимъ социальными организаціями первобытныхъ народовъ, и дарвинизмомъ, который открываетъ передъ нами еще болѣе примитивныя формы совмѣстной жизни у животныхъ, а оба эти направленія сходятся одно съ другимъ въ томъ, что „рассматриваютъ общественныя соединенія въ ихъ происхожденіи, какъ естественныя порожденія общихъ человѣческихъ инстинктовъ“. Но вѣдь въ этомъ не вся же еще социология, а потому Вундтъ очень узко понимаетъ социологическій методъ, когда утверждаетъ, что онъ „имѣетъ зоологическую и этнологическую основу“. Мало того: онъ говоритъ вдобавокъ, что „зоологическая точка зрѣнія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ этнологическая, повліяла на общій характеръ основныхъ воззрѣній“ социологии. Въ сущности онъ критикуетъ здѣсь не социологическій методъ, а одностороннее построеніе всей социологии на идеѣ борьбы за существованіе, т.-е. дарвинистическую социологию, а это вѣдь большая разница.

Необходимость спеціальной разработки социологической методологии. Включеніе въ логику такъ называемой логики наукъ и возникновеніе особой логики наукъ общественныхъ было, конечно, важнымъ шагомъ въ развитіи научнаго знанія. Но мы видѣли, что логика общественныхъ наукъ и логика социологии не одно и то же: социология—лишь одна изъ общественныхъ наукъ, и поскольку она отличается, напр., отъ исторіи или отъ политической экономіи, методы ея не могутъ быть тѣ же, что у этихъ послѣднихъ. Историческая наука имѣетъ свою методологию съ довольно богатой литературой, въ коей за послѣднее время особенно видное мѣсто занимаетъ книга Бернгейма „Руководство историческаго метода“¹⁾, выдержавшая въ

¹⁾ Въ ней авторъ касается и социологии, но его разсужденія объ этой наукѣ оставляютъ желать весьма многого.

короткое время два изданія (1889 и 1894). Обширная литература по методологii существуетъ и у политической экономii. Назовемъ, какъ наиболѣе обстоятельное изъ новѣйшихъ трудовъ, „Исслѣдованiя о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономii въ особенности“ Карла Менгера (1883),—сочиненiе, въ коемъ, такъ сказать, рассматривается тяжба между абстрактнымъ и историческимъ методами ¹⁾ въ политической экономii и попутно рѣшаются нѣкоторые вопросы прямо социологическаго характера (книга III: „Органическое пониманiе социальныхъ явленiй“ съ разборомъ аналогическаго метода). Весьма естественно, что такiя частныя методологii пишутся специалистами данныхъ наукъ: Бернгеймъ—профессоръ исторii, Менгеръ—профессоръ политической экономii и т. д. Надлежало бы, чтобы и социологическая методологiя разрабатывалась преимущественно специалистами въ области социологii и притомъ, конечно, не въ угоду той или другой односторонней доктрины. Мы подробно рассмотрѣли взгляды наиболѣе видныхъ представителей научной логики, но ни одинъ изъ нихъ, ни Милль, ни Бэнъ, ни Вундтъ не были социологами, а между тѣмъ по данному вопросу ихъ сочиненiя совершенно нечѣмъ замѣнить. Правда, во многихъ социологическихъ сочиненiяхъ по нѣскольку страницъ бываетъ отведено вопросу о методѣ, но эти немногiя страницы, а равно и отдѣльныя статейки, посвященныя тому же вопросу, далеко не исчерпываютъ предмета, до сихъ поръ остающагося весьма мало разработаннымъ. Итакъ, социологическую методологiю не могутъ замѣнить ни общая логика общественныхъ наукъ, ни методологiя исторii, политической экономii, юриспруденци, государствовѣдѣнiя: социологическая методологiя должна быть создана самими социологами.

„Изученiе социологii“ Спенсера. Книга Спенсера „Изученiе социологii“ (1873) не можетъ считаться исполненiемъ таковой задачи. Онъ предпослалъ ее своимъ „Основамъ социологii“, какъ общiй трактатъ о томъ, чѣмъ должна быть социологiя, дабы имѣть характеръ науки, но во всей книгѣ преобладаютъ указанiя не положительнаго, а отрицательнаго свойства: именно авторъ главнымъ образомъ говоритъ о томъ, какъ не слѣдуетъ относиться въ социальнымъ явленiямъ. Спенсеръ разрушаетъ здѣсь разныя ложныя представленiя, какiя существуютъ въ публикѣ относительно общественныхъ явленiй,—между прочимъ относительно ихъ предвидѣнiя и воздѣйствiя на нихъ,—и разбираетъ трудности,

¹⁾ Въ русской литературѣ тому же предмету посвящена книга проф. В. Ф. Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“. 1890.

соединенныя съ изученіемъ этихъ явленій. Особенно подробно разсматриваетъ онъ разныя субъективныя затрудненія, вытекающія изъ личныхъ свойствъ, воспитанія, а также національныхъ, сословныхъ, партійныхъ и вѣроисповѣдныхъ предрасудковъ и пристрастій лицъ, которыя занимаются изученіемъ соціальныхъ явленій. Все это, конечно, весьма важно, но научный объективизмъ, проповѣдуемый Спенсеромъ, нуженъ во всѣхъ вообще общественныхъ наукахъ (особенно въ исторіи), а затѣмъ все это вопросы не метода, а общаго научнаго отношенія. Другими словами, здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о дисциплинѣ ума. „Правильное пониманіе какова бы то ни было предмета, говоритъ Спенсеръ, очень много зависитъ отъ привычки мыслить, а эта привычка, отчасти природная, зависитъ въ нѣкоторой степени и отъ искусственныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на умъ... Привычка правильно мыслить, замѣчаетъ онъ еще, составляетъ важнѣйшее условіе при изученіи соціологіи, а эта привычка можетъ быть пріобрѣтена только изученіемъ наукъ вообще, потому что соціологія есть наука, обнимающая явленія всѣхъ другихъ наукъ“. Поэтому, думаетъ онъ, для правильныхъ сужденій въ соціологіи „умъ долженъ ознакомиться съ основными идеями, вносимыми каждымъ классомъ наукъ и не подчиняться идеямъ одного класса или двухъ классовъ наукъ“. Такими идеями онъ считаетъ идеи необходимости отношеній (логика и математика), связи причины и слѣдствія (физика и химія), непрерывности, сложности и связности (астрономія и геологія), плодотворящей причинности (біологія). Особенно важною считаетъ онъ біологическую и психологическую подготовку. Но усвоеніе основныхъ идей разныхъ наукъ для примѣненія ихъ къ изученію соціальныхъ явленій не есть еще выработка методовъ, коими эти соціальныя явленія должны изучаться. Такою постановкою вопроса о дисциплинѣ ума Спенсеръ какъ-бы совершенно устраняетъ вопросъ о приѣмахъ изученія соціальныхъ явленій. Одно дѣло—дисциплинировать свой умъ путемъ усвоенія научной идеи о связи причины и слѣдствія, другое дѣло—знать тѣ приемы, при помощи коихъ можно отрывать каузальныя отношенія въ разныхъ категоріяхъ явленій для научнаго пониманія даннаго конкретнаго факта или для выведенія общаго абстрактнаго закона. Логическіе приемы совсѣмъ устранены изъ книги Спенсера, наполненной, наоборотъ, соображеніями уже чисто соціологическаго содержанія. Вотъ почему „Изученіе соціологіи“ нельзя, строго говоря, отнести къ чисто методологической литературѣ. Спенсеръ вообще не обратилъ должнаго вниманія на

вопросы этой категории и даже не считъ нужнымъ теоретически обосновать свой аналогическій методъ, посредствомъ коего онъ изслѣдуетъ общество, беря основныя идеи изъ біологіи, или тотъ сравнительный методъ, коимъ онъ такъ плодотворно пользуется тамъ, гдѣ оставляетъ свою органическую аналогію.

Вопросъ о методахъ соціологіи въ новѣйшей литературѣ. Современные соціологи сами теперь чувствуютъ все большую и большую потребность разобраться въ методологическихъ вопросахъ. Одни изъ нихъ отводятъ нѣкоторое мѣсто этимъ вопросамъ въ трудахъ болѣе общаго характера, другіе посвящаютъ имъ спеціальныя работы ¹⁾. За послѣдніе годы соціологическая литература до такой степени разрослась, что одни наблюденія надъ методами, коими пользуются отдѣльные писатели, даютъ богатый матеріалъ для выработки общей соціологической методологіи, не считая матеріала, заключающагося въ мнѣніяхъ, какія высказываются самими авторами соціологическихъ трактатовъ. Въ послѣднемъ отношеніи интересны страницы, посвященныя этому предмету въ „Принципахъ соціологіи“ Гиддинса, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующемъ параграфѣ. Методологическіе вопросы дѣлались предметомъ изслѣдованія и въ отдѣльныхъ работахъ. Таковы, напр., написанная полатини диссертация Вормса „О сущности и методѣ соціологіи“ (1896) или „Правила соціологическаго метода Дюркгейма“.

Недавно вопросъ о методахъ соціологіи былъ затронутъ въ книгѣ Бугле „Общественныя науки въ Германіи“ (1896), въ которой сдѣлана между прочимъ попытка періодизаціи въ исторіи европейской соціологической мысли XIX вѣка. По мнѣнію автора, эта мысль прошла четыре періода, характеризующіеся господствомъ умозрѣнія, историзма, натурализма и психологизма: вѣрнѣе говоря, именно въ настоящее время она находится въ періодъ психологизма. Историзмъ явился въ видѣ реакціи противъ крайностей умозрительнаго направленія, но скоро онъ самъ пришелъ къ необходимости общей теоріи, чтобы не растеряться въ массѣ конкретныхъ фактовъ. Эта потребность нашла свое удовлетвореніе въ обращеніи къ обобщеніямъ и гипотезамъ естествознанія, въ чемъ и состояло вступленіе общественныхъ наукъ въ періодъ натурализма. Но перенесеніе въ ученіе объ обществахъ

¹⁾ Одинъ русскій писатель отнесъ къ числу сочиненій по логикѣ общественныхъ наукъ книгу Тарда „Соціальная логика“ (1895), очевидно, введенный въ заблужденіе заглавіемъ. У Тарда соціологія раздѣляется на соціальную телеологію (изученіе общественныхъ цѣлей) и соціальную логику (изученіе общественныхъ вѣрованій).

принциповъ біологiи оказалось не приводящимъ къ цѣли, и вотъ пришли къ признанію важности психологiи для объясненія общественныхъ явленій. Къ сожалѣнію, указывая на то, что за послѣднее время замѣчается поворотъ къ психологизму, Бугле не различаетъ между психологизмомъ, исходящимъ изъ понятій, родственныхъ органическому направленію, и психологизмомъ, который видитъ элементы общества въ отдѣльныхъ личностяхъ. То, что авторъ говоритъ спеціально о Германіи, можетъ быть отнесено и къ другимъ странамъ, ибо вездѣ за послѣднее время въ изученіи социологiи все сильнѣе и сильнѣе выдвигается психологическая точка зрѣнія, которая, конечно, отражается и на методѣ социологiи. Въ видѣ образца того, какъ вопросъ ставится въ современной литературѣ, мы познакомимъ читателя съ методологическими взглядами Гиддинса.

Методологическіе взгляды Гиддинса. По мнѣнію Гиддинса, „главы, которыя Милль посвящаетъ логикѣ нравственныхъ наукъ, остаются навсегда прочнымъ основаніемъ социологического метода“, хотя „послѣдніе успѣхи научнаго духа и вынуждаютъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія“. Гиддинсъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что социологiя должна пользоваться всѣми методами: пренебречь какимъ-нибудь методомъ значить сдѣлать бесполезнымъ употребленіе всѣхъ остальныхъ. Споръ, занимавшій цѣлое поколѣніе объ относительныхъ достоинствахъ историческаго и апіорнаго методовъ въ общественныхъ наукахъ онъ предлагаетъ поэтому сдать въ архивъ. Исторія безъ дедукціи есть хаосъ. Дедукція безъ провѣрки есть „свѣтъ, какаго нивогда не видали ни на сушѣ, ни на морѣ“. Тѣмъ не менѣе Гиддинсъ выдвигаетъ въ социологiи на первый планъ „обобщенія, объясняемыя посредствомъ дедукціи“, т.-е. социологiя „должна обыкновенно начинать свои изслѣдованія наблюденіемъ, а оканчивать ихъ дедуктивнымъ подтвержденіемъ и объясненіемъ“. Однако, онъ не считаетъ и этого правила безусловнымъ. „Единственное строгое правило заключается въ томъ, чтобы во всякомъ изслѣдованіи любой науки дедукція и опытъ комбинировались въ томъ или другомъ порядкѣ. Мало того: если хорошенько поразобратся, мы найдемъ, что въ каждомъ приѣмѣ заключается и другой. Мы не только не должны исключать дедукцію изъ предварительнаго приѣма наблюденія или наблюденіе изъ окончательнаго объясненія, но и не могли бы этого сдѣлать“. Гиддинсъ хочетъ только, чтобы изслѣдованія, въ коихъ дедукція играетъ наименьшую роль, всегда предшествовали изслѣдованіямъ, въ коихъ ей принадлежитъ наибольшее значеніе. Онъ

старается даже установить порядок, въ какомъ должны вестись соціологическія изслѣдованія, по степени преобладанія въ нихъ индукціи или дедукціи, причемъ чѣмъ далѣе подвигается соціологъ въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ сложнѣе дѣлаются приемы, къ которымъ онъ долженъ обращаться. Въ частности Гиддинсъ останавливается на приемахъ классификаціи, обобщенія и дедукціи, отмѣчая попутно ошибки, какія дѣлаются современной соціологической литературой въ методологическомъ отношеніи. Между прочимъ онъ протестуетъ противъ того, что „большая часть соціологической литературы написана въ стилѣ біологической номенклатуры“, такъ какъ соціологи имѣютъ обыкновение подводить общественныя явленія подъ чисто біологическія категоріи. Каждая отдѣльная наука должна имѣть свои классификаціи, свои собственные термины. Эмпирическія обобщенія, которыя соціологія дѣлаетъ при помощи сравнительнаго и историческаго методовъ, „этихъ двухъ формъ метода сопутствующихъ измѣненій“, могутъ достигать большой точности, но все-таки они имѣютъ значеніе только вѣроятностей и должны быть контролируемы при помощи дедукціи. Что касается до послѣдней, то Гиддинсъ не скрываетъ ея опасности. „Въ теченіе долгаго времени, говоритъ онъ, общественныя науки шли совершенно противонаучнымъ путемъ. Разрѣшивъ человѣческую природу въ рядъ абстракцій, пытались провѣрять всевозможныя дедукціи посредствомъ прямого сравненія со статистикой и исторіей, какъ будто эти конкретныя вещи могли соответствовать дедуктивнымъ истинамъ, пока послѣднія еще не комбинировались въ одно сложное цѣлое“. Гиддинсъ рекомендуетъ непременно соединять отдѣльные отвѣченные выводы, чтобы получать нѣкоторыя общія заключенія, которыя уже и не будутъ отличаться отъ обобщеній исторіи и статистики. Напримѣръ, съ одной точки зрѣнія мы имѣемъ право смотрѣть на всѣхъ предпринимателей одного и того же рода, какъ на конкурентовъ, и это можетъ объяснить намъ очень многія явленія экономической жизни, но для пониманія всей дѣйствительности мы не должны упускать изъ виду и другой точки зрѣнія, съ которой тѣ же самые предприниматели окажутся по отношенію другъ къ другу товарищами, солидарными въ защитѣ интересовъ своего класса. Поэтому, говоритъ Гиддинсъ, и отличительный приемъ соціологіи долженъ быть развитымъ въ конструктивный методъ, который позволительно назвать методомъ психологическаго синтеза. Соціологъ долженъ стремиться къ постоянному вниманію по отношенію къ психическимъ возможностямъ великаго цѣлаго, въ коемъ происходитъ

человѣческая борьба. Онъ долженъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ пренебрегаемымъ или незамѣченнымъ факторамъ человѣческаго дѣйствія, какъ химикъ къ неизвѣстнымъ элементамъ. Если онъ обладаетъ способностью научнаго воображенія, онъ долженъ идеально соединять всѣ факторы и пытаться открыть условія и законы ихъ комбинацій. Только тогда социологъ будетъ въ состояніи сдѣлать изъ дедуцїи пробный камень сравненія съ историческими фактами и научными данными.

Общій выводъ Гиддинса—въ пользу психологическаго синтеза. Само собой разумѣется, что психологию онъ беретъ въ научномъ смыслѣ. „Призраки и символы фантастической психологии, говоритъ онъ, довольно долго господствовали въ общественныхъ наукахъ. Пріятно ли намъ это или нѣтъ, мы должны отказаться отъ нашихъ иллюзій и научиться замѣнять ихъ истинами разумной психологии“. Отъ каждаго, занимающагося социальными науками, онъ требуетъ умѣнія быть критическимъ наблюдателемъ психологическихъ данныхъ, на которыхъ основываются эти науки. Долговременный споръ объ относительномъ достоинствѣ дедуцїи или исторїи Гиддинсъ считаетъ возможнымъ разрѣшить окончательно на основаніи того, что представляетъ собою современное научное движеніе въ сферѣ общественныхъ наукъ. „Кто, говоритъ онъ, лѣтъ двѣнадцать-пятнадцать тому назадъ надѣялся, что наука сдѣластъ гигантскіе шаги впередъ отъ приложенія историческихъ изслѣдованій къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ, не мало долженъ былъ разочароваться. Произошла очевидная реакція въ сторону болѣе свободнаго пользованія анализомъ и дедуцїей, но эти методы нельзя уже употреблять такъ, какъ прежде. Основы изслѣдованія должны быть расширены; безчисленные факты, прежде игнорировавшіеся, должны быть приняты въ расчетъ. Интересно отмѣтить, что въ то самое время, какъ этотъ выводъ медленно входилъ въ научное сознаніе, новый духъ былъ зообщенъ теоретическимъ занятіямъ людьми, которые подошли къ нимъ съ психологической стороны. Несомнѣнно, новымъ направленіемъ, чувствуемымъ во всѣхъ отрасляхъ экономической науки, мы обязаны тому изслѣдованію, какому эти люди подвергли психологическія предпосылки политической экономїи. То же самое можно сказать о сравнительномъ правовѣдѣніи. Но здѣсь новые взгляды непохожи на старые. Послѣ того, какъ историческія изысканія обнаружили существенную относительность всѣхъ системъ права, изслѣдованіе направляется теперь на субъективную или психологическую основу историческихъ системъ. Ко-

нечно, учение, которое должно отсюда возникнуть, не будет похоже на представления XVIII вѣка, но каково бы оно ни было, еще болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что будущіе успѣхи наукъ о правѣ въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ болѣе глубокаго изученія психологіи права. А вѣдь правовѣдѣніе и политическая экономія суть лишь двѣ науки изъ обширнаго круга наукъ, основаннаго на социальной психологіи“.

Вопросы социологической методологіи въ русской литературѣ. Русская литература даетъ весьма мало для рѣшенія методологическихъ вопросовъ. Правда, въ ней мы находимъ такіе труды, какъ „Задача и метода государственныхъ наукъ“ В. И. Сергѣевича (1871), „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія права“ М. М. Ковалевскаго (1880), „Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи“ (1883) Н. А. Звѣрева ¹⁾, „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ (1890) В. Ф. Левитскаго и т. п., но все это труды по методологіи отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, а не социологіи. Въ нашей спеціально-социологической литературѣ мы найдемъ мало методологическихъ изслѣдованій въ родѣ упоминавшейся уже статьи Михайловскаго объ аналогическомъ методѣ. Можно сказать, что русскіе социологи, производя самостоятельный синтезъ западно-европейскихъ теорій, въ то же время самымъ широкимъ образомъ рѣшили для себя и методологическіе вопросы, положивъ въ основу своихъ взглядовъ „Систему логики“ Милля. Но за то ни въ одной литературѣ такъ настойчиво не ставился и такъ обстоятельно не разрабатывался вопросъ о субъективизмѣ и объективизмѣ въ социологіи. Объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Отмѣтимъ только, что въ одной изъ недавнихъ статей своихъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Южаковъ, хотя и коротко, но очень опредѣленно высказалъ весьма цѣльный взглядъ на социологическую методологію. Что касается до русскихъ представителей экономического матеріализма, развивающихъ свои идеи, такъ сказать, въ сторонѣ отъ большой дороги социологическаго мышленія, то ихъ болѣе интересуютъ

¹⁾ „Сравнительно-историческое изученіе общественныхъ явленій, рекомендуемое современной методологіею, говоритъ авторъ, ставить на первое мѣсто вопросъ о классификаціи изучаемаго матеріала. Для политическихъ и юридическихъ наукъ, прибавляетъ онъ, это—начальный и вмѣстѣ роковой шагъ изслѣдованія“. Признавая „глубокую методологическую важность“ вопроса, онъ посвятилъ разсмотрѣнію его почти цѣлую половину названнаго труда.

вопросы гносеологии, нежели вопросы методологии. Конечно, всякая философская теория знания, коей держится та или другая школа, всегда дает известную окраску научным изслѣдованіямъ, но въ ближайшемъ отношеніи эта теорія не находится ни къ одной изъ отдѣльныхъ наукъ. Въ частности, представители экономическаго матеріализма пытаются дать своему ученію гносеологическое обоснованіе въ духѣ нео-кантіанства, которое, въ сожалѣнію, въ настоящее время нерѣдко служитъ только наукообразнымъ прикрытіемъ для метафизическихъ стремленій. Оправдать гносеологически экономическій матеріализмъ никому еще не удавалось, да и работа это излишняя: гносеологически можно лишь осудить метафизику въ социологии и тѣмъ самымъ оправдать построеніе социологии на тѣхъ же самыхъ научныхъ принципахъ, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ положительныхъ наукъ: рѣшеніе дальнѣйшихъ вопросовъ социологии зависитъ отъ особенностей того матеріала, съ какимъ имѣетъ дѣло эта наука, и тѣхъ методовъ, при помощи коихъ этотъ матеріалъ долженъ изучаться. Гносеологическія разсужденія, притягиваемыя на службу экономическому матеріализму, лишь отвлекаютъ какъ послѣдователей этого ученія, такъ и ихъ читателей отъ постановки и рѣшенія методологическихъ вопросовъ. Такое пользованіе логикой отводитъ глаза отъ предметовъ, наиболѣе соприкасающихся съ вопросомъ о томъ, что такое общество и какъ совершается его исторія, — и направляетъ взоры на вещи, хотя важныя и интересныя, но не имѣющія такого непосредственнаго отношенія къ социологии. Гносеология, опредѣляющая вообще границы и условія нашего знанія, отнюдь не можетъ дать какого бы то ни было рѣшенія вопросу, является ли экономическій процессъ основою всего процесса социальнаго: вопросъ этотъ можетъ получить свое разрѣшеніе только на иной почвѣ. Экономическій матеріализмъ, какъ социологическая теорія, не имѣетъ своей методологии, ибо послѣдователи его даже не ставили вопроса о томъ, при помощи какаго метода можно обнаруживать ту зависимость всѣхъ культурныхъ и социальныхъ явленій отъ экономическаго процесса, которая составляетъ основу всей теоріи. Только малою сравнительно разработанностью социологической методологии какъ вообще, такъ и въ нашей литературѣ въ особенности и можно объяснить такое пренебрежительное отношеніе къ вопросамъ этого рода у представителей экономическаго матеріализма и за границей, и у насъ.

ГЛАВА XI.

Предвидѣніе и воздѣйствіе въ общественной жизни.

Двойное значеніе знанія соціологическихъ законовъ. Задача соціологической методологіи заключается въ установленіи способовъ, при помощи которыхъ можно было бы отерывать законы, управляющіе общественными явленіями. Подобно тому, какъ это наблюдается и въ другихъ наукахъ, знаніе соціологическихъ законовъ можетъ имѣть двойное значеніе: чисто теоретическое и прямо практическое. Всякая чистая наука довольствуется знаніемъ того, что есть (а также того, что было или что будетъ). Соціологія, какъ представлялъ ее себѣ Контъ, должна была быть именно такою чистою наукою. Въ то же время, однако, Контъ разсматривалъ всякую научную теорію, какъ единственно надежную основу для практики. Исходя изъ той идеи, что общественныя явленія совершаются по законамъ, наука, отерывающая эти законы, ставитъ насъ въ возможность, съ одной стороны, предвидѣть или предсказывать будущее, съ другой—воздѣйствовать на настоящее для полученія желательнаго будущаго. Если бы общественныя явленія не были подчинены никакимъ законамъ, то и рѣчи не могло бы быть о возможности предсказыванія и воздѣйствія. Въ мірѣ безпричинно ничего не происходитъ, а причины вызываютъ свои слѣдствія всегда закономѣрно. Самые неожиданныя событія, являющіяся слѣдствіями совершенно случайной, непредвидѣнной комбинаціи причинъ, отнюдь не могутъ быть названы наступающими произвольно, вопреки дѣйствію законовъ. Равнымъ образомъ, и человекъ произвольно не можетъ внести въ исторію что-нибудь, что могло бы разсматриваться, какъ нѣчто безпричинное и противорѣчащее соціологической закономѣрности. Желая предсказывать или воздѣйствовать, мы тѣмъ самымъ допускаемъ существованіе вѣвоторой общей основы, которая позволяетъ намъ одинаково и предсказывать, и воздѣйствовать. Эта основа—закономѣрность общественныхъ явленій. Отсюда практическое значеніе соціологіи.

Разные роды общественныхъ предсказаній. Въ мірѣ явленій господствуетъ причинность. Зная неизмѣнное отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, т.-е. зная ихъ законъ, мы можемъ заключать отъ причины къ слѣдствію и отъ слѣдствія къ причинѣ. На этомъ и основывается возможность предсказанія

слѣдствій, разъ даны порождающія ихъ причины. Предсказанія такого рода должны по необходимости имѣть чисто условную форму: если будетъ дано *A*, то слѣдствиемъ его явится *B*. Таковую же условную форму получаютъ и вытекающія изъ знанія законовъ наставленія, какъ слѣдуетъ дѣйствовать: если цѣлью твоихъ стремленій является *B*, то для достиженія этой цѣли дѣлай *A*. Но предвидѣнія могутъ быть и другого рода, именно когда можно категорически заявлять, что нѣчто случится. Таковы астрономическія предсказанія, напримѣръ, предсказанія, касающіяся солнечныхъ и лунныхъ затменій. Въ данномъ случаѣ намъ даны движенія земли и луны и законы этихъ движеній: наукѣ остается только вычислить, когда одно изъ этихъ тѣлъ будетъ загораживать собою солнце отъ другого, причемъ существуетъ полная возможность опредѣлить заранѣе характеръ затменія (полнаго или частнаго, а въ случаѣ солнечнаго затменія и кольцеобразнаго), пункты на земномъ шарѣ, гдѣ затменіе будетъ наблюдаться, и отдѣльные моменты этого явленія. Здѣсь предсказаніе уже не имѣетъ условнаго характера: извѣстная комбинація причинъ должна наступить или уже наступила, а что изъ всего этого выйдетъ, можетъ быть поѣтому заранѣе опредѣлено. Понятно, чѣмъ меньшее количество факторовъ участвуетъ въ возникновеніи явленія и чѣмъ проще ихъ комбинація, тѣмъ легче предсказать наступленіе явленія. Наоборотъ, по мѣрѣ увеличенія числа факторовъ и усложненія ихъ взаимоотношеній, точное предсказаніе дѣлается менѣе возможнымъ: достовѣрность уступаетъ мѣсто вѣроятности, которая сама уменьшается съ умноженіемъ числа факторовъ и усложненіемъ ихъ комбинацій; совершенная точность уступаетъ мѣсто приблизительности, и послѣдняя все болѣе и болѣе отдалается отъ точности пропорціонально увеличенію числа дѣйствующихъ причинъ и усложненію ихъ взаимоотношеній. Вотъ почему такъ легко предсказывать въ астрономіи и такъ трудно предсказывать въ политикѣ. Это превосходно сознавалъ уже Контъ, положившій въ основу своей классификаціи наукъ между прочимъ принципъ возрастающей сложности. Настоящее всегда чреватое будущимъ, но это будущее въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависитъ и отъ нашего воздѣйствія. Конечно, человѣкъ не въ состояніи предотвратить солнечное или лунное затменіе, не въ состояніи также ускорить или замедлить моментъ его наступленія, ибо движенія земли и луны находятся внѣ сферы того, что доступно нашему воздѣйствію. Другое дѣло, напримѣръ, въ политикѣ: здѣсь возможны только предсказанія разныхъ степеней вѣроятности и приблизительности, т.-е. пред-

сказанія болѣе или менѣе ошибочныя, но за то здѣсь же существуетъ и болѣшая или меньшая возможность предотвращать грядущія событія, разъ противъ нихъ принимаютъ мѣры, задерживать ихъ наступленіе или ослаблять ихъ дѣйствіе, даже прямо готовятъ или создаютъ событія по желанію, если только мы знаемъ, какъ и на что слѣдуетъ оказывать воздѣйствіе. Невозможность вѣрности и точности предвидѣнія вознаграждается тутъ возможностью вѣрности и точности воздѣйствія. Что въ первомъ случаѣ является дѣломъ науки, то во второмъ случаѣ становится дѣломъ искусства. Всякое искусство предполагаетъ знаніе того матеріала, который подлежитъ воздѣйствію, и тѣхъ законовъ, коими управляется порожденіе слѣдствій причинами. Напримѣръ, для успѣшной экономической политики нужно хорошее знаніе данныхъ экономическихъ отношеній со всѣми заключающимися въ нихъ возможностями, а также знаніе общихъ законовъ, управляющихъ экономическими явленіями. Во всякомъ случаѣ предвидѣніе и воздѣйствіе должны тутъ итти одно рука объ руку съ другимъ, хотя бы предвидѣніе выражалось въ видѣ простой предсудетельности, а воздѣйствіе ограничивалось устраненіемъ наиболѣе нежелательныхъ слѣдствій, какія могутъ влечь за собою имѣющія совершиться событія. Двумя разсмотрѣнными категориями случаевъ не ограничивается еще возможность предсказыванія. Извѣстныя событія могутъ наступать, но могутъ и не наступать: все зависитъ отъ того, какъ складываются обстоятельства, обусловливаемые разными рядами причинъ, т.-е. событія, если можно такъ выразиться не имѣютъ тутъ внутренней необходимости. Есть, наоборотъ, событія, которыя мы можемъ безусловно предсказывать—именно въ силу ихъ внутренней необходимости, хотя бы основная причина послѣдней и не была намъ извѣстна. Примѣромъ событія такого рода въ жизни каждаго живого существа является наступленіе такого момента, когда въ немъ прекращаются жизненные процессы, т.-е. когда оно умираетъ. Къ числу такихъ же событийъ, коимъ мы приписываемъ внутреннюю необходимость, мы относимъ и разнаго рода измѣненія, совокупность коихъ мы называемъ органическимъ развитіемъ. Послѣднее совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, и отдѣльныя измѣненія слѣдуютъ одно за другимъ вполнѣ закономѣрно. Здѣсь весьма легко бываетъ предсказывать наступленіе тѣхъ или другихъ измѣненій и, наоборотъ, невозможно предотвращать этихъ измѣненій. Другими словами, нѣкоторыя событія и перемѣны вытекаютъ какъ-будто изъ самой природы вещей: необходимость является чисто внутреннею, а не внѣшнею.

Для извѣстныхъ предсказаній въ случаяхъ этого рода нѣтъ ни малѣйшей надобности комбинировать какіе бы то ни было разрозненно существующіе и отдѣльно намъ данныя элементы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными событіями, изъ коихъ одно является причиной, другое—слѣдствіемъ, а съ цѣлыми процессами, протекающими въ извѣстномъ порядкѣ, совершающимися по опредѣленнымъ законамъ. Найти законъ такого процесса значитъ опредѣлить его путь, начертать линію, по которой происходитъ движеніе: когда найденъ законъ такой линіи, то по пройденной части пути можно судить о другой части, которую еще только предстоитъ пройти. Но разъ тотъ или другой путь обусловленъ самою природою процесса, а не одною комбинаціею внѣшнихъ причинъ, движеніе, совершающееся по этому пути, получаетъ характеръ неотвратимаго хода, всѣ стадіи коего могутъ быть предсказаны. Выше мы упоминали о разницѣ между законами каузальными и эволюціонными. Эти послѣдніе законы мы и имѣемъ здѣсь въ виду,—законы, въ открытію которыхъ отчасти и стремится сравнительное изученіе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ отношеніе эволюціонныхъ законовъ къ каузальнымъ недостаточно выяснено, какъ недостаточно разработанъ и вопросъ о значеніи сравнительнаго метода въ дѣлѣ открытія эволюціонныхъ законовъ.

Методологическая сторона предсказаній въ области социальныхъ явленій. Итакъ, мы различили предсказанія троякаго рода. Условныя предсказанія, основанныя на знаніи связи отдѣльно взятыхъ причинъ съ ихъ слѣдствіями, предполагаютъ методъ изолирующей дедуцці, въ какому прибѣгаетъ, на примѣръ, абстрактная политическая экономія. То же самое знаніе, которое нужно для такихъ предсказаній, ложится въ основу и практическихъ правилъ, изъ коихъ складываются прикладныя науки. Предсказанія второго рода основываются уже на предвидѣніи грядущихъ событій, которое предполагаетъ уже хорошее знаніе и пониманіе данныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Здѣсь недостаточно обладать знаніемъ абстрактныхъ отношеній между причинами и слѣдствіями: тутъ нужно имѣть ясное представленіе о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и притомъ въ той комбинаціи, въ какой они намъ даются въ опытѣ. Когда по даннымъ настоящаго мы стремимся опредѣлить будущее, то, въ сущности, мы заключаемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, принимая въ расчетъ данныя обстоятельства. По методу такихъ опредѣленій совершаются многія научныя открытія, и нѣтъ надобности, чтобы предугадываемые факты были непременно

фактами будущаго. Такимъ, напримѣръ, способомъ было угадано въ настоящемъ существованіе Нептуна, которое только впоследствии подтвердилось прямымъ наблюденіемъ. Точно также историкамъ приходится иногда изслѣдовать такъ называемыя „скрытые факты“ прошлаго, отыскивая остающіяся неизвѣстными причины тѣхъ или иныхъ данныхъ явленій, причемъ иногда случайныя открытія въ фактическомъ матеріалѣ блистательно подтверждаютъ подобныя догадки. Дѣйствительно, здѣсь совершенно безразлично, будутъ ли подобнаго рода находженія неизвѣстныхъ фактовъ относиться къ будущему, настоящему или прошедшему временамъ: астрономамъ рѣшительно все равно, вычислить ли какое-либо затменіе чрезъ тысячу лѣтъ впередъ или за тысячу лѣтъ назадъ. Самое важное въ случаяхъ подобнаго рода — это знать данную комбинацію и умѣть опредѣлить или ея слѣдствія, или и ея причины. Но изученіе данныхъ въ дѣйствительности комбинацій есть дѣло конкретныхъ наукъ, каковы, напримѣръ, исторія или статистика. Если предсказанія первой категоріи возможны лишь въ изолирующихъ наукахъ въ родѣ абстрактной политической экономіи, а предсказанія второго рода предполагаютъ фактическія знанія, сообщаемыя конкретными науками, каковы исторія или статистика, то социологія, которая изучаетъ общій consensus социальныхъ явленій и притомъ не конкретно, а абстрактно, должна достигнуть возможности дѣлать предсказанія третьяго рода. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Одною изъ главныхъ задачъ социологіи многіе ставятъ научное опредѣленіе дальнѣйшихъ фазисовъ общественной эволюціи или, что то же, будущія судьбы человечества. Изъ того или другого пониманія этого вопроса выводятся даже своего рода правила общественнаго поведенія.

Контъ о предвидѣніи и воздѣйствіи въ области общественныхъ явленій. Подобнаго рода идеи прежде всего мы находимъ у самого Контъ. „Нужно, говоритъ онъ, разсматривать изученіе природы, какъ нѣчто долженствующее служить истиннымъ рациональнымъ основаніемъ для дѣйствій человека на природу, потому что знаніе законовъ явленій, постоянный результатъ коего заключается въ возможности предвидѣть явленія, одно только, очевидно, въ состояніи позволить намъ въ нашей дѣятельной жизни измѣнять ихъ къ нашей выгодѣ, дѣйствуя на одни посредствомъ другихъ. Наши естественныя и прямыя средства для воздѣйствія на окружающія насъ тѣла чрезвычайно слабы и совсѣмъ не соответствуютъ нашимъ нуждамъ. Каждый разъ, когда намъ удается произве-

сти сильное дѣйствіе, это происходитъ лишь потому, что знаніе естественныхъ законовъ позволяетъ намъ вводить въ опредѣленные обстоятельства, подъ вліяніемъ коихъ совершаются различныя явленія, — нѣкоторые измѣняющіе элементы, которыхъ, какъ бы слабы они ни были, бываетъ достаточно въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы направить въ нашу пользу окончательные результаты совокупности вѣдѣнныхъ причинъ. Однимъ словомъ, заключаетъ Контъ, *наука, откуда возможность предвидѣнія; возможность предвидѣнія, откуда дѣйствіе*, — такова весьма простая формула, которая точнымъ образомъ выражаетъ общія отношенія науки и искусства“. Приведенныя слова находятся во второй главѣ перваго тома „Курса“ и имѣютъ отношеніе вообще ко всякому чистому знанію. Соціологія, по мысли Конта, и съ этой стороны не должна представлять изъ себя какого-либо исключенія. Въ возможности предвидѣнія Контъ усматриваетъ даже „непререкаемый критерій научной положительности“. Отъ соціологіи онъ прямо требуетъ, чтобы она могла это дѣлать, потому что „одна мысль о рациональномъ предвидѣніи предполагаетъ, что человѣческій умъ окончательно оставилъ въ политической философіи область метафизическихъ идеальностей, чтобы на вѣчныя времена утвердиться на почвѣ доступныхъ наблюденію реальностей“. И въ этой мысли Контъ возвращается съ особою охотою. Исходя изъ того принципа, что, чѣмъ сложнѣе явленія, тѣмъ они измѣнчивѣе, онъ полагаетъ, что, чѣмъ они измѣнчивѣе, тѣмъ болѣе могутъ быть предметомъ нашего воздѣйствія. Положительная философія, по его словамъ, не только отвергаетъ человѣческое воздѣйствіе, но, наоборотъ, вызываетъ мудрое и дѣятельное приложеніе нашихъ силъ. И эту послѣднюю мысль Контъ не одинъ разъ повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ своего труда. Извѣстно, что самая идея о новой наукѣ возникла у него подъ вліяніемъ сознательной необходимости дать прочныя научныя основанія для политическаго искусства. Ему одинаково были не по душѣ и политическая метафизика XVIII вѣка, и чисто эмпирическіе способы воздѣйствія на общество, какіе были всегда въ ходу у политиковъ-практиковъ. Нами уже было выше отмѣчено, что всѣ свои усилія Контъ направилъ на соціальную динамику, въ которой онъ искалъ закона общественнаго развитія. Этотъ законъ долженъ былъ не только объяснить прошлое, но и опредѣлить будущее, т.-е. дать понятіе о томъ общественномъ строѣ, который могъ бы считаться завершеніемъ соціальной эволюціи. Здѣсь не мѣсто разсматривать, какой общественный строй принимался Кон-

томъ за окончательный: важно только, что соціологіи ставилась такая задача. Можно также не говорить здѣсь о томъ, какимъ путемъ создалъ Контъ свое представленіе о будущемъ строѣ общества. Интересно главнымъ образомъ то, что, по мнѣнію Конта, будущая соціальная организація должна была быть только исполненіемъ извѣстнаго закона, естественнымъ завершеніемъ столь же естественнаго процесса соціальной эволюціи.

Въ сущности, то же самое мы находимъ и у другихъ соціологовъ. Напримѣръ, Спенсеръ, создавшій свою собственную формулу общественной эволюціи, равнымъ образомъ представляетъ себѣ извѣстное общественное состояніе, какъ „естественный предѣлъ“ соціальной эволюціи, какъ наступленіе внутренняго равновѣсія. Свою формулу общественнаго развитія имѣтъ и теорія экономическаго матеріализма. Предъ умственнымъ взоромъ Маркса точно также стоялъ извѣстный общественный строй, какъ результатъ діалектической эволюціи производительныхъ силъ. Можно даже сказать, что подобнаго рода соціологическія пророчества для многихъ были особенно заманчивой задачей, и мы еще увидимъ, какую роль въ построеніи подобныхъ формулъ кромѣ теоретической любознательности играли мотивы болѣе субъективнаго характера. Прибавимъ только, что совершенно такую же задачу разрѣшалъ и Гегель въ своей „Философіи исторіи“, хотя бы и чисто метафизическими средствами, думая, впрочемъ, что остается совершенно объективнымъ изслѣдователемъ закона, по которому происходитъ историческое развитіе человѣчества.

Утопизмъ прежнихъ построеній будущаго общества. Занимаясь подобнаго рода предсказаніями, соціологія переходитъ въ область идеальныхъ построеній лучшей организаціи общества. Тема эта, дающая благодарный матеріаль для дѣйствія воображенія и изобрѣтательности, занимала, какъ извѣстно, многихъ писателей, начиная съ Платона и кончая, положимъ, такимъ современнымъ писателемъ, какъ Беллами, стяжавшій себѣ въ послѣдніе годы громадную популярность въ Америкѣ и Европѣ. Правда, многіе изъ этихъ писателей въ осуществленіи своихъ мечтаній не шли далѣе литературнаго успѣха и, пользуясь беллетристической формой, не скрывали фантастичности своихъ изображеній идеальнаго общественнаго строя, какъ бы симпатичны имъ ни были воображаемыя соціальныя формы по своимъ принципамъ. Только въ началѣ XIX вѣка проповѣдь лучшаго общественнаго строя, долженствующаго смѣнить собою современныя отношенія, стала вестись не въ формѣ

„государственныхъ романовъ“, а наукообразно и притомъ съ вѣрою въ возможность осуществленія (и даже весьма скорого осуществленія) новаго строя. Такова была проповѣдь С.-Симона, Фурье и Оуэна. Тѣмъ не менѣе, какъ сами они, такъ и ихъ послѣдователи стояли на почвѣ чистаго утопизма. Ихъ представленія о будущемъ создавались путемъ чистой фантазій и не имѣли научной основы. По общему своему характеру социальное реформаторство первой трети XIX в. напоминаетъ болѣе религиозное сектантство, чѣмъ научное изслѣдованіе. Одинъ только С.-Симонъ мечталъ еще объ основаніи положительной общественной науки, но и въ немъ самомъ подконецъ религиозный мистицизмъ сталъ брать верхъ надъ научными стремленіями. Послѣднія были унаслѣдованы Контомъ, который даже разошелся со своимъ учителемъ, тогда какъ настоящіе сенсимонисты стали, наоборотъ, разрабатывать преимущественно религиозную форму доктрины. По смерти своего учителя они попытались создать цѣлую церковную организацію и даже устроили общежительную общину, изъ которой должна была выйти реформа всего общественнаго строя. Еще болѣе утопическимъ характеромъ отличался фурьеризмъ. Фурье рисовалъ будущее человѣчества, повинувшись преимущественно своему воображенію, которое у него ничѣмъ не сдерживалось. Онъ серьезно думалъ, что, если въ 1822 году будетъ сдѣланъ первый опытъ осуществленія придуманнаго имъ фаланстера, то въ 1826 году его система охватитъ всѣ народы земного шара: для него это былъ лишь вопросъ времени да доброй воли. Мысль самого Конта воспитывалась въ той же атмосферѣ, и если первоначально онъ разошелся съ С.-Симономъ, то впоследствии самъ возвратился къ социальному утопизму на сектантской подкладѣ. Свою дѣятельность онъ закончилъ „Системой положительной политики“ (1851—54), въ которой провозгласилъ новую религію человѣчества, поставивъ въ зависимость отъ нея преобразование общества и государства. Въ сущности, однако, его новая система была отклоненіемъ отъ прежней. Мы еще увидимъ, что заставило Конта дополнить прежнюю, „объективную“ систему новою, „субъективною“, здѣсь же достаточно отмѣтить, что въ данномъ случаѣ Контъ дѣлалъ шагъ назадъ—отъ научности къ утопизму. Онъ даже создавалъ въ своемъ воображеніи планъ постепеннаго осуществленія своихъ социально-политическихъ принциповъ, полагая въ то же время, что на это не потребуется много времени, что его пророчество имѣетъ осуществиться въ самомъ недалекомъ будущемъ. Но этотъ уто-

пизмъ характеризуетъ именно послѣдній фазисъ умственной дѣятельности Конта. Наоборотъ, въ своемъ „Курсѣ“ онъ выдвинулъ на первый планъ идею закономѣрнаго развитія, которая по самому существу своему враждебна всякому утопизму. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ осудилъ утопическія мечтанія гораздо ранѣе, нежели то было сдѣлано „научнымъ социализмомъ“ второй половины XIX в. Первою мыслью Конта было построить будущее на основаніи законовъ соціальной эволюціи, выведенныхъ изъ изученія прошедшаго, а этотъ путь прямо враждебенъ тому, какъ его называетъ Контъ, „субъективному методу“, при помощи коего онъ создавалъ свое представленіе о будущемъ строѣ общества.

Критика утопизма у Энгельса. Соціологія, чтобы оставаться вполнѣ научною, должна совершенно отказаться отъ утопизма. Эта мысль съ особенною настойчивостью проповѣдуется въ настоящее время сторонниками экономического матеріализма, и въ этомъ обнаруживается ихъ желаніе рѣшить вопросъ о будущемъ строѣ общества на основаніи строго научныхъ данныхъ. Указывая на это, мы имѣемъ въ виду прежде всего Энгельса, мнѣніе котораго на этотъ счетъ пользуется особою авторитетностью. Энгельсъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ родоначальниковъ экономического матеріализма, послѣдній же въ его представленіи отождествлялся съ научнымъ социализмомъ, какъ названо было ученіе Маркса въ отличіе отъ разныхъ видовъ социализма утопическаго, наиболѣе характерными представителями коего являются С.-Симонъ, Фурье и Оуенъ. Яснѣе всего различіе между этими двумя родами социализма выражено было Энгельсомъ въ его полемическомъ сочиненіи „Дюринговъ переворотъ въ наукѣ“ и въ брошюрѣ, представляющей изъ себя извлеченіе изъ этого сочиненія и прямо озаглавленной — „Развитіе социализма изъ утопіи въ науку“. Передавая идеи „трехъ великихъ утопистовъ“, Энгельсъ сравниваетъ ихъ съ философами XVIII вѣка, которые хотѣли основать царство разума и вѣчной справедливости. „До сихъ поръ, говоритъ онъ, резюмируя утопическіе взгляды, — до сихъ поръ истинные законы разума и справедливости не были извѣстны человѣчеству, и только по этой причинѣ оно ими не руководствовалось. Для его счастья не доставало того геніальнаго человѣка, который явился теперь повѣдать міру всю истину. Что великое событіе совершилось именно теперь, это вовсе не было результатомъ общаго хода историческаго развитія, неизбежно къ нему ведшаго, а просто счастливою случайностью. Геніальный человѣкъ могъ съ такимъ же удобствомъ родиться

пятьсотъ лѣтъ тому назадъ и тѣмъ избавить человѣчество отъ пяти столѣтій заблужденій, борьбы и страданій“. Энгельсъ совершенно вѣрно указываетъ на то, что общественный строй будущаго представлялся утопистамъ дѣломъ простаго изобрѣтенія или открытiя. „Очевидны, замѣчаетъ онъ, были только недостатки общественнаго строя. Найти же средства къ ихъ устраненiю казалось задачей мыслящаго разума. Требовалось изобрѣсти новую, наисовершеннѣйшую систему человѣческихъ отношеній и привить ее къ существующему обществу посредствомъ пропаганды, а при возможности и посредствомъ примѣра образцовыхъ учреждений по новой системѣ. Эти новыя социальныя системы были заранѣе обречены оставаться утопiями, и чѣмъ старательнѣе разрабатывались ихъ подробности, тѣмъ дальше уносились онѣ въ область чистой фантазiи“. Эту характеристику Энгельсъ распространяетъ на всѣхъ прежнихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ социалистовъ и коммунистовъ. „Социализмъ въ ихъ представленiи, говоритъ онъ, есть выраженiе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственною силою покорилъ весь мiръ; а такъ какъ абсолютная истина независитъ отъ времени, пространства и историческаго развитiя человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта“. Вотъ почему Энгельсъ заявляетъ себя принципиальнымъ противникомъ утопическаго социализма. „Чтобы сдѣлаться наукой, социализмъ, по его словамъ, долженъ былъ прежде всего стать на реальную почву“. вмѣстѣ съ своимъ учителемъ и другомъ Марксомъ Энгельсъ думаетъ, что такую почву социализмъ нашелъ въ новѣйшей нѣмецкой философи, которая получила свое завершенiе въ гегельянствѣ. Энгельсъ — большой поклонникъ діалектическаго метода и идеи эволюцiи, которую онъ самъ понимаетъ, однако, подъ чисто діалектическою формою. Правда, онъ упоминаетъ еще и о Дарвинѣ, такъ много сдѣлавшемъ для упроченiя идеи эволюцiи въ наукѣ, но совершенно игнорируетъ все остальное, что независимо отъ Гегеля содѣйствовало возникновенiю и торжеству идеи законмѣрной исторической эволюцiи. „Новѣйшая нѣмецкая философи, говоритъ онъ, нашла свое завершенiе въ Гегелевской системѣ, величайшая заслуга которой состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческiй и духовный мiръ въ видѣ процесса, т.-е. изслѣдовала его въ непрерывномъ движенiи, измѣненiи и развитiи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенiя и развитiя“. Съ этой точки зрѣнiя, по словамъ Энгельса, исторiя человѣчества должна

была перестать казаться „нелѣпой путаницей бессмысленныхъ насилій“. Но, прибавимъ мы, Гегель былъ не первый, кто взглянулъ на исторію, какъ на процессъ развитія человѣчества, — а самую идею развитія можно мыслить и не въ гегельянской формѣ. Ради Гегеля Энгельсъ совершенно забылъ всѣ другія историческія ученія XIX в., которыя содѣйствовали замѣнѣ утопизма научностью. Въ данномъ случаѣ весьма видную роль игралъ, конечно, и Контъ своимъ „Курсомъ положительной философіи“. Слѣдующія строки Энгельса выражаютъ въ себѣ основную мысль не только Гегеля и Маркса, но и Конта со всѣми мыслителями, къ нему примыкающими. „Исторія людей, говоритъ Энгельсъ, является процессомъ развитія самого человѣчества, и задача современной мысли состоитъ теперь въ томъ, чтобы прослѣдить постепенныя ступени этого процесса среди всѣхъ его ложныхъ путей и доказать внутреннюю его законосообразность среди всѣхъ важныхъ случайностей“. Нужно, однако, прибавить, что даже у Фурье, построения котораго отличались наибольшою фантастичностью, мы встрѣчаемся съ попыткою исторически оправдать необходимость наступленія новыхъ отношеній, и что, съ другой стороны, самъ Энгельсъ представлялъ себѣ осуществленіе новаго общественнаго строя, какъ нѣкоторый „скачокъ“ изъ царства необходимости въ царство свободы. Послѣднее обстоятельство не лишаетъ, впрочемъ, основную мысль Энгельса присутствующей ей силы. Утопизмъ былъ дѣйствительно результатомъ ненаучнаго, т.-е. не-историческаго, не-эволюціоннаго отношенія къ общественнымъ вопросамъ. Предсказывать или, что то же, строить будущее можно лишь на основаніи точнаго знанія дѣйствительности и управляющихъ ею законовъ, а не на основаніи чаяній сердца въ союзѣ съ дѣятельностью оптимистическаго воображенія. Та роль въ разрушеніи утопизма, которую вслѣдъ за Энгельсомъ сторонники экономическаго матеріализма приписываютъ исключительно своему ученію, принадлежитъ въ развитіи современнаго общественнаго сознанія вообще всему научному движенію XIX в. и въ особенности положительной наукѣ объ обществѣ, которая, по выраженію Конта, подчиняетъ воображеніе изслѣдованію.

Научное отношеніе къ будущему. Утопическое отношеніе къ будущему руководствуется исключительно нашими чувствами и желаніями, на помощь которымъ приходитъ воображеніе. Въ этомъ отношеніи всякаго рода утопія могутъ быть названы чисто субъективными измышленіями. Другой вопросъ, какое значеніе принадлежитъ имъ въ практической жизни, но

въ теоретическомъ отношеніи онѣ, конечно, должны быть осуждены строгою наукою, которая всякимъ субъективнымъ измышленіямъ должна противопоставлять объективныя изслѣдованія. Будущее можетъ быть предметомъ таковаго же научнаго изслѣдованія, какъ и прошедшее или настоящее, хотя, разумѣется, гораздо легче объяснить то, что уже дано въ опытѣ, нежели предсказать нѣчто еще несуществующее. Каждый изслѣдователь даннаго вопроса долженъ прежде всего вполне освоиться съ тою мыслью, что его личныя желанія не могутъ опредѣлить собою будущее, что будущее зависитъ отъ факторовъ, находящихся внѣ изслѣдователя и отъ него независимыхъ, и что вся задача должна быть рѣшена путемъ чисто объективнаго изслѣдованія, какія слѣдствія естественно и необходимо вытекаютъ изъ таковыхъ-то и таковыхъ-то данныхъ, установленныхъ объективною наукою. Слѣдовательно, и это есть прежде всего вопросъ метода.

Исходя изъ идеи единообразія, господствующаго во всѣхъ процессахъ міра явленій, и признавая на этомъ основаніи, что одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя слѣдствія, мы во многихъ случаяхъ своихъ сужденій о будущемъ основываемся на аналогіи. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, данныя историческаго опыта могутъ играть важную роль въ нашихъ умозавключеніяхъ, касающихся будущаго. Равнымъ образомъ примѣръ народовъ, ушедшихъ далѣе по пути историческаго развитія, можетъ быть весьма поучителенъ, когда намъ приходится травтовать о томъ, что ждетъ впереди народы, болѣе или менѣе отставшіе въ своемъ историческомъ развитіи. Но аналогіей нужно пользоваться съ величайшею осторожностью. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что въ исторіи никогда не повторяется вполне одно и то же сочетаніе обстоятельствъ. Черты сходства всегда въ большей или меньшей пропорціи соединяются съ чертами различія, и изъ того, что въ одномъ случаѣ было такъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ другомъ случаѣ, сходномъ съ первымъ, повторилось то же самое. Во-вторыхъ, и при аналогичныхъ обстоятельствахъ бывшіе ранѣе примѣры могутъ имѣть предостерегающее значеніе и, напримѣръ, содѣйствовать тому, чтобы не было сдѣлано старыхъ ошибокъ. Особенно трудно полагаться исключительно на одну аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится говорить не объ отдѣльныхъ событіяхъ или сторонахъ быта, а объ общихъ судьбахъ и обо всей культурно-соціальной эволюціи цѣлыхъ народовъ. Даже принимая существованіе особыхъ эволюціонныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ исторіи общественной жизни, мы должны необходимо принимать въ

расчетъ два обстоятельства: съ одной стороны, этимъ законамъ приходится дѣйствовать въ неодинаковыхъ условіяхъ; съ другой, имъ приходится дѣйствовать и не въ одинаковомъ сочетаніи.

Понятно, что исторія одного народа не можетъ быть сколкою съ исторіи другого народа. Мало того: при извѣстныхъ условіяхъ эволюція, совершающаяся въ данномъ направленіи, можетъ принимать и дѣйствительно принимаетъ направленіе, диаметрально противоположное. Вотъ почему дѣйствительность такъ часто обманываетъ наши ожиданія, основанныя не только на субъективныхъ требованіяхъ нашихъ желаній, но и на объективныхъ данныхъ умозаключенія по аналогіи. Во всякомъ случаѣ нужно прибѣгать и къ другимъ способамъ. Изученіе прошлаго можетъ обнаружить, какія силы дѣйствовали въ общественномъ развитіи и въ какихъ направленіяхъ онѣ дѣйствовали, т.-е. въ чемъ заключались ихъ стремленія, а также какія силы все болѣе и болѣе побуждали, какія стремленія усиливались и одерживали верхъ, и, наконецъ, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились между собою эти силы и стремленія, то помогавшія однѣ другимъ, то однѣ другимъ мѣшавшія. Дѣло изслѣдователя—изъ опытовъ прошлаго выводить заключенія относительно будущаго: настоящій объективизмъ заключается въ томъ, чтобы принимать эти заключенія независимо отъ ихъ желательности или нежелательности для насъ. Должно, однако, постоянно помнить, что всѣ подобнаго рода заключенія могутъ считаться только болѣе или менѣе вѣроятными. Полная достовѣрность здѣсь дѣйствительно немислима: слишкомъ много неизвѣстныхъ величинъ входитъ въ тѣ уравненія, которыя приходится рѣшать. Во многихъ отношеніяхъ подобныя рѣшенія будутъ все-таки имѣть характеръ условный. И на этомъ дѣло еще не кончается. Даже въ томъ случаѣ, если бы наши предсказанія могли быть совершенно достовѣрны и безусловны, они, оставаясь результатами объективнаго изслѣдованія, не могли бы быть вполне освобождены отъ субъективной оцѣнки. Къ извѣстнаго рода пророчествамъ мы не можемъ относиться безучастно: та или другая перспектива можетъ насъ радовать или страшить. Быть можетъ, наши радости или страхи будутъ неосновательны, но къ нашимъ ожиданіямъ всегда примѣшивается оптимистическое или пессимистическое настроеніе. Можно даже сказать, что наши надежды и опасенія примѣшиваются независимо отъ нашей воли къ тому, что мы считаемъ исключительно простымъ рѣшеніемъ задачи—предсказать неизвѣстное на основаніи извѣстныхъ данныхъ. При томъ еще можно сильно сомнѣваться, правильна ли та точка

явленій природы. И этого, впрочемъ, было бы еще недостаточно. Нужно было бы еще доказать, что по самой сущности своей общественныя явленія и не могутъ поддаваться человѣческому воздѣйствію, а это значило бы, что общественныя явленія въ этомъ отношеніи существенно отличны отъ явленій естественныхъ, которыя, имѣя существованіе, независимое отъ человѣка, тѣмъ не менѣе до извѣстной степени поддаются человѣческому воздѣйствію. Другими словами, надлежало бы привести какіе-либо разумные доводы въ пользу мнѣнія, будто человѣкъ, имѣющій возможность дѣйствовать въ своихъ цѣляхъ на природу, совершенно безсиленъ по отношенію къ своей собственной общественной жизни. Но это было бы нелѣпостью, ибо сама общественная жизнь была бы совершенно невысказана, если бы такое мнѣніе соотвѣтствовало дѣйствительности.

Всякая социальная организація преслѣдуетъ общественныя цѣли, т.-е. прибѣгаетъ въ извѣстнаго рода средствамъ для того или другого воздѣйствія на общество, хотя бы въ лицѣ его отдѣльныхъ членовъ. Все дѣло, конечно, въ тѣхъ границахъ, какія въ этомъ отношеніи существуютъ, какъ для силъ человѣка, такъ и для того, что можно назвать податливостью объектовъ его воздѣйствія. Эти границы могутъ быть опредѣлены только наукою, но онѣ не остаются неизмѣнными, ибо, съ одной стороны, успѣхи знанія увеличиваютъ силы человѣка, а съ другой стороны, само развитіе общественности дѣлаетъ въ наше время возможными такія явленія, которыя были совершенно невысказаны въ болѣе отдаленныя времена. Когда не существовало еще знанія законовъ природы, на нее думали дѣйствовать магическими средствами. Вѣра въ магію была соединена съ преувеличеннымъ представленіемъ о той силѣ, какая можетъ быть въ распоряженіи человѣка, знакомаго съ магическими средствами, и съ преувеличеннымъ же представленіемъ о податливости природы, свободной отъ какихъ бы то ни было собственныхъ законовъ. Соціологическій утопизмъ вполне соотвѣтствуетъ подобному умственному настроенію: онъ также придаетъ слишкомъ большое значеніе человѣческому воздѣйствію и слишкомъ мало принимаетъ въ расчетъ, что общественныя явленія подчиняются извѣстнаго рода законамъ. Но реакція противъ утопизма заходитъ слишкомъ далеко, когда приводитъ въ полному отрицанію всякой силы и всякаго значенія за человѣческимъ воздѣйствіемъ на теченіе общественной жизни. Становится на такую точку зрѣнія въ соціологіи столь же ненаучно, какъ отрицать и возможность техническаго воздѣйствія на природу на томъ лишь основаніи,

что магическое воздѣйствіе на природу нелѣпо. Помимо своего высокаго теоретическаго значенія общественныя науки имѣютъ еще значеніе практическое: онѣ создаютъ основаніе для прикладныхъ дисциплинъ, изъ коихъ каждая учитъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать на ту или другую сторону соціальной жизни для достиженія извѣстныхъ жизненныхъ цѣлей. Соціологія въ данномъ случаѣ не должна составлять исключенія. Выработывая общую теорію историческаго процесса и опредѣляя ту роль, какую въ немъ играетъ дѣйствіе личности на общество, она является своего рода наставницею жизни въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, съ какимъ древніе давали это имя исторіи.

Общій взглядъ на исторію вопроса о роли личности. Теоріи, относящіяся отрицательно къ воздѣйствію личности, слѣдуетъ разсматривать, какъ своего рода реакцію противъ сильно преувеличеннаго представленія, какое на этотъ счетъ весьма часто высказывалось въ литературѣ. Впервые въ новой исторіи личное начало, какъ принципъ, было выдвинуто итальянскими гуманистами. Самъ гуманизмъ, какъ извѣстно, былъ протестомъ личности противъ традиціонныхъ культурныхъ идей и формъ, эманципаціей личности въ области теоретическаго и этическаго міросозерцанія. Въ этомъ культурномъ движеніи личность впервые сознала свои права и почувствовала свои силы. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что эти силы она стала преувеличивать въ своемъ представленіи. Дѣятели „просвѣщенія“ XVIII в. въ этомъ отношеніи были прямыми преемниками гуманистовъ. И они также готовы были видѣть въ человѣческомъ воздѣйствіи на общество могучую преобразовывающую силу, предъ которою существующія общественныя отношенія являются лишь пассивнымъ матеріаломъ, легко поддающимся обработкѣ въ желательномъ направленіи. Въ практическомъ отношеніи этимъ создавалась почва для всякаго утопизма. Теоретически такой взглядъ въ наиболѣе крайнемъ своемъ выраженіи приводилъ къ „культу героевъ“, самымъ яркимъ выразителемъ котораго въ XIX в. былъ несомнѣнно Карлейль. Своего кульминаціоннаго пункта этотъ взглядъ достигъ въ эпоху великой французской революціи, задача которой заключалась въ полной перестройкѣ общества и государства путемъ человѣческихъ усилій, направленныхъ на осуществленіе сознанныаго идеала. Когда обнаружилось, что эта цѣль не была достигнута, противъ прежняго взгляда началась реакція. Въ другомъ мѣстѣ нами уже указано, въ чемъ она заключалась. Ошибка XVIII в. была двойкая: актив-

ная единица слишком выдвигала себя вперед на счет массы, в которой видѣла лишь нѣчто пассивное, а, съ другой стороны, та же личность слишком вѣрила въ свои творческія силы, мало считаясь съ объективными условіями, среди которыхъ ей приходилось дѣйствовать. Консервативныя партіи весьма искусно воспользовались измѣнившимся общественнымъ настроеніемъ и стали выработать теоріи, которыя требовали отъ личности преклоненія передъ мудростью „народнаго духа“ и законѣрностью „органическаго развитія“. Понятіе движущей исторической силы было перенесено съ выдающейся личности на однородную массу. Самое крайнее выраженіе этого взгляда мы находимъ въ извѣстныхъ историко-философскихъ разсужденіяхъ автора „Войны и мира“, который прямо приравниваемъ выдающуюся личность нулю. Но все-таки масса есть сумма отдѣльныхъ личностей: признаніе за массою значенія активной исторической силы, въ концѣ концовъ, есть все-таки признаніе того, что движущая сила находится въ самихъ людяхъ. Вся ошибка могла здѣсь заключаться только въ невѣрномъ представленіи, будто слагаемая общей суммы совершенно одинаковы, т.-е. будто всѣ оказываютъ совершенно одинаковое воздѣйствіе на исторію (по Толстому, за исключеніемъ великихъ людей, которые представляются ему только простыми „ярлыками событій“). Конечно, героевъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ толпы ни для того, чтобы за ними одними признавать способность воздѣйствія, ни для того, чтобы ихъ однихъ, наоборотъ, считать неспособными къ воздѣйствію. Разумѣется, масса не есть нѣчто инертное, но и въ активности своей она не есть что-либо однородное, такъ какъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ воздѣйствія, оказываемыя отдѣльными индивидуумами, весьма неодинаковы. Какъ бы тамъ ни было, даже ставъ на ту точку зрѣнія, что дѣятельную силу исторіи нужно видѣть исключительно въ массѣ, мы полагаемъ эту движущую силу все-таки въ людяхъ, а не внѣ людей. Мы видѣли, однако, что на почвѣ реакціи противъ идей XVIII в. зародился и другой взглядъ, по которому историческій процессъ былъ уподобленъ процессу органическому, т.-е. былъ понятъ, какъ саморазвитіе общества, совершающееся независимо отъ людскихъ желаній и стремленій, отъ усилій и дѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества, направленныхъ на достиженіе заранее поставленныхъ цѣлей. Эту точку зрѣнія мы находимъ въ нѣмецкой исторической школѣ права, въ историко-философскомъ міросозерцаніи Гегеля, въ социальнo-динамической теоріи Конта и въ органической социологіи Спенсера, причемъ каждое изъ этихъ

направлений по-своему поняло ту силу, которая дѣйствуетъ въ исторіи. Иногда въ этомъ отношеніи отдѣльные мыслители становились на совершенно между собою несходныя точки зрѣнія. Конечно, напримѣръ, весьма мало общаго между мистическимъ „народнымъ духомъ“ нѣмецкой юридической школы и реалистически задуманнымъ „общественнымъ организмомъ“ Спенсера. То, что, однако, ихъ между собою роднитъ, заключается въ слѣдующемъ: индивидуальный духъ, такъ сказать, тонетъ въ духѣ народномъ, личность всецѣло поглощается въ общественномъ организмѣ, и все единичное, вполне опредѣляемое окружающею культурно-соціальною средою, лишено всякихъ силъ, способствъ и средствъ для воздѣйствія на эту среду. Одна крайность смѣнилась другою: теорія активной личности, дѣйствующей на пассивную среду, уступила мѣсто теоріи, которая, наоборотъ, средѣ приписываетъ активность, а личности—пассивность. Выходъ изъ этого противорѣчія можетъ заключаться лишь въ признаніи постоянно совершающагося взаимодействія между личностью и средою, какъ это впервые было намѣчено еще Гизо. Этотъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общественной среды—одинъ изъ наиболѣе важныхъ въ соціологіи: вопросъ о возможности воздѣйствія на среду цѣликомъ заключается именно въ этомъ вопросѣ.

Взглядъ экономическихъ матеріалистовъ на взаимныя отношенія личности и среды. Говоря о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общественной среды, мы можемъ понимать среду различнымъ образомъ, т.-е. или выдвигая на первый планъ ту либо другую ея сторону (напримѣръ, культурную или экономическую), или же разсматривая ее во всей ея сложности и разносторонности. Такимъ или инымъ пониманіемъ среды еще вовсе не обуславливается рѣшеніе вопроса объ отношеніи, существующемъ между личностью и средою. Отрицать воздѣйствіе первой на вторую можно одинаково и при культурномъ, и при экономическомъ пониманіи среды. Равнымъ образомъ и признавать воздѣйствіе личности можно, понимая самую личность неодинаково, т.-е. думая, напримѣръ, что дѣятельность личности направляется главнымъ образомъ идейными мотивами или исключительно мотивами матеріальными. Самъ экономическій матеріализмъ получаетъ двойное развитіе. Именно въ то время, какъ у марксистовъ выдвигается на первый планъ среда, взятая въ чисто экономическомъ смыслѣ, у такого экономическаго матеріалиста, какъ Лорія, опредѣляющею культурныя и соціальныя формы силою являются эгоисти-

ческія побужденія отдѣльныхъ личностей, которыя приспособляютъ эти формы къ служенію ихъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Изъ этого видно, что съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма можно понимать отношенія между личностью и средою двоякимъ образомъ. Между тѣмъ нѣкоторые представители экономическаго матеріализма, особенно у насъ въ Россіи, стали проводить ту мысль, что въ исторіи все объясняется саморазвитіемъ среды, безличною эволюціей производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Послѣдовательное, совершенно логическое развитіе этой мысли должно было бы привести къ полному отрицанію всякаго воздѣйствія личности на общественный процессъ. Если экономическіе матеріалисты не дѣлаютъ такого вывода, то лишь вслѣдствіе нѣкоторой непослѣдовательности, да и самый протестъ ихъ противъ ученія о „роли личности въ исторіи“ основанъ на недоразумѣніи.

Идеи и поведеніе Маркса. Лучшимъ опроверженіемъ того теоретическаго взгляда, который проповѣдуютъ многіе экономическіе матеріалисты, является самъ родоначальникъ этого ученія, Карлъ Марксъ. По отзывамъ людей, которые его знали, это былъ человѣкъ, въ которомъ все „выражало твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой“. Вся жизнь его прошла въ борьбѣ за извѣстный общественный идеалъ. Для осуществленія его онъ постоянно стремился воздѣйствовать на окружающую среду путемъ пропаганды своихъ идей и путемъ организаціи общественныхъ силъ для борьбы за эти идеи. Самые завзятые противники Маркса признаютъ, что онъ оказалъ огромное вліяніе на мысли и чувства цѣлыхъ поколѣній. Такъ смотрятъ люди, отрицательно относящіеся къ экономической теоріи Маркса и враждебно настроенные по отношенію къ его практическимъ стремленіямъ. Конечно, нивакъ ужъ не марксистамъ умалять историческое значеніе Маркса, какъ въ области теоретической мысли, такъ и въ области практической жизни. Самое существованіе марксизма указываетъ, какою личной слѣдъ въ исторіи оставилъ послѣ себя Марксъ, какъ вліятельно было его воздѣйствіе на общественную среду и въ роли мыслителя, и въ роли политическаго дѣятеля. Быть можетъ даже, марксисты склонны въ этомъ отношеніи скорѣе къ извѣстному преувеличенію исторической роли своего учителя и вождя. Съ другой стороны, Марксъ и теоретически вовсе не благопріятствовалъ отрицанію возможности и необходимости воздѣйствія на общественную среду. Главнымъ недостаткомъ матеріализма

онъ признавалъ то, что ученіе это „разсматривало дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики“. Исторія представлялась ему не въ видѣ строго органическаго процесса, который безболѣзненно и мирно порождаетъ новыя формы. Концепція нѣмецкой исторической школы права была далека отъ Маркса, который, наоборотъ, стоитъ ближе къ ученію Іеринга о „борьбѣ за право“. Правда, всю исторію онъ хотѣлъ односторонне объяснить эволюціей производственныхъ отношеній, но самую эту эволюцію онъ ставилъ въ зависимость отъ развитія власти человѣка надъ природой, слѣдовательно, отъ воздѣйствія человѣка. Сама трудовая теорія цѣнности выдвигаетъ опять-таки на первый планъ трудъ человѣка, его воздѣйствіе: за самого человѣка природа ничего не дѣлаетъ. Практическая программа Маркса, вытекавшая изъ его историческаго ученія, менѣе всего могла бы быть оправдана съ точки зрѣнія, которая приравниваетъ личное воздѣйствіе къ нулю во имя того, будто все сдѣлается самою силою вещей. Для Маркса организованный пролетаріатъ получилъ значеніе общественной силы, интересы которой требуютъ радикальной реформы народнаго хозяйства и которая въ состояніи осуществить эту реформу. Другими словами, эманципація рабочаго класса должна быть его собственнымъ дѣломъ. Марксъ признавалъ возможность и того воздѣйствія на общественную среду, которое называется государственнымъ вмѣшательствомъ, но думалъ только, что такое вмѣшательство можетъ сдѣлаться выгоднымъ для пролетаріата лишь тогда, когда государственная власть перестанетъ быть органомъ господствующихъ теперь общественныхъ классовъ. Впрочемъ, онъ и въ настоящее время не отвергалъ такого воздѣйствія во всѣхъ случаяхъ, когда результатомъ его должно было бы явиться усиленіе рабочаго класса въ томъ или другомъ отношеніи. Все это довольно далеко отъ тѣхъ историческихъ теорій, которыя относятся отрицательно къ самой возможности воздѣйствія на общественныя формы. Одинъ изъ представителей идеи органической эволюціи (Вормсъ) даже прямо говоритъ, что у Маркса идея организма замѣняется идеей механизма: развитіе здѣсь объясняется не изъ жизни цѣлаго, а изъ дѣйствія отдѣльныхъ силъ, изъ коихъ это цѣлое складывается.

„Роль личности“ передъ судомъ Струве. Однимъ изъ первыхъ сочиненій, въ коихъ стала въ Россіи проповѣдываться

теорія економіческаго матеріалізма, была книга П. Б. Струве „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ (1894). Въ самомъ же началѣ этой книги авторъ вооружается противъ русскихъ соціологовъ — Миртова, Михайловскаго и Южакова, признающихъ роль воздѣйствія личностей въ соціальной эволюціи. Нужно замѣтить однако, что воззрѣнія этихъ писателей критику передаетъ невѣрно. „Личность, говоритъ онъ, все можетъ въ томъ смыслѣ, что для нея не существуетъ соціологической необходимости“. Въ другомъ мѣстѣ онъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто оспариваемый имъ взглядъ „признаетъ въ личности какую-то самопроизвольную творческую силу, ничѣмъ не обусловленную“. Наоборотъ, говоритъ онъ, „то соціологическое ученіе, которое извѣстно подъ названіемъ экономическаго матеріалізма, . . . просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину“. Авторъ съ особенною настойчивостью повторяетъ, что соціологія можетъ съ легкимъ сердцемъ отбрасывать „маленькіе абсолютно индивидуальныя остатки“, получаемые послѣ анализа событій съ точки зрѣнія сведенія каждой индивидуальности къ соціальнымъ воздѣйствіямъ. „Игнорированіе личности въ соціологіи или вѣрнѣе ея устраненіе изъ соціологіи есть, по мнѣнію Струве, въ сущности, только частный случай стремленія къ научному познанію“. Правда, онъ предвидитъ то возраженіе, „что самый процессъ измѣненія видовъ совершается съ точки зрѣнія исторической морфологіи путемъ накопленія благоприятныхъ индивидуальныхъ остатковъ“, но это соображеніе его не беспокоитъ. Онъ все воображаетъ, что разбираемый имъ взглядъ есть своего рода культъ героевъ, основанный на безусловномъ выдѣленіи нѣсколькихъ исключительныхъ личностей, одаренныхъ активностью, изъ совершенно пассивной массы. По его словамъ, опредѣляя послѣднія причины историческихъ событій, нужно вмѣстѣ съ Энгельсомъ „имѣть въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы“. Но вѣдь эти массы сами состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, и, слѣдовательно, все-таки личныя побужденія, хотя бы и суммированныя, признаются у Струве послѣдними причинами историческихъ событій. Онъ отвѣзывается, на примѣръ, понимать, что вообще можетъ значить — относить ускореніе процесса капитализаціи въ Англіи посредствомъ парламентскихъ актовъ на счетъ роли личности въ исторіи: вѣдь эти парламентскіе акты, говоритъ онъ, исходили отъ парламентскаго большинства, „которое

являлось простымъ выразителемъ извѣстныхъ классовыхъ стремленій“. Однако, это парламентское большинство состояло изъ отдѣльныхъ личностей, побужденія которыхъ и объясняютъ намъ парламентскіе акты: не сами же собою явились послѣдніе на свѣтъ Божій! Критикъ, конечно, былъ бы правъ, если бы упомянутые русскіе социологи считали великихъ людей единственными и исключительными двигателями исторіи, но они никогда такого взгляда не высказывали и проводили лишь ту мысль, что социальная эволюція не есть какой-то стихійный процессъ, въ которомъ стремленіямъ и дѣйствіямъ людей не принадлежитъ никакой роли. Стихійность историческаго процесса составляетъ какъ-разъ одинъ изъ догматовъ экономическаго материализма, по представленію Струве. Но, кажется, тутъ дѣло не обходится безъ недоразумѣній. Во-первыхъ, онъ не раздѣляетъ оптимизма экономистовъ, которые думаютъ, будто социальный прогрессъ, „такъ сказать, естественно, безъ всякой классовой борьбы и безъ всякихъ сознательныхъ усилій, направленныхъ на созданіе принципиально новой организаціи народнаго хозяйства, вырастаетъ на почвѣ прогресса экономическаго“. Онъ даже рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывается противъ идеи безличной эволюціи: „подобно тому, говоритъ онъ, какъ взгляду на органическое развитіе права была противопоставлена идея борьбы за право (Ihering), такъ ученію объ естественномъ и органическомъ ростѣ социальнаго прогресса можетъ и должно быть противопоставлено ученіе о борьбѣ за социальный прогрессъ“. Но борьба предполагаетъ именно усилія личностей съ цѣлью воздѣйствія на общественную жизнь: какая же тутъ стихійность? Самый переходъ общества въ идеальное экономическое строю представляется Струве не въ смыслѣ результата чисто стихійнаго процесса: онъ можетъ „осуществиться, только какъ сознательный актъ планомерной организаціи народнаго хозяйства“. Авторъ приводитъ выдержку изъ одного сочиненія Энгельса, гдѣ говорится, что въ будущемъ, когда осуществится извѣстный социальный идеалъ, „совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала, станетъ подъ господство и контроль людей“, и что „съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію“. Но ему еще предстояло бы доказать, что въ настоящемъ люди суть только безусловные рабы даннаго положенія, какъ въ будущемъ явятся, наоборотъ, безусловными его господами. И то и другое невѣрно: всегда существовали и зависимость отъ среды, и власть надъ средою въ разныхъ только пропорціяхъ. Наконецъ,

Струве прямо заявилъ, что „матеріалистическая теорія исторіи вполне объемлетъ и сознательную цѣлесообразную дѣятельность людей“, что „она только указываетъ на зависимость этой дѣятельности отъ матеріальныхъ экономическихъ условій, выводитъ ее изъ послѣднихъ“.

„Роль личности“ передъ судомъ Вельтова. Совершенно такія же противорѣчія мы находимъ и въ книгѣ Вельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (1895). Онъ также подвергаетъ критикѣ ученіе о роли личности въ исторіи, понимая послѣднее въ томъ смыслѣ, будто оно сводится къ выдѣленію личности „въ особую высшую разновидность человѣческаго рода“ и къ противопоставленію ей массы, „способной лишь играть роль глины въ творческихъ рукахъ личности“. Ему кажется далѣе, что за признаніемъ личнаго воздѣйствія скрывается признаніе свободы воли, т.-е. отрицаніе законосообразности, которая „есть необходимая основа всякаго научнаго объясненія явленія“. Онъ хвалитъ Маркса за то, что съ его точки зрѣнія „невозможно противопоставленіе субъективныхъ взглядовъ личности взглядамъ толпы, большинства и т. д., какъ чему-то объективному“, но подобное противопоставленіе ничуть и не вытекаетъ изъ теоріи, которая признаетъ, что исторія создается личною дѣятельностью, что она вовсе не есть безличный процессъ. Но особенно любопытно, что въ книгѣ есть цѣлый рядъ мѣстъ съ содержаніемъ, несомнѣнно благопріятнымъ ученію о роли личнаго воздѣйствія въ исторіи. „Диалектическій матеріализмъ, говоритъ Вельтовъ, не только не стремится, какъ это приписываютъ ему его противники, убѣдить человѣка, что нелѣпо возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею“. Вельтовъ формулируетъ еще основную мысль Маркса такимъ образомъ: „разъ мы узнали желѣзный законъ необходимости, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать необходимость послушной рабой разума“. Или вотъ еще одно мѣсто. „Диалектическій матеріализмъ говоритъ: человѣческій разумъ не могъ быть демиургомъ исторіи, потому что онъ самъ является ея продуктомъ. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ не долженъ и по самой природѣ онъ не можетъ подчиниться завѣщанной прежней исторіей дѣйствительности, онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сдѣлать ее разумной“. Свою теорію Вельтовъ даже называетъ прямо философіей дѣйствія. „Отсюда видно, говоритъ онъ, въ чемъ заключается по мнѣнію диалектиковъ роль личности въ исто-

риі. Далекіе отъ того, чтобы сводить эту роль къ нулю, они ставятъ предъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической. Такъ какъ человѣческой разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпою необходимостью, только познавъ ея собственные внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной силой, то развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей благороднѣйшей задачей мыслящей личности". И рядомъ съ этимъ постоянныя нападки на людей, обращающихся къ понятіямъ личности и человѣческой природы, безъ которыхъ экономическіе матеріалисты желали бы обходиться, дабы выводить всю исторію изъ условій внѣшней среды!

Взглядъ Булгакова на тотъ же предметъ. Не всегда вообще согласны сами съ собой, представители экономического матеріализма по интересующему насъ вопросу и очень даже сильно расходятся другъ съ другомъ. Въ статьѣ С. Н. Булгакова „О законмѣрности социальныхъ явленій“, написанной съ точки зрѣнія этой теоріи и появившейся недавно въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, дѣло уже представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. Авторъ находитъ, что очень часто законмѣрность человѣческихъ дѣйствій понимаютъ неправильно, сопоставляя ее, напримѣръ, съ законмѣрностью затменія луны. „Законъ затменія луны, говоритъ онъ, есть нѣчто внѣшнее, чуждое, постороннее. Къ нему человѣческое сознаніе должно относиться, какъ къ объекту; между тѣмъ наше собственное я есть субъектъ, который въ своемъ непосредственномъ сознаніи полагаетъ себя, какъ первопричину, активно вмѣшивающуюся во внѣшній міръ. И человѣкъ правъ въ этомъ сознаніи, поскольку онъ является дѣйствительно самостоятельной, самобытной причиной въ ряду причинъ внѣшняго міра“. При этомъ авторъ указываетъ на то, что „только представленіе о законмѣрности человѣческихъ дѣйствій и дѣлаетъ возможной дѣйствительно свободную, т.-е. разумную, цѣлесообразную дѣятельность... Законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій“. Обращаясь затѣмъ къ представленію экономического матеріализма о возможности цѣлесообразнаго вмѣшательства въ „естественный“ ходъ событій, онъ ставитъ такой вопросъ: „охватываетъ ли законъ развитія человѣческаго общества это вмѣшательство или же оно является, какъ *deus ex machina*, тревожитъ естественный порядокъ вещей? Можетъ быть, соглашается онъ, у отдѣльныхъ представителей экономического

матеріалізма и встрѣчаются нѣкоторыя неточности выраженія, способныя подать поводъ къ недоразумѣніямъ“, но самому ему дѣло кажется яснымъ: „вмѣшательство въ естественный ходъ развитія, о которомъ говорятъ марксисты, не есть нарушение закона, оно есть его выполненіе“. Отсюда дѣлается выводъ не въ смыслѣ „пассивнаго преклоненія предъ неотвратимымъ и неумолимымъ ходомъ вещей, а его разумнаго пониманія. При свѣтѣ этого пониманія человѣкъ можетъ цѣлесообразно и разумно направлять свои дѣйствія и не растрчивать силъ въ безумной борьбѣ съ исторіей, пытаясь повернуть ее въ другую сторону“. Это дѣйствительно простое рѣшеніе вопроса, и оно какъ-разъ дано было тѣми самыми сторонниками роли личности въ исторіи, на которыхъ ополчились наши представители экономическаго матеріалізма. Впрочемъ, и Струве въ новѣйшей статьѣ „Свобода и историческая необходимость“ (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“) самъ отмѣчаетъ нѣкоторыя свои уклоненія отъ взглядовъ, высказанныхъ въ „Критическихъ замѣткахъ“. Между прочимъ онъ винитъ самихъ представителей матеріалистическаго пониманія исторіи, которые, „справедливо настаивая на научности своего идеала, часто превращаютъ его въ слишкомъ научный, забывая грань, лежащую между наукой и идеаломъ, между необходимостью того, что совершилось, и необходимостью того, что будетъ“¹⁾.

Общая причина непослѣдовательности экономическихъ матеріалистовъ. Существуетъ, впрочемъ, нѣкоторая общая причина непослѣдовательности экономическихъ матеріалистовъ въ этомъ вопросѣ. Они весьма послѣдовательны, отрицая роль личности въ исторіи, поскольку понимаютъ историческій процессъ въ духѣ философіи Гегеля, хотя бы и съ замѣной идеализма матеріализмомъ, но въ то же время, отрицая

¹⁾ Этотъ § былъ уже набранъ, когда мы въ только-что появившейся статьѣ того же автора „Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій“ (Новое Слово, 1897, май) прочитали одно мѣсто, гдѣ онъ критикуетъ „субъективную социологію“, которая, по его представленію, „признаетъ личность и ея идеалы какъ бы за самостоятельный и первообразный факторъ, изъ себя производящій исторію, а не являющійся ея неизбѣжнымъ результатомъ“. Хотя, замѣчаетъ онъ, эта социологія и „связываетъ себя съ Контомъ, слѣдовательно, постулируетъ законмѣрность человѣческихъ дѣйствій“, тѣмъ не менѣе „указанная точка зрѣнія составляетъ духовную сущность этихъ ученій, сознательно или бессознательно ими принятую“. Это положительно невѣрно, какъ невѣрно и то, что „ни одна еще субъективная социологія не высказалась опредѣленно по вопросу о соотношеніи необходимости и свободы“: ссылаемся хотя бы на работы Миртова.

личное воздѣйствіе на исторію, они находятся въ противорѣчьи съ своимъ собственнымъ практическимъ міросозерцаніемъ, для котораго экономическій матеріализмъ долженъ служить теоретическимъ основаніемъ: это міросозерцаніе требуетъ борьбы во имя лучшаго общественнаго строя, а борются, напрягать свои силы имѣетъ смыслъ лишь подъ условіемъ признанія за чело- вѣческимъ воздѣйствіемъ на общество реального значенія. Нужно еще замѣтить, что съ особою силою ополчились противъ роли личности въ исторіи русскіе теоретики экономическаго матеріализма. Ихъ выступленіе съ проповѣдью новой соціологической теоріи съ самаго начала получило характеръ полемики противъ старшей генераціи русскихъ соціологовъ, которые дѣйствительно много занимались вопросомъ о роли личности въ исторіи.

Русскіе соціологи о роли личности въ исторіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы русскіе соціологи разработали этотъ предметъ исчерпывающимъ образомъ, и чтобы ими не были высказаны взгляды односторонніе или преувеличенные, но въ общемъ они стали въ этомъ вопросѣ на вѣрную дорогу. Миртовъ обратилъ особое вниманіе на личный характеръ историческаго процесса вообще, а въ частности на роль личной мысли, какъ фактора, разлагающаго данныя культурно-соціальныя формы, и на роль вождей общества въ качествѣ инициаторовъ и организаторовъ. Правда, многія мѣста его „Историческихъ писемъ“ (1870) даютъ поводъ говорить о преувеличенномъ значеніи, какое онъ приписывалъ отдѣльнымъ передовымъ личностямъ, но нельзя критиковать взгляды этого автора исключительно на основаніи однихъ „Историческихъ писемъ“. Быть можетъ, Миртовъ въ этомъ сочиненіи находился еще подъ влияніемъ лѣваго гегельянства и въ частности Бруно Баурера, на котораго въ данномъ случаѣ ссылаются критики. Болѣе позднія соціологическія работы Миртова уже не даютъ повода для подобныхъ замѣчаній. Въ нихъ нѣтъ уже и намека на противоположеніе героевъ и толпы. Въ одной изъ своихъ работъ („Цивилизація и дикія племена“) онъ даже дѣлаетъ попытку классификаціи членовъ одного и того же общества по степени ихъ самостоятельности въ отношеніи къ даннымъ культурно-соціальнымъ формамъ и по характеру ихъ участія въ эволюціи этихъ формъ. Замѣчательно, что къ мысли о необходимости подобной классификаціи отдѣльныхъ личностей, какъ членовъ общества, въ послѣднее время пришелъ и американскій соціологъ Гиддинсъ. Весьма важныя соображенія по тому же вопросу мы находимъ и во „Введеніи въ исторію мысли“ того же автора, т.-е. Миртова. На той же точкѣ зрѣнія, что исто-

рія не есть процессъ безличный, стоитъ и Михайловскій, который равнымъ образомъ обратилъ преимущественное вниманіе на нѣкоторыя частныя стороны вопроса, каковы, напримѣръ, активное отстаиваніе личностью своей цѣльности и самостоятельности или то обаяніе, которое герой (въ особомъ условномъ смыслѣ) оказываетъ на толпу. Точно также и въ „Соціологическихъ этюдахъ“ Южакова развивается мысль объ активности личности. Никто не станетъ утверждать, чтобы въ указанныхъ взглядахъ заключалась цѣлая разработанная теорія. Напротивъ, все это только, какъ говорятъ нѣмцы, Bausteine для будущей теоріи, и вопросъ этотъ нужно именно разрабатывать дальше, а не исключать его изъ соціологіи, какъ вопросъ будто бы праздный. Уже одно то, что сами противники ученія о роли личности въ исторіи признаютъ, однако, возможность и необходимость личныхъ воздѣйствій на общество, говорить въ пользу важности всесторонняго и детальнаго изученія вопроса. Можно даже сказать, что въ современной соціологической литературѣ замѣчается нѣкоторый общій поворотъ, благопріятный для этой идеи. То, что лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ говорилось русскими соціологами, начинаетъ входить въ силу у новѣйшихъ соціологовъ американскихъ, каковы Лестеръ Уордъ и Гиддинсъ.

Гиддинсъ о волевомъ характерѣ соціальнаго процесса. Обь общемъ характерѣ взглядовъ Л. Уорда уже было сказано въ другомъ мѣстѣ. Воззрѣнія Гиддинса, отличающіяся въ частностяхъ отъ теоріи Уорда, въ общемъ довольно близки къ ея основнымъ положеніямъ. И Гиддинсъ противопоставляетъ свое пониманіе пониманію Спенсера, выдвигая на первый планъ идею волевого процесса. По его словамъ, соціальныя агрегаты образуются сначала въ силу чисто внѣшнихъ условий, но потомъ въ лоиѣ агрегата возникаетъ сознаніе рода и начинается волевой процессъ. Гиддинсъ думаетъ даже, что этотъ процессъ и является главной причиной общественныхъ измѣненій „Въ началѣ, говоритъ онъ, экономическая, политическая и религіозная дѣятельность общества отличается несвязностью. Не существуетъ никакой связи между дѣломъ одного человѣка и дѣломъ другого. Не существуетъ никакой комбинаціи усилій въ охотѣ, въ рыбной ловлѣ или култѣ. Позднѣе возникаютъ обдуманныя комбинаціи въ каждомъ родѣ человѣческой дѣятельности. Въ началѣ всѣ трудятся, думаютъ и молятся сами по себѣ, и только позднѣе появляется всякій способъ труда, всякій порядокъ управленія, всякій оттѣнокъ религіи. Первоначально дѣятельность очень мало обусловливается опредѣленностью цѣлей. Непрерывность усилія

и приспособленіе средствъ къ цѣлямъ характеризуютъ политическую жизнь, веденіе дѣлъ и религіозныя предпріятія“. Въ другомъ мѣстѣ Гиддинсъ называетъ „ассоціацію дѣятельности“ самымъ могучимъ факторомъ соціальной эволюціи, безъ котораго нельзя было бы даже понять общественныхъ явленій. Онъ прибавляетъ даже, что значительность той роли, какую акты воли играютъ въ соціальной эволюціи, можетъ породить разнаго рода научныя недоразумѣнія. „Соціологъ, говоритъ онъ, на каждомъ шагѣ встрѣчается съ волевыми явленіями. Въ самомъ дѣлѣ, это—центральныя точки, около которыхъ группируются всѣ другія фазы общественнаго измѣненія“. „Волевые акты, прибавляетъ Гиддинсъ, уже по одному тому могутъ быть причинами, что сами являются слѣдствіями, т.-е. входятъ въ составъ причинныхъ рядовъ, порождающихъ общественныя измѣненія“.

Частная инициатива и государственное вмѣшательство. Въ заключеніе еще нѣсколько замѣчаній объ общей постановкѣ вопроса. Въ XVIII вѣкѣ многіе мыслители думали, что естественный процессъ общественной жизни въ концѣ концовъ сводится къ достиженію каждымъ своихъ частныхъ цѣлей, и что всякое вмѣшательство въ естественный ходъ вещей должно скорѣе приносить вредъ, нежели пользу. Этотъ взглядъ былъ естественной реакціей противъ той вѣры во всемогущество и благотѣльность государственнаго вмѣшательства, которая была создана практикой и теоріей предыдущей эпохи. Въ данномъ случаѣ, однако, отрицалась не возможность планомѣрнаго воздѣйствія на общественную жизнь, а спасительность этого воздѣйствія. Другими словами, весь вопросъ сводился къ противоположности между частною инициативою и правительственнымъ вмѣшательствомъ. Первая разсматривалась, какъ нѣчто осуществляющее общее благополучіе, а во второмъ готовы были видѣть источникъ всякихъ золъ. При этомъ, однако, все объяснялось не безличною какою-то эволюціей, а людскими воздѣйствіями, имѣли ли послѣднія характеръ частныхъ предпріятій, или предпріятій правительственныхъ. Съ особенною силою споръ по этому поводу велся въ области экономическихъ явленій. Цѣлая экономическая школа проповѣдовала исключительную спасительность свободной игры частныхъ интересовъ и, не отрицая, что правительство своими мѣропріятіями можетъ воздѣйствовать на экономическую жизнь, стремилась доказать, что это воздѣйствіе можетъ быть только вреднымъ. Другое направленіе, наоборотъ, въ разрозненности и несогласованности частныхъ предпріятій

стало искать основной причины разнаго рода экономических бѣдствій, а въ силу этого требовало планомѣрной организаціи экономическихъ отношеній. Весь споръ въ данномъ случаѣ сводился къ тому, какое воздѣйствіе на общественную жизнь желательнѣе—воздѣйствіе ли индивидуумовъ, стремящихся къ осуществленію своихъ частныхъ цѣлей, или воздѣйствіе цѣлаго общества, т.-е. известной организаціи, дающей представителямъ общественной власти возможность направлять дѣятельность общества къ одной общей цѣли. Самый этотъ споръ сдѣлался возможенъ, лишь благодаря тому, что противники стояли на одной и той же почвѣ, признавая за человѣческимъ воздѣйствіемъ известную силу и расходясь только въ оцѣнкѣ того, какое воздѣйствіе благотѣльнѣе,—которое исходить отъ отдѣльныхъ лицъ, или отъ органовъ общественной власти. Доказывать пользу одного и вредъ другого значить признавать существованіе обоихъ. Въ данномъ отношеніи Спенсеръ, напримѣръ, является убѣжденнымъ защитникомъ невмѣшательства, тогда какъ экономическіе матеріалисты, наоборотъ, стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія.

Переходъ къ слѣдующимъ главамъ. Вѣра въ неограниченную силу людского воздѣйствія на общество и признаніе за этимъ воздѣйствіемъ полного безсилія, это—двѣ крайности, изъ коихъ ни та, ни другая не можетъ быть принята научной соціологіей. Но научная соціологія не можетъ также принять ни одного изъ двухъ ученій, разрѣшающихъ односторонне вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ будутъ рассмотрѣны, насколько это необходимо для цѣлей настоящаго труда, узазанныя отношенія, безъ правильнаго пониманія коихъ не можетъ быть и научнаго отвѣта на вопросъ о воздѣйствіи личности на общество. У предмета есть, впрочемъ, и другая сторона—дѣйствіе общества на личность, а этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ не одно теоретическое, но и практическое значеніе. Стремленіе личности оказывать свое воздѣйствіе на общественную среду имѣетъ своею задачею приспособленіе этой среды къ цѣлямъ, какія ставитъ себѣ въ жизни личность. Спрашивается, можно ли, изучая общественныя явленія, игнорировать то вліяніе, какое они оказываютъ на индивидуальную жизнь, взятую притомъ въ ея субъективной сторонѣ, съ субъективною оцѣнкою этого вліянія съ точки зрѣнія благополучія личности. Воздѣйствіе на общество можетъ имѣть разумною цѣлью лишь чье-либо благо, и самое общество получаетъ разумный смыслъ лишь по тому благу, которое оно осуществляетъ. Но самое это благо можетъ

быть только благомъ въ реальномъ значеніи слова, т.-е. благомъ важныхъ-либо людей, а не метафизическимъ благомъ. Если смотрѣть на общество, лишь какъ на естественное явленіе, отъ котораго будто бы никому ни тепло, ни холодно, отношеніе наше къ этому предмету изученія будетъ иное, нежели въ томъ случаѣ, если мы признаёмъ, что общество существуетъ чрезъ личности и для личностей, т.-е. что посредствомъ общества люди осуществляютъ свои собственныя цѣли. Забвеніе этого послѣдняго обстоятельства или недостаточно ясное пониманіе того значенія, какое оно имѣетъ, приводитъ къ одностороннимъ соціологическимъ теоріямъ. Представители такихъ теорій иногда стараются принципиально себя оправдать ссылкой на требованія научнаго объективизма, усматривая во всякомъ субъективизмѣ отступленіе отъ научности. Къ объективизму въ такомъ пониманіи стремятся представители обѣихъ натуралистическихъ соціологическихъ теорій (органической и дарвинистической) и экономическаго матеріализма, теоретическія же основы для защиты субъективизма даетъ соціологія, опирающаяся на психологію и съ психологической точки зрѣнія стремящаяся освѣтить вопросъ о личности и обществѣ. Такова внутренняя связь между тремя слѣдующими главами, изъ коихъ послѣдняя посвящена именно вопросу о субъективной соціологіи.

ГЛАВА XII.

До-соціологическая постановка вопроса о личности и обществѣ.

Общій взглядъ на вопросъ. Соціологическія теоріи различаются между собою не только по основнымъ взглядамъ на общество или на задачи и методы соціологіи, но и по различному пониманію взаимныхъ отношеній, въ какихъ между собою находятся личность и общество. Вопросъ этотъ въ соціологической литературѣ имѣетъ уже цѣлую исторію, которую пытались даже излагать. Напр., въ книгѣ Бѣдана „Индивидуальное право и государство“ (1891), разсматривающей развитіе взглядовъ на взаимныя отношенія личности и государства съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, особый параграфъ посвященъ постановкѣ и рѣшенію вопроса въ соціологіи. Авторъ

вообще отмѣчаетъ тотъ фактъ, что за торжествомъ индивидуализма въ эпоху французской революціи наступила реакція въ сторону расширенія сферы длительности и правъ государства. Соціологія представляется ему просто, какъ одно изъ проявленій, какъ порожденіе этой реакціи. Онъ вообще высказывается противъ новой науки и, хотя различаетъ въ ней разныя направленія, въ одномъ пунктѣ считаетъ всѣ эти направленія солидарными—въ презрѣніи къ человѣческой личности. До возникновенія соціологіи, говоритъ онъ, „человѣкъ разсматривался, какъ субъектъ права, изъ котораго все происходитъ (de qui tout émane), къ которому все возвращается; общество, съ другой стороны, разсматривалось, какъ соединеніе (groupement), являющееся слѣдствіемъ согласія воли, инстинктивнаго и молчаливаго, по мнѣнію однихъ, формальнаго и предпамѣреннаго, по мнѣнію другихъ. Обѣ идеи одна отъ другой зависятъ, одна другую поддерживаютъ. Позитивистическое ученіе лишаетъ человѣка той роли, какая за нимъ признавалась во всѣ времена: право уже не въ немъ и не для него, оно въ обществѣ и для общества. Въ самомъ дѣлѣ въ глазахъ соціологіи общества—не ассоціаціи свободно соединенныхъ частей, равно какъ не собранія индивидуумовъ, связанныхъ географическими и историческими вліяніями: они суть организмы въ точномъ и полномъ смыслѣ слова, организмы, въ коихъ совершаются жизненныя явленія... Не только, продолжаетъ онъ, общество, въ этомъ представленіи, есть живая личность, отличная и независимая отъ своихъ членовъ, но сверхъ того оно одно на самомъ дѣлѣ имѣетъ собственное существованіе. Оно поглощаетъ индивидуумъ, который по отношенію къ нему есть только функція, органъ организма“. Если бы мы подвергли здѣсь разбору взгляды Бѣдана, то нашли бы въ нихъ не мало недочетовъ, но для насъ важно общее впечатлѣніе, какое соціологія способна производить на людей, интересующихся вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и общества съ точки зрѣнія „правъ человѣка и гражданина“. Названный критикъ доходитъ до того, что называетъ соціологовъ своей родины не людьми прогресса, а „выходцами стараго порядка и ренегатами 1789 года“. Другой французскій писатель, Анри Мишель, авторъ превосходнаго труда „Идея государства“, представляющаго собою „Критическій опытъ по исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи послѣ революціи“ (1896), тоже посвящаетъ значительную часть своей огромной книги постановкѣ и рѣшеніямъ вопроса объ индивидуумѣ и государствѣ у Конта и въ современной соціологіи. И онъ проводитъ ту общую

мысль, что общественныя теоріи XIX в. складывались подъ вліяніемъ реакціи противъ философіи XVIII в. и французской революціи съ ихъ индивидуалистическимъ характеромъ. Самъ авторъ стоялъ первоначально на точкѣ зрѣнія, враждебной доктринамъ прошлаго столѣтія. „Когда я, признается онъ самъ, приступалъ къ своему труду, я, какъ и многіе другіе, находился подъ живымъ впечатлѣніемъ этого метода, называемаго „научнымъ“, и этого метафизическаго реализма, которые такъ странно сочетаются между собою во многихъ новыхъ трудахъ. Я вѣрилъ въ „общественный организмъ“ и во всю совокупность понятій, которыя обыкновенно связываются съ этой идеей. Индивидуализмъ казался мнѣ доктриной устарѣлой, моральный и политическій апріоризмъ философовъ XVIII вѣка — методомъ ошибочнымъ и совершенно заслуженно утратившимъ всякій кредитъ“. Въ своей книгѣ Мишель очень подробно излагаетъ исторію этой реакціи противъ идей XVIII вѣка, къ коимъ самъ онъ находитъ нужнымъ вернуться, вовсе не считая ихъ, какъ то обыкновенно думаютъ, выраженіемъ одностороннаго и узкаго индивидуализма. Въ этой реакціи извѣстную роль играетъ и соціологія. „Реакція противъ индивидуализма, говоритъ онъ, велась сначала писателями, говорившими во имя религіи и морали; философами, претендовавшими замѣнить болѣе глубокой метафизикой метафизику, на ихъ взглядъ, узкую и поверхностную; политиками, которые защищали вѣрныя теоріи о происхожденіи и существѣ власти; экономистами, пытавшимися очеловѣчить доктрину съ неподходящими стремленіями; реформаторами, искавшими новой справедливости“. Представители индивидуализма, критиковавшіе этихъ писателей, сначала нападали на нихъ, какъ на утопистовъ, противопоставляя имъ себя, какъ людей науки, научной мысли и научнаго метода. Но со временемъ роли перемѣнились: противники индивидуализма заговорили сами во имя науки, опровергать же ихъ стали соображеніями моральнаго, идеальнаго свойства. Эта перемѣна роли произошла, по словамъ Мишеля, съ появленіемъ соціологіи. Съ большою ясностью въ своемъ изложеніи доктрины Конта онъ выставляетъ на видъ ея анти-индивидуалистическій характеръ, ея связь съ реакціонными теченіями эпохи. Дѣлая бѣглый обзоръ соціологическихъ теорій, Мишель останавливается главнымъ образомъ на той идеѣ, по которой общество должно разсматриваться, какъ „настоящее существо, имѣющее свои функціи, свои собственныя цѣли, отличныя отъ нашихъ“, или какъ на „живой организмъ“. Съ этой точки зрѣнія и онъ относится къ соціологіи отрицательно: „наука, говоритъ онъ, о коей здѣсь

идеть рѣчь, есть въ сущности весьма грубая метафизика, плодъ своего рода бессознательнаго реализма ¹⁾, противъ котораго не могутъ себя защитить нѣкоторые умы нашего времени“.

Въ подтвержденіе своей общей характеристикѣ отношенія социологіи къ личности и обществу и Беданъ, и Мишель ссылаются на цѣлый рядъ видныхъ социологовъ, который можно было бы, пожалуй, и еще дополнить. На самомъ дѣлѣ, однако, и въ социологической литературѣ мы встрѣчаемся съ коренными разногласіями по вопросу о личности и обществѣ, такъ что литература эта не такъ ужъ здѣсь однообразна, какъ это можно подумать, да и болѣе старыя общественныя науки еще задолго до возникновенія социологіи заключали въ себѣ діаметрально противоположныя теоріи касательно личности и общества. Не социологія породила анти-индивидуалистическіе общественные взгляды, и не всѣми социологами они раздѣляются, не говоря уже о томъ, что индивидуализмъ индивидуализму рознь и что не всякій индивидуализмъ заслуживаетъ сочувствія. Выше намъ уже не разъ приходилось мимоходомъ касаться вопроса, здѣсь же мы подвергнемъ его болѣе систематическому разсмотрѣнію, начавъ съ краткаго указанія на то, какъ онъ ставился въ философской и научной литературѣ до возникновенія социологіи.

Постановка вопроса въ разныхъ общественныхъ наукахъ. Въ разныхъ общественныхъ наукахъ интересующій насъ вопросъ съ самаго начала долженъ былъ получить разную постановку, ибо онѣ рассматриваютъ общество въ разныхъ сторонахъ его бытія: это и отражается на разномъ отношеніи ихъ къ одной и той же человѣческой личности.

Политическія науки имѣютъ дѣло съ государствомъ, по отношенію къ которому индивидуумъ можетъ рассматриваться, какъ гражданинъ или подданный; юридическія науки изучаютъ право, и здѣсь личность является субъектомъ или объектомъ права; предметъ наукъ экономическихъ — народное хозяйство. въ коемъ отдѣльный человѣкъ имѣетъ значеніе производителя и потребителя матеріальныхъ благъ. Государство, напр., и народное хозяйство не одно и то же, а потому не одно и то же человѣкъ, взятый съ политической или экономической точки зрѣнія, ибо одною точкою зрѣнія опредѣляется его отношеніе къ цѣлому, часть котораго онъ составляетъ, другою точкою зрѣнія — его отношеніе къ совмѣстному добыванію средствъ жизни, въ коемъ

¹⁾ Само собою разумѣется, что реализмъ берется здѣсь въ смыслѣ ученія, признающаго общія понятія за реальности, т.-е. въ смыслѣ реализма схоластическаго.

онъ участвуетъ. Поэтому и индивидуализмъ политическій будетъ одно, индивидуализмъ экономическій—другое. Можно говорить еще объ индивидуализмѣ культурномъ, принимая въ расчетъ отношеніе личности къ той духовной атмосферѣ, которая ее окружаетъ и которая въ свою очередь не есть ни государство, ни право, ни народное хозяйство: здѣсь индивидуумъ можетъ разсматриваться, какъ представитель известной группы, имѣющей опредѣленную духовную фізіономію, напр., націи, вѣроисповѣданія, профессіи и т. п. Каждое такое отношеніе возбуждаетъ свои особые теоретическіе и практическіе вопросы, и то, что интересуетъ, напр., экономиста, можетъ не представлять большого интереса для культурнаго историка и наоборотъ. Съ другой стороны, и всѣ эти отношенія могутъ находиться между собою въ разныхъ комбинаціяхъ. Подданные одного и того же государства могутъ пользоваться разными правами и играть разную роль въ народномъ хозяйствѣ, причемъ въ данномъ государствѣ однимъ и тѣми же правами могутъ пользоваться и одинаковыя роли играть равнымъ образомъ подданные другихъ государствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на одной и той же культурной почвѣ,—напр., въ религиозныхъ вѣрованіяхъ или по степени образованности,—могутъ сближаться между собою и выдѣляться въ особыя группы люди, принадлежащіе къ разнымъ государствамъ, пользующіея разными правами, играющіе разную роль въ народномъ хозяйствѣ. Ставя вопросъ о личности и обществѣ, социологія, конечно, не можетъ заимствовать его рѣшеніе изъ той или другой частной общественной науки, такъ какъ у каждой науки есть своя особая точка зрѣнія, пригодная только въ данной области и непригодная въ другой; но въ то же время, изучая общій consensus политическихъ, юридическихъ и экономическихъ явленій, социологія должна пользоваться указаніями соответственныхъ наукъ при рѣшеніи этого сложнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества. И этого еще мало. Только-что было упомянуто, что между личностью и обществомъ существуютъ еще отношенія культурныя, а это суть отношенія чисто-духовныя, подлежащіе вѣдѣнію коллективной психологіи: социологія, которая научно не можетъ основываться на чемъ-либо помимо психологіи, должна строить свою теорію о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ равнымъ образомъ и на данныхъ коллективной психологіи, изучающей роль индивидуума въ психическомъ взаимодействіи и вліяніе этого взаимодействія на индивидуумъ. Такимъ образомъ и психологія вмѣстѣ съ политикой, юриспруденціей и политической экономіей дѣлаетъ свой вѣладъ въ рѣшеніе общаго социологическаго во-

проса. Наконецъ, еще въ одной научной области ставится и обсуждается интересующій насъ вопросъ, хотя опять-таки съ особой точки зрѣнія. Эта научная область — исторія: здѣсь вопросъ касается индивидуальной инициативы, какъ историческаго фактора, т.-е. ея вліянія на соціальный процессъ и ея зависимости отъ этого процесса; иными словами, это вопросъ о роли личности въ исторіи и въ смыслѣ противоположенія отдѣльныхъ дѣятелей („личности“) массамъ („обществу“), и въ смыслѣ различенія между дѣятельностями личностей и безличнымъ общественнымъ процессомъ.

Общій соціологическій вопросъ о личности и обществѣ въ своихъ частныхъ постановкахъ — политической, юридической, экономической, психологической и историологической — имѣетъ весьма любопытную и поучительную исторію. Смыслъ этой исторіи, — по крайней мѣрѣ, для соціологіи — тотъ, что во всѣхъ указанныхъ постановкахъ мы встрѣчаемся съ двумя противоположными тенденціями, выражающимися въ теоріяхъ двухъ категорій: однѣ изъ нихъ выдвигаютъ на первый планъ идею личности, другія — идею общества; для однихъ цѣлымъ и самостоятельнымъ является личность, для другихъ значеніе такого цѣлаго и самостоятельнаго принадлежитъ обществу, отдѣльныя же личности суть только части этого самостоятельнаго цѣлаго. Соціологическая литература не представляетъ исключенія, ибо и въ ней обнаруживаются тѣ же двѣ тенденціи.

Постановка вопроса въ политической литературѣ. Между отдѣльными политическими теоріями существуетъ большое различіе, смотря по тому, какъ въ нихъ понимаются взаимныя отношенія личности и государства. Античное государство, допускаящее гражданина въ широкую участію во власти, до крайности ограничивало личную свободу этого самаго гражданина. Съ этой стороны новое пониманіе свободы существенно отличается отъ античнаго. Въ древности личность гражданина поглощалась государствомъ, и власть послѣдняго надъ первымъ была безграничной: свободою въ такомъ случаѣ называлось участіе въ этомъ властвованіи, какъ бы само по себѣ бывшее цѣлью. Въ новое время участіе гражданъ въ государственномъ правленіи рассматривается, лишь какъ средство для обезпеченія за отдѣльными личностями той индивидуальной свободы, которая состоитъ именно въ независимости личностей, требующей извѣстнаго ограниченія государственной власти въ ея отношеніяхъ къ гражданамъ. Вопросъ, насъ интересующій, и сводится къ двумъ основнымъ понятіямъ: съ одной стороны, мы имѣемъ дѣло съ

правами личности, съ другой — съ предѣлами власти государства. И въ практической жизни, и въ области теоретической мысли вопросъ этотъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ рѣшался различно — или въ сторону расширенія предѣловъ власти государства, или напротивъ, въ сторону расширенія личной свободы. Послѣдовательно проводя первую точку зрѣнія, мы придемъ къ теоретическому коммунизму, дѣлающему изъ отдѣльной личности служебную часть общины, какъ самоодлѣющаго цѣлага. И наоборотъ, логическое развитіе противоположнаго принципа приводитъ къ теоретическому анархизму, при которомъ личность не признаетъ надъ собою никакой высшей власти, и всякая политическая организація, какъ организація, дѣлается невозможной. Между этими двумя крайностями, обязанными своимъ происхожденіемъ одностороннему возведенію въ принципъ лишь одного изъ основныхъ стремленій человеческой природы, и располагается вся политическая литература по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Задача политической науки въ данномъ вопросѣ заключается въ томъ, чтобы найти извѣстный критерій, на основаніи котораго можно было бы примирить между собою обѣ противоположности. И, нужно замѣтить, политическая литература включаетъ въ себѣ немало попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Но лучше всего вопросъ выясняется путемъ сопоставленія болѣе крайнихъ теорій. Таковы, на примѣръ, политическія ученія двухъ мыслителей XVII вѣка, Гоббса и Локка, сравненіе между которыми особенно поучительно. Оба эти писателя признавали, что государственному быту предшествовало тавъ называемое естественное состояніе, въ которомъ человѣкъ былъ вполне предоставленъ своимъ индивидуальнымъ силамъ. Современная наука отвергла эту концепцію, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что человѣкъ всегда жилъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, и что такого времени, когда бы онъ пользовался абсолютною свободою, никогда не существовало. Далѣе, оба писателя объясняли себѣ происхожденіе государства путемъ договора, который будто бы между собою заключили люди, жившіе раньше въ естественномъ состояніи; только мотивы и условія этого договора обоими писателями были поняты совершенно различно. Различіе мотивовъ, впрочемъ, для насъ здѣсь не имѣетъ существеннаго значенія. Другое дѣло — условія договора. У Гоббса люди отказываются отъ всѣхъ правъ, какими только обладали въ естественномъ состояніи, въ пользу государства, которое, благодаря этому, и приобретаетъ безграничную власть надъ своими гражданами.

Гоббсъ является настоящимъ предшественникомъ органической школы: его государство есть нѣчто въ родѣ громаднаго живого существа; оно—Левіаганъ, какъ бы самостоятельная личность (*civitas est persona una*). Въ такомъ государствѣ у гражданина нѣтъ ничего своего—до представленія о добрѣ и злѣ включительно. Религія и мораль являются только установленіями государства, коимъ гражданинъ долженъ безусловно повиноваться. Это есть отрицаніе свободы совѣсти во имя государственной религіи. Хорошаго и дурного самихъ по себѣ нѣтъ ничего: хорошимъ и дурнымъ гражданинъ долженъ считать то, что таковымъ предписываетъ ему считать государство. Такимъ образомъ ученіе Гоббса требовало поглощенія личности государствомъ. Оно воспроизводило античный взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало стремленіямъ новой государственности, которая утверждала свое всемогущество на развалинахъ средневѣковаго католико-феодальнаго строя. Теорія Локка отмѣтила другой процессъ новой исторіи, ея индивидуалистическую эволюцію, т.-е. стремленіе личности освободиться отъ всякой безграничной власти, гдѣ бы она ни находилась. По представленію Локка, вступая между собою въ договоръ, люди отказываются лишь отъ самой незначительной части своихъ естественныхъ правъ, сохраняя за собою всѣ остальные. Государство Локка не есть всепоглощающій организмъ; оно только частный союзъ, имѣющій свою цѣлью поддержаніе внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности. Благодаря этому, функціи государства у Локка до крайности ограничены, а за гражданами признается наибольшая свобода во всѣхъ сферахъ жизни, не касающихся непосредственно внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности государства. Въ теоріи Гоббса, такъ сказать, совершенно исчезаетъ человѣческая личность, въ теоріи Локка государство превращается въ простой частный союзъ. Многочисленные критики обоихъ мыслителей XVII вѣка признали, что каждая изъ этихъ двухъ теорій—крайность и односторонность: истина должна лежать гдѣ-нибудь посрединѣ.

Разсматривая политическую литературу новаго времени въ ея историческомъ развитіи, мы находимъ въ ней писателей, которые болѣе отстаивали или права государства, или права личности. Общему духу новаго времени съ его освободительными движеніями гуманизма, протестантизма и „просвѣщенія“ XVIII вѣка болѣе соотвѣтствуетъ литература второго рода. Цѣлый рядъ писателей бралъ на себя благородную задачу утвержденія правъ человѣческой личности и огражденія ихъ отъ всякаго деспотизма. Эти писатели, такъ сказать, исходили изъ того

общаго положенія, что не гражданинъ существуетъ для государства, а государство для гражданина. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ Вильгельмъ-фонъ-Гумбольдтъ, Бенжаменъ Констанъ, Джонъ Стюартъ Милль, особенно прославились въ принципиальной защитѣ индивидуальной свободы. Нужно, однако, замѣтить, что въ разное время такая защита происходила въ разныхъ областяхъ и на основаніи различныхъ аргументовъ. Ранѣе всего вопросъ возникъ въ религіозной области, когда реформація XVI вѣка поставила вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства въ дѣлахъ вѣры, и въ самомъ протестантизмѣ возникло два теченія, изъ коихъ одно провозгласило принципъ свободы совѣсти, другое — принципъ государственной церкви. Долгое время общій вопросъ получалъ главнымъ образомъ именно такую частную постановку. Въ настоящее время споръ между двумя основными концепціями ведется почти исключительно на другой почвѣ, именно на почвѣ экономической, въ формѣ вопроса о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь страны. Понятно, что, на примѣръ, религіозная и экономическая области слишкомъ далеки одна отъ другой для того, чтобы можно было рѣшать вопросъ о свободѣ личности и предѣлахъ власти государства совершенно одинаково для обѣихъ областей. Между тѣмъ, политическіе мыслители, отстаивавшіе права личности, долгое время не дѣлали никакого различія между безусловной религіозной свободой и безусловной свободой промышленной, видя въ нихъ лишь два разныхъ примѣненія въ сущности одного и того же принципа.

Постановка вопроса въ экономической литературѣ. Ученіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь возникло въ XVIII вѣкѣ, сначала въ школѣ физиократовъ, проповѣдовавшихъ „господство природы“, подъ коимъ они разумѣли господство частныхъ интересовъ; тогда же явилась и формула *laissez passer, laissez faire*, сдѣлавшаяся въ XIX вѣкѣ девизомъ экономического либерализма. Такое ученіе было реакціей противъ практики стараго государства, которое налагало свою опеку на всѣ проявленія общественной жизни, вмѣшиваясь одинаково и въ дѣла вѣры, и въ дѣла промышленности во имя такъ или иначе понимаемаго *raison d'état*. Промышленная свобода сдѣлалась однимъ изъ лозунговъ прогрессивныхъ партій: необходимость ея доказывалась какъ ссылкой на естественное право личности свободно располагать своею собственностью и своимъ трудомъ, такъ и соображеніями общей пользы. Предполагалось,

что каждый лучше, чѣмъ кто-либо другой, знаетъ собственную выгоду и нуждается только въ томъ, чтобы ему не мѣшали ее осуществлять, прилагая свой трудъ, какъ и гдѣ ему угодно. Предполагалось также, что свободное соперничество частныхъ интересовъ только одно и способно создать общественную гармонию: государство должно было предоставить экономическую жизнь ея собственному теченію, дѣйствию законовъ природы, — *laisser passer, laisser faire!* Только съ теченіемъ времени каждому непредубѣжденному человѣку сдѣлалось яснымъ, что такая теорія не выдерживаетъ критики. Если основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, вѣрилъ въ общественную гармонию, осуществляемую посредствомъ свободной конкуренціи частныхъ интересовъ, то въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. ученія Мальтуса и Ривардо пробили такую брешь въ теоріи экономической гармоніи, что ее нельзя уже было задрать никакими софизмами. Уже Сисмонди, этотъ экономистъ-романтикъ въ одной сторонѣ своего ученія и предшественникъ социализма въ другой, сталъ указывать на государство, какъ на силу, которая должна вмѣшиваться въ экономическую жизнь съ цѣлью защиты слабого отъ эксплуатаціи сильнымъ. Съ теченіемъ времени эта идея стала дѣлать все большіе успѣхи, пока не побѣдила противоположную точку зрѣнія. Но это уже не то вмѣшательство, противъ котораго возстали экономисты XVIII вѣка. Тогда рѣчь шла о необходимости правительственной регламентаціи въ сферѣ промышленности и въ интересахъ государства, и во имя правъ государства, т.-е. въ сущности ради выгодъ государственной казны и въ видѣ осуществленія притязаній государства на неограниченное господство во всѣхъ областяхъ частной и общественной жизни. Теперь дѣло было поставлено иначе: государственное вмѣшательство стало разсматриваться, какъ средство, цѣль коего — въ непосредственномъ благѣ индивидуумовъ, составляющихъ изъ себя общество, т.-е. это уже вмѣшательство не во имя правъ государства надъ личностью, а во имя правъ личности на общественную защиту, не въ интересахъ государства, какъ цѣлаго, требующаго жертвъ со стороны отдѣльныхъ своихъ частей, а именно въ интересахъ этихъ самыхъ его частей, т.-е. отдѣльныхъ личностей. Последнее замѣчаніе позволяетъ намъ сдѣлать такое общее замѣчаніе по интересующему насъ вопросу. Уваженіе въ правамъ личности должно полагать извѣстный предѣлъ государственному вмѣшательству въ частную жизнь, но послѣднее вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть оправдываемо и съ индивидуалистической точки зрѣнія, если вызывается необходимостью помочь личности отстоять и осуществить

свои права въ борьбѣ съ неблагоприятными социальными условиями, въ какія она можетъ быть поставлена. Новая теорія государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь и, слѣдовательно, ограниченія промышленной свободы такимъ образомъ отнюдь не противорѣчитъ тому принципу, по которому, напр., государство не имѣетъ права диктовать гражданамъ, во что они должны вѣрить. Одно дѣло—принесеніе личныхъ правъ въ жертву государству, другое дѣло — пользованіе правами государства для огражденія законныхъ интересовъ личности.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства въ экономической области рассматривался и до сихъ поръ рассматривается одинаково и въ политической, и въ экономической литературѣ, поскольку онъ одинаково касается и государства, и экономической жизни. Но въ политической экономіи вопросъ о личности и обществѣ получаетъ еще и другую постановку— о самомъ хозяйственномъ строѣ, который можетъ быть основанъ на двухъ противоположныхъ началахъ индивидуализма и коллективизма. Чисто политическая теорія государственнаго вмѣшательства предполагаетъ, что экономическій строй общества остается тотъ же самый, какой имѣютъ въ виду сторонники принципа *laisser passer, laisser faire*, т.-е. экономическій строй, основанный на частной собственности и частномъ хозяйствѣ, словомъ, на принципѣ индивидуализма. Все различіе между двумя теоріями въ томъ, что одна предоставляетъ индивидуальнымъ силамъ, участвующимъ въ экономической жизни общества, вѣдаться между собою, какъ онѣ сами того хотятъ или какъ это можетъ, другая же теорія находитъ нужнымъ вносить сюда извѣстный коррективъ, дабы помогать въ неравной борьбѣ тому, кто въ такой помощи нуждается, но обѣ теоріи признаютъ одинаково правомѣрность экономического индивидуализма, разумѣя подъ послѣднимъ систему частныхъ хозяйствъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ такая система (наприм., при господствѣ капиталистическаго хозяйства) наименѣе соотвѣтствовала благополучію наибольшаго количества индивидуумовъ въ обществѣ. Экономическая теорія физиократовъ и школы Адама Смита исходила именно изъ индивидуалистическаго представленія о народномъ хозяйствѣ. Въ XIX столѣтіи и противъ этого представленія возникла реакція, выдвинувшая впередъ принципъ не личнаго, индивидуальнаго, а общественнаго, коллективнаго хозяйства. Уже такъ называемые утопическіе социальные реформаторы начала XIX в., Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ, провозгласили принципъ ассоціаціи, которая должна замѣнить собою экономическую раз-

розрозненность частных предприятий. Въ тридцатыхъ годахъ новое направление получило и новое названіе — „соціализмъ“, которое и утвердилось за нимъ впоследствии. Это слово должно было выражать противоположность индивидуализма, коему теперь была объявлена война, какъ началу противообщественному, причемъ ранній соціализмъ, исходя главнымъ образомъ изъ моральной идеи, обнаружилъ сильную склонность разрѣшать всѣ спорные пункты между личностью и обществомъ не въ пользу личности. Позднѣйшій соціализмъ сдѣлался ученіемъ преимущественно, если не исключительно, экономическимъ, отказавшись, напр., отъ задачи создать новую соціальную религію, которой должны были бы подчиняться всѣ члены общества. Въ этомъ новомъ, такъ сказать, непримѣсномъ видѣ соціализмъ является экономической теоріей, ставящей принципъ коллективизма на мѣсто принципа индивидуализма, т.-е. провозглашающей принципъ организованнаго общественнаго хозяйства, вмѣсто системы разрозненныхъ частныхъ хозяйствъ.

Общія замѣчанія о постановкѣ вопроса въ политической и экономической литературѣ. Въ политической и экономической литературѣ вопросъ о личности и обществѣ распадается, собственно говоря, на три вопроса. Два изъ нихъ имѣютъ или специально политической, или специально экономической характеръ: это вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ индивидуума и государства и о преимуществахъ индивидуальнаго или коллективнаго хозяйства. Третій вопросъ — о вѣдѣтельности государства въ промышленную жизнь — имѣетъ и политическое, и экономическое значеніе, представляя изъ себя въ сущности связующее звено между двумя другими вопросами. Разграничивая права индивидуума и права государственной власти, мы должны дѣлать это особо для каждой сферы соціальной жизни въ отдѣльности: и съ этой точки зрѣнія вопросъ о правахъ личности и о правахъ государства въ экономической жизни есть только часть общаго вопроса, рѣшаемаго политической наукой. Съ другой стороны, вѣдѣтельность государства въ экономическую жизнь есть, такъ сказать, первый шагъ на пути общественной организаціи экономическихъ отношеній, превращающей отдѣльное и независимое существованіе разрозненныхъ хозяйственныхъ предприятий: это (въ логическомъ порядкѣ, по крайней мѣрѣ) этапъ отъ полной индивидуализаціи къ полной соціализаціи экономической жизни. Современное научное сознаніе пришло къ тому выводу, что въ интересахъ личнаго развитія и благополучія необходимо довести до minimum'a власть

государства въ духовной сферѣ и, наоборотъ, усилить эту власть въ сферѣ экономической. Въ прежнія времена опасались, что всякое расширеніе сферы дѣятельности государства будетъ опасно для личной свободы, но мало-по-малу научились различать между расширеніемъ этой власти, какъ цѣлью, т.-е. усиленіемъ государственнаго начала самого по себѣ, и расширеніемъ той же власти, какъ средствомъ для достиженія такихъ результатовъ, которые не по силамъ отдѣльнымъ личностямъ. Это принципъ государственнаго вмѣшательства не ради господства надъ обществомъ, какъ совокупностью гражданъ, а ради служенія интересамъ этихъ самыхъ гражданъ. Въ послѣднемъ смыслѣ, напримеръ, государственная организація народнаго образованія, — которую такіе индивидуалисты, какъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и Бенжаменъ Констанъ, хотѣли бы предоставить всецѣло частной инициативѣ, — является именно однимъ изъ видовъ помощи, какую способно оказывать государство гражданамъ въ ихъ индивидуальныхъ стремленіяхъ, лишь бы эта организація не ставила себѣ тѣхъ цѣлей, какими задавалось старое государство, считавшее себя въ правѣ диктовать своимъ подданнымъ, во что они должны вѣровать, и грозившее имъ карами за неповиновеніе своему всепоглощающему авторитету. Прибавимъ ко всему этому, что государство не только можетъ и должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія (не ради господства надъ обществомъ, а ради служенія обществу), но что оно неизбежно должно имѣть и свое собственное хозяйство. Прежняя индивидуалистическая теорія высказывалась самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякихъ экономическихъ предпріятій государственнаго характера, но жизнь не оправдала пессимистическихъ предсказаній о томъ, что государство въ роли хозяина окажется совершенно несостоятельнымъ. Но вѣдь былъ и такой моментъ — въ эпоху французской революціи, — когда объявлена была во имя индивидуальной свободы война всякому проявленію ассоціаціи въ сферѣ экономическихъ отношеній. Эта пора миновала, и ей больше не вернуться назадъ!

Отъ нашего вниманія не должна ускользнуть и еще одна особенность постановки интересующаго насъ вопроса въ политической и экономической литературѣ. Именно отношеніями между личностью и обществомъ мы можемъ интересоваться чисто теоретически, добываясь узнать, каковыми они бываютъ, почему они таковы и какъ они измѣняются, или интересоваться, наоборотъ, съ точки зрѣнія болѣе практической, дабы установить, какими эти отношенія должны быть. Въ политической и эконо-

номической литературѣ вопросъ получалъ главнымъ образомъ эту послѣднюю постановку, причемъ принципами для рѣшенія какъ общаго, такъ и частныхъ вопросовъ были права личности и общественная польза, между коими, однако, нерѣдко обнаруживался антагонизмъ, заставлявшій многихъ слишкомъ рѣшительно становиться на ту или другую сторону. Но изъ слишкомъ исключительнаго пониманія правъ личности выводилась теорія, которая приводила логически къ праву сильнаго безъ зазрѣнія совѣсти эксплуатировать слабаго, что едва ли входитъ въ программу истиннаго индивидуализма. Или, съ другой стороны, идею общественной пользы можно расширить до такой степени, что она ничѣмъ не будетъ отличаться отъ принципа государственной необходимости (*raison d'état*), которою оправдывались въ свое время такіе порядки, какъ крѣпостное право, и всякія деспотическія мѣры, нарушавшія самыя элементарныя права личности. Въ постановкѣ вопроса о томъ, каковы *должны быть* отношенія личности и государства (или общества), существенное значеніе имѣетъ та цѣль, которая при этомъ мыслится, какъ принципъ, опредѣляющій собою то или другое долженствованіе. Эта цѣль можетъ заключаться либо въ личностяхъ, изъ коихъ состоитъ общество, либо въ самомъ ообществѣ, какъ особомъ существѣ, для котораго только и существуютъ составляющіе его индивидуумы. Послѣдняя точка зрѣнія была представлена въ политической литературѣ особенно Платономъ и Гоббсомъ, а въ новѣйшее время мистическимъ социализмомъ или сектантскимъ коммунизмомъ. Прежняя политическая литература, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, оставила въ наслѣдство социологіи эту дилемму: есть ли общество лишь совокупность извѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою индивидуумовъ, изъ коихъ каждый въ самомъ себѣ носитъ цѣль своего существованія, или оно само есть особое существо, имѣющее свою цѣль, независимую отъ цѣлей составляющихъ общество единицъ. Мы увидимъ, что социологія зародилась въ такую эпоху и въ такомъ общественномъ теченіи, въ коихъ довольно рѣшительно выдвинулась впередъ вторая точка зрѣнія. Мы увидимъ также, что въ нѣдрахъ самой социологіи возникла и оппозиція противъ такой точки зрѣнія.

Еще одно замѣчаніе. Въ какомъ бы смыслѣ старая политическая и экономическая литература ни рѣшала вопросъ (т.-е., говоря коротко, въ пользу личности или въ пользу общества, хотя, конечно, это нельзя назвать точнымъ выраженіемъ дилеммы), она ставила вопросъ исключительно на точку зрѣнія

долженствованія, исходя изъ отвлеченныхъ понятій и давая свои отвѣты на основаніи общихъ соображеній—безъ изученія исторической дѣйствительности. Первый шагъ къ научному рѣшенію вопроса, которое можетъ быть основано лишь на изученіи дѣйствительности, былъ сдѣланъ историческою школою политическихъ мыслителей и изслѣдователей экономическихъ вопросовъ. Всякое рѣшеніе вопроса о должномъ безъ знанія того, что возможно, конечно, будетъ неполно и ошибочно. Историческое изученіе политическихъ и экономическихъ фактовъ открыло, что взаимныя отношенія между личностью и обществомъ въ сферѣ государственной и хозяйственной жизни бываютъ весьма различныя, что опредѣляются они какъ степень личнаго развитія въ данномъ обществѣ, такъ и внѣшними, и внутренними условіями существованія самого общества, что на разныхъ стадіяхъ соціального развитія одни и тѣ же отношенія были бы неодинаково полезны, если бы даже были возможны, или неодинаково необходимы, если бы даже были вполне справедливы. Сравнительное изученіе тѣхъ же фактовъ позволило установить нѣкоторыя общія истины, касающіяся эволюціи интересующихъ насъ политическихъ и экономическихъ отношеній между личностью и обществомъ. Задача соціологіи—открыть законы этихъ отношеній, охватить все ихъ разнообразіе съ причинами тѣхъ или другихъ комбинацій, какія только здѣсь встрѣчаются, и выяснить тѣ стремленія, которыя производятъ всѣ измѣненія въ этихъ отношеніяхъ и такимъ образомъ вызываютъ ихъ эволюцію.

Тотъ же вопросъ съ юридической точки зрѣнія. Юридическая точка зрѣнія возможна и въ политическихъ, и въ экономическихъ вопросахъ, т.-е. въ вопросахъ государства и хозяйства. Въ цивилизованныхъ націяхъ мѣра свободы гражданъ и предѣлы власти государства получаютъ юридическое опредѣленіе. Юридическія опредѣленія охватываютъ собою и разныя экономическія отношенія общества. Историческое и сравнительное изученіе права показываетъ, что на раннихъ ступеняхъ своего развитія право призвано было охранять интересы не столько отдѣльныхъ личностей, сколько разныхъ общественныхъ союзовъ. Индивидуализмъ въ правѣ—явленіе сравнительно болѣе позднее. Теоретически на точку зрѣнія личности стали ставить вопросы права впервые развѣ только греческіе софисты. Лишь долгимъ процессомъ мысли—да и то подъ вліяніемъ чисто индивидуалистической философіи стоиковъ—римскіе юристы выработали свое „естественное право“, которое провозгласило, что всѣ люди

ной системы отношеній, т.-е. въ смыслѣ культурнаго единства и соціальной организаціи.

Постановка вопроса въ психологіи и исторіологіи. Въ моментъ своего возникновенія соціологія имѣла передъ собою, кромѣ индивидуалистической юриспруденціи, которую она сразу отвергла, политическія и экономическія ученія двоякаго рода: одни имѣли характеръ болѣе или менѣе индивидуалистическій и продолжали традиціи XVIII вѣка; въ другихъ, наоборотъ, находила одно изъ своихъ выраженій тогдашняя реакція противъ индивидуализма XVIII вѣка, реакція главнымъ образомъ культурная, соединявшаяся болѣею частью съ реакціей и политико-соціального характера, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, напротивъ того, ставившая весьма смѣло задачу коренного переустройства общества на совершенно новыхъ началахъ, противоположныхъ какъ „старому порядку“, такъ и индивидуалистической философіи XVIII вѣка. Контъ вмѣстѣ съ индивидуалистическою юриспруденціей отвергъ и подобнаго же рода политическія и экономическія теоріи, характеризовавшія тогдашній либерализмъ, чтобы примкнуть къ ученіямъ противоположнаго характера. Если бы въ то время уже существовала коллективная психологія, которая сама начала складываться уже подъ вліяніемъ соціологической мысли, онъ, конечно, не преминулъ бы обратиться къ ней для обоснованія своихъ соціологическихъ взглядовъ, но въ его распоряженіи была только одна индивидуальная психологія, и вотъ онъ, объясняя умственную эволюцію человѣчества, совершенно удовлетворился фикціей индивидуума, который вѣчно живетъ и постоянно учится. Мы увидимъ, что въ самой коллективной психологіи, — первыя попытки которой относятся уже къ нашему времени, — возникло двоякое пониманіе взаимныхъ отношеній между индивидуальной и коллективной душой. Уже у реакціонныхъ писателей начала XIX вѣка и въ исторической школѣ права мы встрѣчаемся съ идеей народнаго духа, или коллективнаго сознанія, противопоставляющагося личному разуму, въ коемъ и крайніе реакціонеры, и самые смѣлые реформаторы видѣли причину всякихъ золъ.

Въ это же самое время происходилъ переворотъ и въ исторіологическихъ взглядахъ, который былъ нами отмѣченъ раньше: XVIII вѣкъ представлялъ историческій процессъ, какъ результатъ дѣятельности личностей, вѣрилъ въ силу человеческого творчества и объяснялъ имъ однимъ какъ происхождение, такъ и преобразованія языковъ, религій, законовъ, образовъ правленія и т.-п., теперь же явилось ученіе о безличномъ процессѣ

соціальної еволюції. Філософська і історіологічна постановка питання про особистість і суспільство, яку ми знаходимо в літературі початку ХІХ в., рівним чином виходила з бажання визначити, якими повинні бути відносини між особистістю і суспільством. Предшествуюча епоха провозгласила „права людини і громадянина“, з якими повинно було сформуватися і державне устроєння, і цим визнала за особистістю право на переустроєння суспільства, згідне з її видами і прагненнями. Реакційна школа заявила такої погляду дерзкою ересю і, висунувши протилежний тезис, взяла на себе завдання теоретично обґрунтувати свою точку зору. Їю була розроблена нова концепція історії, як процесу, що відбувається за допомогою причин, глибоко закладених в самі основи суспільного життя, але жорстоке, з яким представники цього напрямку нападали на дерзновенний особистий розум, виявляючи, що в глибині душі вони вважали цей особистий розум далеко не таким безсилним, яким йому вважалося бути за їх історіологічної концепції. Вони сумно ввірили все-таки в його силу, але тільки бачили в ньому не інструмент добра, як філософи ХІХ в., а причину зла: все хороше для них заключалося в ідеалізованому загальному свідомості або народному духу, який сам був тільки олицетворенням традиційного догматизму, стадного почуття, інстинктивного підкорення існуючим порядкам і пасивного покірності встановленим властям. Зрозуміло, що у реакційних письменників повинна була розвинутися і своєрідна психологія, запроваджувана особистістю в повне культурне поглинання в маси.

Реакція проти індивідуалізму в суспільних теоріях початку ХІХ в. Реакція проти політичної метафізики ХІХ в., підготувавши ґрунт для позитивної науки про суспільство ¹⁾, була і реакцією проти індивідуалізму. В те саме час, як Жозеф де Местр доказував, що суспільство не є і бути не може ділом людських рук, інший письменник тієї ж школи проповідував, що суспільство, як кожне живе істоту, має свої власні цілі, і що ці цілі мають самі і виконуються в його історичному житті шляхом підкорення цим цілям — індивідуумів, що складають суспільство. „Людина, буквально заявляв Бональд, існує тільки для суспільства; суспільство

¹⁾ См. вище, стр. 9—11.

формируетъ его только *ради* самого себя“. По его словамъ, не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія, на сторону какой формулы стать изъ двухъ формулъ, раздѣляющихъ между собою всѣ умы въ Европѣ: или „человѣкъ дѣлаетъ самого себя и дѣлаетъ общество“, или же „общество само себя дѣлаетъ и дѣлаетъ человѣка“. Бональдъ, кромѣ того, ставитъ въ упрекъ философамъ XVIII вѣка, что они занимались лишь индивидуальнымъ человѣкомъ, отдѣльнымъ я: свою философію онъ называлъ философіей общественнаго человѣка, философіей не я, а мы (*philosophie du nous*). Наконецъ, онъ говорилъ, что „въ обществѣ нѣтъ правъ, а есть только обязанности“. Балланшъ, тоже писатель реакціонной школы, равнымъ образомъ доказывалъ безсиліе личности и требовалъ ея подчиненія цѣлямъ общества. Съ особою настойчивостію онъ говорилъ о значеніи традиціи и непрерывности общественной жизни во времени и пространствѣ. Человѣкъ съ этой точки зрѣнія только „воспринимаетъ и слѣдуетъ движеніямъ, получаемымъ имъ отъ того цѣлаго (*le tout*), часть коего онъ составляетъ. Индивидуальность существуетъ не для него въ этомъ мірѣ“. Извѣстно, что Жозефъ де Местръ оказалъ сильное вліяніе на Конта. Бональдъ былъ также въ большомъ почетѣ у Сень-Симона, непосредственнаго учителя Конта. Самъ сень-симонизмъ, особенно у главарей школы, отличался рѣзкимъ анти-индивидуалистическимъ характеромъ: какъ религія, это социальное ученіе явилось сколкомъ съ средневѣкового католицизма — до полнаго поглощенія личности въ общинѣ, до безусловнаго подчиненія ея авторитету религіозной власти. Тотъ же духъ, враждебный „правамъ человѣка и гражданина“ и индивидуальной свободѣ, царствовалъ и въ мистическихъ системахъ болѣе позднихъ социальныхъ реформаторовъ, Бюшеза и Пьера Леру. Наконецъ, такимъ же характеромъ отличается коммунизмъ Кабе, у котораго общество, взявшее на себя осуществленіе всеобщаго счастья, „все въ себѣ сосредоточиваетъ, всѣмъ располагаетъ, все направляетъ, подчиняетъ всѣ воли и всѣ дѣйствія своему правилу, своему порядку, своей дисциплинѣ“. Среди социальныхъ ученій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ только фурьеризмъ отстаивалъ и даже развивалъ до крайнихъ логическихъ послѣдствій принципъ индивидуальной свободы.

ГЛАВА XIII.

Личность и общество въ социологической литературѣ.

Реакція противъ индивидуализма у Конта. Контъ воспитался и жилъ въ той духовной атмосферѣ, въ которой только и могла зародиться и получить дальнѣйшее развитіе эта реакція противъ индивидуализма. Основатель социологіи придалъ по этому новой наукѣ рѣзкій анти-индивидуалистическій характеръ. Подобно писателямъ реакціонной школы и представителямъ зарождавшагося социализма, онъ началъ заниматься общественными вопросами не въ качествѣ чистаго теоретика, а ища выхода изъ кризиса, переживавшагося европейскимъ обществомъ послѣ французской революціи и не одному Конту казавшагося анархіей. Мысль о необходимости социальной реорганизаціи была такимъ образомъ отправнымъ пунктомъ Конта, и свою задачу онъ думалъ исполнить, отвергнувъ пагубный индивидуализмъ „критической эпохи“. Корень этого индивидуализма онъ усматриваетъ въ личномъ разумѣ, который онъ называетъ „свободнымъ изслѣдованіемъ индивидуума“ (*le libre examen individuel*): это—основной источникъ всѣхъ видовъ индивидуальной свободы. Въ свое время этотъ догматъ былъ необходимъ (именно въ формѣ свободы совѣсти), но изъ того, что когда-то онъ принесъ пользу, отнюдь, думаетъ Контъ, не слѣдуетъ, будто это узакониваетъ его значеніе на вѣчныя времена. Для свободы совѣсти нѣтъ мѣста, да и быть не можетъ мѣста для свободы совѣсти въ астрономіи, физикѣ или химіи; просто нелѣпо было бы не вѣрить на слово (*de ne pas croire de confiance*) компетентнымъ людямъ, устанавливающимъ истину этихъ наукъ. То же самое должно быть и съ политикою, превращенною въ настоящую науку: нѣтъ общества, если ты провозглашаешь „суверенитетъ каждаго индивидуальнаго разума“! Когда исчезнетъ свобода изслѣдованія, исчезнутъ и учрежденія, съ нею связанная, а въ ихъ числѣ исчезнетъ и право, это „безнравственное и анархическое понятіе“: въ реорганизованномъ обществѣ существовать будутъ лишь обязанности. Индивидуальный человѣкъ есть простая абстракція; реально только общество. Позднѣе Контъ пришелъ къ тому выводу, что люди суть не „отдѣльные существа“ (*êtres séparés*), а „органы Великаго Существа“. Критическая доктрина (т.-е. инди-

видуализмъ XVIII вѣка) только разъединяетъ людей, а потому она должна быть замѣнена принципомъ общительности, который ихъ сближаетъ. Этотъ принципъ Контъ нашелъ, подобно другимъ своимъ современникамъ, въ средневѣковомъ католицизмѣ. Позитивная философія должна только завершить дѣло, столь успѣшно начатое католицизмомъ. Роль духовенства переходитъ къ ученымъ. Въ научной области никто не смѣетъ выражать свое мнѣніе, не запасшись знаніями: не иначе должно быть и въ политикѣ, разъ рѣчь идетъ о самыхъ важныхъ и трудныхъ вопросахъ. Что остается свободнымъ отъ подчиненія духовной власти, то отдается Контомъ въ вѣдѣніе власти свѣтской, которую онъ представляетъ себѣ въ видѣ диктатуры. Недаромъ Милль характеризовалъ политическую систему Конта, какъ „самую законченную систему духовнаго и свѣтскаго деспотизма, которая только выходила изъ головы одного человѣка, за исключеніемъ, быть можетъ, Игнатія Лойолы“. Благодаря именно такому характеру своему, ученіе Конта было встрѣчено враждебно не только реакціонерами, видѣвшими въ основателѣ позитивизма вольнодумца и атеиста, но и либералами за то, что онъ изгонялъ свободу изъ человѣческаго общества. Въ глазахъ многихъ сама соціологія сдѣлалась синонимомъ ученія о поглощеніи личности обществомъ, о подавленіи индивидуальной свободы и о безграничномъ расширеніи правъ общественной власти. Думать, однако, такъ значить смѣшивать въ своемъ умѣ двѣ разныя вещи: самую науку объ обществѣ, которая можетъ быть построена и на иномъ пониманіи личнаго начала, и одно изъ общихъ представленій объ обществѣ, нерѣдко высказывавшееся въ литературѣ еще до возникновенія соціологіи и могущее существовать вообще и внѣ соціологіи. Въ Контѣ слѣдуетъ различать основателя положительной науки объ обществѣ, опредѣлившаго ея предметъ, задачу и методъ, и одного изъ представителей идейной реакціи противъ индивидуализма XVIII вѣка. Однимъ изъ первыхъ сумѣлъ сдѣлать это различеніе Милль, авторъ книги „О свободѣ“, одного изъ лучшихъ литературныхъ памятниковъ прогрессивнаго индивидуализма.

Соціологическая постановка вопроса. Соціологія должна ставить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ и шире, и научнѣе, чѣмъ дѣлали это въ свое время болѣе старыя общественныя науки. По самому существу своему государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія рассматриваютъ только извѣстныя стороны этихъ отношеній, причемъ даже въ своей совокупности они не исчерпываютъ всего

вопроса. Задача социологии—разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и глубже внѣснуть въ его сущность. Болѣе старыя общественныя науки рѣшали вопросъ о томъ, какія отношенія должны существовать между личностью и обществомъ, разсматривалось ли послѣднее, какъ единое цѣлое, какъ государство (политическая точка зрѣнія), или какъ совокупность индивидуумовъ, т.-е. такъ называемое гражданское общество (цивилистическая точка зрѣнія), или же съ хозяйственной стороны своего существованія (экономическая точка зрѣнія); социология же прежде всего должна поставить вопросъ, въ чемъ заключаются взаимныя отношенія между личностью и обществомъ, взятымъ во всѣхъ его проявленіяхъ, какія отношенія бываютъ между ними и вообще между ними возможны. Эта чисто-научная точка зрѣнія, присущая социологии, повліяла на постановку вопроса и въ старшихъ наукахъ, которыя въ своихъ историческихъ и сравнительно-историческихъ направленіяхъ изучаютъ въ настоящее время и фактическія отношенія между личностью и обществомъ. Исслѣдуя предметъ со всѣхъ сторонъ и выдвигая на первый планъ общій consensus культурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и политическихъ явленій,—въ числу конхъ относятся и различныя отношенія между личностью и обществомъ,—социология должна найти ихъ общую основу, тѣ тающіяся въ самой глубинѣ общественной жизни начала, лежащія въ основѣ тѣхъ или другихъ отношеній, какія только наблюдаются въ дѣйствительности. Научное значеніе всѣхъ теорій, возникшихъ въ видѣ реакціи индивидуалистическимъ ученіямъ XVIII вѣка, заключалось въ томъ, что они сдѣлали предметомъ особаго вниманія самую общественность, какъ бы распылчато и туманно ни было это понятіе въ большей части этихъ теорій. Правда, представители анти-индивидуалистической реакціи поторопились рѣшить вопросъ, не давши себѣ труда его поставить, и рѣшили его въ смыслѣ полного отрицанія личности и притомъ подъ вліяніемъ чисто практическихъ соображеній, едва подозрѣвая, что у вопроса есть и чисто теоретическая сторона; но создавая новое понятіе общества, болѣе широкое, чѣмъ понятіе государства или общества, взятаго лишь въ юридическомъ либо экономическомъ смыслѣ, понятіе общества, какъ чего-то, со всѣхъ сторонъ охватывающаго личность и ее опредѣляющаго, образующаго, прямо производящаго, эти писатели вырабатывали, такъ сказать, новый объектъ для научнаго изученія. Контъ, который лучше другихъ понялъ задачу общественной науки, шедшей на смѣну политической ме-

тафизики XVIII вѣка, не сумѣлъ, однако, поставить вопросъ, насъ теперь интересующій, надлежащимъ образомъ. И у него все-таки основная мысль опредѣляется тѣмъ, каковы должны быть отношенія между личностью и обществомъ, да и само общество берется у него преимущественно съ политической своей стороны, какъ извѣстная организація, въ которой должна существовать власть, создающая и поддерживающая въ обществѣ порядокъ и руководящая его движеніями. У Конта; скажемъ даже, еще совсѣмъ нѣтъ настоящей соціологической постановки вопроса о личности и обществѣ: этому вопросу суждено было лишь мало-помалу выдвинуться впередъ въ соціологической литературѣ. Если XVIII в. преувеличивалъ значеніе личнаго начала, то представители антииндивидуалистической реакціи преувеличили значеніе общественности и прямо дошли до противоположной крайности, сдѣлавъ попытку совсѣмъ устранить личное начало изъ своихъ соображеній о природѣ общества.

Это соціологическое увлеченіе должно было однако вызвать оппозицію со стороны и реакцію въ нѣдрахъ самой позитивной науки объ обществѣ. Оппозиція со стороны не могла, впрочемъ, дать ничего новаго для рѣшенія вопроса: она исходила изъ понятій и вращалась въ кругу идей, противъ которыхъ не безъ основанія возсталъ новая наука. Гораздо важнѣе была реакція, возникшая въ самой соціологической литературѣ. Если одна часть соціологовъ успокоилась на представленіи общества, какъ организма, даже не подозревая, что существуетъ какой-то вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между общественностью и личнымъ началомъ, то другая часть, усвоивъ новое понятіе общества, пошла далѣе и стала сомнѣваться, вѣрно ли еще то, что научное пониманіе общественности несомнѣстимо съ признаніемъ и личнаго начала. Эта группа соціологовъ, — въ коей слѣдуетъ причислить называвшихся уже не разъ русскихъ представителей нашей науки, весьма рано пришедшихъ къ правильной постановкѣ вопроса, — признала, что хотя общество и состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, но не есть простая лишь ихъ сумма, а есть особаго рода бытіе, и что, съ другой стороны, состоя изъ личностей, общество существуетъ тѣмъ не менѣе не само собою и не для самого себя, а чрезъ личности и для личностей, изъ коихъ оно состоитъ. Задача, какую поставили себѣ эти соціологи, можетъ быть опредѣлена, какъ желаніе понять взаимныя отношенія личнаго начала и общественности и въ соціальной, и въ индивидуальной жизни и понять ихъ по возможности всесторонне и глубоко. Общественность проявляется

въ различныхъ культурныхъ и социальныхъ формахъ, опредѣляющихъ и даже подчиняющихъ себѣ отдѣльныя индивидуальныя единицы, изъ коихъ складывается общество: вопросъ въ томъ, насколько личность только опредѣляется этими формами и только имъ подчиняется, и насколько, съ другой стороны, сами эти формы независимы отъ воздѣйствія на нихъ со стороны личности. Въ другой формѣ это—вопросъ о томъ, есть ли исторія общества безличная эволюція или это—личный процессъ, хотя бы и не таковой, какимъ представляла его себѣ индивидуалистическая философія XVIII вѣка. Мы уже знаемъ, что точка зрѣнія Конта выражается словами „*évolution spontanée*“, но еще вопросъ, какими силами производится эта эволюція и какое значеніе принадлежитъ среди этихъ силъ личнымъ дѣйствіямъ. Культурныя и социальныя формы, въ коихъ проявляется общественность, опредѣляютъ и подчиняютъ себѣ личность, но вопросъ еще, какое значеніе имѣютъ эти опредѣленіе и подчиненіе, почему они пассивно принимаются личностью и всегда ли личность пассивно ихъ принимаетъ, въ этомъ ли, далѣе, заключается цѣль существованія культурныхъ и социальныхъ формъ или же личность пользуется ими, какъ средствами для достиженія своихъ или чужихъ, во всякомъ случаѣ какихъ-либо личныхъ цѣлей. Другими словами, личность ли существуетъ для общества, или общество для личности, и какъ возникаетъ и въ какихъ направленіяхъ развивается связь между общественностью, стремящейся превратить индивидуумъ въ зависимую и служебную часть нѣкоего ббльшаго цѣлаго, и личнымъ началомъ, отстаивающимъ самостоятельность и самоцѣльность индивидуального бытія? Мы видимъ, насколько такая постановка вопроса о личности и обществѣ отличается отъ постановки его въ частныхъ общественныхъ наукахъ. Эта социологическая постановка имѣетъ характеръ философскій. Вопросъ самъ по себѣ старъ, такъ даже старъ, какъ стара пытливая мысль: позитивная социологія даетъ ему лишь новую постановку, являясь съ новыми научными понятіями, и пытается рѣшить его новыми средствами.

Сложность социологическаго вопроса. Простого рѣшенія этого вопроса, конечно, быть не можетъ. Понятія личнаго начала и общественности слишкомъ сложны, и выражаемыя ими явленія слишкомъ разнообразны для того, чтобы можно было отвѣтить на вопросъ какою-либо одной формулой. Во-первыхъ, подъ личнымъ началомъ разумѣютъ и индивидуальную оригинальность въ разныхъ проявленіяхъ ума, чувства и воли, и эгоистическія стремленія, выражающіяся также различнымъ

образомъ, напр., въ необщительности, въ социальномъ индивидуализмѣ, даже въ прямыхъ противообщественныхъ дѣйствіяхъ и т. п., и отстаиваніе своей свободы отъ всякаго деспотизма, стремящагося навязать личности то, чего она не хочетъ принять, и пр. и пр. Все это разные виды личнаго начала, социальное значеніе коихъ весьма различно. Въ отдѣльныхъ индивидуумахъ они существуютъ, такъ сказать, въ разныхъ количествахъ и въ разныхъ комбинаціяхъ: все зависитъ отъ прирожденныхъ свойствъ, отъ внѣшнихъ условій воспитанія и жизни, отъ степени развитія и типа данной культурно-соціальной среды. Съ другой стороны, въ понятіе общественности входятъ весьма несходныя между собою вещи, часто объединяющіяся между собою только отрицательною стороною дѣла, противоположностью личному началу или его отсутствіемъ. Таковы подражательность, изъ коей Тардъ дѣлаетъ основу социальныхъ явленій, или сознаніе рода, въ которомъ Гиддингсъ усматриваетъ первичный фактъ социологіи, стадное чувство, альтруизмъ, социальный инстинктъ, коллективизмъ и пр. и пр. И значеніе всего этого въ личной жизни весьма различно. Вообще между обществомъ и личностью въ каждый данный моментъ времени существуетъ не одно какое-либо отношеніе, а цѣлая система отношеній, которая въ одномъ и томъ же обществѣ, сохраняя извѣстное единство, сильно разнообразится для отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общественныхъ группъ, и которая иногда не остается неизмѣнною для одной и той же личности. Наука имѣетъ здѣсь дѣло именно съ разными категоріями отношеній психическихъ и экономическихъ, культурныхъ и политическихъ, съ разными ихъ комбинаціями и системами, отличающимися неодинаковыми степенями простоты и сложности, цѣльности и противорѣчивости, съ явленіями, однимъ словомъ, находящимися въ постоянномъ измѣненіи и движеніи, въ вѣчномъ теченіи и развитіи. И зависимость личности отъ общества, и воздѣйствіе личности на общество могутъ быть и большими, и меньшими. смотря по личности и по обществу, смотря по свойствамъ даннаго отношенія. Нѣтъ только личности, абсолютно независимой отъ общества; нѣтъ только общества, абсолютно поглощающаго личность. Личность и общество находятся въ непрерывномъ взаимодействіи: одно другимъ обуславливается, опредѣляется, создается. Сложность вопроса увеличивается еще субъективнымъ моментомъ. Фактическая зависимость индивидуума отъ культурно-соціальной среды можетъ быть весьма большою, можетъ доходить чуть не до полнаго поглощенія

индивидуальности средою, но сознание этой зависимости у самого индивидуума может быть, наоборот, очень слабым. Вообще между объективным фактом и субъективным его сознанием нѣтъ необходимаго совпаденія. Мало развитой человекъ не сознаетъ того, что всѣ его мысли суть не его мысли, а мысли окружающихъ его людей. Напротивъ, оригинальный мыслитель очень хорошо понимаетъ, что умственнымъ своимъ богатствомъ онъ обязанъ другимъ, которые ранѣе его думали о тѣхъ же вещахъ. Равнымъ образомъ одинъ человекъ можетъ быть въ весьма сильномъ подчиненіи и очень мало имъ тяготиться, и наоборотъ, другой человекъ съ трудомъ переноситъ гораздо меньшее ограниченіе своей свободы. И здѣсь такимъ образомъ субъективное чувство не должно необходимо соответствовать объективному отношенію.

Одностороннія социологическія рѣшенія вопроса. Прежде чѣмъ рѣшать этотъ сложный вопросъ, наука должна опредѣлить, что такое индивидуумъ, являющійся для социологій составною частью общества. Это — вообще задача биологій и психологій, въ особенности же задача послѣдней науки, поскольку общество есть не простое скопленіе организмовъ, а система, вырастающая на почвѣ внутренней психической жизни и внѣшняго психическаго взаимодействія индивидуумовъ. Индивидуумъ, какъ составная часть общества, есть прежде всего психическая единица, будетъ ли то, напр., муравей, бобръ или человекъ. Чтобы правильно понять цѣлое, нужно прежде всего изслѣдовать части, изъ коихъ это цѣлое складывается: иначе не поймешь ни самого цѣлаго, ни того отношенія, какое существуетъ между цѣлымъ и его частями. Изъ четырехъ основныхъ направленій, различаемыхъ нами въ социологической литературѣ, этому требованію сколько-нибудь соответствуетъ только одно, именно направленіе психологическое, которое, какъ мы увидимъ, начинаетъ оказывать все большее и большее вліяніе на всѣ остальные. Между ними направленіе узко дарвинистическое, въ настоящее время совсѣмъ отжившее, останавливается на биологическомъ объясненіи общества, рассматривая отдѣльные индивидуумы, лишь какъ организмы. На этой почвѣ нельзя рѣшать вопросъ о личности и обществѣ, ибо прежде всего тутъ и общества-то никакого еще нѣтъ, а есть только зоологическій видъ. За то эта точка зрѣнія благопріятна индивидуализму, хотя бы и одностороннему: измѣненіе видовъ происходитъ путемъ накопленія и закрѣпленія индивидуальных отклоненій отъ господствующаго типа, т.-е. путемъ, если можно такъ выразиться, своеобразныхъ

личныхъ инициативъ, и вся жизнь особи проходить въ борьбѣ за собственное существованіе или существованіе ея потомства, т.-е. опредѣленныхъ особей, отъ нея отдѣлившихся, причемъ особь вовсе не заботится о благополучіи вида, т.-е. не ставитъ себѣ общественныхъ цѣлей. Другое дѣло — органическая школа и экономическій матеріализмъ. Эти ученія исходятъ не изъ понятія индивидуума, а изъ понятія общественной организаціи, которую одно понимаетъ преимущественно политически, другое — исключительно экономически, одно — какъ организмъ, заключающій въ себѣ отдѣльныя личности, другое — какъ среду, охватывающую эти личности. Психологическое направленіе занимаетъ среднюю позицію: оно указываетъ на то, что индивидуумъ есть не только организмъ, но и психическая единица, и что переходъ отъ индивидуума къ обществу, какъ организаціи, заключающей въ себѣ множество индивидуумовъ, заключается въ психическомъ взаимодействіи этихъ единицъ. Органическая школа и экономическій матеріализмъ пренебрегаютъ психическими элементами общества (личностями) и психическими моментами социальной жизни (указаннымъ взаимодействіемъ личностей): въ этомъ ихъ недостатокъ, какъ социологическихъ теорій, если только социологія должна заключать въ себѣ точную и полную теорію взаимныхъ отношеній между личностью и обществомъ. Но и психологическое объясненіе, вполне отрѣшившееся отъ точки зрѣнія индивидуальной психологіи, можетъ быть одностороннимъ. Оно будетъ одностороннимъ, если остановится на одномъ психическомъ взаимодействіи, оставивъ безъ вниманія общественную организацію, ибо общество есть именно психическое взаимодействіе *многъ* известная организація практическихъ отношеній. Психологическое объясненіе будетъ одностороннимъ и въ томъ случаѣ, если не сумѣетъ разрѣшить надлежащимъ образомъ антитезу личности и общества въ психической жизни и, вмѣсто того, чтобы сочетать личное начало и общественность въ изучаемыхъ коллективной психологіей явленіяхъ, принесетъ первое всецѣло въ жертву второму. Вѣдь именно это уже и пытались дѣлать реакціонные писатели начала XIX вѣка въ своей враждѣ къ личному разуму и въ своемъ преклоненіи передъ общимъ сознаніемъ и народнымъ духомъ. Вопросъ, повторяемъ, слышомъ сложенъ, чтобы его могло удовлетворительно рѣшить какое бы то ни было одностороннее направленіе. Притомъ и однихъ отвлеченныхъ соображеній, изъ коихъ исходятъ всѣ направленія, не исключая и психологическаго, еще мало для рѣшенія этого

вопроса. Нужно еще знать, какія отношенія вообще существовали между личностью и обществом въ различные времена и въ разныхъ странахъ, при разныхъ условіяхъ и на разныхъ степеняхъ развитія: только историческое и сравнительное изученіе этихъ отношеній способно пролить и на самомъ дѣлѣ уже проливаетъ надлежащій свѣтъ на этотъ вопросъ. Но и въ только-что указанномъ направленіи социологіи возможно одностороннее отношеніе къ предмету, именно сосредоточеніе всего вниманія на однѣхъ культурныхъ и социальныхъ формахъ безотносительно въ личностямъ, чрезъ которыя эти формы существуютъ и для которыхъ онѣ имѣютъ то или другое значеніе. Сравнительно-историческая социологія ограничивается иногда лишь внѣшнею стороною общественныхъ явленій, формами и учрежденіями, забывая, что эти формы и учрежденія существуютъ не сами по себѣ и не для себя и что дѣло касается живыхъ людей, которые такъ или иначе на нихъ смотрятъ и то или другое отъ нихъ испытываютъ.

Необходимость правильнаго пониманія личности. Разъ пониманію общества должно предшествовать пониманіе личности, необходимо, чтобы послѣднее было вполне научно. Въ настоящее время психологія отрѣшается отъ всякой метафизики, сдвывая въ архивъ или оставляя любителямъ неразрѣшимыхъ споровъ вопросъ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ. Она знаетъ только „душу“, соединенную съ тѣломъ, но не думаетъ, чтобы душа была только „функціей“ тѣла. Для нея человѣческое я есть не какая-то „сущность“, а одно изъ явленій доступнаго нашему знанію міра. Это я, какъ „духовное начало“, познается внутреннимъ опытомъ, и внѣ этого опыта нѣтъ иныхъ способовъ познавать это начало: „души“ отдѣльныхъ влѣточекъ (хотя бы и мозговыхъ только), изъ коихъ состоитъ человѣческой организмъ, или „души“ цѣлыхъ обществъ, складывающихся изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, относятся къ области метафизическаго творчества, и наукѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Отрѣшенная отъ метафизики, психологія должна изучать душевную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, на разныхъ степеняхъ развитія и въ ея отношеніяхъ ко всей окружающей обстановкѣ. Отношенія человѣка къ внѣшней природѣ, въ другимъ людямъ и къ обществу, какъ единому цѣлому, могутъ быть утилитарными, когда человѣкъ видитъ въ природѣ, въ людяхъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ лишь орудія либо средства личныхъ цѣлей, или эмоціональными, когда природа, люди, учрежденія возбуждаютъ въ немъ тѣ или другія чувства, или

теоретическими и этическими (последними только къ людямъ и обществу), когда они возбуждаютъ его любознательность или вызываютъ въ немъ представленіе о должномъ. Практическія отношенія человѣка къ человѣку не могутъ быть выведены изъ одного какого-либо источника, равно какъ и отношенія его къ обществу. Въ человѣкѣ совмѣщаются эгоизмъ и альтруизмъ, стремленіе въ личной независимости и социальный инстинктъ, какъ совмѣщаются способность къ личной инициативѣ и подражательность, сознание отдѣльности своего я и сознание рода. Человѣка дѣлаютъ такимъ или инымъ и его собственная природа, и общественная среда. Люди съ одними и тѣми же природными качествами будутъ непохожи другъ на друга, будучи поставлены въ разныя социальныя условія, но и одна и та же социальная обстановка вырабатываетъ далеко не одинаковыхъ людей въ зависимости отъ неодинаковыхъ задатковъ, вложенныхъ въ нихъ природою. Значить, общество не создаетъ всего человѣка: нѣчто въ немъ создается природою, которая, несмотря на законъ наследственности, также не отликаетъ всѣхъ въ одну форму. Съ развитіемъ жизни въ личности растетъ сознание ея личности и самостоятельности: развитое я не можетъ быть простымъ сколомъ съ другихъ, однимъ изъ множества одинаковыхъ оттисковъ одной и той же печати, какъ не можетъ примириться съ ролью средства или орудія общественныхъ цѣлей, съ ролью служебнаго органа социального цѣлаго. Индивидуализмъ имѣетъ глубокой источникъ въ человеческой природѣ, и на высшихъ ступеняхъ развитія онъ не противорѣчитъ ни альтруизму, ни социальному инстинкту. Напротивъ того, возведеніе его въ принципъ требуетъ уваженія личности и въ другихъ и влечетъ за собою желаніе дать и обществу такой строй, который наиболѣе обезпечивалъ бы достоинство, права и интересы всѣхъ личностей, его составляющихъ.

Сила философіи XVIII вѣка заключается именно въ глубокомъ пониманіи ею „правъ человѣка и гражданина“, хотя она и преувеличила значеніе личнаго разума въ общественной жизни и не всегда вѣрно понимала, какими средствами лучше всего и полнѣе всего обезпечиваются человеческое достоинство, индивидуальная свобода, идеальныя права и матеріальныя интересы членовъ общества. Реакція противъ индивидуализма XVIII вѣка была права, когда стремилась доказать, что однѣ индивидуальныя силы не создаютъ исторіи и не въ состояніи обезпечить за всѣми пользованіе естественными правами человѣка, и только заходила слыш-

комъ далеко, когда совѣтъ отрицала всякое значеніе за личнымъ разумомъ и личною инициативою, но она впадала въ самое грубое заблужденіе, когда отвергала то, что было истиннымъ, здоровымъ и достойнымъ считаться въ философіи XVIII вѣка за одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній человѣчества. Въ признаніи „правъ человѣка и гражданина“ эта философія была безусловно права, и ученія, пытавшіяся защитить такія положенія, какъ то, что не общество существуетъ для человѣка, а человѣкъ для общества, или то, что граждане должны быть бѣдны и только республика — богата, были безусловно неправы, ибо ставили абстракціи на мѣсто реальностей, а къ реальностямъ относились, какъ къ абстракціямъ. Если, однако, философія XVIII вѣка ошибалась относительно силы личнаго творчества и благотворности свободного соперничества личностей, то ошибка эта заключалась лишь въ преувеличеніи, но и реакція, которая подмѣтила ошибочность этихъ взглядовъ XVIII вѣка, пошла далѣе, чѣмъ слѣдовало, создавъ представленіе объ историческомъ процессѣ, какъ о безличной эволюціи, и породивъ теоріи, которыя отдавали личность яко-бы ради ея собственнаго блага подъ духовную и свѣтскую опеку общественной власти.

Рѣшеніе вопроса въ органической теоріи. Разсмотримъ теперь, какъ рѣшается соціологическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества съ точки зрѣнія главныхъ направленій соціологической литературы. Этотъ обзоръ мы начнемъ съ органической школы, которая, отождествляя общество съ организмомъ, неизбежно приводитъ къ пониманію личности по аналогіи съ клѣточкою организма. Съ точки зрѣнія этого направленія взаимныя отношенія цѣлаго и частей вполне постигаются на готовомъ примѣрѣ, даваемомъ біологическимъ организмомъ: дедуктивная аналогія такимъ образомъ избавляетъ отъ необходимости индуктивнаго, сравнительно-историческаго изученія этихъ отношеній въ ихъ эволюціи. Такъ и должно было бы выходить, если бы представители органическаго направленія были послѣдовательны. Но они именно не всегда отличаются послѣдовательностью. Мы это видѣли уже на примѣрѣ Спенсера, который въ своемъ общественномъ міросозерцаніи является передъ нами даже крайнимъ индивидуалистомъ, примыкающимъ къ традиціямъ XVIII вѣка между прочимъ и по вопросу о невмѣшательствѣ. Логическое развитіе органической теоріи именно и должно было бы приводить къ тому общему заключенію, что реально одно общество, и что индивидуумъ есть лишь его служебная часть, его произведеніе и его орудіе, что во всякомъ

иномъ смыслѣ индивидуумъ можетъ быть только абстракціей, что общество развивается силами, присущими его собственному бытію, заставляя индивидуальныя силы только служить своимъ цѣлямъ, и что благосостояніе цѣлаго можетъ быть достигнуто лишь подъ условіемъ наибольшаго подчиненія дѣйствій частей цѣлямъ цѣлаго. Такова именно концепція Конта, и съ ея видоизмѣненіями мы дѣйствительно встрѣчаемся въ соціологической литературѣ. Спенсеръ не дѣлаетъ подобныхъ выводовъ, и въ этомъ его непоследовательность. Мы не будемъ, впрочемъ, возвращаться къ этому философу, такъ какъ о немъ по интересующему насъ вопросу достаточно было сказано въ главѣ объ органическомъ направленіи въ соціологіи. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ новѣйшихъ представителяхъ этого направленія для характеристики того, какъ въ немъ въ настоящее время рѣшается вопросъ о личности и обществѣ.

Вопросъ объ общественномъ раздѣленіи труда и личномъ развитіи. Формула органическаго развитія, прилагаемая представителями органическаго направленія къ обществу, гласитъ, что чѣмъ совершеннѣе цѣлое, тѣмъ болѣе поглощаются въ немъ его составныя части и тѣмъ болѣе эти части отличны одна отъ другой ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія въ наиболѣе совершенномъ общественномъ организмѣ личность должна была бы вполне утрачивать свою самостоятельность и цѣлостность. Такой выводъ противорѣчитъ, однако, представленію, которое выработалось въ передовой части человѣчества о совершенномъ обществѣ; онъ противорѣчитъ идеямъ свободы и равенства, которыя суть притомъ не только наши идеи, но объективныя явленія, осуществляемыя историческимъ развитіемъ. Съ точки зрѣнія, такъ сказать, именно этихъ правъ человѣка и гражданина на свободу и равенство и разбираетъ теорію Спенсера Михайловскій, одинъ изъ первыхъ не только обратившій должное вниманіе на эту сторону органической теоріи, но даже долгое время на ней сосредоточивавшій все свое вниманіе. Выработанная имъ формула прогресса (увеличеніе цѣлостности индивидуумовъ съ возможно большимъ раздѣленіемъ труда между органами индивидуума и возможно меньшимъ между самими индивидуумами), формула, подвергшаяся въ свое время обстоятельной критикѣ въ одной статьѣ Миртова ²⁾, можетъ считаться полною противоположностью органической формулѣ. Вопросъ идетъ именно о значеніи обще-

¹⁾ Ср. выше, стр. 60—61.

²⁾ Формула прогресса г. Михайловскаго.

ственного раздѣленія труда для личнаго развитія, и это вопросъ, который долженъ быть поставленъ и рѣшенъ соціологіей независимо отъ какихъ бы то ни было органическихъ аналогій. Извѣстно, что впервые понятіе о раздѣленіи труда введено было въ общественныя науки Адамомъ Смитомъ, т.-е. впервые понятіе возникло въ политической экономіи. Лишь позднѣе о раздѣленіи труда (именно между органами недѣлимаго) заговорила біологія, такъ что въ данномъ случаѣ не соціальныя науки воспользовались понятіемъ, выработаннымъ въ естествознаніи, а произошло какъ-разъ наоборотъ. И ранѣе какихъ бы то ни было аналогій между обществомъ и организмомъ было замѣчено, что увеличение раздѣленія труда можетъ вредно отзывать на развитіи индивидуума, дѣлая это развитіе одностороннимъ: Михайловскій и сопоставилъ органическое ученіе объ обществѣ съ нѣкоторыми выводами политической экономіи, и сопоставилъ ихъ на чисто психологической почвѣ теоріи личности.

Теорія Дюркгейма о значеніи раздѣленія общественнаго труда для личнаго развитія. Этотъ же самый предметъ разработалъ недавно одинъ французскій соціологъ, Эмиль Дюркгеймъ, въ весьма интересной книгѣ „О раздѣленіи общественнаго труда“ (1893). Дюркгейма слѣдуетъ причислить къ представителямъ органической школы и въ то же время къ критикамъ Спенсера, частныя положенія котораго онъ постоянно подвергаетъ разбору. Спенсеръ, напримѣръ, понимаетъ исторію общества, какъ постепенный переходъ отъ военнаго типа къ типу промышленному, и объясняетъ то полное подчиненіе, въ какомъ индивидуумъ находится въ первобытномъ обществѣ, прежде всего военной организаціей этого общества. Дюркгеймъ основательно не соглашается съ такимъ объясненіемъ и ищетъ причины отмѣченнаго явленія не въ организаціи общества, которое на первыхъ порахъ и не могло развитъ въ себѣ концентраціи силъ, враждебной личной свободѣ, а въ слабомъ развитіи самой личности: такимъ образомъ причина явленія, по его мнѣнію, не въ соціальной формѣ, а въ психическомъ состояніи индивидуума. Чтò отличаетъ Дюркгейма отъ соціологовъ, думающихъ строить свою науку на чисто біологической основѣ, такъ это — психологическій характеръ его теоріи. Замѣтимъ между прочимъ, что самое уподобленіе общества организму получаетъ у него своеобразный характеръ, указывающій на психологическую концепцію автора. Общество онъ сравниваетъ не со всѣмъ организмомъ, а только съ мозгомъ, влѣточки котораго болѣе однородны между собою, чѣмъ влѣточки организма, взятаго въ цѣломъ.

Основная задача сочиненія Дюркгейма — объяснить, „какимъ образомъ происходитъ то, что, дѣлаясь все болѣе автономнымъ, индивидуумъ подпадаетъ болѣе тѣсной зависимости отъ общества, какимъ образомъ одновременно онъ можетъ дѣлаться болѣе личнымъ и болѣе солидарнымъ“. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ различаетъ двоякаго рода солидарность, изъ коихъ одну называетъ механическою, другую—органическою. Первая состоитъ въ сходствѣ между отдѣльными индивидуумами: мы назвали бы ее культурнымъ однообразіемъ, невыдѣленностью личности изъ массы въ духовномъ отношеніи; вторая же заключается въ зависимости, въ какой находятся личности отъ общества въ силу взаимной зависимости другъ отъ друга его членовъ. благодаря существующему между ними раздѣленію труда. Мы бы сказали, что изслѣдованіе отношеній перваго рода относится къ области коллективной психологіи, изслѣдованіе отношеній втораго рода—къ области социологіи. Дюркгеймъ и указываетъ на то, какъ въ общественномъ развитіи ослабляется зависимость перваго рода (назовемъ это культурнымъ ростомъ личности) и, наоборотъ, возрастаетъ зависимость другаго рода. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Въ русской литературѣ культурный ростъ личности былъ одною изъ первыхъ по своему значенію темъ въ социологическихъ работахъ Миртова, а эволюція другой категоріи отношеній занимала особенно Михайловскаго¹⁾. Эти два процесса Дюркгеймъ считаетъ не только параллельными, но и взаимно обуславливающимися: механическая солидарность уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается солидарность органическая. „Общественная жизнь, говоритъ Дюркгеймъ, вытекаетъ изъ двухъ источниковъ: сходства сознаний и раздѣленія общественнаго труда. Индивидуумъ обобществляется (*est socialisé*) въ первомъ случаѣ потому, что, не имѣя собственной индивидуальности, онъ тонетъ (*se confond*) съ себѣ подобными въ одномъ и томъ же коллективномъ типѣ, а во второмъ случаѣ—потому, что хотя онъ и имѣетъ личныя фізіономію и дѣятельность, отличающія его отъ другихъ, все-таки онъ зависитъ отъ нихъ въ той же мѣрѣ, какъ отличается, и слѣдовательно зависитъ отъ общества, которое возникаетъ изъ ихъ соединенія“. Оставимъ въ сторонѣ выдѣленіе личной оригинальности изъ коллективнаго типа и бросимъ вмѣстѣ съ Дюркгеймомъ взглядъ на другую сторону процесса. Раздѣленіе труда,

¹⁾ Параграфъ этотъ былъ уже написанъ, когда въ „Русскомъ Богатствѣ“ (1897, іюнь) появилась статья Михайловскаго о книгѣ Дюркгейма, заключающая въ себѣ весьма обстоятельный разборъ теоріи французскаго социолога.

„какъ и всѣ социальныя факты и, говоря общѣ, всѣ факты биологическіе“, будучи явленіемъ нормальнымъ, можетъ принимать и патологическія формы. Не слѣдуетъ, однако, обобщать вредныя проявленія, чтобы на основаніи ихъ судить о раздѣленіи труда вообще. Нормальное раздѣленіе труда не приковываетъ индивидуума въ выполненію одной только функціи, дальше котораго онъ ничего бы болѣе и знать не могъ. „Но, спрашиваетъ самъ Дюркгеймъ, развѣ раздѣленіе труда, дѣлая всегдаго изъ насъ существомъ неполнымъ, не влечетъ за собою ослабленія индивидуальной личности?“ — вопросъ, который ставится и Михайловскимъ въ его критикѣ органической теоріи. Но, говоритъ французскій социологъ, почему „болѣе соответствовало бы логикѣ человѣческой природы развиваться больше въ ширину (en surface), чѣмъ въ глубину? Почему дѣятельность болѣе широкая, но и болѣе разбросанная, выше дѣятельности болѣе сосредоточенной, но опредѣленной? Почему слѣдовало бы считать болѣе насъ достойнымъ оставаться цѣльными (complet) и посредственными, чѣмъ жить жизнью болѣе спеціальною, но болѣе напряженною, особенно если мы въ состояніи то, что такимъ образомъ теряемъ, вновь обрѣсти посредствомъ общенія съ другими, обладающими тѣмъ, чего намъ недостаетъ, и потому насъ дополняющими? Исходятъ, говоритъ Дюркгеймъ, изъ того принципа, что человѣкъ долженъ реализовать свою человѣческую природу. Но эта природа не остается чѣмъ-то постояннымъ въ разные моменты исторіи. У низшихъ расъ человѣку свойственно походить на своихъ товарищей, реализовать въ себѣ всѣ черты коллективнаго типа, который тогда и смѣшиваютъ болѣе, чѣмъ теперь, съ общечеловѣческимъ типомъ. Но въ болѣе развитыхъ обществахъ природа человѣка большею частью заключается въ томъ, чтобы быть органомъ общества, и слѣдовательно его дѣло — играть свою роль органа“. Дюркгеймъ думаетъ даже, что личность (la personnalité individuelle) развивается, благодаря раздѣленію труда. „Въ самомъ дѣлѣ, быть личностью значитъ быть автономнымъ источникомъ дѣйствія. Человѣкъ пріобрѣтаетъ это качество лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ немъ есть нѣчто свое, ему одному принадлежащее и его индивидуализирующее, и въ какой онъ есть нѣчто большее, чѣмъ простое воплощеніе родового типа своей расы или своей группы“. Но именно раздѣленіе труда „частичнымъ образомъ освобождаетъ индивидуальное сознание отъ органической его основы ¹⁾ и отъ социальной среды,

¹⁾ Это одно изъ положеній, которое Дюркгеймъ старается доказать.

которая его окружает, и въ силу этой двойной эманципаціи индивидуумъ дѣлается болѣе независимымъ факторомъ своего собственнаго поведенія“. Дѣло въ томъ, что „индивидуальныя натуры, специализируясь, дѣлаются болѣе сложными и тѣмъ самымъ частью освобождаются отъ коллективнаго дѣйствія и отъ наслѣдственныхъ вліяній, которыя имѣютъ силу лишь надъ вещами простыми и общими“. Тотъ взглядъ, что личность была болѣе цѣльною, пока въ ея жизнь не вторглось раздѣленіе труда, Дюркгеймъ называетъ обманомъ зрѣнія. „На самомъ дѣлѣ дѣятельность индивидуума не есть здѣсь его дѣятельность. Это общество, это раса дѣйствуютъ въ немъ и чрезъ него; онъ только проводникъ, чрезъ который онѣ реализуются. Его свобода только призрачная, и его личность взята имъ на прокатъ. Такъ какъ жизнь этихъ обществъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ менѣе правильна, то воображаютъ, что оригинальные таланты могутъ здѣсь легче пробить себѣ дорогу, что каждому легче жить тутъ по своему вкусу, что свободному полету фантазіи открыть большій просторъ. Но это значитъ забывать, что личныя чувства здѣсь очень рѣдки. Если мотивы, которые управляютъ поведеніемъ, не возвращаются съ такою же правильностью, какъ теперь, они не перестаютъ быть коллективными, слѣдовательно — безличными, и то же самое можно сказать о внушаемыхъ ими дѣйствіяхъ“. Дюркгеймъ съ особою настойчивостью доказываетъ, что „дѣятельность становится болѣе богатою и напряженною по мѣрѣ того, какъ дѣлается болѣе специально“. Прибавимъ еще, что объясненія основнаго соціальнаго феномена онъ ищетъ не въ личности, а внѣ ея, въ культурной средѣ и общественномъ организмѣ, въ факторахъ, принудительно навязывающихся людямъ извнѣ.

Книга Дюркгейма обратила на себя большое вниманіе въ соціологической литературѣ. Противники органическаго направленія указали на ея изъяны. Нѣсколько критическихъ страницъ посвятилъ его теоріи Анри Мисель въ своей „Идеѣ государства“, написанной въ защиту индивидуализма. Тардъ въ своей „Соціальной логикѣ“ (1895) особенно отмѣтилъ, что, по представленію Дюркгейма, характеристическая особенность соціальныхъ актовъ заключается въ томъ, что они „насилно навязываются извнѣ“, и что у него „соціальные факты, какъ таковые, существуютъ внѣ всякихъ индивидуальныхъ проявленій“. „Дюркгеймъ возвращаетъ насъ къ схоластикѣ: соціологія не значитъ онтологія“. Съ его взглядами считается и Гиддинсъ въ своихъ „Принципахъ соціологіи“, резюмируя ихъ въ томъ смыслѣ,

что сущность соціального процесса заключается „въ подчиненіи каждаго индивидуального духа способамъ дѣйствія, мысли и чувства, которыя приходятъ къ нему извнѣ“. Гиддинсъ, впрочемъ, думаетъ, что Тардь и Дюркгеймъ, несмотря на свое разногласіе, болѣе, чѣмъ кто-либо, приблизились къ опредѣленію настоящей сущности соціального феномена, взглянувъ на него только съ разныхъ сторонъ, одинъ — со стороны дѣйствія многихъ на одного, другой — со стороны подражанія многихъ одному. Фуллье въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Позитивистическое движеніе и соціологическое воззрѣніе на міръ“ также ставитъ въ вину Дюркгейму, что у него соціальныя факты являются какъ бы вещами, существующими независимо отъ человѣческой воли, имѣющими какое-то особое бытіе и извнѣ навязывающимися обществу. Анри Мишель и Фуллье обратили большее вниманіе на соціологическую сторону вопроса, Тардь и Гиддинсъ — на психологическую. Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества Дюркгеймъ дѣйствительно различаетъ эти двѣ категоріи ¹⁾.

Віо-соціологическая теорія Изуле. Представители органической теоріи отнесли къ основной мысли сочиненія Дюркгейма съ большимъ сочувствіемъ. Въ своей „соціологической метафизикѣ“, озаглавленной „La cité moderne“, недавно только выступившій въ качествѣ соціолога Изуле, который доказываетъ съ точки зрѣнія раздѣленія труда законность и необходимость распадена общества на руководящее меньшинство (l'élite) и руководимое имъ большинство, — называетъ Дюркгейма однимъ изъ главныхъ своихъ предшественниковъ. Распредѣляя, такъ сказать, психологію въ разныхъ ея сторонахъ между біологіей и соціологіей, онъ равнымъ образомъ требуетъ новой теоріи человѣческой личности, которая, по его словамъ, будучи, съ одной стороны, біологическимъ индивидуумомъ, съ другой, является продуктомъ общезитія. Подобно Дюркгейму, онъ стремится сочетать оба принципа — личное начало и общественность въ понятіи „либертарной солидарности“, одинаково далекой и отъ абсолютной индивидуальной свободы, и отъ абсолютнаго общественнаго эгалитаризма.

Постановка вопроса о личности и обществѣ у Вормса. Что особенно заслуживаетъ вниманія въ этихъ обѣихъ теоріяхъ, такъ это желаніе, не оставляя точки зрѣнія общественнаго

¹⁾ Самую основательную и обстоятельную критику теоріи Дюркгейма даетъ упомянутая выше статья Михайловскаго.

организма, разрѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества безъ необходимости уподобленія личности во всемъ простой клѣточкѣ организма. Органической теоріи не удалось изгнать изъ науки понятіе, которое доминировало во всей общественной философіи XVIII вѣка. вмѣстѣ съ этимъ обѣ теоріи ставятъ вопросъ на почву коллективной психологіи, но хотя въ обѣихъ, собственно говоря, коллективная душа общества какъ бы предшествуетъ индивидуальной душѣ каждаго отдѣльнаго члена общества и ее образуетъ, все-таки это показываетъ, что за обществомъ обоими соціологами признается духовная природа, а тѣмъ самымъ обоими ими отрицается возможность построения соціологіи на одной біологической основѣ. Тѣ же черты характеризуютъ и самую послѣднюю соціологическую работу, написанную въ духѣ того же направленія, т.-е. „Общественный организмъ“ Вормса. Говоря объ этой книгѣ, нельзя не упомянуть, что въ ней уподобленіе организма обществу доведено до послѣдней крайности, до обнаруженія у общественныхъ организмовъ половыхъ различій и органовъ выдѣленія, до разговоровъ объ измѣреніи обществъ въ длину, ширину и высоту и т. п. ¹⁾. Правда, Вормсъ послѣ нѣкотораго колебанія между человѣческой парой и отдѣльною личностью готовъ именно въ послѣдней признать общественную клѣточку, но это не мѣшаетъ ему въ вопросѣ о причинахъ, ведущихъ къ раздѣленію труда и обособленію соціальныхъ элементовъ, стать на точку зрѣнія, противоположную той, которая выставлена была Дюркгеймомъ. Послѣднюю онъ и оспариваетъ, утверждая, что главнымъ образомъ индивидуальныя, а не соціальныя причины ведутъ къ раздѣленію труда. Далѣе, подобно Фуллѣе, находящему, что обѣ теоріи общества вѣрны, т.-е. и та, которая сводитъ жизнь цѣлаго къ жизни составныхъ частей, и та, въ которой, наоборотъ, индивидуальное существованіе подчинено существованію общественному, Вормсъ стремится примирить противорѣчивыя концепціи общества, заявляя, что „общественные элементы и общественное цѣлое суть только двѣ стороны одной и той же дѣйствительности“, и что „каждая изъ нихъ неполна безъ другой“. Зависимость части отъ цѣлаго онъ рассматриваетъ не только съ экономической точки зрѣнія, особенно важной въ вопросѣ о раздѣленіи труда, но и съ точки зрѣнія психологической, признавая даже существованіе особаго общественнаго сознанія. Органическая теорія общества, разъ въ

¹⁾ Фабрикамъ (и даже корридорамъ въ фабричныхъ зданіяхъ), биржамъ и т. п. Вормсъ также находитъ органическія соответствованія. Другіе „органицисты“ давно отrekliсь отъ этого „метода“.

нее вносятся психологическія соображенія, необходимо приводить въ сравненію личности не столько съ физическимъ тѣломъ влѣтучи организма, сколько съ однимъ изъ тѣхъ слагаемыхъ, общую сумму коихъ составляетъ сознаніе. Но если раздѣльность существованія индивидуумовъ, какъ матеріальныхъ организмовъ, не мѣшала представителямъ органическаго направленія утверждать, что общество тѣмъ не менѣе есть непрерывно-единое цѣлое, подобное организму, то нечего было бы органицистамъ затрудняться и въ рѣшеніи вопроса о единствѣ соціального сознанія въ пользу этого единства. Становясь на психологическую точку зрѣнія, самъ Вормсъ, однако, не рѣшается ипостазировать общественное сознаніе. „Если, говоритъ онъ, подъ общественнымъ сознаніемъ понимать нѣчто отдѣльное отъ личныхъ сознаній, то подобное существо есть мнѣ“. т.-е. „въ общественномъ сознаніи не можетъ быть иныхъ составныхъ частей, кромѣ личныхъ сознаній“. А это значитъ не болѣе и не менѣе, какъ то, что отдѣльные люди думаютъ одинаково и вмѣстѣ съ этимъ сознаютъ еще, что думаютъ они одинаково. Общественный духъ, которымъ порождается духъ индивидуальный (напр., хотя бы и въ представленіи Дюркгейма), въ концѣ-концовъ есть не что иное, какъ сумма индивидуальныхъ психическихъ единицъ, оказывающихъ вліяніе одна на другую. Вормсъ тѣмъ не менѣе самъ впадаетъ въ настоящую мнелогію, утверждая, что общественный организмъ имѣетъ личность. Ему непремѣнно и здѣсь хочется „выступить за предѣлы индивидуализма“, который онъ усматриваетъ въ признаніи простого психическаго взаимодѣйствія личностей. Съ послѣдней точки зрѣнія „выходитъ такъ, говоритъ Вормсъ, что когда существо сознаетъ народное единство, то не столько потому, что оно проникнуто другими я, сколько потому, что его собственное я, выростая въ нѣкоторомъ родѣ, доходитъ до возможности проникнуться другими я и отражать извѣстнымъ образомъ въ себѣ совокупность другихъ умовъ, находящихся въ томъ же обществѣ. Значитъ, по этому ученію, мы не имѣемъ права говорить, что общество сознаетъ себя въ личности: выходитъ, что только личность сознаетъ общество или точнѣе, что она создаетъ общество, сознавая его, такъ какъ общество черпаетъ свое единство въ умѣ этой личности“. Нельзя сказать, чтобы въ приведенныхъ словахъ Вормсъ точно передалъ „индивидуалистическое“ объясненіе сознанія членами общества ихъ единства (напр., національное чувство), но во всякомъ случаѣ онъ ошибается, говоря, что такого объясненія недостаточно. Конечно, „сходство членовъ общества не есть простое представленіе отдѣльныхъ

умовъ: оно—дѣйствительность“. Разумѣется, „эти члены въ значительной мѣрѣ тождественны между собою, потому что они подвергаются общему дѣйствию однихъ и тѣхъ же общественныхъ учреждений“ и, прибавили бы мы, постоянно вліяютъ другъ на друга въ процессѣ психическаго взаимодействія. Понятно, наконецъ, что „созданные на одинъ ладъ дѣйствіемъ общества, эти умы признаютъ себя тождественными (хотя отчасти), чувствуютъ себя связанными другъ съ другомъ, считаютъ себя обязанными дѣйствовать сообща и поддерживать свою общность“. Все это такъ, но наука прежде всего должна объяснить, почему и какъ это явленіе происходитъ, а не строить на явленіи, не подвергнутомъ еще анализу, выводовъ и новыхъ положеній, получающихъ характеръ своего рода соціологической міеологіи, какъ то дѣлаетъ Вормсъ. Исходя изъ того, что индивидуумъ „одновременно съ сознаниемъ своего я ощущаетъ свою связь съ другими людьми, чувствуетъ себя, какъ члена сообщества, какъ часть цѣлаго, которому онъ предается“, и выводя отсюда, что вслѣдствіе этого индивидуальное сознание всегда раздвоено на чисто личную и общественную части, Вормсъ не только складываетъ „тождественныя части личныхъ сознаний“, чтобы получить въ суммѣ сознание общественное, но даже указываетъ на то, гдѣ нужно искать „центръ, въ которомъ соединяются эти составныя части“, „общественные осколки личныхъ сознаний“, какъ онъ еще выражается. Къ счастью, Вормсъ не рѣшается идти далѣе въ своей міеологіи. Онъ полагаетъ, что оно сосредоточивается въ отдѣльныхъ лицахъ, отъ коихъ и „исходятъ великіе толчеи, обуславливающіе дѣйствіе всего народа“. Это—старая теорія великихъ людей, даже не перемѣнившая своего костюма.

Общая психологическая идея въ теоріяхъ Дюркгейма, Изуле и Вормса. Всѣ три новѣйшіе представителя органическаго направленія ставятъ себѣ одну и ту же задачу—опредѣлить отношенія, существующія между личнымъ началомъ и общественностью въ психической жизни индивидуума. Какъ ни важна эта тема, она составляетъ, однако, только одну половину вопроса: существуютъ еще извѣстныя отношенія между индивидуальной инициативой и соціальной традиціонностью въ культурной жизни цѣлаго общества. Во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ органическія аналогіи, названные соціологи не доходятъ до ученія о полномъ поглощеніи личности въ обществѣ,—ученія, которое дѣлается особенно соблазнительнымъ, когда на взаимныя отношенія личности и общества смотрятъ съ точки зрѣнія раз-

дѣленія труда. Правда, сходство личныхъ сознаний они готовы принять за особое, какъ бы отличное отъ индивидуальнаго сознанія сознаніе социальное, тогда какъ рѣчь можетъ только итти именно о сходствѣ и несходствѣ мыслей, чувствъ и стремленій членовъ общества или о существованіи у людей мыслей, чувствъ и стремленій либо эгоистическаго характера и личнаго содержанія, либо характера альтруистическаго и содержанія социальнаго, но развитіе общества они понимаютъ именно въ смыслѣ усиленія личнаго начала. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Дюркгеймъ, и ту же самую мысль проводитъ Вормсъ, хотя и не соглашающійся съ Дюркгеймомъ на счетъ пониманія эволюціи отношеній между личнымъ началомъ и общественностью въ психической жизни человѣка. Главное здѣсь то, что ими признаётся полная невыдѣленность личности изъ общества въ культурномъ отношеніи на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія и постепенное ея выдѣленіе въ процессѣ социальной эволюціи. Индивидуумъ, конечно, всегда былъ и всегда будетъ частью общества, но отношенія между частью и цѣлымъ подлежатъ эволюціи, и, по крайней мѣрѣ, въ одной сторонѣ своей эти отношенія развиваются въ направленіи, не позволяющемъ индивидууму (вопреки основной тенденціи общественнаго раздѣленія труда) превратиться въ простую кѣточку общественнаго организма. Постановка вопроса на психологическую почву дѣлаетъ невозможнымъ изгнаніе изъ социологіи какого бы то ни было индивидуализма.

Личность и общество съ точки зрѣнія дарвинизма. По принятому нами раньше порядку отъ органической школы переходимъ къ дарвинистической. Мы не будемъ здѣсь возвращаться къ тѣмъ скороспѣлымъ социологическимъ построеніямъ дарвинистическаго направленія, которыя не шли далѣе понятій борьбы за существованіе и естественнаго подбора и той элементарной мысли, что общеніе полезно въ борьбѣ за существованіе: эти попытки такъ же быстро исчезли, какъ и явились. Не будемъ и того повторять, что сказано было въ своемъ мѣстѣ о положительномъ значеніи дарвинизма для социологіи. Намъ должна интересоваться теперь только одна частная тема. Несомнѣнно, что дарвинизмъ не можетъ благопріятствовать какимъ бы то ни было анти-индивидуалистическимъ теоріямъ. Хотя это направленіе биологической науки занимается судьбами не особей, а видовъ, но вѣдь и виды рассматриваются въ немъ не въ качествѣ какихъ-либо цѣльностей (въ родѣ „общественныхъ организмовъ“), а какъ единицы собирательныя. Хотя, съ другой стороны, въ теоріи Дарвина и играютъ важную роль идея вида, т.-е.

общаго типа особей, и идея наследственности, поддерживающей единство типа, но въ томъ и состоитъ сущность этой теоріи, что видовыя формы не считаются въ ней вѣчными, а факторомъ, дѣйствующимъ въ процессѣ измѣненія формъ, признается индивидуальная измѣнчивость. Далѣе, что можетъ быть „индивидуалистичнѣе“ представленія о борьбѣ за существованіе, этой „войны всѣхъ противъ всѣхъ“, въ которой „человѣкъ для человѣка волкъ“, — представленія, родственнаго наиболѣе индивидуалистическимъ концепціямъ общества, по которымъ все дѣло сводится къ осуществленію каждымъ своего собственного интереса и къ возникающему отсюда соперничеству? Наконецъ, дарвинизмъ есть теорія не о жизни отдѣльныхъ видовъ только, но и всей органической жизни на землѣ, — жизни, которая въ своей эволюціи порождаетъ все высшія и высшія формы организмовъ, болѣе сложныя и болѣе совершенныя, причѣмъ параллельно съ развитіемъ физическимъ идетъ развитіе психическое, завершающееся образованіемъ человѣческаго я, т.-е. образованіемъ личности. Если таковы законы жизни, то дѣйствіе ихъ не можетъ не продолжаться и въ обществѣ: чѣмъ развитѣе индивидуумъ, тѣмъ менѣе общество въ состояніи его поглотить. Было бы, однако, одно-сторонне думать, что дарвинизмъ признаетъ только одно личное начало, ибо съ точки зрѣнія этой теоріи подвергнуты были изслѣдованію и альтруистическія чувства съ социальными инстинктами вездѣ, гдѣ только ни проявляются тѣ или другіе. что дало для социологіи болѣе важные результаты, чѣмъ простое перенесеніе въ нее понятій борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Было обращено вниманіе на то, что въ самой борьбѣ за существованіе есть, такъ сказать, двѣ стороны — борьба за свое существованіе и за существованіе вида или, вѣрнѣе говоря, за существованіе потомства, этотъ источникъ всѣхъ нашихъ альтруистическихъ стремленій, чувствъ и мыслей. Было обращено вниманіе и на эволюцію общественности, развивающей въ особяхъ социальныя инстинкты, этотъ источникъ всѣхъ тѣхъ моральныхъ связей, коими мы соединяемся съ обществомъ. Въ примѣненіи къ человѣку было установлено, что онъ никогда не вель чисто индивидуальной, т.-е. изолированной, внѣ-общественной жизни, какову въ своемъ воображеніи рисовали подъ названіемъ „естественнаго состоянія“ философы XVII и XVIII вѣковъ. Абсолютный эгоизмъ и естественное состояніе оказались мифами, которыхъ ничто уже не можетъ воскресить. Въ человѣческомъ индивидуумѣ соединены несліянно и нераздѣльно эгоизмъ и альтруизмъ, личное начало и общественный инстинктъ

въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ. Какъ и все въ мірѣ. эти соединенія противоположныхъ психическихъ состояній и стремленій, воплощенные въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, находятся въ постоянной эволюціи. Въ этой эволюціи находятся и сами эти соединенія, рассматриваемыя съ количественной и качественной точекъ зрѣнія, и ихъ отдѣльные элементы. И личное начало съ эгоизмомъ и общественность съ альтруистическими чувствами измѣняются въ своемъ характерѣ, въ способахъ своего проявленія, въ своихъ результатахъ: каждая сторона этого соединенія усложняется; проявленія каждой стороны дѣлаются разнообразнѣе; результаты становятся многочисленнѣе. Новая биологическая теорія приглашаетъ насъ прослѣдить генезисъ этихъ противоположныхъ чувствъ въ ихъ комбинаціяхъ и проявленіяхъ на простѣйшихъ формахъ общественной жизни, наблюдаемыхъ нами у животныхъ, и, знакомя насъ съ общественностью животныхъ, проливаетъ новый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ.

Теорія Миртова о положеніи особи въ общественной жизни животныхъ. Сравнительное изученіе этнографическаго и историческаго матеріала даетъ въ распоряженіе социологіи массу наблюдений, на основаніи коихъ мы можемъ прослѣдить эволюцію личнаго начала и общественности въ исторической жизни человѣчества. Къ сожалѣнію, увлеченные изслѣдованіемъ внѣшнихъ формъ, представители этого направленія социологіи не всегда обращаютъ достаточное вниманіе на эволюцію внутреннихъ отношеній, существующихъ между личнымъ началомъ и общественностью. То же самое можно сказать и объ изслѣдователяхъ животныхъ общежитій, которые, останавливаясь на внѣшнихъ формахъ этихъ общежитій, нерѣдко упускаютъ изъ виду ихъ внутреннюю сторону. Только вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ и позволяютъ себѣ находить аналогіи, напр., между пчелинымъ роемъ и монархіей, между муравейникомъ и республикой, т.-е. проводятъ чисто внѣшнія и поверхностныя сравненія, напоминающія аналогіи органической школы. Прибавимъ еще, что одинъ изъ наиболѣе видныхъ изслѣдователей животныхъ общежитій, Эспинасъ¹⁾, придерживается вдобавокъ органическаго взгляда на общество. Въ этомъ вопросѣ большая заслуга принадлежитъ Миртову, который, связавъ въ одно цѣлое общественную эволюцію у животныхъ, начиная съ низшихъ и кончая высшими, и въ человѣчествѣ отъ дикарей до цивилизованныхъ

¹⁾ Его работа „Общества животныхъ“ появилась позднѣе работъ Миртова и въ философскомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже.

націй, не только показавъ, какъ нужно сравнивать между собою социальныя формы зоологическаго и человѣческаго міровъ, но спеціально остановился на изслѣдованіи взаимныхъ отношеній между отдѣльною особою и социальнымъ цѣлымъ на разныхъ ступеняхъ эволюціи. Основная его мысль та, что чѣмъ выше животный видъ на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ менѣе раздѣленіе труда въ обществѣ обусловливается физиологическими свойствами особей, какъ это наблюдается, напр., у пчелъ, и что, съ другой стороны, чѣмъ выше животный видъ, тѣмъ менѣе особь способна пассивно и безропотно подчиняться общему, для всѣхъ разъ навсегда установившемуся укладу даннаго общества. Въ этомъ отношеніи высшую ступень среди общественныхъ животныхъ занимаютъ обезьяны, у которыхъ уже существуетъ, такъ сказать, личная свобода, своего рода индивидуализмъ, коего не наблюдается у пчелъ. Вообще съ этой точки зрѣнія не общества насекомыхъ, какъ то обыкновенно думаютъ, ближе къ человѣческому обществу, а общества позвоночныхъ. Въ нихъ же впервые появляется и принудительная власть въ лицѣ отдѣльныхъ особей. Миртовъ изслѣдуетъ общественность животныхъ не только со стороны ея организаціи, но и со стороны ея культуры, понимая подъ послѣднею общія поведенія и привычки особей, источникъ того самаго „общественнаго духа“, который новѣйшіе изслѣдователи находятъ въ началѣ социальной эволюціи, пока не началось выдѣленіе личной оригинальности. Выводъ Миртова тотъ, что социальная эволюція сопровождается эманципаціей личности. Можно сказать, что одною изъ самыхъ любимыхъ темъ въ социологическихъ изслѣдованіяхъ названнаго писателя всегда было разсмотрѣніе того, какъ личная свобода въ культурномъ и социальномъ смыслахъ все болѣе и болѣе развивается въ человѣческомъ мірѣ.

Антагонизмъ между личностью и обществомъ по теоріи Кидда. Эволюціонная теорія все болѣе и болѣе овладѣваетъ социологическими построеніями, но и сама она понимается все шире и шире. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, пожалуй, всю новѣйшую социологію можно назвать дарвинистическою, какъ можно назвать ее съ подобной же точки зрѣнія и конгустской. Въ болѣе узкомъ значеніи послѣднимъ социологическимъ трудомъ въ духѣ дарвинизма является „Социальная эволюція“ Бенжамена Кидда (1895),—трудъ, который отразилъ на себѣ многія приобрѣтенія, сдѣланныя социологическою мыслью съ тѣхъ поръ, какъ пробовали объяснить всю социальную эволюцію борьбой за существованіе и естественнымъ подборомъ. Киддъ и до сихъ поръ ду-

ства". Въ концѣ-концовъ у Кидда, несмотря на весь „натурализмъ“ его теоріи, социальная эволюція представляется, какъ процессъ главнымъ образомъ религіозный (въ указанномъ смыслѣ слова). „Религія, говоритъ онъ, есть образъ вѣрованій, который снабжаетъ ультра-раціональными правилами ту обширную область личной жизни, гдѣ личные интересы и интересы социального организма противоположны другъ другу, и посредствомъ котораго первые интересы подчиняются вторымъ въ силу общихъ интересовъ эволюціи всей расы“. Въ будущемъ онъ пророчитъ религіи (въ такомъ пониманіи слова) не уменьшеніе и ослабленіе, а напротивъ, усиленіе и увеличеніе. И для Кидда „истинной органической единицей, съ которой „должна имѣть дѣло наука“, является „социальная система, основанная на извѣстной формѣ религіознаго вѣрованія“, т.-е. культурная группа, объединенная на чисто психической почвѣ однѣми и тѣми же идеями о должномъ касательно взаимныхъ отношеній личности и общества. Насколько вѣренъ такой взглядъ, — это другое дѣло, но вся важность здѣсь въ переводѣ вопроса на психологическую (и этическую) почву.

Постановка вопроса въ теоріи экономическаго материализма. Наибольшее вліяніе на социологическія теоріи второй половины XIX вѣка, кромѣ Спенсера и Дарвина, оказалъ Марксъ. Вліяніе этихъ трехъ мыслителей сказалось не только въ томъ, что образовалось три разныхъ направленія социологіи, но и въ томъ, что социологи, не причисляющіе себя ни къ одной изъ этихъ „школъ“, тѣмъ не менѣе могутъ также считаться въ извѣстной мѣрѣ послѣдователями этихъ трехъ мыслителей. Это слѣдуетъ сказать между прочимъ о Миртовѣ и Михайловскомъ, ученіе коихъ о личности сдѣлалось, однако, предметомъ особенно сильной полемики со стороны русскихъ марксистовъ, напавшихъ на принципъ личности, какъ на совершенно ненаучный. Самое существенное въ этой полемикѣ рассмотрѣно нами выше: вопросъ сводится къ тому, какую роль личность играетъ въ исторіи, какъ эволюціонный факторъ. Отрицаніе этой роли возможно при весьма различныхъ концепціяхъ общества, и наоборотъ, раздѣляя мысль о чисто экономической основѣ общества, можно тѣмъ не менѣе признавать значеніе личнаго воздѣйствія. Вообще въ современныхъ исторіологическихъ теоріяхъ анти-индивидуалистическая тенденція весьма сильна, образцемъ чего можетъ служить книга Бурдо (1888) „Исторія и историка“¹⁾. Экономическій материализмъ въ этомъ отношеніи не

¹⁾ Бурдо проводитъ въ своей книгѣ ту мысль, что въ исторіи дѣйствуютъ „всѣ“, а не отдѣльныя единицы, но на самомъ дѣлѣ онъ превращаетъ коллек-

представляет какого-либо исключительного явления. Въ самомъ немъ, однако, въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время, многое еще между собою несогласовано. Проповѣдая роковую стихійность историческаго процесса, сторонники этой теории не могутъ понимать его въ смыслѣ чисто безличной эволюціи, ибо этотъ процессъ заключается для нихъ въ борьбѣ классовъ, которые суть соединенія индивидуумовъ, въ концѣ-концовъ и выступающихъ коллективно въ этой борьбѣ. И это послѣднее представленіе нельзя считать исключительною собственностью экономическаго матеріализма. Совершенно такой же взглядъ мы находимъ, напр., въ социологической теории Гумпловича, занимающаго въ социальномъ вопросѣ позицію, прямо противоположную позиціи Маркса. Австрійскій социологъ стоитъ именно на той точкѣ зрѣнія, что въ наукѣ объ обществѣ нужно исходить не изъ понятія личности и не изъ понятія общества, а изъ понятія общественной группы (скопища, орды, класса и т. п.). Такая группа есть, по его мнѣнію, первичный фактъ, а личность есть уже нѣчто производное. Въ обществѣ, говоритъ онъ, нѣтъ взаимодействія между отдѣльными лицами, а есть только взаимодействие между отдѣльными группами, ибо лишь группы суть простые элементы, изъ коихъ исходятъ всѣ социальныя дѣйствія. Государство есть организованное господство одной группы надъ другими. „То, что мыслить въ человѣкѣ, прибавляетъ Гумпловичъ, это вовсе не онъ, а его социальная группа; источникъ его мышленія заключается вовсе не въ немъ, а въ социальной средѣ, въ коей онъ живетъ, въ социальной атмосферѣ, коей онъ дышетъ“. Это очень близко подходитъ къ взглядамъ послѣдователей экономическаго матеріализма. Конечно, въ такой концепціи есть сходство и съ ученіями, настаивающими на томъ, что личность есть только социальный продуктъ (органическая школа), и съ тѣми, которые выдвигаютъ на первый планъ идею борьбы индивидуумовъ (дарвинистическая школа), съ тѣмъ лишь различіемъ, что личность является здѣсь ближайшимъ образомъ продуктомъ не всего общества, а извѣстной общественной группы,

тивную работу многихъ въ безличную работу „всѣхъ“, не различая среди этихъ „всѣхъ“ никакихъ категорій дѣятелей. Положимъ, что такой-то NN совершилъ извѣстный поступокъ: въ сущности онъ совершенъ не этимъ NN, а „всѣми“. Дѣйствіе каждаго на всѣхъ безконечно мало, тогда какъ дѣйствіе всѣхъ на каждаго почти безпредѣльно. Массѣ именно принадлежитъ роль инициативы и направленія, а единица есть только органъ массы. Въ частности, однако, Бурдо не выдерживаетъ основной точки зрѣнія, и его теорія страдаетъ отъ цѣлаго ряда противорѣчій, въ которыя онъ впадаетъ на каждомъ шагѣ.

и что борятся между собою личности не въ одиночку, а соединенными въ извѣстныя общественныя группы.

Личность и общественные классы. Эта социологическая идея заслуживаетъ того, чтобы на ней здѣсь остановиться для выясненія вопроса о положеніи личности въ обществѣ еще съ новой стороны. Экономическому матеріализму можно поставить въ заслугу, что онъ съ такою настойчивостью проводитъ идею классовой борьбы, заимствованной Марксомъ у французскихъ историковъ и социальных реформаторовъ. Въ жизненной борьбѣ участвуютъ въ качествѣ сторонъ не только отдѣльные индивидуумы, но и цѣлыя общественныя группы, хотя, конечно, основаніемъ для образованія этихъ группъ могутъ служить не одни матеріальные интересы, не одна принадлежность индивидуумовъ къ одной и той же экономической категоріи. И отдѣльныя личности выступаютъ въ этой борьбѣ, именно какъ представители классовыхъ интересовъ, носители классовыхъ идей, но это еще не значитъ, что классовое сознаніе есть непремѣнно классовое въ экономическомъ смыслѣ, а не групповое вообще (національное, вѣроисповѣдное, партійное и т. п.), какъ не значитъ и того, будто оно вырабатывается само собою, а не отдѣльными личностями съ болѣе развитою инициативою и не усваивается отъ нихъ по мѣрѣ своей работы болѣе пассивными натурами, и будто всѣ проявленія личной жизни и дѣятельности безъ всякаго остатка сводятся къ жизни группы или класса, какъ если бы индивидуумъ былъ только членомъ данной группы, даннаго класса, простымъ продуктомъ групповой или классовой среды безъ всякаго своего я. Соціологія должна, конечно, изучать и расчлененіе общества на культурныя группы и социальные классы съ точки зрѣнія социальной дифференціаціи и раздѣленія труда, съ точки зрѣнія ихъ мирнаго взаимодействія или борьбы между ними, основанной на несходствѣ мыслей, чувствъ, стремленій ихъ членовъ и совпаденіи либо противоположности ихъ интересовъ съ точки зрѣнія блага, осуществляемаго обмѣномъ разнородныхъ идей, настроеній, стремленій, услугъ и наконецъ продуктовъ, который происходитъ, благодаря социальной дифференціаціи и раздѣленію труда, или съ точки зрѣнія зла, приносимаго разобщенностью культурныхъ слоевъ общества и эксплуатаціей однихъ классовъ другими, — однимъ словомъ, расчлененіе общества на культурныя группы и социальные классы соціологія должна изучать съ разныхъ сторонъ, но при этомъ она никоимъ образомъ не имѣетъ права забывать вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между личностью и обществомъ, беря послѣднее не въ смыслѣ „со-

ціального организма", а и въ смыслѣ всей совокупности, и въ смыслѣ отдѣльныхъ культурно-соціальныхъ группъ и классовъ. Поскольку личность есть продуктъ общества, она, конечно, есть ближайшимъ образомъ продуктъ своей группы, своего класса, но еще вопросъ, можетъ ли быть личность вообще только продуктомъ, можетъ ли группа или классъ вообще всегда поглощать личность безъ остатка, и не происходитъ ли въ группахъ или классахъ психическаго и практическаго взаимодействія между личностями, создающаго групповое сознаніе и классовые интересы, не замѣчается ли еще борьбы личности противъ чрезмерныхъ притязаній группы или класса. Если исторія общества есть борьба классовъ, то исторія самихъ классовъ есть борьба личностей, отстаивающихъ себя и своихъ ближайшихъ согражданъ противъ другихъ классовъ и отдѣльныхъ личностей и въ своей жизненной борьбѣ объединяющихся въ классы съ сознаніемъ своего единства и организаціей своихъ силъ. Какъ ни односторонне представляетъ экономическій матеріализмъ содержание соціального процесса, но онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ органическая теорія или дарвинистическая соціологія: въ данномъ случаѣ онъ довольно вѣрно схватываетъ сущность настоящей исторической науки, которая за внѣшними культурно-соціальными формами ищетъ внутренней исторіи общества, понимаемой, какъ исторія общественныхъ группъ и классовъ (культурныхъ и экономическихъ), между которыми распределяются всѣ члены общества, т.-е. живыя человѣческія личности. И здѣсь самъ собою выдвигается теоретическій вопросъ психологическаго содержанія: какъ образуется коллективное (групповое или классовое) сознаніе и въ какомъ отношеніи находится къ нему сознаніе индивидуальное?

Индивидуальная свобода и соціальная необходимость.

Въ самое послѣднее время нѣкоторые представители экономическаго матеріализма стали разсматривать антитезу личнаго начала и общественности, какъ антитезу свободы и необходимости. Такую постановку вопроса нельзя назвать удачною. Соціологія съ своимъ ученіемъ о томъ, что общественныя явленія совершаются закономѣрно, и вообще идея о томъ, что человѣческія дѣйствія подчинены дѣйствию законовъ, вызвали противъ себя оппозицію со стороны защитниковъ ученія о свободѣ воли. Но свобода воли въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ данномъ случаѣ бралось это понятіе, значитъ въ концѣ-концовъ полное отсутствіе необходимости, т.-е. возможность безпричинныхъ дѣйствій, или такихъ дѣйствій, причины коихъ сами не зависятъ ни отъ ка-

кихъ причинъ. Сторонники этого возрѣнія явились противниками идеи законности общественныхъ явленій, поскольку послѣднія слагаются изъ человѣческихъ поступковъ или отъ нихъ зависятъ, какъ идеи, противорѣчащей свободной волѣ челоука: по ихъ словамъ, социологія проповѣдуетъ фатализмъ. Теперь экономическіе матеріалисты, такъ сказать, начинаютъ представлять дѣло въ обратномъ смыслѣ. Основываясь на томъ, что въ мірѣ все закономерно, все совершается необходимо и подчинено причинности, они думаютъ, будто признаніе личнаго начала противорѣчитъ этой идеѣ, словно это признаніе совершенно равносильно ученію о свободѣ воли. Здѣсь скрывается несомнѣнное недоразумѣніе. Антитеза личности и общества не совпадаетъ съ антитезой свободы и необходимости. И тѣ явленія, которымъ мы приписываемъ характеръ личный, и тѣ, въ коихъ, наоборотъ, находимъ всѣ признаки общественнаго происхожденія, одинаково совершаются закономерно, одинаково необходимы: свободы въ смыслѣ безпричинности нѣтъ, ни тамъ, конечно, ни здѣсь. То, что можетъ казаться личною свободою отъ социальной необходимости, вовсе не есть какое-то проявленіе безпричинности, а результатъ дѣйствія нѣкоторой другой необходимости, т.-е. причинъ не-социальнаго характера. Соціологическіе законы не устраняютъ дѣйствія законовъ психологическихъ и биологическихъ, и социальная необходимость постоянно нарушается вторженіемъ въ нее результатовъ необходимости психологической и биологической. Если бы личность была только продуктомъ общества и всецѣло поглощалась обществомъ, ни о какой противоположности между личнымъ началомъ и общественностью не могло бы быть и рѣчи. Дѣло въ томъ, однако, что сводя общественность, какъ это дѣлаютъ экономическіе матеріалисты, къ чисто внѣшней средѣ, въ которой господствуетъ строгая причинность, мы не должны забывать, что общество не есть только среда, что въ то же время оно есть совокупность индивидуумовъ, въ жизни коихъ господствуетъ своя причинность—психологическая и биологическая, и что необходимость социальная и эта необходимость индивидуальная могутъ между собою не совпадать. Хотя индивидуумъ въ разныхъ сторонахъ своего бытія и обуславливается извнѣ обществомъ, какъ извѣстнаго рода культурною средою и социальною организаціей, но онъ обуславливается и изнутри физическими и психическими качествами своей индивидуальности, т.-е. собственнаго организма и своего я. Велика ли, мала ли эта независимость индивидуума отъ общества, она существуетъ, и признавать ее мы обязаны, нисколько не рискуя

впадать въ заблужденіе, заключающееся въ ученіи о могущей безпричинно дѣйствовать человѣческой волѣ. Экономическіе матеріалисты хотѣли бы объяснять всѣ общественныя явленія одною по отношенію къ людямъ внѣшнею необходимостью. Эта необходимость по отношенію къ самому обществу, взятому, какъ социальная (экономическая) организація и культурная среда обусловливаемая, по этому ученію, единственно однимъ экономическимъ строемъ, кажется имъ необходимостью внутреннею, и они съ своей точки зрѣнія правы, но этой внутренней необходимости приходится осуществляться среди дѣйствія силъ, по отношенію къ ней внѣшнихъ, т.-е. дѣйствующихъ не въ обществѣ, какъ въ чемъ-то отличномъ отъ человѣка, а въ самомъ человѣкѣ, въ самихъ индивидуумахъ, занимающихъ тѣ или другія мѣста въ этой организаціи. Конечно, нельзя отрицать важности вопроса о необходимости и свободѣ, но въ той постановкѣ, какая ему дается экономическимъ матеріализмомъ, вопросъ этотъ скорѣе запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Если при разсмотрѣніи этого предмета нельзя обходиться безъ понятія свободы, то никакъ не въ значеніи чего-то противоположнаго причинности, необходимости и законмѣрности: такой свободы не существуетъ, и говорить о ней, стало-быть, нечего. Но есть другая свобода — свобода отъ всеуравнивающаго вліянія культурной среды, т.-е. выдѣленіе личной оригинальности изъ массоваго однообразія, и свобода отъ всепоглощающей социальной организаціи, т.-е. изъятіе личности изъ подчиненія лишь тѣмъ цѣлямъ, которыя не суть ея собственныя цѣли. *Этой*, духовной и гражданской свободы не отрицаютъ и экономическіе матеріалисты: они только имѣютъ свой особенный взглядъ на тотъ общественный строй, который способенъ осуществить такую свободу личности, и на строй, идя по которому, общество можетъ осуществить этотъ самый путь. Можно соглашаться или не соглашаться съ ними относительно этого строя или этого пути, можно распространять свое согласіе или несогласіе одновременно на оба эти пункта или только на то или другое, взятое въ отдѣльности, во всякомъ случаѣ постановка вопроса о личности и обществѣ, смѣшивающая этотъ вопросъ съ совершенно другимъ — о свободѣ воли и необходимости или причинности, не можетъ быть признана удачною.

Не разъ уже отмѣчалось выше, что экономическій матеріализмъ возникъ и развился внѣ связи съ остальной социологической литературой. Только-что указанною постановкою вопроса

о личности и обществѣ представители этого ученія лишь заплатили дань своей особой связи съ нѣмецкой метафизикой и своему малому знакомству съ социологіей, возникшей на почвѣ позитивныхъ стремленій вѣка.

Вопросъ о личности и обществѣ въ научномъ социализмѣ. Связанный одною своею стороною съ нѣмецкой метафизикой (съ гегельянствомъ и матеріализмомъ у Маркса, Энгельса, Бельтова, съ неокантіанствомъ у Струве и Булгакова), другою своею стороною экономическій матеріализмъ входитъ, какъ составная часть, въ такъ называемый научный социализмъ, противопологающій себя социализму утопическому. О взаимныхъ отношеніяхъ между социализмомъ вообще и социологіей рѣчь будетъ итти еще впереди. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что теоретическій социализмъ и социологія, такъ сказать, примыкаютъ къ одному источнику: первый былъ реакціей противъ индивидуалистичности, второй—противъ метафизичности общественной философіи XVIII в. Сень-Симонъ является родоначальникомъ французскаго авторитарнаго социализма и вдохновителемъ Конта, какъ основателя социологіи. Мы видѣли, что реакція противъ индивидуализма отразилась и на социологической теоріи Конта, но и общественный идеаль Конта былъ близокъ къ идеалу авторитарнаго социализма. Дальнѣйшее развитіе социологіи совершалось не въ этомъ направленіи, но и развитіе социализма пошло равнымъ образомъ не по тому пути, который былъ намѣченъ первыми его проповѣдниками, исключая Фурье съ его проповѣдью индивидуальной свободы, т.-е. того, въ чемъ другіе теоретики социализма видѣли причину всякаго общественнаго зла. Утопическій социализмъ былъ своего рода отрицаніемъ правъ личности во имя правъ общества. Карлъ Марксъ и Энгельсъ, сѣмѣвшіе взглянуть на утопическій социализмъ съ чисто исторической точки зрѣнія, т.-е. признавшіе его важность, какъ момента въ развитіи социальной идеи, осудили его зато, какъ научную теорію. Здѣсь не мѣсто разсматривать противоположность обѣихъ формъ социализма во всѣхъ пунктахъ, тѣмъ болѣе, что нами уже было кое-что сказано объ этой противоположности. Нельзя только не отмѣтить при разсмотрѣніи вопроса о личности и обществѣ, что научный социализмъ гораздо благосклоннѣе относится къ индивидуальной свободѣ, чѣмъ социализмъ старыхъ утопистовъ (опять, конечно, исключая Фурье). Марксъ обнаруживаетъ противорѣчіе, существующее въ современномъ обществѣ между социальнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ собственности. Извѣстно, какъ представляетъ себѣ Марксъ выходъ

изъ этого противорѣчія, но этотъ выходъ мыслится имъ въ пользу личностей, а не какаго-то отвлеченнаго цѣлаго, не въ пользу гипостазированнаго „единства“ прежнихъ французскихъ социалистовъ и Конта. Основатели экономического матеріализма думаютъ даже, что социальная эволюція, какъ они ее понимаютъ, ведетъ къ упраздненію государства, какъ государства, хотя это и должно осуществиться посредствомъ переходнаго состоянія, въ которомъ государственное вмѣшательство будетъ доведено до весьма высокой степени. Съ ихъ точки зрѣнія государство, призванное по общераспространенному мнѣнію главнымъ образомъ къ обезпеченію за гражданами ихъ личныхъ правъ и независимости за всею ихъ общностью, служитъ преимущественно тому, чтобы гарантировать за классомъ эксплуатирующихъ ихъ привилегіи, — взгляды, съ коими мы встрѣчаемся и у Гумпловича, противника социалистовъ и весьма большого государственника, взгляды, коему притомъ нельзя отказать въ исторической вѣрности. Если смотрѣть на государство только съ этой точки зрѣнія, то дѣйствительно ему ничего не останется дѣлать, какъ упраздниться, когда оно само упразднитъ защищаемыя имъ привилегіи. Научный социализмъ, однако, не заглядываетъ въ далекое будущее прямо по принципу и не рѣшаетъ вопроса объ отношеніи будущей коллективистической организаціи къ личной свободѣ, которую въ принципѣ же вполне сохраняетъ, отрѣшившись ради идеи блага отдѣльныхъ личностей отъ всѣхъ идей, въ коихъ гипостазировались дѣйствительно коллективныя существованія, каковы нація, государство, человѣчество, общественный организмъ. Его политико-экономическія воззрѣнія гораздо индивидуалистичнѣе по цѣли, которую онъ ставитъ существованію народнаго богатства, чѣмъ положенія той яко-бы индивидуалистической политической экономіи (такъ называемой либеральной), которая вызвала вѣрное замѣчаніе одного стараго критика: „можно подумать, что человѣкъ существуетъ для богатства, а не богатство для человѣка“.

Какое впечатлѣніе съ этой стороны производитъ теорія Маркса на такого безпристрастнаго критика, какъ Анри Мишель, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „вездѣ въ этой доктринѣ я вижу индивидуумъ въ погонѣ за своимъ личнымъ благомъ, и когда я ищу общину (la cité), я уже не нахожу ея болѣе. Будетъ ли столь сложная, столь заваленная дѣломъ администрація, которая станетъ распредѣлять работу, пользование, будетъ ли она сколько-нибудь заботиться объ интересахъ общихъ, возвышенныхъ, коллективныхъ?“ Не для однихъ марк-

систовъ этотъ выводъ можетъ показаться неожиданнымъ, но его нельзя назвать невѣрнымъ. И въ томъ, что марксизмъ приводитъ къ такой индивидуалистической концепціи, нѣтъ ничего ужаснаго, особенно если принять въ соображеніе существованіе другихъ соціологическихъ взглядовъ, по которымъ личность должна совершенно игнорироваться (*quantité négligeable*). Прибавимъ, что столь постоянно оспариваемые русскими экономическими матеріалистами—Миртовъ и Михайловскій, эти защитники принципа личности,—въ сущности стоятъ въ пониманіи взаимныхъ отношеній индивидуализма и коллективизма совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Марксъ; изъ этого взгляда они исходятъ и тогда, когда критикуютъ невѣрное пониманіе представителями органической школы и дарвинистической соціологіи тѣхъ отношеній, какія существуютъ между личностью и обществомъ. Вращаясь исключительно въ кругу идей и тезисовъ своей школы или дѣлая экскурсіи лишь въ сторону нѣмецкой философіи,—какъ будто не существуетъ еще цѣлой соціологической литературы, достойной изученія, хотя бы только для полнаго ея ниспроверженія ради лучшаго утвержденія положеній экономическаго матеріализма,—представители этого направленія сами себя лишаютъ возможности поставить вопросъ о личности и обществѣ такъ же широко и научно, какъ дѣлаютъ это соціологи, во многихъ существеннѣйшихъ пунктахъ раздѣляющіе взгляды Маркса, но не думающіе, что въ нихъ вся истина и все одинаково истинно.

Во всякомъ случаѣ и соціологія, и социализмъ, которые въ эпоху своего возникновенія носили на себѣ рѣзкіе признаки анти-индивидуалистической реакціи, мало-по-малу стали отъ нея отрѣшаться и совершать эволюцію въ сторону признанія за личнымъ началомъ реального значенія въ общественной жизни и въ сторону признанія за личностью правъ, которыя не могутъ быть отчуждены въ пользу какаго бы то ни было „единства“. На путь такого сочетанія соціологической идеи и коллективистическаго идеала съ индивидуализмомъ—съ полнымъ пониманіемъ задачи и яснымъ сознаніемъ ея рѣшенія—весьма рано выступила русская соціологическая литература, благодаря своему стремленію къ синтезу отдѣльныхъ одностороннихъ ученій, среди коихъ свое мѣсто принадлежитъ и экономическому матеріализму.

Вопросъ о личности и обществѣ съ психологической точки зрѣнія. Все болѣе и болѣе начиная заниматься личностью, соціологія тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе соприкасается съ психологіей, въ которой, съ другой стороны, подъ вліяніемъ соціологической мысли стало развиваться цѣлое на-

низацію. По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, составляющимъ общество, совокупность этихъ формъ и эта организація играютъ роль ви́шней среды, дающей личностямъ извѣстную окраску и извѣстнымъ образомъ опредѣляющей ихъ дѣятельность, подчиняющей ихъ себѣ, какъ сложившейся культурно-соціальной системѣ. Но эта среда, являющаяся продуктомъ надъ-органическаго развитія, существуетъ лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ (культурныя формы) и чрезъ отдѣльныя личности (соціальная организація). Индивидуумы, однако, суть не только носители общихъ культурныхъ формъ и элементы соціальной организаціи: они—носители готовыхъ идей, настроеній и стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творцы новыхъ идей, настроеній, стремленій; они—элементы соціальной организаціи, но сама она для нихъ лишь великое орудіе, посредствомъ коего они достигаютъ своихъ цѣлей. Между личностями и этой культурно-соціальною, или надъ-органическою средою совершается постоянное взаимодействіе, все усложняющееся и усложняющееся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе и болѣе превращающее индивидуумъ изъ носителя чужихъ идей, настроеній и стремленій въ творца своего собственного внутренняго міра, изъ простой части общественнаго механизма въ механика, который дѣлаетъ этотъ механизмъ орудіемъ людскаго благополучія. Философія XVIII вѣка выдвинула идею „личности“, но въ началѣ XIX столѣтія вызвала реакцію, приведшую къ созданію „народнаго духа“ и „общественнаго организма“. Соціологія второй половины XIX вѣка занялась синтезомъ этихъ понятій. Личность и культурно-соціальная среда (народный духъ и общественный организмъ) независимо другъ отъ друга не существуютъ. Нѣтъ и быть не можетъ надъ-органической среды, которая совершенно подчиняла бы личность народному духу и общественному организму, но и личность немислима внѣ всякой культуры и организаціи. Но если среда эта въ послѣднемъ анализѣ существуетъ лишь въ индивидуумахъ и чрезъ индивидуумы, то существуетъ она и для индивидуумовъ—въ томъ смыслѣ, что дѣятельность ихъ и ихъ взаимодействіе совершаются по ставимымъ ими себѣ цѣлямъ, которыя, хотя и не всегда такъ осуществляются, какъ того хотятъ, или даже вовсе не осуществляются, тѣмъ не менѣе не перестаютъ ставиться людьми и ставиться не перестанутъ, пока люди живы. Развитіе личности и развитіе культурно-соціальной среды сопровождаются преобразованиемъ этихъ цѣлей и средствъ для ихъ достиженія. На извѣстной ступени развитія начинается творчество общественныхъ идеаловъ, и на извѣстной же ступени раз-

витія ставится вопросъ о томъ, какимъ путемъ лучше всего достигнуть идеала.

Этого творчества общественныхъ идеаловъ,—творчества, совершаемаго отдѣльными личностями, идеаловъ, переходящихъ изъ личнаго сознанія въ сознаніе общественное и обуславливающихъ общественную дѣятельность,—соціологія не имѣетъ права игнорировать, по крайней мѣрѣ, какъ одного изъ фактовъ исторической и современной дѣйствительности.

ГЛАВА XIV.

Объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи.

Общія предварительныя соображенія. Различіе, существующее между соціологическими теоріями, обуславливается между прочимъ и тѣмъ, что отдѣльными соціологами неодинаковымъ образомъ понимаются взаимныя отношенія между объективными и субъективными элементами науки, причемъ, кромѣ того, объективизму и субъективизму дается далеко не одинаковое опредѣленіе. Конечно, подобно всякой положительной наукѣ, соціологія должна быть объективна въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней все зависѣло отъ данныхъ, представляемыхъ самимъ объектомъ, и ничего не зависѣло отъ личнаго произвола отдѣльныхъ соціологовъ. Это какъ-разъ то самое требованіе, которое формулировано было Контомъ, когда онъ говорилъ, что въ положительной наукѣ воображеніе должно необходимо и непрерывно подчиняться наблюденію, а не наоборотъ, какъ это дѣлается въ метафизикѣ. Въ частности Контъ имѣлъ въ виду политическую метафизику XVIII в., которая дѣйствительно строила свои системы путемъ творчества идеала, а не путемъ изслѣдованія дѣйствительности. Нѣкоторые писатели прошедшаго столѣтія сами заявляли, что для полученія правильныхъ общественныхъ взглядовъ достаточно читать въ своемъ собственномъ сердцѣ. Дѣло въ томъ, однако, что путемъ воображенія и чистаго умозрѣнія они создавали системы, которыя должны были не только представить, каковы настоящіе принципы идеальнаго устройства, но и объяснить, на какихъ началахъ основывается въ самой дѣйствительности общественная жизнь человѣка. Приемы, годные для рѣшенія вопроса о томъ, каково должно быть общество,

прилагались въ рѣшенію вопроса о томъ, что представляет собою общество въ дѣйствительности, и вотъ тутъ-то наблюденіе, какъ выражается Контъ, совершенно подчинялось воображенію.

Таково первое различіе между субъективизмомъ и объективизмомъ. Это—различіе двухъ задачъ, которыя, конечно, не должны смѣшиваться одна съ другою, но изъ коихъ одна отнюдь не мѣшаетъ другой. Оставаясь строго вѣрными требованію научнаго объективизма въ области изслѣдованія общественныхъ явленій, мы въ то же самое время можемъ воображать такія соціальныя формы, которыя удовлетворяли бы наше нравственное чувство или вообще соотвѣтствовали бы нашимъ представленіямъ о должномъ. Въ данномъ случаѣ субъективизмъ только дополняетъ объективизмъ и весь вопросъ заключается въ томъ, нуждается ли социологія въ такомъ дополненіи или нѣтъ. Самъ Контъ рѣшилъ его для себя въ первомъ смыслѣ: за „Курсомъ положительной философіи“, спустя нѣкоторое время, послѣдовала „Система положительной политики“. Послѣдователи Конта по данному вопросу раздѣлились. Тѣ изъ нихъ, которые приняли позднѣйшее ученіе Конта, признали, что въ этомъ дополненіи главнымъ образомъ и заключается вся сущность позитивизма. Ихъ противники обнаружили гораздо болѣе научнаго духа, отвергнувъ позднѣйшія социологическія воззрѣнія Конта, но изъ того, что Контъ дурно рѣшилъ свою новую задачу, не всѣ научные позитивисты сдѣлали тотъ выводъ, будто общественная философія должна ограничиваться—подобно естествознанію—однимъ изслѣдованіемъ дѣйствительности и абсолютно удерживаться отъ построенія какаго бы то ни было общественнаго идеала. Такимъ образомъ и въ самѣй научной социологической литературѣ образовалось два направленія. Представители перваго изъ этихъ двухъ направленій стали упрекать представителей второго въ измѣнѣ требованіямъ научности, но при этомъ, съ одной стороны, они не вполне вѣрно понимали самую сущность субъективной точки зрѣнія, а съ другой стороны, допускали такое толкованіе объективной точки зрѣнія, которое само вызываетъ сильныя возраженія во имя „подчиненія воображенія наблюденію“.

Во-первыхъ, социологическій субъективизмъ вовсе не можетъ разсматриваться, какъ измѣна научному духу. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ какаго бы то ни было вліянія метафизическихъ идей на рѣшеніе вопроса о томъ, что такое общество и какіе законы управляютъ общественными явленіями. И въ представленіи субъективистовъ социологія должна быть прежде всего положительною наукою, далекою отъ метафизиче-

сихъ споровъ о сущности вещей и тѣмъ самымъ независимо отъ метафизики. Съ этой точки зрѣнія субъективная социологія не нуждается въ предпосылкахъ матеріализма или спиритуализма совершенно такъ же, какъ не нуждается въ нихъ современная научная психологія, повидимому, стоящая еще ближе по самому своему предмету къ метафизическимъ вопросамъ, чѣмъ социологія. Представители субъективнаго направленія думаютъ только, что одно объективное изученіе общественныхъ явленій и формъ безъ субъективной ихъ оцѣнки и идеальныхъ представленій о томъ, каково должно быть общество, не можетъ дать полнаго социологическаго пониманія. Но въ общихъ принципахъ, на основаніи коихъ они производятъ свою оцѣнку и строятъ свои идеальныя представленія, нѣтъ ничего метафизическаго, если только не считать таковымъ принципа личности, по отношенію къ которой социальныя формы могутъ вазаться дурными или хорошими и по отношенію къ которой только и можетъ научно мыслиться совершенное общество. Съ другой стороны, социологическій субъективизмъ далекъ отъ какихъ бы то ни было пристрастій, столь часто искажающихъ объективную истину, на примѣръ, въ такой наукѣ, какъ исторія. Субъективное направленіе осуждаетъ социальный индифферентизмъ, но оно вовсе не требуетъ, чтобы наука принимала какую-либо національную, конфессіональную, партійную и т. п. окраску. На изученіе того, что есть, какъ оно есть, вовсе не должна имѣть вліянія случайная принадлежность изслѣдователя къ тому или другому народу либо государству, къ тому или другому вѣроисповѣданію либо церкви, къ тому или другому общественному классу либо партіи. Такимъ образомъ социологическій субъективизмъ отнюдь не сходитъ съ той же почвы, на которой утверждаетъ себя объективизмъ, когда протестуетъ противъ зависимости положительной науки объ обществѣ отъ метафизическихъ предположеній и разнаго рода пристрастій общественнаго характера. Если бы субъективисты открыто заявляли и проводили на практикѣ принципъ, въ силу коего социологія должна подчиняться, съ одной стороны, метафизикѣ, а съ другой, такъ сказать, злобѣ дня со всѣми ея пристрастіями и несправедливостями, то, разумѣется, они подлежали бы только осужденію. Но этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, не всегда такъ бываетъ, и споръ между субъективистами и объективистами касается совершенно другихъ вопросовъ.

Другая сторона дѣла заключается именно въ томъ, что можно односторонне понимать и самый объективизмъ, невѣрно представлять себѣ и его требованія. Подчиняя воображеніе наблюде-

нію, Контъ разумѣлъ подѣ послѣднимъ исключительно наблюденіе, направленное на данныя опыта внѣшняго. Извѣстно, что всѣ явленія, могущія быть предметомъ научнаго знанія, даются намъ или въ опытѣ внѣшнемъ, или въ опытѣ внутреннемъ. Контъ только за явленіями перваго рода признавалъ научное значеніе. На психологію онъ смотрѣлъ, какъ на простой отдѣлъ фізіологіи, и не допускалъ въ ней того, что называется самонаблюденіемъ. Его въ этой области интересовали лишь объективныя фізіологическіе процессы, происходящіе въ человѣческомъ организмѣ, а не тѣ субъективныя состоянія нашего я, кои сопровождаютъ для насъ эти процессы. Подобнаго рода односторонній объективизмъ возможенъ и въ соціологіи. И здѣсь онъ равносильнъ устраненію изъ общественной жизни ея психическихъ элементовъ, т.-е. равносильнъ одностороннему разсмотрѣванію однихъ внѣшнихъ формъ общественной организаціи безъ многоразлично связанныхъ съ ними психическихъ состояній отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ коихъ складывается общество. Устраняя изъ своего разсмотрѣнія эту субъективную сторону общественныхъ явленій, односторонній соціологическій объективизмъ упускаетъ изъ виду, что общественныя формы существуютъ не только не сами по себѣ, но и не для самихъ себя. Субъективная сторона соціальныхъ фактовъ заключается между прочимъ въ томъ дѣйствіи, какое они, эти факты, оказываютъ на членовъ общества. Общественныя формы являются причинами людскаго благополучія или неблагополучія и съ этой стороны вызываютъ ту или другую оцѣнку самихъ членовъ общества. Соціологическое пониманіе не можетъ быть полнымъ, если мы будемъ разсматривать общество независимо отъ того, какое значеніе имѣютъ тѣ или другія его политическія, юридическія и экономическія формы для лицъ, его составляющихъ. Научный объективизмъ, являющійся синонимомъ безпристрастія, не долженъ быть синонимомъ безстрастія въ смыслѣ нравственной апатіи и общественнаго индифферентизма, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ соціологическій объективизмъ долженъ былъ бы быть равносильнымъ какъ-разъ и той, и другому. Наконецъ, одностороннее объективное отношеніе къ соціальнымъ явленіямъ требуетъ, чтобы ихъ послѣдовательность и преемственность разсматривались исключительно съ точки зрѣнія существующихъ между ними причинныхъ связей и эволюціонныхъ отношеній, какъ будто происходящія въ обществѣ измѣненія не улучшаютъ и не ухудшаютъ общества и тѣмъ самымъ не отражаются на благополучіи составляющихъ его единицъ. Становясь на точку зрѣнія

личности и признавая законность творчества общественных идеаловъ, субъективисты находятъ возможнымъ говорить объ историческомъ прогрессѣ или регрессѣ, владывая въ эти слова смыслъ извѣстнаго рода оцѣнки. Представители строгаго соціологическаго объективизма и это находятъ ненаучнымъ, утверждая, что соціологія имѣетъ право говорить лишь о развитіи, а не о совершенствованіи, только объ эволюціи, а не о прогрессѣ.

Сущность разногласія между объективизмомъ и субъективизмомъ. Въ концѣ концовъ, споръ между объективистами и субъективистами въ соціологіи сводится къ различному пониманію того, какъ слѣдуетъ смотрѣть на общество и какъ нужно относиться къ человѣческой личности, этому первичному элементу общества. Соціологическій объективизмъ, беря этотъ терминъ въ тѣсномъ и условномъ смыслѣ, есть не что иное, какъ одно изъ проявленій той анти-индивидуалистической реакціи противъ философіи XVIII в., о которой шла рѣчь въ предыдущей главѣ. Политическая метафизика прошлаго столѣтія была дѣйствительно слишкомъ субъективистична, но и реакція противъ нея стала заходить слишкомъ далеко, когда начала разсматривать, напримѣръ, языкъ, право, государство, какъ какія-то объективныя бытія, какъ явленія, будто бы сами по себѣ и сами для себя существующія. Съ другой стороны, сравнительно съ XVIII в. наука XIX столѣтія дѣлала шагъ впередъ, приглашая изучать эти объективныя явленія такъ, какъ естествознаніе изучаетъ предметы и процессы физическаго міра. Подъ вліяніемъ увлеченія аналогіей съ естествознаніемъ и подъ вліяніемъ отрицательнаго отношенія къ философіи XVIII в. легко было, однако, впасть въ односторонность. Разъ слѣдуетъ игнорировать субъективную точку зрѣнія личности и разъ задача соціологическаго изслѣдованія ничѣмъ не отличается отъ задачи, какую мы ставимъ изслѣдованію природы, все, что напоминаетъ собою индивидуализмъ XVIII в., и все, что стало бы отличать обществовѣдѣніе отъ естествознанія, должно было быть признано незаконнымъ и ненаучнымъ. Соціологическій субъективизмъ является только необходимою поправкою и естественнымъ дополненіемъ къ тому, что есть невѣрнаго и односторонняго въ противоположной точкѣ зрѣнія. Именно субъективизмъ, — беря это слово опять-таки въ условномъ смыслѣ, — доказываетъ, что ненаучно изучать общественныя явленія, какъ бы совершенно игнорируя при этомъ мысли, чувства и настроенія человѣческой личности, мотивы ея дѣятельности, производимую ею оцѣнку соціальныхъ

фактовъ и ея интересы, и что пониманіе общественныхъ явленій, какъ чисто внѣшнихъ формъ, яко-бы лишенныхъ подобно матеріальнымъ вещамъ всякаго внутренняго содержанія, равнымъ образомъ не можетъ быть названо вполнѣ научнымъ. Мало того, критическое изслѣдованіе тѣхъ соціологическихъ направленій, которыя гордятся наибольшою вѣрностью объективизму, обнаруживаетъ, что въ сущности требованія такого объективизма и невыполнимы. Приравненіе общества, какъ предмета изученія, къ матеріальнымъ предметамъ окружающаго насъ міра есть не только извѣстное объективное пониманіе общества, но и извѣстное субъективное отношеніе къ обществу. Приписываемъ ли мы обществу нѣчто большее, чѣмъ то, что находимъ въ физическихъ предметахъ, или отрицаемъ въ немъ существованіе чего-либо такого, что отличало бы его отъ матеріальныхъ предметовъ, мы одинаково тѣмъ самымъ высказываемъ свое субъективное отношеніе къ обществу, полагая въ первомъ случаѣ, что общество должно чѣмъ-то быть, имѣть какое-то назначеніе, а во второмъ случаѣ—что общество никакого назначенія не имѣетъ, а потому и быть должно только такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Однако, въ дѣйствительности оказывается, что ни одинъ объективистъ не рѣшался дѣлать такого заключенія, ибо у каждаго есть нѣкоторый общественный идеалъ, т.-е. нѣкоторое представленіе о томъ, каково должно быть общество. Отсюда разныя непослѣдовательности, какія мы встрѣчаемъ въ объективной соціологіи. Точно также и пренебреженіе къ личности есть въ сущности не объективное пониманіе того, каково значеніе личности въ жизни общества, а опять-таки извѣстнаго рода субъективное къ ней отношеніе. Думать, что личность есть только одинъ изъ тѣхъ первичныхъ элементовъ, изъ коихъ складывается общество, только подчиненная часть цѣлаго, клѣточка общественнаго организма, служебный его органъ, орудіе или средство, коимъ пользуется общество, осуществляя объективныя стремленія своей природы,—думать, что личность не можетъ разсматриваться, какъ нѣчто самостоятельное и въ себѣ самомъ носящее свою цѣль, значить не только извѣстнымъ образомъ (конечно, весьма односторонне) понимать личность, но и субъективно относиться къ ней извѣстнымъ образомъ, т.-е. не уважать ея человѣческаго достоинства, не признавать ея правъ, ни во что не ставить ея интересовъ—передъ нѣкоторымъ объективнымъ предметомъ, который называется „общество“. Такого рода субъективное отношеніе къ личности мы и находимъ, дѣйствительно, у реакціонныхъ писателей начала XIX вѣка, исходяв-

шихъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ изъ того принципа, что „права человѣка и гражданина“ грозятъ вѣчными революціями, и что для общественнаго спокойствія и порядка человѣку слѣдуетъ давать какъ можно менѣе воли. Неуваженіе къ достоинству человѣческой личности проявляется и въ другихъ общественныхъ теоріяхъ той эпохи, далекихъ отъ реакціонныхъ стремленій абсолютистовъ, клерикаловъ и феодаловъ, именно въ теоріяхъ утопическихъ социалистовъ, признававшихъ за индивидуализмомъ анти-соціальный характеръ и также видѣвшихъ „въ деклараціи правъ человѣка и гражданина“ одно торжество эгоизма. И у реакціонеровъ, и у утопическихъ социалистовъ были свои общественные идеалы, другъ на друга, конечно, непохожіе, но сходящіеся въ одинаковомъ субъективномъ отношеніи къ личности, въ одинаковомъ пренебреженіи къ ея свободѣ во имя правъ и интересовъ общества, хотя и различнымъ образомъ понимаемыхъ. У современныхъ намъ социологовъ есть тоже свои общественные идеалы, весьма между собой несходные, но ни одинъ изъ нихъ, слѣдуетъ полагать, уже не рѣшился бы стать на ту точку зрѣнія, будто общество имѣетъ всѣ права надъ личностью, будто личность должна быть только орудіемъ или средствомъ для достиженія общественныхъ цѣлей или будто индивидуумъ существуетъ для общества. Если, съ одной стороны, представители различныхъ направленій современной социологической литературы въ то же время являются носителями извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, какъ бы послѣдніе ни были отличны одинъ отъ другого, и если, съ другой стороны, совершенство общества они видятъ не въ тѣхъ или другихъ объективных признакахъ (въ родѣ, напр., интеграціи и дифференціаціи Спенсера и обобществленія труда марксистовъ), а въ соответствіи его формъ съ разумными и справедливыми требованіями личностей, составляющихъ общество (съ каковой точки зрѣнія только и обобществленіе труда, напр., можетъ получить свой смыслъ), то лишь по недоразумѣнію теперешніе социологи могли бы принципиально защищать объективизмъ, которому нѣтъ никакого дѣла ни до того, чѣмъ общество должно быть, ни до требованій, предъявляемыхъ къ социальной жизни живыми единицами, изъ коихъ слагаются общества. Если даже иногда и въ настоящее время по недоразумѣнію и защищается еще социологическій объективизмъ, то во всякомъ случаѣ послѣдовательное проведеніе его на дѣлѣ оказывается невозможнымъ. Пожалуй, еще можно объявлять личность за *quantité négligeable* и въ признаніи принципа личности видѣть научную отсталость, но изучать

общество, взятое въ его цѣломъ, безъ всякаго представленія о томъ, какое общественное устройство наиболѣе соотвѣтствовало бы здоровой и разумной жизни человѣческихъ личностей, значитъ видѣть только одну сторону социальной жизни—объективные результаты сознательной или бессознательной дѣятельности членовъ общества, отрѣшенные отъ тѣхъ субъективныхъ цѣлей, какія ставятъ люди своей дѣятельности, прямо или косвенно направленной на общество, и отъ тѣхъ субъективныхъ требованій, какія людьми предъявляются обществу. Такъ можно изучать только отдѣльныя стороны общественности или отдѣльные процессы общественной жизни: это, напр., и дѣлается въ сравнительно-историческомъ направленіи, берущемъ своими предметами разныя культурныя и социальныя формы, какъ объективныя реальности, такъ сказать, оторванныя отъ отдѣльныхъ обществъ, въ коихъ онѣ встрѣчаются, и какъ бы стояція внѣ какой бы то ни было связи съ благомъ или зломъ личностей или съ тою субъективною оцѣнкою, какою имъ производятъ личности, имѣющія съ ними дѣло.

Важное различіе между естествознаніемъ и гуманитарными науками. Защитники социологическаго объективизма ссылаются на примѣръ естествознанія, который будто-бы въ данномъ вопросѣ имѣетъ рѣшающее значеніе. Соціологія можетъ оставаться вѣрною требованіямъ научнаго реализма, не становясь на точку зрѣнія грубаго натурализма, т.-е. не перенося въ себя цѣликомъ отдѣльныхъ понятій, отдѣльныхъ приемовъ изслѣдованія, отдѣльныхъ точекъ зрѣнія, совершенно пригодныхъ при изслѣдованіи предметовъ и процессовъ матеріальной природы, но мало умѣстныхъ или совсѣмъ неумѣстныхъ въ наукахъ, изучающихъ духовную жизнь человѣка или культурную и социальную жизнь человѣчества. Реализмъ требуетъ, чтобы дѣйствительность изображалась, какъ она есть, т.-е. чтобы дѣйствительность не идеализировалась, но реализмъ не требуетъ, чтобы отрицалась идеальная сторона тамъ, гдѣ она существуетъ. Реализмъ требуетъ также, чтобы изучались сами вещи, а не наши о нихъ идеи взамѣнъ самихъ вещей, но это не мѣшаетъ намъ создавать идеальныя представленія о совершенныхъ предметахъ. Реализмъ не есть синонимъ натурализма, какъ объективизмъ не есть синонимъ матеріализма.

Ко всему, что насъ окружаетъ, мы можемъ въ соотвѣтствіи съ расчлененіемъ нашего я на умъ, чувства и волю относиться троякимъ образомъ. Отношеніе интеллектуальное есть отношеніе теоретическое: это есть отношеніе объективнаго знанія,

отношеніе строго научное. Интересъ къ чистой истинѣ долженъ здѣсь стоять на первомъ планѣ, именно интересъ къ самой истинѣ, независимо отъ той пользы, какую можно извлечь изъ обладанія ею, и не взирая на то, что истина можетъ быть намъ прямо непріятна. Другими словами, въ теоретическомъ отношеніи своемъ къ окружающимъ насъ явленіямъ мы должны быть свободны отъ всякихъ утилитарныхъ соображеній и эмоціональных вліяній: въ этомъ заключаются объективизмъ и реализмъ науки. Второе отношеніе есть именно эмоціональное, проявляющееся между прочимъ въ эстетическомъ творествѣ, въ искусствѣ. Оно вторгается весьма часто въ науку въ видѣ разнаго рода пристрастій, напр., пристрастій національныхъ, политическихъ, вѣроисповѣдныхъ, сословныхъ, партійныхъ и т. п., вплоть до пристрастія къ отдѣльнымъ личностямъ въ исторіи, и проявляется въ видѣ разнаго рода идеализацій дѣйствительности. Это—та точка зрѣнія, съ которой „тмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“. Субъективизмъ этого рода одинаково неумѣстенъ и въ естествознаніи, и въ гуманитарныхъ наукахъ. Третье отношеніе есть отношеніе утилитарное: тутъ предметъ имѣетъ для насъ значеніе не объекта для изученія или объекта, возбуждающаго въ насъ то или другое чувство, а простого орудія или средства, изъ коего мы извлекаемъ пользу въ нашей практической дѣятельности. Такое отношеніе къ окружающему міру, перенесенное въ область знанія, придаетъ послѣднему узко утилитарный характеръ, какой и имѣютъ привладныя науки по сравненію съ науками чистыми. Всѣ три вида отношенія нашего я къ тому, что не есть это я, одинаково существуютъ въ насъ и для міра природы, и для міра человѣка, и вездѣ теоретическое отношеніе есть основаніе отношенія научнаго, вездѣ научности вредитъ вторженіе въ объективное изслѣдованіе, такъ часто совершаемое разными эмоціями, и вездѣ, наконецъ, утилитарная точка зрѣнія суживаетъ нашу мысль, подчиняя теоретическое отношеніе грубо практическому (какъ въ другихъ случаяхъ съ ущербомъ же для себя оно подчиняется отношенію эмоціональному). Во всемъ этомъ большой разницы между науками гуманитарными и естествознаніемъ не существуетъ. Но дѣло въ томъ, что къ человѣку и ко всему человѣческому, а въ томъ числѣ и къ обществу, кромѣ отношеній теоретическаго, эмоціональнаго и утилитарнаго, можетъ существовать еще особаго рода отношеніе, которое мы называемъ этическимъ. Въ томъ и заключается существенная разница между естественными и гуманитарными науками, что пер-

вья могутъ имѣть лишь значеніе наукъ чистыхъ и прикладныхъ, тогда какъ послѣднія способны заключать въ себѣ, кромѣ теоретическаго и утилитарнаго элементовъ, еще и элементъ этическій.

Было бы ошибочно основывать различіе между естествознаніемъ и гуманитарными науками на чемъ-либо другомъ: само изученіе человѣка раздѣлено между естествознаніемъ и гуманитарными науками. Нельзя, строго говоря, думать, что въ основѣ этого раздѣленія лежитъ противоположность природы и духа, въ соотвѣтствіи съ которою нѣмцы называютъ однѣ науки *Naturwissenschaften*, другія — *Geisteswissenschaften*. Въ самомъ дѣлѣ, естествознанію не чуждо изученіе „явленій духа“, именно въ психологіи животныхъ и въ тѣхъ отдѣлахъ физиологіи, которые непосредственно соприкасаются съ психологіей. Наоборотъ, гуманитарныя науки не имѣютъ дѣла исключительно съ „явленіями духа“. Напримѣръ, такая наука, какъ политическая экономія изучаетъ какъ-разъ матеріальную сторону общественной жизни. Или еще, напримѣръ, археологія имѣетъ своимъ предметомъ опять-таки главнымъ образомъ разныя матеріальныя вещи. Если въ чемъ и полагать существенную разницу между науками естественными и гуманитарными, — разницу, которая имѣла бы не одно только формальное значеніе, — то развѣ въ одномъ: именно въ томъ, что нашло свое выраженіе въ обозначеніи гуманитарныхъ наукъ французами, какъ наукъ моральныхъ. Эта разница заключается въ томъ, что въ естественныхъ наукахъ изучаются вещи, тогда какъ предметъ наукъ гуманитарныхъ есть прежде всего человѣческая личность, а затѣмъ человѣческое общество, какъ совокупность отдѣльныхъ личностей, находящихся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи. И къ вещамъ, и къ личностямъ наука должна относиться совершенно одинаково только до извѣстной границы, ибо кромѣ теоретическаго отношенія, существующаго одинаково къ вещамъ и личностямъ, къ послѣднимъ можетъ существовать еще отношеніе этическое. Вещи мы приписываемъ только одно существованіе, личности сверхъ того и внутреннее достоинство, требующее съ нашей стороны извѣстнаго къ себѣ уваженія. Вещью мы можемъ пользоваться, какъ орудіемъ или средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, самой вещи совершенно постороннихъ, достоинство же личности состоитъ какъ-разъ въ томъ, что она въ самой себѣ носитъ цѣль своего существованія, что она не можетъ быть только средствомъ или орудіемъ для достиженія цѣлей, ей совершенно постороннихъ. Исключи-

тельно утилитарное отношеніе къ вещамъ не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго, хотя, конечно, отсутствіе теоретическаго отношенія къ природѣ и способности получать отъ нея эстетическія эмоціи не можетъ служить хорошей характеристикой человѣка. Наоборотъ, исключительно утилитарное отношеніе къ людямъ безнравственно въ самомъ корнѣ своемъ, такъ какъ состоитъ именно въ отношеніи къ людямъ, какъ къ средствамъ или орудіямъ нашихъ цѣлей. Въ утилитарномъ отношеніи человѣческая личность приравнивается къ вещи, какъ это и было формально принято римскими юристами, учившими, что рабы суть не лица (*personae*), а вещи (*res*). Равнымъ образомъ, и исключительно теоретическое отношеніе къ личностямъ, ничѣмъ не отличающееся отъ теоретическаго отношенія къ вещамъ, не можетъ быть оправдано съ этической точки зрѣнія.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что эта точка зрѣнія не есть нѣчто противоположное точкѣ зрѣнія теоретической и ее прямо исключающее: одна только дополняетъ другую и притомъ лишь тамъ, гдѣ это дополнение требуется самымъ существомъ дѣла. Въ самомъ мірѣ человѣческихъ отношеній, беря послѣднее слово въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, далеко не все можетъ требовать этическаго къ себѣ отношенія, и въ такихъ случаяхъ гуманитарныя науки въ своемъ отношеніи къ изучаемымъ предметамъ ничѣмъ не отличаются отъ естествознанія. Напримѣръ, такимъ образомъ лингвистика изучаетъ языкъ, археологія—древности и т. п. Но во всѣхъ вопросахъ, такъ или иначе касающихся достоинства человѣческой личности, ея свободы, ея правъ и интересовъ, ея благополучія и развитія, одно теоретическое отношеніе является большою односторонностью, а на практикѣ можетъ приводить даже къ безнравственнымъ результатамъ. Не нужно забывать, что каждая теоретическая наука помимо собственнаго своего значенія, заключающагося въ удовлетвореніи пытливости нашего ума, можетъ имѣть еще и значеніе въ качествѣ наиболѣе надежной основы для какой-либо практической дисциплины, приспособляющей теоретическое знаніе къ служенію тѣмъ или другимъ жизненнымъ цѣлямъ. Всѣ такъ называемыя прикладныя науки имѣютъ чисто утилитарный характеръ, но и ихъ отношеніе къ вещамъ и личностямъ не можетъ быть одинаковымъ. Прикладная наука, которая открыто заявляла бы, что для нея люди суть только орудія или средства для достиженія чуждыхъ имъ цѣлей, была бы наукою прямо безнравственною. Такой характеръ имѣли, напримѣръ, мораль и политика іезуитовъ. Въ общемъ можно сказать, что всѣ прикладныя науки,

показывающія намъ, какъ слѣдуетъ пользоваться вещами для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, полагаютъ эти цѣли въ концѣ-концовъ только въ человѣческихъ личностяхъ. Не иначе относятся къ вопросу и социальныя прикладныя науки. Правда, имъ приходится имѣть дѣло не съ вещами, а съ такими явленіями, какъ государство, право и народное хозяйство, но было бы и теоретически невѣрно, и этически неправильно полагать, что не государство, право и народное хозяйство должны служить человѣческимъ личностямъ, а, наоборотъ, что человѣческія личности должны быть средствами или орудіями какихъ-то объективныхъ цѣлей государства, права и народного хозяйства. Развитое нравственное чувство протестуетъ противъ общественныхъ ученій, приносящихъ человѣческое достоинство личности въ жертву какому бы то ни было объективному бытію. Извѣстное направленіе политической экономіи въ своей погонѣ за увеличеніемъ народного богатства совершенно справедливо вызвало замѣчаніе, что по этой теоріи выходитъ, будто не богатство существуетъ для человѣка, а человѣкъ для богатства. Дѣйствительно, это направленіе видѣло въ человѣческой личности лишь производителя, т.-е. одинъ изъ факторовъ, созидающихъ народное богатство, а къ человѣческому труду относилось совершенно такъ же, какъ къ вещамъ, называемымъ землею и капиталомъ, которые вмѣстѣ съ трудомъ человѣка участвуютъ въ производствѣ народного богатства. Извѣстно также изреченіе: „*fiat justitia, pereat mundus*“, — изреченіе, лучше всего осужденное евангельскими словами: „не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка“. Право, требующее для своего торжества гибели всего міра, не можетъ имѣть нравственныхъ основаній. Наконецъ, современное сознаніе свободы протестуетъ противъ безусловнаго подчиненія личности государству, противъ поглощенія личности государствомъ, однимъ словомъ, противъ отношенія къ личности, какъ къ простому средству или орудію государственной цѣли. Реакціонная литература начала XIX в. была своего рода возвращеніемъ къ политическому міросозерцанію, основанному на отрицаніи человѣческаго достоинства личности. На ту же ложную — и въ теоретическомъ, и въ этическомъ отношеніи — дорогу сблизилъ и социальныя реформаторы начала XIX в., представлявшіе себѣ идеальное общество, какъ нѣкоторый объективный порядокъ, коему призвана служить и должна быть подчинена всякая индивидуальность. Современная социологія и парал-

тельно съ нею современный социализмъ отказались отъ подобнаго отношенія къ личности.

Совпаденіе требованій научнаго объективизма и этического субъективизма. Если чисто теоретическое отношеніе къ изучаемымъ явленіямъ заслуживаетъ быть названо объективнымъ, то отношеніе этическое, конечно, можетъ быть названо субъективнымъ. Однако, въ данномъ случаѣ субъективизмъ, отличаясь отъ объективизма, вовсе не является его противоположностью, а только необходимымъ къ нему дополненіемъ. Противоположность научнаго объективизма составляетъ субъективизмъ эмоціальный, а не субъективизмъ этической. Объективное или чисто теоретическое отношеніе къ предмету исключаетъ всякое пристрастіе, мѣшающее намъ видѣть, понимать и изображать предметъ такъ, какъ онъ намъ данъ въ дѣйствительности. Пристрастіе, обусловленное нашею принадлежностью къ тому или другому народу и государству, къ тому или другому вѣроисповѣданію и церкви, къ тому или другому общественному классу и партіи, несомнѣнно, противорѣчитъ научности: такой субъективизмъ безъ всякихъ оговорокъ долженъ быть изгоняемъ изъ научной области, чѣмъ, конечно, нисколько не отрицается значеніе и не умаляется сила этого субъективизма въ дѣйствительной жизни. Безпристрастіе является, однако, не только теоретическою добродѣтелью, но и добродѣтелью этическою, такъ что въ данномъ случаѣ научныя и нравственныя требованія совпадаютъ. Національныя, конфессіональныя и партійныя пристрастія вредятъ не одной истинѣ, но и справедливости. Последняя требуетъ именно, чтобы мы относились къ людямъ по ихъ нравственному достоинству и общественнымъ заслугамъ—независимо отъ принадлежности ихъ къ той или другой націи, вѣрѣ или партіи. Такимъ образомъ научному объективизму и этическому субъективизму могутъ мѣшать проявляться одни и тѣ же препятствія, имѣющія свои корни въ эмоціальной сторонѣ челоуѣческой психики. Но научный объективизмъ и этической субъективизмъ одинъ другому не противорѣчатъ. Одинъ долженъ совершенно безпристрастно констатировать факты и безпристрастно же дѣлать выводы изъ данныхъ посылокъ, не заботясь о томъ, чтобы результаты изслѣдованія были намъ пріятны или совпадали съ нашими желаніями. Задача этического субъективизма—безпристрастно оцѣнивать объективно констатированные факты и безпристрастно же дѣлать тѣ или другія нравственныя заключенія, отправляясь отъ дознанныхъ истинъ, хотя бы
 тка эта и эти заключенія вызывали въ насъ горькое чув-

ство и разрушали въ нашихъ глазахъ дорогія намъ иллюзіи. Съ этой точки зрѣнія научный объективизмъ и этической субъективизмъ не только вовсе одинъ другому не противорѣчатъ, но даже между собою совпадаютъ, будучи какъ бы только двумя разными видами одного и того же отношенія, въ основѣ коего лежитъ соблюденіе однихъ и тѣхъ же требованій безпристрастія и справедливости. Научный объективизмъ поэтому, какъ сказано было выше, только дополняется этическимъ субъективизмомъ тамъ, гдѣ для послѣдняго можетъ быть мѣсто, т.-е. во всѣхъ случаяхъ, когда наукѣ такъ или иначе приходится имѣть дѣло съ достоинствомъ и правами, развитіемъ и счастьемъ человѣческой личности. Другими словами, этической субъективизмъ въ социологіи есть не что иное, какъ проявленіе интереса не къ одному только внѣшнимъ явленіямъ соціальной жизни, но и къ человѣческой личности, живущей въ обществѣ, интереса, не могущаго быть простымъ теоретическимъ интересомъ, какой способны возбуждать къ себѣ вещи и наравнѣ съ ними разныя внѣшнія общественныя явленія, каковы культурныя и соціальныя формы, т.-е. интереса, въ одно и то же время теоретическаго и этическаго. Соціологическія теоріи, такъ сказать, не удостоивающія своимъ вниманіемъ человѣческую личность, могутъ, пожалуй, гордиться своимъ объективизмомъ, но въ этомъ объективизмѣ нѣтъ большой заслуги. Напротивъ того, онъ искажаетъ представленіе соціальной дѣйствительности, отнимая у нея то, что придаетъ ей наибольшій человѣческой интересъ. Если въ соціологическомъ субъективизмѣ, дополняющемъ собою объективизмъ, проявляется этическое отношеніе къ личности, взятое въ положительномъ смыслѣ, то соціологическій объективизмъ, требующій устраненія такого субъективизма, заключаетъ въ себѣ этическое отношеніе къ личности уже чисто отрицательнаго свойства, т.-е. прямо несправедливое отношеніе къ личности, именно приравненіе ея къ вещи, что и теоретически невѣрно.

Обѣ точки зрѣнія, объективно-научная и субъективно-этическая, должны дополнять одна другую, притомъ не только въ изученіи общественной дѣйствительности, но и въ творествѣ общественнаго идеала. Общественные идеалы могутъ быть разные: не всѣ они бывають одинаково истинны, и даже бывають прямо ложные идеалы, основанные на ненаучномъ отношеніи къ обществу или на неэтическомъ отношеніи къ личности. Истиннымъ идеаломъ нельзя назвать не только что-либо невозможное, но и что-либо негуманное. Романтики, мечтающіе о воскрешеніи прошлаго въ настоящемъ или будущемъ, и утописты, строящіе

будущее безъ знанія прошлаго и настоящаго, осуждаются соціологіей—и осуждаются вдвойнѣ, когда вносятъ въ свои представленія не только то, чего не можетъ быть съ точки зрѣнія науки, но и то, чего быть не должно съ этической точки зрѣнія. Реакціонные писатели XIX вѣка, создавшіе многія идеи, которыя потомъ сдѣлались достояніемъ соціологическаго мышленія, стремились къ восстановленію средневѣкового строя: въ томъ, что они считали возможнымъ воскресить прошлое, заключалась ихъ теоретическая ошибка, которая дополнялась этическимъ заблужденіемъ—пренебреженіемъ къ достоинству человѣческой личности. Современные имъ утописты,—стремленія коихъ и раздѣлялъ основатель соціологіи,—смотрѣли не назадъ, а впередъ, въ чемъ и заключалась ихъ прогрессивная историческая роль, но они тоже дѣлали теоретическую ошибку, думая, что будущее можно сразу построить по искусно придуманному плану, и также впадали въ этическое заблужденіе, превращая личность въ какое-то средство или орудіе общества. И тѣ, и другіе одинаково жили воображеніемъ, подчиняли свои взгляды тѣмъ или другимъ эмоціямъ, т.-е. вносили въ свои теоріи незаконный субъективизмъ, который и оказывался одинаково вреднымъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ этическомъ отношеніяхъ. Обѣ же точки зрѣнія должны одинаково имѣться въ виду и вообще при критикѣ тѣхъ общественныхъ формулъ, по которымъ между собою различаются существующія въ обществѣ партіи.

Научная независимость соціологіи отъ общественныхъ партій. Законный объективизмъ въ соціологіи сводится къ научному и этическому безпристрастію. Въ соціологіи не должно быть мѣста тому узкому націонализму, который такъ часто искажаетъ истину въ историческихъ сочиненіяхъ. Лучшимъ примѣромъ того, къ какимъ ненаучнымъ результатамъ приводитъ націоналистическій субъективизмъ въ соціологіи, можетъ служить въ русской литературѣ знаменитая „Россія и Европа“ Данилевскаго, дѣлящаго цивилизованныя націи, такъ сказать, на избранныя и отверженныя и отрицающаго существованіе общихъ законовъ соціальной жизни во имя особенностей каждаго отдѣльнаго „культурно-историческаго типа“. Если, впрочемъ, чисто культурныя пристрастія національнаго или конфессіональнаго характера вмѣстѣ съ пристрастіями характера соціальнаго, т.-е. сословными, классовыми и партійными—особенно вредятъ научности исторіи, то научности соціологіи можетъ грозить опасность главнымъ образомъ лишь со стороны сословныхъ и классовыхъ стремленій и партійныхъ взглядовъ.

Не должно быть разныхъ социологій въ Англіи или Франціи, у буржуазіи или пролетаріата, у консерваторовъ или радикаловъ, ибо социологія можетъ быть только одна: научность ея зависитъ отъ ея соотвѣтствія съ дѣйствительностью, а не отъ того, насколько она совпадаетъ или не совпадаетъ съ національными особенностями и стремленіями англичанъ и французовъ, съ традиціями и интересами того или другого общественнаго класса, съ принципами и программами той или другой партіи. У каждой партіи есть своя идея общества, но каждая партія создаетъ эту идею не ради научныхъ, а ради практическихъ цѣлей, часто въ зависимости отъ условій чисто мѣстнаго и временнаго характера, и идея эта главнымъ образомъ выражаетъ не то, что такое общество въ дѣйствительности, а то, чѣмъ оно должно быть въ идеалѣ. Конечно, однѣ партіи въ своихъ социальныхъ взглядахъ ближе къ реальной и идеальной истинѣ, другія отъ нея дальше, но критерій истины находится внѣ партій. Критеріемъ этимъ является наука, которая должна стоять выше партій во имя принципа безпристрастія: послѣднее у другихъ народовъ даже прямо называется непартійностью (*impartialité*, *Unparteilichkeit*).

Раздѣленіе общества на партіи вовсе не есть результатъ чисто теоретическихъ разногласій въ области нерѣшенныхъ научныхъ вопросовъ, — разногласій, раздѣляющихъ между собою отдѣльныя социологическія направленія. Общество раздѣляется на партіи по вопросамъ чисто практическаго свойства, затрогивающимъ интересы, а часто и предразсудки отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ социальныхъ группъ, — по вопросамъ, въ постановкѣ и рѣшеніи коихъ сильнѣйшимъ образомъ задѣваются волевая и эмоціональная стороны личной жизни, равно какъ всякаго рода интересы, права и традиціи цѣлыхъ общественныхъ группъ. Научный споръ ведется теоретическими аргументами, партійная борьба — практическими средствами, цѣль коихъ доставить торжество тѣмъ или другимъ общественнымъ принципамъ, отнюдь не доказать истинность тѣхъ или другихъ научныхъ тезисовъ: побѣдить можетъ и неправое дѣло; терпятъ поражение въ борьбѣ и представители болѣе научныхъ взглядовъ. Правда, партіи пользуются въ своей борьбѣ и теоретическими аргументами, и съ нравственной или научной точки зрѣнія одна партія можетъ быть правѣе другой, но, во-первыхъ, въ борьбѣ это именно и не имѣетъ рѣшающаго значенія, а во-вторыхъ, теоретическіе аргументы въ подобныхъ случаяхъ все-таки приноравливаются къ практическимъ цѣлямъ; послѣднія

иногда даже прямо диктуютъ извѣстныя теоріи для оправданія тѣхъ или другихъ принциповъ и программъ. Если наука должна служить жизни, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого желали бы нѣкоторые слишкомъ своекорыстные или недальновидныя партіи, стремящіяся навязать наукѣ свои рѣшенія чисто теоретическихъ вопросовъ, наиболѣе для нихъ удобныя или выгодныя въ каждомъ данномъ случаѣ. Нельзя истинность теоріи доказывать тѣмъ, что ею оправдывается извѣстная партійная программа. Наука должна служить жизни, самостоятельно рѣшая ставимые послѣднею вопросы. Жизнь, дѣйствительно, постоянно ставитъ новые вопросы, теоретическое рѣшеніе коихъ можетъ принадлежать только наукѣ. Каждое новое общественное теченіе есть новая общественная задача, имѣющая помимо интереса практическаго и теоретическаго интересъ. Каждая партія можетъ ставить наукѣ какою-либо задачу, которой раньше не было или поставить которую другія партіи были бы неспособны, но ни одна партія не имѣетъ права диктовать наукѣ, какіе отвѣты должна она давать на какіе бы то ни было поставленные передъ нею вопросы. Наибольшую услугу оказываютъ поэтому наукѣ тѣ партіи, которыя, ставя на ея рѣшеніе новые вопросы, тѣмъ самымъ ее обогащаютъ и, не навязывая ей своихъ рѣшеній, какъ абсолютно истинныхъ, не мѣшаютъ ей свободно дѣлать свое критическое дѣло. Зато и опираться на науку могутъ главнымъ образомъ партіи, способныя идти впередъ, открывающія новые вопросы и не боящіяся научной критики своихъ принциповъ и программъ. Наука можетъ служить жизни лишь однимъ путемъ—ища прежде всего истины, удобна ли или неудобна эта истина для той или другой стороны въ жизненной борьбѣ отдѣльныхъ общественныхъ группъ.

Однимъ словомъ, во имя самостоятельнаго значенія научнаго знанія и въ интересахъ же самого общества, которому не можетъ быть полезнымъ какое бы то ни было искаженіе истины, наука должна быть независима отъ партійнаго духа. Напротивъ, каждая добросовѣстная общественная партія должна искать оправданія своей программы въ независимой общественной наукѣ. Нельзя отрицать фактическую или логическую очевидность лишь потому, что изъ нея вытекаютъ невыгодныя или непріятныя слѣдствія, какъ нельзя искусственно подтасовывать факты и подгонять одинъ къ другому выводы для того, чтобы получить пріятную или выгодную теорію. Соціологическія теоріи не могутъ быть поэтому орудіями отдѣльныхъ партій. Извѣстная соціологическая идея ненаучна не потому, напр., что ее въ инте-

ресакъ своей партіи создали именно реакціонеры, а потому, что она создана въ партійномъ интересѣ вообще. Другая идея, придуманная въ интересахъ прогрессивной партіи, въ силу одного только этого не будетъ непременно научною идеею, если въ основѣ ея не окажется объективной истины. Справедливость требованій еще не гарантируетъ научности тѣхъ принциповъ, на которыхъ эти требованія хотятъ обосновать, равно какъ и не оправдываетъ еще съ научной точки зрѣнія тѣхъ средствъ, при помощи коихъ эти требованія пытаются осуществитъ. Можно вѣдь быть морально правымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неправымъ научно. Если несправедливыя требованія и нельзя оправдать на научномъ основаніи, то это еще не препятствуетъ несправедливымъ требованіямъ, осуществлять себя, пользуясь всѣми средствами науки, противъ праваго дѣла, защищаемого иногда такими способами, къ которымъ наука можетъ отнестись только отрицательно. Этическая работа партіи еще не есть доказательство вѣрности соціологической теоріи, въ коей данная партія усматриваетъ объективную основу своихъ субъективныхъ требованій.

Соціологія и главныя общественныя направленія XIX вѣка. Въ эпоху возникновенія соціологіи во Франціи, родинѣ новой науки, общественное сознаніе выражалось въ трехъ главныхъ направленіяхъ, изъ коихъ каждое представляло собою интересы одного изъ трехъ большихъ классовъ, на которые дѣлилось тогдашнее общество. Одно направленіе получило названіе реакціи, и его держались бывшіе привилегированныя сословія „старого порядка“, т.-е. духовенство и дворянство. Съ нимъ находилось въ борьбѣ другое направленіе, стоявшее за прогрессивныя начала общественной жизни и получившее названіе либерализма, общественнымъ же классомъ, который держался этого направленія, была буржуазія. Наконецъ, уже тогда образовалось и третье направленіе, равнымъ образомъ ставившее себѣ прогрессивныя цѣли: это былъ соціализмъ, которому впоследствии суждено было сдѣлаться направленіемъ преимущественно пролетаріата. Соціологія, какъ мы видѣли, стала складываться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ представленій объ обществѣ, которыя были въ ходу у писателей реакціоннаго направленія, но мысль о новой наукѣ, совершенно свѣтской и даже сознательно отрѣшавшейся отъ теологическихъ принциповъ, не могла, конечно, найти сочувствія у представителей реакціи. И въ послѣдующія времена соціологія была преимущественно, если не исключительно, дѣтищемъ мыслителей прогрессивныхъ направленій. На первыхъ

порахъ, однако, новая наука относилась къ либерализму отрицательно, да и либеральная партія видѣла въ ней лишь одно изъ тѣхъ „лжеученій“, въ которыхъ представители буржуазіи усматривали подрывъ господствующему положенію, занятому ею самою въ общественной жизни. Контъ сходилъ съ реакціонной школой и съ родоначальниками социализма въ отношеніи къ либерализму, какъ направленію чисто отрицательному, критическому, разрушительному, но въ то время, какъ реакціонная школа полагала, что общественный идеаль былъ уже осуществленъ въ аристократическомъ строѣ общества временъ „старого порядка“, Контъ, наоборотъ, заодно съ утопическими социалистами мечталъ о новомъ социальномъ строѣ, основанномъ на болѣе справедливой организаціи труда.

Однако, социологія не слилась съ социализмомъ. Послѣдній выступилъ съ представленіемъ объ обществѣ, какимъ оно должно быть, тогда какъ новая наука стремилась быть прежде всего „социальной физикой“, изслѣдованіемъ общества, какимъ оно дано намъ въ дѣйствительности. Мало того: дальнѣйшее развитіе социализма и во Франціи, и въ Германіи, куда новое направленіе перешло изъ Франціи, шло внѣ всякаго вліянія со стороны социологической идеи Конта. Мы не замѣчаемъ этого вліянія ни на Луи Бланъ съ его тоже чисто отрицательнымъ представленіемъ о либерализмѣ, ни на Марксъ, родоначальникъ экономическаго матеріализма. Дальнѣйшіе шаги социологія сдѣлала прежде всего въ Англіи, но здѣсь новая наука нашла адептовъ въ лицѣ Милля и Спенсера, въ ученіяхъ коихъ социологическая идея соединяется уже съ либеральною доктриною. Основною чертою либерализма было всегда широкое пониманіе индивидуальной свободы, во имя которой требовалось крайнее ограниченіе вмѣшательства государства въ жизнь общества, но это направленіе мало интересовалось тѣмъ, что какъ разъ составляло вопросъ жизни и смерти для трудящихся классовъ общества. Именно эти-то интересы и были выдвинуты на первый планъ социализмомъ, который, наоборотъ, на первыхъ порахъ относился къ индивидуальной свободѣ съ крайнею враждебностью.

Среди современныхъ социологовъ самымъ рѣзкимъ представителемъ либеральной доктрины со всѣми ея слабыми сторонами является Спенсеръ, который нерѣдко дѣйствительно заслуживаетъ упрековъ въ буржуазности. Спенсеръ выступаетъ въ качествѣ принципиальнаго противника социализма, но можно назвать немало и другихъ социологовъ, которые полемизируютъ

съ социализмомъ и даже высказываютъ ту мысль, что социология есть лучшее опроверженіе социализма. Поэтому и въ противномъ лагерѣ иногда слышится упрекъ социологіи въ томъ, что она наука чисто буржуазная: пролетаріатъ, говорятъ, не долженъ принимать такой науки, онъ долженъ создать свою науку, которая соотвѣтствовала бы его интересамъ. Но если одни социологи являются противниками или, по крайней мѣрѣ, не сторонниками социализма въ той или другой изъ тѣхъ формъ, какія онъ принималъ въ нашемъ столѣтіи, то другіе, наоборотъ, прямо примыкаютъ къ социализму или, по меньшей мѣрѣ, обнаруживаютъ въ своихъ воззрѣніяхъ нѣкоторое вліяніе социализма. Это вліяніе чувствуется уже на Миллѣ, какъ экономистѣ, заступающемъ за интересы рабочаго класса и не отрицающемъ права государства вмѣшиваться въ экономическія отношенія, хотя Милль въ то же время горячій защитникъ индивидуальной свободы. Самъ социализмъ отказался мало-по-малу отъ того враждебнаго отношенія къ личной свободѣ, которая характеризуетъ его родоначальниковъ. Между либерализмомъ и социализмомъ даже происходитъ извѣстнаго рода сближеніе на почвѣ болѣе всесторонняго пониманія взаимныхъ отношеній между личностью и обществомъ, правъ одной и другого, границъ индивидуальной свободы и предѣловъ общественной власти, и это пониманіе вырабатывается социологіей, незамыкающейся въ узкія партійныя рамки. Но если одни хотѣли бы, чтобы предвзятая мысль социологіи заключалась въ теоретической оппозиціи социализму, то другіе, наоборотъ, думаютъ, что вся задача социологіи состоитъ въ теоретическомъ обоснованіи социализма. „Социология будетъ социалистическою, или ея вовсе не будетъ“ (*la sociologie sera socialiste ou elle ne sera pas*),—такъ выразился объ этомъ одинъ писатель, который, конечно, нашелъ бы много людей, думающихъ не иначе ¹⁾). Противъ обоихъ взглядовъ на социологию можно, однако, возразить указаніемъ на то, что или социология будетъ безпартійной, или она не будетъ наукой. Идея партій могутъ быть истинными и справедливыми, если совпадаютъ съ результатами научной социологіи и съ требованіями общечеловѣческой этики, и лишь постольку эти идеи истинны и справедливы, поскольку между ними, съ одной стороны, и наукою и этикою, съ другой, существуетъ совпаденіе. Не социология и нравственная философія нуждаются въ партійномъ оправданіи,

¹⁾ Энрико Ферри на одномъ изъ конгрессовъ Международнаго института социологіи.

а наоборот, партіи нуждаются въ оправданіи съ этической и научной точекъ зрѣнія.

Соціологія и этика. Все это ставитъ предъ нами вопросъ объ отношеніи соціологіи къ этикѣ. Мы уже разсматривали отношеніе нашей науки къ другимъ гуманитарнымъ наукамъ, но изъ числа послѣднихъ нельзя же исключать науку, которая имѣетъ своимъ предметомъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ личной и общественной жизни—нравственность. Прежде, однако, чѣмъ рѣшать этотъ вопросъ, бросимъ взглядъ на тѣ отношенія, какія наблюдаются между этикой и болѣе старыми общественными науками.

Наиболѣе тѣсная связь существуетъ между этикой и юриспруденціей въ смыслѣ общей теоріи, или философіи права. Вопросы нравственности и права до таковой степени между собою переплетаются, что необходимость разграниченія между обѣими областями породила цѣлый рядъ попытокъ опредѣлить, каковы общіе признаки и каковы отличительныя черты нравственности и права. Многочисленность такихъ попытокъ и разногласія, наблюдающіяся въ искомымъ опредѣленіяхъ, доказываютъ, что это не такая уже легкая задача. Можно только сказать, что чисто соціальная функція нравственности и права одна и та же, но общая цѣль обѣихъ достигается не одинаковыми средствами, и что между нравственностью и правомъ существуютъ, такъ сказать, переходныя явленія, которыя именно и затрудняютъ проведеніе опредѣленной границы между обѣими областями. И нравственность, и право суть одинаково явленія общественнаго порядка, но первая мыслима, какъ необходимая принадлежность всякаго обществитія внѣ каковой бы то ни было соціальной организаціи, тогда какъ второе достигаетъ своихъ цѣлей, да и возможно вообще лишь подъ условіемъ существованія уже нѣкоторой общественной организаціи.

Союзъ между юриспруденціей и этикой былъ заключенъ еще во времена римскихъ юристовъ, которые, какъ извѣстно, испытали на себѣ весьма сильное вліяніе стоической философіи. Рядомъ съ правомъ положительнымъ, которое для нихъ существовало въ двухъ видахъ—права гражданскаго (*jus civile*) и права общенароднаго (*jus gentium*), они создали еще право философское, построенное на этическихъ началахъ и получившее у нихъ названіе права естественнаго (*jus naturale*). Это естественное право есть не что иное, какъ юридическое выраженіе истинъ нравственнаго порядка. Извѣстно, какую важную роль идея естественнаго права играла въ культурной и соціальной жизни западной

Европы, едва только авторитетъ теологіи смѣнился авторитетомъ философіи. „Просвѣщеніе XVIII вѣка“ было эпохой наибольшаго торжества этой идеи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія этой идеѣ, которая имѣла несомнѣнно метафизическую оболочку, стали одинъ за другимъ наноситься удары. Главный ударъ шелъ со стороны исторической школы права, которая съ самаго начала получила характеръ націоналистическаго консерватизма. Она отвергла идею естественнаго права во имя права положительнаго. Это тоже было въ нѣкоторомъ родѣ замѣною въ юриспруденціи субъективизма объективизмомъ. Не отрицая научныхъ заслугъ исторической школы, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, что упомянутая замѣна была до извѣстной степени разлученіемъ юриспруденціи съ этикой. Общечеловѣческой и идеальной характеръ естественнаго права придавалъ ему прогрессивное значеніе въ общественномъ смыслѣ. Историческая школа въ своемъ стремленіи къ объективизму, отвергнувъ съ идеей естественнаго права всякій субъективизмъ этическаго происхожденія, не избѣжала субъективизма націоналистическаго и партійнаго. Общечеловѣческіе принципы въ этой школѣ отступили на задній планъ передъ національными преданіями, а чисто консервативный характеръ школы доводилъ ее прямо до превлоненія предъ существующими фактами. Параллельно съ этимъ историческая школа совершенно устранила личность изъ своихъ теоретическихъ соображеній, съ одной стороны, въ пользу „народнаго духа“, продуктомъ котораго для школы и является право, съ другой стороны, въ пользу идеи „органическаго роста“ права, будто бы совершающагося безъ человѣческаго участія. Противъ этой части ученія исторической школы, однако, давно уже происходитъ реакція. Особенно съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія соціологовъ теорія Геринга, возвратившагося къ той мысли, что право существуетъ только посредствомъ дѣятельности личностей и въ интересахъ личностей же: въ этомъ заключается соціологическій смыслъ его сочиненій „Борьба за право“ и „Цѣль въ правѣ“. Но и дискредитированная идея естественнаго права начинаетъ оживать въ современной юриспруденціи, только отрѣшенная отъ своей прежней метафизической подкладки, благодаря новой постановкѣ вопроса на почву современной научной этики. Въ самомъ дѣлѣ, совершенное устраненіе изъ юриспруденціи идеи естественнаго права было бы равносильно полному отчужденію науки о правѣ отъ какихъ бы то ни было соображеній этическаго характера. Но право есть именно право, а не простой фактъ, благодаря только моральной санкціи.

человѣка, изслѣдовавъ при этомъ тотъ двигатель человѣческихъ поступковъ, которому онъ далъ названіе альтруизма. Это и есть одна изъ задачъ коллективной психологіи, ибо она должна изучать процессы и результаты психическаго взаимодействія между людьми. Съ другой стороны, социологія не можетъ считать свой предметъ исчерпаннымъ, если не будутъ подвергнуты ея разсмотрѣнію чисто нравственные факторы, оказывающіе свое вліяніе на хозяйственную, правовую и государственную жизнь общества. Эта задача, поставленная Контомъ, была принята тѣми изъ его послѣдователей и продолжателей, которые наименѣе склонны были повторять ошибки основателя новой общественной науки. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія Спенсеръ. Свою грандіозную „Систему синтетической философіи“ онъ завершилъ „Основаніями этики“, слѣдующими у него непосредственно за „Основаніями социологіи“. Самая нравственность разсматривается у Спенсера, какъ социальное явленіе, имѣющее происхожденіе въ социальной жизни. Въ его этикѣ нашелъ себѣ мѣсто и принципъ альтруизма, провозглашенный Контомъ. И къ нравственности Спенсеръ примѣнилъ идею эволюціи, съ точки зрѣнія которой уже Контъ хотѣлъ понять исторію человѣческаго общества. Но примѣръ Спенсера не единственный. Подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ идей позитивизма или социологіи во второй половинѣ XIX в. наука о нравственности подверглась полному преобразованію со стороны своего предмета, своей задачи и своего метода. Подобно другимъ специальнымъ общественнымъ наукамъ, т.-е. политикѣ, юриспруденціи и политической экономіи, она должна заключать въ себѣ и теорію соответственныхъ явленій социальной жизни, и систему принциповъ, которые должны господствовать въ данной сферѣ отношеній.

Нравственныя явленія могутъ совершенно такъ же, какъ явленія политическія, юридическія и экономическія, изучаться отдѣльно отъ другихъ или въ связи съ другими на общей почвѣ социальной жизни. Подобно социальнымъ явленіямъ другихъ категорій, они могутъ, далѣе, изучаться этнографически, исторически, статистически, причемъ и здѣсь возможны конкретная и абстрактная точки зрѣнія (исторія нравственности и теорія нравственности) и вполнѣ, наконецъ, приложимъ сравнительный методъ. Эволюція нравственности составляетъ одну изъ сторонъ социальной эволюціи вообще, вмѣстѣ съ эволюціей государства, права и народнаго хозяйства. Имѣя между прочимъ дѣло и съ нравственными явленіями общественной жизни, социологія не можетъ

ограничиваться лишь одною „физикою нравовъ“ безъ всякой ихъ этической оцѣнки, какъ отдѣльныхъ проявленій моральной эволюціи человѣчества, которая въ то же время есть и моральный прогрессъ, т.-е. нравственное улучшение человѣческой личности и человѣческаго общества. Этический элементъ теоретически неустранимъ изъ соціологіи, потому что существуетъ въ самой общественной жизни, какъ бы мы себѣ ни объясняли генезисъ этого элемента. Это одно изъ проявленій той субъективной стороны соціального прогресса, которая заключается въ психическомъ взаимодействіи личностей и не можетъ быть игнорируема соціологіей. Каждое политическое, юридическое и экономическое отношеніе, объективно существующее, является и воплощеніемъ того или другого принципа, который имѣетъ моральное значеніе. Устраненіе этическаго элемента изъ соціологіи было бы не только теоретически ошибочно, но и опасно въ нравственномъ и общественномъ смыслахъ. Пробѣлъ, который образовался бы вслѣдствіе изгнанія этическаго субъективизма изъ соціологіи, или такъ и остался бы пробѣломъ въ смыслѣ совершеннаго моральнаго и соціального индифферентизма, при которомъ не можетъ быть всесторонняго пониманія общественной жизни, или тотчасъ же былъ бы заполненъ ненаучнымъ и неэтическимъ субъективизмомъ, примѣры коего представляютъ намъ другія общественныя науки, когда отказываются принимать въ расчетъ достоинство человѣческой личности и нравственные запросы, заставляющіе насъ интересоваться общественною жизнью.

Возникновеніе спора между объективистами и субъективистами. Вопросъ объ объективизмѣ и субъективизмѣ въ соціологіи имѣетъ цѣлую исторію, въ которой иногда бываетъ крайне трудно разобраться, благодаря значительной путаницѣ понятій, какая обнаруживается при разсмотрѣніи исторіи этого спора. Главная причина недоразумѣнія заключалась въ томъ, что стали различать между двумя методами въ соціологіи—объективнымъ и субъективнымъ, тогда какъ рѣчь должна была бы идти не о методахъ двоякаго рода, а о двоякаго рода отношеніяхъ (или точкахъ зрѣнія). Начало этому ошибочному различенію было положено самимъ Контомъ, который во второй періодъ своей жизни, когда создавалась „Система положительной политики“, сталъ, если можно такъ выразиться, подчинять наблюденіе воображенію, умъ—сердцу, познавательную способность—любви, симпатическимъ чувствамъ, т.-е. теоретическое отношеніе къ міру сталъ подчинять отношенію эмоціональному. Это новое отношеніе

свое къ предметамъ, которые объективно изучаются въ „Курсѣ положительной философіи“, Контъ и назвалъ субъективнымъ методомъ (*méthode subjective*). Съ этой точки зрѣнія всѣ науки, не исключая математики, дабы не давать одного сухого и бесплоднаго знанія, должны были получить „религіозное освященіе“. Извѣстно, что во второй періодъ своей жизни Контъ сдѣлалъ человѣчество предметомъ религіознаго почитанія и служенія, предъявивъ ученымъ требованіе, чтобы передъ ихъ умственнымъ взоромъ во всѣхъ ихъ изслѣдованіяхъ постоянно предносился предметъ этого культа. Умъ и поведеніе должны были подчиняться чувству, положенному въ основу новой религіи, которую, какъ извѣстно, счелъ нужнымъ создать для человѣчества Контъ въ эту пору своей жизни. Соціологія должна была содержать догматы этой позитивной религіи, но рядомъ съ нею Контъ создавалъ еще соціолатрію (позитивистическій культъ) и соціократію (позитивистическое устройство общества). Правда, онъ настаивалъ на томъ, что между соціологическимъ субъективнымъ методомъ и субъективнымъ методомъ теологическимъ существуетъ большая разница, такъ какъ соціологическій методъ не объективируетъ или не проектируетъ во внѣшній міръ того, что внутренне созерцается при помощи этого метода, но въ сущности, какъ и въ прежнихъ натуралистическихъ религіяхъ, эмоціональному отношенію къ міру здѣсь давался положительный перевѣсъ. Ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ту совершенно вѣрную въ основѣ своей точку зрѣнія, что наука должна служить всеобщему благополучію, а потому не можетъ быть единственною высшею цѣлью своего собственнаго существованія, онъ упустилъ изъ виду то, что приноситъ дѣйствительную пользу обществу наука можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда она ведетъ свои дѣла такъ, какъ будто бы, кромѣ чистаго знанія отвлеченной истины, у нея не могло быть другихъ задачъ, и забылъ, что возможность таковаго строго теоретическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности обусловливается существованіемъ въ человѣкѣ стремленія къ знанію, хотя бы изъ этого знанія никогда и нигдѣ нельзя было сдѣлать никакого практическаго употребленія. Однимъ словомъ, субъективный методъ Конта былъ прямою измѣною объективизму въ смыслѣ строго теоретическаго отношенія къ природѣ и человѣку. Нельзя отрицать того, что въ этомъ переворотѣ, случившемся съ Контомъ, большую роль играютъ чисто этическія стремленія, которыя сравнительно мало проявлялись въ эпоху написанія „Курса положительной философіи“, но стремленія эти могли бы и не помѣшать ему остаться на

высотѣ научнаго созерцанія. Можно требовать далѣе, чтобы знаніе не оставалось бесплоднымъ, но для этого вовсе не нужно, чтобы отдѣльными шагами нашего ума въ дѣлѣ изслѣдованія дѣйствительности руководило — и направляло ихъ къ желанной цѣли — чувство, особенно такое чувство, какъ религиозное, не позволяющее анализировать и критиковать предметъ нашего почитанія и служенія, хотя бы предметомъ этимъ и было „человѣчество“. Понятно, что *такой* субъективный методъ, — который, дѣйствительно, былъ методомъ, но только не научнаго изслѣдованія, а своеобразнаго религиознаго творчества, — былъ отвергнутъ тѣми послѣдователями и сторонниками Конта, для коихъ „Система положительной политики“ была свидѣтельствомъ полнаго ослабленія умственной силы основателя позитивизма. Они объявили себя противниками этого ненаучнаго метода и всей субъективной социологіи Конта, а тѣмъ самымъ признавали истинность только одного метода — объективнаго. Въ этомъ отношеніи они были, конечно, правы, но, устраняя изъ социологіи весь тотъ эмоциональный субъективизмъ, который продиктовалъ Конту его позитивную религію, они распространяли свое нерасположеніе къ субъективизму и на чисто этическое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ, ставъ на ту точку зрѣнія, что никакого иного отношенія къ этимъ явленіямъ, кромѣ такого, какое существуетъ въ естествознаніи къ явленіямъ природы, и быть вовсе не должно. Противъ этого послѣдняго вывода возстала, однако, нѣкоторая часть научныхъ послѣдователей Конта. Она стала доказывать законность эческаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ, назвавъ такое отношеніе также субъективнымъ методомъ. Къ сожалѣнію, выборъ термина не былъ удачнымъ. Во-первыхъ, тутъ рѣчь должна была идти вовсе не о какомъ-то особомъ методѣ, а только объ особой точкѣ зрѣнія, объ особомъ отношеніи. Во-вторыхъ, пользованіе терминомъ, который у Конта получилъ такое своеобразное значеніе, давало поводъ обвинять субъективистовъ въ томъ, что они хотятъ подчинить науку соображеніямъ ненаучнаго характера.

Взглядъ Конта на отношеніе субъективнаго метода къ объективному. Впрочемъ, самъ Контъ вовсе не думалъ, что субъективный методъ долженъ совершенно упразднить методъ объективный. Даже въ „Системѣ положительной политики“ онъ стоитъ за первенство объективнаго метода и даетъ только долю участія субъективному методу въ выработкѣ естественной философіи. Онъ требуетъ лишь сочетанія обоихъ методовъ, ибо только въ прошломъ, по его мнѣнію, они могли быть непримиримы. Онъ не

разъ заявляетъ, что основаніе социологіи переродило или возродило субъективный методъ, придавъ ему позитивный характеръ. „Основная гармонія обоихъ методовъ, объективнаго и субъективнаго, говоритъ Конгъ, составляетъ истинную человѣческую логику, т.-е. совокупность средствъ, способныхъ открывать нужныя намъ истины“. Перечитывая, однако, страницы, посвященныя этому вопросу въ первомъ томѣ „Системы положительной политики“, и сравнивая ихъ съ тѣмъ, что писалось о томъ же предметѣ другими защитниками субъективизма въ социологіи, мы ясно видимъ, какая громадная разница существуетъ между обоими субъективными методами.

Вопросъ о социологическомъ субъективизмѣ въ русской литературѣ. Нигдѣ вопросъ о субъективномъ методѣ въ социологіи не вызывалъ такихъ споровъ и разногласій, какъ именно у насъ. Русская литература выставила горячихъ защитниковъ этического субъективизма въ лицѣ преимущественно Миртова и Михайловскаго. Одно время (въ семидесятыхъ годахъ) говорилось даже объ особой русской социологической школѣ, какъ школѣ субъективной, да и теперь указываютъ на то, что она задолго предвосхитила идеи, характеризующія новѣйшую американскую школу социологовъ (Уорда и Гиддинса), тоже становящуюся на субъективную точку зрѣнія. Именно съ точки зрѣнія этического субъективизма въ русской литературѣ подвергнуты были критикѣ главныя положенія органическаго направленія и разныя примѣненія дарвинизма къ социологіи. Въ этой литературѣ можно найти и краснорѣчивыя страницы противъ социологическаго объективизма, за которымъ нерѣдко скрываются на самомъ дѣлѣ или социальный индифферентизмъ, или какія-либо тенденціи невысокой нравственной пробы. Русскіе социологи и теоретически доказывали правильность этическаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ въ наукѣ, ихъ изучающей. Нужно сожалѣть только, что они съ самаго начала стали употреблять выраженіе „субъективный методъ“, какъ будто изслѣдованіе естественныхъ и общественныхъ явленій должно было бы вестись не однимъ и тѣмъ же общенаучнымъ методомъ, т.-е. не на основаніи однихъ и тѣхъ же логическихъ приѣмовъ мысли. По вопросу о субъективномъ *методѣ* отъ Миртова и Михайловскаго даже отдѣлился третій социологъ одного съ ними направленія (Южаковъ), что и вызвало между ними печатный обмѣнъ мнѣній. Потомъ вопросъ въ теченіе нѣкотораго времени можно было считать сланнымъ въ архивъ. но недавно онъ снова былъ поднятъ, благодаря появленію въ нашей литературѣ экономическаго матеріализма:

именно оно сопровождалось нападеніемъ на „субъективную социологию“, коей стали противопоставлять экономической матеріализмъ, какъ ученіе чисто объективное, и потому будто бы одно только и имѣющее право считаться строго научнымъ. Субъективизмъ былъ объявленъ прямо синонимомъ ненаучности и произвола. Прибавимъ къ этому, что субъективизмъ русской социологической школы былъ связанъ не только съ этическимъ отношеніемъ къ личности и обществу, но и съ признаніемъ внутренней, психической, субъективной стороны въ самой общественной жизни: представители этого направленія считали невозможнымъ построить социологию безъ помощи не только этики, но и психологии. Понятно, что они не могли сдѣлаться поэтому сторонниками построения социологии непосредственно на биологии, какъ того хотѣли социологи органическаго и дарвинистическаго направленія. На томъ же основаніи съ ихъ стороны не могъ встрѣтиться сочувствія и экономической матеріализмъ, хотя они сами вполне устранили то, что составляетъ этическую сторону ученія Маркса въ смыслѣ общественнаго идеала и приняли его экономическую теорію. Изъ всей этой исторіи спорнаго вопроса въ русской литературѣ въ настоящее время выясняется, что чистый объективизмъ въ социологии съ точки зрѣнія русскихъ его противниковъ является синонимомъ социологии, строяемой безъ помощи психологии и безъ участія этики, а къ таковой социологии приводятъ идеи „общественнаго организма“, какъ реальнаго существа, „борьбы за существованіе“, какъ основнаго фактора общественной жизни, и „экономическаго матеріализма“, какъ обоснованія всей культурной и социальной жизни на одномъ экономическомъ началѣ.

Разборъ Южаковымъ вопроса о субъективномъ методѣ. Первое заявленіе о необходимости примѣненія къ изученію общественныхъ явленій особаго субъективнаго метода было сдѣлано въ нашей литературѣ Миртовымъ въ „Историческихъ письмахъ“ и „Задачахъ позитивизма“, написанныхъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Около того же времени, но позднѣе Миртова съ подобнаго же рода заявленіемъ выступилъ и Михайловскій въ статьяхъ „Что такое прогрессъ?“ и „Теорія Дарвина и общественная наука“. Между аргументаціей обоихъ авторовъ существуетъ, однако, довольно значительная разница, и первый въ своемъ субъективизмѣ идетъ гораздо далѣе второго, но оба они вполне сходятся между собою въ томъ, что принимаютъ субъективизмъ за особый научный методъ, который долженъ быть употребляемъ при изученіи общественныхъ явленій. Въ началѣ

семидесятих годовъ взгляды названныхъ писателей были подвергнуты критикѣ Южаковымъ въ особомъ этюдѣ, появившемся тогда въ журналѣ „Знаніе“ и перепечатанномъ впоследствии въ первомъ выпускѣ „Соціологическихъ этюдовъ“ (1891). Съ своей стороны Миртовъ и Михайловскій возражали Южакову. Въ этой полемикѣ задѣто было не мало интересныхъ темъ, но главный споръ вращался около вопроса, можно ли называть субъективизмъ особымъ методомъ и слѣдуетъ ли думать, что естествознание и обществовѣдѣніе должны пользоваться двумя различными методами. Южаковъ стоитъ за единство научнаго метода во всей области знанія и старается доказать, что въ основѣ идеи о субъективномъ методѣ лежитъ рядъ недоразумѣній, которыя онъ и счелъ нужнымъ разъяснить въ своей статьѣ.

Но, отрицая необходимость и научность особаго метода, который былъ бы чѣмъ-то инымъ сравнительно съ методомъ естествознанія, Южаковъ призналъ вполне правильнымъ субъективизмъ въ смыслѣ точки зрѣнія или отношенія къ предмету. „Вдумываясь, говоритъ онъ, въ філіацію мыслей приверженцевъ субъективной школы, можно дать слѣдующее опредѣленіе защищаемому ими методу: оцѣнка относительной важности явленій на основаніи нравственнаго міросозерцанія (идеала) изслѣдователя и построеніе научной теоріи при помощи того же критерія,—вотъ, прибавляетъ онъ, отличительная черта, существенный признакъ субъективнаго метода“. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ еще такое „исправленное“ опредѣленіе субъективнаго метода: его особенность „заключается въ оцѣнкѣ относительной важности общественныхъ явленій на основаніи взглядовъ изслѣдователя на нормальныя отношенія членовъ общества другъ къ другу и въ построеніи научной теоріи при помощи того же критерія“. Въ этомъ смыслѣ Южаковъ стоитъ за субъективизмъ, но онъ не думаетъ, чтобы въ такомъ пониманіи субъективизмъ противорѣчилъ общенаучнымъ объективнымъ приемамъ изслѣдованія и чтобы поэтому онъ ихъ исключалъ. Наоборотъ, такая нравственная оцѣнка является только дополненіемъ къ этимъ приемамъ, необходимымъ ихъ усложненіемъ при усложненіи самого матеріала, подлежащаго изслѣдованію. Давъ „исправленное“ опредѣленіе субъективнаго метода, критикъ замѣчаетъ, далѣе, что „въ такомъ видѣ требованіе, заявляемое этимъ методомъ (съ нѣкоторыми оговорками), весьма легко можетъ быть принято самымъ яркимъ и нетерпимымъ приверженцемъ единства научнаго метода во всѣхъ сферахъ человѣческаго мышленія. Дѣло въ томъ, продолжаетъ онъ, „что тутъ никакого особеннаго метода даже и нѣтъ вовсе, а есть просто

провозглашеніе одной весьма важной теоремы соціологіи, именно что общество основано на личностяхъ, и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями, чрезъ личности и въ личностяхъ. Если соціологъ признаетъ эту теорему, то онъ, изслѣдуя извѣстное общественное явленіе, всегда будетъ оставивать свое вниманіе не только на послѣдствіяхъ его для общественной среды, культуры, но и на вліяніи его на создателей этой среды, на тѣ общественные атомы, чрезъ которые единственно и могли возникнуть наблюдаемыя имъ измѣненія общественной среды“. Этими словами Южаковъ заявляетъ полную свою солидарность съ соціологическими воззрѣніями разбираемыхъ авторовъ, но при этомъ онъ не видитъ причины „приписывать значенію личностей въ обществѣ какой-либо особенный методъ“. „Игнорированіе теоремы, говоритъ онъ, на которой настаиваетъ субъективная школа, есть грубая и непростительная ошибка со стороны соціологовъ; приступать къ построенію какой-либо части соціологіи, не уяснивъ себѣ предварительно значенія личности для общественной среды и среды для личностей или даже прямо отвергая это значеніе, все равно, что дѣлать какія-либо изысканія по небесной механикѣ, отвергая теорему объ обратной пропорціональности силы тяготѣнія квадратамъ разстоянія. Признаніе этихъ теоремъ необходимо для обѣихъ наукъ, и нельзя достаточно благодарить нашихъ авторовъ за рѣзкое и постоянное настаиваніе на первостепенной важности личности въ обществѣ, но все-таки гдѣ же тутъ особый методъ?“ Южаковъ особенно напираетъ на то, что теоремы, защищаемыя Миртовымъ и Михайловскимъ, „суть теоремы соціологическія, а отнюдь не логическія и что поэтому онѣ должны вліять на содержаніе заключеній, а отнюдь не на приемы изслѣдованія, отнюдь не на методъ“. При распаденіи обществознанія на нѣсколько самостоятельныхъ наукъ сдѣлалось возможнымъ только, что „этика, существующая совершенно обособленно, иногда игнорируется мыслителями при построеніи ими общественно-научныхъ теорій, и выходитъ тотъ quasi-объективный методъ, противъ котораго справедливо ратуетъ субъективная школа“, въ глазахъ которой „принципы этики получаютъ значеніе верховнаго и единственно научнаго критерія“. Но, прибавляетъ Южаковъ, „теоремы науки, какъ бы онѣ истинны и важны ни были, не могутъ служить методологическимъ критеріемъ, не извративъ самаго характера научной работы... Введеніе нравственнаго элемента въ изслѣдованіе нисколько не измѣняетъ его существеннаго характера. Соціологическое изслѣдованіе можетъ и должно держаться обще-

научнаго метода и притомъ тѣмъ строже и неотступнѣе, чѣмъ сложнѣе матеріалъ, надъ которымъ приходится работать пытливости соціолога. Если объективность заключается въ томъ, чтобы игнорировать значеніе общественныхъ событій для личностей и значеніе личностей для общественныхъ событій, чтобы отмахиваться отъ соціологическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ этическихъ теоремъ, то это вовсе не объективность и безпристрастіе, а просто опасное для науки заблужденіе, непониманіе того, что различные элементы общественнаго цѣлаго находятся въ тѣсной зависимости между собою. Богъ съ ней, съ такою объективностью; я готовъ выдать ее головою нашимъ субъективистамъ. Но если, съ другой стороны, субъективность заключается въ томъ, чтобы, вмѣсто признанія желательнымъ и должнымъ истиннаго, объявлять истиннымъ желательное, въ томъ, чтобы снимать съ соціолога-ислѣдователя узду всякихъ общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія, въ томъ, чтобы теоремы одной изъ областей науки, какъ бы эта область ни была важна сама по себѣ, возводить въ методологической критерій всякаго общественно-научнаго мышленія, — если *это* значитъ субъективный методъ, то да будетъ всякій соціологъ подальше отъ таковаго орудія, и чѣмъ талантливѣе мыслитель, тѣмъ опаснѣе для науки подобное направленіе“.

Нельзя не согласиться съ правильностью этого взгляда, высказаннаго относительно субъективнаго метода Южаковымъ. Но дѣло касается именно только особаго метода, а не этической точки зрѣнія при изученіи общественныхъ явленій. „Нравственный элементъ, говоритъ критикъ, какъ процессъ приспособленія жизни къ условіямъ общественнаго существованія, слишкомъ важенъ и нравственная доктрина поэтому слишкомъ обширная по своему значенію область соціологіи, чтобы человекъ, неспособный разглядѣть перваго и чуждый второй, могъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей... Мысля общественныя явленія, мы необходимо мыслимъ пользу, вредъ, благо и прочія категоріи, обращенныя для насъ въ цвѣтъ желательности или нежелательности“, а это обстоятельство неизбѣжно налагаетъ на насъ „обязанность строить общественную науку, исходя изъ положеній одного изъ отдѣловъ ея, изъ нравственныхъ теорій“. Поэтому Южаковъ совершенно правильно считаетъ борьбу съ указанною окраскою для всякаго мыслителя и невозможною, и бесполезною: „всѣ слова, относящіяся къ обществу, запечатлѣны ею; всѣ отвлеченныя и почти всѣ общія конкретныя названія въ соціологической терминологіи непременно или прямо означаютъ или со-

означаютъ пользу, вредъ, благо или что-либо подобное“. Общій выводъ Южакова таковъ: „аргументаціи субъективной школы, которую она старается доказать непримѣнимость къ социологіи объективного метода,.. ..не выдерживаетъ критики“, но въ основаніи положительной стороны субъективизма „лежитъ глубоко истинная идея о значеніи нравственной доктрины въ социологіи“. Нравственная доктрина однако, по мнѣнію Южакова, „есть ученіе объ отношеніи личности къ обществу, о приспособленіи жизни къ условіямъ общественнаго существованія, такъ что ея значеніе въ социологіи понятно и безъ какихъ-либо субъективныхъ подставокъ. Ошибка субъективистовъ заключалась въ томъ, что они теоремы социологіи приняли за теоремы логики и доктрину, долженствующую вліять на содержаніе науки, объявили методологическимъ критеріемъ“. Такую постановку вопроса Южаковъ называетъ даже отрицаніемъ социологіи, какъ чистой науки, отождествленіемъ ея съ политивой въ смыслѣ науки прикладной.

Мы не станемъ разсматривать возраженій, какія были вызваны статьей Южакова. Нельзя сказать, чтобы полемика сколько-нибудь разъяснила вопросъ. Употребленіе слова „методъ“ не въ болѣе узкомъ смыслѣ приѣма изслѣдованія, а въ болѣе широкомъ смыслѣ „процесса“ мышленія, и возможность противопоставить субъективное объективному въ весьма разнообразныхъ смыслахъ не позволили спорящимъ прійти къ какому-либо заключенію. Выяснилось только, что субъективисты вовсе не безусловные противники того, что они называютъ объективнымъ методомъ. Въ статьѣ „О методѣ въ социологіи“, которую Миртовъ помѣстилъ въ „Знаніи“, даже прямо говорится, что въ социологіи возможны и объективные методы изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ методовъ не употребляется исключительно въ одной какой-либо области науки. Въ одномъ только обѣ стороны согласились, но въ этомъ пунктѣ между ними и никакого разногласія не было, именно въ необходимости внимательнаго отношенія къ человѣческой личности въ смыслѣ психологическаго объясненія общественныхъ явленій, и въ смыслѣ оцѣнки этихъ явленій съ этической точки зрѣнія. Общественныя явленія существуютъ чрезъ личности и по отношенію къ личностямъ, и русскіе социологи были правы, когда искали основаній для своего субъективизма и въ свойствахъ изслѣдуемыхъ явленій, и въ свойствахъ изслѣдующаго субъекта.

Нѣкоторыя проявленія субъективизма въ иностранной литературѣ. Можно, слѣдовательно, сказать, что русскій

соціологіческій суб'єктивизмъ сводится въ концѣ-концовъ къ тому, что общественныя явленія нельзя изучать, игнорируя участіе мыслей, чувствъ и стремленій личностей, создающихъ ихъ своею дѣятельностью (психологическая точка зрѣнія) и игнорируя значеніе этихъ явленій для самихъ личностей, требующее нравственной оцѣнки (этическая точка зрѣнія). Довольно близкое пониманіе сущности и задачи соціологіи было высказано въ недавнее время и въ Америкѣ. Прежде всего это было сдѣлано Уордомъ въ его „Динамической соціологіи“, въ которой общественный процессъ понимается, какъ процессъ антропо-телеологическій: человѣкъ ставитъ цѣли для своей дѣятельности, которая и создаетъ общественный процессъ, а потому общественныя явленія и подлежатъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія человѣческихъ цѣлей. „Динамическая соціологія“ направлена главнымъ образомъ противъ Спенсера съ его объективизмомъ, который былъ также предметомъ протестовъ и Михайловскаго. Въ этомъ смыслѣ Уордъ является тоже представителемъ соціологическаго суб'єктивизма, но послѣдній нашелъ сторонника и въ другомъ американскомъ соціологѣ, именно въ Гиддинсѣ, на которомъ мы остановимся еще нѣсколько подробнѣе. Отмѣтимъ, кромѣ того, что и вообще на Западѣ замѣчается поворотъ въ сторону постановки соціологическихъ вопросовъ на объективную точку зрѣнія. Въ видѣ примѣра можно сослаться на два новѣйшихъ соціологическихъ трактата, изъ коихъ одинъ написанъ въ духѣ органической теоріи, другой—въ духѣ дарвинизма, т.-е. оба написаны въ направленіяхъ, объективизмъ которыхъ въ былыя времена и вызывалъ противъ себя этическій протестъ защитниковъ суб'єктивнаго метода. Первый изъ этихъ трактатовъ—книга Дюркгейма „О раздѣленіи общественнаго труда“. „Эта книга, говоритъ самъ ея авторъ, есть прежде всего попытка разсмотрѣнія фактовъ моральной жизни по методу положительныхъ наукъ. Но изъ этого слова сдѣлали употребленіе, искажающее его смыслъ и далекое отъ нашего пониманія. Моралисты, которые выводятъ свое ученіе не изъ апріорнаго принципа, но изъ нѣкоторыхъ положеній, заимствованныхъ у одной или нѣсколькихъ положительныхъ наукъ, каковы біологія, психологія, соціологія, называютъ свою мораль научною. Не таковъ способъ, коему мы думаемъ слѣдовать. Мы не хотимъ извлекать нравственность изъ науки, но хотимъ строить науку о нравственности, что не одно и то же. Моральныя явленія—такія же явленія, какъ и другіе факты; поэтому должно быть вполнѣ возможнымъ наблюдать ихъ, описывать, классифицировать и отыскивать законы, ихъ объясняющіе...

Нравственность образуется, преобразуется и сохраняется по причинамъ, доступнымъ опытному знанію (*pour des raison d'ordre experimental*), и только однѣ эти причины стремится опредѣлить наука о нравственности. Но изъ того, что мы предполагаемъ прежде всего изучать дѣйствительность, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были отказаться отъ ея улучшения; мы признали бы, что наши изслѣдованія не стоили бы ни одного часа работы, если бы они должны были имѣть лишь одно—умозрительный интересъ. Если мы заботливо отдѣляемъ теоретическія проблемы отъ проблемъ практическихъ, то вовсе не изъ пренебреженія въ послѣднимъ, а наоборотъ, именно для того, чтобы быть въ состояніи ихъ лучше разрѣшить“. Дюркгеймъ требуетъ еще, чтобы „наука о морали не дѣлала изъ насъ равнодушныхъ или покорныхъ созерцателей дѣйствительности“. Являясь защитникомъ научнаго (объективнаго) метода въ наукѣ о нравственности противъ метафизиковъ, онъ не хочетъ, однако, чтобы эта научность была синонимомъ этического безразличія. Любопытно, что все это разсужденіе предпослано чисто социологическому трактату „О раздѣленіи общественнаго труда“, въ коемъ изучаются отношенія между индивидуальной личностью и социальной солидарностью. Дѣло въ томъ, что вопросъ о раздѣленіи труда, по Дюркгейму, глубоко затрагиваетъ нашу нравственную жизнь, ибо это вопросъ о томъ, чѣмъ быть человѣку, и въ чемъ заключается нашъ долгъ—„стремиться ли ему къ тому, чтобы быть законченнымъ и полнымъ существомъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ (*un tout qui se suffit à soi-même*) или же, наоборотъ, быть только частью цѣлаго, органомъ организма?“ Но это какъ-разъ тотъ самый вопросъ, который особенно обстоятельно разсматривался съ субъективной точки зрѣнія Михайловскимъ, когда онъ разбиралъ социологическую теорію Спенсера, который въ своемъ объективномъ отношеніи къ дѣйствительности, вонечно, и не подозрѣвалъ, что такой вопросъ можетъ существовать. Другая книга, о коей здѣсь слѣдуетъ упомянуть, это—„Социальная эволюція“ Кидда. Уже изъ того, что о ней было сказано въ предыдущей главѣ, можно видѣть, какое значеніе этотъ реалистъ въ социологін, думающій получить главныя руководящія идеи общественной науки изъ биологической теоріи Дарвина, приписываетъ тѣмъ не менѣ внутреннему, психологическому и этическому фактору въ социальной эволюціи. Вотъ ужъ нивакъ нельзя сказать, чтобы эта книга представляла „социальную эволюцію“ безъ всякаго отношенія къ этическому субъективизму.

Различеніе Гиддинсомъ объективной и субъективной стороны общественнаго процесса. Подобно своему соотечественнику Уорду, Гиддинсъ исходитъ изъ того положенія, что „спенсеровская соціологія вообще, формулирована ли она самимъ Спенсеромъ или писателями, испытанными на себѣ его вліяніе, есть прежде всего физическая философія общества“. Чисто „физическое объясненіе“ Гиддинсъ считаетъ недостаточнымъ, требуя, чтобы это „объективное объясненіе“ было дополнено „объясненіемъ субъективнымъ“. По его словамъ, соціологія должна объяснять свой предметъ, съ одной стороны, фактами сознанія, съ другой — нѣкоторымъ физическимъ принципомъ. „Субъективный и объективный процессы должны явиться неразлучными, такъ какъ каждый изъ нихъ всегда подчиненъ другому“. Гиддинсъ, впрочемъ, оговаривается, что это положеніе не должно быть понимаемо въ смыслѣ философскаго дуализма. „Идеалистъ, говоритъ онъ, сведеть физическій процессъ на функцію мысли, матеріалистъ, если это ему удастся, сведеть субъективный процессъ на функцію энергіи“, но для науки это безразлично. Онъ готовъ согласиться, что физическій процессъ, подлежащій объективному объясненію, одинъ и тотъ же и въ обществѣ, и въ мірѣ небесныхъ свѣтилъ: — это эволюція формы чрезъ уравновѣшеніе энергіи. Въ другомъ мѣстѣ мы уже видѣли, что элементарнымъ и самобытнымъ субъективнымъ фактомъ общества Гиддинсъ считаетъ „сознаніе рода“: „наше поведеніе съ тѣми, говоритъ онъ, съ кѣмъ мы чувствуемъ ббльшее сходство, инстинктивно и рационально отличается отъ нашего поведенія по отношенію къ тѣмъ, кого мы считаемъ болѣе отличнымъ отъ насъ“. Выработать полное субъективное объясненіе общества значитъ изучитъ реальное значеніе „сознанія рода“ во всѣхъ его общественныхъ проявленіяхъ. Между обоими процессами или, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ Гиддинсъ, между физическими силами и психическими мотивами существуетъ постоянное взаимодѣйствіе, конемъ только мы и можемъ объяснить общественный процессъ, какъ таковой. Вообще, идея взаимодѣйствія играетъ роль въ соціологической теоріи Гиддинса, въ частности идея взаимодѣйствія между отдѣльными личностями въ обществѣ, имѣющаго, по его мнѣнію, двоякій характеръ. Физической основой естественнаго общества онъ признаетъ агрегацію индивидуумовъ, какъ результатъ дѣйствія чисто внѣшнихъ физическихъ причинъ, но это только простая основа: истинная ассоціація есть процессъ психическій, въ коемъ играетъ роль взаимодѣйствіе между индивидуумами. Факторами соціальной инте-

граціи индивидуальных вѣрованій и желаній Гиддинсъ считаетъ подражаніе и симпатію. Начало настоящаго человѣческаго общества онъ относитъ къ тому моменту, когда созданныя этими факторами общественныя сознанія и традиціи достигаютъ уже такого развитія, что начинаютъ существовать не только объективно, какъ привычныя явленія общества, но и субъективно—въ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ отдѣльныхъ членовъ общества. „Когда, замѣчаетъ Гиддинсъ, общество существуетъ въ идеяхъ, какъ и въ привычныхъ фактахъ, идея начинаетъ оказывать свое воздѣйствіе на всѣ объективныя отношенія. Идея общества, которая была сначала простымъ воспріятіемъ или представленіемъ, становится идеаломъ, который общезитіе и стремится осуществить. Съ этого момента формы самой ассоціаціи и ассоціированной дѣятельности, опредѣленные отчасти непосредственною физическою причинностью, отчасти опредѣляются и общественнымъ духомъ“. Подобно русскимъ субъективистамъ, американскій соціологъ полагаетъ большой интересъ въ научномъ вопросѣ „объ отношеніяхъ между субъективнымъ развитіемъ индивидуума и измѣненіями въ структурѣ и дѣятельностяхъ общества“. Не входя въ подробности, отмѣтимъ только, что, по представленію Гиддинса, общество стремится къ „этическому типу“, какъ наиболѣе высокой и прочной формѣ. Соответственно съ этимъ прогрессъ опредѣляется у него двояко—и съ объективной, и съ субъективной точекъ зрѣнія. На каждомъ шагу онъ считаетъ задачу соціолога также двоякою: соціологъ долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ, съ одной стороны, развивались общественныя отношенія и какое, съ другой стороны, воздѣйствіе оказывали эти отношенія на развитіе личности. Между индивидуумомъ и обществомъ происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, въ коемъ не всѣ роли, какія играютъ отдѣльными личностями, одинаковы.

Изложенные взгляды Гиддинса весьма сильно напоминаютъ русскую „субъективную соціологію“ съ ея психологическими и этическими соображеніями, съ ея интересомъ къ человѣческой личности, который, наоборотъ, столь слабъ у представителей всякой объективной соціологіи. Къ сторонникамъ послѣднихъ причисляютъ себя между прочимъ русскіе представители теоріи экономическаго матеріализма: они могли бы найти кое-что для себя поучительное въ „Принципахъ соціологіи“ Гиддинса. Американскій соціологъ признаетъ, что во времени объективный процессъ съ его чисто матеріальными причинами и экономическими отношеніями дѣйствительно предшествуетъ процессу субъ-

ективному и тѣмъ самымъ извнѣ его обуславливаетъ: это могло бы служить въ пользу экономическому матеріализму, если бы Гиддинсъ не доказывалъ, кромѣ того, что однимъ объективнымъ процессомъ нельзя объяснить всю общественную жизнь. Съ другой стороны, своимъ основнымъ принципомъ „сознанія рода“ Гиддинсъ объясняетъ ту внутреннюю связь, которая существуетъ между людьми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они чувствуютъ и сознаютъ себя похожими другъ на друга, но это сходство можетъ быть результатомъ и чисто внѣшнихъ причинъ, и того психическаго взаимодействія, которое имѣетъ въ своей основѣ подражаніе и симпатію. Такихъ соединеній съ сознаніемъ внутренней связи можетъ быть великое множество, начиная съ первобытной орды и кончая всѣмъ человѣчествомъ. (Прибавимъ, что этическое отношеніе къ человѣческой личности можетъ быть сведено къ признанію въ другихъ людяхъ существъ одного съ нами рода). Именно „сознаніе рода“ обнаруживается въ національномъ чувствѣ, въ крѣпкой связи, существующей между лицами, по убѣжденію принадлежащими къ одному и тому же вѣроисповѣданію, въ сословныхъ предразсудкахъ и т. д. и т. д. Къ категоріи этого же рода явленій относится и то, что экономическіе матеріалисты владутъ въ основу своей исторіологіи: классовое самосознаніе есть только одна изъ многихъ формъ, въ коихъ обнаруживается это „сознаніе рода“, т.-е. сознаніе бѣльшаго своего сходства съ одними людьми, нежели съ другими. Сами экономическіе матеріалисты, говоря о классовомъ самосознаніи, тѣмъ самымъ прибѣгаютъ къ „субъективному объясненію“ въ смыслѣ Гиддинса. Вся ошибка ихъ въ томъ, что классовое сознаніе для нихъ единственная форма проявленія „сознанія рода“ и что эту форму они ставятъ въ зависимость исключительно отъ внѣшняго экономическаго процесса, какъ будто бы здѣсь не было еще психическаго процесса подражанія и симпатіи, создающихъ всякое общественное сознаніе.

Отношеніе экономическаго матеріализма къ объективизму и субъективизму. Экономическій матеріализмъ, конечно, не отвергаетъ субъективной стороны общественнаго процесса. Онъ только рассматриваетъ эту сторону, какъ простое отраженіе въ сознаніи нашемъ объективнаго общественнаго процесса, понятнаго притомъ исключительно въ смыслѣ процесса экономическаго. Выше не разъ уже отмѣчалась историческая связь этого ученія съ гегельянствомъ: эта связь существуетъ и для даннаго вопроса. По философіи Гегеля, весь объективный процессъ исто-

ринъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ внѣшнюю оболочкою настоящаго внутренняго содержанія, каковымъ признавался процессъ субъективный. Въмѣсто того, чтобы въ корнѣ разрушить ошибочность такого представленія, экономическій материализмъ только переимѣнилъ мѣста обонихъ процессовъ, признавъ реальное значеніе лишь за процессомъ объективнымъ и объявивъ, что процессъ субъективный есть лишь простое отраженіе процесса объективнаго. Весьма естественно, что когда это ученіе нашло послѣдователей въ русской литературѣ, то они должны были выступить противниками господствовавшаго субъективнаго направленія и противопоставить ему свое направленіе, какъ объективное по преимуществу. Они, если можно такъ выразиться, стали даже гордиться своимъ объективизмомъ, своею особою научностью и особенно тѣмъ, что личность, которую такъ много занимаютъ субъективисты, ихъ мало интересуеъ.

Однако, этотъ объективизмъ при ближайшемъ изученіи дѣла оказывается призраннымъ. Прежде всего экономическій материализмъ, имѣя чисто партійное происхожденіе, носить на себѣ и слѣды именно такого происхожденія. Въ Германіи, родинѣ этого ученія, даже прямо проповѣдуется та мысль, что теорія экономическаго материализма создана для оправданія стремленій соціальной демократіи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна работа Меринга „Объ историческомъ материализмѣ“ (1893). Вполнѣ раздѣляя ученіе школы о томъ, что всякая идеологія (въ томъ числѣ и научная) зависитъ отъ объективнаго экономическаго процесса, авторъ провозглашаетъ экономическій материализмъ философіей рабочаго пролетаріата. Какъ-разъ въ томъ, что это философія рабочаго пролетаріата, онъ и видитъ основаніе, по которому слѣдуетъ принимать положенія экономическаго материализма и отвергать всѣ несогласныя съ нимъ теоріи, какъ порожденія „буржуазной лже-науки“. „Историческій идеализмъ, говоритъ онъ, есть историческое міросозерцаніе буржуазіи, какъ историческій материализмъ есть историческое міросозерцаніе рабочаго класса“. Такое утвержденіе, однако, вдвойнѣ невѣрно. Съ одной стороны, экономическій материализмъ принимается многими лицами, которыя въ соціальномъ отношеніи должны быть причислены въ буржуазіи, и наоборотъ, существуютъ защитники интересовъ рабочаго класса и соціалисты, которые, по терминологіи Меринга, должны быть отнесены въ представителямъ историческаго идеализма. Во-вторыхъ, Мерингъ ставитъ въ упрекъ идеологамъ буржуазіи, что они смотрятъ на исторію съ своей классовою точки зрѣнія, не замѣчая самъ противорѣчія,

въ которое онъ при этомъ впадаетъ. Если классовые интересы способны исказять объективную истину, то вина въ данномъ отношеніи должна падать не на то, что это — интересы буржуазіи, а то, что это интересы вообще классовые. Такимъ образомъ у Меринга, да и у другихъ нѣмецкихъ представителей того же направленія, экономическій матеріализмъ является ученіемъ, имѣющимъ несомнѣнный и даже прямо признаваемый оттѣнокъ классового или партійнаго субъективизма. Мерингъ объявляетъ, что научная истина доступна не всякому мыслящему уму, ибо признаніе истины можетъ быть лишь результатомъ принадлежности человѣка къ извѣстному классу или къ извѣстной соціальной партіи. И нужно сказать, что все это весьма послѣдовательно, разъ всякая идеологія, будучи только отраженіемъ въ сознаніи извѣстныхъ объективныхъ отношеній, тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякую объективную самостоятельность.

Русскіе представители экономическаго матеріализма стараются, наоборотъ, представить дѣло такъ, что ихъ ученіе имѣетъ строго объективное основаніе, и за послѣднее время обратились для его теоретическаго оправданія къ „теоріи познанія“, хотя сомнительно, чтобы можно было найти гносеологическія основанія для того положенія школы, по которому идеологія общества и, слѣдовательно, всѣ знанія его членовъ суть только отраженія въ сознаніи извѣстныхъ объективныхъ экономическихъ отношеній: Кантъ, къ коему обратились экономическіе матеріалисты, конечно, не будетъ на ихъ сторонѣ. На самомъ дѣлѣ, однако и у насъ теоретики этого ученія выступили подъ знаменемъ партійнаго субъективизма. Съ народниками, противъ коихъ направлена ихъ полемика, они расходятся по вопросамъ капитализма, общины, кустарнаго производства и артели въ практическомъ примѣненіи ихъ къ Россіи, и хотя ихъ противники весьма часто сами являются въ теоріи экономическими матеріалистами (В. В., Николай — онъ и др.), но марсисисты всѣмъ народникамъ приписываютъ субъективный идеализмъ, а въ число народниковъ записываютъ Миртова ¹⁾, Михайловскаго, Южакова и другихъ представителей субъективнаго направленія. Въ книгѣ „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, на которую уже дѣлались ссылки раньше, прямо и притомъ не разъ заявляется, что экономическій экономизмъ даетъ научное позна-

¹⁾ Любопытно, что этого писателя Ковалевскій причисляетъ къ сторонникамъ экономическаго матеріализма.

гласін съ выводами экономического матеріализма онъ стоитъ несравненно ближе къ его принципиальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міросозерцанію его противниковъ“. „Мы не будемъ, говорить онъ, впрочемъ, останавливаться на предразсудкахъ субъективнаго толкованія социальныхъ явленій“, но, заявляя это, онъ самъ отказывается такимъ образомъ отъ развитія той мысли, будто здѣсь мы имѣемъ дѣло съ антропоцентризмомъ, какъ обломкомъ пережитыхъ міросозерцаній. Критикъ только присоединяется къ мнѣнію, что „за этическими и социологическими аргументами субъективной школы въ социологін скрывается старая метафизика“, и къ этому прибавляетъ, что „готовъ присоединиться и къ протесту противъ метафизической свободы личности“.

Но такъ ли понимаетъ и вѣрно ли еще передаетъ авторъ „Очерковъ“, въ чемъ заключается оспариваемый имъ субъективизмъ. Ни одинъ представитель этого направленія не проповѣдовалъ свободы воли: напротивъ, всѣ они стоятъ на точкѣ зрѣнія строгаго детерминизма, причинной необходимости и закономерности. Если субъективисты и говорятъ о цѣлесообразности, то лишь въ томъ смыслѣ, что въ своей дѣятельности люди руководятся цѣлями, коихъ нельзя упускать изъ виду ни при объясненіи общественныхъ явленій, ни при ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія того блага, которое есть цѣль человѣческихъ стремленій, какъ бы различно люди это благо ни понимали. Субъективизмъ отнюдь не противопоставляетъ, какъ хотѣлось бы думать его критику, „свободное творчество личности законамъ историческаго процесса“, и „несомнѣнной печати философскаго дуализма“, которую онъ видитъ на этомъ направленіи, здѣсь не оказывается. Если же именно такъ дѣло представляется автору книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, то это положительно невѣрно, на что уже и указывалось въ разборахъ этой книги. Что касается до „антропоцентризма“, то большая разница между взглядомъ, по которому человѣкъ есть центръ вселенной и все мірозданіе существуетъ для человѣка, и взглядомъ, по которому единственное реальное существо въ обществѣ есть человѣческая личность, и что скорѣе общество существуетъ для личности, чѣмъ личность для общества. Милюковъ напрасно думаетъ, что „тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія, практическій дѣятель спрашиваетъ о *ит.и.*, вызвавшей это явленіе къ жизни“. Дѣло въ томъ, что и ученый, изучая общественныя явленія, можетъ задаваться вопросами о цѣляхъ, какія ставили своей дѣятельности люди, сознательно

или непреднамірено ихъ вызвавшіе. Говоря о грозѣ или бурѣ, можно ставить вопросъ только о причинѣ, но изучая возстанія и революціи, мы интересуемся не только ихъ причинами, но и тѣми цѣлями, къ достиженію которыхъ стремились массы и отдѣльныя личности, ихъ производившія и въ нихъ участвовавшія. Нельзя говорить о цѣли существованія спутниковъ у планетъ, но можно говорить о цѣли существованія въ обществѣ судовъ или школъ и не съ практической только точки зрѣнія, но и съ научной, хотя бы, напр., по вопросу о томъ, насколько въ такую-то эпоху существованіе у такого-то народа суда или школы соответствовало своей цѣли. Притомъ практической дѣятель интересуется не отвлеченнымъ вопросомъ „о цѣли, вызвавшей явленіе къ жизни“: это—вопросъ ученаго, который въ иныхъ случаяхъ дополняетъ объясненіе изъ причины объясненіемъ изъ цѣли, разумѣется, когда это дополненіе возможно и необходимо; практической же дѣятель интересуется вопросомъ о томъ, какія средства ведутъ къ намѣченной имъ цѣли. Авторъ поясняетъ свою мысль тѣмъ еще, ставя свои вопросы, ученый „стремится къ уясненію закономерности историческаго процесса“, а практической дѣятель „старается постигнуть его цѣлесообразность“, т.-е. „первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій, второй добивается его смысла“. И тутъ „практической дѣятель“ Милюкова мало чѣмъ отличается отъ ученаго: онъ не дѣйствуетъ и даже не создаетъ плана дѣйствій, а „старается постигнуть“, какъ ученый „стремится уяснить“, или „добивается смысла“, какъ ученый „ищетъ причинной связи“. Другими словами, практической дѣятель выступаетъ здѣсь въ той же роли, что и ученый,—въ роли изслѣдователя, съ тѣмъ лишь различіемъ, что одинъ—строгий объективистъ, а другой—субъективистъ, ищущій причинъ общественныхъ явленій между прочимъ въ тѣхъ цѣляхъ, какія ставятъ люди своей дѣятельности, но которыя суть сами слѣдствія какихъ-либо причинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ производящій оцѣнку общественныхъ явленій съ точки зрѣнія соответствія ихъ тѣмъ цѣлямъ, какія люди предъявляютъ обществу. Милюковъ проводитъ и далѣе свою параллель между ученымъ и практическимъ дѣятелемъ, уже дѣйствительно имѣя передъ собою на этотъ разъ практическаго дѣятеля, который „не ограничивается спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и не удовлетворяется открытіемъ ихъ внутренняго отношенія“, но „вмѣшивается въ ходъ событій и старается установить между ними то отношеніе, какое ему желательно“. Но вѣдь „спокойное наблюденіе фактовъ“ можетъ оставаться спо-

войнымъ и въ томъ случаѣ, когда они получаютъ субъективное объясненіе изъ ихъ психическихъ мотивовъ (цѣлей), а „открытие ихъ внутренняго отношенія“ можетъ заключаться и въ опредѣленіи ихъ смысла, дѣлѣ тоже чисто теоретическомъ, и въ ихъ этической оцѣнкѣ, не заключающей въ себѣ еще никакого вторженія въ ходъ событій. Конечно, ученый второго пошиба стоитъ ближе къ вопросамъ практической жизни, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ опредѣленія и оцѣнки ставящихся въ ней цѣлей, но онъ отнюдь не отрицаетъ причинности и закономерности, внося въ свои соображенія понятія цѣли и смысла.

И самъ Милюковъ прибавляетъ, что „во всемъ этомъ параллелизмъ нѣтъ ничего неправильнаго и незаконнаго“. Но есть, по его мнѣнію, въ этомъ и опасность. „Какъ членъ даннаго общества, социологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ окружающей его общественной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно, — своей дѣятельностью или даже просто своими мнѣніями — онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе ученой работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ принадлежащую ей область причиннаго объясненія“. Критикъ „субъективной школы“ называетъ это „вполнѣ естественнымъ психологически, но неправильнымъ“. Да, оно неправильно, если „точка зрѣнія цѣлесообразности“ вытѣсняетъ точку зрѣнія причинности, т.-е., говоря общѣе, когда дѣятельность со всѣми ея отношеніями понимается не такъ, какъ она есть, и когда искажается ея научное воспроизведеніе въ угоду „обязанностей“, налагаемыхъ на общественнаго дѣятеля его принадлежностью къ извѣстному народу, государству, сословію, партіи, — неправильно потому, что это есть одно изъ проявленій ненаучнаго субъективизма. Но у ученаго, какъ у человѣка, какъ у личности вообще и какъ у животнаго общественнаго, не можетъ не быть этического отношенія къ человѣческой личности и къ человѣческому обществу, и пусть побольше и почаще это отношеніе „оказываетъ воздѣйствіе на направленіе ученыхъ работъ въ социологіи“, лишь бы только, конечно, оно оставалось этическимъ отношеніемъ и не претендовало замѣнить собою научное объясненіе. Съ этой точки зрѣнія никакой „неправильности“ въ субъективизмѣ нѣтъ.

ГЛАВА XV.

Соціологическая проблема прогресса.

Связь этой проблемы съ вопросомъ о субъективнѣмъ въ соціологіи. Уже Контъ поставилъ соціологіи задачу изучать общество въ его развитіи и сталъ употреблять слово „эволюція“ для выраженія понятія о развитіи. Это сдѣлалось одною изъ наиболѣе основныхъ чертъ новой науки во всѣхъ направленіяхъ, какія въ ней образовались. Ученія Спенсера и Дарвина, столь вообще сильно повліявшія на соціологическую литературу, носятъ имя эволюціонизма по преимуществу. Эволюціонная точка зрѣнія, заимствованная Марксомъ изъ философіи Гегеля, представлявшей весь міръ, какъ процессъ діалектическаго развитія, характеризуетъ также и теорію экономическаго матеріализма. Притомъ во всѣхъ этихъ направленіяхъ мы наблюдаемъ одно и то же стремленіе понять общественную эволюцію въ ея цѣломъ, т.-е. не только объяснить уже данные въ историческомъ опытѣ моменты общественнаго развитія, но и предсказать, какіе моменты предстоить еще переживать человѣческому обществу въ дальнѣйшей его эволюціи. Ставя подобнымъ образомъ вопросъ объ изученіи общества, соціологія желаетъ достигнуть прежде всего чисто объективнаго знанія этой эволюціи. Она старается именно предсказать будущее, какъ оно должно намъ представляться не на основаніи нашихъ желаній, а на основаніи совершенно независящихъ отъ насъ данныхъ. Совсѣмъ такимъ же образомъ астрономія стремится предсказать судьбу земнаго шара и всей солнечной системы— съ тою только маленькою разницею, что въ этой судьбѣ человѣкъ не при чемъ, тогда какъ судьба общества до извѣстной степени есть дѣло рукъ человѣческихъ. Замѣчательно вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ соціологическія предсказанія, за очень немногими исключеніями, отличаются большимъ оптимизмомъ.

Хотя наиболѣе строгіе объективисты и настаиваютъ на томъ, что къ общественной эволюціи нужно относиться, какъ ко всякому другому естественному процессу, изслѣдуя только его причины безъ какихъ бы то ни было предположеній о его цѣли и безъ какой бы то ни было оцѣнки процесса по категоріямъ добра и зла, тѣмъ не менѣе ихъ предсказанія кажутся продиктованными вѣрою въ то, что общество стремится осуществить нѣкоторый идеаль, и что въ этомъ стремленіи заключается весь смыслъ соціальной эволюціи. Оптимистами выступаютъ въ со-

ціології всѣ представители органической школы. Оптимизмъ лежитъ въ основѣ и матеріалистическаго объясненія исторіи. Съ строго критической точки зрѣнія можетъ, однако, возникнуть сомнѣніе, основывается ли этотъ оптимизмъ на непререкаемыхъ выводахъ объективной науки или, такъ сказать, на чаяніяхъ нашего сердца. Съ другой стороны, если уже допустить, что при современномъ состояніи соціології вполне точное и определенное предсказаніе будущаго невозможно и что во всѣхъ предсказаніяхъ кое-что—и притомъ весьма существенное—бываетъ продиктовано, хотя бы и безъ нашего вѣдома, нашими желаніями и ожиданіями, все-таки еще возникаетъ вопросъ, во что мы тутъ болѣе вѣримъ— въ то ли, что естественный ходъ вещей самъ устроитъ все по хорошему, или же въ то, что достиженіе общественнаго идеала будетъ результатомъ сознательной дѣятельности человѣка. Однимъ словомъ, на почвѣ вопроса объ общемъ направленіи соціальной эволюціи возникаетъ вопросъ о совершенствованіи общества, о соціальномъ прогрессѣ. Мы увидимъ дальше, что особая забота о научной объективности заставила нѣкоторыхъ соціологовъ объявить, что субъективное понятіе прогресса совершенно ненаучно, и что соціології достаточно имѣть дѣло лишь съ объективнымъ понятіемъ эволюціи. Однако, изгоняя слово „прогрессъ“, эти соціологи оказывались не въ состояніи совсѣмъ отрѣшиться отъ выражаемаго имъ понятія—каждый разъ, когда брали для своего разсмотрѣнія соціальную эволюцію на всемъ ея протяженіи, т.-е. въ прошломъ, какъ предметъ объясненія, и въ будущемъ, какъ предметъ предсказанія.

Эту идею прогресса соціологія унаслѣдовала, какъ теоретическую проблему, отъ того философскаго отношенія къ исторіи, которое порождено было „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Самая идея имѣетъ, впрочемъ, болѣе старое происхожденіе. Уже въ древности дѣлались наблюденія чисто объективнаго характера, которыя свидѣтельствовали, что—въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ—родъ человѣческой идетъ впередъ. Съ тѣхъ поръ накопилось великое множество новыхъ фактовъ, которые только подтверждаютъ прежній выводъ. Такимъ образомъ идея прогресса имѣетъ несомнѣнно весьма старое и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно объективное происхожденіе. Но исторія этой идеи указываетъ на существованіе у нея и другого источника уже прямо субъективнаго характера. Этимъ источникомъ является религиозная мысль о томъ, что въ будущемъ передъ человѣчествомъ добро окончателно побѣдитъ зло, и что исторія человѣчества въ этой

побѣдѣ имѣеть самую цѣль своего существованія. Однимъ словомъ, въ идеѣ прогресса необходимо различать объективно-научную и субъективно-этическую сторону. Последняя можетъ, пожалуй, считаться „обломкомъ“ пережитого міросозерцанія, но этотъ обломокъ критическимъ анализомъ обнаруживается даже въ такой „материалистической“ социологін, какую представляетъ собою экономическое объясненіе исторіи съ его вѣрою въ то, что процессъ діалектическаго развитія самъ собою ведетъ къ осуществленію идеальнаго строя общества, основаннаго на коллективизмѣ. Другими словами, даже въ томъ случаѣ, когда социологическая теорія преднамѣренно отказывается отъ психологическаго объясненія и этической оцѣнки, полагая въ этомъ отказѣ главный признакъ своего объективизма, извѣстный субъективизмъ все-таки проникаетъ въ эту теорію, едва только, не ограничиваясь объясненіемъ прошлаго, она пытается и предсказать будущее. Чтобы быть абсолютно объективною, социологін должна была бы совершенно не касаться вопроса о томъ, чего еще нѣтъ и чего никогда не было, т.-е. совершенно исключить будущее изъ своихъ соображеній и построеній.

Общій взглядъ на исторію идеи прогресса. Бросимъ общій взглядъ на исторію идеи прогресса до возникновенія социологін. Самой глубокой древности эта идея была совершенно чужда. Наоборотъ, долго вѣрили въ то, что золотой вѣкъ былъ далеко позади, и что человѣчество постепенно вырождается. Первые наблюденія, которыя привели къ мысли о совершенствованіи человѣчества, были сдѣланы въ умственной сферѣ. Уже у классическихъ писателей мы встрѣчаемся съ выраженіемъ того взгляда, что умъ человѣческой дѣлаеть постоянные успѣхи, что человѣкъ постепенно исторгаетъ у природы ея тайны и подчиняетъ себѣ ея силы. Но по вопросу о нравственности античный міръ продолжалъ стоять на той точкѣ зрѣнія, что человѣчество становится все хуже и хуже. Иные даже думали, что нравственный регрессъ необходимо сопровождаетъ успѣхи, которые происходятъ въ умственной жизни человѣка. Наконецъ, въ политической области древніе усматривали одно вѣчное круговращеніе, рядъ постоянныхъ улучшеній и ухудшеній безъ опредѣленнаго движенія въ какую бы то ни было сторону. Такимъ образомъ въ классическомъ мірѣ совершенно было открытіе одного умственнаго прогресса. Замѣчательно вообще, что ранѣе всего прогрессъ былъ открытъ именно въ умственной сферѣ. Но этотъ прогрессъ какъ-разъ и никогда не подвергался сомнѣнію. Мало того: когда идея прогресса была приложена къ философскому

истолкованію історіи и въ построенію теоріи общественнаго развитія, именно успѣхи человѣческаго ума были приняты прежде всего за главный факторъ прогрессивнаго движенія человѣчества.

Классической идеѣ моральнаго вырожденія христіанство противопоставило идею нравственнаго возрожденія. Золотой вѣкъ человѣчества мыслился теперь не позади, а впереди, какъ царство Божіе, которое постепенно осуществляется исторіей. Субъективно этическое происхожденіе такого взгляда не подлежитъ сомнѣнію: идея прогресса была здѣсь результатомъ чаяній сердца. Но не все тутъ было субъективно. Нравственное возрожденіе каждый могъ наблюдать на самомъ себѣ, когда совлекалъ съ себя ветхаго Адама, дабы облечься въ Адама новаго. Съ нравственной точки зрѣнія Новый Завѣтъ справедливо оцѣнивался, какъ нѣчто высшее сравнительно съ Ветхимъ Завѣтомъ. Будущее человѣчества представлялось, какъ продолженіе и завершеніе прогресса, частью уже совершившагося въ прошломъ. Онъ создавался нравственною силою, и ему предстояло осуществить высшія требованія справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Разнаго рода секты, коими полна исторія христіанскаго міра съ древнѣйшихъ временъ до временъ новѣйшихъ, выступали съ требованіями чисто соціальнаго характера, вѣрили въ наступленіе лучшихъ общественныхъ порядковъ и нерѣдко носили всѣ признаки „утопическаго соціализма“.

Средніе вѣка и новое время ничего не прибавили къ античной и христіанской постановкѣмъ вопроса о прогрессѣ. Еще въ XVIII столѣтіи итальянскій мыслитель Вико проповѣдовалъ теорію историческаго круговорота, а Руссо раздѣлялъ классическую идею о томъ, что въ умственномъ отношеніи человѣчество совершенствуется, но въ нравственномъ вырождается, и воздыхалъ по естественномъ состояніи, этомъ своего рода золотомъ вѣкѣ древнихъ. Но въ томъ же самомъ XVIII столѣтіи выступилъ рядъ писателей, которые объединили въ одной идеѣ объективную и субъективную точки зрѣнія на прогрессъ, сдѣлавъ изъ наблюденій надъ прошлымъ основу для своихъ чаяній относительно будущаго. Эти же писатели поняли прогрессъ, какъ совокупность умственнаго, нравственнаго и общественнаго совершенствованія человѣчества. Первымъ въ ряду этихъ писателей былъ замѣчательный философъ, экономистъ и государственный дѣятель второй половины XVIII в., Тюрго. Въ его представленіи прогрессъ указывалъ исторіи идеальную цѣль и требовалъ отъ человѣка усилій для ея осуществленія. Другими писателями, содѣйствовавшими историко-философскому пониманію прогресса, были Изелинъ, Гердеръ, Кантъ и

Кондорсэ. Послѣдній, по признанію самого Конта, былъ однимъ изъ его предшественниковъ въ попыткѣ основать новую науку объ обществѣ. Прибавимъ, что Кондорсэ выдвигалъ на первый планъ идею прогресса умственного, Гердеръ — прогресса моральнаго, Кантъ — прогресса социальнаго (политическаго).

Реакціонная школа начала XIX в., съ которою, какъ не разъ мы уже видѣли, у Конта были точки соприкосновенія, отнеслась къ идеѣ прогресса, какъ къ своего рода вредному и опасному заблужденію. Впрочемъ, иного и нельзя было бы ожидать отъ людей, смотрѣвшихъ не впередъ, а назадъ, и осуждавшихъ все, что было сдѣлано исторіей съ конца среднихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи зарождавшійся тогда утопическій социализмъ и социологія примыкали вполне къ умственной традиціи XVIII в. и вмѣстѣ съ тѣмъ шли рука объ руку съ представителями тогдашняго либерализма, съ которыми такъ сильно, наоборотъ, расходились въ другихъ отношеніяхъ; впрочемъ, въ пониманіи прогресса между обоими направленіями, въ коихъ въ то время выражалась прогрессивная мысль, не было согласія. Кантъ жилъ въ ту эпоху, когда о прогрессѣ говорили либеральные историки (Гизо), идеалистическіе философы (Гегель) и отъивавшіеся на злобу дня поэты и романисты. Ближайшимъ образомъ основатель социологіи былъ связанъ съ тѣмъ пониманіемъ прогресса, какое мы находимъ у современныхъ ему социальныхъ реформаторовъ, особенно у С.-Симона и его послѣдователей. Отправляясь отъ идеи прогресса умственного въ духѣ ученія Кондорсэ, С.-Симонъ пришелъ къ идеѣ прогресса нравственнаго и социальнаго, служить коему, по его теоріи, должна была, — совсѣмъ какъ въ послѣдствіи у Конта, — новая религія. Уже въ XVIII в. Кантъ указывалъ на то, что исторія постепенно осуществляетъ совершенное государство, но С.-Симонъ понималъ социальный прогрессъ въ смыслѣ улучшенія и экономическихъ отношеній. Обобщая явленія, которыя совершались на его роднѣ съ конца XVIII в., онъ создалъ формулу перехода общества отъ военнаго типа къ типу промышленному, — формулу, которой пришлось играть большую роль въ социологіи Конта, Спенсера и др. Сень-симонизму же принадлежитъ и формула исторической смѣны рабства крѣпостничествомъ, а крѣпостничества наемнымъ трудомъ, которому въ будущемъ суждено уступить мѣсто совершенно новой организаціи труда: формула Маркса въ историческомъ отношеніи примыкаетъ именно къ этому представленію сень-симонизма объ исторической эволюціи экономическихъ классовъ. Начиная съ Тюрго и кончая

С.-Симономъ и его современниками, идея прогресса постепенно вырабатывалась такимъ образомъ на двойной основѣ — научной и этической. На научной основѣ подведенія итоговъ подъ объективными наблюденіями создавалась именно новая идея, вполне соотвѣтствовавшая тѣмъ субъективнымъ чаяніямъ сердца, которыя вызывались умственнымъ и общественнымъ движеніемъ эпохи: вѣдь эта эпоха открывалась „просвѣщеніемъ“ XVIII в., включала въ себя великую французскую революцію и заканчивалась возникновеніемъ утопическаго социализма, во всѣхъ же этихъ движеніяхъ важную роль играли нравственное воодушевленіе и надежды на лучшее будущее. Эту идею разрабатывали одновременно рационалисты и мистики, индивидуалисты и социалисты, историки и философы, социальные реформаторы и поэты. Изъ этой же научной и этической идеи постепенно и выработалась исключительно научная идея эволюціи.

Идея прогресса у Конта. Въ социологіи Конта идея прогресса играетъ весьма видную роль. Какъ извѣстно, онъ дѣлилъ социологію на социальную статику и социальную динамику: первая должна была дать теорію порядка, вторая — теорію прогресса человѣческихъ обществъ. Сама социальная динамика, составляющая V и VI томы „Курса положительной философіи“, была не чѣмъ инымъ, какъ грандіознымъ опытомъ философскаго обзора всемірной исторіи съ совершающимся въ ней прогрессомъ въ смыслѣ перехода человѣчества изъ теологическаго фазиса чрезъ метафизическій въ позитивный. И позднѣе эпиграфомъ своей „Системы положительной политики“ Контъ поставилъ слова: „любовь, какъ начало; порядокъ, какъ основаніе, и прогрессъ, какъ цѣль“.

Съ другой стороны, самъ Контъ высказывалъ уже ту мысль, что изъ этой идеи нужно изгнать элементъ субъективной оцѣнки. Ему же, прибавимъ кстати, принадлежитъ понятіе „спонтанной эволюціи“ (*évolution spontanée*), т.-е. понятіе процесса развитія, происходящаго произвольно и не преднамѣренно. Мы уже видѣли, что едва ли научно было исключить изъ идеи социальной эволюціи представленіе активности человѣка съ ея внутренними мотивами и внѣшними цѣлями. Но это другой вопросъ. Здѣсь интересно только отмѣтить, что Контъ старался изгнать (хотя изгонялъ только на словахъ) оцѣнку эволюціи, какъ прогресса. По его мнѣнію, наука не имѣетъ права говорить о совершенствованіи (*perfectionnement*), а только о развитіи (*développement*). „Всю социальную физику, говоритъ онъ, можно было бы разсматривать, ни разу не употребляя слова

совершенствованіе, а замѣняя его научнымъ выраженіемъ *развитіе*, которое обозначаетъ безъ всякой нравственной оцѣнки общій неоспоримый фактъ“. Слѣдую примѣру біологовъ, онъ совѣтуетъ „устранять праздыя и неразумныя контроверсы объ относительномъ достоинствѣ разныхъ общественныхъ состояній, слѣдующихъ одно за другимъ, дабы ограничиться изученіемъ законовъ ихъ дѣйствительной послѣдовательности“. Только Контъ упускаетъ изъ виду, что и біологи дѣлаютъ сравнительную оцѣнку разныхъ состояній организма, считая, напр., здоровое состояніе нормальнымъ, болѣзненное—ненормальнымъ и весьма различно смотря на значеніе для организма его молодости и старости. Контъ самъ притомъ говоритъ объ относительномъ достоинствѣ разныхъ умственныхъ состояній общества, смотря по тому, насколько считаетъ господствующія въ обществѣ идеи истинными или ложными: почему споръ о категоріяхъ истиннаго и ложнаго не есть неразумная и праздная контроверса, а споръ о томъ, какое общественное устройство болѣе полезно или болѣе вредно для людей, коимъ приходится жить при этомъ устройствѣ, оказывается тщетнымъ и празднымъ вопросомъ? Проводя требованія объективизма до конца, слѣдовало бы, изучая исторію и логику философскаго и научнаго мышленія, тоже ограничиваться изложеніемъ філіаціи идей и способовъ ихъ добыванія, не ставя себѣ вопроса объ истинности этихъ идей и вѣрности этихъ способовъ. Контъ говоритъ еще, что вслѣдствіе „чисто относительнаго смысла (*esprit essentiellement relatif*), въ какомъ должны отнынѣ употребляться всѣ какія бы то ни было понятія положительной политики“, нужно „устранить отсюда безповоротно, въ качествѣ тщетнаго и празднаго вопроса, пустую метафизическую контроверсу объ увеличеніи человѣческаго счастья въ разныя эпохи цивилизаціи“. Сравнивать между собою общественныя положенія съ точки зрѣнія бѣльшаго или меньшаго счастья личностей, которыя въ этихъ положеніяхъ находятъ, „все равно, думаетъ онъ, что поставить неразрѣшимый и безсмысленный вопросъ объ относительномъ счастьѣ различныхъ животныхъ видовъ или обоихъ половъ каждаго вида“. Контъ точно не хочетъ видѣть, что *caeteris paribus* рабъ несчастнѣе свободнаго человѣка, человѣкъ, экономически необезпеченный,—человѣка, экономически обезпеченнаго, или что государство, въ которомъ не гарантированы права личности, есть уже само своего рода несчастье въ сравненіи съ государствомъ, гдѣ къ личности человѣка относятся, не какъ къ бездушной вещи. Впрочемъ, Контъ не обнаруживаетъ большой склонности, да и способности также, удержи-

вать себя отъ субъективной оцѣнки эволюціи. У него же самого мы читаемъ, напр., такіа заявленія: „общій результатъ нашего основного развитія заключается не только въ улучшеніи матеріальнаго положенія человѣка въ силу постояннаго расширенія его дѣйствія на внѣшній міръ, но также и особенно въ развитіи—путемъ все болѣе и болѣе усиливающагося упражненія—нашихъ самыхъ выдающихся способностей, будетъ ли оно состоять въ безпрерывномъ уменьшеніи господства чисто животныхъ стремленій, или въ усиленіи разныхъ общественныхъ инстинктовъ, или же, наконецъ, въ постоянномъ возбужденіи наиболѣе высокихъ отправленияхъ нашего ума и въ само собою происходящемъ увеличеніи привычнаго вліянія разума на поведеніе человѣка“. Такимъ образомъ въ Контѣ по вопросу объ эволюціи-прогрессѣ борются между собою объективистъ и субъективистъ. Въ „Курсѣ“ побѣждаетъ, повидимому, первый, въ „Системѣ“—второй, но уже въ ненаучномъ смыслѣ.

Замѣна идеи прогресса идеей эволюціи въ послѣдующее время. По стопамъ Конта, когда онъ замѣнялъ слово „совершенствованіе“ словомъ „развитіе“, пошелъ и Спенсеръ. Въ раннихъ трудахъ своихъ Спенсеръ еще говорилъ о прогрессѣ; съ нимъ, напр., мы встрѣчаемся въ „Соціальной статикѣ“ (1850). Но впослѣдствіи, начиная именно съ „Основныхъ началъ“, Спенсеръ постоянно говоритъ лишь объ эволюціи. Въ его „Опытѣ о прогрессѣ“ есть даже прямо аналогичное контовскому разсужденію, гдѣ прямо указывается на связь ходячаго понятія о прогрессѣ съ конечными причинами, тогда какъ, по мнѣнію Спенсера, для вѣрнаго пониманія прогресса нужно только изслѣдовать природу общественныхъ перемѣнъ, вполне отвлекаясь отъ ихъ отношенія къ нашимъ интересамъ и нашему благополучію. Подобный взглядъ былъ усвоенъ весьма многими писателями; нѣкоторые же изъ нихъ прямо выводили его изъ обязательнаго для всѣхъ общественныхъ наукъ объективизма, ссылаясь въ данномъ случаѣ на примѣръ естествознанія. Протестъ противъ соціологическаго объективизма, раздавшійся въ статьяхъ Михайловскаго, былъ именно связанъ съ критикою спенсеровскаго пониманія соціальнаго прогресса по аналогіи съ органической эволюціей. Объективно общественное развитіе можетъ заключаться въ интеграціи и дифференціаціи, но въ этомъ не можетъ заключаться улучшеніе общества. Впослѣдствіи Спенсеръ написалъ „Основанія этики“, въ коихъ уже оставлена эта точка зрѣнія въ пользу другой, болѣе субъективной. Но объективисты, возражая противъ „моральной оцѣнки“ эволюціи и употребленія

слова „прогрессъ“ въ смыслѣ совершенствованія, ссылались не только на естественныя науки вообще, но въ частности и на біологическую теорію Дарвина. И по этому послѣднему пункту противъ объективнаго пониманія прогресса выступили русскіе субъективисты. Признавъ эту теорію, какъ біологическую истину, они старались доказать, что социальный прогрессъ происходитъ нѣсколько иначе, чѣмъ біологическая эволюція. Дѣло въ томъ, что теорія Дарвина изгнала изъ объясненія явленій природы всякую телеологию: эволюція совершается *потому что*, а не *для того, чтобы*. Если у Спенсера она идетъ въ направленіи большаго усложненія, то у Дарвина—въ направленіи большей приспособленности, хотя бы послѣдняя покупалась цѣною упрощенія. Цѣлое общество можетъ быть очень сложно и превосходно приспособлено къ условіямъ своего существованія, а составляющія его единицы—отлично приспособлены къ данной социальной дифференціаціи, но мы еще не назовемъ его совершеннымъ въ человѣческомъ смыслѣ. Пусть этотъ антропологическій субъективизмъ кажется представителямъ натуралистическаго объективизма антропоцентризмомъ—у субъективистовъ есть свои основанія его защищать, и они не примутъ слѣдующихъ, напр., заявленій Рибо въ его книгѣ „Наслѣдственность“: „болѣе точный, говоритъ онъ именно, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкій взглядъ приводитъ насъ къ пониманію того, что человѣческій прогрессъ есть только часть общаго прогресса, и къ замѣнѣ этого двусмысленнаго слова болѣе подходящими терминами эволюціи и развитія. Это измѣненіе, прибавляетъ онъ, имѣетъ громадное значеніе, ибо на мѣсто мнѣнія человѣческаго, субъективнаго, гипотетическаго оно ставитъ космическую, объективную, научную доктрину“. По Рибо выходитъ такъ, что человѣческое мнѣніе можно противопоставлять космической доктринѣ, какъ будто она не есть тоже одно изъ человѣческихъ мнѣній, и какъ будто космосъ можетъ имѣть свои доктрины, которыми человѣку остается замѣнять свои мнѣнія. „Идея, говоритъ Рибо еще, идея, которую соединяютъ съ словомъ „прогрессъ“, не только отличается туманностью, но является ошибочною. Смѣшиваютъ прогрессъ самъ по себѣ съ выгодами и полезными слѣдствіями, приносимыми имъ человѣку. Такое отношеніе къ дѣлу принимаетъ тѣнь за самую вещь. Для того, чтобы хорошо понимать, что такое прогрессъ, нужно изслѣдовать независимо отъ нашего интереса, въ чемъ заключается сущность производящихъ его перемѣнъ“. Совсѣмъ нѣтъ. Субъективизмъ не принимаетъ тѣни человѣка за самого человѣка, а только, продолжая данную мета-

фору, признаётъ, что человѣкъ бросаетъ тѣнь, видѣть которую еще не значить принимать ее за самого человѣка. Субъективизмъ не отрицаетъ необходимости изучать сущность переменъ, производящихъ прогрессъ, но такое изученіе можетъ быть дополнено изслѣдованіемъ выгодъ и полезныхъ слѣдствій, приносимыхъ прогрессомъ человѣку. Изъ того, что субъективистъ, слыша звуки, изъ коихъ состоитъ какое-либо слово, желаетъ знать и то, что оно значить, вовсе не слѣдуетъ, будто фонетическая сторона слова замѣняется у него стороною семасіологическою. Скорѣе вотъ объективисту онъ можетъ поставить въ упрекъ то, что, опасаясь, какъ бы желаніе понять смыслъ произносимаго слова не помѣшало правильно разслышать его звукъ, онъ запрещаетъ говорить, что слова имѣютъ смыслъ.

Научная сторона идеи прогресса. Вопросъ о прогрессѣ связанъ въ социологіи тѣснѣйшимъ образомъ съ вопросомъ о субъективизмѣ и о роли личности въ исторіи: слѣдуетъ ли въ идею прогресса вводить субъективный элементъ и играетъ ли въ созиданіи прогресса какую-либо роль человѣческая личность? Этимъ двумъ вопросамъ посвящены двѣ отдѣльныя главы нашей книги (XI и XIII). Соціологическія теоріи объективистическаго направленія обыкновенно представляютъ и историческій процессъ, какъ безличную эволюцію. Въ обоихъ отношеніяхъ онѣ правы лишь тогда, когда являются результатомъ критики ученій о прогрессѣ, въ коихъ субъективизмъ получаетъ характеръ чистаго творчества въ вопросахъ, подлежащихъ научному изслѣдованію, а роль личности въ исторіи понимается, какъ роль опять-таки исключительно творческая, т.-е. когда субъективизмъ дѣлается совершенно произвольнымъ, за личностью же признается свободная воля въ смыслѣ способности производить измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, которыя ничѣмъ не обусловлены помимо желанія личности, въ свою очередь уже ничѣмъ не обусловленнаго. Такія представленія мы дѣйствительно и встрѣчаемъ, съ одной стороны, у метафизическихъ философовъ, съ другой у утопическихъ социалистовъ: общественный идеаль, какъ цѣль прогрессивнаго хода исторіи, является тутъ продуктомъ личнаго творчества, счастливымъ изобрѣтеніемъ человѣческаго ума, и для осуществленія этого идеала достаточно одной доброй воли да соотвѣтственныхъ усилій самихъ людей. Другими словами, будущую исторію можно выдумать по своему вкусу для того, чтобы и осуществить потомъ эту выдумку по своему желанію. Такой взглядъ, конечно, ненаученъ, и въ критикѣ этого взгляда заключаются вѣрныя стороны объективной социологіи и научнаго социализма, направленныя про-

подобные: всё мы действуемъ по цѣлямъ и сознаемъ, что именно действуемъ такимъ образомъ.

Если оба только-что разсмотрѣнные эволюціонныя ученія, оказавшія влияние на научное пониманіе прогресса, будучи весьма близки одно къ другому, одинаково ставятъ вопросъ о прогрессѣ на почву широкихъ обобщеній въ области окружающей насъ природы и даже всего космоса, то третье эволюціонное ученіе, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, стоитъ особнякомъ отъ первыхъ двухъ, а во-вторыхъ, имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ наблюденія, произведенныя лишь въ одной области общественной эволюціи, да и то взятой только въ одномъ изъ ея фазисовъ. Мы говоримъ здѣсь объ экономическомъ матеріализмѣ, зародившемся въ головѣ Маркса въ связи съ извѣстнымъ пониманіемъ сущности перехода западной Европы отъ средневѣкового, феодальнаго хозяйства къ хозяйству новому, капиталистическому, и въ связи съ представленіемъ о томъ, въ какую новую форму стремится перейти само это капиталистическое хозяйство. Послѣдователи экономическаго матеріализма, указывая на одно изъ объективныхъ началъ соціальной эволюціи и на механической характеръ процессовъ въ развитіи этого начала, совершенно правы, когда критикуютъ представителей метафизическаго и утопическаго взгляда, не считавшихся ни съ какими объективными началами, ни съ какими механическими процессами соціальной эволюціи. Хотя по своему общественному содержанію экономическій матеріализмъ неизмѣримо ближе къ соціологіи, чѣмъ космическій эволюціонизмъ Спенсера и біологическій эволюціонизмъ Дарвина, онъ все-таки не можетъ самъ по себѣ считаться философій соціальнаго прогресса, какъ бы, съ другой стороны, ни было важно то, что этимъ ученіемъ поставленъ былъ вопросъ о роли экономическаго начала въ соціальной эволюціи. Съ точки зрѣнія Спенсера соціальная эволюція есть только часть или одно изъ проявленій эволюціи космической, только продолженіе той эволюціи органической, теорію которой разработалъ Дарвинъ. Здѣсь общественный прогрессъ объясняется или изъ нѣкотораго цѣлага, часть котораго онъ составляетъ, или изъ другой подобной же части этого цѣлага. Наоборотъ, экономическій матеріализмъ стремится объяснить соціальную эволюцію лишь одною изъ ея собственныхъ сторонъ. Каждое изъ трехъ разсмотрѣнныхъ эволюціонныхъ ученій даетъ извѣстный идейный и фактический матеріалъ для научнаго обоснованія и пониманія общественнаго прогресса. Но соціологія не должна быть простою пристройкою безъ самостоятельнаго зна-

ченія ни въ космологіи или біологіи, ни въ политической экономіи. На этомъ главнымъ образомъ и настаиваютъ субъективисты, которые за объясненіемъ прогресса обращаются, кромѣ біологіи и экономической исторіи, въ психологіи и въ культурной исторіи, а наиболѣе широкія свои обобщенія ставятъ въ связь не только съ космологіей, но и съ этикой.

Само собою разумѣется, что психологія, о которой здѣсь говорится, не есть старая метафизическая психологія спиритуалистическаго или матеріалистическаго пошиба. Позитивизмъ Конта сходится съ критической философійю Канта въ признаніи, что нашему знанію доступны только явленія, а не ихъ сущность. Современная наука о душевныхъ явленіяхъ стоитъ именно на такой точкѣ зрѣнія, изучая законы, по которымъ происходятъ эти явленія. Во второй половинѣ XIX в. и эта наука усвоила себѣ эволюціонную точку зрѣнія, т.-е. стала изучать психическія явленія въ ихъ постепенномъ развитіи отъ низшихъ ступеней органической жизни до наиболѣе сознательныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій человѣка. Эволюціонная психологія, рассматривая душевныя явленія въ качествѣ своеобразныхъ продуктовъ эволюціи, должна ставить себѣ вопросъ о томъ, какую роль эти явленія играютъ въ эволюціи въ качествѣ ея факторовъ, а роль факторовъ эволюціи они именно по тому и могутъ играть, что сами суть вмѣстѣ съ тѣмъ ея продукты, т.-е. не при-входятъ въ нее извнѣ, а вырабатываются въ ней самой. Само собою разумѣется, что смѣшно было бы говорить о роли психическихъ факторовъ въ эволюціи космической, взятой въ ея цѣломъ. Другое дѣло — вопросъ о значеніи психической эволюціи для эволюціи соціальной: послѣдняя прямо немыслима безъ психической основы. Равнымъ образомъ и этика, имѣющая столь тѣсную связь съ психологіей, поставлена въ настоящее время на эволюціонную точку зрѣнія. Такое состояніе психологіи и этики, отразившее на себѣ одинъ и тотъ же научный духъ, который проявляется и въ космологіи, и въ біологіи, и въ политической экономіи, уже само собою не позволяетъ соціологическому субъективизму въ пониманіи общественнаго прогресса быть простымъ возрожденіемъ политическаго раціонализма XVIII в. и соціальнаго утопизма XIX в. Идея прогресса въ такой постановкѣ, удовлетворяя чаяніямъ нашего сердца, вырабатывается, однако, не на основаніи этихъ чаяній, а на основаніи научныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ реальныхъ силъ, проявляющихся въ исторіи мірозданія вообще и органическаго міра въ частности, въ исторіи человѣчества, какъ части этого міра, и въ исторіи духовныхъ и обществен-

ныхъ явленій, отличающихъ человѣка отъ другихъ животныхъ. Ту часть міровой эволюціи, которая совершается въ человѣческомъ мірѣ, мы понимаемъ совершенно такъ же, какъ и то цѣлое, часть коего она составляетъ, но у этой части есть свои специфическія особенности: онѣ-то и позволяютъ намъ и особеннымъ образомъ относиться къ этой части, насколько тѣмъ не нарушая общаго принципа, прилагаемаго къ разсмотрѣнію цѣлаго и всѣхъ его отдѣльныхъ частей. Идея прогресса есть только извѣстное субъективное пониманіе эволюціи съ психологической и этической точекъ зрѣнія, безъ всякихъ метафизическихъ предположеній о томъ, чтобы въ этой эволюціи проявляла свое дѣйствіе свобода человѣческой воли, какъ сила, берущаяся откуда-то внѣ этой эволюціи, и о томъ, что у этой эволюціи есть нѣкоторая объективная телеологія, т.-е. что общественнымъ процессомъ осуществляются нѣкоторыя заранѣе намѣченныя цѣли, а не цѣли, ставимыя себѣ людьми въ зависимости отъ той самой эволюціи, въ коей стремленіе къ нимъ является и продуктомъ, и факторомъ. Въ такомъ пониманіи идея прогресса является синтезомъ этическихъ стремленій раціонализма и утопизма съ теоретическими выводами науки.

Вопросы *такой* теоріи прогресса: 1) *почему* и *какъ* происходитъ соціальная эволюція и 2) въ какихъ случаяхъ она получаетъ для насъ *прогрессивное значеніе*? Первый вопросъ есть вопросъ о *причинахъ* и *факторахъ* всякой эволюціи, все равно — прогрессивной и регрессивной, и этотъ вопросъ отнюдь не выходитъ за предѣлы научной компетенціи въ самомъ объективномъ смыслѣ слова. Второй вопросъ, повидимому, чисто субъективный, есть въ сущности вопросъ о *значеніи*, какое для человѣка, какъ для существа мыслящаго, чувствующаго и ставящаго себѣ цѣли, и какъ для существа живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ, имѣетъ объективный процессъ эволюціи, но и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшаемъ на основаніи объективныхъ данныхъ, какія, напримѣръ, для послѣдняго періода нашей цивилизаціи заключаетъ въ себѣ статистика.

Жизненное значеніе соціологической идеи прогресса. Въ своемъ нерасположеніи къ субъективизму нѣкоторые крайніе объективисты доходили до утвержденія, что ставить себѣ цѣли значить предаваться ненаучнымъ иллюзіямъ и что стремиться къ ихъ осуществленію значить совершенно бесплодно расточать свои силы. Но это только логическій выводъ изъ того представленія объ эволюціи, которое исключаетъ всякій идеализмъ и всякую активность человѣка въ процессѣ измѣненія общественныхъ

формъ. Послѣдовательно проведенный объективизмъ долженъ былъ бы вообще приводить къ отрицанію разумности и цѣлесообразности какой бы то ни было общественной дѣятельности, разъ социальная эволюція совершается сама собою и безъ какого бы то ни было отношенія къ желаніямъ, цѣлямъ и стремленіямъ человѣка. Если стать на эту точку зрѣнія, нужно отвергнуть мысль о практическомъ значеніи всякой прикладной общественной науки, значеніе которой состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ примѣненіи теоретическихъ истинъ къ достиженію жизненныхъ цѣлей. Извѣстно даже, что чистыя науки, ставящія себѣ исключительно теоретическія цѣли, такъ сказать, выросли изъ знаній прикладного, пракческаго характера. То же самое было и съ соціологіей. У Конта—и еще раньше у С.-Симона—первая мысль о необходимости строго научнаго изученія общественныхъ явленій явилась подъ вліяніемъ мысли о необходимости общественной реорганизации. Если въ областяхъ такихъ общественныхъ наукъ, какъ государствѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія, чисто теоретическія системы могутъ получать и прямо практическое значеніе, то не приходится отказывать въ этомъ практическомъ значеніи и теоретическимъ истинамъ соціологін. Дѣло въ томъ, что разъ три названныя науки учатъ, какъ служить практическимъ интересамъ жизни въ спеціальныхъ отношеніяхъ или спеціальными средствами государства, права и народнаго хозяйства, такъ и соціологія должна учить, какимъ образомъ можно воздѣйствовать на социальную эволюцію, дабы послѣдняя имѣла прогрессивный характеръ и дабы, съ одной стороны, ускорять процессы, приближающіе общество къ болѣе совершенному состоянію, а съ другой—смягчать тѣ неудобства, какія для настоящаго могутъ заключаться въ этихъ процессахъ. При этомъ соціологія должна не только указывать на средства и способы прогрессивной общественной дѣятельности, но и опредѣлять конечныя цѣли этой дѣятельности. Послѣдняя задача не подъ силу спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, такъ какъ и государство, и право, и народное хозяйство сами по себѣ имѣютъ значеніе лишь средствъ общественнаго благополучія, и такъ какъ строить общественный идеаль возможно, только принимая въ расчетъ всѣ стороны социальной жизни. Всякій общественный идеаль, построенный лишь изъ понятій одной изъ спеціальныхъ наукъ, необходимо будетъ отличаться односторонностью. Таковъ былъ бы, напримѣръ, общественный идеаль съ исключительно юридической точки зрѣнія, ибо онъ сводился бы къ одному раз-

граиченію между собою частныхъ интересовъ, т.-е. отношеній между отдѣльными лицами, взятыми въ качествѣ субъектовъ права, и не касался бы ни политической, ни экономической стороны общественной жизни или касался бы этихъ сторонъ лишь постольку, поскольку государство охраняетъ частныя права и поскольку съ этими правами связаны имущественные интересы. Политическій идеалъ, выработанный философіей XVIII в. и сдѣлавшійся цѣлью стремленій господствующихъ партій французской революціи, тоже отличался односторонностью, такъ какъ принималъ въ расчетъ лишь взаимныя отношенія между отдѣльною личностью и обществомъ, взятомъ въ политическомъ смыслѣ, т.-е. государствомъ, оставляя безъ вниманія отношенія между тою же личностью и тѣмъ же обществомъ, взятымъ въ экономической сторонѣ его бытія. И чисто экономической идеалъ можетъ отличаться крайнею односторонностью, когда упускаются изъ виду нематеріальныя блага, къ которымъ можетъ стремиться человекъ, т.-е. когда этические соображенія или совершенно отсутствуютъ, или искажаются подъ вліяніемъ соображеній чисто матеріальнаго характера. Первый случай представляетъ собою такъ называемая манчестерская школа политической экономіи, второй—разныя социальныя утопіи первой половины XIX в. Манчестерская школа во имя экономического прогресса требовала полной промышленной свободы, устраняя при этомъ всякія этические соображенія, тогда какъ упомянутыя утопіи, исходя изъ этического стремленія дать всѣмъ равномѣрное участіе въ экономическихъ благахъ, думали достигнуть этой цѣли полнымъ подавленіемъ индивидуальной свободы, что указываетъ лишь на одностороннее этическое пониманіе.

Задача социологіи и заключается въ изслѣдованіи того, при какихъ общественныхъ принципахъ возможно было бы совмѣстное удовлетвореніе тѣхъ требованій, какія одновременно могутъ предъявляться обществу съ этической, экономической, юридической и политической точекъ зрѣнія. Такое идеальное построеніе должно быть основано не на благородныхъ желаніяхъ, какія мы можемъ носить въ своемъ сердцѣ, но на теоретическомъ знаніи законовъ, управляющихъ общественными явленіями, и главнымъ образомъ на основаніи знанія законовъ социальной эволюціи. Нужно, чтобы общественный идеалъ не только соответствовалъ высшимъ цѣлямъ, какія могутъ ставиться социальной жизни съ этической и юридической, экономической и политической точекъ зрѣнія, но чтобы онъ былъ еще психологически и социологически возможенъ, чтобы осуществленіе его было вѣроятнымъ,

чтобы онъ даже могъ разсматриваться, какъ необходимый результатъ всей соціальной эволюціи. Въ этомъ и заключается жизненное значеніе соціологической идеи прогресса—въ работѣ именно эволюціоннаго общественнаго идеала, въ работѣ формулы, которая заключала бы въ себѣ указаніе на цѣли и средства прогресса.

То, что мы называемъ прогрессомъ, осуществлялось еще въ тѣ времена, когда люди о прогрессѣ совсѣмъ не думали и сознательно не ставили себѣ прогрессивныхъ цѣлей. Если, однако, прогрессъ безсознательно и непреднамѣренно осуществлялся уже раньше, благодаря разрозненному дѣйствию производившихъ его силъ, то сознательная и преднамѣренная организація этихъ силъ не представляетъ изъ себя ничего невозможнаго. Мало того: сознательное стремленіе къ прогрессу и дѣятельность, преднамѣренно направленная въ достиженію прогрессивныхъ цѣлей, могутъ и быстрѣе, и вѣрнѣе осуществлять прогрессъ (конечно, подъ условіемъ правильнаго пониманія цѣлей и средствъ прогресса вообще и правильнаго пониманія ближайшихъ задачъ и особенныхъ обстоятельствъ данной общественной среды въ частности). Сущность всякаго цѣлесообразнаго воздѣйствія человѣка на тотъ или другой предметъ заключается именно въ знаніи свойствъ этого предмета. Съ этой точки зрѣнія знаніе свойствъ соціальной эволюціи и тѣхъ силъ, благодаря которымъ она можетъ принимать прогрессивный характеръ, конечно, имѣетъ величайшее практическое значеніе. И это практическое значеніе можетъ быть двоякаго рода: во-первыхъ, подобнаго рода знаніе отрываетъ передъ нами перспективу болѣе цѣлесообразной и успѣшной дѣятельности, а во-вторыхъ, оно одно только можетъ сообщить общественной дѣятельности высшій нравственный смыслъ, такъ какъ указываетъ на этическую цѣль этой дѣятельности. Идея прогресса, способная вызывать въ человѣкѣ чисто религіозное одушевленіе, можетъ тѣмъ самымъ играть роль могучаго общественнаго фактора. Съ точки зрѣнія идеи прогресса общественныя задачи и фактическія отношенія современности въ нашихъ глазахъ получаютъ совершенно новое освѣщеніе. Чѣмъ большее количество членовъ общества вѣритъ въ прогрессъ и его желаетъ, тѣмъ болѣе имѣется шансовъ въ пользу того, чтобы и на самомъ дѣлѣ общество развивалось въ прогрессивномъ направленіи. Только эпохи реакціи и разочарованія характеризуются пессимизмомъ, отрицающимъ прогрессъ. Даже тѣ объективисты, которые въ теоріи отрицаютъ научность идеи прогресса и думаютъ, что въ мірѣ все совершается путемъ безцѣльной и без-

личной эволюціи, на практикѣ находятся подъ вліяніемъ этой идеи и бессознательно вѣрятъ въ то, что безцѣльная социальная эволюція ведетъ къ осуществленію ихъ желаній, и сами опредѣляютъ характеръ своей дѣятельности, какъ наиболее совпадающей съ пониманіемъ настоящихъ стремленій безличной социальной эволюціи.

Различныя формулы прогресса. При современномъ состояніи социологіи трудно было бы ожидать, чтобы въ ней могла существовать единая общепризнанная теорія прогресса и въ смыслѣ его содержанія, и въ смыслѣ его формы, т.-е., съ одной стороны, его цѣли или конечнаго результата, съ другой—способовъ его осуществленія или производящихъ его силъ. По одной формулѣ все дѣло заключается въ интеграціи и дифференціаціи; по другой—въ борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ; по третьей—въ развитіи производительныхъ силъ и т. д. и т. д. Каждая такая формула является несомнѣннымъ обобщеніемъ тѣхъ или другихъ явленій, наблюдаемыхъ или на протяженіи всей социальной эволюціи, или на извѣстныхъ ея ступеняхъ. Задача научной критики заключается въ томъ, чтобы опредѣлять относительныя достоинства этихъ формулъ, отмѣчать ихъ недостатки, проверять ихъ однѣ другими, комбинировать ихъ въ болѣе сложныя и многостороннія формулы и создавать системы понятій и положеній, которыя были бы синтезомъ всего фактически вѣрнаго и логически правильнаго въ отдѣльныхъ направленіяхъ и частныхъ изслѣдованіяхъ, какія только заключаются въ социологической литературѣ. Такой синтезъ дѣйствительно и производится во всѣхъ тѣхъ социологическихъ теоріяхъ, въ которыхъ работа ведется чисто критическимъ путемъ, надъ которыми не тяготѣетъ рокъ догматизма школы или партіи съ ихъ предвзятою мыслью, будто истина уже найдена и будто задача науки заключается лишь въ развитіи и примѣненіи найденной истины, получающей такимъ образомъ характеръ непоколебимаго догмата. Такого рода догматизмъ характеризуетъ, напримѣръ, правовѣрныхъ контистовъ, которые отвололись отъ позитивистовъ, рѣшившихся принять не все ученіе Конта. Среди самихъ позитивистовъ возникло своего рода правовѣріе Литтре и Вырובהа. Развитіе социологической идеи Конта пошло не по этимъ двумъ путямъ: настоящими его продолжателями явились люди, которые, принявъ поставленную имъ задачу, критически пересмотрѣли всѣ идеи, изъ коихъ складывалось рѣшеніе этой задачи самимъ Контомъ. Если только наука принадлежитъ роль прогрессивнаго общественнаго фактора, она можетъ выполнить

свою функцію, лишь идя строго критическимъ путемъ, лишь руководясь той идеей, что истина еще впереди, что существующія теории суть лишь ступени, ведущія въ этой истинѣ. Въ настоящее время наиболѣе догматическимъ духомъ отличается теорія экономическаго материализма. Каково бы ни было социальное значеніе тѣхъ практическихъ выводовъ, которые экономическіе материалисты связываютъ съ своей социологической теоріей, послѣдняя имѣетъ чисто догматическій характеръ. Но, въ сущности, догматическія традиціи господствуютъ и въ другихъ направленіяхъ социологіи. Напримѣръ, идея общественнаго организма есть тоже своего рода социологическій догматъ.

Конечно, раздѣленіе всякой науки на школы служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что данная наука еще не выработала основныхъ истинъ, которыя могли бы рассчитывать на всеобщее признаніе. Самое возникновеніе школъ указываетъ на то, что истину приходится искать въ разныхъ направленіяхъ и разными путями. Но идеалъ науки заключается въ томъ, чтобы эти разные пути приводили къ одной истинѣ. То же самое происходитъ и въ общественной жизни. Здѣсь научнымъ школамъ соотвѣтствуютъ общественныя партіи. Весьма часто въ настоящее время общественныя партіи совпадаютъ съ научными школами, заимствуя у послѣднихъ свои аргументы или навязывая имъ свои рѣшенія чисто теоретическихъ вопросовъ. За исключеніемъ общественныхъ партій, которыя ни мало не заботятся о прогрессѣ или даже относятся къ нему враждебно во имя сохранения существующаго или во имя поворота къ старому, всѣ остальные партіи считаютъ себя призванными служить прогрессу, но только понимаютъ свои задачи различнымъ образомъ. Это различное партійное пониманіе прогресса весьма часто отражается и на социологическихъ теоріяхъ, причемъ справедливость требованій не всегда совпадаетъ съ цѣлесообразностью средствъ, а цѣлесообразность средствъ — съ вѣрностью теоретическаго пониманія. Оно и понятно. Каждая партія осуществляетъ то, что ею уже признано за истину, но каждой партіи грозитъ въ будущемъ такой же застой, на каковой обречены въ теоретическомъ отношеніи всѣ догматическія школы, если въ ней самой не происходитъ движенія впередъ подъ двойнымъ вліяніемъ развитія практической жизни и теоретической мысли. То, что могло имѣть смыслъ въ свое время при наличности извѣстныхъ отношеній и извѣстныхъ понятій, въ другое время превращается въ источникъ не истины, а заблужденія. Развитіе жизни и мысли должно сопровождаться развитіемъ партій и школъ. Иначе онъ пере-

стають бытъ факторами прогресса, превращаются даже въ его тормазы въ томъ или другомъ отношеніи. И партія, весьма прогрессивная въ жизни, благодаря теоретическому догматизму, можетъ въ тоже самое время тормозить прогрессивное развитіе науки. Напримѣръ, въ нашей литературѣ экономическіе матеріалисты, упрекающіе народниковъ (тоже весьма часто стоящихъ на точкѣ зрѣнія экономического матеріализма) въ практической отсталости, сами вызываютъ противъ себя упрекъ (но не со стороны народниковъ) въ отсталости теоретической, такъ какъ вся ихъ соціологическая теорія основывается на своего рода догматѣ, провозглашенномъ за цѣлое полустолѣтіе, въ теченіе котораго произошло все развитіе современной соціологіи.

Въ жизни происходитъ постоянная борьба между отдѣльными личностями и цѣлыми націями и государствами, между классами и партіями одного и того же общества. Въ этой борьбѣ кто-либо побѣждаетъ, кто-либо бываетъ побѣжденъ, а успѣхъ или неудача всегда влечетъ за собою тѣ или другія слѣдствія въ смыслѣ прогресса или регресса общества. Если даже борящіяся между собою силы и не думаютъ совсѣмъ о прогрессѣ, ихъ принципы и программы, ихъ торжество или пораженіе имѣютъ непременно такое или иное отношеніе къ прогрессу. Однѣ силы завѣдомо являются тормазами, другія — факторами прогресса. Но и отдѣльные прогрессивные дѣятели, и цѣлыя прогрессивныя группы могутъ различно понимать прогрессъ и пробовать осуществить его разными путями. Отсюда разнообразіе и формулъ прогресса у его сторонниковъ. Наука должна изучать, анализировать, критиковать общественныя движенія, классифицируя ихъ на прогрессивныя и регрессивныя и различая между первыми разныя направленія, которыя могутъ имѣть весьма неодинаковое значеніе и по широтѣ своихъ этическихъ или научныхъ взглядовъ, и по цѣлесообразности средствъ или умѣлости въ ихъ примѣненіи, и по большей или меньшей научности теоретическаго пониманія, по большей или меньшей силѣ въ жизни, по лучшей или худшей организаціи соотвѣствующихъ общественныхъ стремленій.

ГЛАВА XVI.

Взглядъ на современное состояніе соціологіи.

Общій взглядъ на соціологическую литературу. За послѣднія десятилѣтія соціологическая литература достигла весьма значительныхъ размѣровъ. Конечно, въ ней не все одинаково цѣнно, и многія произведенія являются соціологическими только по имени или имѣютъ крайне ненаучный характеръ. Иные авторы берутъ у Конта и всего современнаго научнаго направленія только названіе соціологіи, давая ему свой особый смыслъ. Въ своемъ мѣстѣ была уже отмѣчена „Соціологія“ Чичерина, представляющая изъ себя чисто метафизическій трактатъ объ обществѣ, взятомъ въ противоположность государству. Во французской литературѣ отмѣтимъ недавнія „Соціологическія заключенія“ графа Шамбрѣна, написанныя съ нѣкоторой религіозною окраскою. Съ другой стороны, бываетъ и такъ, что сочиненіе съ соціологическимъ заглавіемъ, дѣйствительно, относится къ данной научной области, но заключаетъ въ себѣ изложеніе совершенно устарѣлыхъ взглядовъ. Напримѣръ, „Принципы соціологіи“ Баррье (1867) представляютъ изъ себя не что иное, какъ переработку взглядовъ Фурье, причемъ цѣлью ихъ является непосредственное созданіе общественнаго идеала. Еще любопытнѣе вышедшая въ 1889 г. французская книга Combes-de-Lestrade'a подъ заглавіемъ „Элементы соціологіи“. Авторъ этого труда возвращается къ традиціи общественнаго договора, распространяя эту идею на всю соціальную жизнь, возниженіе которой объясняется у него почти такъ, какъ въ XVIII в. объясняли происхожденіе государства. Перечисленіе подобныхъ произведеній въ соціологической литературѣ завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно только отмѣтить вообще существованіе соціологическихъ работъ, на которыхъ иногда совсѣмъ не видно слѣдовъ научнаго духа второй половины XIX в. Нельзя не прибавить къ этому, что за соціологическіе трактаты берутся нерѣдко люди безъ надлежащей научной подготовки. Напримѣръ, упомянутый Combes-de-Lestrade по своей специальности инженеръ, занимающійся притомъ предпріятіями чисто промышленнаго характера. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ роли соціологовъ выступаютъ экономисты или юристы, антропологи или историки, они вносятъ въ свои сочиненія спеціальныя интересы и точки зрѣнія своихъ частныхъ наукъ, т.-е.

разсматриваютъ общество лишь въ одномъ какомъ-либо отноше-
 нии. Такова, напримѣръ, „уголовная соціологія“, разработа-
 тываемая преимущественно въ Италіи. Наконецъ, самое пони-
 маніе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ соціологіей, до-нельзя
 разнообразится, особенно у людей, не изучавшихъ соціологиче-
 ской литературы. Название „соціологія“ сдѣлалось даже до
 извѣстной степени моднымъ въ литературномъ и общественномъ
 обиходѣ, получивъ, благодаря этому, крайне неопредѣленный ха-
 рактеръ.

Несмотря, однако, на указанная явленія, въ соціологической
 литературѣ существуетъ весьма много сочиненій, которыя объе-
 диняются приблизительно одинаковымъ пониманіемъ предмета
 и задачи соціологіи. Всѣ они находятся въ болѣе или менѣе
 близкомъ отношеніи къ Конту и, хотя могутъ быть распредѣ-
 лены между разными направленіями, имѣютъ между собою
 массу точекъ соприкосновенія. Нѣсколько особнякомъ стоитъ
 только экономическій матеріализмъ, но и тутъ можно сказать,
 что мало-по-малу его научные выводы стануть входить въ общее
 достояніе соціологіи, а его представители начнутъ сближаться
 съ другими направленіями общей науки объ обществѣ.

Эта обширная литература существуетъ, кромѣ того, на раз-
 ныхъ языкахъ. Въ настоящее время трудно указать на ка-
 кую-либо культурную націю, на языкъ которой не существо-
 вало бы хоть небольшой соціологической литературы. По не-
 давнимъ извѣстіямъ, даже Японія приобщилась къ этому общему
 научному движенію и завела у себя кафедрѣ соціологіи. Подобно
 тому, какъ это всегда бываетъ съ разными явленіями духовной
 жизни, въ каждой отдѣльной націи соціологія приняла даже ту
 или другую особенную окраску или въ смыслѣ темъ, на кото-
 рыхъ обращается больше всего вниманія, или въ смыслѣ методовъ,
 въ которыхъ охотнѣе прибѣгаютъ, или прямо въ смыслѣ тѣхъ
 или другихъ взглядовъ на общество, какіе оказываются преобла-
 дающими въ извѣстной литературѣ. Это весьма понятно—и при-
 томъ по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, въ каждой на-
 ціональной литературѣ существуютъ свои научныя и философскія
 традиціи, которыя продолжаютъ оказывать свое вліяніе и на раз-
 витіе соціологической мысли. Недаромъ, напримѣръ, изъ двухъ
 сосѣднихъ съ Франціей странъ одна, именно Англія, весьма рано
 испытала на себѣ вліяніе Конта, которое вмѣстѣ съ тѣмъ оказа-
 лось здѣсь и довольно глубокимъ, тогда какъ другая, Гер-
 манія, наоборотъ, стала знакомиться съ Контомъ довольно
 поздно и гораздо менѣе подчинилась его вліянію. Дѣло въ

томъ, что вся предшествующая умственная подготовка у англичанъ и нѣмцевъ была не одинакова. Философія однихъ всегда имѣла болѣе реалистическій характеръ, тогда какъ философія другихъ развивалась, наоборотъ, преимущественно въ идеалистическомъ направленіи. Если бы заняты опредѣленіемъ болѣе частныхъ національныхъ традицій, связывающихся на соціологической литературѣ отдѣльныхъ странъ, могли бы быть получены весьма интересные результаты. Съ другой стороны, на соціологіи обнаруживается вліяніе и разныхъ фактическихъ отношеній данной страны. Напримѣръ, критика уже не разъ указывала на то, что соціологическая теорія Гумпловича, приписывающаго такое важное значеніе борьбѣ расъ, была ему, такъ сказать, внушена австрійскою дѣйствительностью, именно тою борьбою разнородныхъ національныхъ элементовъ, которая происходитъ въ монархіи Габсбурговъ. Весьма естественно, что практическія задачи общественной жизни не остаются безъ вліянія на постановку отвлеченныхъ вопросовъ соціологіи. Какъ бы ни были, однако, сильны научныя и философскія традиціи, съ одной стороны, и какъ бы, съ другой стороны, ни отражались на соціологическихъ теоріяхъ разныя обстоятельства данной среды, отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать значеніе національныхъ различій въ соціологической литературѣ. Въ настоящее время обмѣнъ идей, совершающійся между отдѣльными народами, отличается особою быстротою и широтою. Въ каждомъ народѣ существуютъ разныя философскія направленія и научныя школы, разныя общественныя партіи, и они все болѣе и болѣе сближаются съ однородными направленіями, школами и партіями у другихъ народовъ. Что касается до взаимодѣйствія между отдѣльными соціологическими литературами, то за послѣднее время и оно сдѣлалось особенно тѣснымъ. Между прочимъ на разныхъ языкахъ растетъ и переводная соціологическая литература. Быть можетъ, нигдѣ до такой степени не связывается все это съ такою силою, какъ въ Россіи, несмотря на сравнительную бѣдность нашихъ научныхъ силъ, хотя, въ сожалѣнію, русская соціологическая литература остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстною на Западѣ. Одна изъ особенностей этой литературы заключается въ томъ, что, будучи обязана своимъ происхожденіемъ прогрессивному теченію нашей общественной мысли, она въ то же время совершала самостоятельный синтезъ разнообразныхъ научныхъ идей, возникавшихъ у другихъ народовъ.

Необходимость систематическаго обзора соціологической литературы. Для дальнѣйшихъ успѣховъ соціологіи не-

обходимо привести въ извѣстность все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этой области знанія, а это представляетъ изъ себя работу далеко нелегкую — при массѣ и разбросанности накопившагося уже матеріала. Можно указать нѣсколько попытокъ историческихъ и систематическихъ обзоровъ соціологической литературы, но большею частью они имѣютъ характеръ нѣсколько отрывочный. Лѣтъ двадцать тому назадъ былъ предпринятъ болѣе полный обзоръ Смоликовскимъ въ книгѣ „Ученіе Ог. Конта объ обществѣ“, но эта книга, во-первыхъ, не была окончена, а во-вторыхъ, въ данную минуту уже не можетъ считаться соотвѣтствующею современному состоянію соціологии, тѣмъ болѣе, что и для своего времени она заключала въ себѣ кое-какіе существенные пробѣлы. Далѣе въ истекающемъ десятилѣтіи появилось нѣсколько подобныхъ работъ на нѣмецкомъ языкѣ, о которыхъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть. Одна изъ нихъ, называющаяся „Позитивизмъ отъ смерти Конта до нашихъ дней“ и вышедшая въ свѣтъ въ 1891 г., была написана іезуитомъ Германомъ Груберомъ, авторомъ раньше (1889) изданной книги подъ заглавіемъ „Авг. Контъ, основатель позитивизма“. Въ своемъ трудѣ авторъ даетъ намъ обзоръ позитивистической философіи, понимая послѣднюю въ черезъ чуръ уже широкомъ смыслѣ, напримѣръ, включая сюда, съ одной стороны, философію Тэна и Рибо, съ другой — ортодоксальный позитивизмъ религіознаго характера. Гораздо важнѣе и научнѣе книга Генриха Вентига, вышедшая въ свѣтъ въ 1893 г. Она называется „Ог. Контъ и его значеніе для развитія соціальной науки“ и раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ первая посвящена самому Конту, а во второй разсматривается его вліяніе въ странахъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, т.-е. во Франціи и Бельгіи, въ Англіи и Сѣв. Америкѣ, въ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Въ данную минуту этотъ обзоръ изъ имѣющихся нужно считать наиболѣе полнымъ, хотя въ немъ и не говорится ничего о соціологии въ другихъ литературахъ, кромѣ перечисленныхъ. Главный недостатокъ книги Вентига заключается въ нѣкоторой краткости и даже иногда поверхностности замѣчаній объ отдѣльныхъ соціологическихъ теоріяхъ, да и сами онѣ притомъ группируются у него прежде всего не по принадлежности къ тому или другому направленію, а по тому или другому языку. Нужно, впрочемъ, оговориться, что Вентигъ довольно удачно подмѣчаетъ нѣкоторыя національныя особенности соціологической литературы. Другимъ недостаткомъ болѣе частнаго характера въ его книгѣ является то, что имъ лишь слегка затрогивается экономическій

матеріалізмъ (который, впрочемъ, вообще до сихъ поръ сравнительно мало обращалъ на себя вниманіе соціологовъ другихъ направленій). Этому ученію Вентигъ посвящаетъ едва полторы страницы, замѣчая между прочимъ, что Контъ назвалъ бы его метафизическимъ. Нужно еще прибавить, что авторъ не обнаруживаетъ по отношенію къ экономическому матеріализму и достаточнаго безпристрастія, перенося на него свое нерасположеніе къ соціаль-демократіи, когда слѣдовало бы разсматривать вопросъ съ исключительно теоретической точки зрѣнія. Имѣетъ значеніе въ смыслѣ обзора и сочиненіе Раппопорта „Къ характеристикѣ метода и главныхъ направленій философіи исторіи“, вышедшее въ свѣтъ въ 1896 г. Многое можно найти и въ новѣйшемъ трудѣ (1897) бернскаго профессора Людвигъ Штейна „Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи“. Особенно соотвѣтствуетъ задачѣ, о которой идетъ рѣчь, и только что вышедшій въ свѣтъ первый томъ книги лейпцигскаго философа Барта „Философія исторіи, какъ соціологія“, заключающій въ себѣ обзоръ разныхъ соціологическихъ теорій ¹⁾. За самое послѣднее время, наконецъ, возникли еще спеціальныя повремениныя изданія по соціологіи, которыя ставятъ своею цѣлью между прочимъ слѣдить за развитіемъ соціологической литературы и тѣмъ облегчаютъ работу будущихъ составителей обзоровъ соціологической литературы.

Между тѣмъ отсутствіе хорошихъ систематическихъ обзоровъ даетъ себя чувствовать при сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ предмету. Весьма часто въ соціологической литературѣ наблюдаются случаи незнакомства съ тѣмъ, что уже раньше было сдѣлано другими, особенно если это касается авторовъ, писавшихъ на разныхъ языкахъ. Нерѣдко выдается за новостъ нѣчто такое, что прежде уже высказывалось, или повторяются вещи, которыя раньше были уже опровергнуты съ достаточною убѣдительною. Бываетъ и такъ, что автору остаются совершенно неизвѣстными вызванныя его книгою критическія замѣ-

¹⁾ Бартъ, который, между прочимъ, ранѣе написалъ книжку объ историко-философскомъ пониманіи Гегеля и гегельянцевъ до Гартмана и Маркса включительно, различаетъ въ соціологіи направленія классифицирующее, биологическое и дуалистическое, а въ исторіологіи — направленія индивидуалистическое, антропогеографическое, этнологическое, культурное, политическое, идеологическое и экономическое. Во второмъ томѣ онъ обѣщаетъ дать изложеніе своихъ собственныхъ воззрѣній. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Бартъ по-своему понимаетъ отношеніе соціологіи къ философіи исторіи, что сказалось и на заглавіи его труда.

чанія. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, уважемъ на то, что едва ли Дюргеймъ когда-либо самъ узнаеть о существованіи критической статьи Михайловскаго, посвященной его книгѣ „О раздѣленіи общественнаго труда“, а между тѣмъ изъ всѣхъ критикъ, какія доселѣ были вызваны этимъ трудомъ Дюргейма, самая сильная и глубокая принадлежитъ именно названному русскому соціологу. Вообще занятія каковой бы то ни было наукою требуютъ знакомства съ ея исторіей и современнымъ состояніемъ, но какъ-разъ въ области соціологіи, гдѣ это было бы особенно необходимо, съ подобнаго рода знаніями до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени, мы встрѣчаемся весьма рѣдко. Этимъ объясняется и то, что о соціологіи существуютъ крайне смутныя и противорѣчивыя представленія у специалистовъ другихъ научныхъ областей, даже близкихъ къ соціологіи, не говоря уже о болѣе широкихъ кругахъ общества.

Въ соціологической литературѣ можно намѣтить нѣсколько крупныхъ направленій, находящихся между собою въ довольно разнообразныхъ и сложныхъ отношеніяхъ. Эти направленія, какъ мы видѣли, различаются между собою по основнымъ взглядамъ на природу общества, по методамъ и даже пониманію задачъ самой науки, по философскимъ, этическимъ и социальнымъ воззрѣніямъ, которыя съ ними связаны. Сопоставленіе и сравненіе этихъ направленій показываетъ, что уже принимается ими за общую основу, а взаимная ихъ критика ведетъ къ выясненію недоразумѣній, мѣшающихъ образованію болѣе широкихъ, всестороннихъ и основательныхъ представленій объ устройствѣ жизни и развитіи общества.

Соціологическіе журналы. Весьма важными органами научнаго знанія въ XIX в. сдѣлались спеціальныя журналы, посвященные отдѣльнымъ спеціальностямъ. Развитие этой прессы идетъ параллельно съ успѣхами соответственныхъ отраслей знанія. До 1893 года соціологія не имѣла, однако, ни одного такого органа. Правда, одно время существовалъ спеціальнѣйшій позитивистическій журналъ (*La philosophie positive*, 1867—1883), издававшийся Литтре и Вырубовымъ, но его значеніе для соціологіи было весьма незначительно. Соціологическія работы могли находить пріютъ только въ журналахъ, посвященныхъ другимъ родственнымъ спеціальностямъ, или въ журналахъ общаго характера. Послѣднее явленіе наблюдается преимущественно въ Россіи съ конца 60-тыхъ годовъ, когда у насъ началось развитіе соціологической литературы. Наиболѣе важныя работы

Миртова, Михайловскаго, Южакова и др. печатались въ видѣ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Знаніи“. Впрочемъ, и до настоящаго времени въ разныхъ спеціальныхъ и общихъ журналахъ продолжаютъ появляться статьи соціологическаго содержанія. Нѣкоторыя спеціальныя изданія за послѣднее время стали даже обращать особое вниманіе на соціологію. Таково, на примѣръ, французское „Философское Обозрѣніе“, издаваемое подъ редакціей Рибо. Понятно, однако, что на ряду съ другими научными спеціальностями и соціологіи нужно было обзавестись собственными органами. Примѣръ въ 1893 г. былъ поданъ Франціей и нашелъ подраженіе въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Вообще, во Франціи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ было предпринято весьма многое для организаціи научныхъ работъ по соціологіи и для популяризаціи этой отрасли знанія. Къ этому времени относится, кромѣ основанія спеціальнаго „Международнаго Соціологическаго Обозрѣнія“, учрежденіе въ Парижѣ Соціологическаго Общества, затѣмъ Международнаго Соціологическаго Института съ періодическими съѣздами, изданіе цѣлой серіи соціологическихъ трудовъ подъ общимъ заглавіемъ „Международной Соціологической Библіотеки“ и устройство соціологическихъ курсовъ. Въ этомъ движеніи особенно дѣятельную роль играетъ Рене Вормсъ, авторъ нѣсколькихъ соціологическихъ работъ, изъ которыхъ болѣе другихъ извѣстенъ „Общественный организмъ“. Онъ-то и основалъ упомянутый соціологическій журналъ, сдѣлавшись и его редакторомъ. Въ первый годъ своего существованія журналъ выходилъ черезъ каждые два мѣсяца, но съ 1894 г. превратился въ ежемѣсячный органъ. Редакторъ очень широко понималъ свою задачу и принимаетъ статьи, которыя, пожалуй, съ большимъ удобствомъ могли бы помѣщаться въ другихъ спеціальныхъ органахъ: до такой степени иныя статьи мало соотвѣтствуютъ понятію соціологіи. Въ каждой книжкѣ журнала, кромѣ того, можно найти „хронику соціальнаго движенія“ въ разныхъ странахъ и рецензіи книгъ по общественнымъ наукамъ. Будучи самъ ярымъ приверженцемъ органическаго взгляда на общество, Вормсъ не исключаетъ изъ своего журнала другихъ существующихъ въ наукѣ направленій, благодаря чему сумѣлъ привлечь въ число сотрудниковъ довольно значительное количество извѣстныхъ ученыхъ не изъ одной Франціи. Независимо отъ журнала, Вормсъ предпринялъ изданіе „Международной Соціо-

логической Библиотеки“, состоящей из отдѣльныхъ сочиненій, каковыхъ уже вышло семь томовъ ¹⁾.

Примѣру Франціи вскорѣ послѣдовали и нѣкоторыя другія страны. Съ весны 1894 по конецъ 1896 г. издавалось въ Италіи ежемѣсячное „Соціологическое Обзорѣніе“, въ которомъ, впрочемъ, преобладали статьи по политической экономіи. Въ первые мѣсяцы 1897 г. не было, впрочемъ, издано ни одной книжки этого журнала, но за то съ іюля 1897 г. сталъ выходить новый органъ (двухмѣсячный)—„Итальянское Соціологическое Обзорѣніе“. Въ Испаніи въ 1895 г. было принято изданіе „Юридическаго и Соціологическаго Обзорѣнія“, но просуществовало оно весьма не долго. Болѣе прочное положеніе создалъ себѣ „Американскій Соціологическій Журналъ“, выходящій въ свѣтъ съ 1895 г. Этотъ двухмѣсячный органъ особенно важенъ своими библиографическими указателями по всѣмъ социальнымъ наукамъ, причемъ отмѣчаются не только новыя книги и брошюры, но и статьи въ разныхъ научныхъ изданіяхъ на главнѣйшихъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи американскій журналъ гораздо выше французскаго. Въ Германіи съ осени 1897 г. предпринимается также изданіе ежемѣсячнаго соціологическаго журнала (*Zeitschrift für Socialwissenschaft*), который, впрочемъ, будетъ посвященъ вообще всѣмъ общественнымъ наукамъ. Въ связи съ нимъ предполагается изданіе цѣлой серіи книгъ общественно-научнаго содержанія (*Socialwissenschaftliche Zeitfragen*).

Международный Соціологическій Институтъ. Все болѣе и болѣе распространяющееся стремленіе къ основанію ученыхъ обществъ и устройству научныхъ съѣздовъ воснулось также соціологіи. Первая попытка образовать соціологическое общество была сдѣлана во Франціи еще Литтре въ 1872 году, но попытка не имѣла успѣха. Общество было основано, но весьма скоро распалось, не успѣвъ сдѣлать ничего для развитія соціологіи. Таковъ результатъ былъ, впрочемъ, тогда же предсказанъ на основаніи первыхъ шаговъ общества Миртовымъ въ статьѣ „Соціологи-позитивисты“, помѣщенной въ журналѣ „Знаніе“. Съ 1896 года въ Парижѣ существуетъ новое соціологи-

¹⁾ Организмъ и общество, *Вормса* (сущ. и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Общественный организмъ“).—Соціальная патологія, *Лиліенфельда*.—Населеніе и социальная система, *Нитти*.—Современныя теоріи о происхожденіи семьи, общества и государства, *Поада*.—Государство, какъ организація принужденія въ политическомъ обществѣ, *Башикаго*.—Общественныя сознаніе и воли, *Новикова*.—Принципы соціологіи, *Гиддинса*.

геское общество, которое, повидимому, имѣть будущность, потому что потребность въ такомъ обществѣ вполне созрѣла для такого научнаго центра, какъ Парижъ. У насъ, напримѣръ, до этого еще далеко, тѣмъ болѣе, что два, по крайней мѣрѣ, ученыхъ общества—Историческое въ Петербургѣ и Юридическое въ Москвѣ—не исключаютъ социологіи изъ предметовъ своихъ занятій.

Гораздо болѣе важное значеніе для социологіи долженъ имѣть „Международный Соціологическій Институтъ“, основанный въ іюлѣ 1893 г. въ Парижѣ при ближайшемъ участіи Вормса, который и занимаетъ въ этомъ учрежденіи должность генеральнаго секретаря. Институтъ, дѣйствительно, оправдываетъ свое названіе „международнаго“, такъ какъ имѣетъ своихъ членовъ въ большей части цивилизованныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта. Вмѣстѣ съ этимъ члены его являются представителями довольно различныхъ спеціальностей въ области общественныхъ наукъ, а равно принадлежать къ разнымъ соціологическимъ направленіямъ. Немногія общія положенія, болѣе или менѣе принимаемыя всѣми, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ, которые были формулированы основателями Института:

1) „разсматривать всѣ категоріи соціальныхъ фактовъ, какъ тѣсно связанныя между собою, не опуская ни одной изъ нихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ;

2) „при изученіи каждой изъ нихъ пользоваться болѣе методомъ объективнымъ, нежели субъективнымъ, т.-е. наблюдать, классифицировать, дѣлать наведенія, вмѣсто того, чтобы заниматься произвольнымъ построеніемъ;

3) „вслѣдствіе этого стремиться къ тому, чтобы хорошо узнать общественный міръ, каковъ онъ есть, что одно позволить говорить, какимъ онъ могъ бы и долженъ бы быть; изучать прежде, чѣмъ предпринимать реформы; знать для того, чтобы дѣйствовать, но знать прежде, нежели дѣйствовать“.

Цѣль Института—соединять соціологовъ разныхъ странъ для совмѣстнаго занятія соціологическими вопросами, и съ этою цѣлью онъ собираетъ въ Парижѣ международные конгрессы, труды коихъ потомъ и печатаетъ подъ заглавіемъ „Лѣтописей Международнаго Соціологическаго Института“. Первый такой съѣздъ состоялся въ началѣ октября 1894 года, и въ немъ приняли участіе ученые изъ разныхъ странъ. На немъ было прочтено нѣсколько рефератовъ по принципиальнымъ вопросамъ социологіи, и можно сказать, что каждое изъ главныхъ

направлений, существующихъ въ современной социологіи, имѣло здѣсь своего представителя. Съ рефератомъ въ духѣ органической школы („Методъ индукціи или органической методъ въ примѣненіи къ изученію общественныхъ явленій“) выступилъ Лиліенфельдъ. Въ качествѣ социолога-дарвиниста говорилъ („Справедливость и дарвинизмъ“) Новиковъ, авторъ книги „Борьба между человѣческими обществами“. Весьма горячими защитниками экономического матеріализма явился Энрико Ферри („Социологія и социализмъ“), а также Краузъ, принимавшій участіе въ преніяхъ, вызванныхъ другими рефератами, и самъ прочитавшій рефератъ („Психіатрія и наука объ идеяхъ“), въ коемъ между прочимъ воснулъ тезисовъ экономического матеріализма. Тардъ, авторъ „Законовъ подражанія“ и „Соціальной логики“ въ своемъ сообщеніи („Элементарная социологія“) былъ на конгрессѣ самымъ виднымъ представителемъ того направленія социологіи, которое выдвигаетъ на первый планъ психологическое объясненіе. Рядомъ съ этими чисто абстрактными направленіями и направленіе сравнительно-историческое было представлено Ковалевскимъ въ прочитанномъ имъ рефератѣ о результатахъ изученія до-историческихъ временъ въ Россіи. Для слѣдующаго своего конгресса Институтъ намѣтилъ нѣсколько вопросовъ, изъ коихъ два имѣютъ принципиальное значеніе. Первый вопросъ касается „разныхъ опредѣленій социологіи“; представить по этому предмету докладъ было поручено Вормсу. Другой вопросъ, докладъ по коему взялся приготовить Тардъ, касается существованія закона эволюціи политическихъ формъ,—существуетъ ли она или нѣтъ. Прибавимъ къ этому, что на первомъ социологическомъ конгрессѣ изъ пятидесяти шести тогдашнихъ членовъ Института присутствовали двадцать восемь человѣкъ, а на второмъ конгрессѣ изъ пятидесяти—тридцать восемь.

На этомъ второмъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ концѣ сентября и началѣ октября 1895 г., было прочитано и большее количество рефератовъ. И здѣсь равнымъ образомъ были представлены всѣ главныя социологическія направленія (не исключая и итальянской „уголовной социологіи“). Принципиальные вопросы заняли не мало времени. Вормсъ сдѣлалъ сообщеніе о разныхъ взглядахъ на социологію, Штейнмецъ—о методѣ социологіи, Combes-de-Lestrade—о языкѣ социологіи, Лиліенфельдъ (вмѣсто Тарда) о томъ, существуетъ ли законъ эволюціи политическихъ формъ. Нѣсколько рефератовъ было посвящено эволюціи отдѣльныхъ социальныхъ явленій на основаніи сравнительно историческаго

изученія (рефераты Вестермарка, Гумпловича, Ковалевскаго и другихъ, приче́мъ въ качествѣ оппонентовъ выступаютъ Летурно, Вормсъ и др.). Вопросъ о преступленіи, какъ социальномъ явленіи, вызвалъ даже цѣлыхъ пять рефератовъ (Энрико Ферри, Гарофало и др.).

Третій конгрессъ состоялся въ іюлѣ 1897 г., но въ промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ конгрессами Институтъ издалъ третій томъ своихъ работъ. На этомъ послѣднемъ конгрессѣ, на которомъ, къ сожалѣнію, собралось гораздо меньше, чѣмъ прежде, число членовъ Института, главнымъ предметомъ дебатовъ была органическая теорія общества, представителями коей на конгрессѣ были Лиліенфельдъ (предсѣдатель), Вормсъ (генеральный секретарь) и Новиковъ. За исключеніемъ названныхъ лицъ, всѣ другіе члены конгресса, принимавшіе участіе въ преніяхъ (Гарофало, Краузъ, Лоріа, Тардъ, Старке, Монень, Штейнмецъ, Людвигъ Штейнъ и др.) выступили рѣшительными противниками теоріи, наиболее рьяные защитники коей съ своей стороны утверждали, будто въ ней единственно возможная основа социологіи, какъ науки. Во время преній выяснилось также, что не всѣ собравшіеся на конгрессъ социологи знали о существованіи экономическаго матеріализма, и имъ пришлось прямо объяснять, въ чемъ заключается эта социологическая теорія. Не смотря на это, вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ поставленъ на очередь для будущаго конгресса, имѣющаго собраться въ 1899 (въ Бернѣ) или 1900 г. (въ Парижѣ). Прибавимъ еще, что нѣкоторые рефераты и по темамъ своимъ, и по постановкѣ вопросовъ имѣли, къ сожалѣнію, характеръ совсѣмъ не социологическій. Труды послѣдняго конгресса будутъ опубликованы въ четвертомъ томѣ „Лѣтописей“ Института.

Преподаваніе социологіи въ университетахъ. За эти же послѣдніе годы социологія стала дѣлаться предметомъ университетскаго преподаванія. Социологія такъ тѣсно связана съ другими общественными науками и такъ давно уже начала оказывать вліяніе на нѣкоторыхъ представителей этихъ наукъ, что уже ранѣе могла въ томъ или другомъ видѣ излагаться съ университетскихъ кафедръ. Напримѣръ, у насъ въ Россіи еще въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ читались Ковалевскимъ, занимавшимъ тогда кафедру государственнаго права и исторіи иностранныхъ законодательствъ, курсы по эволюціи общественныхъ формъ на основаніи сравнительнаго изученія. Другой примѣръ предста-

вляють собою лекції петербургскаго профессора Коркунова по энциклопедіи права, въ коиъ отводится довольно видное мѣсто чисто соціологическимъ вопросамъ. Наконецъ, въ петербургскомъ же университетѣ уже нѣсколько лѣтъ читаются курсы по теоріи исторіи, которые по самому существу дѣла имѣють чисто соціологическое содержаніе ¹⁾.

Обыкновенно каждая новая наука и проникаетъ въ университетское преподаваніе именно такимъ путемъ, пока не созрѣетъ потребность и не представится возможность учрежденія для новой науки особой кафедры. На западѣ Европы и въ Америкѣ такая потребность, несомнѣнно, даетъ себя чувствовать уже довольно сильно. На это указываетъ между прочимъ и то, что вопросъ объ университетскомъ преподаваніи соціологіи сдѣлался за послѣдніе годы предметомъ довольно оживленнаго обсужденія въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ, изъ коиъ многія помѣщены въ „Международномъ Соціологическомъ Обзорѣніи“. Въ нихъ доказывается необходимость и возможность преподаванія соціологіи и рассматриваются другіе вопросы, связанные съ главнымъ вопросомъ, — напимѣръ, о томъ, въ какому факультету, историко-филологическому или юридическому, слѣдуетъ приурочить это преподаваніе. Въ числѣ авторовъ, говорившихъ объ этомъ предметѣ, мы находимъ и Гиддинса, который еще въ 1891 году написалъ объ этомъ статью, а затѣмъ посвятилъ тому же вопросу нѣсколько страницъ въ своихъ „Принципахъ соціологіи“. Ему вмѣстѣ съ тѣмъ удалось и осуществить свою идею, занявши кафедру соціологіи въ нью-іоркскомъ университетѣ. Въ настоящее время въ Америкѣ это движеніе принимаетъ все большіе размѣры, а 1895 году въ Гартфордѣ возникла даже особая соціологическая коллегія съ трехгодичнымъ курсомъ, дающая даже степень бакалавра соціологіи. Но и въ данномъ отношеніи движеніе началось среди французскихъ соціологовъ. Въ 1886 году Греефъ въ своемъ „Введеніи въ соціологію“ горячо доказывалъ необходимость учрежденія кафедры соціологіи и даже особаго соціологическаго факультета. И ему также удалось добиться осуществленія своей идеи и занять кафедру соціологіи въ вольномъ брюссельскомъ университетѣ. Собственно въ самой Франціи первый университетскій курсъ по соціологіи началъ читать въ Бордо профессоръ историко-филологическаго факультета Дюргеймъ, а четыре года спустя въ томъ же городѣ профессоръ юридическаго факультета Дюги организовалъ соціологическій

¹⁾ См. въ предисловіи къ настоящей книгѣ.

семинарій. Въ 1892 г. лионскій муниципальный совѣтъ учредилъ популярный курсъ по социологiи, поручивъ его чтенiе члену мѣстнаго историко-филологическаго факультета Бертрану. Съ 1894 г. социологiя читается Марселемъ Бернесомъ и на историко-филологическомъ факультетѣ въ Монпелье. Понятно, что Парижъ не отсталъ отъ провинци. Въ немъ при разныхъ учрежденiяхъ читаются небольшiе курсы социологiи: Летурно (въ Антропологической школѣ), Вормсомъ (въ Союзѣ французской молодежи съ 1895 г.), Тардомъ (въ Свободной школѣ политическихъ наукъ съ 1896 г.) и Дельбе (въ Свободной коллегii социальныхъ наукъ ¹⁾). Въ серединѣ 1897 г. палата депутатовъ утвердила проектъ основанiя въ Collège de France особой кафедръ по социальной философи, на которую, по послѣднимъ извѣстiямъ, приглашенъ Изуле.

Въ настоящее время социологiя, какъ предметъ преподаванiя, существуетъ еще въ Берлинѣ (Зиммель), въ Гельсингфорсѣ (Вестермаркъ), въ Утрехтѣ (Штейнмецъ), въ Копенгагенѣ (Старке), въ Токио и др., хотя въ большинствѣ случаевъ и не въ видѣ особой кафедръ.

Мнѣнiя Гиддинса о преподаванiи социологiи. Противъ введенiя социологiи въ число предметовъ университетскаго преподаванiя дѣлаются разныя возраженiя. Когда въ 1888 г. открывался новый Брюссельскiй университетъ, его ректоръ Фанъ-деръ-Рестъ, возражая Греефу, сдѣлалъ темой своей вступительной рѣчи социологiю въ ея отношенiяхъ къ специальнымъ общественнымъ наукамъ. По его словамъ, социологiя есть „наука, не имѣющая точнаго опредѣленiя, плохо отграниченная отъ моральныхъ и политическихъ наукъ и касающаяся безконечнаго множества вопросовъ, которые всѣ входятъ въ программу существующихъ кафедръ“. Поэтому, думаетъ онъ, социологiя можетъ быть только или „совокупностью нашихъ моральныхъ и политическихъ наукъ, связанныхъ между собою нѣкоторымъ химерическимъ единствомъ“, или простымъ изложениемъ „общихъ взглядовъ на общественный прогрессъ“, ничѣмъ не отличающимся отъ науки болѣе старой — философи исторiи. Это мнѣнiе бельгiйскаго социолога, которое раздѣляется весьма многими учеными, между прочимъ и у насъ, было подвергнуто критикѣ Гиддинсомъ. Амери-

¹⁾ Collège libre des sciences sociales извѣстенъ гораздо менѣе, чѣмъ Ecole libre des sciences politiques. На 1897—98 г., кромѣ курса Delbet, стоящаго во главѣ всего учрежденiя (La sociologie d'après A. Comte), въ этомъ учрежденiи объявлены еще курсы Сеньбоса (Приложенiе историческаго метода къ общественнымъ наукамъ) и Тарда (Очеркъ социологiи).

кавскій соціологъ въ принципѣ соглашается съ тѣмъ, что, если соціологія дѣйствительно есть нѣчто туманное и неопредѣленное, она не можетъ входить въ программу университетскаго преподаванія. Но онъ именно и не признаетъ правильности такого взгляда на соціологію. Въ другомъ мѣстѣ уже было указано на то, какъ самъ Гиддинсъ понимаетъ соціологію: для него это — общая наука о соціальныхъ явленіяхъ или, вѣрнѣе, о тѣхъ основныхъ чертахъ общественной жизни, которыя наблюдаются во всѣхъ отдѣльныхъ категоріяхъ соціальныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія соціологія, какъ предметъ преподаванія, является у Гиддинса своего рода пропедевтикой для лицъ, изучающихъ другія общественныя науки. „Анализъ общихъ основныхъ признаковъ соціальныхъ явленій, говоритъ онъ, и выясненіе общихъ законовъ соціальной эволюціи должны составлять основу для специальныхъ занятій во всѣхъ отдѣлахъ общественной науки“. Въ другомъ мѣстѣ своей книги Гиддинсъ касается вопроса о преподаваніи соціологіи и съ методологической точки зрѣнія. Каждая наука имѣетъ свои особые методы, и науки, наиболѣе между собою родственныя, сходятся между собою и въ методахъ. Есть умы, болѣе расположенные къ однимъ приемамъ мысли и способамъ изслѣдованія, нежели къ другимъ. Гиддинсъ думаетъ, что соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должна считаться и съ этимъ обстоятельствомъ. „Если, говоритъ онъ, кабая-либо наука болѣе близка къ одной категоріи наукъ по своему предмету, а къ другой категоріи — по своему методу, она имѣетъ мало шансовъ завоевать симпатіи студентовъ. Разъ соціологія интересуется преимущественно тѣхъ, которые занимаются науками экономическими, юридическими и политическими и разъ она должна пользоваться методами, мало обычными для этихъ наукъ, лучше, пожалуй, оставить всякую надежду на введеніе соціологіи въ программу университетовъ“. Однако, самъ Гиддинсъ считаетъ это соображеніе не настолько важнымъ, чтобы оно могло смущать студента, изучающаго соціологію, или профессора, ее преподающаго. „Если методъ соціологіи, продолжаетъ Гиддинсъ, представляетъ особыя трудности для студентовъ, изучающихъ политическую экономію, государствовѣдѣніе и науки историческія, виноваты въ этомъ сами названныя науки, отнюдь не соціологія. Кто изучаетъ какую-либо общественную науку, тотъ долженъ быть знакомъ съ историческими и сравнительными методами въ ихъ качественной и статистической формахъ. Съ этимъ, конечно, согласится всякій. Подлежать спору можетъ единственно только вопросъ о деду-

тивномъ приѣмѣ: можно ли требовать отъ тѣхъ, которые изучаютъ науки экономическія политическія и юридическія, хорошаго умѣнія обращаться съ методомъ психологическаго синтеза⁴. Съ методологическими взглядами Гиддинса мы уже отчасти знакомы, и намъ долженъ быть совершенно понятенъ тотъ отвѣтъ, который имъ дается на только-что поставленный вопросъ. Именно онъ говоритъ, что между вещами, съ которыми знакомятся студенты, изучающіе общественныя науки, ничто другое не можетъ быть для нихъ столь необходимо, какъ знакомство съ методомъ психологическаго синтеза. „Молодой человѣкъ, прибавляетъ онъ, который въ настоящее время приступаетъ къ изученію экономіи или права, весьма скоро увидитъ, что если только онъ хочетъ стоять въ уровень съ этими науками, онъ долженъ сдѣлаться критическимъ наблюдателемъ тѣхъ психологическихъ данныхъ, на которыхъ онъ основывается“.

Нѣсколько мыслей о томъ же предметѣ. Мы остановились на этихъ соображеніяхъ американскаго профессора социологіи въ виду того, что они касаются самаго существа дѣла. Въ неопредѣленности содержанія обвиняютъ не одну социологію. Каждая новая наука не сразу получаетъ точныя границы; да и старыя науки нерѣдко понимаются не одинаковымъ образомъ у разныхъ представителей одной и той же спеціальнойности. Въ расплывчатости, на примѣръ, еще очень недавно обвиняли антропологію, что не помѣшало, однако, этой наукѣ войти въ число предметовъ университетскаго преподаванія (у насъ всего только лѣтъ пятнадцать тому назадъ). Такой предметъ, какъ полицейское право, преподаваемое на юридическихъ факультетахъ, равнымъ образомъ весьма неодинаково понимается разными представителями этой кафедры. Но особенно важенъ примѣръ такъ называемой энциклопедіи права, о предметѣ и задачѣ которой въ литературѣ даже велись нескончаемые споры и которая въ настоящее время представляетъ изъ себя далеко не то, чѣмъ была въ эпоху своего включенія въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Примѣръ этотъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторые профессора энциклопедіи права въ пониманіи задачи этого предмета давно уже стали на ту точку зрѣнія, которая въ настоящее время защищается Гиддинсомъ. Особенно къ ней близокъ у насъ Коркуновъ, превращающій энциклопедію права въ „общую теорію права“, разсматривающій въ этой теоріи основныя вопросы государствовѣдѣнія и вводящій въ нее довольно значительный психологическій и социологическій матеріалъ. Въ такомъ видѣ энциклопедія права

превращается въ своего рода философскую пропедевтику обществѣдѣнія, и ей только не хватаетъ одного—разсмотрѣнія общества съ экономической точки зрѣнія, чтобы получить значеніе настоящаго соціологическаго курса; именно въ такой пропедевтикѣ и удобнѣе всего познакомить студентовъ съ разнообразіемъ методовъ, коими должны пользоваться общественныя науки. Въ этомъ смыслѣ энциклопедія права на нашихъ юридическихъ факультетахъ является уже готовой формой для соціологическаго преподаванія.

Еще въ одномъ отношеніи Гиддинсъ повторяетъ то же самое, что давно уже высказывалось профессорами энциклопедіи права. Его соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, имѣетъ прежде всего значеніе пропедевтики для людей, посвящающихъ себя изученію юридическихъ, политическихъ и экономическихъ наукъ. Совершенно на такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, и Коркуновъ въ своихъ извѣстныхъ „Лекціяхъ по общей теоріи права“, хотя въ то же самое время онъ, не въ примѣръ другимъ преподавателямъ этого предмета, выдвигаетъ впередъ и другую точку зрѣнія, справедливо указывая на то, что „общее ученіе о правѣ служитъ лучшимъ средствомъ ознакомленія съ правомъ и въ интересѣ пополненія общаго образованія, въ которомъ и наука права должна, конечно, занять свое мѣсто“. Вообще же всѣ энциклопедисты, какъ замѣчаетъ проф. Звѣревъ, согласны между собою въ чисто педагогическомъ назначеніи ихъ предмета: „главнѣйшая задача энциклопедіи состоитъ, по ихъ мнѣнію, въ томъ, чтобы вводить начинающаго въ изученіе избранной имъ спеціальности“. Едва ли, однако, правильно было бы смотрѣть на соціологію, какъ на спеціальнѣйшій предметъ, который долженъ быть приуроченъ къ одному факультету, да и то въ качествѣ общаго введенія въ данный кругъ наукъ. Соціологія столь же важна и для историковъ или для людей, специализирующихся въ изученіи культурныхъ сторонъ общественной жизни, каковы, напримѣръ, религія или литература. Наконецъ, она важна и въ качествѣ такого предмета общаго образованія, съ которымъ, по своему значенію, не можетъ сравниться ни одна изъ частныхъ общественныхъ наукъ.

Послѣднее соображеніе также нужно имѣть въ виду. Соціологія относится къ числу предметовъ, особенно привлекающихъ къ себѣ общественное вниманіе. Книги по соціологіи пользуются популярностью и охотно переводятся на иностранныя языки. Соціологическія статьи появляются въ общихъ журналахъ и на-

ходятъ многочисленныхъ читателей. Въ числѣ вопросовъ, возбуждающихъ отвлеченные споры среди лицъ, интересующихся научнымъ знаніемъ, вопросамъ соціологіи по ихъ тѣсной связи съ вопросами жизни принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Странно было бы, если бы только съ университетской кафедры не раздавалось ни единого слова по поводу этихъ вопросовъ. Одинъ фактъ существованія обширной соціологической литературы и ея раздѣленія между нѣсколькими довольно ясно обозначившимися направленіями, не долженъ оставаться незамѣченнымъ со стороны университета, если только университетъ призванъ оказывать свое вліяніе на общественную жизнь. Для соціологіи также было бы важно войти въ кругъ университетскаго преподаванія. Въ исторіи каждой науки громадное значеніе принадлежитъ систематизаціи добытыхъ истинъ, а такая систематизація лучше всего достигается путемъ выработки курсовъ для устнаго преподаванія и составленія учебныхъ пособій для печати.

Соціологическая кафедра въ университетѣ. При существующемъ дѣленіи университета на факультеты соціологія должна быть приурочена въ одному изъ существующихъ факультетовъ. Тамъ, гдѣ уже начинаютъ вводить преподаваніе соціологіи, вопросъ этотъ получилъ прямо практическое значеніе и даже вызвалъ прямой споръ. Такъ произошло именно во Франціи, гдѣ между сторонниками новаго предмета произошелъ нѣкоторый расколъ: одни хотѣли бы, чтобы соціологія была предметомъ историко-филологическаго факультета (*faculté des lettres*), другіе стоятъ за факультетъ юридическій (*faculté de droit*). Это указываетъ лишь на то, что соціологія можетъ и должна получить весьма широкое значеніе: она выходитъ изъ современныхъ факультетскихъ рамокъ. Вообще, теперешнее дѣленіе университета на факультеты, сложившееся чисто историческимъ путемъ и въ своемъ развитіи испытывавшее не мало перемѣнъ, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ болѣе современному состоянію отдѣльныхъ наукъ и существующихъ между ними частныхъ связей, а потому должно было бы подвергнуться пересмотру. Что соціологія не можетъ быть предметомъ исключительно историко-филологическаго или юридическаго факультета, это не подлежитъ сомнѣнію. Если въ однихъ мѣстахъ соціологія преподается на одномъ факультетѣ, въ другихъ — на другомъ, то это зависитъ лишь отъ чисто случайныхъ причинъ, смотря по тому, гдѣ какой профессоръ бралъ на себя инициативу. Въ Бордо, гдѣ впервые стала преподаваться соціо-

логія, рядомъ съ курсомъ, читаемымъ на историко-филологическомъ факультетѣ, на юридическомъ ведеться соціологическій семинарій по образцу научныхъ семинаріевъ, существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Нѣтъ также никакихъ основаній для того, чтобы отстаивать особія права филологовъ или юристовъ на занятія университетскихъ кафедръ соціологіи. Эта наука не должна разсматриваться, какъ какой-то придатокъ, напримѣръ, въ исторіи или къ одной изъ частныхъ общественныхъ наукъ. Конечно, лицо, занимающееся соціологіей, нуждается въ болѣе энциклопедическомъ образованіи сравнительно съ лицами, посвящающими себя другимъ отраслямъ знанія, но для успѣха дѣла необходимо, чтобы соціологія въ университетскомъ преподаваніи не являлась съ какою-либо спеціальною окраскою, напримѣръ, психологическою или историческою, юридическою или экономическою и т. п. Соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должна быть совершенно отдѣльною и самостоятельною наукою, отъ представителей которой должно требовать опредѣленныхъ фактическихъ и литературныхъ знаній, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ наукамъ. Само собою разумѣется, что, пока къ занятію соціологическихъ кафедръ не будутъ спеціально готовиться, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ кафедрамъ, въ качествѣ преподавателей соціологіи будутъ выступать представители другихъ родственныхъ наукъ. Повидимому, однако, во Франціи соціологія, какъ таковая, начинаетъ входить въ кругъ предметовъ, по которымъ пишутся диссертациі и на ученые степени. Напримѣръ, обѣ докторскія диссертациі (*thèse latine* и *thèse française*) Вормса имѣютъ соціологическое содержаніе („О сущности и методѣ соціологіи“ и „Общественный организм“). Книга Изуле „*La cité moderne*“ была также диссертацией на ученую степень. Это указываетъ на то, что соціологія начинаетъ проникать въ академическую жизнь и путемъ соисканія ученыхъ степеней, — лишнее указаніе на то, что за послѣдніе годы эта наука дѣйствительно занимаетъ все болѣе и болѣе упрочивающееся положеніе въ ученомъ мірѣ. Самый споръ о томъ, къ какому факультету приурочить эту науку, указываетъ на то, что ею начинаютъ сильно дорожить представители другихъ спеціальностей, хотя едва ли вѣрно утвержденіе Фора, автора статьи „Соціологія на юридическомъ факультетѣ во Франціи“, будто здѣсь новая наука пользуется неоспоримо и общимъ признаніемъ.

Необходимость систематизаціи соціологіи. Чтеніе соціологическихъ курсовъ, какъ сказано было выше, можетъ имѣть

важное значеніе и въ дѣлѣ систематизаціи соціологіи. Ничто до такой степени не содѣйствуетъ систематизаціи тѣхъ или другихъ знаній, какъ преподаваніе, конечно, когда послѣднему ставится цѣлью изложеніе данной отрасли во всемъ ея объемѣ, хотя бы изложеніе это было элементарнымъ. Не нужно, однако, думать, что это единственный способъ систематизировать научныя знанія. Необходимость систематизаціи вызывается не только потребностями преподаванія, но и задачами самого изученія науки лицами, которыя думаютъ посвятить себя спеціальнымъ ею занятіямъ. Соціологія въ данную минуту именно и находится на той стадіи развитія, на которой уже чувствуется потребность въ общемъ сводѣ болѣе или менѣе установившихся истинъ или, по крайней мѣрѣ, въ общей системѣ главныхъ и основныхъ вопросовъ. Правда, уже ранѣе не разъ дѣлались попытки систематическаго изложенія соціологіи, но на первыхъ порахъ онѣ не могли не быть преждевременными, а вмѣстѣ съ тѣмъ это были болѣею частью системы чисто личнаго характера. Конечно, двѣ вещи совершенно различныя — выработать систему изъ имѣющагося уже въ наличности научнаго матеріала или создать систему на основаніи чисто апріорныхъ соображеній. Въ послѣднемъ случаѣ всегда съ необходимостью будетъ повторяться то, что наблюдается въ исторіи философіи: одна система совершенно непохожа на другую, и въ каждой изъ нихъ находятъ свое выраженіе личность ея автора со всѣми особенностями его ума и характера. Когда соціологія была, такъ сказать, только идеей науки, а не наукой, только формою безъ соотвѣтственнаго содержанія, личному произволу представлялся широкій просторъ и въ смыслѣ опредѣленія круга вопросовъ, коими соціологія должна заниматься, и въ смыслѣ содержанія тѣхъ отвѣтовъ, какіе нужно было дать на эти вопросы. Въ настоящее время, благодаря развитію соціологической литературы въ разныхъ направленіяхъ, накопился богатый матеріалъ, съ которымъ по необходимости долженъ считаться каждый соціологъ, если только онъ желаетъ итти по одному пути съ представителями другихъ научныхъ спеціальностей. Если ранѣе соціологія была формою, такъ сказать, готовою наполниться какимъ угодно содержаніемъ, то теперь уже существуетъ извѣстное содержаніе, которое ищетъ соотвѣтственной формы. Какъ ни великъ элементъ личнаго пониманія въ наукѣ, наличность даннаго матеріала, выработаннаго совокупными трудами многихъ ученыхъ, уже не позволяетъ строить произвольныя соціологическія системы, одна на другую совершенно непохожія,

не объединенны общими вопросами и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ общими отвѣтами. Уже одно то, что въ соціологической литературѣ образовалось нѣсколько направлений съ весьма опредѣленнымъ характеромъ, свидѣтельствуетъ, что существуютъ многіе важные пункты, по коимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые соціологи между собою согласны. Съ другой стороны, рядомъ съ представителями отдѣльныхъ направлений, все болѣе и болѣе принимающими въ расчетъ идеи чужихъ направлений, существуютъ писатели, идущіе болѣе вѣрными путями критики одностороннихъ ученій и синтеза частныхъ истинъ, заключающихся въ этихъ ученіяхъ. Вліяніе соціологической мысли на специалистовъ разныхъ областей общественнаго дѣянія было уже настолько продолжительно и сильно, что и съ этой стороны для соціологіи было кое-что сдѣлано—въ смыслѣ обработки матеріала по новымъ методамъ и въ виду новыхъ вопросовъ. Наконецъ, одно сравнительно-историческое изученіе соціальныхъ формъ и ихъ эволюціи создало громадный соціологическій матеріалъ обобщенныхъ наблюденій и болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, которыя во всей своей совокупности не только могутъ быть предметомъ систематизаціи, но даже прямо ея требуютъ.

Ничего этого не было, когда впервые возникла мысль о соціологіи въ головѣ Конта, который сразу задумалъ дать вполне готовую систему новой науки, и которому пришлось, если можно такъ выразиться, создавать ее изъ ничего. Долгое время программу вопросовъ, на какіе должна была отвѣтить соціологія, каждый могъ сочинять по-своему. Ставя тѣ или другіе вопросы, кромѣ того, нельзя было указать на монографическія сочиненія, гдѣ бы эти вопросы были такъ или иначе разработаны. Между тѣмъ, потребность въ такихъ программахъ, очевидно, чувствовалась, хотя дѣло иногда сводилось къ воспроизведенію—съ новыми только заголовками—программъ болѣе старыхъ общественныхъ наукъ. Теперь соціологъ находится въ болѣе счастливомъ положеніи. Ему уже нѣтъ надобности самому придумывать вопросы, изъ коихъ должна складываться полная система соціологіи. Они поставлены уже самою соціологическою литературою, и остается только опредѣлить взаимныя отношенія, существующія между этими вопросами, для того, чтобы опредѣлить всю область соціологіи и внутренній распорядокъ ея частей. вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣчая тотъ или другой вопросъ, соціологъ теперь въ состояніи указать и на соотвѣтствующую литературу предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Преподаваніе соціологіи съ университетскихъ кафедръ оживило систематизацію соціологическихъ вопросовъ. „Международное Соціологическое Обозрѣніе“ доставляетъ нѣкоторыя данныя для сужденія о томъ, какъ идетъ это дѣло въ странахъ, гдѣ существуетъ преподаваніе соціологіи. Особенно въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе довольно значительная статья Марсея Бернеса, озаглавленная „Программа курса общей соціологіи“. Кромѣ того, по этому же изданію мы можемъ познакомиться съ программами другихъ соціологическихъ курсовъ (напр., Вормса). То же самое наблюдается и въ Америкѣ, судя по даннымъ тамошняго соціологическаго журнала. Когда въ распоряженіи нашемъ будетъ большее количество подобныхъ программъ, мы въ состояніи будемъ путемъ ихъ сравненія и критики прийти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ результатамъ на этотъ счетъ, но пока мы имѣемъ предъ собою только первые опыты систематизаціи соціологическихъ вопросовъ въ пѣсляхъ преподаванія, а первые опыты никогда не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. — Необходимость систематизаціи соціологическихъ вопросовъ вызывается еще одною потребностью, существующею въ современномъ обществѣ. Широкое стремленіе къ самообразованію естественно захватываетъ въ кругъ своихъ интересовъ и соціологію. Въ то самое время, какъ по другимъ наукамъ можно всегда указать на общія пособія въ родѣ школьныхъ учебниковъ или университетскихъ курсовъ, по соціологіи нельзя указать рѣшительно ничего. Ищущему соціологическаго образованія путемъ такъ называемаго домашняго чтенія приходится на первыхъ же порахъ обращаться къ цѣлому ряду сочиненій, изъ коихъ можно было бы познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, хотя бы даже и въ одностороннемъ освѣщеніи. Во всякомъ случаѣ для такихъ занятій требуется извѣстная программа, а составить подобную программу значить какъ бы прямо намѣтить содержаніе систематическаго курса соціологіи. Въ послѣдніе годы и въ русской литературѣ сдѣланы были двѣ попытки подобнаго рода. Одна изъ нихъ появилась въ „Программахъ чтенія для самообразованія“, гдѣ даются двѣ программы соціологіи — одна болѣе отрывочная и сокращенная, другая болѣе полная и систематическая (вторая программа появилась только во 2-мъ изданіи „Программъ“). Другая подобная попытка принадлежитъ Южакову. Онъ напечаталъ свой планъ цѣлаго курса соціологіи въ предисловіи ко второму тому „Соціологическихъ этюдовъ“, но въ болѣе разработанномъ видѣ помѣстилъ его въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1895 годъ. Обѣ

эти попытки представляют собою систематическіе перечни основныхъ вопросовъ соціологіи съ указаніями на тѣ сочиненія, на основаніи которыхъ удобнѣе всего, по мнѣнію составителей, можно познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Понятное дѣло, что такой способъ ознакомленія съ соціологіей для начинающихъ представляетъ большія неудобства, тѣмъ болѣе, что при несходствѣ отдѣльныхъ направленій соціологіи читателю можетъ быть не особенно легко ориентироваться среди этихъ направленій. Если бы даже указанная попытка и не достигала вполне своей непосредственной цѣли, т.-е. если бы онѣ на практикѣ оказались мало приложимыми, нельзя отрицать ихъ чисто теоретическаго значенія: только такимъ путемъ можно отграничить соціологию отъ другихъ родственныхъ наукъ, опредѣлить ея существенное содержаніе и выяснитъ относительное значеніе ея отдѣльныхъ вопросовъ. А все это, несомнѣнно, важно для дальнѣйшаго развитія самой соціологіи, въ разработку которой пора внести болѣе сознательности и планомѣрности.

Невыработанность соціологической терминологіи. Весьма существеннымъ недостаткомъ современной соціологіи является и невыработанность ея терминологіи. Наука не можетъ успѣшно идти впередъ, если у нея нѣтъ своего общепринятаго и всѣмъ одинаково понятнаго языка. Чѣмъ совершеннѣе наука, тѣмъ точнѣе ея общія понятія, тѣмъ прочнѣе ея терминологія. Въ этомъ отношеніи соціологія оставляетъ желать еще весьма и весьма многого. Ея понятія не всегда бываютъ строго опредѣлены, и одни и тѣ же слова разными писателями употребляются въ различныхъ смыслахъ. Случается даже такъ, что нѣкоторыя понятія, встрѣчающіяся у однихъ писателей, совершенно отсутствуютъ у другихъ. Еще хуже дѣло обстоитъ съ соціологической номенклатурой. Очень часто въ науку объ обществѣ переносятся—безъ всякаго измѣненія смысла или съ нѣкоторымъ измѣненіемъ смысла—техническія выраженія, употребляющіяся въ другихъ наукахъ. Общее состояніе соціологическаго лексикона таково, что постоянно ощущается потребность въ созданіи новыхъ терминовъ, но нерѣдко для одного и того же новаго понятія одновременно создается два и три новыхъ слова, которыя остаются очень часто личнымъ достояніемъ своихъ изобрѣтателей, т.-е. не входя въ общее употребленіе, продолжаютъ появляться въ работахъ своихъ изобрѣтателей. Иногда страсть къ неологизмамъ въ области соціологіи получаетъ прямо даже чудовищные размѣры. Когда 25 лѣтъ тому назадъ Литтре основывалъ въ Парижѣ соціологическое обще-

ство, то написал „Трактатъ соціологіи“, въ коемъ далъ цѣ-
 лую серію новыхъ названій для раздѣленій и подраздѣленій
 соціологіи: соціодинамія, соціомерія, соціоэргія, соціауксія, со-
 ціопорія, соціогатія, соціовалія, соціолетія, соціархія и т. п.
 Въ русской литературѣ такую же наклонность къ неологиз-
 мамъ проявилъ въ свое время Стронинъ. Понятное дѣло, что
 это сочинительство научныхъ терминовъ давало удобный по-
 водъ для разнаго рода насмѣшекъ, но, несомнѣнно, въ немъ
 была и своего рода серьезная сторона. Знакомая съ соціо-
 логической литературой, мы нерѣдко наблюдаемъ одно любо-
 пытное явленіе. Авторы, работающіе внѣ всякаго вліянія другъ
 на друга, очень часто приходятъ къ однѣмъ и тѣмъ же
 идеямъ, но для выраженія ихъ употребляютъ столь различ-
 ныя слова, что только при особой внимательности можно бы-
 ваетъ обнаружить сходство ихъ мыслей, доходящее нерѣдко
 до тождества. Когда одно и то же понятіе обозначается различ-
 ными словами, съ которыми невольно ассоціируются другія, весьма
 между собою несходныя представленія, весьма естественно воз-
 никаютъ разныя недоразумѣнія, взаимное непониманіе и не-
 нужные споры о словахъ. Съ другой стороны, одни и тѣ
 же термины очень часто употребляются въ весьма различныхъ
 смыслахъ, а это, конечно, также не можетъ содѣйствовать взаим-
 ному пониманію соціологами другъ друга. Такое состояніе со-
 ціологическаго лексикона вполне зависитъ отъ переживае-
 маго этою наукою момента развитія. Простымъ сочинитель-
 ствомъ новыхъ словъ бѣдѣ, разумѣется, помочь нельзя: науч-
 ный языкъ, подобно всякому языку, не создается посред-
 ствомъ общественнаго договора. Лексическое объединеніе можетъ
 явиться результатомъ только большаго объединенія въ мы-
 сляхъ. Соціологи должны сами, однако, способствовать этому
 объединенію, анализируя употребляющіяся въ соціологической
 литературѣ понятія, сближая и сравнивая ихъ между собою,
 классифицируя ихъ и подмѣчая, какіе термины все болѣе и
 болѣе входятъ въ общее употребленіе. Въ другихъ отрасляхъ
 знанія никто не ставитъ себѣ въ заслугу оригинальности въ
 терминологіи. Наоборотъ, въ соціологической литературѣ на-
 блюдается иногда обратное стремленіе, конечно, весьма не-
 выгодно отзывающееся на интересахъ самой науки. Особенно
 это ставитъ въ большое затрудненіе неспеціалистовъ, кото-
 рые легко могутъ увидѣть разногласіе тамъ, гдѣ его нѣтъ,
 или не замѣтить полнаго совпаденія въ мысляхъ въ тѣхъ
 случаяхъ, когда однѣ и тѣ же идеи выражаются разными

словами. Понятно, что такое состояние социологического лексикона дает лишнее оружие в руки противников социологии, как самостоятельной науки, могущей сделаться особым предметом преподавания. Нужно надеяться, что большее сближение между социологами, которому весьма много содействуют специальные органы и общества, съезды и т. п., будет иметь своим результатом большее единство в научной терминологии без всяких особых соглашений. Удачное слово найдется себе ходъ и мало-по-малу вытѣснить другія, менѣе удачныя выраженія. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ примѣръ самаго названія социологии: сколько ни протестовали противъ него и какіе термины ни предлагались для его замѣны, оно утвердилось въ наукѣ, несмотря на свое полудатинское, полугреческое происхожденіе.

Заключеніе. Современное состояніе социологии позволяет намъ намѣтить, въ какомъ направленіи должно совершаться дальнѣйшее развитіе этой науки. Мыслью Канта было создать такую науку объ обществѣ, которая могла бы быть поставлена рядомъ съ науками, изучающими природу. Первое условіе для этого заключалось въ полной эманципации изученія общественныхъ явленій отъ каковой бы то ни было метафизики. Въ данномъ случаѣ Кантъ вполне сходилъ съ Кантомъ въ признаніи того, что нашему знанію доступны только явленія, данныя намъ въ опытѣ, отнюдь не сверхчувственная сущность этихъ явленій. Въ настоящее время дѣйствительно общественныя науки все болѣе и болѣе освобождаются отъ старыхъ метафизическихъ традицій. Ни постановка вопросовъ, ни ихъ разрѣшеніе въ этой области знанія не должны зависѣть отъ тѣхъ или другихъ представленій, какія умъ человѣческій можетъ вырабатывать относительно сущности вещей. Въ этомъ смыслѣ социология можетъ и должна быть такою же наукою, какъ, на примѣръ, физика или химія, изучающія явленія, которыя происходятъ въ матеріи, независимо отъ того, какъ можно понимать метафизически сущность матеріи. Нашему опыту даны явленія двухъ несходныхъ между собою категорій, одна на другую въ предѣлахъ опыта несводимыхъ, и наука должна ихъ изучать именно такъ, какъ они намъ даны, предоставляя философамъ продолжать нескончаемый споръ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ. Ненаучность прежняго отношенія къ общественнымъ явленіямъ заключалась въ томъ, что явленія эти понимались обыкновенно съ точки зрѣнія спиритуалистической метафизики. Социологии, какъ наукѣ, слѣдуетъ отвязаться отъ

всякой метафизики, и если нѣкоторые представители экономического матеріализма обосновываютъ свое научное пониманіе исторіи на метафизическомъ пониманіи міровой сущности, какъ матеріи, то, конечно, этого нельзя назвать научнымъ прогрессомъ. Гораздо правильнѣе поступаютъ тѣ представители этого ученія, которые становятся на точку зрѣнія критической философіи Канта. Но и эта философія, собственно говоря, не предрѣшаетъ вопроса о томъ, какую роль экономизмъ играетъ въ соціальной жизни. Основныя теоремы въ соціологіи должны доказываться средствами самой этой науки или другихъ наукъ, изучающихъ міръ явленій, а тѣ или другія гносеологическія теоріи тутъ ни при чемъ: онѣ могутъ заключать въ себѣ извѣстные принципы для всей области человѣческаго знанія, отнюдь не спеціальныя данныя для доказательства отдѣльныхъ научныхъ теоремъ.

Постепенное освобожденіе соціологіи отъ метафизики, однако, не можетъ считаться равносильнымъ отказу отъ всякаго философствованія при изученіи общественныхъ явленій. Среди соціологовъ существуетъ не мало такихъ, которые относятся съ величайшимъ недоувѣріемъ ко всякому умозрѣнію въ этой области, полагая, что вся задача соціологіи въ настоящее время заключается въ обработкѣ фактическаго матеріала разныхъ категорій посредствомъ сравнительно-исторической индукціи. Нѣкоторые изъ нихъ даже утверждаютъ, что лишь тогда можно будетъ создавать соціологическія теоріи, когда весь міръ общественныхъ явленій будетъ изученъ указаннымъ способомъ. Но они забываютъ, что во всѣхъ областяхъ знанія рядомъ съ изслѣдованіемъ фактовъ происходитъ построеніе теорій. Если бы всѣ такъ разсуждали, человѣчество никогда не вышло бы за предѣлы простого накопленія и детальной разработки фактискаго матеріала. Когда мы не въ состояніи имѣть вполне точныхъ знаній, мы довольствуемся знаніями приблизительными, и странно было бы отказываться отъ такихъ знаній, чтобы накоплять и разрабатывать фактискаго матеріалъ, на основаніи котораго только будущія поколѣнія начали бы строить научныя теоріи. И наша любознательность, и практическія требованія жизни одинаково требуютъ, чтобы у насъ были если не вполне точныя, то хоть сколько-нибудь приближающіяся къ истинѣ теоретическія знанія въ области общественныхъ явленій. Сторонники исключительнаго господства сравнительно-историческихъ изслѣдованій въ соціологіи забываютъ еще, что общія теоріи, хотя бы и крайне несовершенныя, нужны и имъ самимъ въ качествѣ

такъ называемыхъ рабочихъ гипотезъ, т.-е. извѣстнаго рода предположеній, которыя временно принимаются для того, чтобы имѣть какія-нибудь руководящія начала при изученіи фактическаго матеріала. Во всѣхъ наукахъ опытъ и умозрѣніе, изслѣдованіе фактовъ и построеніе теорій идутъ рука объ руку, взаимно другъ друга контролируя, другъ друга направляя. Нормальныя отношенія между обоими направленіями должны заключаться въ стремленіи къ одной и той же цѣли, причемъ ни одно направленіе не должно считаться исключительно пригоднымъ для достиженія цѣли.

Реакція противъ метафизики въ социологіи заходитъ иногда слишкомъ далеко и въ другомъ отношеніи. Ставя образцемъ для социологіи естествознаніе, нѣкоторые современные писатели утверждаютъ, что въ наукѣ въ явленіямъ человѣческаго міра не должно существовать никакого иного отношенія, кромѣ того, какое господствуетъ въ естествознаніи въ изучаемымъ въ немъ явленіямъ природы. Требуютъ, чтобы изъ социологіи были устранены всякія этическія идеи и соображенія, какъ совершенно ненаучныя. Въ этомъ полагаютъ научный объективизмъ, смѣшивая научное безпристрастіе съ нравственнымъ безразличіемъ и предполагая, будто всякая моральная оцѣнка непременно диктуется какою-нибудь метафизикой. Въ данномъ случаѣ забывается одно: въ общественныхъ явленіяхъ, какъ они намъ даны въ самомъ опытѣ, заключаются такіе моменты, коихъ лишены явленія природы, какъ опять-таки эти явленія намъ даны въ опытѣ. Если метафизики вкладывали въ общественныя явленія то, чего въ нихъ вовсе не заключается, то, наоборотъ, люди, о которыхъ идетъ рѣчь, хотя и видѣтъ въ этихъ явленіяхъ не все, что дѣйствительно въ нихъ заключается. Это уже прямой грѣхъ противъ требованій научнаго реализма. Социологія можетъ оставаться вполнѣ на научной почвѣ, съ одной стороны, строя общія теоріи, съ другой — внося въ эти теоріи и этическую точку зрѣнія. По этому именно пути и совершается въ настоящее время развитіе социологіи. „Компаративисты“ и „объективисты“ представляютъ собою только крайніе лагеря антиметафизической тенденціи, быть можетъ, и необходимыя въ общей экономіи науки, которая безъ надлежащихъ сдержекъ легко могла бы и теперь еще сбиваться на старую дорогу метафизическихъ традицій. Желательно только, чтобы сдерживающія силы не превращались въ силы тормозящія.

Мысль Конта о томъ, что социологія должна быть наукою абстрактною, т.-е. изучающею общество, взятое отвлеченно, тоже

все болѣе и болѣе осуществляется современнымъ развитіемъ нашей науки. Правда, социологія пошла не по той дорогѣ, которую открывалъ передъ ней Контъ своею социальною динамикой, но въ данномъ случаѣ онъ смѣшалъ понятія общаго и абстрактнаго и вмѣсто общей теоріи социальной эволюціи, отвлеченно взятой, далъ абстрактную исторію дѣйствительно совершавшагося развитія человѣчества. Ошибка Конта была исправлена, и въ настоящее время даже у тѣхъ социологовъ, которые не согласны съ классификаціей наукъ Конта (какъ вы Спенсеръ, Гиддингсъ и др.), социологія является именно общей теоріей эволюціи социальныхъ явленій. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ будущемъ социологія сошла съ этой дороги, такъ какъ въ данномъ случаѣ исторія социологіи повторяетъ собою то, что происходило раньше съ другими науками.

И то мѣсто, которое социологія занимаетъ среди другихъ наукъ, дѣлается все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и точнымъ. Одна изъ заслугъ Конта заключалась въ томъ, что онъ связалъ обществовѣдѣніе съ естествознаніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ того научнаго движенія, которое поставило свою цѣлью сблизить между собою двѣ великія области человѣческаго знанія. Правда, уже ранѣе признавалась важность изученія вліянія внѣшней природы на исторію, а потомъ стали говорить и о важности изученія расовыхъ особенностей человѣчества для объясненія исторіи, но впервые только Контъ въ своей классификаціи наукъ далъ философскую формулу тѣхъ отношеній, какія должны существовать между социологіей, съ одной стороны, и естествознаніемъ, а въ особенности біологіей, съ другой. Зависимость социальныхъ явленій отъ явленій біологическихъ сдѣлалась однимъ изъ основныхъ принциповъ новой науки. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ односторонностей и увлеченій, примѣромъ которыхъ могутъ служить органическая теорія общества и социологическій дарвинизмъ. Однако, въ самой же социологіи возникла и реакція противъ такого „натурализма“ въ наукѣ объ обществѣ. Уже первые критики классификаціи наукъ Конта указывали на то, что въ своемъ знаменитомъ ряду наукъ онъ долженъ былъ бы между біологіей и социологіей помѣстить еще одну абстрактную науку—психологію. Въ настоящее время эта поправка въ классификаціи наукъ Конта пользуется, можно сказать, всеобщимъ признаніемъ. При этомъ въ психологіи все болѣе и болѣе развивается направленіе, которое дѣлаетъ своимъ предметомъ изученіе психическаго взаимодействія, происходящаго между членами

общества. Нужно ожидать, что психологія въ будущемъ станетъ оказывать соціологіи все большія и большія услуги. По крайней мѣрѣ, именно въ этомъ направленіи совершается теперешнее развитіе соціологіи. Даже экономическій матеріализмъ, который обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ замѣнѣ психологіи экономіей, едва ли долго устоитъ на первоначальной своей точкѣ зрѣнія. Нужно, наконецъ, ожидать, что соціологія будущаго работается изъ научнаго синтеза біологическихъ, психологическихъ и экономическихъ объясненій. Рядомъ съ односторонними направленіями въ соціологической литературѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не было недостатка въ болѣе широкомъ пониманіи, современное же движеніе въ соціологіи ведетъ скорѣе къ сближенію, а не къ большому разьединенію отдѣльныхъ направленій.

Выяснилось точно также въ достаточной мѣрѣ и отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Сначала было не совсѣмъ ясно, что должна была представлять собою соціологія рядомъ съ такими старыми науками, какъ исторія, государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія. Теперь между большинствомъ соціологовъ относительно этого пункта не можетъ быть сколько-нибудь значительныхъ разногласій. Соціологія вовсе не призвана упразднить или замѣнить собою названныя науки. Она должна стать рядомъ съ ними, какъ совершенно отдѣльная и самостоятельная наука. Отъ общей исторіи она отличается, какъ абстрактная наука отъ науки конкретной, а отъ специальныхъ наукъ о государствѣ, правѣ и народномъ хозяйствѣ она отличается тѣмъ, что изучаетъ общество какъ-разъ не съ спеціально политической, юридической или экономической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общаго consensus'а общественныхъ явленій. Мало того: соціологія уже успѣла оказать свое вліяніе на постановку и рѣшеніе разныхъ историческихъ, политическихъ, юридическихъ и экономическихъ вопросовъ. Можно надѣяться, что это вліяніе со временемъ будетъ только возрастать, и что на общей соціологической почвѣ все болѣе будутъ сближаться между собою отдѣльныя общественныя науки. Съ другой стороны, то недовѣріе, съ какимъ Контъ относился къ политической экономіи и особенно къ юриспруденціи, уже исчезаетъ среди теперешнихъ соціологовъ. Весьма естественно, что общая наука объ обществѣ должна пользоваться результатами частныхъ наукъ: въ будущемъ слѣдуетъ ожидать все большаго и большаго сближенія между соціологіей и другими общественными науками и въ этомъ отношеніи. Ручательствомъ служить положеніе дѣла въ настоящую минуту.

Таковы виды на будущее, которые подсказываются намъ современнымъ состояніемъ соціологіи. Пути ея уже достаточно ясно намѣчены ея полувѣковымъ развитіемъ, и только при маломъ знакомствѣ съ дѣломъ о соціологіи можно теперь повторять то, что говорили о ней скептики въ эпоху ея возникновенія.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Большая часть книгъ, брошюръ и статей, названныхъ въ этомъ указателѣ, относится непосредственно къ области социологiи, включая въ послѣднюю общія работы по теорiи исторiи (историологiи) и по теорiи прогресса. Сочиненія по первобытной культурѣ или по исторiи развитiя отдѣльныхъ сторонъ социальной жизни, равно какъ по частнымъ общественнымъ наукамъ (политической экономiи, юриспруденци, государствовѣдѣнiю) называются здѣсь лишь въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда имѣютъ болѣе близкое отношенiе къ социологiи или когда упоминаются въ настоящей книгѣ. Равнымъ образомъ въ указатель не включается и вся литература по социальному вопросу, какъ не относящаяся прямо къ социологiи, понимаемой въ смыслѣ чистой и отвлеченной науки.

Въ указателѣ иностранныхъ сочиненiй называются преимущественно отдѣльныя изданiя (книги и брошюры). Исключенiе дѣлается лишь для статей, помѣщенныхъ въ специально-социологическихъ изданiяхъ или въ такихъ изданiяхъ, въ коихъ онѣ встрѣчаются особенно часто. О большей полнотѣ составитель хлопоталъ лишь по отношенiю къ русской литературѣ, хотя, съ другой стороны, и не ставилъ себѣ задачи отмѣтить все, что по русски писалось о социологiи ¹⁾.

Въ основу этой социологической библиографiи положенъ указатель, помѣщенный въ „Основныхъ вопросахъ философи исторiи“ (см. особенно изд. 2). Въ немъ было, однако, названо весьма много сочиненiй чисто историко-философскаго (не социологическаго) содержанiя и чисто метафизическаго (не научнаго) характера. Здѣсь названiя

¹⁾ Тѣмъ не менѣе осмѣливаемся высказать увѣренность, что настоящiй указатель самый полный изъ существующихъ.

такихъ трудовъ не повторяются, и вообще отмѣчаются преимуще-
ственно сочиненія, вышедшія въ свѣтъ послѣ „Курса положительной
философіи“ Конта.

ИНОСТРАННЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Abramowski, E. Les bases psychologiques de la sociologie (Rev. intern. de sociologie. 1897).
- Achelis, Th. Die Idee einer vergleichenden Rechtswissenschaft auf ethnologischer Basis (Nord und Süd, 1892).
- Alex, P. Du droit et du positivisme. 1876.
- Aly, Fr. Der Einbruch des Materialismus in die historischen Wissenschaften (Preuss. Jahrbücher, 1895).
- Ammon, Otto. Darwinismus gegen Socialdemokratie. Hamburg. 1891.
- Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. 1895.
- Annales de l'institut international de sociologie. Вышло три тома. 1895—1897.
- Anzilotti, D. La filosofia del diritto e la sociologia. Firenze. 1892.
- Armao. L'individuo e lo stato, comme fattori di progresso. Palermo. 1880.
- Asturado, Alfonso. La faculté de sociologie dans les Universités (Rev. int. de sociologie. 1894).
- La sociologia e suoi metodi e le sue scoperte. Genova. 1897.
- Bachofen. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über Gynaekokratie der alten Welt. 1861.
- Baerenbach, Fr. Die Socialwissenschaften. Lpzg. 1882.
- Bagehot, Walter. Physics and Politics. London. 1873.
- Lois scientifiques du développement des nations dans leurs rapports avec les principes de la sélection naturelle et de l'hérédité (франц. пер. предыдущаго соч.).
- Bagnaux, J. de. Qu'est-ce que la liberté? (Phil. posit., 1868).
- Bain. Logic.
- Balicki, Sigismond. L'état comme organisation coercitive de la société politique. 1896.
- L'organisation spontanée de la société politique (Rev. int. de sociologie. 1895).
- Barlet. Principes de sociologie synthétique.
- Barr, H. Essais sur la science de l'histoire. La méthode statistique et la question des grands hommes à propos d'ouvrages récents (La nouvelle revue, 1890).
- Barrier, F. Principes de sociologie. P. 1867.
- Barth, Paul. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. 1890.
- Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie (Jahrbüch. für Nationaloek. und Statistik. 1896).
- Zu Hegels und Marx' Geschichtsphilosophie (Archiv für Geschichte der Philosophie. 1895).
- Критикъ der „Principles of Sociology“ von H. Spencer (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. XVI).
- Bascom, John. Sociology. New-York. 1887.

- Bastian, A. Der Mensch in der Geschichte. Leipzig. 1860.
- Der Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen. 1881.
- Beaurin-Gressier. La science et l'art en sociologie (Rev. intern. de sociologie, 1897).
- Les forces qui déterminent l'évolution sociale (Rev. int. de sociologie. 1896).
- Bebel. Die Frau und der Socialismus (экон. матер.).
- Belot. Science et pratique sociales d'après les publications récentes (Revue philos., 1895).
- Below. G. v. Статья о книгѣ Штаммлера (Hist. Zeitschrift, 1897).
- Bernardo, Domenico di. La publica administrazione e la sociologia.
- Bernès Marcel. La sociologie. Son importance scientifique et sociale (Rev. de métaphysique et de morale. 1895).
- Les deux directions de la sociologie contemporaine. 1894.
- Programme d'un cours de sociologie générale (Rev. int. de sociologie 1895—1896).
- Quelques réflexions sur l'enseignement de la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
- Sociologie et morale. Paris. 1897.
- Sur la méthode de la sociologie (Revue philosophique. 1895).
- Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. 1889 u 1894.
- Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie. 1880.
- Bersot, Ernest. De la philosophie sociale.
- Bertolini, Angelo. Egoismo individuale ed egoismo di specie nella vita sociale. 1892.
- Bertrand, Alexis. Leçon d'ouverture d'un cours municipal de sociologie. Lyon. 1892.
- Beudant, Ch. Le droit individuel et l'état. 2 éd. P. 1891.
- Beulot. La logique sociale d'après Tarde (Rev. philosoph., 1896).
- Bibliographia sociologica, publiée par l'office international de bibliographie de Bruxelles.
- Blackmar, The story of human progress. 1897.
- Blondel. Les sciences abstraites et les sciences concrètes (Phil. posit., 1882).
- Boccardo, G. L'economia politica e la sociologia. 1883.
- Le positivisme social (Phil. posit., 1881).
- Bordier. La vie des sociétés. 1887.
- Boucher, A. Darwinisme et socialisme.
- Bouglé. Les sciences sociales en Allemagne. Les méthodes actuelles. P. 1896.
- Bouillier. Y a-t-il une philosophie de l'histoire? (Rev. philosoph., 1886).
- Bourdeau. Histoire et historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. 1888.
- Bowne. The philosophy of H. Spencer. New-York. 1874
- Bresson, L. Études de sociologie. Les trois évolutions intellectuelle, sociale, morale. 1888.
- Bridges. Position of sociology among the sciences (Fortnightly Review. 1878).
- Brückner. Der Fortschritt in der Geschichte (Nord und Süd. 1885).
- Zur Theorie der Geschichte (Nordische Rundschau. 1887).
- Ueber Thatsachenreihe in der Geschichte. Dorpat. 1886.
- Brütt, M. Der Positivismus, nach seiner ursprünglichen Fassung dargestellt und beurtheilt. Hamburg. 1889.

- Brooks, A. The law of civilisation. New-York. 1897.
- Bücher, Karl. Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1893.
- Buckle. History of civilisation in England. 1858.
- Caird, Edward. The social philosophy and religion of Comte. Glasgow. 1885.
- The Evolution of Religion. 2 vol. Glasgow. 1893.
- Cartellieri, A. Evolution und Geschichte (Preuss. Jahrbücher, 1897).
- Caspari. Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens. 1873.
- Chailley-Bert et A. Fontaine. Les lois sociales.
- Chambrun, Comte de. Mes conclusions sociologiques. Paris. 1893.
- Chrzanowski, T. Badania z historyzofii (1888—1891).
- Caporali. Filosofia delle scienze sociali (La nuova scienza, 1891).
- Chiapelli, A. Le premesse filosofiche del socialismo. Napoli. 1897 (Экономич. матер.).
- Clavel. Questions sociologiques. Liberté et autorité (Philos. posit., 1882).
- Collins, F. Howard. An epitome of the synthetic philosophy with a preface by H. Spencer.
- Colajanni, N. Socialismo e sociologia criminale. Catania. 1884.
- Colorado. Fundamentos de la sociologia. Plasencia. 1883.
- Combes de Lestrade. Eléments de sociologie. P. 1889.
- La langue de la sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. II).
- La sociologie et la politique (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Comte, Auguste. Cours de philosophie positive (1830—1842 и три позднѣйшихъ изданія).
- Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité. Paris. 1851—1854.
- Synthèse subjective ou système universel des conceptions, propres à l'état normal de l'humanité (Système de logique positive). 1856.
- Lettres d'A. Comte à John Stuart Mill. P. 1877.
- System of positive polity or treatise upon sociology. 1875—1877.
- Cosentini. Importanza della „Scienza Nuova“ di Vico rispetto alla filosofia della storia ed alla sociologia moderna. 1895.
- Coste, Ad. Les conditions sociales du bonheur et de la force.
- Courcel-Seneuil. Études sur la science sociale.
- Préparation à l'étude du droit.
- Croce, Benedetto. Le teorie storiche del prof. Loria. Napoli. 1897.
- Sulla concezione materialistica della storia (Osservazioni lette all' Ac. Pontaniana. Napoli, 1896).
- Il concetto della storia nelle sue relazioni col concetto dell' arte. Roma. 1896.
- Crozier. Civilisation and progress. 1885.
- Cunow. Sociologie, Ethnologie und material Geschichtsauffassung (Neue Zeit).
- Dallemagne, Jules. Biologie et sociologie. 1897.
- Principes de Sociologie (Bulletin de la société d'anthropologie de Bruxelles. 1886).
- Danten, A. De la nature des choses (вѣ духѣ орган. социологiи).
- Dargun, L. Sociologische Studien. Leipzig. 1895.
- Mutterrecht und Raubehe. 1883.
- Mutterrecht und Vaterrecht. 1892.
- Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigenthums (Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft. 1892).

- Darwin, Ch. The descent of man.
- Dauriac, L. Idéalisme et positivisme d'après M. Fouillée (Rev. philos., 1897).
- Dean. History of the civilisation. 1868—69 (въ дарини. наравленіи).
- Delaunay. Le programme de sociologie. 1872.
- Dénis, H. Deux conférences sur la sociologie. 1891.
- De Marinis. Natura ed oggetto di sociologia (Rassegna critica di filosofia, 1890).
- Demour, Massart et Vandervelde. L'évolution régressive en biologie et en sociologie. 1897.
- Depasse, H. Transformations sociales.
- Des Boisjoslins. Observations d'histoire comparée (Philosophie positive, 1883).
- Dietzel, Carl. Die Volkswirtschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Frankfurt a. M. 1864.
- Doergens. Ueber das Bewegungsgesetz der Geschichte als Einführung in das Verständniss der Weltgeschichte. Leipzig. 1878.
- Dippe. Das Geschichtsstudium mit seinen Zielen und Fragen. 1891.
- Doherty. Philosophy of history and social evolution. 1874.
- Dolci, P. Sintesi di scienza storica. 1887.
- Donnat, Léon. La politique expérimentale. P. 1891.
- Doormann, K. Ueber Gesetz und Gesetzmässigkeit (Programm des kgl. Gymnasiums zu Brieg, 1888).
- Dorado, Pedro. La sociologie et le droit pénal (An. de l'Inst. int. de sociologie. I.).
- Dreyfus, Camille. Evolution des mondes et des sociétés.
- Droysen. Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft.
- Du Bois-Reymond. Kulturgeschichte und Naturwissenschaft. 1878.
- Dugas. Auguste Comte (Rev. philosoph., 1895).
- Duguit, Léon. Les fonctions de l'état moderne. Études de sociologie juridique (Rev. int. de sociologie. 1894).
- Un séminaire de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
- Le droit constitutionnel et la sociologie (Rev. intern. de l'enseignement supérieur. 1889).
- Durkheim. Elements de sociologie. 1889.
- De la division du travail social. P. 1893.
- Les règles de la méthode sociologique. 1895.
- Le suicide. Étude de sociologie. Paris. 1897.
- Les études de science sociale (Rev. philosoph., 1886).
- Cours de science sociale. Leçon d'ouverture d'un cours de science sociale à la faculté des lettres de Bordeaux. P. 1888.
- Ecker. Der Kampf um's Dasein in der Natur und im Völkerleben. Konstanz. 1871.
- Engels, Fr. Herrn E. Dühring Umwälzung der Wissenschaft.
- Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates. 1884.
- Ueber den historischen Materialismus (Neue Zeit, 1893).
- Espinas. Les études sociologiques en France (Revue philosophique. 1882).
- Sociétés animales. 1882.
- Etudes nouvelles de psychologie comparée (Rev. philosoph., V).
- Eucken, Rudolf. Zur Würdigung Comte's und des Positivismus (Zeller gewidm. Aufsätze. Lpzg. 1887).

- Comte und der Positivismus. Jena. 1887.
- Etienne. Le positivisme dans l'histoire (Revue des deux mondes. 1868).
- F. K. Nasza historyozofia (Ateneum, 1876).
- Felix. Entwicklungsgeschichte des Eigenthums.
- Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums. 1885.
- Ferguson, J. H. The philosophy of civilization. A sociological study. 1889.
- Ferneuil. Nature et fin de la société.
- Fairbanks, Arthur. Classification of social phenomena.
- Faure, Fernand. La sociologie dans les facultés de droit de France (Rev. int. de sociologie. 1893).
- Federici. Le leggi de progresso. Roma. 1882 (франц. пер.).
- Ferrari, Celso. La nazionalità e la vita sociale. 1896.
- La sociologia ed il diritto internazionale. 1896.
- Il materialismo storico e lo stato (Nuova Antologia. 1896).
- Ferraz. Étude sur la philosophie en France au XIX s. Le socialisme, le naturalisme et le positivisme. 1878.
- Ferri, Enrico. La sociologie criminelle. 1893.
- Socialismo e scienza positiva. Darwin. Spencer, Marx. Roma. 1894.
- Sociologie et socialisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I.).
- Ferron. Théorie du progrès. P. 1867.
- Fiamingo, Giuseppe. Sociology in Italy (Am. Journ. of sociology. 1895).
- Une loi sociologique (Rev. int. de sociologie. 1894).
- Fischer, E. L. Ueber das Gesetz der Entwicklung auf psychisch-ethischem Gebiet. 1875.
- Fischer, K. Ist eine Philosophie der Geschichte wissenschaftlich erforderlich, bzw. möglich? (Programm des Gymnasiums zu Dillenburg, 1889).
- Flint. The philosophy of history in Europe. 1874 (франц. пер.).
- Fouillée, Alfred. Idée moderne du droit.
- La science sociale contemporaine 1880.
- Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde. 1896.
- Les études récentes de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
- L'évolutionnisme des idées-forces. 1893.
- Psychologie des idées-forces. 1891.
- Vues synthétiques sur la sociologie (Rev. philosoph., IX).
- Fragapane, S. Contrattualismo e sociologia contemporanea. 1892.
- Frantz, C. Vorschule zur Physiologie der Staaten. Lpzg. 1869.
- Die Naturlehre des Staates als Grundlage aller Staatswissenschaft. 1870.
- Freeman. Comparative politics. 1873.
- Frisange, E. de. M. Léon Say et la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1896).
- Froude. The science of history (Short studies on great subjects, 1867).
- Fulcomer, Daniel. Instruction in sociology in institutions of learning. 1958.
- Funck-Brentano. La civilisation et ses lois. 1876.
- La science sociale. 1897.
- Giddins. The theory of Sociology.
- The principles of sociology. 1896 (франц. пер.)
- The theory of socialization. A Syllabus of sociological principles. New-York. 1897.
- Sociology as a University Study (Political Science quarterly. 1891).
- The province of Sociology (Annals of the American Academy of political and social science. Vol. I. Philadelphia. 1890).

- Gaupp, O. Darwinismus wider Socialismus (Gegenwart, 1893).
- Giraud-Teulon. Les origines de la famille. Genève. 1874.
- Golberg, Mécislas. L'origine des races et de la division du travail (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
- Gore. The scientific basis of national progress including that of morality. 1882.
- Gothein, E. Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Lpzg. 1889.
- Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft (Handwörterbuch der Staatswissenschaften).
- Gramegna. Progresso e bisogno. 1894.
- Grasserie, Raoul de la. De la forme graphique de l'évolution (Rev. int. de sociologie. 1895).
- De la structure politique de la société (Rev. int. de sociologie. 1896).
- Des causes efficientes et téléologiques dans les faits linguistiques et juridiques (Rev. phil., 1897).
- Groppali, Alessandro. Il presente momento storico della sociologia.
- I caratteri del fenomeno sociale.
- La scuola analogico-organica nella sociologia.
- Un proposito di una recente pubblicazione sul materialismo storico. 1897.
- Grosse, E. Die Formen der Familie. Freiburg. 1896.
- Greef, Guillaume. Introduction à la sociologie. Bruxelles. 1886.
- Lois sociologiques. 1893,
- Le transformisme social. 1895.
- Gruber, Hermann, S. J. August Comte, der Begründer des Positivismus, sein Leben und seine Lehre. Freiburg i. B. 1889.
- Der Positivismus vom Tode Aug. Comtes bis auf unsere Zeit (1857—1891). Freiburg i. B. 1891.
- Grupp, G. System und Geschichte der Cultur. 1892.
- Guarin de Vitry. Sociologie abstraite (Rev. philosoph., I).
- Esquisse d'un traité de sociologie (Phil. posit., 1874).
- Considération sur la constitution de la science sociale (Phil. posit., 1876).
- Questions de sociologie (Phil. posit., 1877).
- Gumpowicz, Ludwig. Der Rassenkampf. Sociologische Untersuchungen. 1883.
- Philosophisches Staatsrecht. 1877.
- Die sociologische Staatsidee. Gratz. 1892.
- Grundriss der Sociologie. Wien. 1885 (франц. пер.).
- Sociologie und Politik. Leipzig. 1892.
- Un programme de sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. I. 1895).
- H. C. Darwinismus contra Socialismus (Neue Zeit, 1890).
- Haffner. Der Materialismus in der Culturgeschichte. Mainz, 1865.
- Hansen, G. Die drei Bevölkerungstufen, 1889 (Противъ экон. матер.).
- Hauriou, Maurice. La science sociale traditionnelle. P. 1896.
- Réponse à un docteur en droit sur la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1894).
- Harcourt. Quelques réflexions sur la loi. 1886.
- HARRISON, F. The meaning of the word 'law'. New-York. 1894.
- Hebert. The group laws of society. 1894.
- Hellwald, Dr. Carl. Die Völker und Völkerleben (Ausland. 1875 (Hosoe 231).
- Entwicklung. 1875 (Hosoe 231).

- Henne-Am-Rhyn. Die Kulturgeschichte im Lichte des Fortschrittes. Leipzig. 1869.
- Die culturgeschichtliche Literatur der letzten zwanzig Jahre (Unsere Zeit, 1876).
- Culturgeschichtliche Werke der neuesten Zeit (Unsere Zeit, 1885).
- Kulturgeschichtliche Werke der neuesten Zeit (Unsere Zeit, 1885).
- Hinneberg. Die philosophischen Grundlagen der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschrift. 1890).
- Hinze, O. Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung (Hist. Zeitschrift. 1897).
- Hildenbrand, R. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirthschaftlichen Culturstufen. Jena. 1896.
- Hirszband. Synteza badań filozoficznych nad dziejami ludźkości (Ateneum. 1884).
- Hobson, John. Mr. Kidd's Social evolution (Am. Journ. of sociology. 1895).
- Hoffmann. Der Einfluss der Natur auf die Culturentwicklung der Menschen, 1885.
- Honegger. Katechismus der Culturgeschichte. 1879 (новое изд. 1889).
- Allgemeine Kulturgeschichte. 1882.
- Houssay. Sociabilité et morale chez les animaux (Rev. pbilosoph., 1893).
- Houten, S. van. Das Kausalitätsgesetz in der Socialwissenschaft. Harlem. 1888.
- Howerth. A programme for social study (Am. Journ. of Sociology. 1897).
- Present condition of sociology in the United States (American Academy. 1894).
- Huxley, Th. H. Sociale Essays. 1897 ¹⁾.
- Izoulet. La cité moderne. 1894.
- Jacoby. Études sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. 1881.
- Janet, Paul. Les origines de la philosophie d'Auguste Comte — Saint-Simon (Revue des deux mondes. 1887).
- Jansen. Die Idee des Fortschritts in der Universalgeschichte. 1863.
- Javary. De l'idée de progrès. P. 1851.
- Jäger, G. Die Darwin'sche Theorie und ihre Stellung zu Moral und Religion. Stuttgart. 1869.
- Jhering, Rudolph. Kampf um's Recht. 1872.
- Ziel im Recht. 1877—1883.
- Jentsch. Die materialistische Geschichtskonstruction und das Christenthum. (Die Zeit. № 48 u 49).
- Jodl. Die Kulturgeschichte, ihre Entwicklung und Probleme. 1878.
- Kalousek, J. Historie a materialismus (Čas. česk. mus., 1883).
- Kautsky. Ein materialistischer Historiker (Neue Zeit).
- Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? (ibid., 1896—97).
- Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. 1880.
- Entstehung der Ehe und Familie.
- Kidd, Benjamin. Social evolution. London. 1895.

¹⁾ Отмѣчаемъ статьи: **Natürliche und politische Rechte. — Der Daseinskampf in der menschlichen Gesellschaft. — Ethik und Entwicklung.**

- Klebs, E. Eine französische Geschichtestheorie (Hist. Zeitschrift, 1897).
- Knies, Carl. Die politische Ökonomie vom geschichtlichen Standpunkte. 2 Aufl. Braunschweig. 1883.
- Kovalevsky, Maxime. Les origines du devoir (Rev. int. de sociologie. 1894).
 ——— Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. Stockholm. 1890.
- Krause, Gerhard. Die Entwicklung der Geschichtsauffassung bis auf Karl Marx. B. 1891.
- Krauz. La loi de la rétrospection révolutionnaire, vis-à-vis de la théorie de l'imitation (An. de l'Inst. int. de sociologie. II.).
 ——— Un sociologue polonais St. Krusinski (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Kriecken. Ueber die organische Staatstheorie. 1873.
 ——— Ueber die Begriffe Gesellschaft, Gesellschaftsrecht und Gesellschaftswissenschaft. 1882.
- Krohn. Beiträge zur Kenntniss und Würdigung der Sociologie (Jahrb. für Nationalökon. u. Statistik. 1880).
- Krusinski, Stanisław. Szkice socyologiczne. Warszawa. 1891—1892.
- Labriola, L. Del materialismo storico. Roma. 1896.
 ——— Essai sur la conception matérialiste de l'histoire. 1897.
 ——— Die Probleme einer Philosophie der Geschichte. 1888.
- Lacombe. Histoire considérée comme science. 1894.
- Lafargue, Paul. L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire.
 ——— Le matérialisme économique de Charles Marx (въм. переводъ).
- Lampertico, Federico. Transformismo e sociologia. 1884.
- Lamprecht, K. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. Berlin. 1896.
 ——— Was ist Kulturgeschichte? (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft).
 ——— Der Ausgang des geschichtswissenschaftlichen Kampfes (Die Zukunft. 1897).
 ——— Zum Unterschiede der älteren und jüngeren Richtungen der Geschichtswissenschaft (Hist. Zeitschrift, 1896). Съ возраженіемъ Meinecke.
 ——— Die gegenwärtige Lage der Geschichtswissenschaft (Die Zukunft. 1896).
- Lapie. L'année sociologique (Rev. de métaphysique. 1895).
- Lapouge, G. de. Transmutation et sélection par éducation (Rev. int. de sociologie. 1895).
 ——— Le darwinisme dans la science sociale (Rev. int. de sociologie. 1893).
 ——— Les sélections sociales. 1896.
 ——— Lois de la vie et de la mort des nations (Rev. int. de sociologie. 1894).
- Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives. P. 1874.
- Lavollée. La morale dans l'histoire. Etude sur les principaux systèmes de philosophie de l'histoire. Paris, 1892.
- Lazarus. Einige synthetische Gedanken zur Völkerpsychologie (Zeitschr. für Völkerpsych. 1862).
 ——— Ueber die Ideen in der Geschichte (ibid. 1861).
 ——— und Steinthal. Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie (ibid. 1861).
- Le Bon, G. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples.
 ——— L'homme et les sociétés, leurs origines et leur histoire. 1881.
 ——— La psychologie des foules. 1895.

- Letourneau, Charles. *La sociologie d'après l'ethnographie*. 1880.
- *L'évolution de la morale*. 1887.
- *L'évolution du mariage et de famille*. 1888.
- *L'évolution de la propriété*. 1889.
- *L'évolution juridique dans les diverses races humaines*. 1891.
- *L'évolution littéraire dans les diverses races*.
- *L'évolution politique dans les races humaines*.
- *La guerre dans les diverses races humaines*.
- *L'évolution de l'esclavage dans les diverses races humaines*.
- Lewes, G. H. *Comte's philosophy of the positive sciences*. 1847.
- *Auguste Comte*. 1865.
- Lewis, George Cornewall. *A treatise on the methods of observation and reasoning in politics*. London. 1852.
- Lexis. *Zur Theorie der Massenerscheinungen im Gesellschaftsleben*. 1877.
- Lietz, Hermann. *Die Probleme im Begriff der Gesellschaft bei Aug. Comte*. Dresden. 1886.
- Lilienfeld, Paul von. *Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft*. 1873 sq.
- T. I. *Die menschliche Gesellschaft als realer Organismus*. T. II. *Die socialen Gesetze*. T. III. *Die Sociale Psychophysik*. T. IV. *Die Sociale Physiologie*. T. V. *Versuch einer natürlichen Theologie*.
- *La méthode d'induction ou méthode organique, appliquée à l'étude des phénomènes sociaux* (An. de l'Inst. intern. de sociologie. I).
- *La methode graphique en sociologie* (An. de l'Inst. intern. de sociologie, III).
- *La pathologie sociale*. 1896.
- *L'organismo sociale e un superorganismo?*
- *Y a-t-il une loi de l'évolution des formes politiques?* (An. de l'Inst. int. de sociologie. II. 1896).
- Limanowski, Boleslas. *La classification des sciences et la sociologie* (Rev. int. de sociologie. 1894).
- Limousin. *L'économie politique et le socialisme devant la sociologie* (An. de l'Inst. intern. de sociologie, III).
- Lindner. *Ideen über die Psychologie der Gesellschaft*. 1872.
- Lippert. *Allgemeine Geschichte des Priesterthums*. 1883.
- *Die Geschichte der Familie*. 1884.
- *Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau*. 1885 — 1887.
- Littré, E. *Analyse raisonnée du cours de philosophie positive*. 1845.
- *Application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés*. 1849.
- *Conservation, révolution, positivisme*. 1852.
- *Auguste Comte et la philosophie positive*. 1863.
- *Principes de philosophie positive*. 1868.
- *De la condition essentielle qui sépare la sociologie de la biologie* (Philos. posit., 1868).
- *De l'histoire de la civilisation en Angleterre par Buckle* (Philos. posit., 1868).
- *De la méthode en sociologie* (Phil. posit., 1870).
- *Plan d'un traité de sociologie* (Phil. posit., 1872).
- *Le droit et la philosophie positive* (Phil. posit., 1878).
- Lorenz, O. *Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben*. Berlin. 1886.

- Die materialistische Geschichtsauffassung. 1897.
- Die bürgerliche und die naturwissenschaftliche Geschichte (Hist. Zeitschrift. XXXIX).
- Loria, Achille. La teoria economica della costituzione politica.
- Bases économiques de la constitution sociale. P. 1893 (рус. пер.).
- Le darwinisme social (Rev. int. de sociologie. 1896).
- Lo Savio, N. L'economia sociale con riguardo ai dati della sociologia contemporanea.
- Lubbock. Origin of Civilisation and primitive condition of man. London. 1870.
- Mackenzie, J. S. Introduction to the social philosophy. New-York. 1895.
- Mac-Lennan. Primitive Marriage. London. 1865.
- Maine, Sumner. Ancient Law. London. 1871.
- Lectures on the early history of institutions. London. 1875.
- Majorana, Angelo. Teoria sociologica della costituzione politica. 1895.
- I primi principii della sociologia. Roma. 1891.
- Martineau, miss Harriett. The positive philosophy of A. Comte freely translated and condensed. London. 1874 (франц. пер.).
- Mandello, Jules. Essai sur la méthode des recherches sociologiques.
- Marx, Karl. Zur Kritik der politischen Oekonomie. 1859.
- Masaryk. Versuch einer concreten Logik. Classification und Organisation der Wissenschaften. 1887.
- Theorie dějin die zásad T. H. Bucea. Praha. 1884.
- Maurenbrecher, W. Ueber die Objectivität des Historikers (Hist. Taschenbuch, 1882).
- Maury, L. Essai sur les origines de l'idée du progrès. 1891.
- Mayo-Smith. Statistics and Sociology. New-York. 1895.
- Mayr. Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. München. 1877.
- Statistik und Gesellschaftslehre. 1895.
- Mazel, Henri. La synergie sociale. P. 1896.
- Metchnikoff, L. La civilisation et les grands fleuves historiques. 1889.
- Meil. Die vergleichende Rechtswissenschaft (Zukunft. 1894).
- Mehring. Ueber den historischen Materialismus (въ приложеніи къ книгѣ Lessings-Legende. 1893).
- Menger, Carl. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere. Leipzig. 1883.
- Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationaloekonomie. Wien. 1884.
- Michel, Henri. L'idée de l'état. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution. P. 1896.
- Mill, John Stuart. System of logic.
- Essays on some unsettled questions of political Economy.
- Auguste Comte and the positivism. 1865.
- On liberty.
- Misner. Principes sociologiques (Phil. posit., 1882).
- Morgan, H. Lewis. Ancient Society or Researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilisation. 1877.
- System of consanguinity. London. 1871.
- Morselli, E. Carlo Darwin ed il darwinismo nelle scienze. Milano. 1892.
- Moses. Nature of sociology (Journ. of political economy. 1894)
- Mougeole. La vie des sociétés.

- La statique des civilisations.
- Les problèmes de l'histoire. Paris. 1886.
- Mucke. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung. Stuttgart. 1895.
- Nitti, Francesco. La population et le système social.
- Novicow, J. La politique internationale. P. 1886 (съ дарвинистической точки зрения).
- Essai de notation sociologique (Rev. int. de sociologie. 1895).
- La croissance et la décroissance des sociétés en fonction du temps (Rev. int. de sociologie. 1894).
- La justice et le darwinisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
- Les luttes entre les sociétés humaines et leurs phases successives. Paris. 1893.
- Conscience et volonté sociales.
- La théorie de Darwin et la justice (Rev. scient., 1893).
- Odin. Genèse des grands hommes. 1895.
- Orth. Versuch einer Theorie der historischen Wissenschaft. Rostock, 1869.
- Pareto, V. Il compito della sociologia fra le scienze sociali (Riv. ital. di sociologia. 1897).
- Passy, H. Des formes du gouvernement et des lois qui les régissent.
- Patten. The failure of biological sociology (American Academy. 1894).
- The organic concept of society (ibid., 1894).
- The theory of social forces. Philadelphia. 1896.
- Pawiński. Kilka słów o Bucklu. 1867.
- Pellarin. Qu'est-ce que la civilisation? 1868.
- Perès. Coenologie ou philosophie de l'humaine société. P. 1871—72.
- Pichard, P. Etude de la sociologie par H. Spencer (Philos. posit., 1875).
- Piche, Albert. De la place de la sociologie dans les connaissances humaines. P. 1893.
- Pilo, A. I gruppi sociali umani e la legge di loro evoluzione. Genova. 1897.
- Pioger. La vie sociale, la morale et le progrès. 1894.
- Théorie organique de la vie sociale (Rev. int. de sociologie).
- Поэу. Le positivisme. 1876.
- M. Littré et Auguste Comte. 1879.
- Plechanow. Holbach, Helvetius und Marx. Beiträge zur Geschichte des Materialismus. 1896 (экономический материализмъ).
- Zu Hegel's sechzigsten Todestag (Neue Zeit. 1891. Экон. матер.).
- Posada, Adolfo. La sociologie et l'anarchisme (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
- Les sociétés animales et les sociétés humaines primitives (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Theorias modernas del origen de la familia, de la sociedad y del estado. Madrid. 1892 (франц. пер.).
- Principios de derecho politico. Madrid. 1884.
- Post, A. H. Das Naturgesetz des Rechts. 1867.
- Einleitung in eine Naturwissenschaft des Rechtes. 1872.
- Der Ursprung des Rechtes. 1876.
- Die Anfänge des Staats- und Rechtslebens. 1878.
- Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend ethnologischer Basis. Oldenburg. 1880—81.

- Aufgaben einer allgemeinen Rechtswissenschaft. 1892.
- Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 1895.
- Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe. 1875.
- Powers. Terminology and the sociological conferences (American academy. 1895).
- Protopopescu, C. Sociologia si dreptul.
- Puglia, F. La causalité en sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Quade, Th. Die Geschichte in ihrem Verhältniss zur Statistik und Philosophie (Programm des kgl. Gymnasiums zu Inowrazlaw, 1878).
- Quételet, Adolphe. Du système social. Paris. 1848.
- Physique sociale. Paris. 1869.
- Rachfall, F. Статьи о брошюрѣ Лампрехта: Alte und neue Richtungen (Preuss. Jahrbücher, 1896).
- Rappoport. Zur Charakteristik der Methode und Hauptrichtungen der Philosophie der Geschichte. Bern. 1896.
- Rassegna di sociologia e scienze affini ¹⁾.
- Ratzinger, G. Die Volkswirtschaft in ihren sittlichen Grundlagen. Ethisch-soziale Studien über Cultur und Civilisation. 1881.
- Reich, Ed. Studien über die Volksseele. Jena. 1876.
- Die Abhängigkeit der Civilisation von der Persönlichkeit des Menschen und von der Befriedigung der Lebensbedürfnisse. 1883.
- Reichensberg, N. A. Quételet. Bern. 1896. (Есть нѣсколько страницъ о значеніи Кетле для социологін).
- Reid. The law of history. 1875.
- Renouvier, Ch. Introduction à la philosophie analytique de l'histoire.
- Rest, M. van der. La sociologie. Bruxelles. 1888.
- Enseignement des sciences sociales. Bruxelles. 1889.
- Revel, H. Evolution économique de l'humanité (Phil. posit., 1872).
- Revista de Derecho y de Sociologia. Madrid. 1895 sq.
- Revue internationale de sociologie, publiée par Worms. P. 1893 sq. ²⁾.
- Richard. Le socialisme et la science sociale. 1897.
- La sociologie ethnographique et l'histoire (Rev. philosoph., 1895).
- Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. 1896.
- Rig, Jules. La philosophie positive par Aug. Comte, résumée. P. 1880.
- Rigolade, Emile. La sociologie par Auguste Comte. P. 1897 (новое изданіе предыдущаго труда).
- Ritti, A. M. E. Vacherot et la loi des trois états (Phil. posit., 1881).
- Rivista di Sociologia. Roma. 1894 sq.
- Roberty, E. de. Comte et Spencer.
- La sociologie. P. 1881.
- Notes sociologiques (Philos. positive, 1876 sq.).
- Le psychisme social. 1897.
- Robertson, John M. Buckle and his critics. 1896.

¹⁾ Только что начавшее выходить прибавленіе къ журналу „Il pensiero italiano“.

²⁾ Многія статьи, помѣщенные въ этомъ журналѣ, вышли въ свѣтъ и отдѣльными брошюрами.

- Robinet. Notice sur l'œuvre et la vie d'Auguste Comte. 3 édit. Paris. 1891.
- Rocholl. Die Philosophie der Geschichte. 1878 u 1893.
- Rogers, Thorold. Economic interpretation of history (франц. пер.)
- Royer, m-me Clémence. Origine de l'homme et des sociétés. Paris. 1870.
- Rolando, A. Intorno all' indole ed al metodo della storia (Annuario della Acc. scientifico-litter. di Milano, 1895—96).
- Romanes, G. Mental evolution in man. Origine of human faculty. 1884.
- Ross, E. A. Social control (Am. Journ. of sociology. 1896).
- Roscher, Wilhelm. Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode. Göttingen. 1843.
- Rümelin, G. Ueber den Begriff eines socialen Gesetzes (Reden und Aufsätze, 1875).
- Ueber Gesetze der Geschichte (Reden und Aufsätze. Neue Folge, 1881).
- Sales y Ferré, Tratado de sociologia.
- Salvadori, C. Sociologia e sue applicazioni. Milano, 1885.
- Santa Maria de Paredes. El concepto de organismo social. 1896.
- Sasse, E. Das Zahlengesetz in der Völkerreizbarkeit, eine Anregung zur mathematischen Behandlung der Weltgeschichte. Brandenburg. 1877.
- Das Zahlengesetz in der Weltgeschichte (Vom Fels zum Meer, 1887—1888).
- Schäfer. Das eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. Jena. 1888.
- Geschichte und Culturgeschichte. 1891.
- Schäffle, Albert. Bau und Leben des socialen Körpers. Tübingen. 1875 sq.
- Ueber die Entstehung der Gesellschaft nach den Anschauungen einer sociologischen Zuchtwahltheorie (Vierteljahrsschrift für wissenschaft. Philosophie, 1877).
- Ueber Recht und Sitte vom Standpunkt der sociologischen Erweiterung der Zuchtwahltheorie (ibid. 1878).
- Schilder, Sigmund. Ueber Bedeutung des Genies in der Geschichte. Leipzig. 1894.
- Schitlowsky. Beiträge zur Geschichte und Kritik des Marxismus (Deutsche Worte, 1895—96).
- Schlosser, G. Fortschritt und Fortentwicklung im Kulturleben. 1887.
- Schmidt, Conrad. Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung (Der sozialistische Akademiker. 1896, №№ 7 u 8).
- Schmidt-Warneck, J. Social, socialistisch, sociologisch. Braunschweig. 1891.
- Die Sociologie im Umriss ihrer Grundprincipien. Braunschweig. 1889.
- Schömning. Ueber die Gesetze der Culturentwicklung. 1869.
- Schröder, E. Das Recht der Wirthschaft. 1896.
- Sdralek. Die Stellung der Geschichte zur Philosophie und Naturwissenschaft. Rektoratsrede. Münster, 1887.
- Sharp M'Kechnie. The state and the individual. Glasgow. 1896.
- Siciliani. La scuola popolare nella sociologia moderna. Genova. 1882.
- Socialismo, darvinismo e sociologia moderna. Bologna. 1885.
- Die Nothwendigkeit einer soc.-pol. Propädeutik. 2 Aufl. Berlin. 1885.
- Sidgwick. The historical method (Mind. 1886).
- Sighele. La foule criminelle. Essai de psychologie collective. 1892.
- Simmel, Georg. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Lpzg. 1892.
- Influence du nombre des unités sociales sur les caractères des sociétés (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
- Le problème de la sociologie (Rev. de métaphysique et de morale. 1894).

- Problem of sociology (American Academy. 1895).
- Superiority and subordination as subject-matter of sociology (Am. Journ. of sociology. 1896).
- Ueber sociale Differenzirung. 1890.
- Zur Methodik der Socialwissenschaft (Schmollers Jahrbuch).
- Zur Sociologie der Familie (Sonntagsbeilage der „Vossischen Zeitung“, 7 Juli 1895).
- Massenpsychologie (Die Zeit. 1895).
- Einleitung in die Moralwissenschaft.
- Simiaud, F. L'année sociologique française de 1896 (Revue de métaphysique et de morale. 1897).
- Sitta, Pietro. Le regolarità dei fenomeni sociali.
- Small, Albion W. An introduction to thy study of society. 1894.
- Sociology and economics (Journal of political economy. 1895).
- Static and dynamic sociology (Am. Journ. of sociology. 1895).
- The organic concept of society (American Academy. 1895).
- Small and Wincent. An introduction to the study of sociology. New-York. 1894.
- Smolikowski, S. Krytyczny obraz nowszych badań historyzoficznych (Bibl. warsz.. 1881).
- Sobek, Fr. Dějepis a psychologie kde a jak se stýkají (Progr. realného gymnasia v Chrudimi, 1879—80).
- Sociologie. Traité de l'équilibre et du mouvement des sociétés. P. 1882.
- Sommer, Hugo. Die positive Philosophie Auguste Comte's (Holtzendorff und Virchows Sammlung gemeinverst. wissenschaft. Vorträge, XX. Serie. Heft 480. Berlin. 1886).
- Spencer. Social statics. 1851.
- Essays, reprinted from periodicals. 1858—63 ¹⁾.
- First principles (1860—62).
- The classification of sciences to which are added reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte. 1864.
- The principles of Biology (1863—67), Psychology (1855), Sociology (1876—96), Morality (1879—1897).
- The study of sociology 1876.
- Descriptive sociology.
- The man versus the state. 1884.
- The relations of biology, psychology und sociology (Appletons popular science monthly, 1896).
- Springer, R. A. Comte und seine Philosophie (Deutsches Museum, 1867).
- Stammler, Rudolf. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine socialphilosophische Untersuchung. Lpzg. 1896.
- Starke. Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung. 1888.
- Steinthal. Philologie, Geschichte und Psychologie.
- Begriff der Völkerpsychologie (Zeitschrift für Völkerpsychologie. 1887).
- Steinmetz. Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. Leipzig. 1894.

¹⁾ Важнъ статья: The social organism, а также Progress, its law and causes.

- Quelques mots sur la méthode de la sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
- Steinhausen, G. Die Culturgeschichte und die deutschen Universitäten (Gegenwart, 1892).
- Professoren der Culturgeschichte (Zeitschr. für Culturgeschichte, 1895).
- Stern Einfluss der socialen Zustände auf alle Zweige des Culturlebens. 1889.
- Strada, J. La loi de l'histoire. Constitution scientifique de l'histoire. 1894.
- Tarde. Les traits communs de la nature et de l'histoire (Revue philosophique. 1882).
- Darwinisme naturel et darwinisme social (Rev. philosoph., 1884).
- La dialectique sociale (Rev. philosoph., 1888).
- Catégories logiques et institutions sociales (Rev. philosoph., 1889).
- Les lois de l'imitation. Etudes sociologiques. 1890.
- La foule criminelle (Essai de psychologie collective). P. 1892.
- Les transformations du droit. Étude sociologique. 1893.
- Les monades et la science sociale (Revue intern. de sociologie. 1893).
- Le transformisme social (Rev. philosoph., 1895).
- Sur l'idée de l'organisme social (Rev. philosoph., 1896).
- Essais et mélanges sociologiques. 1895.
- Logique sociale. 1895.
- La sociologie élémentaire (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
- Note sur les rapports de la biologie et de la sociologie (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Tche-k, O. Essai de Sociologie. Paris. 1884.
- Teixeira Bastos. Curso di philosophia positiva de A. Comte. 1883.
- Comte o positivismo. 1881.
- The american journal of Sociology, 1895 sq.
- The science of history (Westminster Review. 1881).
- Thon, O. The present state of sociology in Germany (Am. journ. of sociology. 1897).
- Toennies, Ferdinand. Erscheinungen der Sociologie aus den Jahren 1893 und 1894.
- Gemeinschaft und Gesellschaft. Lpzg. 1887.
- Historismus und Rationalismus (Arch. für system. Philosophie, I).
- Herbert Spencer's sociologisches Werk (Philos. Monatshefte, XXV).
- Werke zur Philosophie des socialen Lebens und der Geschichte (ibid., XXVIII—XXIX).
- Neuere Philosophie der Geschichte: Hegel, Marx, Comte (Arch. für Gesch. der Philosophie, VII).
- Tortori, Alfredo. La sociologia e il diritto commerciale.
- Trezza. Il darwinismo e le formazioni storiche (Rivista di filosofia scientifica. 1882).
- Tufts, J. H. Recent Sociological tendencies in France (Am. journ. of sociology, 1895).
- Twisten, Carl. Die religiösen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvölker. Berlin. 1872. (Во введеніи изложение философіи Конта).
- Lehre und Schriften Aug. Comtes (Preuss. Jahrbuch. 1872).
- Ueber die Auflösung der Arten durch natürliche Zuchtwahl. Oder die Zukunft des organischen Reiches mit Rücksicht auf die Culturgeschichte, von einem Ungenannten. Hannover. 1872.

- Ulmann. Ueber wissenschaftliche Geschichtsdarstellung (*Historische Zeitschrift*, 1885).
- Un docteur en droit. La sociologie et les facultés de droit (*Revue intern. de sociologie*. 1894).
- Usinger. Thomas Buckle (*Histor. Zeitschrift*, 1888).
- Vaccaro. La lotta per l'esistenza e i suoi effetti nel l'umanità. Roma. 1886.
- Vadala-Papale. Darwinismo naturale e darwinismo sociale. Torino. 1882.
- La sociologia, la filosofia de la storia, la filosofia del diritto. 1883.
- Programma critico di sociologia. Perugia. 1880.
- Prime linee di un programma critico di sociologia, Perugia. 1888.
- Vanni, Icilio. La filosofia del diritto in Germania et la ricerca positiva.
- Vida, J. La familia como celula. Madrid. 1887.
- Vignes, Maurice. La science sociale d'après les principes de Le Play et de son école. 1897.
- Villari. Filosofia positiva e il metodo storico (*Saggi di storia, di critica et di politica*. 1886).
- La storia è una scienza? (*Nuova Antologia*. 1891. *Нѣм. пер.* 1892).
- Vincent, G. E. The province of sociology. Syllabus of a course given by the author at the university of Chicaco in 1895 (*Am. journ. of sociology*. 1896).
- Vorländer, K. H. Spencer's Sociologie (*Zeitschr. für Philosophie und philosoph. Kritik*. CVIII).
- Waentig, H. Auguste Comte und seine Bedeutung für die Entwicklung der Socialwissenschaft. 1894.
- Ward Lester. Dynamic Sociology or applied social science. New-York. 1883.
- The physic factors of civilization. Boston. 1893.
- Ethical aspects of social questions ¹⁾.
- Psychologic basis of Economics.
- Social forces.
- Social genesis.
- Sociology and cosmology.
- Sociology and biology.
- Sociology and anthropology.
- Sociology and psychology.
- The data of sociology.
- The mechanics of Society.
- The place of sociology among the sciences.
- The principles of sociology.
- The purpose of sociology.
- Watson, John. Comte, Mill and Spencer. An outline of philosophy. Glasgow. 1895.
- Weisengrün, Paul. Die Entwicklungsgesetze der Menschheit. 1888.
- Verschiedene Geschichtsauffassungen. Lpzg. 1890.
- Weryho. Marx als Philosoph. Bern. 1895.
- Westermarck. History of human marriage. London. 1891 (*Нѣм. и франц. пер.*)
- Méthode pour la recherche des institutions préhistoriques (*Rev. intern. de sociologie*. 1897).
- Whewell. Comte and positivism (*Macmillan's Magazin*, 1866).

¹⁾ Следующія сочиненія Уорда помѣщены въ *Amer. journ. of sociology*.

- White. On studies in general history and the history of civilization. New-York, 1885.
- Windelband, W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg. 1894.
- Winter, G. Geschichte und Politik (Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte, 1889).
- Winwood Read. The martyrdom of man. 1872 (дарвин.).
- Wittaker, Th. A critical essay in the philosophy of history. 1894.
- Worms, Emile. L'avenir économique des sociétés (An. de l'Inst. int. de Sociologie. I. 1895).
- Worms, René. De natura et methodo sociologiae. 1894.
- . Organisme et société. 1896.
- . La sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
- . Sur la définition de la sociologie (Rev. int. de sociologie. 1893).
- . Essai de classification des sciences sociales (Rev. int. de sociologie. 1893).
- . La sociologie et l'économie politique (Rev. int. de sociologie. 1894).
- . L'organisation scientifique de l'histoire (Rev. int. de sociologie. 1894).
- . La science et l'art en matière sociale (An. de l'Inst. int. de sociologie. I).
- . Un laboratoire de sociologie (Rev. int. de sociologie. 1895).
- . Une faculté des sciences sociales (Rev. int. de sociologie. 1895).
- . La sociologie et le droit (Rev. int. de sociologie. 1895).
- . Les diverses conceptions de la sociologie (An. de l'Inst. int. de sociologie. II).
- . La sociologie et la morale (An. de l'Inst. intern. de sociologie. III).
- Wróblewska. Die gegenwärtige sociologische Bewegung in Frankreich mit besonderer Rücksicht auf G. Tarde (Arch. für Gesch. der Philosophie, 1896).
- Wundt. Ueber Ziele und Wege der Völkerpsychologie (Philosophische Studien. 1888).
- . Vorlesungen über Menschen- und Thierseele (Старое издание, гдѣ говорится объ общественности).
- . Logik. 2 Bd. Methodenlehre. Stuttgart. 1883.
- . Ueber den Begriff des Gesetzes (Philosophische Studien. 1886).
- Wyrouboff. La sociologie et sa méthode (Phil. posit., 1881).
- Zibr. Kulturní historie. Praha. 1892.
- Ziegler, H. E. Die Naturwissenschaft und die socialdemokratische Theorie. Ihr Verhältniss dargelegt auf Grund der Werke von Darwin und Bebel. Stuttgart. 1894.
- Zimmermann. Kant und die positive Philosophie (Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften, 1874).
- . Kant und Comte in ihrem Verhältniss zur Metaphysik. Wien. 1885.
- Zitelmann. Der Materialismus in der Geschichtsschreibung (Preussische Jahrbücher, XXXVII).
- Żychliński. Pogląd na historyczny rozwój idei postępu (Bibl. Warszawska. 1882).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Ан-скій, С. Идеализмъ и матеріализмъ въ исторіи (Нов. Слово, 1896).
- А-н—. Исслѣдованія о первобытномъ человѣчествѣ (по поводу „Основаній социологіи“ Спенсера. Вѣстн. Евр., 1876).
- Ардашевъ, П. Н. Психологія въ исторіи („Вопросы философіи и психологіи“, 1895).
- Исторія, какъ наука (Рус. Бог., 1896).
- Астафьевъ, П. Е. Смыслъ исторіи и идеалы прогресса. 1885.
- Бельтовъ, Н. Къ вопросу о развитіи монетическаго взгляда на исторію. 1895.
- Боборыкинъ, П. Попытка социологической системы (Рус. Мысль, 1897).
- Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англии.
- Б-скій, И. Нѣчто о диалектическомъ методѣ (Рус. Бог., 1895).
- Булгаковъ, С. О законѣмѣрности социальныхъ явленій (Вопросы философіи и психологіи, 1896).
- Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій (Нов. Слово, 1897).
- В. В. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ (Нов. Слово, 1895).
- В. К. Позитивизмъ въ русской литературѣ (Рус. Бог., 1889).
- Вагнеръ. О значеніи общественности въ развитіи животныхъ организмовъ (Рѣчи и протоколы VI сѣзда естествоиспытателей. Спб. 1880).
- Ватсонъ, Э. К. Огюсть Контъ и позитивная философія (Этюды и очерки. 1892).
- Виноградовъ, П. Г. Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи (Сѣверн. Вѣст., 1892).
- Вормсъ, Р. Общественный организмъ. 1897.
- Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. 1868 (Первое изд. книги, гдѣ есть, большой отдѣлъ объ общественности, выпущенный изъ второго изданія).
- Индивидуумъ и общество. Спб. 1896.
- Гѣксли, Ш. Эволюція и этика (Рус. Мысль, 1893).
- Глинка. Наука о человѣческомъ обществѣ. 1873.
- Гольцевъ, В. А. По поводу статьи г. Оболенскаго (Вопросы филос. и псих., 1896).
- Объ экономическомъ матеріализмѣ (Рус. Мысль, 1896).
- Историческая эволюція и психологическіе законы (тамъ же, 1895).
- Соціологія на экономической основѣ (тамъ же, 1893).
- Успѣхи общественныхъ наукъ (тамъ же, 1895).
- Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Спб., 1896.
- Гротъ, Н. Я. Къ вопросу о классификаціи наукъ (Рус. Бог., 1884).
- Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса. 1884.
- Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. 1895.
- Данилевскій, Н. Я. Россія и Европа. 1871.
- Дебольскій, Н. Г. Цѣль и значеніе классификаціи наукъ (Книжн. Вѣст., 1866).
- О диалектическомъ методѣ. Спб. 1872.
- О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Спб. 1886.
- Де-Роберти. Соціологія 1880.
- Де-Тувиль. Соціальная наука представляетъ ли науку? Спб. 1895.
- Д-овъ, И. Психологія преступной толпы (Рус. Мысль, 1894).

- Друммондъ. Прогрессъ и эволюція челоуѣка. 1896.
- Жиро-Телонъ. Происхождение семьи. 1876.
- Зиберъ, Н. Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ (Слово, 1879).
- Закъ, Л. Историческій материализмъ (Рус. Бог., 1895).
- Залшупинъ, А. Органическая теорія общества по ученію Краузе и Аренса (Рус. Богат., 1892).
- Залъскій. Сравнительный методъ въ исторіи и основныя инстинкты (Дѣло, 1872).
- Звѣревъ, Н. Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи. М. 1883.
- Зиберъ, Н. И. Новая попытка въ области социологіи (Юрид. Вѣстн., 1881).
- Сравнительное изученіе первобытнаго права (тамъ же, 84).
- Первобытная экономическая культура. 1883.
- Зигель, Ф. Ф. Исторія права (Юрид. Вѣстн., 1884—1836).
- И. Г. Социологія и право (Рус. Мысль, 1897).
- И. Н. К. Исторія, какъ наука (Рус. Мысль, 1895).
- Ивановскій, В. В. Социологія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія во Франціи (Рус. Мысль, 1896).
- Исаевъ А. О себялюбіи, какъ единственномъ двигателѣ въ общественной жизни (Сѣв. Вѣстникъ, 1894).
- По вопросу о развитіи общества (тамъ же, 1896).
- Юдль. Этика и политическая экономія. Спб. 1895.
- Горданскій, Н. Къ вопросу о теоріи общества (Рус. Бог., 1897).
- Каблицъ, І. Основы народничества. Спб. 1883—1893.
- Казанскій, С. П. Личный и общественный элементъ въ исторіи (Сборникъ правовѣдннхъ и общественныхъ знаній, т. VI. Спб. 1896).
- Каптеревъ. Толпа и отдѣльная личность (Образованіе, 1893).
- Карѣевъ, Н. Основныя вопросы философіи исторіи. Три изданія (1883, 1887 и 1897).
- Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1890.
- Историко-философскіе и социологическіе этюды. 1895 ¹⁾.
- Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ. 1896.
- Формула прогресса въ изученіи исторіи. Варшава. 1879.
- Моимъ критикамъ (Защита книги „Основныя вопросы философіи исторіи“). Варшава. 1884 ²⁾.
- Личное начало и роковыя силы въ исторіи. Спб. 1889.
- Философія исторіи и теорія прогресса (Знаніе. 1876).
- Замѣтка объ обществахъ животныхъ (Юрид. Вѣст., 1832).
- Къ вопросу о роли субъективнаго элемента въ социальныхъ наукахъ (тамъ же, 1884).
- Юриспруденція и теорія историческаго процесса (тамъ же, 1890).

¹⁾ Въ этой книгѣ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ социологіи имѣютъ статьи: Теоретическіе вопросы исторической науки. — Философія, исторія и теорія прогресса. — Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. — О субъективизмѣ въ социологіи. — Общество и организмъ. — Экономическій материализмъ въ исторіи. — Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.

²⁾ Въ этой книгѣ перечислены отдѣльные отвѣты автора его критикамъ, помѣщенные имъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. См. также дополненіе къ названной книгѣ: „Новые отвѣты критикамъ“ (Рус. Бог., 1890).

- Соціологія и соціальная етика (тамъ же, 1884).
- Теорія культурно-историческихъ типовъ (Рус. Мысль, 1889).
- Чѣмъ должна быть теорія прогресса (Рус. Бог., 1836).
- Источники историческихъ пережѣнь (тамъ же, 1892).
- Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи (тамъ же, 1894).
- Новая историческая теорія (Сѣв. Вѣстн., 1890).
- Задачи соціологіи и теоріи исторіи (Нов. Слово. 1897).
- Политическая экономія и теорія историческаго процесса (Историч. Обзор., II).
- Новый трудъ по теоріи исторіи (тамъ же, VIII).
- Экономическій матеріализмъ и закономерность соціальныхъ явленій (Вопросы филос. и психологіи. 1897).
- Программа соціологіи (Программы чтенія для самообразованія. Спб. 1895—1897).
- Катковъ, В. Къ теоріи общества (Рус. Бог., 1897).
- Каутскій. Очерки и этюды. 1895¹⁾.
- Возникновеніе брака и семьи. 1895.
- Кетле, А. Соціальная система и законы, ея управляющіе. Спб. 1866.
- Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики. Спб. 1865.
- Киддъ, В. Соціальное развитіе. 1897.
- Ковалевскій, М. М. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія права. 1880.
- Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. 1895.
- Соціологія и соціологи (Сборникъ въ пользу недостат. студ. Моск. унив. 1897).
- Программа государственнаго права (Программы чтенія для самообразованія. Изд. 2. Спб. 1896).
- Современный обычай и древній законъ. М. 1886.
- О методологическихъ приемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учрежденій (Юрид. Вѣстн., 1878).
- Козловъ, А. Тардъ и его теорія общества. 1886.
- Разборъ „Историческихъ писемъ“ Миртова-Лаврова (Знаніе. 1871).
- Коллинсъ. Философія Герберта Спенсера. 1892.
- Коркуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. 1883. (Есть и болѣе новыя изданія).
- Крживицкій. Генезисъ идей (Міръ Божій, 1897. Эком. мат.).
- Кудринъ, Н. На высотахъ объективной истины (Рус. Бог., 1895).
- Л. Д. С. Взгляды Шеффле на общество (Рус. Мысль, 1892)
- Лавдинскій. Новое направленіе въ исторической наукѣ (Ист. Вѣстн., 1893. Объ экон. мат.).
- Лакомбъ. Соціологическія основы исторіи. 1895.
- Леббокъ. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Нравственное и общественное состояніе дикихъ народовъ. 1871.
- Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. 1896.
- Левитскій, В. Ф. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890.

¹⁾ Здѣсь помѣщены статьи: Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ. — Общественные инстинкты у людей. (Другія статьи не имѣютъ прямого отношенія къ соціологіи).

- О свободѣ воли (тамъ же, 1884).
- Что такое прогрессъ (тамъ же, 1885).
- Наше учение о прогрессѣ (тамъ же, 1886).
- Въ области европейской мысли. Новости социологіи (Нов. Слово, 1896).
- Толпа и ея герои (тамъ же, 1896).
- Автономія чловѣка въ прогрессѣ и ея стадіи (Вопр. филос. и психол., 1895).
- Личное совершенствованіе и измѣненіе общественныхъ формъ (Рус. Мысль, 1893).
- Новая псевдонаука (Рус. Мысль, 1894).
- Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ (Вопросы филос. и психол., 1896).
- Основной вопросъ прогресса (Рус. Мысль, 1894).
- Человѣческое творчество и эволюція (тамъ же, 1894).
- Соціальныя предсказанія (тамъ же, 1892).
- Новый расколъ въ нашей интеллигенціи (Рус. Мысль, 1895).
- Зависимость общественнаго прогресса отъ чувствованій (тамъ же, 1894).
- Оршанскій, И. Г. Позитивизмъ и контизмъ (Зап. Харьк. Универс., 1893).
- Павловскій, Н. Классификація наукъ (Отеч. Зап., 1871).
- П—въ, Н. Мысли Милля о позитивной философіи Конта (Отеч. Зап., 1865).
- Петрушевскій, Д. М.
- Писаревъ, Д. И. Историческія идеи Ог. Конта (Сочиненія).
- Попада. Современныя ученія о происхожденіи семьи, общества и государства. 1897.
- Позитивистъ. Г. Слонимскій и социологія. Казань. 1889.
- Полатика, И. Критика философской системы Конта. Спб. 1873.
- Рашковскій, Н. С. Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики. Одесса. 1889
(По поводу полемики съ Слонимскимъ).
- Ромэнсъ. Умъ животныхъ. Спб. 1886 (Есть между прочимъ объ общественности животныхъ).
- Рюмелинъ, Г. Что такое социальный законъ? (Изд. Бейленсона и Юровскаго).
- Сергѣевичъ, В. И. Задача и метода государственныхъ наукъ. 1871.
- Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. 1883. Введеніе.
- Сигеле. Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. 1893.
- Слонимскій, Л. Законы исторіи и социальный прогрессъ (Вѣстн. Евр. 1883).
- О теоріяхъ прогресса (тамъ же, 1888).
- Мнимая социологія (тамъ же, 1889).
- Основные вопросы политики.
- Случевскій, В. К. Толпа и ея психологія (Книжки Недѣли, 1893).
- Смоликовскій, С. Ученіе Огюста Конта объ обществѣ. 1881.
- Изложеніе началъ позитивной философіи и социологіи Конта. 1886.
- С—нъ, Николай. Существуютъ ли законы исторіи? (Научное Обзорніе, 1896).
- Спенсеръ. Опыты.
- Основные начала.
- Классификація наукъ. 1866 (Перепечатана въ книгѣ: Милль, Спенсеръ и Уордъ. О. Контъ и позитивизмъ).
- Социологія, какъ предметъ изученія. 1896 (старое изданіе: Изученіе социологіи. 1874—75).
- Основанія социологіи. 1877.
- Начала социологіи. 1880.

- Описательная соціологія или группы соціологических фактовъ (Англія).
Кіевъ. 1880.
- Развитие политическихъ учреждений. 1882.
- Грядущее рабство. Спб. 1884.
- Научныя основанія нравственности. 1896.
- Стронинъ. Исторія и методъ. 1869.
- Политика, какъ наука. 1872.
- Исторія общественности. 1885.
- Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи
Россіи. 1894.
- Новая книга Гумпловича („Рус. Богат.“, 1892).
- Свобода и историческая необходимость. (Вопросы философіи и психоло-
логіи. 1897).
- Еще о свободѣ и необходимости. (Новое Слово. 1897).
- Т—е, Евг. Проклятые вопросы и ученые отвѣты (по поводу „Соціологін“
Чичерина. Нов. Слово, 1896).
- Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб. 1892.
- Преступленія толпы. 1893.
- Общественная логика въ области чувствъ (Научн. Обзор., 1894,
№ 10).
- Тимирязевъ, К. А. Историческій методъ въ биологіи (Рус. Мысль, 1894).
- Трачевскій, А. С. Предисловіе къ книгѣ Вормса „Общественный организмъ“
(взглядъ на современную соціологію).
- Туганъ-Барановскій, М. И. Значеніе экономического фактора въ исторіи
(Мірѣ Божій, 1895).
- Экономическій факторъ и идеи (Мірѣ Божій, 1897).
- Уордъ, Л. Психические факторы цивилизаціи. 1896.
- См. Милль, Спенсеръ, Уордъ.
- Ушаковъ, С. Нѣсколько словъ въ защиту экономического матеріализма (Рус.
Мысль, 1896).
- Фикъ. Теорія Дарвина на юридической почвѣ (Знапіс, 1872).
- Фриманъ. Сравнительная политика. 1880.
- Фулье. Современная наука объ обществѣ. 1895.
- Хлѣбниковъ, Н. И. Новыя явленія нашей позитивистической и дарвини-
стической литературы (Кіевскія Унив. Извѣстія, 1880).
- Цивилизація, формы ея происхожденія, развитія и причины ея паденія
(тамъ же, 1878).
- Что такое цивилизація? (тамъ же, 1878).
- Чернышевскій, Н. Г. Антропологическій принципъ философіи (Современ-
никъ, 1860).
- Чичеринъ, С. Н. Соціологія (Курсъ государственной науки, часть II). 1896.
- Чупровъ, А. И. Статистика, какъ связующее звено между естествознаніемъ
и обществовѣдѣніемъ (Сборн. правовѣдѣнія и обществ. знаній, т. III
Спб. 1894).
- Шелгуновъ, Н. Историческая сила критической личности (Дѣло, 1870).
- Яроцкій, В. Г. Отношеніе личности къ государству съ точки зрѣнія Спенсера
(Сѣв. Вѣстн., 1885).
- Односторонняя теорія экономического развитія (Нов. Слово, 1895).
- Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. 1896.
- Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ.

Южакъ, С. Соціологическіе этюды. 1891 и 1896.

——— Общежитіе и обществовѣдѣніе. (Рус. Бог., 1895).

——— Дневникъ журналиста (Рус. Бог., 1895, XI—XII. Обѣ изученіи соціологін
и программа соціологін).

Юзовъ Соціологическіе этюды. 1893 (См. Каблицъ).
